98

4

Инв. № 987

1

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXXII. — ТОМЪ CDXVIII. — 1/14 МАРТА 1907.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

16010

49 г.

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

март

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1907

3609

„ДНЕВНИКЪ“
ГРАФА П. А. ВАЛУЕВА

1880-ый годъ.

Октябрь *).

3 октября. — Коммиссія прошеній. Вечеромъ, по желанію графа Лорисъ-Меликова—у него, съ 9-ти до 3/4 10-го часа. Онъ завтра ѣдетъ въ Ливадію съ Цесаревичемъ. Три или четыре недѣли онъ безъ всякой надобности лицемѣрилъ: разрѣшеніе ѣхать уже тогда было испрошено и получено черезъ Цесаревича, а еще въ прошлый вторникъ онъ меня увѣрялъ,—хотя, конечно, не увѣрилъ,—что онъ не ѣдетъ.

Впечатлѣнія сегодня не только прискорбныя, но жалкія. И побѣдитель Карса выходитъ въ Хлестаковы. Невообразимъ сумбуръ въ рѣчахъ и понятіяхъ, и все переплетено придворною стрункою. На столѣ разбросаны телеграммы отъ Высочайшихъ особъ; онъ ихъ прочитываетъ, вамъ на нихъ указываетъ; забалтывается до того, что говоритъ: „вотъ, я сейчасъ при васъ получу; онѣ обыкновенно въ этотъ часъ приходятъ“ (textuel), и т. п. Отъ одного предмета—безпрерывные и безпорядочные скачки къ другому. Все время видно, что онъ играетъ роль, рисуется, принаряжается маскараднымъ нарядомъ. И это побѣдитель Карса! Человѣкъ съ дѣйствительными качествами и достоин-

*) См. выше: февраль, стр. 449.

ствами! Человѣкъ, бывшій военнымъ и сохраняющій военныя чувства! Что̀ изъ него сдѣлалъ дворцовый воздухъ! Не выдержалъ придворныхъ любезностей и ѳиміама пошлыхъ льстецовъ или эксплуататоровъ его вліянія!

Я не могу забыть зрѣлища, которымъ онъ меня подарилъ. Въ теченіе $^3/_4$ часа рѣчь о всемъ возможномъ,—и ни одного толковаго, и ни одного *правдиваго* слова. Онъ все время колобродилъ и лгалъ. Печать, финансы, голодъ, желѣзныя дороги, солевозный трактъ, Ливадія, Государь, княгиня Юрьевская, Цесаревичъ, освященіе Петровскаго училища и какого-то фундамента при Георгіевской общинѣ, рѣчь священника, дождь, простуда, какое-то болѣніе,—не мѣшающее выѣзду, — принужденіе выѣхать, Кахановъ, Абаза, Грейгъ, Побѣдоносцевъ, Букеевская орда, пухнущіе отъ голода киргизы, ошибка саратовскаго губернатора по отпуску денегъ земству, головомойка ему, безотвѣтность Посьета, управляющій царскосельскою желѣзною дорогою Іолшинъ, какое-то происшествіе на пути съ вспыхнувшимъ на рельсахъ огнемъ подъ товарнымъ поѣздомъ, неудавшійся прежній подкопъ на Александровской станціи, разномысліе съ Бунге по желѣзнодорожному фонду, и проч., и проч. И все это въ $^3/_4$ часа, при прочитываніи августѣйшихъ телеграммъ! Словно передо мною танцовалъ ученый медвѣженокъ пѣстунъ, или танцовала ученая птица! При всемъ томъ—лукавства много, но прозорливость посредственная. Замѣчанія изъ Ливадіи насчетъ печати щекотятъ и тревожатъ. Отправляясь въ путь туда, сочтено не лишнимъ взять съ собою на дорогу предостереженіе какой-нибудь газетѣ, и оно дано „Новому Времени“ за неприличную статью о министрѣ финансовъ. Главное управленіе по дѣламъ печати во всякомъ случаѣ родило доношеннаго ребенка; оно съ нимъ носилось 9 ть мѣсяцевъ. По этому поводу мнѣ пришлось выслушать повтореніе всего, что̀ я уже слышалъ во вторникъ, и еще разъ убѣдиться, что свистъ армянскаго сокола не природный, а насвистанный лисою-Абазою свистъ, и что свистъ самого Абазы — не что̀ иное, какъ сконцентрированный свистъ Краевскаго, Бильбасова, Суворина и tutti quanti.

Меня графъ Лор.-Меликовъ просилъ къ себѣ собственно для того, чтобы добыть затерянный или заложенный имъ текстъ Высочайшаго повелѣнія о томъ особомъ совѣщаніи по дѣламъ печати, въ которомъ я имѣю предсѣдательствовать. Теперь обнаруживаются по этой части особая заботливость и торопливость. Все по случаю разныхъ „изъ Ливадіи“ и „въ Ливадію“.

Я сказалъ, что прозорливость не по плечу лукавству. Явно,

что меня не жалуютъ, даже нѣсколько остерегаются или опасаются; но явно и то, что, не давая себѣ точнаго отчета о себѣ самомъ, не догадываются вполнѣ и о томъ, гдѣ и что я вижу, и какую думу думаю.

8 октября.—Вчера—комитетъ министровъ. Пустое засѣданіе. Кахановъ уже занималъ мѣсто уѣхавшаго графа Лор.-Меликова. Фокусъ его отбытія разыгранъ, и при этомъ еще сочиненъ и исполненъ фокусъ особаго телеграфическаго донесенія Государю о предостереженіи, данномъ „Новому Времени“. Какое событіе! Самодержцу всероссійскому такъ необходимо было о немъ извѣститься по телеграфу! Dans tous ces manèges—немало пересола.

Сегодня кончилъ „Лорина“. Благодаря Бога довелъ до конца прерывавшуюся два раза трудную работу.

Плоды лживой и вредной системы нашихъ умиротворителей начинаютъ созрѣвать. Въ здѣшнемъ университетѣ начинаются новыя волненія между студентами.

10 октября.—Коммиссія прошеній. Третій день санный путь. Рано.

Ко мнѣ пріѣзжалъ князь Волконскій, попечитель учебнаго округа, явно для разсказа—въ видахъ личнаго огражденія на случай—того, что происходитъ въ университетѣ. Оказывается, что новый министръ три дня уже торгуется со студентами. Разрѣшили открыть читальню; обѣщали столовую. Правила, изданныя въ прошломъ году, отчасти по *настоянію* графа Лор.-Меликова въ роли харьковскаго генералъ-губернатора, нынѣ пересматриваются, но не исполняются. Мы теперь далеко можемъ уйти по этому пути.

Былъ у меня возвратившійся министръ финансовъ. Именинникъ! Il est des gens qu'il est bien difficile d'épauler, ou de mettre en garde.

11 октября.—Выѣзжалъ утромъ. Былъ въ прежнемъ III-мъ отдѣленіи, у барона Веліо. Засталъ тамъ князя Волконскаго. Не подалъ вида, что онъ вчера былъ у меня.

13 октября.—Не былъ въ государственномъ совѣтѣ. Глупо бывать.

Слышалъ, что засѣданіе продолжалось приблизительно десять минутъ.

Говорятъ, что графъ Лорисъ-Меликовъ возвращается на будущей недѣлѣ. Если, что вѣроятно, ему данъ consilium возвращенія, то—хорошій признакъ.

Здѣсь—прежняя неурядица въ верхнемъ этажѣ. Les locataires s'entendent peu dans les deux sens.

14 октября. — Комитетъ министровъ. Обѣдалъ у принца Ольденбургскаго.

Маковъ взволнованъ дошедшими до него разсказами о томъ, что будто бы извѣстная клика работаетъ надъ вопросомъ о возсоединеніи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ министерства почтъ, и проч., и о замѣнѣ меня, въ комитетѣ министровъ, графомъ Лорисъ-Меликовымъ, съ соединеніемъ предсѣдательства со званіемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Макову также сообщено, что замѣна Грейга Абазою—дѣло рѣшенное. Все это возможно и даже вѣроятно; но я не думаю, que toutes les poires soient mûres. Сабуровъ отправился въ Ливадію. Вѣроятно, для себяобѣленія.

17 октября. — Вчера Маковъ былъ у меня, для сообщенія телеграммъ, изъ которыхъ видно, что въ Ливадіи что-то готовится. Абаза телеграфировалъ Государю о полученіи какихъ-то бумагъ и о готовности выѣхать чрезъ три дня, а графу Лорисъ-Меликову (онъ теперь на пути сюда)—что полагаетъ съ нимъ видѣться до отъѣзда. По всей вѣроятности, дни Грейга сочтены. Въ „Новомъ Времени" напечатана загадочная замѣтка о какихъ-то въ Ливадіи утвержденныхъ шести докладахъ гр. Лорисъ-Меликова. Все это характеристично и напоминаетъ о Царьградѣ.

18 октября.—Судя по толкамъ изъ лагеря господствующей клики, судьба Грейга рѣшена. Даже Бунге, говорятъ, слетаетъ, чтобы на его мѣсто прыгнулъ famulus Домонтовичъ. Сегодня утромъ Michel I долженъ возвратиться. Вѣроятно, сегодня же что-нибудь опредѣлительно выяснится. До мая еще далеко; но мои предвидѣнія, кажется, оправдываются.

19 октября.—Графъ Лорисъ-Меликовъ прибылъ вчера. Юзефовичъ говорилъ князю Голицыну, что въ 1 ч. дня должно было состояться окончательное объясненіе между графомъ Лорисъ-Меликовымъ и Абазою. Грейгъ, котораго я вновь предупредилъ, былъ у меня въ 3 ч., и не вѣритъ еще, но встрево-

женъ. Въ сущности, онъ невозможенъ по неподатливости ума и самоувѣренности, болѣе или менѣе наивной; но процедура перемѣны, со стороны Michel I et son souffleur, непригожа. Получилъ отвѣтъ отъ Гирса. Несмотря на обычную сдержанность и мягкость, — въ письмѣ онъ говоритъ, qu'il a étudié l'homme, qu'il n'est pas un homme ordinaire, qu'il pourra même avoir été utile, mais qu'il faut éspérer que le météore ne sera pas de longue durée.

20 октября.—Вчера графъ Лорисъ-Меликовъ былъ у меня. Смѣсь „амбарраса“ и развязности. Передалъ отъ Государя порученіе спѣшить вопросомъ о печати и назначить Побѣдоносцева членомъ комитета министровъ. Говорилъ о разныхъ предметахъ, между прочимъ о злополучной, повидимому, яхтѣ „Ливадія“, которая, по его мнѣнію, можетъ обратиться въ быть или не быть для великаго князя генералъ-адмирала. Наконецъ, вставши, онъ проронилъ два слова о томъ, что Абаза въ тотъ же вечеръ уѣзжаетъ. — Куда? — спросилъ я добродушно. — „Въ Ливадію; Государь пожелалъ съ нимъ видѣться“.—Слѣдовательно, онъ принимаетъ? — „Это рѣшится въ Ливадіи“. Рѣшено здѣсь, подумалъ я, потому что поѣздка во всякомъ случаѣ рѣшаетъ судьбу нынѣшняго министра; но такъ какъ при сообщеніи мнѣ этого извѣстія не было никакихъ признаковъ откровенности, а только фразеологія о томъ, что моему сіятельству и проч. — такъ конфиденціально говорится,— то я продолжалъ разговоръ не тѣмъ, что̀ думалъ, а тѣмъ, что̀ по удобству приходилось. Наконецъ, графъ уѣхалъ, — и безъ казаковъ на этотъ разъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ, въ отвѣтъ на мой вопросъ, когда объ этомъ сообщено Грейгу,—что у него былъ Абаза третьяго дня, а потомъ онъ самъ былъ у графа Лорисъ-Меликова.

Итакъ, свершилось. Бѣднаго Грейга жаль, въ виду формы паденія. Повторяю, что онъ былъ невозможнымъ министромъ финансовъ; но кто же его выбралъ и держалъ? И къ чему такая торопливость? Почему его не предупредили и не дали возможности, ради приличія, самому отпроситься? Въ особенности для него чувствительно то, что Государь, бывши такъ ласковъ къ нему лѣтомъ, его теперь такъ спустилъ чужими руками изъ Ливадіи, и что его cher ami Абаза, тихонько условившійся занять его мѣсто, заявилъ ему объ этомъ не ранѣе какъ наканунѣ отъѣзда въ Ливадію. Повторяю и то, что всѣ такіе пріемы — „константинопольскаго“ свойства.

21 октября.—Вчера—въ государственномъ совѣтѣ. Отъѣздъ Абазы произвелъ впечатлѣніе; но менѣе, нежели можно было предположить. Между канцелярскими головами преимущественно толки о доказываемой этимъ силѣ графа Лорисъ-Меликова. Заѣзжалъ къ нему для отданія визита. Въ его кабинетѣ впечатлѣніе вродѣ тогдашнихъ вечернихъ. У меня вечеромъ былъ Грейгъ. Весьма приличенъ, простъ, сердеченъ и добродушенъ, хотя у него вырвалось слово: „trahison". Изъ его словъ видно, что съ нимъ разыграна подобающая комедія. Абаза „avait l'air abîmé". Графъ Лорисъ-Меликовъ говорилъ ему, будто главнымъ дѣятелемъ въ призывѣ Абазы и т. д. былъ Цесаревичъ (?). Послѣ Грейга была Нелидова. Она говорила о pauvre ami на дорогѣ въ Ливадію и о возможности отклоненія имъ тяжкой ноши. Узкость горизонта Грейга и его неумѣнье давать себѣ точный отчетъ въ своемъ положеніи и себя самого правильно оцѣнивать—все-таки бросаются въ глаза.

22 октября.—Вчера—комитетъ министровъ. Грейгъ присутствовалъ и былъ—по attitude — великолѣпенъ, по высказаннымъ сужденіямъ о продовольственномъ кризисѣ—на обычномъ, упрямо низкомъ уровнѣ. Жалѣть о его уходѣ невозможно. Графъ Лорисъ-Меликовъ, по тому же вопросу, разсудителенъ, но опять явно неумѣлъ. Около него роятся нѣкоторые члены съ такимъ усердіемъ, что роль временщика ему усвоивается ими болѣе, нежели имъ самимъ.

Мои ощущенія постоянно соотвѣтствуютъ словамъ: gliding down, раствореніе, разложеніе, приниженіе, effondrement.

О яхтѣ „Ливадія" дурныя вѣсти. Плохо приходится великому князю генералъ-адмиралу.

Былъ у Макова. Онъ боленъ флюсомъ, физически, и своею déchéance—нравственно.

24 октября.—Вчера, у меня,—предварительное совѣщаніе по дѣлу о печати. Графъ Лорисъ-Меликовъ, Н. Абаза и, подъ конецъ, Каханов. Трудно вообразить апломбъ и себялюбіе графа Лорисъ-Меликова, рядомъ съ полунаивною неумѣлостью. Ему во что бы то ни стало хочется избавиться отъ дѣла съ печатью: подъ фирмою законности онъ желаетъ все передать министерству юстиціи и подчинить судебному вѣдомству, причемъ даже и въ отношеніи къ формамъ суда нѣтъ ни одной правильно установившейся мысли и даже ни одного яснаго понятія. Онъ, очевидно, насвистанъ Абазою и воображаетъ, что самъ—авторъ мелодіи и поетъ ее какъ хитрый артистъ.

О яхтѣ „Ливадія“ получены самыя неблагопріятныя вѣсти частнымъ путемъ. Великій князь генералъ-адмиралъ—въ большомъ затрудненіи. Сидѣть тамъ, въ Ферролѣ, и каботажно идти далѣе при хорошей погодѣ, или ѣхать обратно съ повинною. Finis Popovianae! Конецъ, вѣроятно, и самого „Кости“, по части государственнаго значенія и вреда.

25 октября.—Вчера былъ у меня Н. Абаза. Pfifficus низкаго покроя. Выдерживаю со всей кликой мою трудную роль. Написалъ Каханову конфиденціальную записку, которой копію у себя оставилъ. Былъ въ коммиссіи прошеній.

Признаюсь, что беззастѣнчивое самъ себѣ на умѣ и о себѣ одномъ забота со стороны Michel I превосходитъ мои ожиданія.

26 октября.—Вчера цѣлый день дома. У меня былъ Адикаевскій, изъ управленія печати. Странно, что при всей очевидной недобросовѣстности и недоброжелательности, чтобы не сказать болѣе, его патроновъ ко мнѣ, они очень осторожны и въ конечномъ результатѣ мало увѣрены. Продолжаютъ распространять на всѣ лады слухи о моемъ уходѣ; но, кажется, сами тому не вѣрятъ. Между тѣмъ, уже поторопились напечатать въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ о началѣ нашихъ совѣщаній. Все та же система барабанной рекламы.

27 октября.—Вчера—у обѣдни. Позже не выѣзжалъ. Пытаюсь приняться за новую работу.

У меня были Тимашевъ, вернувшійся изъ отпуска, и Кахановъ, вслѣдствіе моей записки. Замѣчательно мало заботы собственно о дѣлѣ печати, и замѣчательно много—объ отношеніи министерства внутреннихъ дѣлъ къ этому дѣлу.

Въ субботу начался большой политическаго свойства процессъ о разныхъ покушеніяхъ на жизнь Государя (2-го апрѣля, 19-го ноября, 5-го февраля) и другихъ крамолахъ.

28 октября.—Вчера выѣзжалъ утромъ. Былъ у принца Ольденбургскаго, чтобы избавиться отъ званія соучредителя въ его „Обществѣ международнаго права“. Ко мнѣ пріѣзжалъ графъ Лорисъ-Меликовъ. Не совсѣмъ понимаю причину визита и разные épanchements дружелюбнаго свойства. Все бранитъ печать, но не дѣйствуетъ. Говорилъ о политическомъ процессѣ. Считаетъ нѣкоторыя казни необходимыми; но баронъ Веліо—другого мнѣнія, по его словамъ. Онъ будто находитъ, что преступленія

принадлежатъ къ другому времени, т.-е., вѣроятно, до avénement режима замиренія. Графъ Лорисъ-Меликовъ ничего не сказалъ объ Абазѣ, а между тѣмъ я знаю, черезъ Макова, что онъ получилъ отъ него телеграмму, и что указъ объ Абазѣ подписанъ. Вечеромъ былъ Грейгъ, который ничего не знаетъ и къ Государю ничего о себѣ не писалъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ настоялъ, чтобы я телеграфировалъ Государю отъ себя о назначеніи Каханова и оставленіи Макова членами совѣщанія по дѣламъ печати.

Яхта „Ливадія" окончательно оставляется въ Ферролѣ до „греческихъ календъ". Великій князь генералъ-адмиралъ возвращается сушью. На этотъ разъ, кажется, конецъ Константиновскому режиму.

29 октября.—Вчера—комитетъ министровъ. Указъ о назначеніи Абазы подписанъ, какъ видно изъ сообщенной мнѣ графомъ Лорисъ-Меликовымъ Высочайшей телеграммы, 27-го числа. Грейгу оффиціальнаго увѣдомленія не было; но по его лицу мнѣ вчера показалось, что онъ получилъ извѣщеніе отъ Абазы. Во всякомъ случаѣ странный пріемъ. Видѣлъ вернувшагося изъ Ливадіи Сабурова. По лицу не угадаешь, что̀ тамъ съ нимъ было. Пріѣзжалъ князь Ливенъ. Nerveux.

30 октября.—Вчера первое засѣданіе совѣщанія по дѣламъ печати. Записка Н. Абазы до наглости извращаетъ положеніе дѣла. Но все предрѣшено въ понятіяхъ графа Лорисъ-Меликова. Насколько онъ искрененъ, не разгадываю. Тезисъ судебнаго преслѣдованія и отслоненія министерства внутреннихъ дѣлъ отъ непріятной обязанности сдерживать печать поставленъ такъ, что онъ непремѣнно долженъ одержать верхъ. Впрочемъ, дѣйствующій законъ отмѣненъ уже de facto, ибо министерство внутреннихъ дѣлъ его не примѣняетъ. Слѣдовательно, не будетъ бѣды въ его отмѣнѣ de jure. Я воздержался, на первый разъ, отъ всякой аргументаціи, и только изложилъ, въ вступительной рѣчи, очеркъ хода дѣлъ печати съ 1861 года. Князь Урусовъ и Побѣдоносцевъ видятъ, въ чемъ дѣло, и ужасаются, но противиться не могутъ или не рѣшаются. Маковъ связанъ, отчасти, своимъ собственнымъ неудачнымъ прошедшимъ и щекотливостью нынѣшняго положенія. Фришъ не можетъ не говорить за юстицію. Кахановъ и Сабуровъ вторятъ министру внутреннихъ дѣлъ. Когда подъѣдетъ Абаза, то и онъ будетъ рѣшительно тянуть въ ту же сторону. Alea jacta. Но не надолго, вообще, нынѣшній правительственный строй! Остается—cura pro domo sua.

31 октября.—Ночью состоялся приговоръ по политическому процессу. Вчера по этому поводу пріѣзжалъ графъ Лорисъ-Меликовъ. Вопросъ о смертныхъ казняхъ его тревожитъ. Генералъ Костанда, конфирмующій приговоръ, и баронъ Веліо, присутствовавшій при всѣхъ засѣданіяхъ—противъ казней. Самому графу Лорисъ-Меликову также ихъ не хочется; но онъ опасается истолкованія ихъ отмѣны, особенно въ Ливадіи. Сильное колебаніе видно изъ вторичнаго по этому поводу визита. На мой взглядъ, ему высказанный, одинъ Прѣсняковъ составляетъ затрудненіе. Государю можно миловать за себя; но удобно ли миловать убійцъ его слугъ? Прѣсняковъ убилъ человѣка при арестѣ.

Не выѣзжалъ вчера, кромѣ вечера. Читалъ у Сольскихъ конецъ „Лорина“.

Ноябрь.

1 ноября.—Вчера—коммиссія прошеній. Былъ въ Николаевскомъ институтѣ. Вечеромъ заѣзжалъ Грейгъ. Онъ все еще безъ оффиціальной вѣсти о своемъ увольненіи, хотя Абаза телеграфировалъ ему о томъ въ условныхъ выраженіяхъ, а товарищу министра, Бунге, оффиціально. Князь Лобановъ спрашиваетъ меня, изъ Лондона, правда ли, что я назначаюсь на его мѣсто?! Вотъ до чего мы дошли. Вѣримъ всему и ничему не вѣримъ.

3 ноября. — Выѣзжалъ вчера для разныхъ визитовъ. Указы объ увольненіи Грейга и назначеніи Абазы вчера напечатаны въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Грейгъ заѣзжалъ утромъ. Продолжаетъ держать себя съ большимъ достоинствомъ. Абаза пріѣхалъ. По словамъ Макова, въ числѣ поставленныхъ имъ „условій", будто бы, значилось какое-то подчиненіе ему государственныхъ имуществъ и путей сообщенія.

4 ноября.—Вчера былъ въ государственномъ совѣтѣ. Графъ Лорисъ-Меликовъ сообщилъ, что помилованія (т.-е. коммутаціи), относительно двухъ осужденныхъ, Квятковскаго и Прѣснякова, не послѣдовало. Первый изъ нихъ признанъ соучастникомъ взрыва 5-го февраля, и потому подходящимъ подъ мотивъ, мною обозначенный для второго. Графу Лорисъ-Меликову этого очевидно не хотѣлось, и онъ, въ своей телеграммѣ въ двѣ тысячи словъ, положился, какъ мнѣ сказалъ, на „мудрость" Государя.

5 ноября. — Приговоръ исполненъ, въ крѣпости, вчера, въ 8 ч. утра.

Былъ въ комитетѣ министровъ. Видѣлъ новаго министра финансовъ. Странно, но онъ, очевидно, тѣшится тѣмъ, что онъ—министръ. При этомъ мнѣ показалось, что твердыхъ идей, по финансовой части, нѣтъ, и, слѣдовательно, внутреннее настроеніе—„амбаррасъ"; но внѣшняя вывѣска—сознаніе трудности принятой на себя *съ самоотверженіемъ* задачи.

Оказывается, что между двумя конфедератами улетучилась на время идея о рескриптѣ или какомъ-нибудь другомъ знакѣ вниманія Грейгу. Графъ Лорисъ-Меликовъ поручилъ Абазѣ о томъ сказать въ Ливадіи; но Абаза думалъ, что графъ Лорисъ-Меликовъ напишетъ къ Государю. Ни того, ни другого, при исключительно личныхъ преоккупаціяхъ не случилось. Вчера графъ Лорисъ-Меликовъ разсудилъ мнѣ о томъ сообщить, и даже снизошелъ посовѣтоваться, какъ поправить, по телеграфу ли, или дождавшись своей предстоящей новой поѣздки въ Ливадію. Онъ хотѣлъ просить Абазу спросить Грейга, что̀ онъ предпочитаетъ?!

6 ноября. — Вчера не выѣзжалъ. Происходило, въ моей библіотекѣ, засѣданіе особаго совѣщанія по дѣламъ печати, съ приглашеніемъ, для выслушанія gravamina et desiderata, семи представителей журналистики, гг. Стасюлевича, Краевскаго, Салтыкова, Гилярова-Платонова, Суворина, Полетики и Комарова. Обошлось чинно. Длинную, но блѣдную рѣчь изъ общихъ мѣстъ сказалъ Стасюлевичъ. Замѣчательно, для опредѣленія уровня оцѣнокъ, что члены совѣщанія ею были довольны. Претензіи высказаны — извѣстныя. Послѣ ухода приглашенныхъ „публицистовъ“ — пространный обмѣнъ мнѣній между членами совѣщанія, кромѣ меня. Я воспользовался позднимъ часомъ, чтобы резервировать изложеніе оттѣнковъ моего взгляда, и предстоящимъ отъѣздомъ графа Лорисъ-Меликова въ Ливадію, чтобы отодвинуть движеніе дѣла по существу до возвращенія Государя, предложивъ между тѣмъ возложить на меня, при содѣйствіи князя Урусова, Фриша и Н. Абазы, составленіе перваго наброска желаемыхъ новыхъ общихъ началъ. Хотя и учрежденіе совѣщанія, и приглашеніе представителей печати состоялись по моей иниціативѣ, — я веду дѣло совсѣмъ иначе, чѣмъ предполагалъ его вести въ іюлѣ. Оказалось, что при данныхъ условіяхъ полная свобода печати предрѣшена. Остается изыскивать способы и средства сдѣлать ее по возможности менѣе вредною. Еще вчера министръ внутреннихъ дѣлъ говорилъ фразы вродѣ того, что „печать необходима какъ воздухъ“, и что при новыхъ законахъ и помощи суда журналисты будутъ сидѣть въ „кутузкахъ“ и ходить въ „сибиркахъ“. Новый министръ финансовъ говорилъ объ „обществѣ“ и „законности“ какъ журналистъ. Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати — за-одно съ публицистами. Кахановъ — адъютантъ графа Лорисъ-Меликова, но смышленый и осторожный. Сабуровъ тянетъ въ ту же сторону. Побѣдоносцевъ — русскій китаецъ. Князь Урусовъ еще вѣритъ въ пользу „внушеній“, но

оппонировать не можетъ. Остаются Маковъ, Фришъ и я, съ дифференціалами. Только въ дифференціалахъ теперь и можетъ быть дѣло.

8 ноября.—Третьяго дня заѣзжалъ къ графу Лорисъ-Меликову по случаю годовщины Карса. Былъ свидѣтелемъ трогательной семейной сцены. Младшая дочь, три мѣсяца не владѣвшая ногами, вдругъ встала съ постели, и мать вошла въ кабинетъ отца, чтобы ему сказать: „Соня ходитъ!"

Узналъ отъ графа Лорисъ-Меликова, что вскорѣ появится указъ объ отмѣнѣ соляного акциза. Das war der Kern des Abazaschen Pudels. Совершенно въ духѣ системы. Желаю успѣха.

Вчера—коммиссія прошеній. Въ честь годовщины 1824 года вода поднялась выше колецъ, но потомъ быстро спала.

На дняхъ принялся за переписку моего „Дневника" съ 1869 года.

10 ноября. — Ни въ субботу, ни въ воскресенье не выѣзжалъ; только былъ вчера у обѣдни. Нездоровится. Мысль о внезапной кончинѣ меня тревожитъ. Привожу бумаги въ порядокъ, чтобы въ такомъ случаѣ домашніе могли ими безъ затрудненія распорядиться.

Общій ходъ дѣлъ до того подъ гору, что надобности во мнѣ, насколько могу судить, не предвидится. Слѣдовательно, Богу можетъ быть угоднымъ сохранить меня только для домашнихъ.

По продовольственной части, распоряженія графа Л.-Меликова—на уровнѣ чина поручика, если не корнета. Онъ говорилъ здѣшнимъ главнымъ хлѣботорговцамъ въ тонѣ паши, угрожалъ высылкою, упоминалъ, какъ сказываютъ, о Мурманскомъ берегѣ,—и все это при современномъ разнузданіи прессы и толкахъ о законности, объ успокоеніи, умиротвореніи, и проч.

Вчера онъ былъ у меня, послѣ визита пріѣхавшему великому князю генералъ-адмиралу, который говоритъ о всемъ возможномъ, кромѣ яхты „Ливадія".

Сегодня должны прибыть Цесаревичъ и Цесаревна. Завтра Michel I выѣзжаетъ въ Ливадію, для сопровожденія Государя, который ожидается 21-го, чтобы быть на панихидѣ 22-го числа.

11 ноября.—Не выѣзжалъ вчера. Были Маковъ, кн. Ливенъ, Набоковъ и Н. Абаза. Набоковъ поспѣшилъ возвращеніемъ при извѣстіи о Грейгѣ. Ему невольно думается, что онъ на очереди. Н. Абаза чуть-чуть не вывелъ меня изъ терпѣнія своими почти наглыми разглагольствованіями.

Привелъ нѣкоторыя дѣла въ порядокъ и написалъ, на случай внезапнаго конца, нѣкоторыя указанія и просьбы.

12 ноября.—Вчера—комитеты министровъ и кавказскій. Министръ внутреннихъ дѣлъ продолжаетъ весьма неумѣло заниматься продовольственнымъ вопросомъ. Самарское земство просило 5 милл. рублей ссуды. Министерство испрашивало 1 милліонъ. Я спросилъ: указано ли было земствомъ, гдѣ оно собиралось купить хлѣба на 5 милліоновъ?—Министру внутреннихъ дѣлъ этотъ вопросъ не приходилъ на умъ.

Заѣзжалъ къ гр. Л.-Меликову, который вчера же уѣхалъ въ Ливадію. Часто приходитъ на мысль: Quos Deus perdere vult—dementat.

Снова появились листки подпольной печати разныхъ видовъ. Гг. Суворинъ и Краевскій не умиротворили.

15 ноября. — Вчера, по случаю дня рожденія Цесаревны, утромъ—въ Аничковомъ дворцѣ. Людно. Цесаревичъ имѣлъ любезное выраженіе лица. Абаза и Кахановъ имѣли видъ „людей въ случаѣ“, Побѣдоносцевъ—видъ себя считающаго домашнимъ.

Обѣдалъ съ женою у великой княгини Екатерины Михаиловны. Передъ обѣдомъ заходилъ къ Грейгу. Видѣлъ все семейство. Грейгъ теперь уже знаетъ о томъ, что онъ называетъ продолженіемъ feu d'artifice, т.-е. о предстоящемъ, будто бы на 23-е число, указѣ объ отмѣнѣ акциза на соль. 23-е число само по себѣ, если Александръ Абаза именинникъ, вродѣ ракеты.

18 ноября. — Вчера—въ государственномъ совѣтѣ. Видѣлъ встрѣчу гр. Толстого съ Абазою. Просились въ „Kladderadatsch“ или „Charivaris“. *Т.*: „Il n'y a pas de quoi vous féliciter“ (sourire jaune). — *А.*: „Je le crois bien. Par ce temps votre collet est plus agréable que le mien“ (joie gonflante, sortant par tous les pores). Урусовъ сказалъ мнѣ: „Il me semble que nous autres nous faisons l'effet de ministres de Napoléon III, devenus suspects sous la république“. Я замѣтилъ, que nous avions même sauté pardessus m. Ollivier.

20 ноября. — Третьяго дня — комитеты министровъ и кавказскій.

Вчера—цѣлый день дома. Почти въ одно время писалъ три разныхъ писанія: записку принцу Ольденбургскому о бар. Корфѣ, статью для „Отголосковъ“ и мою новую повѣсть: „У Покрова

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

въ Лёвшинѣ". Вечеромъ началъ чтеніе моего романа „Лоринъ" для графини Клейнмихель, Дурновыхъ и двухъ или трехъ другихъ слушателей.

22 ноября. — Вчера былъ только у обѣдни; потомъ не выходилъ и не выѣзжалъ. Государь возвратился въ 10 час. утра. Обычный конвой кавалерійскихъ офицеровъ былъ заказанъ. Въ городѣ много толковъ о томъ, какъ и что соблюдать, въ société, относительно княгини Юрьевской.

24 ноября. — Вчера напечатанъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" указъ сенату объ отмѣнѣ акциза съ соли. Указъ — въ тонѣ манифеста, съ печатью безграмотности, въ фразѣ о призываніи благословенія „на возлагаемые труды", и съ странною помѣсью упоминовенія о Богѣ, о бѣднѣйшихъ классахъ и о скотоводствѣ! Все это учинено безъ всякаго соблюденія обычнаго порядка обсужденія такихъ мѣръ и какъ-то пріурочено ко дню св. Александра Невскаго. Дебютъ новаго министра финансовъ не блистателенъ. Жалко.

Былъ вчера у обѣдни во дворцѣ, чтобы зауряднымъ способомъ видѣть Государя. Онъ былъ чрезвычайно ласковъ и привѣтливъ, и послѣ завтрака призвалъ въ свой кабинетъ. Сначала была рѣчь о дѣлахъ, о соли, печати, о соціалистическихъ движеніяхъ; но это, очевидно, было предисловіемъ. Потомъ Государь заявилъ о своемъ бракѣ и при этомъ сказалъ, что княгиня Юрьевская питаетъ особыя чувства симпатіи и уваженія ко мнѣ, что эти чувства основаны на томъ, что о мнѣ ей говорилъ Государь, и что она нѣсколько разъ освѣдомлялась, объяснялся ли Государь со мною о ней, потому что желала, чтобы мнѣ было поручено попечительство или попеченіе о ея дѣтяхъ.

Въ теченіе дня у меня были Грейгъ и Гирсъ. Объясненіе Государя съ первымъ было довольно безцвѣтно, хотя очень дружелюбно. Государь, очевидно, не сознаетъ значенія деталей того, что произошло съ Грейгомъ. Гирсъ, при всей своей сдержанности, самымъ недружелюбнымъ образомъ отзывается о вліяніи и продѣлкахъ гр. Л.-Меликова. Ma position personnelle se complique.

Примѣчаніе № 29. — Разговоръ о дѣтяхъ княгини Юрьевской, къ счастію, никогда не возобновлялся. Думаю, что гр. Л.-Меликовъ, который, по возвращеніи Государя, проводилъ у княгини почти ежедневно по нѣскольку часовъ, не отнесся доброжелательно къ мысли объ установленіи какихъ-либо близкихъ между

морганатическою четою и мною отношеній. Онъ, конечно, не предусматривалъ 1-е марта. Между тѣмъ, для меня какія бы то ни были отношенія къ княгинѣ Юрьевской были бы, послѣ 1-го марта, крайне неудобными. *(С.-Пбгъ 30 декабря 1881 г.)*

26 ноября.—Третьяго дня—нѣсколько екатерининскихъ поѣздокъ. Потомъ заѣзжалъ къ Рылѣеву, по случаю того, что Государь мнѣ сказалъ объ опасной болѣзни дочери. До странности откровенный съ нимъ разговоръ. Онъ боится оглашенія брака, говоритъ, что другіе на томъ настаиваютъ, что княгиня никогда не имѣла и не имѣетъ желанія se mettre en évidence, но что другіе подбиваютъ, что, между прочимъ, ея честолюбивая сестра, княгиня Мещерская, дѣятельна въ этомъ смыслѣ, будто бы по наущенію гр. Шувалова и г-жи Бобринской, и т. п.

Вчера—комитетъ министровъ. Блѣдный Абаза уже не смотритъ именинникомъ, но pompeux и говоритъ попрежнему ore rotundo.

28 ноября.—Третьяго дня—георгіевскій выходъ. Былъ во дворцѣ на этотъ разъ. Болѣе и болѣе unreal.

Вчера обѣдалъ у принца Ольденбургскаго, въ честь великаго герцога Ольденбургскаго, прибывшаго сюда къ юбилею принца. Видѣлъ военнаго министра, который заѣзжалъ ко мнѣ утромъ. Air malcontent, и въ особенности по отношенію къ морганатическому событію. Графъ Адлербергъ, при всей своей сдержанности, въ разговорѣ у принца, — конечно, со мною однимъ, — назвалъ это событіе: capo d'opera. Во дворцѣ — разговоръ съ генераломъ Вердеромъ. Тѣ же впечатлѣнія. „Der Kaiser hat mir manchmal unendlich Leid gethan“, и т. п. Онъ сказалъ про г.-ад. Рылѣева: „der kleinlichste Mensch den ich je gesehen“.

30 ноября.—Третьяго дня—коммиссія прошеній. Заѣзжалъ къ Michel I. Чрезвычайно привѣтливъ. Видѣлъ тамъ гр. Воронцова, Каханова, Черевина. Что-то unheimlich.

Вчера обѣдалъ у герцога и герцогини Лейхтенбергскихъ. Все въ честь великаго герцога Ольденбургскаго. Все отлично,—подворцовски. Въ первый разъ встрѣтился съ m me Weiss. Вспомнилъ о Баденѣ.

Передъ обѣдомъ заѣзжалъ ко мнѣ принцъ Петръ Георгіевичъ. Г-жа Шостакъ перепортила бѣдному кн. Голицыну все дѣло (о поступленіи на мѣсто бар. Корфа). Что сдѣлаю самъ, еще не рѣшилъ.

Декабрь.

2 декабря. — Вчера—юбилей принца Ольденбургскаго. Описаніе въ газетахъ.

Дѣло кн. Голицына приводитъ къ прекращенію моихъ отношеній къ Николаевскому институту. Невообразимо, сколько и при этомъ случаѣ обнаружилось разной лжи и кривотолковъ.

3 декабря. — Вчера—комитетъ министровъ. Пятнадцати-минутное засѣданіе. Заѣхалъ къ гр. Л.-Меликову по его желанію. Кн. Голицынъ его поднялъ и вообразилъ, что по дѣламъ института я стану подъ защиту Michel I. Конечно, отклонилъ приличнымъ образомъ. Вечеромъ—на музыкальномъ вечерѣ у принца Ольденбургскаго. Около 30° тепла и столькихъ же—скуки. Добрѣйшій принцъ! Какъ у насъ все какъ-то выходитъ неудачно! Его главное дѣло—училище правовѣдѣнія. Считали, что изъ него вышли 53 сенатора (кажется, наличныхъ). Но что за сенаторы! Подъ добрымъ крыломъ принца угнѣздился затхлый духъ между правовѣдами и лицеистами. Наше правительство выкроило себѣ армію воспитанныхъ по мелкому шаблону чиновниковъ. Напрасно. Оно ими думало отдѣлаться отъ сословій, массъ и отъ самобытно развивавшихся отдѣльныхъ силъ. Противъ него же обратилось и большинство его шаблонныхъ созданій.

Вчера еще нѣсколько разъ подмѣчалъ, какъ люди лгутъ, и даже безъ надобности.

5 декабря. — Третьяго дня обѣдалъ у Государя. Княгиня Юрьевская и двое дѣтей были къ столу. Государь представилъ княгинѣ меня и бывшаго со мной кн. Урусова. Третій гость, гр. Н. Адлербергъ, уже былъ прежде представленъ. Впечатлѣніе — печальное. Не по одной ассоціаціи идей и воспоминаній, но и — per se. Видны, съ одной стороны, послѣдствія долгаго полузатворничества и полуотчужденія отъ свѣта, съ другой—слѣды привычки, притупляющей впечатлительность, и по-

слѣдствія рѣшимости не давать себѣ яснаго отчета въ свойствѣ созданнаго положенія. Прискорбно на обѣ стороны.

Вечеромъ на нѣсколько минутъ—на раутѣ у пр. Ольденбургскаго. Потомъ—дальнѣйшее чтеніе „Лорина“ у насъ. Новые слушатели,—кн. Святополкъ-Мирскій и кн. И. М. Голицынъ.

Вчера—совѣщаніе у Цесаревича по вопросу объ указахъ сенату о бракѣ Государя и узаконеніи дѣтей. Государь, за обѣдомъ, меня о томъ предупредилъ. Участвовали: гр. Адлербергъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, кн. Урусовъ, Набоковъ и я. Обычная мелочность и нерѣшительность. При совершенно неправильныхъ данныхъ правильныя формы невозможны, и стараніе пріискивать прецеденты и статьи законовъ для случая безъ прецедентовъ и внѣ всякаго законнаго порядка—совершенно праздное занятіе. Пришли, пока, къ заключенію не измѣнять проектовъ указовъ, самимъ Государемъ первоначально начертанныхъ. Вечеромъ фельдъегерь меня извѣстилъ, что на завтра мы призываемся къ Государю. Тогда вопросъ рѣшится окончательно.

6 декабря.—Онъ и рѣшился. Государь одобрилъ наши заключенія, прочиталъ всѣмъ намъ, въ видѣ объясненія своихъ мотивовъ, письмо къ королевѣ Ольгѣ, въ которомъ онъ извѣщалъ ее о своемъ бракѣ, и пояснилъ пребываніе княгини Юрьевской во дворцѣ, въ Ливадіи, полученными ею угрожающими письмами. Затѣмъ Государь, въ нашемъ присутствіи, перекрестясь, подписалъ два указа сенату, одинъ о своемъ бракѣ и возведеніи супруги и всѣхъ дѣтей,—глухо,—въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости, а другой,—съ поименованіемъ наличныхъ дѣтей,—о ихъ узаконеніи. Оба указа будутъ заслушаны въ сенатѣ, но далѣе не оглашены, первый—до усмотрѣнія, второй—никогда. Замѣчательно довѣрчиво и тепло отношеніе Государя къ Цесаревичу.

7 декабря.—Вчера выѣзжалъ днемъ, для отданія визитовъ. Странную кашу варитъ князь Ливенъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ.

Забылъ отмѣтить, что третьяго дня князь Урусовъ и я сдѣлали визитъ княгинѣ Юрьевской, но не видали ее, потому что у нея былъ окулистъ графъ Магавли. La maison privée a l'air bien montée et tenue, mais sans aucun faste.

Въ Москвѣ—студенческіе безпорядки. Ихъ слѣдовало ожидать. Сомнѣваюсь, однако, чтобы отрезвленіе отъ армянскаго михаелизма могло уже начаться.

Вчера у меня совѣщаніе по дѣламъ печати; князь Урусовъ, Абаза и Фришъ.

9 декабря.—Въ воскресенье былъ (въ первый разъ) въ думѣ ордена св. Владиміра. Отжившее учрежденіе. Видно, что когда-то оно могло быть почтеннымъ и почитаемымъ. Теперь ни къ чему почтенія нѣтъ,—развѣ къ ѳиміамщикамъ.

Вчера—государственный совѣтъ. Обѣдалъ у Государя. Князь Урусовъ, Набоковъ, Тимашевъ (дежурный генералъ-адъютантъ), графиня Мойра и я. Обѣдалъ и цѣлое après-diner сидѣлъ подлѣ княгини Юрьевской. Тѣ же впечатлѣнія, что и въ первый разъ. Она сама подтвердила мнѣ сказанное Государемъ о ея давнишнемъ расположеніи ко мнѣ, наивно прибавивъ, что она съ перваго взгляда дѣлаетъ себѣ о людяхъ вѣрное понятіе.

У меня былъ Маковъ. Michel I не безъ ехидности жалуется на передачу по телеграфу неудобныхъ депешъ (но молчитъ о гораздо болѣе неудобной прессѣ!), т.-е., онъ, видно, о томъ пожаловался Государю. Маковъ задѣтъ за живое. Вообще,—imbroglio perfetto. Въ московскомъ университетѣ прекратили чтеніе лекцій. Короткоумый Сабуровъ-Сумбуровъ тѣмъ не менѣе расхаживаетъ именинникомъ, а графъ Лорисъ-Меликовъ называетъ московскія смуты „домашними дрязгами“.

13 декабря.—Событій не было. Развѣ поѣздка Государя въ Лисино, гдѣ на охотѣ опять подстрѣлили человѣка, и базаръ у великой княгини Екатерины Михаиловны. Общее положеніе жалкое.

Вчера былъ въ коммиссіи прошеній и въ опекунскомъ совѣтѣ. Передъ тѣмъ ко мнѣ заѣзжалъ графъ Лорисъ-Меликовъ.—Эолова арфа, Фингалова пещера!

14 декабря.—Вчера вечеромъ—въ Николаевскомъ институтѣ. Представленіе „Esther“ во французскомъ классѣ. Вѣроятно, мой предпослѣдній визитъ институту.

Къ характеристикамъ нынѣшняго положенія дѣлъ принадлежитъ слѣдующая черта. Графъ Лорисъ-Меликовъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, менѣе виденъ, нежели былъ на виду генералъ-адъютантъ Тимашевъ. Этого довольно. Его роль—исключительно роль „ближняго боярина“; но и въ этой роли болѣе костюма, чѣмъ текста.

17 декабря.—Былъ, 14-го числа, въ владимірской орденской думѣ, потомъ на базарѣ у великой княгини Екатерины Михаиловны.

Въ понедѣльникъ, 15-го, государственный совѣтъ и особое присутствіе по воинской повинности. Въ совѣтѣ прошли, безъ одного слова со стороны министра финансовъ, его предложенія о возвышеніи таможенныхъ пошлинъ. Не критикую. Значитъ, онъ не хотѣлъ позировать,—что̀ всегда похвально. Въ воинскомъ присутствіи графъ Шуваловъ опять обнаружилъ, до какой степени онъ измельчалъ умственно. Говорилъ безъ надобности, долго, привязчиво къ мелочамъ и притомъ почти безтолково.

Вчера—комитеты министровъ, кавказскій и польскій. Въ первомъ—министръ финансовъ былъ дѣйствительно министромъ, что̀ я съ удовольствіемъ отмѣчаю. Въ послѣднемъ,—по обыкновенію, почти всѣ члены были жалки. Замѣчательна грубость интонаціи и всѣхъ соображеній Макова. Клиномъ сходится міръ на нашей оффиціальной почвѣ. Я постоянно ощущаю, что я въ полной мѣрѣ чужой.

19 декабря.—Третьяго дня Цесаревна была въ Николаевскомъ и Александринскомъ институтахъ. Въ числѣ прочихъ honoratiores, съ принцемъ Ольденбургскимъ во главѣ, я имѣлъ честь принять ея высочество, а затѣмъ, вчера, я отправилъ по принадлежности просьбу объ увольненіи отъ завѣдыванія институтами и объяснительное письмо къ секретарю Цесаревны Оому.

Вчера же засѣданіе особаго совѣщанія по дѣлу о вѣнскомъ arrangement préliminaire съ кардиналомъ Якобини и о его послѣдствіяхъ: Убри, Гирсъ, бар. Жомини, кн. Урусовъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, Набоковъ, Маковъ, Альбединскій, Побѣдоносцевъ и я (гр. Милютинъ, по болѣзни, не былъ). Tenaient la plume: Мосоловъ и Бутеневъ. Говорятъ, что я отлично отпредсѣдательствовалъ. Все прошло,—по весьма хорошо составленнымъ предположеніямъ Макова-Мосолова. Но какое представленіе съ государственной, психологической и юмористической точки зрѣнія! Какая робкая мелочность со стороны кн. Урусова! Какая китайско-приказная дикость со стороны Побѣдоносцева! Кн. Урусовъ насъ задержалъ на пять минутъ вопросомъ: не слишкомъ ли большая уступка въ употребленіи слова „négociations“ вмѣсто „pourparlers“? Побѣдоносцевъ находилъ, что семнадцатилѣтнее заточеніе католическихъ епископовъ ничего не значитъ въ сравненіи съ ихъ провинностями, и сказалъ: „Богъ съ ней, съ Европой“! Voilà le cri de son cœur! Гр. Лорисъ-Меликовъ былъ весьма приличенъ. Маковъ, къ сожалѣнію, по обычаю—грубоватъ въ соображеніяхъ, и если не грубъ въ выраженіяхъ, то по невозможной, извозчичьей грубости интонаціи и

несдержанности прерывающагося при всякомъ аффектѣ голоса— былъ постояннымъ обличителемъ своей министерской необразованности. Набоковъ, какъ всегда, немного pomposus. Замѣчательно, — за исключеніемъ Альбединскаго, — полнѣйшее равнодушіе къ религіозной сторонѣ дѣла и отсутствіе всякаго сознанія правительственнаго достоинства. И эти люди направляютъ судьбы имперіи, которую создалъ Петръ Великій и вокругъ которой —

„Семь морей немолчно плещутъ"!

Вечеромъ—у французскаго посла. Анализировалъ мысленно двухъ дамъ: lady Dufferin и m-me Van der Hoven (рожд. Мартынову). Обѣ—разряда опасныхъ. Еслибы кто-нибудь умиралъ за нихъ, то первая была бы способна равнодушно присутствовать, а вторая—дразнить умирающаго.

23 декабря.—Въ прошлую пятницу, 19-го, былъ въ коммиссіи прошеній, а оттуда заѣзжалъ къ военному министру. Онъ полунездоровъ и въ флегматичномъ настроеніи.

Въ субботу—большой обѣдъ у кн. Юсупова.

Въ воскресенье нигдѣ не былъ, кромѣ церкви.

Вчера не былъ въ государственномъ совѣтѣ, но былъ у Цесаревны, по ея призыву. Объясненія, съ ея стороны, весьма любезныя. Голицынскій incident est clos. Принужденъ былъ, ради бар. Гинцбурга, заѣхать на базаръ въ пользу нигилистокъ, т.-е. женскихъ курсовъ.

24 декабря.—Вчера комитетъ министровъ. При докладѣ записки четырехъ министровъ по вопросу, или, точнѣе, по дѣлу объ общественныхъ работахъ для населенія, нуждающагося въ продовольствіи, министръ финансовъ заявилъ, что онъ намѣренъ строить или допустить постройку двухъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ казеннымъ способомъ, и по этому поводу высказалъ нѣсколько общихъ фразъ,—вѣрнѣе, мѣстъ,—о нашемъ финансовомъ положеніи. Онъ говоритъ вообще складно, тихо, ore rotundo. Во время его сказыванія всѣ слушали; послѣ засѣданія всѣ говорили—que c'était très intéressant, а Мансуровъ даже сказалъ мнѣ—que c'était un nouveau programme! Эти господа еще вѣрятъ въ программы и принимаютъ подобныя разглагольствованія au sérieux. Крѣпка вѣра; но на этомъ поприщѣ она не производитъ чудесъ. Жалокъ кн. Ливенъ. Жалокъ и Маковъ, но по другимъ уваженіямъ.

Сегодня всталъ, по ошибкѣ, часомъ раньше. Еще ночь.

Мрачно на дворѣ. И у меня на душѣ не свѣтло. Всегда или почти всегда такъ наканунѣ праздника. Собственно—это малодушіе и грѣшное отношеніе къ праздникамъ церкви.

28 декабря.—Нѣсколько дней не было повода къ отмѣткамъ.

Вчера комитетъ финансовъ у великаго князя генералъ-адмирала. Программатическія предложенія министра финансовъ. Разсчитаться казнѣ съ банкомъ; болѣе не выпускать кредитныхъ билетовъ, но и не уничтожать ихъ обязательно; наконецъ, разсчетъ на 400 милл. руб. произвести въ 8 лѣтъ, по 50 милл. въ годъ. Ergo—не теоретическое изъятіе билетовъ изъ обращенія, а ограниченіе, конечно косвенное и не замѣченное, права самодержавно повелѣвать расходы. При этомъ: разсудительное, спокойное, но не весьма симпатизирующее участіе и согласіе Рейтерна; обычная книжная запутанность понятій Заблоцкаго; канцелярски-бумажная цѣпкость Сольскаго; неприличная некомпетентность предсѣдателя; наконецъ, отсутствіе Грейга,—кажется, перваго министра финансовъ, въ составѣ комитета не оставленнаго.

In toto—mesure à effet, но не безъ логики и умѣнья. Нѣкоторая раздражительность со стороны Абазы, которая мнѣ была пріятна, потому что согласіе съ книжниками и канцелярскими величинами гораздо вреднѣе, чѣмъ разладъ съ ними.

30 декабря.—Вчера утромъ—докладъ у Государя по отчетамъ и наградамъ комитета министровъ и кавказскаго комитета. Его величество былъ любезенъ, но préoccupé. Послѣ меня долженъ былъ войти Сабуровъ и кромѣ того ждалъ Абаза, за которымъ было послано. Днемъ былъ въ государственномъ совѣтѣ. Краткое и пустое засѣданіе.

Хмуро. Правительство—in abeyance. „Восточный человѣкъ“, какъ теперь называютъ гр. Лорисъ-Меликова, est passablement au bout de son latin.

Дома—эпизодъ частный. Мягкія, но грустныя впечатлѣнія. Kyrie eleison!

31 декабря.—Вчера—комитетъ министровъ. Пустое засѣданіе. Сильный морозъ.

Нѣтъ никакихъ признаковъ сознанія нынѣшняго, почти безпримѣрнаго положенія! Исторія напишетъ странную главу о министерствѣ гр. Лорисъ-Меликова. Не желалось бы ощущать то, что онъ долженъ ощущать уже теперь, а въ особенности ощутить то, что онъ неизбѣжно ощутитъ позже, когда увидитъ послѣдствія!

ЗОЛОТОЕ ДНО

ПОВѢСТЬ.

IX *).

Характеръ Валеріана внезапно перемѣнился. Злыя, подчасъ грубыя, выходки исчезли, въ отношеніи къ домашнимъ онъ сталъ проявлять снисходительную мягкость. Глаза его таинственно сіяли, точно благодать, которую онъ носилъ въ душѣ, черезъ нихъ пыталась обогрѣть міръ Божій. Часто онъ бродилъ по аллеямъ парка, до того поглощенный своими мыслями, что спотыкался о корни деревьевъ, которыя съ дѣтства были ему знакомы.

Василиса смѣялась ему вслѣдъ.

— Какъ неживой ходитъ, — говорила она: — ножки по дорожкѣ, а самъ стороною.

Иногда онъ останавливался, оглядываясь, вынималъ тетрадку, что-то писалъ въ ней, что-то перечеркивалъ.

Мароа, уже медичка второго курса, часто заставала его за такимъ занятіемъ. Онъ смущался, неловко засовывалъ книжечку въ карманъ.

— Прямо какой-то таинственный незнакомецъ! — сказала она однажды шутливо.

Валя вспыхнулъ, потупился, затѣмъ, отвернувъ лицо въ сторону, прошепталъ:

— Тебѣ я могу сказать... Это потому... потому, что я началъ... писать...

Послѣднее слово онъ проговорилъ еле слышно.

— Что̀? что̀ ты началъ?—повторила Мароа съ удивленіемъ; но не получила отвѣта.

---

*) См. выше: февраль, стр. 591.

Валя стоялъ, сжавъ губы, нахмуривъ брови. Въ его глазахъ дрожало плохо сдерживаемое желаніе излить свои чувства: онъ опасался, какъ бы Мароа не встрѣтила это насмѣшкой; но она вдругъ поняла сердцемъ то, чего не дослышала.

— Ты началъ писать? — спросила она серьезно, серьезнѣе, чѣмъ хотѣла.

Съ лица Вали сбѣжала туча; сжимая руку сестры въ своихъ, онъ сказалъ съ пылкой благодарностью:

— Ахъ, спасибо тебѣ, спасибо! Я никому не хотѣлъ признаваться: вѣдь засмѣютъ! Я, Марочка-голубчикъ, пишу трагедію... знаешь, будто изъ римской жизни...

Въ это время мимо прошла Василиса; но увлеченный поэтъ не замѣтилъ ни ея появленія, ни насмѣшки, съ которой она встрѣтила подслушанное признаніе.

— Знаешь,—продолжалъ онъ, прерывающимся голосомъ:— философъ хоронитъ своего сына; а грубая чернь бросаетъ въ него каменья... Можешь понять, что въ это время чувствуетъ необыкновенный человѣкъ... Затѣмъ, психологія любопытной толпы, которая остановилась поглядѣть... И знаешь, Марочка, это стихами.

Онъ взглянулъ на нее съ виноватой улыбкой.

— Милый! стихами?—нѣсколько опасливо замѣтила сестра.

— Не бойся, право, это ничего... Стихи бѣлые.

Онъ усадилъ Мароу на скамейку и, придвинувшись къ ней подъ бочокъ, какъ дѣлалъ это въ дѣтствѣ, началъ разсказывать, какое счастье испытываетъ онъ во время „творчества“, какую любовь къ людямъ, жажду подвига, всепрощенія.

— Въ это время я все прощу! — говорилъ онъ пылко: — самое тяжелое оскорбленіе забуду... Обниму жестокаго своего врага.

— Надо учиться, Валикъ, надо много учиться, — замѣтила осторожно Мароа.

— Развѣ я не знаю? — восторженно подхватилъ Валя, жестоко ероша свои волосы:—всю жизнь, до самой смерти учиться, и то будетъ мало! И другихъ учить, и всѣхъ любить, и прощать... О, когда у человѣка есть цѣль... понимаешь, цѣль...

И онъ началъ говорить, что сознаніе высокой цѣли сдѣлало его жизнерадостнымъ, упорнымъ въ трудѣ...

Сознаніе обновленной жизни не оставляло его даже во снѣ. Иногда, среди ночи, онъ просыпался, точно разбуженный кѣмъ-то, вскакивалъ, испытывая невыразимое, необъяснимое чувство счастья. Грядущее представлялось ему непрерывнымъ стремленіемъ къ лучезарному, къ обѣтованному... Онъ падалъ на колѣни, прости-

ралъ руки вверхъ, къ невѣдомому и клялся кому-то въ чемъ-то, и готовился къ великому служенію. Сердце его ширилось, онъ глядѣлъ восторженными глазами во тьму ночи, точно тамъ надѣялся увидѣть реализацію своихъ мечтаній. И онъ съ увлеченіемъ писалъ ужаснѣйшими виршами свою „трагедію".

Теперь его любовь къ Аннѣ, уже давно уѣхавшей, была нераздѣльна съ благоговѣйнымъ поклоненіемъ неизвѣстному, въ великую душу котораго онъ такъ неожиданно и такъ безповоротно повѣрилъ. Два эти образа, одинъ—олицетворявшій въ себѣ мудрость, благородство, величіе, другой—исполненный чарующей женской прелести, безпомощности, — слились въ душѣ его въ одно цѣлое, какъ въ двустворчатый алтарь, посвященный Богу всего великаго. Онъ любилъ Нанни теперь еще больше за то, что она исцѣлила его разсказомъ объ „учителѣ"; а учителя полюбилъ за то, что именно Нанни разсказала ему о немъ. Онъ не могъ бы отдѣлить его чувства къ ней отъ мистическаго поклоненія неизвѣстному.

Но вскорѣ восторженное состояніе его души было грубо разрушено.

Однажды, когда всѣ сидѣли за обѣдомъ и Валя съ самоотверженной готовностью предупреждалъ желанія сосѣдей насчетъ соли, горчицы, хлѣба, заранѣе улыбаясь ежедневнымъ остротамъ Василисы,— дѣдъ, наблюдавшій его съ непріязненной ироніей, замѣтилъ:

— И что̀ за благоволеніе вдругъ начало сквозить изъ всѣхъ поръ этого молодого человѣка?

Валя плутовски посмотрѣлъ на Марѳу, какъ на сообщницу, и засмѣялся.

— А я что-то знаю!—сказала Василиса.

— Что̀ же вы можете знать?—все еще благосклонно спросилъ Валя.

— А вотъ знаю!..—и какъ всегда, когда она желала быть остроумной, прибавила, подчеркивая: — та винъ пыше трагэдію.

Дѣдъ съ Антономъ сперва расхохотались; но тотчасъ же умолкли, замѣтивъ, какъ поблѣднѣло лицо Вали.

Онъ вышелъ, съ шумомъ отшвырнувъ стулъ, и бросилъ Марѳѣ укоризненный взглядъ.

— Честное слово, Валикъ!—крикнула та, выскакивая вслѣдъ за братомъ.

— Та я-жъ сама слыхала,—сказала имъ вслѣдъ Вася, находившаяся еще подъ впечатлѣніемъ успѣха.

— Ну, и держали бы языкъ за зубами,—недовольно буркнулъ Антонъ.

Съ тѣхъ поръ непризнанный поэтъ принужденъ былъ искупать свое высокое призваніе насмѣшками непросвѣщенной черни.

Дѣдъ, подъ сердитую руку, пускалъ грубыя шуточки насчетъ „писателя“; Василиса, прикрываясь его авторитетомъ, повторяла ихъ при гостяхъ; иногда даже Антонъ, въ пылу полемики, употреблялъ это же оружіе. Наконецъ, о творчествѣ Вали провѣдалъ Дулѣбовъ, и тогда насмѣшкамъ не предвидѣлось конца... „Амурчикъ“ прозвалъ его „омъ-де-летръ“—причемъ произносилъ это скороговоркой, такъ что выходило „омлетъ“—и всѣ помирали со смѣху...

Однажды на скамейкѣ у переправы нашли двустишіе, написанное карандашомъ:

„Къ рѣкѣ: О, могучая стихія!
Все тебѣ пишу стихи я...“

Всѣ рѣшили, что это—первая проба пера будущей знаменитости, и теперь не иначе обращались къ поэту, какъ величая его „могучей стихіей“...

Валя крѣпился, рѣшивъ не обижаться, а шутить вмѣстѣ со всѣми. Онъ клятвенно отвергалъ двустишіе, утверждая, что это—ковы его завистниковъ. Надѣясь смягчить сердца, онъ цитировалъ „Пророка“:

„Глядите, какъ онъ худъ и блѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его...“

Но эта покорность не обезоруживала остряковъ, которые втайнѣ доставляли ему много горькихъ минутъ. Онъ началъ сомнѣваться въ достоинствѣ своей трагедіи... Онъ чувствовалъ себя ничтожнымъ и боялся, какъ бы, дѣйствительно, его ближніе не остановились на презрѣніи...

Кончилось тѣмъ, что Валя забросилъ „трагедію“, и снова ясная глубина его души замутилась. Онъ уже не дѣлалъ родныхъ жертвами своихъ треволненій, онъ просто отодвинулся отъ нихъ.

Марѳа уѣхала на курсы, Антонъ собирался въ Петровское училище; но Валя не скучалъ отъ этого, какъ раньше.

Полная противоположность Валѣ, Антонъ былъ вѣрнопреданный членъ своего семейства; простая цѣльная душа его не допускала здѣсь ни критики, ни сомнѣнія. Въ семьѣ всѣ должны любить другъ друга, закрывать глаза на слабости, дружной стѣной противостоять нападенію внѣшняго міра, который начинался сейчасъ же за чертой Локустовки.

Съ Марѳой Антонъ не былъ никогда близокъ; но „любилъ ее, какъ слѣдуетъ любить сестру“, и этимъ успокоивалъ относительно нея всѣ свои сомнѣнія. Но Вальку онъ, дѣйствительно,

любилъ. Какъ старшій братъ, добродѣтели котораго стояли незыблемо и прославлялись всѣми, онъ протягивалъ снисходительную руку помощи младшему неудачнику. Сколько разъ онъ защищалъ его передъ всемогущимъ дѣдомъ! Сколько тысячъ разъ утиралъ своимъ рукавомъ его глаза, которые постоянно были на мокромъ мѣстѣ!

Но когда разладъ поселился въ душѣ Вали, онъ не могъ понять, не могъ помочь и только огорчался.

Наканунѣ отъѣзда, сидя въ „гротикѣ", Антонъ сказалъ брату:

— Что̀ съ тобою? Ты раньше любилъ и меня, и бабу Еву... а теперь даже отъ нея отшатнулся.

Застигнутый врасплохъ, Валя смутился.

— Да, передъ нею я виноватъ, — пробормоталъ онъ,—но что̀ же дѣлать...

Онъ не договорилъ: то, что̀ онъ собирался сказать, казалось ему святотатствомъ. Но почему же, почему,—думалъ онъ,—баба Ева, такая кроткая, такая пугливая, что падаетъ въ обморокъ при видѣ раненаго въ дракѣ Барбоса, не замѣчаетъ, сколько дѣлается жестокостей у нихъ въ домѣ?

Братья лежали въ тѣни нависшаго свода „гротика" и дрожащей листвы деревьевъ, едва державшихся полуобнаженными корнями. Вдали маячили кресты городскихъ церквей, — ближе блестѣла рѣка, и по ней, оставляя за собою ровные, отливающіе сталью полукруги, плавно двигался паромъ; еще ближе—виденъ былъ домъ съ бѣлымъ „перистилемъ" и уголъ „задняго парада", у котораго стояло нѣсколько неподвижныхъ фигуръ безъ шапокъ.

— Вотъ...—Валя указалъ на фигуры.—Ты видѣлъ ихъ?

— Кого?

— Ну, вотъ ихъ... мужиковъ...

— Нѣтъ, не обратилъ вниманія.

— А я ихъ увидѣлъ въ шесть часовъ утра, когда шелъ сюда...

— Ну, такъ что-жъ! Поденщики пришли наниматься, а дѣдъ въ городъ уѣхалъ.

— Когда уѣхалъ?

— Когда? Послѣ чаю, конечно.

Валя молчалъ.

— Онъ долженъ былъ уѣхать! — раздраженно прибавилъ Антонъ:—ему некогда... Придутъ завтра.

— Это за восемь верстъ?... Вотъ, ты на нихъ вниманія не обратилъ, а у меня они все время точно за спиною стоятъ...

И вообще... Впрочемъ, лучше молчать,—вѣдь измѣнить я ничего не могу. Мальчишничать, какъ я мальчишничалъ раньше, я, конечно, не стану...

— Но обвинять будешь... И даже меня...

— Не обвиняю, Тоникъ, пойми меня! — горячо заговорилъ Валя, хватая брата за руку. — Ну, ты, конечно, примѣрный, тобой гордятся... Но, сознайся, ты ничего своего не вносишь, дѣлаешь все по рутинѣ, какъ Дормидонтычъ, что-ли... У тебя нѣтъ критики, ты подчиняешься этой пріобрѣтательской горячкѣ, не думая о томъ, какъ она отзывается на другихъ.

— Я дѣлаю то, чего требуетъ дѣдъ, и что дѣлаютъ всѣ,— возразилъ Антонъ, нахмурясь. Критиковать поступки дѣда ему казалось святотатствомъ.

Валя замолчалъ, онъ не хотѣлъ оскорблять его. Братья разстались на всю зиму, не разрѣшивъ жгучихъ недоразумѣній.

Внѣшняя жизнь пошла заведеннымъ порядкомъ; но внутреннее раздвоеніе въ душѣ Вали продолжало свою работу.

Какъ могутъ жить вокругъ такой жизнью? Какъ можно прославлять „раціональное“ хозяйство дѣда, когда оно все представляется Валѣ въ видѣ непрерывной дикой, некультурной борьбы? Дѣдъ, какъ сила, дѣйствуетъ открыто грубостями, крикомъ; рабочіе, какъ слабые, отбояриваются тихими проклятіями, хитростью.

Валя удивлялся, какъ могутъ выносить обѣ стороны эти повальные обыски возвращающихся изъ города рабочихъ, которые практиковались въ Локустовкѣ?

Дормидонтычъ сторожилъ рабочихъ у парома и пропускалъ ихъ наверхъ только послѣ тщательнаго освидѣтельствованія сумокъ, армяковъ, голенищъ... Водка находилась очень рѣдко, такъ какъ виновные подвергались солидному штрафу; но пьяные бывали всякій день.

По вечерамъ, въ жуткой темнотѣ, вокругъ ограды парка раздавались дикіе крики и звуки гармоніи. Изъ-за воротъ появлялась длинная фигура Дормидонтыча съ традиціонной дубиной въ рукахъ.

— Безсовѣстные! Непорядливые! — ворчалъ старикъ, съ тѣмъ же любвеобильнымъ добродушіемъ, съ какимъ выговаривалъ птицамъ:—чего вы на барскомъ дворѣ скандалите? Кто позволилъ?

Тѣни, пьянствовавшія подъ заборомъ, прыская со смѣха, пропадали въ ночной тьмѣ.

Иногда злонамѣренность заходила такъ далеко, что требова-

лось вмѣшательство не только Василисы, но даже самого Степана Михайловича. Грубіяновъ ловили и штрафовали... Но въ праздникъ даже самъ хозяинъ скрывался въ домѣ, стараясь ничего не замѣчать. Онъ нашелъ эту политику самой удобной послѣ того, какъ, однажды, обиженная Василиса, посылавшая укоры въ темное пространство, получила въ отвѣтъ увѣсистый камень. Камень, къ счастью, пролетѣлъ мимо, разбивъ стекла въ столовой; но съ тѣхъ поръ ставни въ домѣ стали плотно закрываться.

И вообще, въ Локустовкѣ замѣчалось еще скрытое броженіе. Крестьяне перестали ломать шапку при встрѣчахъ съ господами, рабочіе „манкировали", „отвѣчали", при разсчетѣ упорно отстаивали каждую копѣйку...

У сосѣдей бывало и похуже: стрѣляли въ батенковскаго управляющаго; въ экономію Полуэхтова поставили казаковъ. Разговоры гостей были полны разсказами о неурядицахъ. Дѣдъ слушалъ, улыбался, скрывая злорадство; но голосъ его попрежнему звучалъ властью, ругательства попрежнему оставались въ силѣ, какъ педагогическое воздѣйствіе.

— „Имъ" только покажи, что боишься,—говорилъ онъ Дулѣбову,—и понесутъ! А такъ, авось, я сумѣю удержать возжи...

Конечно, въ качествѣ „культурнаго прогрессиста", онъ одобрялъ вторженіе новаго въ жизнь; но только постепенно, безъ скачковъ... „и только не у меня,—прибавлялъ онъ тихонько,—а у того, кто не сумѣетъ себя отстоять".

И всѣ находили такое отношеніе естественнымъ; но Валя, который старался не замѣчать, имѣлъ несчастіе все видѣть, и все больше отчуждался. Даже формальная атмосфера гимназіи, уроковъ, репетицій казалась ему теперь пріятнымъ разнообразіемъ. Однако, и тутъ ему не повезло.

Однажды онъ вернулся домой позже обыкновеннаго, когда уже всѣ домашніе сидѣли за столомъ.

Дѣдъ, не терпѣвшій нарушенія порядка, замѣтилъ его разстроенный видъ и сухо сказалъ:

— Неужели шестиклассниковъ сажаютъ еще въ карцеръ?..

— Нѣтъ, — съ героизмомъ отчаянія выпалилъ Валя, — имъ просто предлагаютъ взять бумаги.

Онъ поспѣшилъ сказать это, желая поскорѣе перешагнуть потокъ упрековъ, сожалѣній, восклицаній, который послѣдуетъ за признаніемъ.

Вася, дѣйствительно, заохала, Ева Михайловна уже сидѣла со слезами на глазахъ, но дѣдъ принялъ извѣстіе равнодушно, какъ бы подчеркивая, что онъ уже давно пересталъ удивляться.

Валя вздохнулъ спокойнѣе, сердце его наполнилось благодарностью.

— Ты не безпокойся, дѣдушка,—сказалъ онъ задушевно,— я выдержу сразу...

Дѣдъ и это постарался принять равнодушно. Онъ положилъ себѣ на тарелку, какъ всегда, лучшій кусокъ жаркого, отодвинулъ блюдо на середину стола и тогда уже сказалъ:

— Чего мнѣ безпокоиться?.. Не выдержишь—поступишь въ свинопасы...

— И не буду отъ этого несчастнѣе,—отпарировалъ юноша.

Дѣдъ перчатки не поднялъ, и обѣдъ окончился среди гробового молчанія.

— Пойдемъ со мной, Валикъ, — сказала баба Ева, когда Степанъ Михайловичъ удалился въ кабинетъ.

Она имѣла обыкновеніе гулять послѣ обѣда, и хотѣла воспользоваться этимъ, чтобы пожурить своего любимца. Но въ паркѣ было такъ хорошо, и старушкѣ такъ не хотѣлось доставлять кому-нибудь непріятность!

Великій постъ подходилъ къ концу.

Сквозь ледяную кору зимы уже робко пробивалось теплое весеннее дыханіе. Рѣка чернѣла полыньями; деревья очистились отъ снѣга, и ихъ оттаявшія вѣтви эластично гнулись подъ порывами вѣтра, бросая на землю дрожащую сѣтку тѣни. Линія перекрещивающихся дорожекъ уже чернѣла отъ грязи; а на рыхломъ снѣгу, который лежалъ между ними, точно полотно въ темной рамѣ, черными пятнами разсыпались каркающія вороны. Воздухъ бороздили теплыя теченія; лучи солнца отогрѣли дерзкихъ воробьевъ, которые неумолкаемымъ щебетаньемъ славословили его.

— Что же, милый, съ тобой случилось? — наконецъ, спросила Ева Михайловна, не отводя глазъ отъ пернатой парочки, которая начала драться, купаясь въ солнечныхъ лучахъ.

— Да все нашъ русскій, — бормоталъ Валя, чувствуя себя мальчишкой,—изъ-за сочиненія... Разбираетъ, тамъ, одно... другое... и вдругъ: „А статья господина Локустова слишкомъ глубокомысленна, чтобы я могъ о ней сужденіе имѣть“... А я разсердился и отвѣтилъ: „Развѣ вамъ не по плечу глубокомысліе гимназиста шестого класса?..“ Ну, съ этого и пошло!.. А финалъ—извиниться или прочь...

— Но почему же не извиниться, Валикъ?

— Да я бы извинился,—но къ чему же здѣсь помпа? Передъ цѣлымъ классомъ, гласный выговоръ и прочее... Противно

стало, бабочка! А потомъ, зачѣмъ онъ меня задираетъ? Онъ давно обижался, что я отвѣчаю ему не по учебнику...

Воробьи кончили драку. Побѣдитель и побѣжденный сѣли на вѣтку березы, оглушительно чирикая; а военные трофеи, въ видѣ нѣжнаго бѣлаго пушка, медленно кружась, опускались внизъ, точно не рѣшаясь упасть на холодную землю. Нѣжный пушокъ такъ очаровательно алѣлъ въ золотомъ лучѣ, кружевныя тѣни деревьевъ такъ изящно ложились на посинѣвшій снѣгъ и звуки вечерняго благовѣста такъ ободряюще стучались въ сердце, что Валя не могъ долѣе предаваться печали.

Онъ схватилъ обѣ тоненькія ручки бабы Евы въ свои и, грѣя ихъ, весело сказалъ:

— Э, не бойся, бабочка! Даю тебѣ слово, что черезъ годъ я буду въ университетѣ.

И онъ сдержалъ это слово.

X.

Въ концѣ мая вернулась домой Марѳа, которой оставалось только выдержать послѣдніе экзамены на врача; за ней пріѣхалъ Антонъ, къ великому восторгу дѣда, уже окончившій курсъ Петровской академіи и ставшій его настоящимъ помощникомъ. Наконецъ, Панцыревы получили извѣстіе, что пріѣдетъ къ нимъ погостить Анна.

Когда Валя узналъ это, имъ овладѣло лихорадочное ожиданіе.

Цѣлые дни проводилъ онъ въ „гротикѣ", мечтая, представляя себѣ будущую встрѣчу. Никогда еще его истерзанная одиночествомъ и сомнѣніями душа не окружала такимъ радужнымъ ореоломъ женщину, которую онъ зналъ чуть-ли не отъ рожденія. Онъ отдыхалъ, мечтая о Нанни; онъ въ ней, какъ въ фокусѣ, собиралъ лучи любви и уваженія, которые отнималъ мало-помалу у своихъ.

И когда, наконецъ, этотъ вожделѣнный день наступилъ, Валѣ казалось, что онъ никогда еще не испытывалъ въ такой мѣрѣ радость отъ присутствія Анны. Онъ опьянѣлъ, онъ точно купался въ воздухѣ, пропитанномъ ею, онъ впивалъ въ себя ея взглядъ, ея улыбку... Онъ трепеталъ отъ звука ея голоса, ожидалъ каждаго ея слова, желалъ быть остроумнымъ, ловкимъ, вызвать ея удивленіе...

А пока что—молчалъ, стараясь дышать ровно, чтобы скрыть

свое волненіе, и еще... боялся! Его сердце, отравленное сомнѣніемъ, и тутъ неожиданно устало отъ любви: онъ вдругъ усумнился и въ своей Нанни. Онъ боялся—вдругъ она не оправдаетъ его ожиданій, вдругъ и она уже опошлилась и разочаруетъ его какой-нибудь обыденщиной, вульгарнымъ жестомъ... Что же тогда? Ему придется расколоть чудесный двуединый образъ, обѣднѣть на половину, отказавшись отъ нея, остаться только при „немъ", при „учителѣ", таинственно неизвѣстномъ.

Но этого не случилось. Анна осталась его прежней Нанни, такой же избранной, безпомощной, ученой и прелестной. По старому, всякій ея жестъ, всякое слово, заставляли его тайно трепетать отъ восторга.

Но въ то же время чуткое сердце Вали подмѣтило что-то новое въ Нанни, новое, которое прорывалось и сквозь оживленную радость свиданія, и сквозь ея разсказы о мужѣ, который долженъ былъ пріѣхать позже. Выдавалъ эту перемѣну и потускнѣвшій взоръ глазъ, горѣвшихъ нѣкогда „брильянтовымъ" огнемъ, и какая-то усталая, насмѣшливая улыбка, не имѣвшая ничего общаго съ ея обычной физической слабостью.

Любящее сердце Вали сразу увидало, что Нанни—не та, и это было вѣрно.

Анна начинала тосковать, ея личная жизнь казалась ей безцѣльной, проигранной... Зачѣмъ она столько училась? Куда дѣвались ея мечты? Ея знанія, такія необходимыя въ безправной деревнѣ, гдѣ она мечтала работать, оказались непримѣнимыми для россійскаго обихода. Ея вмѣшательство отягчало участь тѣхъ, кого она стремилась облегчить. Ея тяжба съ Полуэхтовымъ кончилась тѣмъ, что „бунтовщики" были высѣчены...

Развѣ она смѣла послѣ этого еще примѣнять свои знанія? Она притащила драгоцѣнную ношу къ порогу, она хотѣла подѣлиться ею съ неимущими; но двери къ нимъ были заперты враждебной рукою, и другіе страдали тогда, когда она въ нихъ стучалась...

Грязная дѣйствительность обывательской русской жизни отравила ее испареніями подвала; а воспоминанія о годахъ ученія въ Парижѣ представлялись ей сказочнымъ счастьемъ... Сколько вѣры, энергіи было въ ней самой, сколько веселья, воздуха, музыки и пѣнья было вокругъ нея... Эти поэтическіе кануны праздниковъ! Рождество, messe de minuit, въ домахъ радостное „réveillon"... И первая встрѣча съ нимъ, съ мужемъ, во время шумнаго mi-carême, посреди сплошной толпы, заполнявшей бульвары, на четверть покрытые confetti.

И во что обратилась она, энергичная дѣвушка, мечтавшая самостоятельно работать рядомъ съ мужемъ? Теперь онъ работаетъ; а она ждетъ его, сложивши руки... Потомъ онъ пріѣдетъ и снова станетъ работать, а она? Она будетъ довольствоваться своей любовью!

И Анна стала увядать, какъ бабочка, съ крыльевъ которой грубая рука стерла радужные переливы красокъ. Ясная лучезарность ея лица исчезла, движенія ея стали вялы. Она больше не возилась съ деревенскими ребятами, не шутила надъ своимъ званіемъ „адвоката", а цѣлыми днями висѣла съ книгой въ гамакѣ, апатично поглощая страницу за страницей.

Но кромѣ личной неудовлетворенности, Анну снѣдало безпокойство, которое подкашивало ея силы. Какая-то тайна носилась въ воздухѣ, Валя готовъ былъ поклясться въ этомъ! И по тому, какъ она вздрагивала, прислушиваясь къ отдаленному шуму, по тому, какъ она вперяла встревоженный взоръ въ пространство, и по тому, какъ она часто таинственно говорила съ Марѳой — Валя догадывался, что въ ея жизни происходитъ нѣчто важное; но ему и въ голову не приходило постараться узнать что-нибудь помимо ея желанія.

Однажды вечеромъ Валя сидѣлъ съ Анной въ Эоловой арѳѣ.

Сухой жаръ, дышавшій весь день надъ Локустовкой точно изъ раскаленнаго горна, неохотно отступалъ передъ прохладой короткой іюньской ночи. Колонны, къ которымъ былъ привязанъ гамакъ, и тарелка, стоявшая на каменной балюстрадѣ, еще не успѣли остыть; но изъ сада уже тянуло холодкомъ; трава, покрытая обильной росой, благоухала.

Изъ бесѣдки былъ виденъ уголъ освѣщеннаго балкона, искрящагося розетками разноцвѣтныхъ стеколъ, по которымъ изрѣдка проносилась изломанная тѣнь Вѣры.

Вѣра суетилась, ухаживая за Георгіемъ Павловичемъ, который сидѣлъ у стола со вспухшей рукою: онъ очень любилъ водить пчелъ и хвасталъ, что эти золотистыя труженицы признаютъ его, даже встрѣчаютъ радостнымъ жужжаніемъ. Доказательства противнаго, однако, бывали нерѣдко; но тогда старикъ настойчиво утверждалъ, что пчелки его не узнали...

Такъ было и сегодня.

Теперь Вѣра прикладывала къ рукѣ Георгія Павловича какое-то тѣсто, замѣшанное на меду; а Владиміръ читалъ вслухъ новую брошюру. Но когда Вѣра, взглядывая на вспухшую кожу, прерывала мужа сочувственными восклицаніями, свекоръ тихонько грозилъ ей здоровой рукой.

— Пустяки,—шепталъ онъ,—обидно только, что онѣ меня не признали...

И тихонько смѣялся.

Анна изрѣдка поглядывала изъ бесѣдки на освѣщенный уголокъ, живописно сіявшій разноцвѣтной розеткой среди темнаго кружева кленовъ; но мысли ея — это видѣлъ Валя — были далеко.

Она сидѣла поперекъ гамака, чуть-ли не перегнувшись вдвое посреди широкой сѣтки. Руки ея были раскинуты, ноги висѣли, не доставая до каменныхъ плитъ, и на ихъ ажурныхъ чулкахъ едва держались тоненькія туфли. Ея ротъ былъ открытъ шире обыкновеннаго, подъ потускнѣвшими глазами вспухли синія подушки. Возлѣ, на табуреткѣ, лежалъ пузырь со льдомъ, который она изрѣдка прикладывала къ сердцу.

Мареа уже нѣсколько разъ приходила къ ней, принося какія-то капли. Валя, какъ всегда во время недомоганій Нанни, чувствовалъ себя ненужнымъ, виноватымъ...

Онъ пытался развлечь ее и въ то же время боялся взволновать. Оттого онъ то начиналъ говорить, то умолкалъ, и все время на себя сердился.

И вотъ, въ одну изъ такихъ минутъ, когда взоръ его безцѣльно блуждалъ по горизонту, онъ замѣтилъ зарево на востокѣ.

— Чего ты, Валикъ? — спросила Анна, отъ которой не укрылось его испуганное движеніе.

Валя медлилъ съ отвѣтомъ; но Анна, быстро обернувшись, увидѣла ярко окрашенное небо и съ легкимъ стономъ откинулась обратно на сѣтку.

— Кажется, это въ Эсауловкѣ, у „милаго Тимоши“,—тихо сказалъ Валя.

Затрезвонилъ колоколъ пожарнаго депо у ограды парка, а по песку около бесѣдки заскрипѣли тяжелые шаги нянечки. Она несла фонарикъ со свѣчою.

— Скажи, что я сплю,—прошептала Анна.

Валя тихонько сошелъ со ступенекъ передать приказаніе, и нянечка, вручивъ ему свѣчу, удалилась.

Фонарикъ освѣтилъ помертвѣвшее лицо Анны, которая, лежа съ пузыремъ на сердцѣ, мерцающими глазами вглядывалась въ жуткую темноту ночи; но по мѣрѣ того, какъ разгоралось на горизонтѣ кровавое зарево, Валя сталъ замѣчать въ ея взорѣ нѣчто большее, чѣмъ обыкновенный испугъ передъ пожаромъ.

— Тебѣ нехорошо, Нанни?—спросилъ онъ, дотрогиваясь до ея руки, покрытой холоднымъ потомъ.

— Нехорошо, милый,—отвѣтила она и закрыла глаза.

На дорожкѣ послышались твердые, торопливые шаги Мароы, которая заговорила, еще не доходя до ступенекъ:

— Крестьяне не даютъ лошадей...

— Это въ Эсауловкѣ? — спросила Анна.

— Да... пятнадцать верстъ... Наши уже выкатили обозъ и ждутъ лошадей... не дождутся! А экономическихъ, однако, не запрягаютъ.

И она слегка улыбнулась. Затѣмъ сказала, доставая изъ кармана пузырекъ:

— Надо еще попробовать вотъ это... Только съ молокомъ... Валя, пойди, принеси молока.

Валя съ радостной готовностью побѣжалъ на кухню. Когда онъ черезъ нѣсколько минутъ вернулся обратно, Мароа горячо говорила:

— Что же дѣлать, если осталось только это единственное средство борьбы? Вѣдь ты же испробовала здѣсь всѣ легальныя средства, а развѣ разбой не остался прежній? Ты отказалась бороться,—значитъ, на разбой надо отвѣчать разбоемъ.

— И тогда погибнетъ культура.

— Что же дѣлать? Пусть погибаетъ культура, которая держится на разбоѣ. Вѣдь ты же знаешь, что требованія эсауловцевъ законны, что ихъ выпороли, когда они настаивали на своихъ законныхъ требованіяхъ... Значитъ, разбой дѣлаютъ не они, а этотъ опричникъ Тимошка!

Валя подалъ молоко, куда Мароа влила ложечку лекарства. Анна отпила немного; рука ея дрожала, зубы ударялись о края стакана.

— Ты видѣла... сегодня?—спросила она тихо.

Мароа отрицательно покачала головой.

Валя хотѣлъ сойти внизъ со ступенекъ.

— Валикъ, ты можешь насъ слушать,—съ ласковой улыбкой сказала Анна, — я не хочу имѣть отъ тебя секреты. Правда, Мара, онъ уже достаточно выросъ?.. Валикъ, въ Эсауловкѣ аграрный поджогъ, и тамъ теперь Кирилка.

Она схватила шаль, валявшуюся на краю гамака, и закутала ею свои покатыя узенькія плечи.

— Я могу понять цѣлесообразность такихъ поджоговъ; но душа моя не въ силахъ на нихъ откликнуться!—вздохнула она:— вѣдь гибнетъ чей-то трудъ, чья-то радость... Кто-то любилъ, созидалъ...

— Любили—одни, созидали — другіе! И все, что стоитъ на

такомъ противорѣчіи, не вправѣ защищать себя отъ разрушенія: тѣ, кто созидали, могутъ и уничтожить,—рѣзко возразила Марѳа.

— Уничтожайте несправедливость, а не объекты, которые не вліяютъ на ходъ событій...

— Ошибаешься! Эти объекты весьма вліяютъ на психологію субъектовъ... Такой пожаръ весьма измѣнитъ міросозерцаніе разбойничьей семьи Полуэхтовыхъ.

— Но развѣ у него все не застраховано?

— Увы, не успѣлъ... Горитъ весь урожай...

Валя слушалъ, и у него кружилась голова. Онъ читалъ коекакія книжки по соціальнымъ вопросамъ, поглощалъ газетныя статьи, велъ юношески-незрѣлыя бесѣды съ товарищами; но никогда еще не встрѣчался лицомъ къ лицу съ реальными проявленіями борьбы. Марѳа строго держалась теоріи невмѣшательства и не посвящала его въ тайны своей политической агитаціи. И вдругъ, неожиданно, ему пришлось очутиться въ самомъ ея центрѣ. Такъ вотъ какими путями разрѣшаютъ люди противорѣчія жизни, какъ утоляютъ они свою жажду добра, возстановляютъ поруганную справедливость... Сколько же должны были они раньше перестрадать, передумать, чтобы наконецъ, поднявъ пламенный мечъ, идти завоевывать себѣ счастье!

И представивъ себѣ всю эту картину всесвѣтнаго безпомощнаго горя человѣческаго, Валя точно задохнулся отъ ея невыносимаго величія. Бездна мыслей, масса вопросовъ охватила его; но изъ стыдливой деликатности онъ не рѣшился занимать собою этихъ женщинъ въ такую роковую минуту.

А пламя на небѣ охватывало все бо́льшій полукругъ. Подобно сполоху, оно то разгоралось, то меркло; иногда выскакивали оттуда цѣлые снопы огня и, какъ ракеты, потухали въ глубокой синевѣ лѣтняго неба. А съ двухъ сторонъ—съ востока и юга—доносились къ нимъ отдаленные звуки набата.

— Надо домой,—сказала, наконецъ, Марѳа,—я еще приду... Интересно знать, побѣдила ли у насъ классовая солидарность или хозяйственная скаредность... Я думаю, что пожарные все еще у сарая ждутъ мужицкихъ лошадей... Ну, до свиданья! Ты, Валикъ, сиди здѣсь.

Марѳа ушла. Анна, которой послѣ лекарства стало лучше, устремила свой лихорадочно-мерцающій взоръ на Валю. Она употребляла массу усилій, чтобы преодолѣть волненіе.

— Милый,—сказала она,—ты сейчасъ услышалъ много... и новаго, и важнаго. Мы не хотѣли рано посвящать тебя во все это: душа твоя—слишкомъ горючій матеріалъ, ее страшно по-

тревожить. Мой тебѣ совѣтъ: не суди сейчасъ ни о чемъ, не склоняйся, пока, ни на какую сторону,—для тебя еще слишкомъ рано. Я лично съ этимъ не могу примириться, несмотря на блистательныя доказательства Мары... Знать, что сейчасъ тамъ ужасъ... что происходитъ разрушеніе нашей жалкой культуры... Ахъ, какія чудныя розы у этого негоднаго Тимоши!.. Не говори, потому что я знаю, что̀ ты можешь сказать о розахъ... Не говори! А только много думай,—прибавила она поспѣшно,—сядь здѣсь.

Валя умостился возлѣ сѣтки, на мягкихъ складкахъ ея шелковистаго капота.

Положивъ ему руку на голову, Анна заговорила о томъ, какъ ее мучаетъ эта новая полоса въ дѣятельности мужа. Событія озлобили его, возмутили спокойную работу, толкнули на путь анархической расправы. Она мучается теперь, допытываясь у себя самой, вправѣ ли она не сочувствовать? Вѣдь все зло—и уже сдѣланное имъ, и то, что̀ будетъ еще сдѣлано—останется каплей въ морѣ несправедливости, которую никогда ничѣмъ не возмѣстить! А съ другой стороны,—слѣдуетъ ли возмѣщать? И существуютъ ли такіе вѣсы, которые въ состояніи отвѣсить каждому по дѣламъ его?

Анна говорила долго, смачивая пересохшія губы молокомъ съ лекарствомъ, и Валя чувствовалъ, какъ эти слова магическими нитями привязываютъ къ ней его сердце... И не было для него на свѣтѣ человѣка дороже его Нанни!

— Вотъ, Мара счастливая,—кончила Анна,—она не сомнѣвается, что ея путь—самый лучшій, самый краткій... А я все выдумываю такую дорогу, которая была бы не очень полита кровью...

Анна замолчала.

Ей очень хотѣлось поговорить еще о томъ, какъ безпокоятъ ее опасности, которымъ подвергается мужъ; какъ она не спитъ по ночамъ, потому что больное сердце толкаетъ ея грудь и заставляетъ ее просыпаться въ ужасѣ отъ мрачныхъ видѣній. Но ничего этого не сказала Нанни, чувствуя, какъ угнетающе подѣйствуетъ на Валю подобная жалоба.

Такъ просидѣли они долго и молча.

Свѣча догорала въ своемъ стеклянномъ колпачкѣ; на балконѣ флигеля уже потухла разноцвѣтная розетка; только полукруглое зарево виднѣлось вдали, поглощая ясный свѣтъ звѣздъ своимъ кровавымъ сіяньемъ.

Вдругъ по песку дороги, пролегавшей мимо ихъ деревяннаго забора, мягко зашуршали колеса телѣги.

Анна откинулась назадъ и, уцѣпившись руками за веревочныя петли гамака, вперила расширившіеся зрачки на дорожку. Валя вскочилъ, зараженный ея волненіемъ.

Телѣга остановилась, калитка скрипнула, въ полосѣ свѣта показалась на мгновеніе фигура, одѣтая по-крестьянски, и пропала во тьмѣ сада; послышался голосъ Мареы.

— Мара!—громко крикнула Анна:—скажи скорѣе, случилось что-нибудь?

— Все благополучно; онъ пошелъ переодѣться,—отвѣтила Мареа, появляясь на ступенькахъ. — Сгорѣло все! Скирды, амбары, рига! Дворъ оцѣпили, не подпускали пожарныхъ... Тимоша пытался стрѣлять, ему скрутили руки. И кричали „ура" при этомъ... Телефонную проволоку перерѣзали прежде всего, и казаки папеньки Полуэхтова подоспѣли поздно: всѣ разбѣжались, огонь догоралъ... Имъ оставалось только раскурить у угольковъ цыгарки...

— Мара!—съ упрекомъ прошептала Анна.

Мареа посмотрѣла на Валю. Такой онъ еще никогда не видалъ сестру... Обыкновенно ея некрасивое лицо было холодно, точно отчуждено отъ жизни, сейчасъ—оно дышало энергіей, жаждой борьбы, вызывающей, непримиримой ненавистью.

— Что-жъ!—отвѣчала она, какъ бы подчеркивая возраженіе Анны:—ты за него меня упрекаешь?

Кивнувъ головой по направленію къ Валѣ, она прибавила:

— Пусть учится... Я щадила его, пока могла, а теперь—пусть выбираетъ! Безъ иллюзій, съ открытыми глазами.

По песку заскрипѣли твердые, эластическіе шаги Скобельцына. Скоро онъ появился на балконѣ, по обыкновенію спокойный, самоувѣренный, съ откинутой назадъ головой и высоко поднятыми плечами.

Его глубоко сидящіе глаза пытались разглядѣть лицо Анны въ полусвѣтѣ мигающей свѣчи. Она отвѣтила на это невыразимо-прелестнымъ взглядомъ, полнымъ любви, сомнѣнія, страха, замаскированнаго, извиняющагося упрека.

Нанни хотѣла привстать, протянула ему руку; но измученное тѣло не повиновалось ей... Вѣдь она не видала его двѣ недѣли, цѣлыхъ тяжкихъ четырнадцать дней и ночей, наполненныхъ фантасмагоріями страха. Онъ былъ такъ близко и отъ нея, и отъ бѣды, и такія скудныя свѣдѣнія получала она за это время! И она не жаловалась, она не спорила съ нимъ, не просила... Она знала непреклонность мужа: то, что онъ рѣшилъ, считалось наполовину сдѣланнымъ.

И выдержавъ храбро всѣ эти истязанія, Анна теперь обезсилѣла. Увидѣть мужа невредимымъ оказалось для нея слишкомъ большимъ, непосильнымъ счастьемъ.

Скобельцынъ нагнулся къ ней, но она была не въ силахъ отвѣтить ему даже улыбкой: красота этого вечера, его ясная тишина и тотъ великій трагизмъ, который совершился въ Эсауловкѣ, безысходность ея сомнѣній, беззавѣтная рѣшительность мужа—все это разомъ столкнулось въ душѣ Анны. Она точно захлебнулась отъ нахлынувшихъ мыслей о безбрежности жизни; но тотчасъ же, какъ бы разрѣшая всѣ противорѣчія, ее осѣнила своимъ чернымъ крыломъ идея смерти... смерти неумолимой, неминуемой, всѣхъ согласныхъ и несогласныхъ,—далекой ли, близкой, все равно!

Но, какъ всегда, Анна скрыла это чувство, и тихонько сказала, пытаясь улыбнуться:

— Ты пахнешь дымомъ.

Вдругъ улыбка сбѣжала съ ея лица, судорога страданія исказила его, и она, привычная покоряться боли, съ тихимъ стономъ откинулась на сѣтку.

XI.

Въ округѣ только и говорили, что о пожарѣ. Здѣсь это была первая рѣшительная битва, данная крестьянствомъ умирающему режиму.

Помѣщики усиленно ѣздили въ губернскій городъ страховать урожай, закладывать землю. Чудовищные слухи о предстоящихъ поджогахъ перелетали изъ усадьбы въ усадьбу, мѣшая спать перепуганнымъ обитателямъ.

Но прошло немного времени, и всѣ стали успокаиваться: въ Эсауловку привели казаковъ, и уже до суда крестьяне были такъ наказаны, что даже самые недовѣрчивые изъ дворянъ повѣрили въ силу правительства.

Тогда случилось обратное: замерла жизнь въ деревнѣ; а въ усадьбахъ домашній обиходъ началъ вступать въ свои права.

Локустовка стояла на пути къ губернскому городу, и всѣ окрестные помѣщики заѣзжали сюда закусить, дать передышку лошадямъ, побесѣдовать.

Степанъ Михайловичъ выслушивалъ жалобы, сочувствовалъ, кормилъ на славу и, провожая дорогихъ гостей, кланялся на „заднемъ парадѣ“; но лицо его при этомъ оставалось холоднымъ: онъ презиралъ этихъ ноющихъ, трусливыхъ дворянъ. Онъ

былъ увѣренъ,—у него ничего подобнаго не случится; отъ Панцыревыхъ остались такіе каменные амбары, которые могутъ выдержать натискъ военной силы. Конечно, и въ Локустовкѣ крестьяне стали грубѣе, среди рабочихъ дисциплина ослабѣла; но онъ былъ увѣренъ, что съ этимъ справится. Да и „доклады" Дормидонтыча, отлично освѣдомленнаго насчетъ психологіи окружающей меньшей братіи, не вызывали никакой тревоги: самый буйный элементъ деревни началъ переселяться давно, еще со времени трагической кончины сына... Ужасъ случившагося создалъ это невысказанное, негласное соглашеніе, и кровь его точно примирила деревню съ усадьбой.

Конечно, теперь народилось новое поколѣніе; но даже и его старикъ не боялся. Пусть попытаются придти къ нему—онъ выпуститъ всѣ пули изъ ружей и револьверовъ, защищая свое добро, а еще больше—свой авторитетъ.

И по контрасту съ этими жалкими, испуганными сосѣдями, Степанъ Михайловичъ чувствовалъ себя сильнѣе; ихъ страхи дѣлали его увѣреннѣе въ незыблемости собственнаго благополучія.

Давно уже старикъ не былъ такъ хорошо настроенъ, какъ за послѣднее время: Валя, выдержавши сразу экзаменъ, поступилъ въ университетъ; Марѳа, что̀ ни говори, отвоевала себѣ почетное положеніе въ жизни; Антонъ, окончившій курсъ Петровской академіи, становился настоящимъ помощникомъ.

И дѣдъ не могъ надышаться на Антона, говорилъ только съ нимъ и часто, за столомъ, поговаривалъ о женитьбѣ.

— Не добро быть мужику едину, — замѣчалъ онъ иногда особеннымъ, радостнымъ голосомъ, — при землѣ должна быть и хозяйка.

Антонъ улыбался; но что-то принужденное замѣчалось въ этой улыбкѣ.

Возмужавшій, ширококостый крѣпышъ, Антонъ тщательно старался скрыть отъ дѣда какую-то перемѣну въ своей душѣ. И глаза его смотрѣли теперь иначе, и на безхитростныя черты легло особое выраженіе. Что-то новое стучалось въ его сердце; но онъ пугался, не хотѣлъ, отгонялъ... Онъ старался смотрѣть на событія, происходящія вокругъ, глазами дѣда, боролся противъ сомнѣній, анализа жизни... Онъ хотѣлъ прожить свою жизнь спокойно. Онъ предавался труду съ прежнимъ радостнымъ рвеніемъ,—но эта еще едва замѣтная трещина уже слегка вліяла на непосредственность его поступковъ. Теперь Антонъ еще сильнѣе чувствовалъ свою отчужденность отъ Марѳы и

Вали. Эти всегда были вмѣстѣ; они вели долгія бесѣды между собою, которыя обрывались, когда подходилъ Антонъ...

Марѳа вовсе не старалась „распропагандировывать“ Валю; напротивъ, она сомнѣвалась, чтобы его созерцательная и слишкомъ требовательная натура была способна къ активной борьбѣ. Поэтому Марѳа съ нѣжной заботливостью старалась указать брату всѣ трудности такой борьбы, оставляя въ тѣни ея эффектныя, захватывающія стороны.

Валя также находился на распутьи: онъ привыкъ вѣрить Марѳѣ; но въ то же время исповѣдь его милой Нанни запечатлѣлась у него на сердцѣ; и эти два міросозерцанія вели тамъ непрерывную борьбу. Онъ иногда утомлялся, ропталъ.

— Я былъ счастливѣе раньше, когда ни о чемъ не думалъ, — вырвалось у него однажды, — а теперь... Не сталъ я теперь сильнѣе! Антону гораздо лучше...

— Еще лучше Дормидонтычу, — отвѣтила ему въ тонъ Марѳа,—а всѣхъ лучше, навѣрно, Барбосу.

Они сидѣли внизу, на пристани.

Паромъ только-что отчалилъ, вызванный толпой рабочихъ, пестрая толпа которыхъ виднѣлась на томъ берегу разноцвѣтными пятнами.

Послѣ нестерпимыхъ жаровъ пошли дожди; рѣка вздулась, едва сдерживаемая плоскими берегами. Мутная вода покрывала доски пристани, и Валя съ Марѳой примостились на ея широкихъ перилахъ, упираясь ногами въ скамейку.

Вѣтеръ дулъ на берегъ, колыхая мостки; привязанная къ столбу лодка ежеминутно вздрагивала, сердито дергала цѣпь, сотрясала перила. Изрѣдка солнечный лучъ прорѣзывалъ черныя тучи, и тогда на стальныхъ волнахъ широкими столбами ложились золотые блики.

Валя сидѣлъ, крѣпко прижавшись къ сестрѣ, которая обнимала его своей широкой веснущатой рукою. Дормидонтычъ бродилъ гдѣ-то близко въ камышахъ, разыскивая утокъ.

— Это вѣчный и неразрѣшимый споръ между сознательнымъ и безсознательнымъ въ человѣкѣ,—прибавила Марѳа,—и ненужный... потому что ничто не можетъ закрыть глаза, разъ они открылись...

Валя молчалъ, наблюдая, какъ вода съ сердитымъ хлюпаньемъ атаковывала доски. Послѣ яростныхъ ударовъ, она, точно усталая, растекалась плавно зигзагообразными полукругами, со змѣившейся коемкой ряби по краямъ. Или, вдругъ, начинала сотрясать мостки снизу, и тогда изъ щелей выбивалась наверхъ жел-

тая пѣна. Она металась, точно одушевленная сознаніемъ, точно ищущая выхода, простора... Клочки ея собирались вмѣстѣ и вдругъ, соединенными силами, подбирались къ щелкѣ, чтобы ускользнуть внизъ, въ родную, темную бездну; но оттуда неожиданно выхлестывала враждебная волна, и ноздреватый желтый комочекъ откидывался ею еще дальше.

— Вотъ такъ и я!—задумчиво сказалъ Валя.—Посмотри на эту пѣну... Я выбился также изъ жизни—зачѣмъ? Неизвѣстно! И также тянетъ меня снова въ ея глубины; но какая-то сила заставляетъ все метаться...

— Лишь бы только не безцѣльно, Валикъ,—ласково замѣтила Мареа.

— Цѣль... цѣль,—прошепталъ юноша:—вездѣ такъ много цѣлей... А какъ угадать истинную цѣль?

— Этой схоластики я въ себѣ никогда не допускала,—возразила Мареа:—я выбирала цѣль по всей силѣ моего разумѣнія, я боролась за нее и довольствовалась малыми результатами... Я знаю, что великое за меня сдѣлаетъ судьба...

Валя помолчалъ.

— Я, собственно, нелѣпый... — сказалъ онъ затѣмъ дрожащимъ голосомъ: — я бы хотѣлъ увидѣть результаты своихъ усилій... иначе скучно работать...

— По-моему, это самое вредное упрямство требовать осуществленія воочію своего идеала... Надо только изо всѣхъ силъ работать для этого...

Неожиданно вѣтеръ рванулъ съ удвоенной силой, мостки закачало, Валя съ Мареой чуть не упали въ воду; а тростники прибрежные, вдругъ содрогнувшись, отвѣтили вѣтру плавнымъ полукруглымъ поклономъ.

Гдѣ-то совсѣмъ близко раздался голосъ Дормидонтыча, по обыкновенію, корившаго свою пернатую паству: утки, забывъ всякій стыдъ, хозяйничали на огородѣ!

— Даже курица этого не могитъ! — усовѣщивалъ старикъ, подкрѣпляя аргументацію весьма развѣтвленной хворостиной.— А курица больше правъ имѣетъ: курицѣ вода заказана! Кша! Кша! Не нравится? Собаки безсовѣстныя! Рвань непорядочная!..

Наступила пауза, прерываемая щелканьемъ лозы, и затѣмъ раздалось уже тягчайшее оскорбленіе:

— Некомпетентныя!

— Некомпетентныя! — повторилъ Валя, желая скрыть свое волненіе подъ искусственной веселостью.—Какой смѣшной!... И что онъ этимъ хочетъ сказать?

Онъ прижалъ свое лицо къ щекѣ Марѳы, смѣясь и повторяя:

— Некомпетентныя!

Смѣхъ его замиралъ, становясь все искусственнѣе; наконецъ, и совсѣмъ затихъ... Послѣ маленькой паузы Марѳа вдругъ почувствовала у себя на щекѣ нѣсколько его горячихъ слезинокъ.

Валя хотѣлъ поднять голову, но сестра удержала ее подлѣ себя своей сильной рукою.

Надвигались сумерки, вѣтеръ стихалъ. Валя чувствовалъ себя теперь гораздо спокойнѣе; ему было пріятно отдыхать на плечѣ Марѳы. Онъ глубоко вздохнулъ, закрылъ глаза, еще мокрые отъ слезъ, и прошепталъ:

— Стыдно мнѣ ныть... Развѣ не счастье имѣть тебя своимъ другомъ?

— Я тебя понимаю! — отвѣтила Марѳа низкимъ груднымъ голосомъ.—Я сама все это переживала... но я—чернорабочая и въ трудѣ забывала...

Легкая краска покрыла лицо дѣвушки. Она вспомнила еще кое-что изъ дней своей молодости, которую она считала давно прошедшей... Она вспомнила про свои увлеченія, которыя такъ тщательно скрывала, что никому и въ голову не приходило заподозрить въ этой суровой дѣвушкѣ нѣжное сердце. А между тѣмъ она втайнѣ влюблялась и въ учителей, и въ профессоровъ, безъ всякой надежды на взаимность, презирая себя за это. Она мечтала и о Владимірѣ Панцыревѣ, но скорѣе дала бы себя убить, чѣмъ какимъ-нибудь намекомъ проявить свое чувство. Теперь ея горячее сердце уже остыло, и она, краснѣя, вспоминала о непростительной слабости юныхъ дней.

— Угу! Угу!—вдругъ совсѣмъ близко закричалъ Дормидонтычъ, и его высокій силуэтъ появился у перевоза.

Онъ гналъ впереди себя стаю крякающихъ, мятущихся утокъ, которыя вдругъ слетѣли съ берега и красиво разсыпались бѣлыми матовыми пятнами по блестящей стали потемнѣвшей воды.

Старикъ подошелъ къ „баричамъ“ и сѣлъ на скамейку, опустивъ свои тяжелые сапоги прямо въ воду.

— Простудишься, дѣдъ,—сказала Марѳа.

— Отъ-то! развѣ мы господа?—равнодушно возразилъ онъ, и, потянувшись, прибавилъ:—Охо-хо-хо, спинушка ломитъ, грѣшная.

Дормидонтычъ вздохнулъ; отъ него такъ и понесло сивухой: онъ былъ навеселѣ.

— Старость пришла, дѣдъ?—сказала Марѳа, стараясь показать, что она не замѣчаетъ этого; но Валя брезгливо отодвинулся: съ тѣхъ поръ какъ онъ узналъ, что его старый пріятель занимается доносами, его былая дружба къ нему исчезла.

— И не отъ старости это вовсе, матушка моя маленькая,—задорно возразилъ дѣдъ,—это еще съ тѣхъ поръ, какъ молодого барина подъ вѣдмедя подвели...

— Какого барина?—спросилъ Валя, чувствуя, какъ вздрогнула рука Марѳы, обнимавшая его плечо.

— Да нашего... упокойника Лексѣя Степановича,—равнодушно отвѣтилъ дѣдъ.

Марѳа сдѣлала движеніе, желая встать; но Валя стиснулъ ей руку.

— Значитъ, моего отца нарочно подвели подъ медвѣдя?—спросилъ онъ спокойно, хотя голосъ его пріобрѣлъ особенный металлическій оттѣнокъ.

— Зачѣмъ...—начала было Марѳа; но Валя перебилъ ее.

— Оставь! — сказалъ онъ повелительно. — Вѣдь рано или поздно я долженъ узнать...

Онъ отодвинулся отъ сестры и закрылъ лицо похолодѣвшими руками, стараясь справиться съ охватившимъ его волненіемъ. Онъ хотѣлъ мужественно, лицомъ къ лицу, встрѣтиться съ этой семейной тайной, которую отъ него скрывали. Обыкновенно, на свои вопросы о родителяхъ, онъ получалъ уклончивые отвѣты; онъ только и зналъ, что по роковой случайности они оба умерли въ тотъ день, когда онъ родился. И такъ какъ въ дѣтствѣ невѣроятное принимается такъ же просто, какъ и обыденное, то онъ привыкъ относиться къ этому, какъ къ факту, который надо принимать безъ всякой критики. Но чтобы этотъ фактъ прикрывалъ собою такой безграничный, такой безпросвѣтный ужасъ,—чтобы этотъ фактъ усугубилъ его душевныя страданія, сдѣлалъ ихъ неутолимыми... Эта тяжесть казалась ему не по силамъ.

— Пойдемъ, Валикъ,—умоляюще прошептала Марѳа.

— Нѣтъ!—рѣзко сказалъ онъ:—наконецъ, имѣю же я право знать?

Онъ отнялъ руки отъ лица, выпрямился, точно собирая свои силы для предстоящей битвы, и спросилъ еще разъ:

— Значитъ, отца нарочно подвели подъ медвѣдя?

— А кто ихъ знаетъ, нашихъ мужиковъ?—отвѣчалъ Дормидонтычъ.—Какъ это вышелъ Мишка изъ берлоги, да пошелъ на Лексѣя Степановича, — они всѣ глянули другъ на дружку,

да и попятились къ болоту. А Лексѣй Степановичъ позираетъ на насъ, да на Мишку, да какъ заголоси-итъ: „Братцы, что же вы это!“

Дормидонтычъ вздохнулъ.

— Ну, и что же?.. Что же? — истерически торопилъ его Валя.

— Я, было, кинулся впередъ; а Васька—что-бъ ему!—бухъ мнѣ въ ноги... Я—прямо въ яму носомъ! Дальше и не помню... Спина-то съ эстихъ поръ и повредилась.

— А дальше что же?

— Говорю, дальше не помню! Очувствовался я—не могу вылѣзть! Яма скользкая — ухвачусь за землю, а она отваливается... Ну! бѣды! За мной только къ вечеру навѣдались... Слышу: барина вѣдмедемъ задавило.

— Но за что же? За что такой судъ?

— Суда и не было,—отвѣчалъ старикъ, присматриваясь къ бѣлымъ точкамъ, которыя мелькали въ камышахъ, по направленію къ огороду:—Гляди-ко, гляди! Утки... Опять грабить салату идутъ...

Онъ вскочилъ, зашагалъ по хлюпающимъ доскамъ; но потомъ снова сѣлъ.

— Хитрятъ!—старикъ ласково подмигнулъ.—Вы хитры, да и я не простъ... Тамъ видно будетъ, кто кого...

Онъ зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и прибавилъ:

— Суда не было... Какой судъ? Надъ вѣдмедемъ, что-ли?

И вдругъ неожиданно сорвался съ мѣста: бѣлыя пятна исчезли, а издали доносилось побѣдоносное кряканье.

— Неестественныя!—крикнулъ дѣдъ, и скрылся въ прибрежной лозѣ.

Стало совсѣмъ тихо. Закатывалось багровое солнце. Отъ грузной черной тучи, нависшей надъ западомъ, постепенно отрывались разорванные клочки; огненно-зловѣщіе, они медленно плыли на темномъ фонѣ клубящагося тумана и, описавъ полукругъ, опускались въ груду тучъ на востокѣ. Снѣжно-бѣлыя, фіолетовыя, розовато-лиловыя—эти яркія лохмотья громоздились тамъ другъ на другѣ, перемѣшавши между собой всѣ краски, и медленно гаснули на радужномъ фонѣ, оставляя коричневыя тѣни. Поромъ, подходившій съ того берега, едва шевелилъ на стихшей рѣкѣ зловѣщія отраженія этихъ пестрыхъ пятенъ

— И какъ просто... какъ равнодушно разсказалъ онъ мнѣ. все это!—воскликнулъ Валя!—Утки занимали его больше!

— Но вѣдь прошло уже двадцать лѣтъ,—возразила Мареа.

— И ты знала? Ты знала?—допытывался Валя.

— Знала...—отвѣчала сестра.

— Но за что? За что?—онъ соскочилъ на доски и прямо по водѣ пошелъ къ парку, повторяя:

— За что же, за что, Мара?

Мароа шла за нимъ, не отвѣчая.

XII.

Судьба точно заранѣе готовила Валю къ удару, который, наконецъ, былъ ему нанесенъ. Она рано разбудила его душу, напоила ее горечью рефлективныхъ страданій и тогда только дружеской рукой Дормидонтыча бросила на его плечи тяжелую ношу.

Валя принялъ этотъ ударъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ ожидала Мароа. Его безпредметныя терзанія, наконецъ, воплотились, и онъ почувствовалъ даже облегченіе, точно послѣ перелома болѣзни. Онъ созналъ себя возмужавшимъ, закаленнымъ, съ опредѣленной цѣлью въ жизни. Это уже были не ребяческія мечты о завоеваніи дѣдовскаго сердца, того идеальнаго сердца, которымъ онъ грезилъ когда-то во снѣ... И это не были тщеславные потуги юноши, создававшаго поэму о великомъ мудрецѣ, оскорбляемомъ толпою. Предъ Валей встала реальная и, какъ ему казалось, осуществимая задача — заставить всѣхъ отречься отъ земли, обагренной кровью. Онъ вдругъ увидѣлъ смыслъ своей жизни, ея красоту, обѣтованье, и благодаря этому выбился изъ трясины сомнѣній. И въ первый разъ онъ бодро посмотрѣлъ впередъ, предчувствуя въ грядущемъ новую, неизвѣданную радость, купленную отреченіемъ.

Насчетъ причинъ ужасной расправы, Мароа могла сообщить только догадки, такъ какъ въ семьѣ никогда не говорили объ этомъ. Вѣроятно, за землю. Отецъ былъ строгій исполнитель всѣхъ предначертаній дѣда и неумолимо проводилъ ихъ въ жизнь; а жизнь, въ свою очередь, отвѣтила ему съ такой же неумолимостью.

— Я мало помню отца, — говорила Мароа, — но тотъ моментъ, когда внесли его трупъ на носилкахъ изъ еловыхъ вѣтокъ... О, этого я никогда не забуду! И крика мамы тоже... Я никогда бы сама не разсказала тебѣ... Я была бы такъ счастлива, еслибы ты не зналъ...

— Напрасно,—возразилъ онъ, и въ глазахъ его появилось глубокое, мистическое выраженіе:—я родился какъ разъ въ

такую минуту... Значитъ, для того, чтобы искупить... Подумай только, какъ должны были быть озлоблены тѣ, которые стояли и смотрѣли... Что должны были они чувствовать потомъ, когда сами же несли его къ дому?

Валя глядѣлъ вдаль; глаза его становились вдохновенными. Онъ спрашивалъ:

— Они живы еще? Они здѣсь, въ деревнѣ?

— О, нѣтъ, они переселились... Дѣдъ, какъ человѣкъ благоразумный, сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ... но они, все-таки, боялись.

— Я бы хотѣлъ ихъ видѣть... Я бы сказалъ имъ, что прощаю, я бы у нихъ просилъ прощенія... Я бы сказалъ, что теперь вся моя жизнь, вся жизнь... будетъ искупленіемъ...

Ему хотѣлось знать подробности великой драмы, но Марѳа ничего не могла больше разсказать ему; а спрашивать кого-нибудь другого у него не хватало духу... Развѣ—панцыревскую старушку? Да, нянечка, умная, доброжелательная, со своимъ крестьянскимъ здравымъ смысломъ, не станетъ уменьшать размѣры бѣдствія и разскажетъ все, какъ было.

Въ одно изъ воскресеній Валя отправился въ церковь. Онъ зналъ, что тамъ захватитъ старушку, которая никогда не пропускала обѣдни. Стоя на обычномъ мѣстѣ, у собственнаго стула, на собственномъ коврикѣ, нянечка пламенно молилась о благополучіи ея дорогого, ея любимаго семейства. Она молила Бога простить имъ кажущееся невѣріе, она клялась собственнымъ спасеніемъ, что всѣ въ домѣ — наилучшіе христіане... и нянечка земно кланялась строгой Божіей Матери Одигитріи, которую она больше всего любила за темное старинное письмо; и крестилась двуперстнымъ знаменіемъ.

Окончивъ молиться, нянечка выходила на паперть, гдѣ ее встрѣчала ветхая нищенка.

Обѣ старушки степенно отвѣшивали другъ другу по три земныхъ поклона. Нищенка, полугорбатая, худая, быстро сгибалась привычнымъ униженнымъ жестомъ; нянечка неторопливо качала полное тѣло, и кончики канаусоваго платка на головѣ ея дрожали.

Затѣмъ нянечка вынимала изъ узелка мѣдную монету и, крестясь, подавала ее нищенкѣ. Послѣдняя также крестилась, вздыхала, утирала кулакомъ глаза, которые, впрочемъ, всегда были сухи, и громко поминала всѣхъ присныхъ подательницы.

Нянечка, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ полезности этихъ

поминовеній, чутко прислушивалась къ перечисленію именъ, какъ бы не довѣряя ея добросовѣстности.

На этотъ разъ нянечка сократила обрядъ, такъ какъ замѣтила Валю, сидѣвшаго на кладбищѣ у чугуннаго памятника.

— Здравствуй, касатикъ!—сказала она, шурша крахмаленными юбками и шолковой трещащей шалью. — Гулялъ, видно? Притомился?

— Да, гулялъ,—отвѣтилъ Валя; — теперь вмѣстѣ пойдемъ къ порому.

Они прошли городскія улицы и по тропинкѣ, среди разбросанныхъ лачужекъ предмѣстья, спустились къ пристани. Порома не было.

— Обѣдаютъ сейчасъ, надо подождать, — сказала нянечка и сѣла на скамейку.

Отъ влажныхъ мостковъ шелъ паръ, непрерывно сдуваемый въ воду порывами вѣтра. Отливая радугой, онъ клубился на ея блестящей поверхности и затѣмъ таялъ въ лучахъ солнца. У перевоза стоялъ гранитный столбъ, и, точно защищая его, старая береза склонила надъ нимъ свои засохшія вѣтви, среди которыхъ трепетала еще зеленая корона листьевъ, вспоенная ея умирающими соками.

На противоположномъ берегу красовался бѣлый домъ Локустова; надъ домомъ—неправильный квадратъ деревни Панцыревки, разрѣзанный единственной широкой улицей съ растрепанными соломенными крышами; выше—опять чудесный садъ Панцырева, въ которомъ прятался его флигелекъ, сверкая галлереей изъ разноцвѣтныхъ стеколъ; а на самомъ шпицѣ горы—Эолова арѳа, въ которой, по преданію, любилъ работать другъ семьи—Грановскій.

Валя смотрѣлъ на этотъ чудесный видъ со смѣшаннымъ чувствомъ наслажденія и печали.

— Нянечка,—сказалъ онъ, наконецъ, съ усиліемъ, — здѣсь очень не любили моего отца?

Старушка нисколько не удивилась неожиданному вопросу.

— За что любить было, Валичка?—отвѣчала она, вздохнувъ.—Сколько изъ-за васъ народу обѣдняло, переселилось! А народъ все вольный, балованный—наши его какъ распустили!.. Гдѣ наше, гдѣ ихнее—никто не разбиралъ. Потомъ, какъ дѣдинькѣ досталось... хоть остаточки, хоть дребезги—а все лестно! Сперва бѣдные вы были, а тутъ—точно съ неба свалилось—помѣщики! Вотъ, дѣдинька и возгордѣлъ! „Я—говоритъ—ихъ черезполосицей дойму!“ И донялъ, что говорить!

Нянечка нагнулась къ Валѣ.

— Дорогу заперъ,—прошептала она,—на поле распахалъ, къ рѣкѣ не стало проходу! Стали мужики рыть колодецъ на клаптикѣ маленькомъ для водопою,—а твой отецъ не дозволяетъ: и это, молъ, нашъ клаптикъ... Вотъ мужикамъ и не стало мочи... Богъ ихъ всѣхъ разсудитъ на страшномъ судилищѣ...

Она помолчала, улыбнулась и прибавила, ласково похлопавъ по плечу Валю:

— Вѣдь я повитухой у маменьки была, голубокъ, тебя принимала... Только, помню, сѣла обѣдать, зовутъ къ вамъ... Что̀ за сказъ? Бѣгу... Папенька-то уже на столѣ, покровомъ покрытый... а мамаша твоя бѣдная... даже за акушеркой не успѣли съѣздить... Что̀ же, я приняла, какъ Богъ помогъ...

Нянечка замолчала, наслаждаясь тепломъ и покоемъ. Валя тоже молчалъ, глядя, какъ у ногъ его крутился сухой листочекъ и, шурша, проводилъ по пыльной землѣ полукруглую бороздку.

— А какъ же потомъ? Всѣ все забыли... Все пошло по старому?—проговорилъ онъ, наконецъ, съ усиліемъ.

— Что-жъ, дѣдушка все богатѣлъ,—такое ужъ ему счастье. Дормидонтычъ въ Іерусалимъ ходилъ, за міръ Богу молиться. Земного суда, вишь, не было, такъ чтобы и небесный простилъ. Намъ четки привезъ кипарисовыя.

— А дѣдъ богатѣлъ?..

— Дѣдинька, милый ты мой, и посейчасъ богатѣетъ... Ахъ, никакъ Дормидонтычъ на берегу,—покличь, милый!—перебила себя нянечка, замѣтивъ зоркими старческими глазами знакомую фигуру.

Валя покричалъ, и скоро имъ навстрѣчу двинулся поромъ, сотрясая веревку.

— Дормидонтычъ тогда очень, было, заскучалъ,—продолжала нянечка:—уже подъ вечеръ, вижу, бѣжитъ онъ черезъ дворъ, въ листьяхъ, въ землѣ весь, на палочку опирается, бѣжитъ прямо въ горницы и дѣдинькѣ—бухъ въ ноги! „Прости, молъ, не доглядѣлъ, не уберегъ, молъ, сына твоего любимаго!“ Степанъ-то Михайловичъ этакъ его ногой и кричитъ: „Вонъ!“... Ну, потомъ простилъ...

Поромъ подъѣхалъ.

Скоро спутники были на своемъ берегу. Нянечка распрощалась, торопясь наверхъ; Валя сейчасъ не хотѣлъ никого видѣть. Онъ поднялся, не заходя домой, въ гротъ и тамъ, лежа на соломѣ возлѣ своего вѣрнаго друга, березы, мучительно переживалъ разсказанное старушкой.

И дѣдъ могъ послѣ этого изобрѣтать, присовокуплять?!

Эта мысль пугала Валю, подрывала въ немъ довѣріе къ своимъ силамъ. Какъ же можно подѣйствовать на старика теперь, когда такое прошлое не могло измѣнить его характера?..

И развѣ можно это искупить? Одной жизни тутъ не хватитъ... Но прежде всего надо отказаться! Сдѣлать то, что̀ уже сдѣлала Марѳа. Оставить все, уйти, и трудиться, и работать, чтобы отдать тотъ чужой, тотъ отравленный хлѣбъ, которымъ его вскормили. Это—во всякомъ случаѣ—въ его власти.

XIII.

Былъ жаркій безоблачный день середины августа.

Валя, по обыкновенію, лежалъ у себя въ гротикѣ, когда къ нему заглянулъ Антонъ, предлагая ѣхать на тотъ берегъ купаться.

— Буря опять будетъ,—неохотно отвѣчалъ Валя.

— Пустяки!—возразилъ братъ.

Антонъ страстно любилъ лодочный спортъ, купанье, гимнастику; а Валя предпочиталъ сидѣть раздѣтымъ въ горячемъ пескѣ и смотрѣть на тростникъ, который кланяется синимъ волнамъ, на облака, на ихъ тѣни, скользящія по горамъ; но такъ какъ это можно было дѣлать только на томъ берегу, гдѣ былъ чудесный песокъ, поросшій ивнякомъ, то Валя часто ѣздилъ туда съ братомъ.

Однако, сегодня ему почему-то не хотѣлось: вотъ уже нѣсколько дней, какъ въ природѣ чувствовалось какое-то недомоганье, точно пароксизмы лихорадки. Вдалекѣ гремѣло, сверкала зарница; пріѣзжавшіе „сверху“ разсказывали о чудовищныхъ ливняхъ, ломавшихъ плетни, затоплявшихъ луга, уносившихъ скотину. Дѣйствительно, хотя въ Локустовкѣ стояла засуха, но рѣка вздулась, шумѣла, неся на мутныхъ волнахъ своихъ щепки, бревна, солому. Около полудня начинался низовый вѣтеръ; сперва легкій, едва уловимый, онъ затѣмъ крѣпчалъ до урагана, приносилъ въ прохладныя глубины зеленаго парка жаркую сушь и песокъ степей, поднималъ вихри на дорогахъ, сучилъ тамъ пыль длинными воронками и къ вечеру стихалъ, оставляя послѣ себя массу высушенныхъ листьевъ, растрепанныя полосы хлѣба и пожелтѣвшую траву.

— Но сегодня ничего не будетъ,—убѣждалъ Валю Антонъ,—вчера въ это время вѣдь уже гудѣло.

Дѣйствительно, было тихо, хотя безоблачное небо имѣло мутную окраску и сливалось на горизонтѣ съ землею стѣною тумана.

Однако поѣхали, прихвативъ съ собою поварова сына, двѣнадцатилѣтняго Кондрашку.

Валя купался недолго, ему всегда бывало холодно въ водѣ; зато Антонъ съ Кондрашкой были неутомимы. Валя успѣлъ уже нѣсколько разъ вываляться въ пескѣ и просохнуть, изжарить до красна спину, благодаря горячему солнцу, смотрѣвшему съ неба все болѣе воспаленнымъ глазомъ, а его товарищи все еще ныряли, все боролись и валили другъ друга въ воду, посылая вверхъ тысячи брильянтовыхъ брызговъ. Громкій хохотъ и непрерывный плескъ воды наполняли воздухъ.

— Одѣвайтесь, вы, тритоны этакіе!—кричалъ имъ Валя:—становится неспокойно.

— Глупости!—отвѣчалъ Антонъ, пытаясь опрокинуть Кондрашку внизъ головою.

Валя окунался и снова ложился на песокъ, закрывая набухшую спину рубахой.

А между тѣмъ въ природѣ начиналась какая-то неуловимая тревога. Было какъ будто тихо, однако прибрежный тростникъ вздрагивалъ, кланялся и опять выпрямлялся, чтобы вскорѣ снова поклониться. И по колючкамъ иногда пробѣгала волна надземнаго вѣтра; онѣ вдругъ начинали неловко поворачиваться, вертѣлись колесомъ, сцѣплялись вмѣстѣ и летѣли по песку до какой-нибудь преграды. Мелкія струйки, похожія на клинки широкихъ ножей, захлестывали берегъ, а причаленная лодка начинала безпокойно биться, точно предчувствуя что-то.

У Вали тоже начинало трепетать въ груди.

— Ѣдемъ!—крикнулъ онъ рѣшительно.—Будетъ буря, увидите...

— Мы поспоримъ!—отвѣчалъ Антонъ; но все-таки выскочилъ изъ воды и принялся поспѣшно одѣваться.

— Скорѣй!—торопилъ его Валя:—вонъ появились чайки.

Сѣли на весла, когда уже началъ потягивать порядочный вѣтеръ; а черезъ нѣсколько минутъ онъ сталъ замѣтно вліять на ходъ лодки.

— Противъ вѣтра и противъ теченія,—пробормоталъ Валя, который начиналъ сильнѣе чувствовать внутреннее безпокойство.

— Кондрашка, ставь парусъ!—приказалъ Антонъ.—Ого, сейчасъ полетимъ!

Валя только пожалъ плечами.

Черезъ секунду, визжа веревкой по кольцу, взвился ихъ вѣрный другъ, старый косой парусъ, сѣрый, испещренный пестрыми заплатами. Однако, лодка и съ помощью паруса плохо подвигалась.

— Кондрашка, дуралей, что̀ ты тамъ съ рулемъ дѣлаешь?— кричалъ Антонъ, натягивая бичеву.

— Лучше на весла, это предательскій вѣтеръ,—замѣтилъ Валя, стараясь казаться спокойнымъ.

— Да не кукси ты, Господи!—смѣясь, отвѣчалъ братъ.— Вотъ ужъ, дѣйствительно: „Глядите, какъ онъ худъ и блѣденъ, какъ презираютъ всѣ его“... Чего ты боишься? Не потопемъ... знаешь, почему?

— О, знаю, знаю...—возразилъ презрительно Валя.—Хоть бы ты придумалъ что-нибудь новое.

— Стоитъ безпокоиться, когда мудрость вѣковъ за насъ придумала, — равнодушно бросилъ Антонъ, употребляя все свое искусство морехода, чтобы заставить лавировать лодку.

Валя уже не спорилъ, но, какъ всегда, подумалъ, что Антонъ весьма неумный малый. Говоритъ онъ чужими словами, и для него этого вполнѣ достаточно, такъ какъ чувства его такъ ординарны, что какъ разъ соотвѣтствуютъ этимъ словамъ... Подъ внѣшнимъ дружелюбіемъ Валя скрывалъ отчужденіе къ брату и даже находилъ въ этомъ нѣкоторую высокомѣрную отраду. Онъ тщательно скрывалъ отъ него переживаемыя волненія, горделиво надѣясь справиться съ ними самому, безъ его помощи.

Парусъ визжалъ и бился на своей ржавой петлѣ; стая чаекъ съ криками летѣла за лодкой, купая грудь свою въ водѣ; Валя закрылъ глаза, чтобы не видѣть кровавыхъ бликовъ солнца, отъ которыхъ его тошнило. Наконецъ, онъ поднялъ голову и взглянулъ вдаль.

— Это что̀ тамъ такое?—спросилъ онъ вдругъ, увидѣвъ далеко на горизонтѣ узенькую полосочку песочнаго цвѣта.

Антонъ, встряхнувъ прилипшими ко лбу волосами, нетерпѣливо оглянулся.

— Ничего не вижу,—отвѣтилъ онъ снисходительно.—А ты ужъ испугался, „о, могучая стихія“?

— А ты видишь, Кондрашка?—обратился Валя къ мальчику, отвѣчая презрительнымъ равнодушіемъ на насмѣшку.

— Вижу,—пробормоталъ Кондрашка.

— Что̀ же это?

— Полоса...—отвѣчалъ мальчикъ, и въ голосѣ его послышался покорный ужасъ.

— Дуракъ!—бросилъ ему сердито Антонъ.

Антонъ имѣлъ право разсердиться: о „полосѣ“ принято не упоминать среди опытныхъ мореплавателей; „полосы“ избѣгаютъ самые закаленные рыбаки; о „полосѣ“ разсказываютъ всякіе страхи зимою, сидя въ безопасности у горячей печи... Антонъ сразу понялъ, что̀ такое эта узенькая сѣрая ленточка на горизонтѣ, но не хотѣлъ волновать свою трусливую команду.

Между тѣмъ узенькая ленточка быстро разворачивалась въ широкій свитокъ. Она затуманила уже даль рѣки, мутнымъ пологомъ нависла на небѣ и, темнѣя все больше, неслась навстрѣчу лодкѣ. Вотъ уже стало видно, какъ закрутилась пыль на прибрежной дорогѣ, какъ пригнулись деревья, какъ захлестали ихъ спутавшіяся вѣтви.

А на рѣкѣ еще только дуетъ ровный вѣтеръ, небо голубое, солнце свѣтитъ, разсыпаясь по безпокойной ряби сотнями кровавыхъ бликовъ, и лодка упрямо лавируетъ, отказывая въ повиновеніи.

— Спусти парусъ... Спусти парусъ... Сейчасъ ударитъ!— шепталъ Валя, который кромѣ страха испытывалъ еще невыносимое нервное безпокойство.

Но братъ, закусивъ губы, молча боролся съ невидимымъ врагомъ. Ему казалось, что кто-то заколдовалъ рѣку.

— Вотъ бы добраться намъ до стержня,—говорилъ Антонъ.

Онъ не только не испытывалъ страха, но былъ упоенъ борьбой и гордился передъ свидѣтелями своимъ мужествомъ.

Но имъ не удалось добраться до стержня. Сѣрый пологъ надвигался все быстрѣе. Стало слышно завываніе вихря; рѣка потемнѣла, небо становилось пепельно-грязнымъ; наконецъ затмилось солнце, и съ острыхъ гребешковъ волны исчезли его кровавые блики.

И вдругъ это грозное, это мучительно ожидаемое прилетѣло... Съ воемъ, съ визгомъ накинулось оно на лодку, ударило въ парусъ съ необычайной силой. Мачта накренилась, бортъ сильно зачерпнулъ воду.

— Парусъ!..—прошепталъ Валя, но Антонъ его не слышалъ.

Онъ хотѣлъ кричать, звать на помощь, но вокругъ никого не было, а носъ и ротъ его были набиты пескомъ...

— Теперь-то ужъ мигомъ домчимся!—донеслись до Вали точно издалека слова Антона; но всѣ его усилія ни къ чему не приводили.

Съ его багроваго лица потъ струился грязнымъ потокомъ,

вѣтеръ сзади надувалъ и рвалъ его рубаху, обращая ее въ подобіе какого-то громаднаго шара. Фуражка давно слетѣла съ его головы въ воду, волоса дыбились то вправо, то влѣво; но зато маленькіе сѣрые глаза горѣли вызовомъ, энергіей.

— О, вы меня еще не знаете... еще не знаете!—бормоталъ онъ, изо всѣхъ силъ удерживая веревку.

Но вдругъ старая парусина начала трещать и рваться.

— Что же ты дѣлаешь?—наконецъ изо всей силы крикнулъ Валя, заглушая на мгновеніе этимъ отчаяннымъ крикомъ безумный ревъ урагана.

Антонъ пробормоталъ ругательство и сталъ при этомъ очень похожъ на дѣда. Затѣмъ онъ отпустилъ петлю, и парусъ слетѣлъ на дно лодки, покрывъ собой Валю и помертвѣвшаго отъ страха, но безмолвнаго Кондрашку.

— Держи противъ вѣтра!—кричалъ что есть мочи Антонъ, хватая весла и съ могучимъ взмахомъ откидываясь назадъ. Валя изо всѣхъ силъ старался помогать ему; но весла ничему не могли помочь.

— Работай же, дуракъ! Работай! — поощрялъ Антонъ; наконецъ, увидалъ тщету всѣхъ усилій.

— Ну, тогда надо править обратно, иначе—капутъ!—проговорилъ онъ, внезапно успокоиваясь.—Кондрашка, поворачивай назадъ... влѣво, руль, влѣво, живѣе!

Кондрашка изъ кожи лѣзъ, но Антонъ требовалъ невозможнаго. Лодка металась, захлестываемая волнами, ее перебрасывало съ одного пѣнистаго гребня на другой, какъ мячикъ, руль поднимался надъ водой.

— Брось руль, бери весло! — скомандовалъ Антонъ. — Всѣ сразу веслами влѣво... скорѣе, ну же! Ну, еще разокъ! Еще! Живо, по командѣ!

Съ минуту длилась борьба. Жадная стихія не хотѣла уступить своей добычи, но энергія Антона отвоевала ее. Сначала лодка стала поперекъ, черпая бортомъ; а затѣмъ, громадными усиліями ее удалось поставить кормой подъ вѣтеръ, и она, какъ обезумѣвшая птица, понеслась обратно. Она летѣла такъ до тѣхъ поръ, пока не врѣзалась въ бѣлый хрустящій песокъ и тамъ замерла...

А Валя все сидѣлъ, боясь пошевелиться.

— Выходи же!—сказалъ Антонъ.—Надо ее вытащить больше, не то—вѣтеръ сорветъ.

Кое-какъ вылѣзъ Валя, и тутъ же упалъ на песокъ, пока Антонъ съ Кондрашкой суетились подлѣ лодки.

„Полоса“ со своимъ пескомъ и душнымъ смрадомъ улетѣла дальше; но ей навстрѣчу ползла тяжелая одноцвѣтная туча, ползла медленно, глухо ворча, противъ вѣтра, все покрывая одноцвѣтной сѣрой шапкой. И побѣжденный вихрь вдругъ утихъ, пески поспѣшно ложились на мѣсто; свинцовыя волны судорожно старались успокоиться въ зеленыхъ берегахъ... Тогда изъ спокойной тучи раздались настоящія угрозы грома, и первыя тяжелыя капли дождя упали на разбушевавшуюся землю.

— Тащи парусъ къ кустамъ!—сказалъ Антонъ Кондрашкѣ, когда лодка была вытащена на безопасное мѣсто.

Соединенными усиліями они накинули парусъ на ивовые кусты и, привязавъ его концы къ корнямъ, устроили палатку.

— Иди ты, „могучая стихія“,—крикнулъ Антонъ,—укрой свою поэтическую главу!

Покорно притащился Валя подъ шатеръ и снова упалъ на землю.

Антонъ съ Кондрашкой помѣстились возлѣ и сейчасъ же захрапѣли.

Валя, при всемъ желаніи, не могъ послѣдовать ихъ примѣру. Онъ прислушивался къ раскатамъ грома, вздрагивалъ отъ молніи, мелькавшей въ кустахъ, подобно гигантскому опахалу, слушалъ, какъ стекала съ паруса вода непрерывными ручьями, и все время думалъ объ Антонѣ. Вотъ, онъ сторонился брата, презиралъ его за неразвитость, за отсутствіе тонкости чувства; а между тѣмъ въ опасную минуту Антонъ оказался мужчиной, тогда какъ онъ, Валя,—малодушнымъ трусомъ.

Валя не только началъ уважать брата, онъ даже радовался полученному уроку, который посбилъ съ него спѣси. То высокомѣрное отчужденіе, которое онъ чувствовалъ къ нему раньше, теперь совершенно исчезло. Онъ сознавалъ себя виноватымъ, несправедливымъ, онъ былъ растроганъ до слезъ своимъ раскаяніемъ, ему хотѣлось сейчасъ же, немедленно оправдаться.

И Валя кинулся къ брату, прильнувъ къ его груди.

Антонъ вздрогнулъ, поглядѣлъ на него сонными, ничего не понимающими глазами; Валя, не дожидаясь вопроса, началъ говорить, горячо, пылко... Онъ каялся, бранилъ себя, клялся измѣниться... Теперь онъ убѣдился, что Антонъ гораздо лучше его, что онъ былъ просто круглый дуракъ, когда чванился передъ нимъ.

Антонъ слушалъ сначала съ недоумѣніемъ, а потомъ радостно пожималъ Валѣ руки. Послѣдній все говорилъ и не могъ наговориться! Онъ отдавалъ теперь брату всю свою душу. Онъ

разсказалъ даже о поэмѣ про „великаго отца“, въ котораго толпа бросаетъ каменья; про Анну, свою больную, прелестную Нанни, которая занимаетъ такъ много мѣста въ его сердцѣ. Объяснялъ, почему былъ грубъ съ домашними, и жаловался, какъ ему бывало больно въ это время. И, наконецъ, коснулся главнаго—того духовнаго перелома, который наступилъ теперь, когда тайна смерти отцовской была ему открыта.

Здѣсь впервые лицо Антона, слушавшаго брата съ большой симпатіей, какъ бы омрачилось.

— Варвары...—прошепталъ онъ.

— Варвары...—повторилъ Валя, и весь его пылъ какъ-то сразу исчезъ.—Ты счастливый, Тонька: сказалъ „варвары“—и думаешь, что этимъ все разрѣшилъ... Но за что̀? Развѣ ничтожная причина можетъ вызвать это?

— Мама была на сносяхъ, а они...—упрямо продолжалъ Антонъ.

— Но вѣдь не предполагаешь же ты въ панцыревскихъ крестьянахъ какихъ-нибудь особенно варварскихъ инстинктовъ?

— А кто ихъ знаетъ? Они всѣ были такъ распущены...

— Ахъ, слова изъ кодекса семейныхъ приличій, идеи Васьки и Амурчика... Но ты поймешь, если не сейчасъ, то потомъ, ты поймешь! Вѣдь это перевернуло мою жизнь... Теперь у меня только одна мысль... искупить...

— Искупить?—повторилъ Антонъ, и недоумѣніе отразилось въ его взорѣ:—ты, ты собираешься искупать ихъ вину?

— Я долженъ искупить нашу вину! Нашу!—воскликнулъ Валя:—до насъ, до Локустовыхъ, здѣсь всѣ жили мирно, никто не думалъ объ убійствѣ... Я точно предчувствовалъ... Не даромъ часто мнѣ бывало такъ тяжело, такъ узко... Эта тайна меня мучила, отравляла воздухъ, которымъ я дышалъ. Я чувствовалъ, но не понималъ... А теперь мнѣ легче... Предшествующее было искусомъ, послушаніемъ; а теперь начнется настоящее, начало работы цѣлой жизни. Я готовъ!

И Валя вдругъ заплакалъ.

Еще вчера онъ счелъ бы это невозможнымъ при Антонѣ; но сегодня ему было такъ сладко облегчить передъ нимъ свою душу.

Антонъ смотрѣлъ на него съ глубокимъ изумленіемъ: этотъ чудакъ, этотъ „пророкъ“, который худъ и блѣденъ, эта „могучая стихія“, этотъ „омлетъ“, надъ которымъ всѣ насмѣхаются... неужели это онъ говоритъ нѣчто важное, значительное, говоритъ такъ, что обычный тонъ легкомысленной насмѣшки выходитъ здѣсь неумѣстнымъ?

— И не это еще главное,—продолжалъ Валя:—самое ужасное—то, что смерть отца ни на что не повліяла, и послѣ этого къ нашему хутору прибавилось еще немало десятинъ.

— Молчи!—воскликнулъ Антонъ.

— Да, да, семейный патріотизмъ...

— Онъ самый! Надо же чего-нибудь держаться на свѣтѣ, иначе скучно... вертѣться безъ ничего, точно вымолоченный колосъ.

— У меня нѣтъ патріотизма и домашнихъ святыхъ я не признаю; для меня свято то, что освящено моимъ сознаніемъ.

— Но какъ же, Валикъ, жить среди своихъ, пользоваться ихъ трудами, а въ душѣ...

— Въ этомъ ты правъ! И оттого Марѳа училась на свои деньги... Когда я поступлю въ университетъ, я ничего у васъ брать не стану.

— У васъ...—повторилъ Антонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно поправился Валя,—ты не виноватъ... пока...,—тише прибавилъ онъ.

Братья помолчали.

— Но какъ же ты представляешь себѣ искупленіе?—задумчиво спросилъ Антонъ.

— Не знаю, ничего не знаю,—отвѣчалъ Валя,—но, навѣрно, можно придумать... надо только не закрывать глазъ, не отрекаться... Вѣчно чувствовать эту вину... Тогда мы придумаемъ,—да, Тоня?

Антонъ молчалъ. Сильная внутренняя борьба омрачила его взоръ, вызвала на лицѣ выраженіе суроваго протеста; но теперь это не отталкивало отъ него Валю.

— А дѣдъ?—пробормоталъ, наконецъ, Антонъ:—дѣдъ, который меня на своихъ рукахъ выняньчилъ? Я предамъ своего дѣда? Я втайнѣ стану осуждать его? Нѣтъ! Нѣтъ! Я не хочу больше говорить объ этомъ, довольно!

Валя отъ него отвернулся.

— Ну, ладно,—продолжалъ Антонъ съ повеселѣвшимъ лицомъ:—скажи, неужели было бы честно такъ сразу, безъ всякихъ колебаній, измѣнить дѣду?

Валя пожалъ плечами; ему не хотѣлось сознаться, что въ словахъ Антона онъ чувствуетъ долю истины.

— Нѣ-тъ, говори!—приставалъ тотъ, окончательно повеселѣвшій: онъ радовался, что нашелъ незыблемый якорь, который удержитъ его отъ сомнѣній.

— Не знаю, не знаю... Но только думаю, что на свѣтѣ

есть высшая правда, передъ которой блѣднѣетъ всякая благодарность,—отвѣчалъ Валя.

Но Антонъ, изъ чувства самосохраненія, не захотѣлъ вслушиваться въ эти слова, и старался только поддержать свой протестъ, а съ нимъ и хорошее расположеніе духа.

— Однако, вечерѣетъ, а Кондрашка все дрыхнетъ... Эй, ты, черноземная сила!

И онъ носкомъ сапога толкнулъ Кондрашку. Онъ часто дѣлалъ это; но сейчасъ Валя былъ слишкомъ расположенъ къ брату, чтобы промолчать, какъ прежде.

— Ну, зачѣмъ ты такъ?—сказалъ онъ.

— Что? Толкнулъ? Вотъ дуралей, да я отъ равноправности!—захохоталъ Антонъ.—Не вѣришь? Кондрашка, эй!

Заспанный мальчишка сѣлъ, протирая глаза.

— Эй, ты, полѣзай-ка сюда!

Антонъ присѣлъ, а Кондрашка, еще не успѣвшій придти въ себя, взгромоздился ему на плечи и оттуда, скаля зубы, смотрѣлъ внизъ на Валю.

— Держи-ись!—крикнулъ Антонъ.

Стремглавъ понесся онъ съ сѣдокомъ внизъ къ лодкѣ, споткнулся о корень, и оба полетѣли кубаремъ на мокрый песокъ.

— Видишь? — торжествовалъ Антонъ, вытирая лицо.—Ему со мной весело, а съ тобой скучно... Кто же изъ насъ лучше къ нему относится?.. Однако, приналяжемъ, братцы, ѣсть чертовски хочется.

Черезъ четверть часа они уже подъѣзжали къ своей пристани, гдѣ ихъ ожидали Марѳа съ Евой Михайловной, которая имѣла глаза, опухшіе отъ слезъ. Сейчасъ она хотѣла и плакать, и смѣяться... Ей хотѣлось обнять поскорѣе своего любимца; но она боялась обидѣть Антона... Поэтому старушка стояла на мосткахъ, еще дрожащая отъ пережитого страха, и только повторяла:

— Я смотрѣла въ бинокль... Это было ужасно...

Но дѣдъ, занятый разговоромъ съ Дулѣбовымъ, обратилъ на внуковъ мало вниманія.

— Видишь,—только сказалъ онъ сестрѣ,—я тебѣ говорилъ, что Тонька справится со всякой бурей...

„Амурчикъ", со своими заостренными ушами сатира, со сложенными на животѣ толстыми ручками и розовой лысиной, чувствовалъ себя вполнѣ въ своей тарелкѣ: глаза всѣхъ были обращены къ нему съ жгучимъ любопытствомъ.

— Ну и что-жъ?—торопилъ его дѣдъ, едва давая ему возможность поздороваться съ внуками.

— Да что-жъ, батюшка мой,—съ добродушно-циничнымъ видомъ продолжалъ свой разсказъ „Амурчикъ“:—разграбили все до чиста... Кричали „ура!“ и артелью ломали замки, чтобы не было виноватыхъ... А потомъ избили управляющаго... Да тотъ не ропщетъ,—спасибо, хоть живымъ оставили.

— Чего же онъ не стрѣлялъ?—флегматично бросилъ Степанъ Михайловичъ.

— Да вѣдь онъ нѣмецъ, и хитрый нѣмецъ... „Я, говоритъ, хотѣлъ быть только свидѣтелемъ“.

— Гм...—пробормоталъ Локустовъ и замолчалъ.

— Чего ему-то, нѣмцу, стрѣлять,—протянулъ „Амурчикъ“,—когда сами господа помѣщики своего добра не защищаютъ... Теперь намъ только кланяться да хвосты поджимать...

— Ну, это какъ кому,—бросилъ Локустовъ.

— Да, вотъ, Анастасьевы, совсѣмъ отъ своей земли отказались,—чай, слышали?

— Слышалъ...—равнодушно отвѣчалъ Степанъ Михайловичъ:—мужичкамъ изволили пожертвовать.

— Полуэхтовъ прямо собирается ихъ изъ дворянскаго сословія выключать...

— Зачѣмъ? Они и такъ принадлежатъ больше къ международному сословію—дураковъ...

— Да вѣдь всякій дуракъ долженъ призадуматься, рѣшаясь на такой актъ!.. Вѣдь это провокаціей, батюшка, пахнетъ! Теперь мужики отъ всѣхъ насъ такой дарственной передачи потребуютъ... Ну, продай сосѣду,—ну, отдай дешево въ аренду, если не нуждаешься; но такъ подводить—это... это... Знаете, теперь тамъ весь уѣздъ въ безпокойствѣ. Меня уже исправникъ спрашивалъ, хочу ли я въ Дулѣбово казаковъ?

— Что же вы?

— Придется поклониться,—лукаво отвѣчалъ Дулѣбовъ и бросилъ косой взглядъ на „крайнюю лѣвую“:—пива-то у насъ больно много наварено, какъ расхлебаютъ все незванные гости—съ меня, вѣдь, компанія спроситъ. Душъ двадцать пришлютъ, хе, хе... если, впрочемъ, считать полностью казацкую душу...

„Крайняя лѣвая“ приняла вызовъ.

Не докончивъ чай, Валя неожиданно всталъ и, смертельно блѣдный, стискивая рукою спинку стула, взглянулъ въ упоръ на Дулѣбова. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но губы его только задрожали.

— Это еще что такое?—спросилъ дѣдъ, притворяясь удивленнымъ.

Валя оторвалъ свою руку отъ спинки стула и вышелъ. За него отвѣтила Мароа.

— Я думаю, мы всѣ понимаемъ, что̀ это такое, — сказала она равнодушно.

— Да я, свѣтики мои, не насилую,—фальшиво-ласково проговорилъ „Амурчикъ".—Разговоръ—дѣло добровольное... только бы ужь не до скандалу, а то „мѣры стану принимать", какъ говоритъ нашъ исправникъ...

Дѣдъ насупился; его огромный покраснѣвшій подбородокъ дрожалъ.

— Молодо-зелено,—медоточилъ Дулѣбовъ.—Ни-че-го! Трепали ленъ, трепали; а потомъ изъ него и полотно ткали...

Но разговоръ, все-таки, оборвался.

А Валя лежалъ на соломѣ въ полутьмѣ своего гротика, стараясь справиться съ озлобленіемъ, которое смѣнило въ его душѣ мирную жажду подвига, искупленія... Какъ искупить? Кого искупать? Развѣ дадутъ они возможность искупленія? Пропасть между нимъ и дѣдомъ становится все шире, и въ этой пропасти погибаетъ и довѣріе къ людямъ, и вѣра въ свои силы...

Теперь казаки отъ нихъ близко, Локустовка соединена съ Дулѣбовомъ телефономъ, и дѣдъ не станетъ колебаться. Да, онъ рѣшится! И этотъ лѣсъ, эта роща, даже родимый тѣнистый паркъ можетъ обагриться кровью тѣхъ, чью вину онъ мечталъ возложить на свои плечи... И что̀ тогда будетъ дѣлать онъ, Валя? И кто возьметъ на себя этотъ горчайшій грѣхъ?

Долго лежалъ Валя въ гротѣ, озлобленный, холодный, неподвижный... Уже взошла ущербленная луна, уже потухъ огонь въ фонарикѣ бабы Евы, какъ вдругъ послышались быстрые шаги по тропинкѣ, и въ голубоватой полосѣ луннаго свѣта появилась коренастая фигура Антона.

— Ты тутъ, Валя?—кричалъ онъ, задыхаясь отъ быстраго бѣга.

Валя вскочилъ съ соломы.

— Что̀ тебѣ?—отвѣчалъ онъ съ сердцемъ, переполненнымъ непривычной ненавистью. — Ты наслушался ихъ и теперь пришелъ? Не хочу я съ тобой говорить, не хочу! А имъ скажи, что я ихъ ненавижу, что считаю ихъ... злодѣями! Что если они велятъ солдатамъ стрѣлять, то я стану впереди всѣхъ... подъ ваши пули!

— Богъ съ тобой!—отвѣчалъ Антонъ испуганно.—Чего это ты? Мало ли что̀ говорятъ!.. Я совсѣмъ о другомъ: сейчасъ прибѣгала Панцыревская нянька: Скобельцынъ арестованъ... Мароа осталась ночевать у Анны.

XIV.

Когда Валя подошелъ къ домику Панцыревыхъ, тамъ уже не видно было свѣта въ окнахъ, и ему пришлось вернуться домой; но на слѣдующій день онъ уже съ утра былъ у Анны.

Нанни снова разсталась съ мужемъ послѣ той памятной для нея ночи. Она изрѣдка получала отъ него записки, со дня на день ожидая новой встрѣчи, пока, наконецъ, не получила письма, написаннаго чужою рукою, гдѣ посторонній человѣкъ осторожно извѣщалъ ее объ арестѣ.

Нянечка задержала Валю въ корридорѣ, куда такъ весело свѣтило солнышко черезъ разноцвѣтныя стекла и ложилось цвѣтными узорами на некрашенныя доски пола.

— Стряслась бѣда, Валинька!—говорила старушка, отворачивая отъ него заплаканное лицо. — И въ толкъ не возьму, съ чего это? Видано что-ли, что бы его, какъ бродягу, въ тюрьму бросили? „Тебѣ, говорятъ, не понять“... Семьдесятъ лѣтъ все на свѣтѣ понимала, а ноньче въ дуры записываютъ...

Кромѣ нянечки, которая сильно волновалась, въ домѣ всѣ старались быть какъ всегда; но блѣдныя лица, ихъ неестественное спокойствіе, выдавали горе.

Георгій Павловичъ молчаливо сидѣлъ въ своемъ креслѣ, и четки въ рукахъ его нервно вздрагивали. Вѣра только-что кончила читать ему газету, а Владиміръ, стоя возлѣ Анны, говорилъ ей:

— Неразумно сразу подчиняться фактамъ... они тоже захватятъ, какъ клещами! Надо смотрѣть жизни прямо въ глаза,— пусть видитъ, что ее не боятся... Ты хочешь меня въ бараній рогъ согнуть, анъ, вотъ, и ошиблась! Я выпрямился и опять живу!

Анна, изсиня-блѣдная, съ большими печальными глазами, сочувственно слушала брата: этотъ неудачникъ, видно, и себя утѣшалъ такими же неутѣшительными разсужденіями, и, желая ей добра, отдавалъ ей то единственное, что имѣлъ въ запасѣ противъ козней жизни.

Не такъ отнесся младшій братъ, Борисъ, крѣпенькій студентъ второго курса.

— То-то ты выискивалъ столько точекъ сопротивленія, — сказалъ онъ: — было у тебя и непротивленіе злу, и физическій трудъ, и къ землѣ ты припадалъ, къ матушкѣ... то толковалъ о

свободномъ самоопредѣленіи, а теперь уже о внутреннемъ освобожденіи...

— Что-жъ, — раздражительно отвѣчалъ Владиміръ, — я ищу, волнуюсь, значитъ, живу... И это уже счастье.

— Живу, гм... — Борисъ высокомѣрно улыбнулся. — Мало ли кто чѣмъ живетъ? Тогда и гнѣвъ тоже счастье?

Въ тонѣ Бориса звучала нотка превосходства надъ неудачникомъ, который можетъ удовлетвориться такимъ убогимъ утѣшеніемъ. Владиміръ подмѣтилъ эту нотку, которая часто начала проскальзывать у брата.

— Что-жъ, — отвѣчалъ онъ спокойно: — бываетъ великій гнѣвъ, который также можетъ доставить счастье.

— Ну, — со смѣхомъ возразилъ Борисъ, — это что-то необычайное... не нитчеанство даже, а просто... нищеанство...

— Это ты отъ нищаго? — по лицу Владиміра скользнула насильственная улыбка; затѣмъ онъ, вздохнувъ, прибавилъ: — Что, братъ, подѣлаешь... надо имѣть какую-нибудь нору, куда укрываться, хотя бы это было даже нищеанство.

— Милый Володя... — прошептала Анна.

Старикъ не вмѣшивался въ разговоръ; но четки въ его рукѣ дергались все нервнѣе, и тяжелыя мысли о безсмысленности русской жизни, о тщетѣ единичныхъ усилій въ борьбѣ съ нею сверлили ему душу. Онъ самъ принужденъ былъ сложить оружіе передъ нею, затѣмъ и безцѣльная жизнь Владиміра опредѣлялась также этой безсмысленностью; но неужели та же судьба постигнетъ Анну, его слабую былинку Нанни, которая не въ силахъ выдержать испытаніе?

Тогда останется нетронутымъ только Борисъ, который, кажется, дѣйствительно, сумѣетъ бороться съ жизнью. Онъ одинъ въ семьѣ заботился о своемъ здоровьи, тогда какъ остальные не обращали на это никакого вниманія. Онъ не курилъ, смотрѣлъ съ снисходительнымъ сожалѣніемъ на Владиміра, поглощавшаго за ѣдою по нѣскольку рюмокъ водки, и даже не пилъ чаю къ ночи. Когда домашніе добродушно посмѣивались надъ нимъ, онъ говорилъ съ полнымъ сознаніемъ своей правоты:

— Надо привыкать бороться... иначе, пожалуй, дойдешь до Володина „нищеанства“.

И всѣ должны были соглашаться, что онъ правъ.

Борисъ одинъ рѣшался въ данное время критиковать поступки Скобельцына. Дѣлалъ онъ это въ отсутствіе Анны, съ принципіальной точки зрѣнія. Съ заносчивостью юноши онъ говорилъ о безполезности активной борьбы, о вредѣ пропаганды насилія.

Анна собиралась въ Петербургъ, куда повезли ея мужа; но въ домѣ не оказалось денегъ. Всѣ надежды сосредоточились на мѣщанинѣ Сидоровѣ, который снялъ садъ и обѣщалъ нянечкѣ выплатить сполна аренду.

Прошло нѣсколько томительныхъ дней, пока, наконецъ, нянечка однажды не вернулась съ деньгами.

Валя не покидалъ Анну до минуты отъѣзда. Она старалась казаться спокойной; но ротъ ея былъ открытъ шире обыкновеннаго и вокругъ губъ легли страдальческія складки. Изъ груди ея вырывалось свистящее дыханіе, на мерцавшіе глаза тяжело опустились перламутровыя вѣки, изломъ бровей безсильно опустился ниже. Она кутала тонкое тѣло въ какую-то широкую, мягкую шаль, согрѣвая подъ ней руки съ синими ногтями.

Когда Валя стоялъ на берегу и, глядя на плавно уходящій паромъ, махалъ ей шляпой, онъ вдругъ почувствовалъ, что его Нанни — человѣкъ конченный! Это испытаніе подрѣжетъ ея слабое здоровье, и вернется она уже не прежней очаровательной, нѣжной феей, а потухшей, надорванной, навѣки несчастной...

Эта мысль пронзила его до отчаянія. Онъ убѣжалъ въ гротъ и тамъ рыдалъ отъ состраданія, придумывая способы, чтобы хоть какъ-нибудь помочь ей перенести нагрянувшую бѣду.

И его прозорливое предчувствіе оправдалось: Анна пріѣхала домой, но то была уже не прежняя Нанни! Поѣздка эта ее окончательно сломила. Дѣло мужа было ясно до ужаса. Его видѣли въ нѣсколькихъ деревняхъ переодѣтымъ и жандармы, и полиція, и казаки. Онъ не отрицалъ ничего при допросахъ и рѣзкостью своихъ отвѣтовъ вооружилъ противъ себя прокурора. Аннѣ было отказано въ свиданіи до окончанія судебнаго слѣдствія, и ей пришлось вернуться, не видавши мужа.

Нѣкоторое время послѣ возвращенія она была еще возбуждена, много разсказывала и, къ ужасу нянечки, курила, курила, не переставая курила... Ротъ ея еще усиленнѣе сталъ ловить дыханіе, глаза переливались мучительными брильянтовыми огнями. Потомъ она замолчала и почти перестала сидѣть въ комнатѣ, проводя время то въ саду, около дома, то на горѣ или въ деревнѣ.

Когда деревенскіе ребятишки замѣчали эту согнутую тонкую фигуру, которую, казалось, могъ унести порывъ зимняго вѣтра, въ темной шубкѣ и съ волочащимся всегда платьемъ, — они шли за ней, безмолвно, не спуская глазъ. Анна останавливалась отдышаться — они также останавливались... Когда она роняла что-нибудь, — а это случалось постоянно, — шарфикъ ли, газету, пла-

токъ или муфту,—они, на-перебой, сварливо толкаясь, бросались поднимать упавшую вещь. И никогда Анна не употребляла никакихъ усилій, чтобы пріобрѣсть эту любовь. Она только раньше иногда болтала съ ними, когда ей того хотѣлось, или читала имъ что-нибудь въ саду, за толстыми колоннами Эоловой арфы. А дѣти привыкли къ ея свободной ласкѣ и требовали ея теперь.

Большей частью Анна, погруженная въ безотрадныя мысли, не обращала на дѣтей никакого вниманія, и они, проводивъ ее до воротъ дома, медленно расходились. Но иногда, замѣчая ихъ выжидательные взгляды, она точно вспоминала о нихъ, звала, по старому, въ домъ и пыталась имъ почитать или спѣть пѣсенку подъ аккомпаниментъ стариннаго рояля... И тутъ руки ея безсильно опускались, голосъ обрывался, губы дрожали, беззвучныя. Притихшія дѣти уходили; а она садилась въ кресло курить, изломанная, согнутая.

Юл. Безродная.

ЗАПИСКИ
С. М. СОЛОВЬЕВА

Мои записки для дѣтей моихъ,

а если можно, и для другихъ [1]).

I.

„Въ трудахъ отъ юности моея“...

5-го мая 1820 года, въ одиннадцать часовъ пополудни, наканунѣ Вознесенія, у священника московскаго коммерческаго училища родился сынъ Сергѣй, слабый, хворый недоносокъ, который цѣлую недѣлю не открывалъ глазъ и не кричалъ.—Помню я тѣсную, плохо меблированную квартиру отца моего, въ нижнемъ этажѣ, выходившую на большой дворъ училища, гдѣ въ послѣобѣденное время и вечеромъ гуляли воспитанники. Самыми близкими и любимыми существами для меня въ раннемъ дѣтствѣ были—старая бабушка и нянька. Послѣдняя, думаю, имѣла немалое вліяніе на образованіе моего характера. Эта женщина (т.-е. старая дѣвушка), сколько я помню самъ и какъ мнѣ разсказывали другіе, обладала прекраснымъ, чистымъ характеромъ: она была сильно набожна, но эта набожность не придавала ея характеру ничего суроваго; она сохраняла постоянно общительность,

[1]) Лѣтъ десять тому назадъ, мы получили копію „Записокъ“ нашего маститаго историка и профессора московскаго университета, Сергѣя Михайловича Соловьева, отъ его сына, покойнаго Владиміра Сергѣевича, для помѣщенія въ журналѣ въ качествѣ автобіографіи его отца и, вмѣстѣ, исторіи пережитаго имъ времени. При всемъ желаніи Вл. С. тогда же увидѣть эту автобіографію отца въ печати, его желаніе не-

веселость, желаніе занять, повеселить другихъ, большихъ и малыхъ. Нѣсколько разъ, не менѣе трехъ, путешествовала она въ Соловецкій монастырь и столько же разъ въ Кіевъ, и разсказы объ этихъ путешествіяхъ составляли для меня высочайшее наслажденіе; если я и родился съ склонностью къ занятіямъ историческимъ и географическимъ, то постоянные разсказы старой няни о своихъ хожденіяхъ, о любопытныхъ дальнихъ мѣстахъ, о любопытныхъ приключеніяхъ не могли не развить врожденной въ ребенкѣ склонности! Какъ теперь я помню эти вечера въ нашей тѣсной дѣтской: около большого стола садился я на своемъ дѣтскомъ стуликѣ, двѣ сестры, которыя обѣ были старше меня, одна тремя, а другая шестью годами, старая бабушка съ чулкомъ въ рукахъ и нянька-разсказчица, также съ чулкомъ и въ удивительныхъ очкахъ, которые держались на носу только. Небольшая, худощавая старушка, съ очень пріятнымъ выразительнымъ лицомъ (а тогда для меня просто прелестнымъ), съ добродушно-насмѣшливою улыбкою, безъ умолку разсказывала о странствованіяхъ своихъ вдоль по Великой и Малой Россіи. Я упомянулъ о веселомъ характерѣ старушки, о ея добродушно-насмѣшливой улыбкѣ: и въ разсказахъ своихъ она также любила шутливый тонъ, была мастерица разсказывать забавныя приключенія, и даже въ приключеніяхъ вовсе незабавныхъ умѣла подмѣчать забавную сторону. Такъ, напримѣръ, я очень хорошо помню разсказъ ея о бурѣ, которую вытерпѣло судно съ богомольцами въ устьяхъ Сѣверной Двины, приключеніе нисколько не забавное, и несмотря на то, разсказъ этотъ обыкновенно повторялся, когда молодой компаніи хотѣлось посмѣяться, потому-что разсказчица необыкновенно живо и комично представляла отчаяніе одного

могло быть исполнено, такъ какъ оно встрѣтило препятствіе со стороны одного изъ членовъ семьи, несмотря на то, что и самъ Сергѣй Михайловичъ, повидимому, ничего не имѣлъ бы противъ изданія въ свѣтъ его „Записокъ“: по крайней мѣрѣ, онъ, какъ мы видимъ, заявилъ, что его „Записки“ пишутся имъ не исключительно для его дѣтей, но также и „для другихъ“. Такъ какъ то препятствіе къ напечатанію „Записокъ“ устранилось нынѣ само собою, то мы и спѣшимъ теперь исполнить завѣтное желаніе покойнаго Владиміра Сергѣевича, поддерживаемое на этотъ разъ и его родными. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы напомнить о трудахъ С. М. Соловьева въ нашемъ журналѣ: начиная съ 1866, перваго года его существованія, и до самой смерти, онъ принималъ постоянное участіе въ немъ; въ 1866—67 гг. была помѣщена у насъ одна изъ выдающихся его монографій: „Эпоха конгрессовъ“, и нѣсколько позже: „Россія и Франція въ первой половинѣ царствованія Александра I“; затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ „Наблюденій надъ исторической жизнью народовъ“ (1868—1876 гг.). Въ самый годъ смерти, въ 1879 г., была нами помѣщена послѣдняя его статья: „Поццо-ди-Борго и Франція“.—*Ред.*

портного, который метался изъ одного угла судна въ другой, крича: „О, анделъ-хранитель!“

А между тѣмъ судьба моей разсказчицы вовсе не была весела. Родилась она въ тульской губерніи, въ помѣщичьей деревнѣ. Однажды, когда отецъ и мать ея были въ полѣ, и она, маленькая дѣвочка, оставалась одна въ избѣ,—приходитъ приказчикъ и съ нимъ какіе-то незнакомые люди: то были купцы, которымъ была запродана дѣвочка; несчастную взяли и повезли изъ деревни, не давши проститься ни съ отцомъ, ни съ матерью. Потомъ ее перепродали въ астраханскую губернію, въ Черный-Яръ, къ купцу. Разсказы объ этой дальней сторонѣ, которой природа такъ рѣзко отлична отъ нашей, о Волгѣ, о рыбной ловлѣ, большихъ фруктовыхъ садахъ, о калмыкахъ и киргизахъ, о похищеніи послѣдними русскихъ людей, объ ихъ страданіяхъ въ неволѣ и бѣгствѣ, также сильно меня занимали. Занимали и разсказы о собственной судьбѣ разсказчицы, о сильныхъ гоненіяхъ, которыя она претерпѣвала отъ хозяйскаго сына; я не могъ понимать причины гоненій, потому что на вопросы получалъ одинъ отвѣтъ: „*да такъ!*“—и сынъ черноярскаго купца представлялся мнѣ сказочнымъ злодѣемъ, который дѣлаетъ зло для зла. Я уже послѣ угадалъ причину гоненій, когда угадалъ, за что жена Пентефрія такъ сильно разсердилась на Іосифа.

Но старый купецъ съ женою иначе смотрѣли на свою рабу и, по прошествіи извѣстнаго срока, отпустили ее на волю за усердную службу. Ей захотѣлось возвратиться на родину, но какъ это сдѣлать? У нея была отпускная, но не было денегъ, и вотъ она пошла въ кабалу къ купцамъ, отправившимся съ товарами въ Москву, т.-е. тѣ обязались доставить ее на родину съ тѣмъ, чтобъ она послѣ заслужила у нихъ деньги, сколько стоилъ провозъ. Трогателенъ былъ разсказъ о свиданіи ея съ матерью, съ которою она должна была скоро опять разлучиться и переселиться въ Москву, гдѣ стала наниматься въ услуженіе.

Я упомянулъ объ умственномъ вліяніи разсказовъ моей няньки, но я не могу не признать религіозно-нравственнаго вліянія; бывало, начнетъ она разсказывать о какомъ-нибудь страшномъ приключеніи съ нею на дорогѣ, о бурѣ на морѣ, о встрѣчѣ съ подозрительными людьми, я въ сильномъ волненіи спрашиваю ее: „И ты это не испугалась, Марьюшка?“ и получаю постоянно въ отвѣтъ: „А Богъ-то, батюшка?“ Если я и родился съ религіознымъ чувствомъ, если въ трудныхъ обстоятельствахъ моей жизни меня поддерживаетъ постоянно надежда на высшую силу,

то думаю, что не имѣю права отвергать и вліянія нянькиныхъ словъ: „А Богъ-то!“

Отходивши меня, Марья-нянька—такъ ее называли въ домѣ—жила нѣсколько времени въ Москвѣ, уже не въ услуженіи, а собственнымъ хозяйствомъ, и вдругъ собралась въ дальній путь, въ старый Іерусалимъ. Изъ Одессы мы получили отъ нея письмо, въ которомъ она увѣдомляла, что садится на корабль. Послѣ возвратившіяся богомолки сказывали, что видѣли ее на Аѳонской горѣ,—и то была послѣдняя вѣсть.

Я распространился о старой нянькѣ своей, потому что вліяніе ея на образованіе моего характера считаю довольно сильнымъ, и потому еще, что послѣ я не встрѣчалъ подобной няньки, и не могъ найти для своихъ дѣтей няньки, хотя сколько-нибудь похожей на мою Марьюшку. Теперь перейду къ другимъ вліяніямъ, которыя начали дѣйствовать, когда уже я сталъ выростать. Важное вліяніе на образованіе моего характера оказала тихая, скромная жизнь въ домѣ отцовскомъ, отсутствіе всякихъ дѣтскихъ развлеченій; сестры мои, какъ я уже сказалъ, были гораздо старше меня, ихъ скоро отдали въ пансіонъ, и я по цѣлымъ днямъ оставался совершенно одинъ; вотъ почему, когда я выучился читать, то съ жадностью бросился на книги, которыя и составляли мое главное развлеченіе и наслажденіе. Восьми лѣтъ записали меня въ духовное училище съ правомъ оставаться дома и являться только на экзамены: самъ отецъ училъ меня дома Закону Божію, латинскому и греческому языкамъ, для другихъ же предметовъ я посѣщалъ классы коммерческаго училища. Въ послѣднемъ учили плохо, но зато я получилъ больше средствъ доставать книги и предаваться моей страсти къ чтенію. Я читалъ все безъ разбора, читалъ романы всякаго рода, и Гуака, и Радклифъ, и Нарѣжнаго, и Загоскина, и Вальтеръ-Скотта; раннее чтеніе романовъ было мнѣ вредно: оно сильно распалило мое воображеніе, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, много препятствовало укрѣпленію моего организма. Но очень скоро, однако, врожденная склонность взяла верхъ: между книгами отцовскими я нашелъ всеобщую исторію *Бассалаева*, и эта книга стала моею любимицею: я съ нею не разставался, прочелъ ее отъ доски до доски безконечное число разъ; особенно прельстила меня римская исторія. Велико было мое наслажденіе, когда послѣ краткой исторіи Бассалаева я досталъ довольно подробную исторію аббата Милота, нѣсколько разъ перечелъ и эту, и теперь еще помню изъ нея цѣлыя выраженія. Единовременно, кажется, съ Милотомъ попала мнѣ въ руки и исторія Карамзина: до тринадцати лѣтъ, т. е. до поступленія

моего въ гимназію, я прочелъ ее не менѣе двѣнадцати разъ, разумѣется; безъ примѣчаній, но нѣкоторые томы любилъ я читать особенно, самые любимые томы были: шестой — княженіе Іоанна III, и восьмой — первая половина царствованія Грознаго; здѣсь дѣйствовалъ во мнѣ отроческій патріотизмъ: любилъ я особенно времена счастливыя, славныя для Россіи; взявши, бывало, девятый томъ, я нехотя читаю первыя главы и стремлюсь къ любимой страницѣ, гдѣ на поляхъ стоитъ: „Славная осада Пскова". Живо помню, какъ я ненавидѣлъ Баторія; по цѣлымъ днямъ мечталъ я: а что еслибъ вдругъ самъ царь Иванъ принялъ начальство надъ войскомъ, и разбилъ бы Баторія, взялъ бы опять и Полоцкъ, и Ливонію? Представлялось живо, съ какимъ торжествомъ Иванъ въѣзжаетъ въ Москву, везя плѣннаго Баторія. Мечталось мнѣ и то: а что если по какому-нибудь счастливому случаю отыщутъ продолженіе исторіи Карамзина? Двѣнадцатый томъ мнѣ не очень нравился, именно потому, что въ немъ описываются одни бѣдствія Россіи, и какъ нарочно авторъ остановился тамъ, гдѣ долженъ начаться счастливый поворотъ событій. Вмѣстѣ съ книгами историческими любимымъ чтеніемъ моимъ были и путешествія. Нѣсколько разъ прочелъ я многотомную *Исторію о странствованіяхъ вообще*, а также *Всемірнаго Путешествователя*.

II.

Таковы были мои занятія до тринадцати лѣтъ; я уже сказалъ, что въ коммерческомъ училищѣ учили плохо, учителя были допотопные. Дома отецъ мой не имѣлъ времени заниматься со мною постоянно; давши мнѣ въ руки латинскую и греческую грамматику, онъ часто по нѣскольку недѣль не требовалъ отъ меня отчета въ томъ, что я изъ нея выучилъ; но какая же охота была долбить: amo, amas, amat, и τύπτω, τύπτεις, τύπτει — мальчику, который постоянно или защищалъ Псковъ отъ Баторія, или вмѣстѣ съ Муціемъ Сцеволою клалъ руку на уголья, или съ Колумбомъ открывалъ Америку? Обыкновенно, каждый день по нѣскольку часовъ я держалъ передъ собою латинскую грамматику, но внутри ея лежала другая книжка поменьше, обыкновенно какой-нибудь романъ. Отъ этого происходило, что когда отецъ вдругъ начнетъ меня спрашивать или задастъ задачу, т.-е. переводъ съ русскаго на латинскій или греческій, то я отвѣчалъ плохо, и въ задачахъ моихъ „аористы" сильно страдали. То же самое случалось и на экзаменахъ въ духовномъ уѣзд-

номъ училищѣ, которое помѣщалось въ Петровскомъ монастырѣ. Поѣздки на эти экзамены были самыми бѣдственными событіями въ моей отроческой жизни, ибо кромѣ того, что на экзаменахъ я большею частію отвѣчалъ неудовлетворительно, что огорчало моего отца, самое училище возбуждало во мнѣ сильное отвращеніе по страшной неопрятности, бѣдному, сальному виду учениковъ и учителей, особенно по грубости, звѣрству послѣднихъ: помню, какое страшное впечатлѣніе на меня, нервнаго, раздражительнаго мальчика, произвелъ поступокъ одного тамошняго учителя: кто-то изъ учениковъ сдѣлалъ какую-то вовсе незначительную шалость; учитель подошелъ, вырвалъ у него цѣлый клокъ волосъ и положилъ ихъ передъ нимъ на столъ. Я чуть-чуть не упалъ въ обморокъ отъ этого ирокезскаго поступка.

Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ о состояніи того сословія, изъ котораго я произошелъ. Въ своей исторіи подробно объясню причины печальнаго состоянія русскаго духовенства. Главная причина заключалась въ томъ, что при переворотѣ (Петровскомъ) духовенство не имѣло возможности удержать за собою то положеніе, какимъ пользовалось въ древней Россіи. Прежде священникъ имѣлъ духовное преимущество по грамотности своей, теперь онъ потерялъ это преимущество; правда, онъ пріобрѣлъ школьную ученость, но съ своею одностороннею семинарскою ученостью, съ своею латынью онъ оставался *мужикомъ* предъ своимъ прихожаниномъ, который пріобрѣлъ лоскъ образованія, для котораго сфера всякаго рода интересовъ, духовныхъ и матеріальныхъ, расширилась, тогда какъ для священника она расшириться не могла. Священникъ попрежнему оставался обремененнымъ семействомъ, подавленнымъ мелкими нуждами, во всемъ зависящимъ отъ своихъ прихожанъ, нищимъ, въ извѣстные дни протягивающимъ руку подъ прикрытіемъ креста и требника. Выросшій въ бѣдности, въ чернотѣ, въ избѣ сельскаго дьячка, онъ приходилъ въ семинарію, гдѣ также бѣдность, грубость, чернота, съ латынью и диспутами; выходя изъ семинаріи, онъ женился, *по необходимости*, а жена, воспитанная точно такъ же, какъ онъ, не могла сообщить ему ничего лучшаго; являлся онъ въ порядочный домъ, оставлялъ послѣ себя грязные слѣды, дурной запахъ, бѣдность одежды, даже неряшество, которыя бы легко сносили, даже уважали въ какомъ-нибудь пустынникѣ, одѣтомъ бѣдно и неряшливо изъ презрѣнія къ міру, ко всякой внѣшности; но эти бѣдность и неряшество не хотѣли сносить въ священникѣ, ибо онъ терпѣлъ бѣдность, одѣвался неряшливо вовсе не по нравственнымъ побужденіямъ;

начиналъ онъ говорить—слышали какой-то странный, вычурный, фразистый языкъ, къ которому онъ привыкъ въ семинаріи, и неприличіе котораго въ обществѣ понять не могъ; священника не стали призывать въ гости для бесѣды въ порядочные дома: съ нимъ сидѣть нельзя, отъ него пахнетъ, съ нимъ говорить нельзя, онъ говоритъ по-семинарски. И священникъ одичалъ: сталъ бояться порядочныхъ домовъ, порядочно одѣтыхъ людей; прибѣжитъ съ крестомъ и дожидается въ передней, пока доложатъ; потомъ войдетъ въ первую послѣ передней комнату, пропоетъ, схватитъ деньги и бѣжитъ, а лакеи уже несутъ куреніе, несутъ тряпки: онъ оставилъ дурной запахъ, онъ наслѣдилъ, потому что ходитъ безъ калошъ; лакеи смѣются, барскія дѣти смѣются, а баринъ съ барыней серьезно разсуждаютъ, что какіе-де наши попы, какъ-де они унижаютъ религію!

Бѣдственное состояніе русскаго духовенства увеличивалось еще болѣе раздѣленіемъ его на бѣлое и черное, на черное—господствующее—и на бѣлое—подчиненное, рабствующее. Явленіе, только-что допускаемое въ древней церкви, превратилось въ обыкновеніе, наконецъ—въ законъ, по которому архіереи непремѣнно должны быть изъ чернаго духовенства, монахи. И вотъ сынъ дьячка какого-нибудь хорошо учится въ семинаріи, начальство начинаетъ представлять ему на видъ, что ему выгоднѣе постричься въ монахи и быть архіереемъ, чѣмъ простымъ попомъ, и вотъ онъ *для того, чтобы быть архіереемъ*, а не по внутреннимъ нравственнымъ побужденіямъ, постригается въ монахи, становится архимандритомъ, ректоромъ семинаріи или академіи и наконецъ архіереемъ, т.-е. полиціймейстеромъ, губернаторомъ, генераломъ въ рясѣ монаха. Извѣстно, что такое наши генералы; но генералы въ рясѣ—еще хуже, потому что свѣтскіе генералы все еще имѣютъ болѣе широкое образованіе, все еще боятся какого-то общественнаго мнѣнія, все еще находятъ ограниченіе въ разныхъ связяхъ и отношеніяхъ общественныхъ, тогда какъ архіерей—совершенный деспотъ въ своемъ замкнутомъ кругу, гдѣ для своего произвола не встрѣчаетъ онъ ни малѣйшаго ограниченія, откуда не раздается никакой голосъ, вопіющій о справедливости, о защитѣ—такъ все подавлено и забито неимовѣрнымъ деспотизмомъ. Сынъ какого-нибудь дьячка, получившій самое грубое воспитаніе, не освободившійся отъ этой грубости нисколько въ семинаріи, пошедшій въ монахи безъ нравственнаго побужденія и изъ одного честолюбія ставшій наконецъ повелителемъ изъ раба, архіерей не знаетъ мѣры своей власти: гнететъ, давитъ. Извѣстно, что нѣтъ худшаго тирана,

какъ рабъ, сдѣлавшійся господиномъ; архіерей, какъ сказано, дѣлается господиномъ изъ раба; это объясняется не только вышеизложеннымъ состояніемъ бѣлаго духовенства, но также воспитаніемъ въ семинаріяхъ, гдѣ жестокость и деспотизмъ въ обращеніи учителей и начальниковъ съ учениками доведены до крайности; чтобы быть хорошимъ ученикомъ, мало хорошо учиться и вести себя нравственно,—надобно превратиться въ столпъ одушевленный, котораго одушевленіе выражалось бы постояннымъ поклоненіемъ предъ монахомъ—инспекторомъ и ректоромъ, уже не говорю—предъ архіереемъ. И вотъ юноша, имѣющій особенную склонность къ поклоненію, хотя бы и не такъ хорошо учился и не такъ отлично велъ себя, идетъ впередъ, постригается въ монахи и скоро становится начальникомъ товарищей своихъ, и легко догадаться, какъ онъ начальствуетъ! Мы видѣли, по какимъ побужденіямъ произнесъ онъ обѣты монашескіе: онъ пошелъ въ монахи не для того, чтобы бороться со страстями и подавлять ихъ, а напротивъ, для удовлетворенія одной изъ самыхъ изсушающихъ человѣка страстей—честолюбія; онъ пошелъ въ монахи, чтобы быть архіереемъ. И вотъ нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ монаховъ и архіереевъ, не имѣя никакихъ нравственныхъ побужденій для обузданія плотскихъ страстей, предаются имъ и производятъ соблазнъ; но надобно замѣтить, что это еще лучшіе архіереи; зная за собою грѣшки, они мягче относительно другихъ, относительно подчиненныхъ. Гораздо хуже тѣ, которые удерживаютъ себя, надѣваютъ личину святости; страсти плотскія кипятъ не удовлетворенныя, но и не обузданныя христіанскими нравственными началами, христіанскимъ подвижничествомъ; черствая душа не размягчается ни постоянною молитвою, постояннымъ сообщеніемъ съ предметомъ религіозной любви, ни мягкими отношеніями семейными, доступными мірскимъ людямъ: черствая душа невольнаго инока-архіерея ищетъ удовлетворенія другимъ страстямъ, удовлетворенія приличнаго и безнаказаннаго въ мірѣ семъ; отсюда—необузданное честолюбіе, злоба, зависть, мстительность, страшное высокомѣріе, требованіе безполезнаго рабства и униженія отъ подчиненныхъ, ничѣмъ не сдерживаемая запальчивость относительно послѣднихъ. Разумѣется, были исключенія; но я говорю не объ исключеніяхъ; я прибавлю, что представительнѣйшій изъ русскихъ архіереевъ второй половины XVIII вѣка, Платонъ, дрался собственноручно, бралъ подарки отъ подчиненныхъ, обогащалъ племянницъ своихъ; преемникъ его Августинъ, человѣкъ даровитый, знаменитъ былъ извѣстною связью съ Марѳою Кротковою и неприличными остротами; преемникомъ Авгу-

стина былъ Степанъ, въ иночествѣ Серафимъ; посвященіе его въ монахи любопытно. Онъ былъ хорошъ собою и счастливъ съ женщинами; однажды къ Платону дошла сильная жалоба на семинарскаго ловеласа; Платонъ, любившій вербовать всѣми неправдами въ монахи, воспользовался случаемъ и предложилъ молодому преступнику на выборъ: или жестокое наказаніе, лишеніе будущности, или постриженіе и архіерейство. Степанъ избралъ послѣднее и превратился въ Серафима. Послѣ этого событія однажды Платонъ гулялъ съ профессорами академіи по двору Троицкаго монастыря и занимался любимою своею забавою: взглянувши на какой-нибудь предметъ, онъ произносилъ первый стихъ, относящійся къ этому предмету, а спутники должны были подбирать приличный второй стихъ. Взглянувши на старый царскій дворецъ, Платонъ произнесъ:

„Чертоги зрю монаршѝ"...

Изъ толпы спутниковъ немедленно послышался второй стихъ:

„Погибъ Степанъ отъ секретаршѝ"!

Этотъ Степанъ, или Серафимъ, оказался человѣкомъ бездарнымъ и, несмотря на то, былъ послѣ митрополитомъ московскимъ, а потомъ петербургскимъ и первенствующимъ членомъ синода, ибо правительство боялось архіереевъ даровитыхъ и любило смиренныя посредственности. Но Серафимъ, не отличаясь ничѣмъ хорошимъ, не отличался, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ дурнымъ, былъ добрый, очень сносный архіерей.

III.

Не таковъ былъ знаменитый преемникъ Серафима въ московской митрополіи—Филаретъ. Принадлежа, безспорно, къ числу даровитѣйшихъ людей своего времени, Филаретъ шелъ необыкновенно быстро, поддерживаемый масонскою партіею, къ которой принадлежалъ, особенно другомъ своимъ, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Отъ природы ли получилъ онъ горячую голову и холодное сердце,—или вслѣдствіе положенія его, вслѣдствіе отсутствія сердечныхъ отношеній, внутренняя теплота постоянно отливала у него отъ сердца къ головѣ,—только этотъ человѣкъ для коротко знавшихъ и наблюдавшихъ его представлялъ печальное явленіе. Рожденный быть министромъ, онъ попалъ въ архіереи. Еслибы онъ попалъ въ латинскіе прелаты, то онъ нашелъ бы себѣ дѣятельность, но онъ попалъ въ русскіе архіереи,

между которыми правительство любило умъ и талантъ только въ той степени, въ какой этотъ умъ и талантъ употреблялись исключительно на служеніе ему, правительству. Филаретъ шелъ шибко, когда служилъ правительству, и былъ удаленъ, когда замѣтили въ немъ попытки служить себѣ или своему сословію. Религія требуетъ отъ монаха отреченія отъ міра для Бога; наше правительство требовало отъ монаха-архіерея отреченія отъ міра и отъ Бога для него—правительства. Филаретъ долженъ былъ перестать ѣздить въ Петербургъ для присутствія въ св. синодѣ, гдѣ шпоры оберъ-прокурора, гусарскаго офицера, графа Протасова, зацѣплялись за его рясу. По смерти Серафима, Филарета оставили въ Москвѣ, а въ Петербургъ, т.-е. въ первоприсутствующіе члены синода, взяли съ юга какого-то Антонія, человѣка ничтожнаго, а послѣ Антонія—Никанора изъ Варшавы, такую же ничтожность сравнительно съ Филаретомъ. Сначала было думали, что Филаретъ станетъ явно въ оппозицію; нѣкоторыя проповѣди показывали дѣйствительно въ немъ это направленіе, но это было минутное выраженіе досады оскорбленнаго честолюбія; Филаретъ не могъ свыкнуться съ мыслью жить внѣ благосклонности царской, архіереемъ опальнымъ, ибо опала эта уменьшила бы его значеніе,—и онъ сталъ льстить, поднесъ голубя [1]), который возвратился къ нему съ масличною вѣтвью, знаками благоволенія. Испорченность Филарета можно было замѣтить изъ его разговоровъ: начнетъ о чемъ-нибудь и сведетъ на дворъ, на императора, на свои сношенія съ царскою фамиліею. Я сказалъ уже, что у этого человѣка была горячая голова и холодное сердце, что̀ такъ рѣзко выразилось въ его проповѣдяхъ: искусство необыкновенное, языкъ несравненный, но холодно, нѣтъ ничего, что̀ бы обращалось къ сердцу, говорило ему. Такой характеръ при дарованіяхъ самыхъ блестящихъ представилъ въ Филаретѣ печальное явленіе: онъ явился страшнымъ деспотомъ, обскурантомъ и завистникомъ. Сохрани Боже, если свѣтское лицо скажетъ что-нибудь прекрасное относительно религіи и церкви; сохрани Боже, если кто-нибудь изъ духовныхъ, помимо его, скажетъ что-нибудь прекрасное,—онъ оскорбленъ. Талантъ находилъ въ немъ постояннаго гонителя; выдвигалъ, выводилъ въ люди онъ постоянно людей посредственныхъ, бездарныхъ, которые пресмыкались у его ногъ. Это пресмыканіе любилъ онъ болѣе всего, и ни одинъ архіерей не могъ со-

[1]) При торжествѣ двадцатипятилѣтія царствованія императора Николая I, Филаретъ, отъ имени всего московскаго духовенства (которое ничего объ этомъ не вѣдало), просилъ у государя позволенія соорудить надъ престоломъ Успенскаго собора изображеніе св. Духа въ видѣ голубя.

перничать съ нимъ въ этой любви; ни въ одной русской епархіи раболѣпство низшаго духовенства предъ архіереемъ не было доведено до такой отвратительной степени, какъ въ московской во время управленія Филарета. Этотъ человѣкъ (святой во мнѣніи московскихъ барынь) позабывалъ всякое приличіе, не зналъ мѣры въ выраженіяхъ своего гнѣва на бѣднаго, трепещущаго священника или дьякона при самомъ ничтожномъ проступкѣ, при какомъ-нибудь неосторожномъ, неловкомъ движеніи. Это не была только вспыльчивость,—тутъ была злость, постоянное желаніе обидѣть, уколоть человѣка въ самое чувствительное мѣсто. Объ отношеніяхъ Филарета къ подчиненнымъ всего лучше свидѣтельствуетъ поговорка, что онъ ѣлъ одного пискаря въ день и попомъ закусывалъ. И не должно думать, чтобы здѣсь была излишняя строгость, излишнія требованія отъ подчиненныхъ благочинія и нравственности; Троицкая лавра, подчиненная ему непосредственно, была мѣстомъ разгула; на нравственность духовенства вообще онъ не обращалъ вниманія: Филаретъ требовалъ одного—чтобы всѣ клали поклоны ему, и въ этомъ полагалъ величайшую нравственность.

Въ ужасномъ состояніи, подъ гнетомъ Филарета, находились духовная академія московская и семинарія. Преподаватели даровитые здѣсь были мучениками, какихъ намъ не представляетъ еще исторія человѣческихъ мученій. Филаретъ по каплѣ выжималъ изъ нихъ, изъ ихъ лекцій, изъ ихъ сочиненій, всякую жизнь, всякую живую мысль, пока наконецъ не кастрировалъ человѣка совершенно, не превращалъ его въ мумію. Такую мумію сдѣлалъ онъ изъ Горскаго, одного изъ самыхъ даровитыхъ и ученѣйшихъ между профессорами духовной академіи. Филаретъ являлся для преподавателей хищнымъ животнымъ, которое прислушивается къ малѣйшему шороху, обнаруживающему жизнь, движеніе, живое существо, и бросается, чтобъ задавить это существо. Появится живая мысль у профессора въ преподаваніи, въ сочиненіи,—Филаретъ вырываетъ ее, и чтобъ отнять въ преподавателѣ охоту къ дальнѣйшему выраженію такихъ мыслей, публично позоритъ его на экзаменѣ: „Это что за нелѣпость! дуракъ!“ —кричитъ онъ ему. Несчастный кланяется.—Русская церковь могла съ похвальбою выставить предъ западною Филарета, который могъ превзойти самаго ловкаго іезуита. Онъ и не скрывалъ своего сочувствія къ іезуитамъ, говорилъ въ академіи: „Какъ жаль, что столько талантовъ, учености, трудолюбія, самоотверженія, благонамѣренности употреблено на поддержаніе папскихъ заблужденій!“—Поданный имъ проектъ учрежденія миссіонерскихъ училищъ былъ совершенно

іезуитскій: такъ же запрещено было ученикамъ ходить вдвоемъ, такъ же развита была система шпіонства и доносовъ; даже императора Николая оскорбилъ этотъ проектъ, и онъ отвергнулъ его. Въ академической библіотекѣ сохранялась книга о раскольникахъ, драгоцѣнная по собственноручнымъ замѣчаніямъ митрополита Платона, слѣдующаго содержанія: споръ съ раскольниками невозможенъ, ибо для успѣшнаго окончанія всякаго спора необходимо, чтобы спорящіе признавали одно начало. Такъ, въ религіозномъ спорѣ необходимо, чтобъ обѣ стороны признавали одинъ авторитетъ—священное писаніе; но невѣжественный раскольникъ одинаковую важность съ Евангеліемъ придаетъ и твореніямъ отцовъ, часто ошибавшимся, и приговорамъ соборовъ, также часто ошибочнымъ, житіямъ святыхъ и разнымъ повѣстямъ нелѣпымъ. Просвѣщенный богословъ опровергать его не можетъ уже и потому, что боится оскорбить и своихъ слабыхъ, благоговѣющихъ предъ всѣми этими авторитетами: и потому молчи, просвѣщенный богословъ, и ври, невѣжественный раскольникъ!—Филарету показали эту книгу; онъ взялъ ее къ себѣ и возвратилъ ее въ другомъ видѣ: строки, написанныя Платономъ, уже были уничтожены: „Зачѣмъ —сказалъ онъ при этомъ—позорить память такого знаменитаго пастыря". Какой-то невѣжда написалъ книгу противъ раскольниковъ, гдѣ мнѣніе папы Иннокентія III приписалъ Иннокентію II, другу Іоанна Златоустаго, а другой невѣжда поставилъ обоихъ Иннокентіевъ и приписалъ имъ одно и то же мнѣніе. Книга проходила чрезъ академическую цензуру; профессора представили ее Филарету съ указаніемъ явной нелѣпости: „Пропустить,—отвѣчалъ Филаретъ,—это можетъ принести *пользу*". Однажды Филаретъ выразилъ желаніе, чтобъ кто-нибудь занялся опроверженіемъ Сведенборга, имѣющаго читателей и почитателей. Одинъ ученый занялся дѣломъ и представилъ ректору изложеніе ученія Сведенборга и опроверженіе. Первая часть, изложеніе ученія, ужаснула ректора: „Какъ можно такъ писать! Сведенборгъ выходитъ у васъ очень уменъ". И давай вычеркивать изъ сочиненія все то, что могло выставить Сведенборга въ сколько-нибудь выгодномъ свѣтѣ; ревность отца-ректора дошла до того, что, встрѣтивъ извѣстіе: въ одной гостинницѣ Сведенборгъ имѣлъ видѣніе, онъ зачеркнулъ: „гостинница" и написалъ: *кабакъ*. Въ этомъ исправленномъ видѣ сочиненіе было представлено Филарету; но тотъ нашелъ, что и тутъ оно представляетъ Сведенборга въ выгодномъ свѣтѣ, и еще перемаралъ, такъ что когда ректоръ послѣ этого опять началъ читать статью, то съ самодовольнымъ смѣхомъ повторялъ: „Какой этотъ Сведенборгъ былъ дуракъ!"

IV.

Въ такомъ печальномъ состояніи находилось русское духовенство, когда я началъ понимать. Но скоро я могъ уже замѣтить мерцаніе свѣта, обѣщавшее выходъ изъ этого страшнаго положенія, и то направленіе, которымъ *шла* Россія въ продолженіе 150-ти лѣтъ, взяло наконецъ свое: просвѣщеніе, начавшее наконецъ смягчать нравы, распространять лучшія понятія въ русскомъ обществѣ, проникло съ этимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ своимъ и въ семинаріи, и въ духовенство. Русскій человѣкъ любитъ читать,—это искони было залогомъ его прогресса; читали и читали усердно семинаристы и попы, оглянулись на самихъ себя при новомъ свѣтѣ, и стало имъ гадко; началось распространяться недовольство своимъ воспитаніемъ, условіями своего быта, и это былъ уже огромный шагъ; начали отряхаться, обчищаться извнѣ, но съ этимъ вмѣстѣ шло, хотя понемногу, и внутреннее очищеніе; особенно большое вліяніе оказали здѣсь, какъ и на все русское общество, журналы; при сравненіи нѣсколькихъ поколѣній священниковъ, старыхъ, среднихъ, новыхъ, легко было увидать разницу въ пользу послѣднихъ. Здѣсь Петербургъ пошелъ впередъ: въ этомъ городѣ изначала было больше внѣшней чистоты, которая всегда имѣетъ вліяніе на внутреннюю, если не употреблена во зло, не доведена до односторонности. Во всей Россіи вообще и въ Петербургѣ въ особенности преобладало стремленіе къ одной форменности; не могло не отразиться это и на духовенствѣ; съ другой стороны, вначалѣ духовенство, особенно въ Петербургѣ, познакомившись ближе съ наукою, ударило въ протестантизмъ, потомъ въ раціонализмъ. Но этому явилось противодѣйствіе: религіозная потребность начала усиливаться: въ XVIII вѣкѣ смотрѣли на религію съ презрѣніемъ и не могли не радоваться унизительному состоянію служителей религіи; въ XIX вѣкѣ направленіе измѣнилось; волею-неволею должны были уступить религіи высокое, высочайшее мѣсто: обнаружилось стремленіе къ самопознанію, начались толки о старинѣ русской, въ которой церковь играла такую важную роль; съ желаніемъ поднять русскую старину, русскую народность необходимо соединилось желаніе поднять русскую церковь, православіе, какъ главную отличительную черту этой народности; люди невѣрующіе во Христа начали толковать о превосходствѣ православія надъ другими исповѣданіями христіанскими; все это необходимо должно было содѣйствовать къ очищенію духовенства, и признаки этого

очищенія, какъ уже сказано, показались въ половинѣ XIX вѣка,— конечно, признаки не очень рѣзкіе, слабое мерцаніе свѣта, который не могъ свѣтить ярко, благодаря тяжести атмосферы повсюду въ Россіи; но все начинается съ небольшого, не вдругъ.

Признавая важное значеніе православія въ русской исторіи, мы не назовемъ, однако, вліянія этого „византійскаго" исповѣданія безусловно благодѣтельнымъ; вмѣстѣ съ этимъ, впрочемъ, вглядываясь внимательно и въ прошедшее, и въ настоящее, мы не можемъ приписывать непріятнаго во многихъ отношеніяхъ хода русской исторіи православію, не можемъ не увидать въ немъ свѣтлыхъ сторонъ относительно и прошедшаго, и настоящаго, и будущаго.

Православіе могущественно содѣйствовало утвержденію единовластія и самодержавія; по характеру своему, это „византійское" исповѣданіе изначала стремилось стать полезнымъ оружіемъ самодержавной власти — и стало. Такимъ образомъ, скажутъ иные, православіе способствовало утвержденію рабства, было оружіемъ порабощенія въ рукахъ деспота; элементы сопротивленія деспотизму не могли находить въ немъ опору. Но мы спросимъ, гдѣ были эти элементы сопротивленія и каковы были они? Безсмысленное боярство — съ одной стороны, и свирѣпое казачество — съ другой! Предположимъ, что вмѣсто православія былъ бы въ Россіи католицизмъ: конечно, историкъ не имѣетъ права толковать о томъ, что бы изъ этого произошло; но онъ имѣетъ право сказать, что могли бы произойти такія явленія, которымъ помѣшало одно только православіе, а именно, только одно православіе помѣшало Владиславу стать царемъ въ 1612 году и ополячить московское государство; но кто же рѣшится сказать, что было бы лучше, еслибъ вся восточная Европа представляла сплошную Польшу? Православіе отняло Малороссію у Польши и дорушило послѣднюю, собравши всю восточную Европу въ одно цѣлое подъ именемъ Россіи: неужели мы будемъ сѣтовать за это на православіе? Относительно настоящаго я спрошу у тѣхъ, которые не признаютъ никакой религіи, но уважаютъ католицизмъ за его великую, будто бы, историческую роль и презираютъ православіе за то, что оно этой роли не играло,—я спрошу у этихъ господъ: „Вы не вѣрите ни во что, громко признаетесь въ этомъ, круглый годъ не заглядываете въ церковь—и кто васъ за это тревожитъ? Знаете ли вы вашего приходскаго священника, и знаетъ ли васъ этотъ священникъ? Вы совершенно свободны и этою свободою обязаны православію, ибо католическій священникъ не позволилъ бы вамъ такъ спокойно вольнодумничать, такъ

спокойно презирать его: въ немъ имѣли бы вы самаго злого врага, доносчика, который или запряталъ бы васъ въ недоброе мѣсто, или бы заставилъ ходить къ себѣ въ церковь и на исповѣдь; если въ православіи правительство имѣетъ орудіе тупое, въ католицизмѣ оно имѣло бы острое. Но самое важное и благодѣтельное значеніе православіе должно, по моему мнѣнію, имѣть для будущности народовъ, его исповѣдающихъ. Мы видимъ, что протестантизмъ многихъ не удовлетворяетъ; достаточно факта всѣмъ извѣстнаго: движеніе отъ протестантизма между англичанами, народомъ самымъ практическимъ, умѣющимъ болѣе другихъ народовъ остановиться на срединѣ, избѣжать крайностей,—всего лучше доказываетъ, что протестантизмъ неудовлетворителенъ. Съ другой стороны, католицизмъ, не говоря уже объ исторической и догматической неправдѣ папизма, становится, какъ видимъ, постоянно на дорогѣ движенія народа впередъ, никакъ не можетъ ужиться съ новыми потребностями народовъ. Что же касается православія, то, во-первыхъ, оно не имѣетъ того характера, безавторитетности, которымъ протестантизмъ именно многихъ не удовлетворяетъ; съ другой стороны, чуждое неправды папизма православіе можетъ быть вездѣ народною формою религіознаго исповѣданія и нисколько нигдѣ не стѣснитъ народныхъ движеній, ибо уживется со всякими правительственными формами. Православіе отражаетъ теперь на себѣ всю черную сторону настоящаго состоянія русскаго общества; оно страдаетъ вмѣстѣ съ нами; при перемѣнѣ къ лучшему, на немъ отразится эта перемѣна, оно не помѣшаетъ ей; теперь оно страдаетъ вмѣстѣ съ нами,—тогда будетъ радоваться и будетъ довольно вмѣстѣ съ нами; это—нашъ вѣрный спутникъ; не будемъ же отнимать отъ него руки нашей.

V.

Какъ я уже сказалъ,—во время моего отрочества, въ нѣкоторыхъ священническихъ семействахъ начало возникать недовольство своимъ положеніемъ, стремленіе выйти изъ него, пообчиститься, поотряхнуться. Къ числу такихъ семействъ принадлежало и наше. Въ немъ начало прогресса представлялось преимущественно матерью. Родня отца моего, священники, дьяконы, дьячки оставались въ селахъ; родные моей матери были, большею частью, свѣтскіе,—отсюда и большая часть знакомства состояла изъ свѣтскихъ же людей; было и нѣсколько духовныхъ,

которыхъ мать очень не любила и которые своими привычками и поведеніемъ рознились отъ свѣтскихъ знакомыхъ не къ своей выгодѣ. Эта противоположность, которую, разумѣется, мать старалась выставлять при каждомъ удобномъ случаѣ, произвела на меня сильное впечатлѣніе, внушила мнѣ отвращеніе отъ духовнаго званія, желаніе какъ можно скорѣе выйти изъ него, поступить въ свѣтское училище. Сестеръ моихъ отдали въ пансіонъ, что̀ было тогда очень рѣдкимъ явленіемъ между духовными,— страннѣе было бы меня отдать въ семинарію, особенно когда въ устахъ моей матери семинарія была синонимомъ всякой гадости. Отецъ колебался, медлилъ; но скоро медлить стало нельзя по той причинѣ, что, какъ уже сказано выше, я плохо занимался латынью, плохо отвѣчалъ на экзаменахъ въ петровскомъ монастырѣ; отецъ видѣлъ, что я занимаюсь, цѣлый день сижу съ книгами, но знаю не то, что̀ требовалось въ духовныхъ училищахъ, и наконецъ рѣшился выписать меня изъ духовнаго званія и опредѣлить въ гимназію. И здѣсь въ самомъ началѣ произошло сильное препятствіе, вслѣдствіе моего безпорядочнаго воспитанія: я изумилъ учителя исторіи и географіи моими познаніями, но оказался крайне слабъ въ математикѣ, къ которой питалъ сильное отвращеніе въ самомъ началѣ и во все продолженіе моего ученія. Меня едва приняли въ третій классъ.

Здѣсь прежде всего я долженъ заняться описаніемъ гимназіи, какъ она находилась въ то время, какъ я вступилъ въ нее. Ученіе вообще, съ нѣкоторыми исключеніями, было порядочное, напр., гораздо порядочнѣе, чѣмъ въ коммерческомъ училищѣ; кромѣ того, учителя и надзиратели не позволяли себѣ такихъ ирокезскихъ поступковъ, какъ въ духовныхъ училищахъ; но нельзя сказать, чтобы нравственность учениковъ была въ сколько-нибудь удовлетворительномъ состояніи. Въ третьемъ классѣ, куда я поступилъ, было болѣе ста человѣкъ; тишины и благочинія, особенно между уроками, было мало; всего хуже было то, что многіе ученики, получившіе дурное нравственное воспитаніе дома, позволяли себѣ громко и беззазорно площадное сквернословіе. Нѣкоторые учителя, учителя главныхъ предметовъ, пользовались особеннымъ уваженіемъ, и у нихъ въ классѣ было тихо; но зато у другихъ—у несчастнаго нѣмца, у рисовальнаго учителя—ходили вверхъ ногами. Обыкновенно передъ нѣмецкимъ классомъ толпа отчаянныхъ шалуновъ отправлялась изъ классной комнаты въ корридоры, и какъ только нѣмецъ усядется на каѳедрѣ и начнетъ заниматься дѣломъ, двери отворяются, и ушедшіе съ шумомъ входятъ *гусемъ* одинъ за другимъ; обыкновенно шествіе откры-

валъ маленькій шалунъ Чесноковъ [1]), съ необыкновенно бѣлымъ лицомъ и бѣлыми волосами; нѣмецъ вскакивалъ, начиналъ кричать: „Старшій! Хватай, лови! Хватай этого бѣлаго, сѣдого перваго гуся!“—Но старшій былъ самъ изъ учениковъ, самого его гусиное шествіе забавляло также какъ и другихъ. Начнетъ нѣмецъ диктовать; всѣ пишутъ и сидятъ тихо въ ожиданіи, пока онъ скажетъ: „semicolon“; тогда всѣ хоромъ: „зимній Никола!“. Нѣмецъ опять начинаетъ бѣситься—и новое наслажденіе! Преданіе ходило, что прежде, лѣтъ пять назадъ, было еще хуже или еще лучше: разсказывали, какъ въ рисовальный классъ врывалась толпа учениковъ, переряженныхъ, въ вывороченныхъ шубахъ, какъ рисовальный учитель приходилъ съ кнутомъ въ классъ, за что и прозванъ былъ пастухомъ. Это было въ блаженныя времена инспекторства профессора Семена Мартыновича Ивашковскаго, добрѣйшаго и страннѣйшаго человѣка. Бывало, Ивашковскій придетъ въ спальни къ казеннымъ ученикамъ и найдетъ тамъ одного изъ нихъ, по лѣности не пошедшаго въ классъ, *отгуливавшаго*, по гимназическому выраженію. „Ты, *буде*, зачѣмъ здѣсь?—кричитъ грозно инспекторъ.—Солдаты! розогъ!“—Ученикъ не оправдывается, но старается отвлечь вниманіе Ивашковскаго на другіе предметы: „Семенъ Мартынычъ! извольте поглядѣть: вотъ уже третій день, какъ форточка разбилась, а ее все не чинятъ!“—„Да, *буде*, хорошо, что ты мнѣ показалъ“. „Семенъ Мартынычъ! вотъ подъ кроватями никогда не выметаютъ сору“.—„Хорошо, *буде*, хорошо, что ты мнѣ указалъ“. А между тѣмъ солдаты пришли съ розгами и стоятъ въ дверяхъ. „Вы, буде, зачѣмъ пришли?“—„Ваше высокоблагородіе изволили приказать“.—„Врете, буде: я вамъ никогда не приказывалъ; ступайте вонъ!“—Солдаты уходятъ, и Семенъ Мартынычъ идетъ далѣе, забывши объ ученикѣ отгуливавшемъ, о форточкѣ, о сорѣ подъ кроватями и обо всемъ на свѣтѣ. При мнѣ инспекторомъ былъ Михайло Игнатьичъ Бѣляковъ, также прежде профессорствовавшій въ университетѣ. Это былъ человѣкъ неглупый и распорядительный, но желчный и грубый; какой онъ могъ показать примѣръ воспитанникамъ, какъ могъ пріучить ихъ къ лучшимъ, чистѣйшимъ формамъ, видно изъ того, что какъ, бывало, начнетъ кричать на учениковъ, то не обойдется безъ „с... с...!“. Былъ онъ вдовъ и жилъ съ толстой нянькой своего сына, что̀, разумѣется, не могло очистить его отъ дурныхъ привычекъ и что̀ ученики очень хорошо

[1]) Кончившій курсъ въ университетѣ, вступившій въ военную службу и убитый на Кавказѣ.

знали. Еще меньше хорошаго примѣра могъ подать главный начальникъ гимназіи, директоръ Окуловъ. Этотъ человѣкъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ разгульною, развратною жизнью, мотовствомъ, искусствомъ разсказывать анекдоты преимущественно непристойные; при этомъ добрѣйшій, пріятнѣйшій человѣкъ въ обществѣ, не дѣлавшій никому зла. Но эти достоинства меньше всего, однако, давали ему право быть директоромъ воспитательнаго заведенія. На гимназію онъ смотрѣлъ какъ на доходное мѣсто, имѣя много пансіонеровъ; привыкши брать всюду деньги безъ отдачи, онъ распоряжался и гимназическимъ казеннымъ сундукомъ, какъ своимъ, что̀ приводило въ отчаяніе инспектора и учителей, на которыхъ должна была пасть вся отвѣтственность; дѣлами вовсе не занимался, предоставляя все инспектору. И такой-то человѣкъ былъ лѣтъ двадцать директоромъ гимназіи и умеръ на этомъ мѣстѣ (въ 1853 году); тщетно графъ Строгановъ, во время своего попечительства, пытался нѣсколько разъ его свергнуть, аттестуя его такъ: „онъ способенъ — только не по учебной части“. Окуловъ держался связями, былъ любимъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ; сестра его была хороша при дворѣ, а самъ онъ былъ пріятелемъ министра Уварова, котораго потѣшалъ своими бесѣдами.

Попечителемъ учебнаго округа былъ знаменитый въ Москвѣ вельможа, князь М. Голицынъ, называвшійся „послѣднимъ московскимъ бариномъ“. Это былъ человѣкъ ограниченный, самолюбивый, привыкшій съ ранней молодости играть первенствующую роль по своимъ связямъ и богатству, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень добрый, набожный нелицемѣрно, имѣвшій въ себѣ истинно-аристократическія свойства. Давно уже онъ занималъ должность предсѣдателя опекунскаго совѣта, но мало занимался дѣлами и мало былъ способенъ къ занятіямъ; понятно, что еще меньше занимался онъ дѣлами округа и еще меньше былъ способенъ заниматься ими. Кажется, во все время управленія своего онъ былъ только разъ въ университетѣ, и вотъ по какому случаю: жена генералъ-губернатора, княгиня Тат. Вас. Голицына, выдавъ свою воспитанницу за профессора Ш., хотѣла непремѣнно, чтобы попечитель оказалъ вниманіе послѣднему, былъ у него на лекціи. Кн. М. Г. хотѣлъ угодить дамѣ и поѣхалъ въ университетъ, но вмѣсто Ш. попалъ на лекцію къ сопернику его, Надеждину, и остался въ полномъ убѣжденіи, что слушалъ Ш. Въ гимназіи мы видѣли его раза два или три, и этимъ обязаны были тому, что онъ жилъ рядомъ съ гимназіею; говорятъ, что однимъ изъ этихъ посѣщеній мы были обязаны тому, что во

время прогулки Г. необходимо стало какъ можно скорѣе удовлетворить естественной нуждѣ, и онъ, не успѣвши добѣжать до дому, забѣжалъ въ гимназію и изъ извѣстнаго мѣста уже потомъ кстати зашелъ и въ классы.

Гимназія и вообще московскій округъ ждали человѣка для своего преобразованія, очищенія—и дождались: по просьбѣ Голицына, онъ былъ избавленъ отъ попечительства, и на его мѣсто назначенъ былъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Пріѣхалъ новый попечитель—и, какъ по свистку въ театрѣ, декораціи перемѣнились: въ классахъ—порядокъ, благочиніе, тишина; бывало прежде, у нѣкоторыхъ учителей послабѣе, на передней лавкѣ ученики еще слушали кое-что, на среднихъ—разговаривали, а на заднихъ—спали или въ карты играли; теперь кто и не хотѣлъ заниматься, сидѣлъ тихо и не мѣшалъ другимъ. Главное—ученики и учителя пообчистились, отряхнулись, стали съ большимъ уваженіемъ смотрѣть на себя, на свои занятія. Отчего же это произошло? Оттого, что явился начальникъ, какого никогда еще не бывало, человѣкъ дѣятельный, хотѣвшій сдѣлать въ своемъ вѣдомствѣ все какъ нельзя лучше и имѣвшій къ тому всѣ средства. Духъ добросовѣстнаго начальника сдѣлался присущъ каждому заведенію; Строгановъ поселилъ всюду свой духъ, и этотъ духъ блюлъ за улучшеніемъ нравственнымъ и учебнымъ. Всѣхъ осѣнила благодѣтельная мысль: чтобъ заслужить вниманіе начальника, надобно какъ можно усерднѣе исполнять свою обязанность—и только, не заботясь болѣе ни о чемъ; отъ начальника не скроется нерадѣніе, онъ не пощадитъ; и къ нему нельзя подольститься ничѣмъ другимъ, кромѣ усерднаго исполненія должности, кромѣ личныхъ достоинствъ. Къ Строганову можно было подольститься только тѣмъ, чѣмъ у другихъ начальниковъ подчиненный могъ только навлечь на себя вѣчную опалу. Вотъ случай, который лучше всего опредѣляетъ взглядъ Строганова на отношенія подчиненныхъ къ начальнику. Однажды я былъ у него; пришелъ какой-то другой господинъ и началъ говорить объ одномъ чиновникѣ, служившемъ подъ начальствомъ Строганова. Послѣдній разсыпался въ похвалахъ этому чиновнику и кончилъ панегирикъ такъ: „Что это за человѣкъ! бывало, начну съ нимъ спорить, указывать ему—не дастъ слова выговорить! прекрасный, честный человѣкъ, крѣпкій въ своихъ убѣжденіяхъ!“ Такой взглядъ всего рѣзче выдавался оттого, что въ наше время у генераловъ военныхъ и статскихъ подчиненный могъ выиграть только лестью, поддакиваніемъ, самоуничиженіемъ. Чтобъ испытать твердость убѣжденій преподавателей, Строгановъ

любилъ озадачивать, накидываться; конечно, знавшему эти пріемы и дѣйствительно крѣпкому въ своихъ ученыхъ или какихъ бы то ни было убѣжденіяхъ легко было осадить Строганова и этимъ снискать его уваженіе; но нѣкоторые, неопытные, попадались; напримѣръ, однажды онъ вдругъ спросилъ учителя физики: „А въ какую сторону вертится ручка электрической машины?“ — и тотъ не умѣлъ отвѣтить. Но не должно думать, что подобное неумѣнье уже рѣшало судьбу преподавателя, опредѣляло окончательно мнѣніе попечителя о немъ; важное достоинство Строганова заключалось въ томъ еще, что онъ старался долго со всѣхъ сторонъ собирать о человѣкѣ разнородные слухи, и окончательно опредѣлялъ свое мнѣніе на основаніи мнѣнія большинства спеціальныхъ людей въ ученомъ отношеніи и большинства порядочныхъ людей—въ нравственномъ.

Придти къ Строганову съ рекомендательнымъ письмомъ отъ знатной дамы, отъ знатнаго господина, значило навсегда погубить себя въ его мнѣніи, никогда не получить отъ него мѣста. Огромная была заслуга Строганова въ томъ отношеніи, что онъ уничтожилъ занятіе учебныхъ воспитательныхъ мѣстъ по рекомендаціямъ людей, неспособныхъ цѣнить рекомендуемыхъ. Его положеніе въ обществѣ и характеръ дѣлали для него это возможнымъ. Неизвѣстно, какъ и гдѣ Строгановъ напитался смолоду аристократическими понятіями. Потомокъ пермскаго колониста, именитаго человѣка Строганова, явился самымъ сильнымъ поборникомъ аристократическихъ стремленій. Основная его мысль — поднять высшее дворянское сословіе въ Россіи, дать ему средства поддержать свое положеніе, остаться навсегда высшимъ сословіемъ; самымъ сильнымъ для этого средствомъ въ его глазахъ было образованіе, наука; отсюда—мысль, что люди, поставленные по происхожденію и богатству въ верхнемъ слоѣ общественномъ, должны учиться по преимуществу. Самъ онъ получилъ плохое, поверхностное образованіе; но благороднымъ инстинктомъ понялъ, что наука есть могущество; отсюда—глубокое уваженіе къ наукѣ, интересъ ко всѣмъ явленіямъ науки и литературы. Будучи попечителемъ, онъ любилъ выпытывать, высасывать изъ подчиненныхъ ему ученыхъ свѣдѣнія; но понятно, что получаемыя такимъ образомъ свѣдѣнія при недостаткѣ первоначальнаго образовательнаго ученія неправильно громоздились въ его головѣ, вовсе не геніальной, дурно переваривались, часто безобразно и смѣшно скоплялись около нѣкоторыхъ любимыхъ его мыслей. Но дѣло было не въ правильности той или другой мысли попечителя, не въ томъ, что этотъ попечитель перепутывалъ событія, имена, лица по не-

достатку памяти и правильнаго, измлада начатаго накопленія свѣдѣній; дѣло было въ томъ, что попечитель уважалъ мысль вообще, уважалъ науку, ставилъ выше всего честность, прямоту, благородство, талантъ, трудолюбіе, святое исполненіе обязанностей, имѣлъ практическій смыслъ, не увлекался первою мыслью, какъ бы она ни поразила его съ перваго раза своею вѣрностью и пользою въ примѣненіи, не довѣрялъ самому себѣ, какъ безошибочному оцѣнщику, не довѣрялъ и другимъ, но выпытывалъ мнѣнія у многихъ авторитетныхъ людей посредствомъ спора, сравнивалъ эти мнѣнія. Мы часто имѣли случай смѣяться надъ его учеными промахами; нельзя было не смѣяться, какъ однажды при мнѣ онъ вздумалъ въ названіи города Посидонія искать тождества съ русскимъ словомъ *посадъ*, или имя князя Лугвенія на его печати—принялъ за названіе города Лугвеня; но, съ одной стороны, уже самыя эти объясненія-промахи были почтенны въ русскомъ генералѣ, начальникѣ университета, тѣмъ болѣе, что Строгановъ никогда не давалъ значенія своимъ ученымъ мнѣніямъ и догадкамъ, оставляя ихъ при первомъ рѣшительномъ возраженіи и объясненіи спеціалиста; съ другой стороны, несмотря на то, что Строгановъ иногда подавалъ намъ причины внутренно посмѣяться, никто изъ насъ не выходилъ изъ его кабинета безъ уваженія къ человѣку добра, который умѣлъ оцѣнить всегда все хорошее и дать ему ходъ. Понятно, что у такого человѣка, какъ Строгановъ, было множество враговъ въ разныхъ слояхъ общества. Въ высшемъ, въ собственномъ его кругу, его вообще не любили за *гордость*. Дѣйствительно, Строгановъ былъ гордъ съ равными себѣ по общественному значенію, ибо очень немногихъ признавалъ себѣ равными: предъ генералами-фельдфебелями, выходцами-лакеями онъ гордился своимъ происхожденіемъ, чистотою характера, благородствомъ во всѣхъ отношеніяхъ; предъ людьми равными ему по происхожденію онъ гордился своею образованностью, тѣмъ, что сохранялъ въ чистотѣ свое происхожденіе, не пятналъ его раболѣпствомъ, выслуживаніемъ, чѣмъ пятнала себя большая часть равныхъ ему по происхожденію. Дѣйствительно, Строгановъ былъ гордъ, неуживчивъ; сколько онъ былъ уступчивъ съ нами, людьми, которыхъ умственное превосходство онъ признавалъ, столько же былъ неуступчивъ, гордъ, рѣзокъ съ людьми, которыхъ нравственнаго и умственнаго превосходства надъ собою онъ не считалъ себя обязаннымъ признавать, ибо считалъ себя однимъ изъ первыхъ вельможъ въ имперіи—*Божіею милостью*. При этомъ, онъ былъ холоденъ, дикъ, мало доступенъ, скупъ. Послѣднее свойство,—не знаю, крылось ли оно въ его природѣ,

по крайней мѣрѣ, видимо оно проистекало изъ его убѣжденій. Государство сильно только аристократіею, думалъ онъ; но аристократія сильна не однимъ своимъ происхожденіемъ, особенно въ Россіи, гдѣ выходцамъ открыта такая свободная дорога; аристократія поддерживается личными достоинствами членовъ своихъ, ихъ нравственными средствами—отсюда стремленіе усвоить образованіе, науку, преимущественно для высшаго сословія; но аристократія могущественно поддерживается также богатствомъ; отсюда—стремленіе сохранить и увеличить богатство аристократической фамиліи. Происходя самъ изъ бѣдной линіи Строгановыхъ, онъ пріобрѣлъ огромное имѣніе (слишкомъ 60.000 душъ) за женою, единственною наслѣдницею богатой линіи Строгановыхъ; имѣніе было огромно, но обременено долгами; онъ долженъ былъ очищать его; это было новымъ побужденіемъ къ скупости; наконецъ, имѣніе составляло майоратъ; всѣ эти 60.000 слишкомъ душъ переходили къ старшему сыну, младшихъ должно было надѣлить деньгами, деньги должно было скопить—еще побужденіе къ скупости. Но когда нужно было пріобрѣсть картину знаменитаго мастера, рѣдкую древнюю вещь, монету или что бы то ни было, помочь бѣдному ученому издать свое сочиненіе—тамъ Строгановъ не былъ скупъ; для журнала, который мы собирались издавать въ 53-мъ году, онъ давалъ намъ большую сумму денегъ, но мы не могли воспользоваться его предложеніемъ.

Но гордость, недоступность, скупость вооружали противъ Строганова многихъ изъ лицъ его общества; стараніе очистить подчиненныхъ ему людей вооружило противъ него тѣхъ изъ нихъ, которымъ уже нельзя было очиститься и которымъ было тяжко при немъ. Но для порядочныхъ людей, какъ принадлежащихъ къ ученому вѣдомству, такъ и для всѣхъ тѣхъ, которымъ дорого было просвѣщеніе, управленіе Строганова московскимъ учебнымъ округомъ было золотымъ временемъ. Не могу безъ глубокаго чувства благодарности вспомнить того освѣженія нравственной атмосферы, которое произошло у насъ въ гимназіи, когда пріѣхалъ Строгановъ попечительствовать!

Директоромъ остался тотъ же Окуловъ, но онъ былъ еще въ большемъ отдаленіи отъ дѣлъ, въ явной немилости у попечителя, который презиралъ его, не хотѣлъ входить съ нимъ ни въ какія сношенія. Инспекторъ Бѣляковъ оставилъ свое мѣсто, получивъ высшее мѣсто окружного инспектора; порядочныхъ людей было мало, потому пригодился и Бѣляковъ, по своему здравому смыслу и знаніямъ могшій быть очень полезнымъ для общаго надзора за училищами округа, не приходя въ ближайшее соприкоснове-

ніе съ учениками, слѣдовательно, не вредя имъ своею грубостью. На его мѣсто инспекторомъ въ гимназіи былъ назначенъ Погорѣльскій, изъ тамошнихъ учителей математики и бывшій также адъюнктомъ въ университетѣ, человѣкъ ловкій, дѣятельный, смѣтливый, самолюбивый, умѣвшій понять, чего хотѣлъ Строгановъ, чѣмъ надобно быть, чтобъ пріобрѣсть его расположеніе. Понятно, какъ много добра могъ сдѣлать такой инспекторъ при Строгановѣ. Благодаря ему-то произошла такая быстрая перемѣна, о которой я говорилъ. Смѣнены были учителя или слабые, какъ учитель греческаго языка Пантази, или имѣвшіе голову не въ правильномъ состояніи, какъ, наприм., Оболенскій, сперва учитель русской словесности, потомъ латинскаго языка и адъюнктъ греческаго языка въ университетѣ, или давно уже остановившіеся, не хотѣвшіе знать ничего, кромѣ своего учебника, какъ, наприм., учитель исторіи Добровольскій. Все пошло живѣе и тверже, а главное—распространилось уваженіе къ наукѣ, которая стала высшею, исключительною цѣлью.

VI.

Какъ прежде было сказано, я поступилъ въ третій классъ, благодаря плохому знанію математики. Вслѣдствіе сильнаго отвращенія отъ этой науки, полной неспособности къ ней, невозможности понять, къ чему служитъ эта передвижка цифръ и буквъ, какая благодать отъ того, что $x^2 + px + q = o$, что x, наконецъ, можетъ быть равенъ 23 или 33, что при такихъ-то и такихъ-то случаяхъ треугольники равны, — вслѣдствіе этого я не могъ дѣлать успѣховъ и въ гимназіи, хотя здѣсь принужденъ былъ силою заниматься и математикою, ломать безъ пользы голову по нѣскольку часовъ надъ задачами, что̀, разумѣется, еще болѣе усиливало во мнѣ ствращеніе къ предмету. Въ третьемъ классѣ учителемъ былъ Волковъ—страшный педантъ; это чудовище осмѣлилось однажды поставить меня на колѣни, что̀ случилось со мною въ первый разъ въ жизни; понятно, каково было моему самолюбію—самолюбію ревностнаго сопутника героевъ древней, средней и новой исторіи. Мало того: Волковъ обращался ко мнѣ съ такими милыми привѣтами: „Дуракъ ты, дуракъ ты, Соловьевъ!—уравненія второй степени рѣшить не можешь! Жаль мнѣ твоего отца, отецъ твой хорошій человѣкъ, а ты дуракъ!“—И вотъ прошелъ годъ; я вышелъ изо всѣхъ предметовъ отличнымъ, кромѣ математики; инспекторъ далъ знать объ этомъ отцу; отецъ нанялъ уче-

ника изъ старшаго класса, чтобъ приготовлять меня изъ математики къ экзамену; я приготовился, взялъ, какъ говорится, если не мытьемъ, такъ катаньемъ, выучилъ наизусть всѣ доказательства; экзаменовалъ учитель старшихъ классовъ, Погорѣльскій, къ которому я долженъ былъ перейти; этотъ человѣкъ любилъ скорые, твердые отвѣты; я отрѣзалъ ему отвѣтъ на диво, и Погорѣльскій восхитился, поцѣловалъ меня, сказалъ: „умница мальчикъ! молодецъ мальчикъ!"—и поставилъ мнѣ 5. Волковъ стоялъ тутъ, и я былъ вполнѣ отомщенъ; тѣмъ болѣе успѣхъ мой былъ блистателенъ, что большая часть учениковъ, пользуясь длинною вакаціею по случаю перестройки гимназіи, очень плохо приготовилась. Я поступилъ въ четвертый классъ изо всѣхъ предметовъ первымъ. Здѣсь я долженъ замѣтить любопытное явленіе; ученики, которыхъ я засталъ въ третьемъ классѣ, перешедшіе сюда изъ второго съ отличными успѣхами, начали уже здѣсь портиться, перешли въ четвертый классъ кое-какъ и не могли дотянуть вовсе до седьмого, послѣдняго; изъ ста человѣкъ, бывшихъ при мнѣ въ третьемъ классѣ, не болѣе пяти вмѣстѣ со мною дотянули до седьмого и вступили въ университетъ; всѣ другіе были вступившіе позднѣе насъ прямо въ 4-й и 5-й классы. Еще любопытный случай, который поразилъ меня въ гимназіи: въ третьемъ классѣ силою и желѣзнымъ здоровьемъ отличались трое учениковъ — Чернохвостовъ, Богачевъ и Шютцъ, а я былъ самый слабый и хилый въ цѣломъ классѣ: означенные богатыри могли меня повалить пальцемъ; и что же? всѣ трое года черезъ два или черезъ три умерли! Причиною смерти Богачева и Шютца было, какъ надобно полагать, раннее и излишнее знакомство съ женщинами; что же касается до Чернохвостова, то этотъ очень умный и развитой малый влюбился въ Наполеона и пришелъ къ мысли, что онъ и въ Россіи, при ея настоящемъ положеніи, можетъ сдѣлаться Наполеономъ; въ 16 или 17 лѣтъ мало ли что воображается, все считается возможнымъ; но, къ несчастію, Чернохвостовъ не хотѣлъ ограничиться однимъ воображеніемъ; у него достало настолько силы духа, чтобъ начать осуществленіе своихъ мечтаній. Ему надобно было прославиться на военномъ поприщѣ; въ мирное время этого достичь нельзя, и особенно ему, сыну мѣщанина,—и вотъ онъ, тайкомъ отъ матери и старшаго брата, пѣшкомъ отправляется на Кавказъ, чтобъ поступить тамъ въ солдаты и выдраться въ офицеры подвигами противъ горцевъ; но уже передъ самымъ достиженіемъ цѣли, сколько помню, въ Пятигорскѣ, онъ зашелъ отдохнуть на татарское кладбище; правовѣрные сочли это оскверненіемъ и попотчивали его камнями, изъ которыхъ одинъ угодилъ

въ сердце; богатырь свалился, заболѣлъ; между тѣмъ, братъ началъ розыски; на Кавказѣ отыскался у нихъ дядя, который принялъ попеченіе о больномъ, и какъ скоро нашъ герой немного оправился, его препроводили назадъ въ Москву. Возвратившись, онъ сталъ-было приготовляться къ университету, и въ то же время занималъ мѣсто корректора въ одной частной типографіи, но богатырская природа не долго могла бороться съ слѣдствіями происшествія на кладбищѣ, и Чернохвостовъ погибъ отъ чахотки.

Съ четвертаго класса преподавателемъ русскаго языка былъ у насъ Поповъ, учитель превосходный, умѣвшій возбудить охоту къ занятіямъ, прекрасно разбиравшій образцовыя сочиненія и сочиненія учениковъ, умѣвшій посредствомъ этихъ разборовъ достигать главной цѣли своего преподаванія—выучивать правильно писать по-русски и развивать таланты, у кого они были. Когда онъ начиналъ объяснять урокъ къ слѣдующему классу, урокъ изъ логики или риторики,—я, заинтересованный предметомъ, начиналъ вслухъ высказывать ему свои мысли. Поповъ не нашелъ этого страннымъ со стороны ученика, пятнадцатилѣтняго мальчика,—напротивъ, находилъ удовольствіе въ этихъ присказываніяхъ, въ этой бесѣдѣ, обмѣнѣ мыслей со мной; должно быть, я говорилъ недурно, благодаря огромному количеству прочтенныхъ книгъ, потому что Поповъ получилъ очень высокое мнѣніе о моихъ способностяхъ и внушилъ это мнѣніе остальнымъ своимъ товарищамъ-учителямъ. Вслѣдствіе этого высокаго мнѣнія о моемъ умственномъ развитіи Поповъ былъ чрезвычайно строгъ къ моимъ сочиненіямъ; хотя онъ и гордился ими, и выставлялъ ихъ напоказъ, но ему все казалось, что я могъ бы еще лучше писать; разобравъ мое сочиненіе, онъ часто приговаривалъ: „Хорошо! но скажи, пожалуйста, Соловьевъ, отчего ты говоришь лучше, чѣмъ пишешь?“ Это, дѣйствительно, могло быть такъ, во-первыхъ, потому, что учитель, взобравъ себѣ въ голову высокое мнѣніе о развитости моихъ способностей по разговору,—причемъ его поражала живость мыслей, относительная ихъ самостоятельность,—не могъ быть такъ доволенъ сочиненіями, гдѣ на первомъ для него планѣ была уже форма; во-вторыхъ, для меня эта форма была тяжка, это были цѣпи, которыя затрудняли естественныя движенія, наводили на меня тоску, необходимо отражавшуюся въ сочиненіи: учитель задастъ описаніе памятника Минину и Пожарскому, а я подумаю: „Ну, что же тутъ я стану описывать!“—и ударюсь въ описаніе впечатлѣній, производимыхъ этимъ памятникомъ, въ разсказъ о событіяхъ, въ которыхъ участвовали изображенные герои,—а учитель съ упрекомъ: „Задано было описаніе памятника, а ты изъ

описанія сдѣлалъ повѣствованіе!" О, проклятыя хріи и формы риторическія! много онѣ мнѣ надѣлали непріятностей! Несмотря, однако, на это, Поповъ не уменьшалъ своего мнѣнія о моихъ способностяхъ. Однажды собрались учителя у одного изъ своихъ товарищей, Красильникова, преподававшаго латинскій языкъ въ младшихъ классахъ, подпили и разговорились; рѣчь зашла о гимназіи, объ ученикахъ; Поповъ началъ хвалить меня и дошелъ до того, что сказалъ: „Вѣдь вы не знаете, господа! вѣдь Соловьевъ просто геній!" Тутъ хозяинъ, Красильниковъ, прервалъ его восторженную рѣчь: „Полно, полно, Павелъ Михайлычъ! какъ это можетъ быть! Положимъ, что Соловьевъ мальчикъ умный, съ большими способностями, но можетъ ли это быть, чтобъ у насъ въ гимназіи завелся геній?" На другой день ученики, жившіе у Красильникова и подслушавшіе этотъ разговоръ, разсказали его для потѣхи цѣлому классу. Правъ ты, добрый старикъ, въ своемъ наивномъ сомнѣніи! Могъ ли въ самомъ дѣлѣ завестись геній въ русской гимназіи въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка? И горе было бы ему, еслибъ онъ завелся! Было въ Россіи просторное для генія время въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка; но это золотое время прошло, и когда оно возвратится? (Писано 15 ноября 1854 года.)

Такъ прошли пять лѣтъ въ гимназіи; кромѣ несносныхъ математическихъ классовъ, эти пять лѣтъ прошли для меня чрезвычайно пріятно; начиная съ четвертаго класса, я былъ уже первымъ ученикомъ постоянно, любимцемъ учителей, красою гимназіи; легко и весело было мнѣ съ узломъ книгъ подъ мышкою отправляться въ гимназію, зная, что тамъ встрѣтитъ меня ласковый, почетный пріемъ отъ всѣхъ; пріятно было чувствовать, что имѣешь значеніе; пріятно было, войдя въ классъ, направлять шаги къ первому мѣсту (ученики сидѣли по успѣхамъ и нѣсколько разъ въ году происходили пересадки), остававшемуся постоянно за мною. „Не купи домъ, купи сосѣда",—говоритъ пословица; и въ этомъ отношеніи я былъ счастливъ: постояннымъ моимъ сосѣдомъ, т. е. ученикомъ, постоянно занимавшимъ второе мѣсто, былъ Ладыгинъ, вмѣстѣ со мною поступившій въ третій классъ и вмѣстѣ со мною кончившій курсъ въ гимназіи: прекрасное, нравственное, кроткое, женственное существо. Онъ былъ воспитанъ въ тихомъ, нравственномъ домѣ, среди многочисленной толпы сестеръ, и отсюда получилъ, какъ видно, женственный характеръ; онъ былъ очень прилеженъ и, въ противоположность мнѣ, имѣлъ способность и склонность къ математикѣ, очень часто помогалъ мнѣ въ урокахъ и въ приготовленіи къ экзаменамъ своими объ-

ясненіями, но у него не было той развитости и той быстроты въ обращеніи мысли около предмета, какими обладалъ я; главная причина тому—моя ранняя и относительно громадная начитанность, тогда какъ Ладыгинъ началъ читать поздно, и читалъ вообще мало, безъ выбора. Съ самаго начала Ладыгинъ призналъ мои преимущества и уступалъ мнѣ безропотно первое мѣсто; эта уступка, отсутствіе соперничества облегчили наши отношенія, завязали дружбу, причемъ, разумѣется, высшее нравственное значеніе имѣлъ онъ, а не я; онъ былъ болѣе меня христіанинъ, хотя я съ раннихъ лѣтъ былъ пылкій приверженецъ христіанства, и въ гимназіи еще толковалъ, что буду основателемъ философской системы, которая, показавъ ясно божественность христіанства, положитъ конецъ невѣрію. Внутри меня было много религіозности, выражавшейся въ набожности; я ничего не начиналъ безъ молитвы; вѣра была сильная: не готовъ къ отвратительному математическому уроку, не приготовился изъ нѣкоторыхъ частей науки къ экзамену, помолюсь, крѣпко вѣрую, что этого у меня не спросятъ,—и дѣйствительно не спрашивали; другой товарищъ найдется въ подобномъ положеніи, боится, что *срѣжется* (по гимназическому выраженію)—говорю ему: „не бойся, только вѣруй", молюсь за него, вѣрую за него,—и его не спрашиваютъ. Религіозности было много, но христіанства было мало; успѣхи, первенство воздымали духъ, высокое мнѣніе о самомъ себѣ, развивали гордость, эгоизмъ; самую вѣру свою я считалъ привилегіею, особеннымъ знакомъ Божьяго благоволенія, ручательствомъ за будущіе успѣхи. Въ виду были только эти успѣхи, успѣхи внѣшніе, житейскіе,—о нравственномъ преуспѣяніи, о *внутреннемъ* мало думалось; говорю—о *внутреннемъ*, ибо извнѣ-то было все чисто и чинно, я первенствовалъ и относительно поведенія. Правда, находили и тутъ иногда минуты опамятованія, когда я сознавалъ необходимость внутренняго нравственнаго совершенствованія и рѣшался внимательнѣе смотрѣть за собою, строго за своими мыслями и словами, но такая рѣшительность не бывала продолжительна: бури молодости срывали утлый челнъ съ якоря.

Такъ кончилось ученіе въ гимназіи; только-что кончилось и мнѣ 18 лѣтъ (іюнь 1838 г.), я долженъ былъ держать выпускной экзаменъ въ университетъ; въ первый разъ тогда наша гимназія пользовалась правомъ экзаменовать своихъ воспитанниковъ у себя, тогда какъ прежде гимназисты должны были экзаменоваться вмѣстѣ съ другими въ университетѣ. Я былъ выпущенъ первымъ ученикомъ съ обязанностью писать разсужденіе для акта и съ правомъ получить за это серебряную медаль и быть записаннымъ на золотую

доску на вѣчныя времена. Темою заданнаго мнѣ разсужденія было: *О необходимости изученія древнихъ языковъ для успѣшнаго изученія языка отечественнаго.* Я долженъ былъ написать это разсужденіе на вакаціи, важной въ моей жизни не потому только, что это была послѣдняя ученическая вакація, но особенно потому, что въ это время впервые покинулъ я на нѣсколько мѣсяцевъ родительскій домъ и переселился въ чужой. По окончаніи экзаменовъ, инспекторъ Погорѣльскій подозвалъ меня къ себѣ и предложилъ—не хочу ли я ѣхать на вакацію въ подмосковную деревню къ кн. Г., учить его дѣтей. Я согласился. И вотъ я въ чужомъ аристократическомъ домѣ, среди чуждыхъ для меня нравовъ и обычаевъ, среди чуждаго народа, ибо среди чуждаго языка: все, кромѣ прислуги, говоритъ вокругъ меня по-французски, и молодыхъ французиковъ, т.-е. княжатъ, я обязанъ учить чуждому для нихъ, а для меня родному языку—русскому, который они изучаютъ, какъ мертвый языкъ. Тутъ-то я впервые столкнулся съ этою безобразною крайностью въ образованіи русской знати и столкнулся въ самый живой, впечатлительный возрастъ, въ 18 лѣтъ! Понятно, какое сильное впечатлѣніе произвела на меня эта крайность и необходимо увлекла меня надолго, лѣтъ на шесть, въ крайность противоположную, въ славянофилизмъ, или, лучше сказать, руссофилизмъ. Въ селѣ Никольскомъ, Урюпино тожъ, въ 25-ти верстахъ отъ Москвы, по звенигородской дорогѣ, я началъ впервые свою гражданскую жизнь, ибо началъ борьбу съ однимъ изъ безобразныхъ явленій тогдашней русской жизни. Опишу членовъ семейства князя и домочадцевъ изъ разныхъ націй. Главное лицо самъ князь—мужчина лѣтъ подъ 50, очень красивый и съ претензіями на красоту и молодость, красящій волосы. По собственнымъ разсказамъ его, онъ не получилъ никакого образованія въ пышномъ домѣ отца своего, потомка знаменитыхъ Г., игравшихъ такую важную роль при двухъ Петрахъ—I-мъ и II-мъ, получившаго въ наслѣдство болѣе 20.000 душъ и оставившаго сыну, моему знакомцу, не болѣе 3.000 душъ; остальное все было промотано, и, между прочимъ, великолѣпное село Архангельское, вотчина знаменитаго олигарха Г., славнаго своею библіотекою. Архангельское перешло къ князю Юсупову, и Г. долженъ былъ ограничиться низменнымъ Никольскимъ подлѣ него. Сынъ вышелъ не въ отца, не сталъ проматывать послѣднихъ тысячъ душъ, напротивъ, отличался бережливостью, даже скупостью и вмѣстѣ алчностью: „Кабы денегъ, побольше денегъ!“—вотъ слова, которыя слышались очень часто изъ его устъ. Этотъ человѣкъ родился съ замѣчательными способностями; имѣлъ здра-

вый смыслъ, большое остроуміе, большой талантъ разсказывать, обладалъ литературнымъ талантомъ, написалъ нѣсколько повѣстей очень недурныхъ; любилъ читать, уважалъ знаніе, людей знающихъ; иногда, при извѣстныхъ случаяхъ, высказывались въ немъ жалобно не совсѣмъ задушенныя еще благородныя стремленія: такъ однажды, разбирая въ своей библіотекѣ портреты знаменитыхъ историческихъ лицъ—полководцевъ, министровъ, ученыхъ, художниковъ,—онъ воскликнулъ съ непритворною горестью: „Боже мой! чѣмъ бы не пожертвовалъ, чтобъ только быть въ числѣ ихъ!“ Всѣ эти счастливыя наклонности были задавлены дурнымъ воспитаніемъ; онъ самъ говорилъ: „Меня рѣшительно ничему не учили; если я говорю свободно по-французски, то этотъ навыкъ я пріобрѣлъ самъ послѣ, въ дѣтствѣ же меня не учили даже и по-французски“. Послѣ этого надобно было удивляться въ этомъ человѣкѣ хорошимъ сторонамъ, а не дурнымъ; въ дѣтствѣ его страсти не сдерживались нравственнымъ воспитаніемъ; религіозное воспитаніе состояло въ томъ, что его заставляли ходить въ церковь по извѣстнымъ днямъ: понятно, что французскія книжки XVIII-го вѣка легко заставили его смотрѣть на христіанство, какъ на хорошую выдумку для мужиковъ. Что же могло сдерживать этого барина? общественное мнѣніе? общественное устройство, законы?—но я сейчасъ приведу примѣръ тому, какъ страсти русскихъ помѣщиковъ сдерживались общественнымъ устройствомъ, законами. Однажды вечеромъ, когда я сидѣлъ въ своей комнатѣ за книгами, гувернеръ, швейцарецъ Фаронъ, уложивши дѣтей, вышелъ погулять, но скоро возвратился и пришелъ ко мнѣ съ слѣдующимъ разсказомъ: „Только-что я вышелъ въ поле, какъ подходитъ ко мнѣ мужикъ и предлагаетъ мнѣ свою дочь; я сначала остолбенѣлъ, потомъ сталъ упрекать его за такую страшную безнравственность; мужикъ отвѣчалъ:—Эхъ, батюшка! что-жъ намъ дѣлать-то? вѣдь князь ужъ почалъ!—и тутъ разсказалъ мнѣ обычай, что какъ скоро дѣвушка въ деревнѣ достигаетъ 15-ти лѣтъ, ее ведутъ къ князю на растлѣніе, послѣ чего она получаетъ 50 рублей ассигнаціями“... Съ женою своею, урожденною княжною В., князь жилъ дурно, въ чемъ трудно было его обвинить, ибо это была женщина нестерпимая, ограниченная, капризная, сварливая, скупая; но что было непростительно для князя, это то, что онъ, по страшной лѣни, отдалъ дражайшей своей половинѣ воспитаніе дѣтей, выборъ учителей, гувернеровъ и гувернантокъ въ полное распоряженіе. Съ этою госпожею и я, несчастный, долженъ былъ имѣть дѣло, выслушивать ея замѣчанія относительно преподаванія, дѣлать экзамены въ ея при-

сутствіи. Я долженъ былъ учить двоихъ княжатъ и княжну съ воспитанницею; старшій (Дмитрій) былъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, до безобразія толстый, вялый физически и умственно: тринадцати лѣтъ онъ съ трудомъ читалъ по-русски; гувернеры жаловались, что успѣхи его во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ были не блистательнѣе. Къ несчастію, это былъ любимецъ матери, которая неуспѣхи сына приписывала не его неспособности и лѣни, но неумѣнью учителей, которые, будто бы, не хотѣли приноровиться къ природѣ ученика. Онъ пошелъ въ военную службу, вышелъ рано въ отставку; послѣ я съ нимъ встрѣчался: изъ него вышелъ красивый, очень приличный, скромный господинъ; младшій былъ живѣе, его менѣе баловала мать, и потому онъ шелъ относительно успѣшнѣе. Но было еще двое старшихъ сыновей: одного, воспитывавшагося въ пажескомъ корпусѣ, я не зналъ; слышалъ только, что онъ дурно учился, выпущенъ былъ не въ гвардію и скоро умеръ; самый старшій, Николай, воспитывался въ царскосельскомъ лицеѣ и вышелъ въ 1-мъ разрядѣ, т.-е. съ правомъ IX-го класса, равняющимся праву университетскаго магистра, а между тѣмъ познаніями своими былъ ниже посредственнаго ученика седьмого класса гимназіи—доказательство, какъ вредно было это дворянское училище, которое дѣтямъ знатныхъ и богатыхъ отцовъ давало право быть невѣждами въ сравненіи съ молодыми людьми низкаго происхожденія. Молодой лицеистъ былъ ограниченъ, лѣнивъ, эгоистъ, спускался гораздо ниже отца, который сильно жаловался на это пониженіе, хотя вообще молодой былъ еще довольно сносенъ. Таково было сіятельное семейство; къ нему по языку примыкали французы и француженки, гувернеры и гувернантки, ибо члены семейства княжескаго не иначе говорили между собою, какъ по-французски; я былъ въ домѣ единственный русскій не лакей, говорившій не иначе, какъ по-русски, и потому гувернантка-француженка, разливавшая чай, не иначе обращалась ко мнѣ, какъ: „m-r Russe“! Князья безсмысленно смѣялись надъ этимъ, а я съ гордостью 18-лѣтняго мальчика провозглашалъ, что я вполнѣ доволенъ этимъ названіемъ, что оно для меня драгоцѣнно, что для меня чрезвычайно лестно, если я одинъ русскій въ домѣ, или, по крайней мѣрѣ, русскій по преимуществу.

Меня пригласили давать уроки и послѣ вакаціи, въ Москвѣ. Княгиня настаивала, чтобъ я жилъ у нихъ въ домѣ, или, по крайней мѣрѣ, оставался съ ея дѣтьми какъ можно долѣе; ей хотѣлось сдѣлать нѣчто вродѣ переливанія крови изъ здороваго тѣла въ больное; но я рѣшительно отъ этого отказался:

жизнь въ чужомъ домѣ и еще въ домѣ иностранномъ, французскомъ, была бы для меня невыносима; притомъ какую тяжелую обязанность наложитъ на меня почтенная маменька, если я поселюсь подлѣ ея дѣтей; я всегда чувствовалъ страшное отвращеніе къ должности гувернера и съ хорошими дѣтьми, не только что съ кн. Г.; я никогда самъ не былъ ребенкомъ, и понятно, какъ тяжело, невозможно было для меня дѣлаться ребенкомъ съ дѣтьми; я видѣлъ, что такое гувернерство отвлечетъ меня отъ студенческихъ занятій. Вотъ почему черезъ два года княгиня нашла, что ея дѣти мало успѣваютъ со мною именно потому, что я ограничиваюсь одними урочными часами и не бываю чаще вмѣстѣ съ ними, и вотъ за мною уже не прислали больше осенью, по возвращеніи съ дачи.

Я имѣлъ еще другіе уроки, и въ послѣдній годъ студенчества очень много, но дома, въ которыхъ я училъ, не представляли ничего особенно замѣчательнаго, и потому обращаюсь къ университетскимъ впечатлѣніямъ.

ОБРАЩЕНІЕ
БЛ. АВГУСТИНА

ОЧЕРКЪ.

Окончаніе *).

V.

Разрывъ съ манихействомъ оставилъ, однако, въ душѣ Августина мучившую его пустоту. Онъ „отчаявался найти въ церкви истину", а равнодушіе скептицизма не могло удовлетворить его горячаго стремленія къ истинѣ. Это характерно выразилось въ томъ, что онъ самому скептицизму академиковъ сталъ приписывать положительное содержаніе. Онъ полагалъ, что ихъ сомнѣніе — лишь покровъ, за которымъ скрывается истинный платонизмъ отъ лицъ, еще не подготовленныхъ воспринять его, но прозрачный для прозрѣвающихъ [1]). Онъ держался этого взгляда еще и въ „Исповѣди", и десять лѣтъ позднѣе, какъ видно изъ одного письма его, и только къ концу своей жизни возвратился къ первоначальному мнѣнію о скептическомъ направленіи академиковъ.

Въ эту критическую минуту своей жизни Августинъ нашелъ спасеніе въ платонизмѣ. Философія Платона и исходившихъ отъ него неоплатониковъ не только внушила Августину твердую увѣ-

*) См. выше: февраль, стр. 641.

[1]) C. Akad. II. 10, 24. III. 17, 18.—См. Wörter, Die Geistesentwickelung d. h. Augustinus. Paderborn, 1892, p. 76.

ренность въ возможности дойти до истины и сильное одушевленіе посвятить ей всю жизнь свою, но указала ему также и самый путь къ ней. Однако, насколько Августинъ былъ обязанъ платонизму, объ этомъ нельзя судить по „Исповѣди". Здѣсь, гдѣ онъ каялся предъ Богомъ, спасшимъ его въ своемъ милосердіи отъ всѣхъ его заблужденій, было не мѣсто прославлять заслуги языческой философіи. Поэтому Августинъ въ „Исповѣди", упоминая о тѣхъ религіозныхъ истинахъ, которыя онъ нашелъ у платониковъ, подчеркиваетъ тутъ же то, чего онъ у нихъ *не* нашелъ и что̀ дала ему лишь церковь. Одни отрывочныя выраженія въ „Исповѣди", какъ бы невольныя воспоминанія о прежнемъ настроеніи, служатъ намеками на значеніе Платоновской философіи въ „обращеніи" Августина. Но мы располагаемъ цѣлымъ рядомъ философскихъ сочиненій Августина, написанныхъ до его крещенія, которыя внушены ему платонизмомъ и свидѣтельствуютъ о томъ, какъ глубоко онъ въ него погрузился. Насколько Августинъ былъ непосредственно знакомъ съ діалогами Платона, можно судить только по догадкамъ; но что Августинъ широко черпалъ изъ Плотина и многимъ ему былъ обязанъ, это явствуетъ изъ сочиненій Августина и его собственныхъ признаній. Посредникомъ между Августиномъ и Плотиномъ былъ римскій риторъ Викторинъ—переводчикъ Плотина—высокоученый старецъ, большой знатокъ всѣхъ благородныхъ наукъ, прочитавшій и разобравшій множество философскихъ сочиненій, учитель многихъ знатныхъ сенаторовъ, по заслугамъ удостоившійся за свою замѣчательную профессорскую дѣятельность постановки его статуи на римскомъ форумѣ,—„что̀ граждане міра сего считаютъ величайшимъ почетомъ"! Викторинъ былъ до старости поклонникомъ и защитникомъ языческихъ боговъ, столь популярныхъ среди римской аристократіи того времени,—но затѣмъ принялъ христіанство и сталъ предшественникомъ Августина въ примѣненіи философскихъ комбинацій Плотина къ христіанскому богословію и даже въ полемикѣ съ манихеянами. Августинъ въ Миланѣ близко сошелся съ старцемъ Симплиціаномъ, который въ свою бытность въ Римѣ отлично зналъ Викторина, и отъ Симплиціана Августинъ, повидимому, и узналъ о Викторинѣ и его сочиненіяхъ [1]).

Вліяніе платонизма на Августина было двоякое: непосредственно платонизмъ повліялъ на его философскія, а косвенно

---

[1]) О Викторинѣ и его вліяніи на Августина см. у Гарнака. (Lehrb. d. Dogmeng., III³, 32), который придаетъ этому вліянію большое значеніе. Тамъ и указанія на монографіи объ этомъ предметѣ.

на его религіозныя убѣжденія, послуживъ переходною ступенью къ христіанству. Въ первомъ случаѣ главную роль играло ученіе Платона, во второмъ—Плотина и другихъ неоплатониковъ. Платонизмъ сдѣлалъ Августина способнымъ къ отвлеченному мышленію, которое, по его признанію, ему долго не давалось. Онъ долго не могъ представлять себѣ „сущее" иначе, какъ матеріально: т.-е.—ограниченнымъ въ пространствѣ и осязаемымъ. Платонизмъ ввелъ его въ міръ „идей" и вѣчной мудрости, постигаемой разумомъ. Но вліяніе платонизма было настолько же *этическое*, насколько и теоретическое. Если „Гортензій" Цицерона воспламенилъ девятнадцатилѣтняго юношу любовью къ изученію *философіи*,—что̀ значитъ *любовь мудрости*,—то платонизмъ доставилъ ему *блаженство созерцать самую мудрость*.

Но достиженіе этой цѣли платонизмъ обусловливалъ исключительнымъ *служеніемъ* мудрости, съ отрѣшеніемъ отъ всего, что̀ могло быть для этого препятствіемъ. Духовный переворотъ, совершенный платонизмомъ въ Августинѣ, привелъ его къ христіанству. Исторію этой знаменательной и типической для той эпохи эволюціи Августинъ самъ разсказалъ въ своей „Исповѣди". Но, какъ мы указали, разсказалъ тогда, когда его душа уже не испытывала *священнаго трепета* прежнихъ дней при созерцаніи Платоновской мудрости, и *откровеніе* разума замолкло предъ высшимъ авторитетомъ божественнаго откровенія въ священномъ Писаніи.

Прослѣдимъ теперь ходъ этой эволюціи, какъ Августинъ ее себѣ представлялъ подъ вліяніемъ своего позднѣйшаго настроенія. Основнымъ фактомъ духовной эволюціи Августина было его новое представленіе о Богѣ. Мы знаемъ отъ него самого, что понятіе о Богѣ было ему съ малолѣтства внушено, и онъ часто обращался къ Нему съ своими дѣтскими желаніями и страхами. Но онъ не соединялъ съ этимъ никакого опредѣленнаго представленія: впослѣдствіи онъ считалъ неразумнымъ представлять себѣ Бога въ человѣческомъ образѣ, но онъ могъ себѣ представлять Его только въ видѣ физическаго тѣла,—„въ чемъ и заключалось—замѣчаетъ онъ,—великая и почти единственная причина моихъ неизбѣжныхъ заблужденій", т.-е. его манихейства. Согласно съ этимъ, онъ приноситъ покаяніе въ томъ, что искалъ Бога не разумѣніемъ духа, а ощущеніемъ плоти.

„Ты же, Господь, былъ во мнѣ, въ самой глубинѣ души моей и надо мною, выше всего, что̀ я могъ постигнуть". Въ другомъ мѣстѣ Августинъ говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ

онъ нѣсколько умудрился, онъ всею душою признавалъ Бога вѣчнымъ и неподлежащимъ ни измѣненію, ни ущербу, ставя Его выше всего подверженнаго времени и порчѣ, — но тѣмъ не менѣе не могъ себѣ представить Его иначе, какъ ограниченнымъ въ *пространствѣ* или разлитымъ въ мірѣ (infusum mundo), или внѣ міра—въ безпредѣльномъ пространствѣ, — ибо то, что не занимаетъ пространства, ему казалось несуществующимъ. Августинъ описываетъ, какъ онъ лишь постепенно поднимался отъ физическихъ тѣлъ къ живущей въ нихъ душѣ, и отъ разума—къ вѣчному свѣту, и какъ онъ узрѣлъ наконецъ то, что явилось ему въ минуту трепетнаго прозрѣнія. И тогда онъ былъ въ состояніи воскликнуть: „Развѣ истина ничто, потому только, что она не обрѣтается ни въ предѣльныхъ, ни въ безпредѣльныхъ пространствахъ?“

Августинъ постигъ Бога, Котораго такъ долго искалъ. „И я вошелъ въ себя, имѣя вождемъ Тебя, и увидѣлъ окомъ души моей выше этого ока, выше моего разума неизмѣнный свѣтъ, не тотъ обыкновенный свѣтъ, зримый всякою плотью, и не свѣтъ этому подобный, но на много болѣе яркій и громадный, какъ будто онъ наполняетъ всю вселенную, — нѣтъ, иной, совсѣмъ иной свѣтъ, не имѣющій съ тѣмъ ничего общаго. И онъ сіялъ высоко надъ мною, выше, чѣмъ небо надъ землею, потому что онъ самъ меня сотворилъ. Кому вѣдома истина, тому вѣдомъ этотъ свѣтъ: а кому онъ вѣдомъ, тому вѣдома вѣчность“.

Здѣсь несомнѣнно вліяніе платонизма, ибо это „сосредоточеніе въ себѣ“—въ противоположность разбрасыванію въ мірѣ—ставилось въ платонизмѣ условіемъ для познанія выси божественной истины. Въ другой главѣ Августинъ прямо упоминаетъ о помощи, оказанной ему въ этомъ случаѣ платониками, но какъ будто только для того, чтобы умалить ихъ значеніе: „Познакомившись съ книгами платониковъ, я сталъ, по ихъ наставленію, искать *безтѣлесную* истину, узрѣлъ ее и, отвергнутый ею, почуялъ то, что мнѣ, вслѣдствіе омраченія души моей, не дозволено было созерцать; — я увѣрился въ Твоемъ бытіи и въ Твоей безпредѣльности, не охваченной никакимъ ни предѣльнымъ, ни безпредѣльнымъ пространствомъ; увѣрился въ томъ, что Ты еси истина и всегда остаешься самимъ собою; все же остальное исходитъ отъ Тебя, уже потому, что существуетъ. Во всемъ этомъ я былъ увѣренъ, но былъ слишкомъ слабъ, чтобы насладиться Тобою. Обо всемъ этомъ я толковалъ какъ свѣдущій, но еслибы я не нашелъ въ Христѣ, спасителѣ нашемъ, путь къ Тебѣ, я оказался бы не свѣдущимъ, а погибшимъ (non peritus, sed peri-

turus). Ибо я уже началъ желать прослыть мудрымъ и возгордился моимъ знаніемъ". Въ этихъ послѣднихъ словахъ—„желалъ казаться мудрымъ"—слышится позднѣйшее отреченіе богослова отъ *людской* мудрости.

Мы находимъ по этому поводу у Августина интересныя размышленія о томъ, почему Провидѣніе послало ему книги платониковъ прежде, чѣмъ онъ сталъ изучать Св. Писаніе. Августинъ предполагаетъ, что это случилось для того, чтобы въ его памяти запечатлѣлось, *какъ* повліяли на него эти книги, и чтобы онъ потомъ, исцѣлившись благодаря божественнымъ книгамъ, былъ въ состояніи понять различіе между высокомѣріемъ философа и исповѣдью вѣрующаго — понять различіе между видящими, *куда* слѣдуетъ идти, но не знающими, какимъ путемъ идти,—и самимъ путемъ, ведущимъ къ благому отечеству, которое слѣдуетъ не только созерцать, но и обитать въ немъ. Если же бы онъ сначала былъ наставленъ священными книгами, а послѣ того познакомился съ философскими, то послѣднія, можетъ быть, подорвали бы въ немъ основу благочестія, или, еслибы онъ сохранилъ спасительное настроеніе, внушили бы ему мысль, что его можно было бы достигнуть, ихъ однихъ изучая.

Не менѣе ясно выступаетъ значеніе платонизма въ освобожденіи Августина отъ гнета другой манихейской *субстанціи*—силы мрака, или зла. Отъ этой субстанціи, которая то въ видѣ грубой „землистой" массы наполняла вселенную, то въ видѣ болѣе тонкой матеріи проникала эту массу, происходило, по ученію манихеянъ, все *зло*. Августинъ объясняетъ, почему это ученіе такъ долго сохраняло свою власть надъ нимъ: „Мнѣ казалось, что не я грѣшу, но что-то другое во мнѣ, и мою гордость удовлетворяло сознаніе, что я внѣ всякой вины; и когда я совершалъ что-либо дурное, мнѣ нравилось, что мнѣ не нужно каяться въ этомъ предъ Тобою, чтобы Ты *исцѣлилъ душу мою, согрѣшившую* противъ Тебя, но что я могу обвинять въ этомъ—я не знаю—что-то такое, что не *я*, но при мнѣ пребываетъ". Даже когда въ Августинѣ взяло верхъ представленіе о Богѣ Творцѣ, онъ не могъ разстаться съ манихейскимъ представленіемъ о злѣ. Ему казалось, что лучше и благочестивѣе вѣрить, что Господь не сотворилъ ничего дурного, но что его власть ограничена субстанціей зла, существующаго независимо отъ Него, чѣмъ допускать, что зло ведетъ свое начало отъ Бога.

Такимъ образомъ, Августинъ самъ раздѣлялъ заблужденіе, въ которомъ укорялъ *злыхъ* манихеянъ, предпочитавшихъ допустить, что божественная сущность страдаетъ отъ зла, а не то, что она

сама творитъ зло. Все болѣе и болѣе углублялся Августинъ въ проблему зла, все чаще и чаще ставилъ себѣ вопросъ, почему онъ грѣшитъ? И все явственнѣе становилось для него сознаніе своей воли. Онъ сознавалъ то, что у него есть воля, такъ же ясно, какъ то, что онъ существуетъ. Онъ увѣрился въ томъ, что когда онъ чего-нибудь хотѣлъ или не хотѣлъ, то это была *его* воля, а не чья-либо другая,—и онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что онъ самъ виновникъ своего грѣха. Но, съ другой стороны, въ немъ возникали вопросы: откуда у него злая воля? Если отъ дьявола,—откуда же самъ дьяволъ; а если дьяволъ сдѣлался злымъ ангеломъ, вслѣдствіе превратной воли, изъ добраго ангела, то откуда же у него эта превратная воля?—Эти вопросы его угнетали и мучили.

Изъ этого мучительнаго состоянія его вывелъ неоплатонизмъ. Эта школа не признавала въ мірѣ зла. Самый міръ она считала эманаціей чистаго, абсолютнаго бытія, происходившей вслѣдствіе ограниченія этого чистаго бытія. Чѣмъ дальше протекала эта эманація, тѣмъ болѣе она удалялась отъ полнаго бытія и становилась *не*-бытіемъ. Этотъ дефектъ, т.-е. отсутствіе бытія, и называется зломъ. Зло поэтому не есть субстанція, т.-е. нѣчто въ самомъ себѣ существующее; оно не имѣетъ въ себѣ дѣйствительнаго, положительнаго бытія. Августинъ усвоилъ себѣ это ученіе, и мучившее его *зло* исчезло какъ призракъ. „И я взиралъ на міръ подъ Тобою,—говоритъ онъ въ своей „Исповѣди“,—и увидѣлъ, что ему нельзя приписать ни полнаго бытія, ни небытія; ему присуще бытіе, насколько онъ происходитъ отъ Тебя, и небытіе, потому что онъ не то, что̀ Ты“. И потому Августинъ говоритъ далѣе: „Для Тебя не существуетъ зла; и не только для Тебя, но и для всего Твоего творенія, ибо нѣтъ ничего, что̀ могло бы вторгнуться въ Твой міръ и нарушить порядокъ, Тобою въ немъ установленный“.

Вотъ другой принципъ, усвоенный Августиномъ у неоплатониковъ и подробно развитой имъ въ сочиненіи о (міровомъ) *порядкѣ* (De ordine). Этотъ порядокъ основанъ на взаимной гармоніи вещей. „Потому что нѣкоторые предметы въ мірѣ не гармонируютъ съ другими, ихъ считаютъ зломъ; но эти самые предметы гармонируютъ съ другими и являются благомъ, и они благи сами по себѣ“. И исходя изъ этой мысли, Августинъ восхваляетъ Создателя міра и приводитъ текстъ псалма (148), перечисляющаго „всякую тварь вредную и безвредную, прославляющую Господа“.

Но неоплатонизмъ не только снялъ съ души Августина тяжелый гнетъ представленія, что зло, какъ и порокъ, есть субстанція, т.-е. искони, само по себѣ и вѣчно *сущее*,—эта философія ему непосредственно *открыла* христіанство и примирила его съ нимъ. Правда, Августинъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей „Исповѣди" (VII, 11), что вѣра въ Бога, въ его провидѣніе, въ Христа и въ Св. Писаніе, установленное авторитетомъ церкви, всегда „нерушимо сохранялась въ его сердцѣ", даже въ то время, когда онъ мучился надъ проблемой зла и „не видѣлъ выхода". Но мы знаемъ, сколько тяжкихъ недоумѣній вызывали въ немъ всѣ эти вопросы, и напомнимъ его признаніе: „Я тогда еще не испыталъ истины церковнаго ученія". Даже проявлявшееся въ его дѣтскихъ молитвахъ представленіе о Богѣ не могло удержаться подъ вліяніемъ манихейства, и его развившійся разумъ требовалъ себѣ доступа въ область вѣры. Это требованіе было тѣмъ болѣе неизбѣжно, что само христіанское ученіе въ начальныхъ словахъ четвертаго Евангелія вызывало на это. Здѣсь-то неоплатонизмъ и пришелъ на помощь Августину. Самъ онъ намъ объ этомъ говоритъ въ своей „Исповѣди". Правда, его сообщеніе относится ко времени, когда онъ уже удалился отъ этой философіи и отъ всякаго раціонализма въ вопросахъ вѣры, и когда онъ считалъ своимъ долгомъ, какъ христіанскій епископъ, предостерегать вѣрующихъ отъ философскаго высокомѣрія. Онъ благодаритъ Господа за то, что, желая ему показать, что Господь *противится гордымъ*, Онъ доставилъ ему чрезъ посредство человѣка, исполненнаго громадной надменностью, нѣсколько сочиненій платониковъ, переведенныхъ съ греческаго языка на латинскій, гдѣ онъ прочелъ, хотя не въ тѣхъ же словахъ, но то же самое, обставленное многими и разнообразными доводами: „Въ началѣ было Слово и Слово было у Бога и Богъ былъ Слово". Но онъ не нашелъ тамъ, что „Слово стало плотью и обитало съ нами". И Августинъ заканчиваетъ свое перечисленіе того, что онъ нашелъ у платониковъ и чего не нашелъ, словами апостола: „Но они, познавши Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ и омрачилось несмысленное ихъ сердце. Называя себя мудрыми, они обезумѣли".

Что Августинъ долго самъ принадлежалъ къ тѣмъ, кого онъ потомъ осуждалъ, видно изъ его собственныхъ признаній... Именно воплощеніе Логоса было для него непонятно. Сначала его затрудняли манихейскія представленія. Даже „о нашемъ Спасителѣ,—говоритъ онъ,—Твоемъ единородномъ Сынѣ, я полагалъ,

что онъ изъ свѣтлѣйшей матеріи былъ выдѣленъ для нашего спасенія". Августинъ боялся признать воплощеніе, чтобы не быть вынужденнымъ допустить оскверненіе Христа плотью. „Пусть вѣрующіе въ духѣ—восклицаетъ онъ—теперь милосердно и ласково надо мною посмѣются, когда прочтутъ эти мои заблужденія [1]); но таковымъ я тогда былъ".

Затѣмъ онъ впалъ въ противоположное представленіе: онъ допускалъ „чудесное рожденіе Христа отъ дѣвы", но въ то же время считалъ его человѣкомъ замѣчательной мудрости, съ которымъ никто не можетъ сравниться, въ особенности потому, что онъ показалъ примѣръ пренебреженія мірскими благами ради пріобрѣтенія безсмертія и „по божественному о насъ промыслу заслужилъ великій авторитетъ учителя". „Но великое таинство, заключающееся въ словахъ „Слово стало плотью", я и подозрѣвать не могъ".

Постигнуть это таинство Августину помогло отождествленіе евангельскаго Логоса со всемірнымъ Разумомъ, которому неоплатоники отвели въ своемъ міровоззрѣніи видное мѣсто [2]). И въ другомъ еще отношеніи неоплатонизмъ содѣйствовалъ сближенію Августина съ христіанскимъ богословіемъ: онъ предрасположилъ его, какъ и до него Викторина, — вліяніе котораго, вѣроятно, и въ этомъ отразилось,—къ изученію твореній апостола Павла [3]), глашатаемъ котораго сталъ Августинъ. Въ „Исповѣди" Августинъ объ этомъ не упоминаетъ, но не даромъ,—съ своей позднѣйшей точки зрѣнія,—говоритъ, что, неудовлетворенный неоплатониками, взялся за изученіе божественныхъ книгъ и „въ особенности сочиненій апостола Павла".

Наконецъ, въ платонизмѣ же нашелъ Августинъ и заимствовалъ изъ него философскіе доводы въ пользу основного условія христіанской вѣры — безсмертія души. Доказавъ вѣчность разума, Августинъ выводитъ отсюда безсмертіе души, въ которой живетъ разумъ [4]).

---

[1]) Confusiones; это чтеніе предпочтительнѣе чтенію Confessiones.

[2]) Это признаютъ даже католическіе писатели, не склонные преувеличивать значеніе языческой философіи въ жизни Августина: „Auf ihren wahren Werth geprüft haben die betreffenden Aeusserungen Augustins in den Konfessionen keinen andern Sinn, als dass er in der neuplatonischen Lehre vom Nus durch eine gewisse Aehnlichkeit mit der christlichen Logoslehre letztere ja erblicken glaubte und dass diese Analogie seine Annäherung an das Christenthum veranlasste. *Wörter*, Die Geistesentw. des h. Augustinus, etc., p. 49.

[3]) О паулинизмѣ Викторина см. ст. Gore о Викторинѣ въ Diction. of Chr. Biogr. IV. Harnack, Lehrb. d. Dogmengesch. III, 32.

[4]) Aug. De Immort. 11. Nihil enim quod semper est, patitur sibi sub trahi

Но философія могла только очистить Августину путь къ вѣрѣ, но не могла ему дать ее. Когда предъ нимъ исчезли манихейскіе призраки и его снова стали манить къ себѣ религіозные образы его дѣтства, онъ не нашелъ въ себѣ силы *вѣрить* въ нихъ. „Онъ желалъ быть также увѣреннымъ въ томъ, что для него было незримо, какъ онъ былъ увѣренъ въ томъ, что семь и три — десять". Онъ сознавалъ, „что могъ бы найти исцѣленіе въ вѣрѣ", но его больная душа, по его словамъ, боялась отдаться вѣрѣ, чтобы не увѣровать въ заблужденія; подобно тому, прибавляетъ онъ, какъ человѣкъ, пострадавшій отъ плохого врача, отказывается лечиться и у хорошаго.

Мы видѣли изъ „Исповѣди" Августина, какъ онъ самъ себя убѣждалъ въ необходимости вѣры,— онъ приписывалъ это потомъ внушенію свыше. Онъ размышлялъ о томъ, какъ многому онъ вѣритъ, чего онъ не видалъ, или при чемъ не присутствовалъ— касательно исторіи народовъ, описанія мѣстностей и городовъ; какъ многому онъ вѣритъ изъ того, что слышалъ отъ друзей, врачей и другихъ лицъ, и что безъ такой вѣры нельзя жить. Онъ разсудилъ, что поэтому слѣдуетъ вѣрить священнымъ книгамъ, авторитетъ которыхъ Господь такъ прочно утвердилъ у всѣхъ почти народовъ. И когда его спрашивали, „откуда ему извѣстно, что эти книги внушены единымъ, истиннымъ и правдивѣйшимъ духомъ Божіимъ человѣческому роду", онъ утверждалъ, что именно въ этомъ онъ былъ особенно увѣренъ, ибо „никакой задоръ разнообразнѣйшихъ и противорѣчивыхъ между собою философскихъ школъ" не могъ отнять у него вѣры въ Бога,—хотя онъ не зналъ Его сущности,—и въ Его управленіе міромъ. Эта вѣра, замѣчаетъ Августинъ, была въ немъ то сильнѣе, то слабѣе. Но такъ какъ онъ „оказался слишкомъ слабъ, чтобы найти истину яснымъ разумѣніемъ, и поэтому нуждался въ авторитетѣ Св. Писанія", *то онъ и началъ вѣрить*, что ни въ какомъ случаѣ Господь не предоставилъ бы этому Писанію такого чрезвычайнаго авторитета на всей землѣ, еслибы не было Его воли, чтобы въ Него вѣрили при помощи этого Писанія и чрезъ его посредство Его искали". Вѣра въ Св. Писаніе приблизила Августина и къ Христу. Правда, онъ признается, что и въ это время его представленія о Немъ еще не установились (informis) и выходили изъ предѣловъ церковнаго ученія, но душа его не отставала отъ

---

aliquando in quo semper est. Булье въ своемъ сочиненіи объ Эннеядахъ Плотина говоритъ: Le traité que ce Père (Augustin) a composé sur l'immortalité de l'âme est tiré presque entièrement de notre auteur.

вѣры въ Христа и постепенно все болѣе и болѣе ею проникалась.

Такимъ образомъ, въ это время въ душѣ Августина удивительнымъ образомъ уживались и сплетались обѣ потребности— разумѣнія и вѣры. Въ виду этого онъ долго держался мысли о согласіи разума и вѣры. Въ сочиненіи противъ академиковъ онъ говоритъ: „Никто не сомнѣвается, что двойная сила влечетъ насъ къ знанію [1]), *авторитетъ* и *разумъ*. Что касается меня, то я намѣренъ нигдѣ не отступать отъ авторитета Христа, ибо я не знаю болѣе высокаго. Но къ этой истинѣ мы должны стремиться съ помощью тончайшаго разума, ибо я уже сознаю, что нетерпѣливо желаю познать истину, не съ помощью только вѣры, но также и разумѣніемъ, и я увѣренъ, что я пока (interim) найду у платониковъ то, что̀ не противорѣчитъ нашимъ таинствамъ". А въ сочиненіи „О порядкѣ" Августинъ призываетъ тѣхъ, кто не въ состояніи видѣть порядка и гармоніи, установленныхъ въ мірѣ Провидѣніемъ, обратиться къ философіи, которая и приведетъ къ этому сознанію. Кто же неспособенъ къ ея изученію, или слишкомъ лѣнивъ для этого, или кого отъ нея отвлекаютъ другія дѣла—тотъ пусть опирается на вѣру.

Съ этой точки зрѣнія онъ восклицалъ еще въ своемъ сочиненіи „О Божіемъ царствѣ": „Почему бы намъ не вѣрить Божеству въ тѣхъ вопросахъ, которые мы не въ состояніи разслѣдовать человѣческимъ умомъ!"

VI.

Не менѣе важна, чѣмъ это прохожденіе отъ разумѣнія къ вѣрѣ, была для Августина другая въ немъ перемѣна, совершавшаяся также подъ вліяніемъ платонизма. Замѣчательнѣйшимъ свойствомъ ученія Платона была неразрывная въ немъ связь познанія съ этическимъ усовершенствованіемъ. Послѣднее было какъ необходимымъ условіемъ, такъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ перваго. Августинъ вполнѣ усвоилъ себѣ эту точку зрѣнія, и этимъ объясняется его восторженное отношеніе къ „Гортензію", изъ котораго онъ впервые почерпнулъ этическій идеализмъ. Мы находимъ этотъ идеализмъ ясно выраженнымъ въ философскихъ

---

[1]) C. Acad. III, 20, 43: „Gemino pondere nos impelli ad discendum, auctoritatis et rationis", tc.

сочиненіяхъ Августина, написанныхъ передъ его крещеніемъ. Разумъ опредѣляется имъ, какъ дѣятельность души, во время которой она сама по себѣ, безъ посредства тѣла (т.-е. чувственныхъ ощущеній), узрѣваетъ истину. Поэтому, тотъ, кто хочетъ мыслить и познавать, сосредоточивается въ самомъ себѣ. Оттого „уединеніе", т.-е. отдаленіе отъ міра, является предварительнымъ условіемъ познанія сущности вещей. Оттого, сказано у него въ другомъ мѣстѣ, только нравственно чистый духъ достигаетъ познанія. Эту взаимную связь успѣховъ въ познаніи и въ нравственномъ житіи Августинъ возводитъ въ „божественный законъ, вѣчный и нерушимый, и начертанный въ душѣ мудрыхъ: пусть они знаютъ, что они должны быть тѣмъ лучше и возвышеннѣе въ жизни, чѣмъ совершеннѣе они разумомъ постигаютъ и тщательнѣе въ жизни хранятъ божественный порядокъ. Такимъ образомъ, этотъ порядокъ возлагаетъ на тѣхъ, кто желаетъ его познать, обязанность слѣдовать ему въ двухъ направленіяхъ,— какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ".

Высказанныя здѣсь требованія были для Августина не отвлеченнымъ постулатомъ ума, а глубоко запали въ его душу и вызвали въ ней разладъ и тяжелую внутреннюю борьбу. Предаться уединенію, вести жизнь лучшую и болѣе возвышенную, значило для него порвать не только со всѣмъ, что̀ ему было до сихъ поръ дорого, но и отказаться отъ всего, что̀ его манило и что̀ ему предстояло впереди. Онъ только-что прочно устроился, занялъ положеніе, соотвѣтствующее его таланту, и имѣлъ основаніе разсчитывать, что найдетъ на этомъ пути почетъ и благосостояніе, соразмѣрные съ его заслугами. Но что̀ было еще тяжелѣе для Августина—ему предстоялъ переломъ въ его интимной жизни, разрывъ съ семейной обстановкой, обратившейся для него въ привычку. Такъ для него началось мучительное состояніе, долго продолжавшееся и все возраставшее. Онъ самъ изобразилъ его въ исповѣди „своихъ заблужденій", и эти страницы захватываютъ читателя не только участіемъ къ пережитымъ страданіямъ, но и высокимъ интересомъ къ этому типическому явленію въ исторіи этическаго идеализма.

„Я жаждалъ почета, благосостоянія и брака",—кается Августинъ. Прежде всего потерпѣла крушеніе иллюзія почета и славы. Весьма драматично пріурочиваетъ Августинъ этотъ переломъ къ опредѣленному моменту своей жизни, когда онъ готовился, по своей должности, къ произнесенію панегирика императору, собираясь въ немъ „лгать ради шумныхъ похвалъ со стороны тѣхъ, кто зналъ, что я лгу". Въ ту минуту, когда его сердце „было

полно этой заботы и лихорадочно билось подъ напоромъ тлетворныхъ мыслей", онъ замѣтилъ въ одной изъ улицъ Милана нищаго, уже бывшаго, какъ ему казалось, навеселѣ, съ довольнымъ лицомъ и съ шутками на языкѣ. При видѣ его Августинъ обратился со вздохомъ къ сопровождавшимъ его друзьямъ, указывая имъ, что, при всѣхъ усиліяхъ и тревогахъ, онъ не достигъ и, можетъ быть, никогда не достигнетъ того, что досталось нищему съ помощью нѣсколькихъ выпрошенныхъ грошей—радости, т. е. мірского счастья. Правда, еслибы кто-нибудь его спросилъ, желалъ ли бы онъ быть на мѣстѣ этого нищаго, онъ бы отказался отъ этого,—но на превратномъ основаніи. Ибо онъ не имѣлъ бы права дорожить своимъ образованіемъ, такъ какъ оно не доставляло ему радости, и онъ пользовался имъ не для поученія людей, а для того, чтобы имѣть среди нихъ успѣхъ.

„И пусть не говорятъ мнѣ,—продолжалъ Августинъ,—что тутъ разница въ самой радости"; что нищій находитъ радость въ опьяненіи, а онъ, Августинъ,—въ славѣ. Если радость нищаго суетна, то и слава, вскружившая ему голову, превратна; притомъ нищій въ одну ночь проспитъ свое опьяненіе — онъ же, Августинъ, и засыпаетъ, и просыпается съ своимъ опьяненіемъ, и долго еще будетъ засыпать и просыпаться съ нимъ. И по другой еще причинѣ Августину казалось, что нищій счастливѣе его,—а именно потому, что добылъ себѣ вино добрыми пожеланіями, онъ же путемъ лжи искалъ удовлетворенія своему тщеславію.

Наступленіе тридцатилѣтняго возраста особенно встревожило Августина; онъ вспоминалъ, какъ много уже прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ „19-ти лѣтъ, съ такимъ жаромъ принялся за изученіе мудрости, намѣреваясь, по достиженіи ея, отбросить всѣ суетныя надежды и обманчивый вихрь тщеславныхъ страстей; а онъ все еще вязнетъ въ грязи жадныхъ желаній насладиться настоящимъ, которое быстро минуетъ и разсѣеваетъ духъ, и все повторяетъ: завтра мнѣ откроется истина!"

Но какую же мудрость разумѣлъ Августинъ,—философскую или христіанскую? При тогдашнемъ своемъ настроеніи онъ ихъ не противополагалъ одну другой, — оба пути вели къ той же цѣли. Это видно изъ продолженія вышеприведеннаго мѣста.

„Я хочу ступать по пути, на который меня, ребенкомъ, поставили родители, пока не найду ясной истины. Но гдѣ ея искать? и когда ея искать? У Амвросія нѣтъ времени; и гдѣ мнѣ искать рукописи Св. Писанія? гдѣ и когда добывать ихъ? у кого взять ихъ?" Ободряя себя, онъ говоритъ: „Ими надо распредѣлить свое время для спасенія души. „Утренніе часы, правда,

посвящены ученикамъ, но что я дѣлаю въ остальные? Почему не воспользоваться ими?“ Тутъ ему представляются новыя затрудненія: „Когда же мнѣ, однако,—спрашиваетъ онъ,—посѣщать могущественныхъ друзей, въ поддержкѣ которыхъ я нуждаюсь? когда я буду готовиться къ лекціямъ, оплачиваемымъ учениками? когда я буду предаваться отдыху, чтобы возстановить силы духа послѣ напряженія?“ И снова беретъ въ его душѣ верхъ рѣшимость порвать со всѣмъ, что ему препятствовало искать истину. „Пусть пропадаетъ все это; я отброшу отъ себя все пустое и суетное и посвящу себя только изысканію истины; жизнь печальна, и неизвѣстно, когда настанетъ смертный часъ; онъ можетъ нечаянно наступить;—зачѣмъ же медлить отрѣшеніемъ себя отъ всякой мірской надежды, чтобы совершенно предаться исканію Бога и благой жизни?“ Но мірскія надежды въ немъ еще не заглохли. „Не спѣши,—говоритъ онъ себѣ:—есть прелесть и въ этой жизни и немало въ ней сладости; не легко отъ нея оторваться и постыдно послѣ этого къ ней вернуться. Какъ немного нужно, чтобы получить почетное мѣсто на государственной службѣ, и чего можно желать лучшаго? У меня много вліятельныхъ друзей; не говоря о другихъ, я могу добиться должности *президента*, могу взять жену съ нѣкоторымъ приданымъ для облегченія расходовъ на хозяйство; таковъ былъ бы предѣлъ моихъ стремленій. Вѣдь было немало великихъ и достойныхъ подражанія людей, которые и послѣ женитьбы предавались изученію мудрости“. Въ этихъ признаніяхъ Августина идетъ рѣчь одновременно и о стремленіи къ христіанской истинѣ чрезъ изученіе Св. Писанія, и о достиженіи философской мудрости. Послѣдняя цѣль еще яснѣе выступаетъ далѣе въ „Исповѣди“. Августинъ сообщаетъ, что его другъ Алипій противился его намѣренію жениться, все доказывая, что въ этомъ случаѣ имъ нельзя будетъ совмѣстно вести на досугѣ жизнь, всецѣло посвященную любви къ мудрости, какъ они уже давно желаютъ. Здѣсь подъ мудростью, очевидно, разумѣлась не вѣра въ Христа, которая не препятствовала брачной жизни, а жизнь мудреца въ смыслѣ неоплатониковъ.

Мысль удалиться отъ мірскихъ дѣлъ и заботъ, чтобы посвятить свой досугъ исканію истины, такъ укоренилась въ кружкѣ Августина, что породила цѣлый проектъ особаго общежитія для обезпеченія этого досуга. Друзья—ихъ было около десяти—предполагали сложиться и образовать одно общее имущество такъ, чтобы никто изъ членовъ не имѣлъ ничего для себя лично, но все принадлежало бы одинаково всѣмъ. Между ними было нѣ-

сколько богатыхъ людей, и въ особенности Романіанъ изъ Тагастэ, пріѣхавшій ко двору по важнымъ личнымъ дѣламъ, горячо настаивалъ на осуществленіи этого плана; его голосъ имѣлъ въ этомъ дѣлѣ большой вѣсъ, такъ какъ его богатство значительно превышало состояніе другихъ. Предполагалось изъ среды общины избирать на годъ двухъ старшинъ, которые должны были о всемъ заботиться, обезпечивая другимъ полное душевное спокойствіе. Но планъ этотъ разбился о соображеніе, согласятся ли на него жены,—ибо нѣкоторые изъ друзей были женаты, а другіе собирались жениться,—и все пошло по старому, по „широкимъ и протоптаннымъ путямъ мірской жизни".

Къ числу членовъ кружка, собиравшихся тогда жениться, принадлежалъ и самъ Августинъ. Особенно настаивала на этомъ его мать, которая ничего такъ не желала, какъ крещенія сына по заключеніи имъ законнаго брака. По своему обычаю и по желанію сына она просила въ своихъ молитвахъ, чтобы Господь послалъ ей знаменіе по отношенію женитьбы сына, но видѣла лишь какіе-то призраки, которые не сочла за откровеніе. Тѣмъ не менѣе, по ея настоянію, Августинъ посватался и получилъ согласіе родителей; невѣста была, однако, еще слишкомъ молода для брака, но такъ какъ она ему нравилась, то онъ согласился ждать два года.

Въ такомъ положеніи дѣла сохраненіе прежней связи являлось препятствіемъ браку, и Августина заставили отпустить свою сожительницу. Она возвратилась въ Африку, оставивъ Августину своего сына и давши обѣтъ не принадлежать другому мужу,—что характеризуетъ ее и ея связь съ Августиномъ. Онъ же не былъ въ силахъ послѣдовать ея примѣру, и такъ какъ срокъ, назначенный для брака, казался ему слишкомъ отдаленнымъ, онъ взялъ къ себѣ въ домъ другую дѣвушку;—однако „рана, нанесенная ему разлукою съ прежнею сожительницей, не зажила". Это обстоятельство сдѣлалось для Августина источникомъ новыхъ душевныхъ тревогъ. Разсчеты „на почести и выгоды" уже не привлекали его такъ сильно, какъ прежде, но онъ чувствовалъ себя безсильнымъ бороться противъ страсти къ женщинѣ [1]). Правда, апостолъ не воспрещалъ ему женитьбы, но онъ сознавалъ, что брачная жизнь заставитъ его предаваться и другимъ заботамъ, отъ которыхъ онъ хотѣлъ освободиться. И онъ снова переживалъ тѣ мученія, которыя онъ испытывалъ, стараясь подняться до истиннаго представленія о Богѣ: „Какими страданіями

---

[1]) Adhuc tenaciter alligabar ex femina. VIII, 2.

сопровождались эти роды моего сердца! какіе это были стоны, выражавшіе нѣмые укоры души моей! Ты, Господи, одинъ зналъ, какъ я мучился, и никто изъ людей,—ибо какъ мало обо всемъ повѣдалъ языкъ мой самымъ близкимъ изъ моихъ друзей!"

Августинъ тѣмъ сильнѣе себя упрекалъ, что теперь уже не страдалъ недостаткомъ богопознанія, который можетъ „служить оправданіемъ для людской суеты; онъ нашелъ Творца и при немъ Его слово; онъ обрѣлъ жемчужину, которую ему слѣдовало купить, продавъ все свое имѣніе,—и колебался".

Измученный внутренней борьбой и не имѣя силы на что-нибудь рѣшиться, Августинъ отправился къ старцу Симплиціану, который былъ воспріемникомъ Амвросія и котораго архіепископъ любилъ какъ отца. Когда Августинъ сообщилъ ему, что прочелъ нѣсколько сочиненій неоплатониковъ, переведенныхъ Викториномъ, старецъ поздравилъ его съ тѣмъ, что ему не попали въ руки сочиненія другихъ философовъ, полныхъ лжи и обмана. При этомъ онъ посовѣтовалъ ему принять въ образецъ самого Викторина, который, столько лѣтъ защищавши язычество, не устыдился принять на себя иго Христа. На вопросъ Августина, какъ это случилось, Симплиціанъ разсказалъ ему, что Викторинъ сталъ читать Св. Писаніе и усердно изучать христіанскую литературу. Однажды, когда они были одни, онъ сказалъ Симплиціану: „Знаешь ли, что я уже христіанинъ!" Тотъ отвѣтилъ: „Не повѣрю и не признаю тебя христіаниномъ, пока не увижу тебя въ церкви". На это Викторинъ усмѣхнулся и спросилъ: „Развѣ стѣны дѣлаютъ христіанина?"—И часто онъ повторялъ, что онъ христіанинъ, а на возраженія Симплиціана отшучивался тѣмъ же, ибо онъ боялся оскорбить надменныхъ идолопоклонниковъ среди своихъ друзей. Когда же онъ укрѣпился въ вѣрѣ, то устыдился своего тщеславія и, убоявшись, что Христосъ отречется отъ него предъ своими ангелами, однажды сказалъ Симплиціану: „Пойдемъ въ церковь, я хочу принять христіанство".—Не помня себя отъ радости, тотъ немедленно пошелъ съ нимъ. Получивъ первыя наставленія, онъ тамъ записался въ число чающихъ крещенія.

Когда же насталъ часъ произнести—по римскому обычаю—символъ вѣры съ возвышеннаго мѣста, предъ лицомъ всего народа, пресвитеры предложили ему произнести символъ вѣры негласно, какъ то дозволяется лицамъ, которыя боятся смутиться. Но Викторинъ отказался отъ этого. Если ему не было страшно преподавать риторику, въ которой нѣтъ спасенія, предъ толпою безумцевъ, то какъ онъ могъ бояться произнести слово Господне

предъ Его кроткой паствой?!—И когда онъ взошелъ на возвышеніе, всѣ встрепенулись и называли другъ другу его имя—ибо кто его не зналъ?—и изъ устъ всѣхъ радостно пронеслось, раздаваясь по всей церкви, сдержаннымъ шопотомъ имя Викторина. Но тотчасъ всѣ смолкли, желая услышать его голосъ. Онъ же съ твердостью произнесъ слова истинной вѣры, и всѣ съ восклицаніемъ и ликованіемъ устремились заключить его въ свои объятія—и сердца.

Когда Августинъ въ своей „Исповѣди" изображалъ сцену обращенія Викторина, передъ его воображеніемъ, конечно, носилось воспоминаніе о другой подобной картинѣ, когда въ миланскомъ соборѣ молодой риторъ,—не столь славный, какъ Викторинъ, но болѣе интересный для публики, такъ какъ передъ нимъ еще была цѣлая будущность,—отрекался ради Христа отъ міра и своихъ блестящихъ надеждъ.

Подъ впечатлѣніемъ разсказа Симплиціана, Августинъ воспылалъ желаніемъ послѣдовать примѣру Викторина. Впечатлѣніе, произведенное на него обращеніемъ Викторина, еще усилилось, когда онъ узналъ, что Викторинъ, повинуясь закону императора Юліана, воспретившаго христіанамъ преподаваніе риторики и литературы, желалъ лучше разстаться со своей школой „многословія", чѣмъ со словомъ Божіимъ. Августинъ признавалъ его за это не только мужественнымъ, но и счастливымъ, ибо онъ нашелъ случай всецѣло посвятить себя службѣ Господней. Но самъ онъ съ грустью чувствовалъ себя скованнымъ,—не чужою рукой и не желѣзомъ, а своею желѣзною волею. Врагъ овладѣлъ его волей, сковалъ изъ нея цѣпь и связалъ его ею. Ибо дурная воля порождаетъ страсть, а потворство страсти образуетъ привычку, и если не бороться съ привычкой, она превращается въ законъ необходимости. „Такъ изъ звеньевъ, смыкающихся между собою, сложилась цѣпь моего тяжелаго рабства".—Онъ уже чувствовалъ въ себѣ новую волю, но она была еще не въ силахъ побороть старую, укоренившуюся. „Такъ двѣ воли боролись во мнѣ, одна старая, другая новая, одна плотская, другая духовная, и своимъ раздоромъ терзали мою душу". Особенно мучительно было для Августина то, что онъ уже не имѣлъ отговорки, которою онъ прежде оправдывалъ свою нерѣшительность презрѣть міръ и служить Богу, а именно, что онъ еще не увѣренъ въ истинѣ; истина для него теперь была внѣ сомнѣнія, но онъ былъ слишкомъ привязанъ къ земному. Августинъ изобразилъ свое тогдашнее состояніе духа въ прекрасномъ сравненіи съ положеніемъ человѣка, который не можетъ

проснуться. „Тяготѣло надъ мною бремя міра, подобно сладкому сну; помыслы мои были обращены къ Тебѣ подобно усиліямъ человѣка, желающаго проснуться, но безсильно утопающаго въ глубинѣ сна. Нѣтъ такого человѣка, который желалъ бы всегда спать, и по здравому сужденію всѣхъ людей бдѣніе лучше сна; однако часто человѣкъ медлитъ освободиться отъ сна, чувствуя тяжелое оцѣпенѣніе въ своихъ членахъ, и тѣмъ болѣе наслаждается сномъ, чувствуя, что часъ пробужденія наступаетъ. Такъ и я былъ увѣренъ, что лучше предаться Твоей любви, чѣмъ моимъ страстямъ, и убѣжденный въ Твоей истинѣ, я могъ только возражать медленно и спросонья: *сейчасъ, вотъ сейчасъ, подожди немного;* но сейчасъ и сейчасъ не имѣли предѣла (modo et modo non habebat modum),—и *подожди немного* тянулось безъ конца".

VII.

Но вотъ неожиданно насталъ и для Августина часъ пробужденія, когда „Господь его избавилъ отъ оковъ плотскихъ вожделѣній и ига мірскихъ заботъ".—Однажды, онъ не помнитъ, по какому дѣлу, его посѣтилъ Понтиціанъ, его землякъ, занимавшій видное мѣсто при дворѣ императора. Во время бесѣды тотъ замѣтилъ на стоявшемъ передъ ними столѣ, за которымъ занимался Августинъ, книгу, взялъ ее, раскрылъ и, увидя Посланія апостола Павла, изумился, ибо полагалъ, что книга относилась къ профессіи, тяготившей Августина. Понтиціанъ съ улыбкой взглянулъ на него и поздравилъ съ тѣмъ, что нашелъ передъ нимъ эту—и только *эту книгу.* Понтиціанъ былъ вѣрующимъ христіаниномъ и часто проводилъ въ церкви долгіе часы въ молитвѣ. Когда Августинъ ему сказалъ, что изученіе Св. Писанія составляетъ его главный интересъ, Понтиціанъ сталъ ему разсказывать о египетскомъ монахѣ Антоніѣ, имя котораго уже славилось среди христіанъ, Августину же было еще совершенно неизвѣстно. Узнавъ объ этомъ, Понтиціанъ удивился невѣдѣнію Августина и сталъ подробно разсказывать объ Антоніѣ, чтобы познакомить съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ людей, его незнавшихъ. Съ своей стороны, изумился и Августинъ, услыша, какія чудеса, несомнѣнно удостовѣренныя такъ недавно, почти на его памяти, совершались въ истинной каѳолической церкви. Удивленіе было общее: Августинъ и Антоній удивлялись совершаемымъ монахами подвигамъ, а Понтиціанъ — тому, что они оба объ этомъ не слышали.

Августинъ узналъ тогда заразъ какъ о существованіи монашества, такъ и о его быстромъ развитіи; о томъ, какъ „пустыни обильно населялись отшельниками, о многочисленности возникшихъ тамъ же монастырей и о святой жизни, которую въ нихъ вели“. Онъ узналъ также, что подъ стѣнами самаго Милана находился монастырь, полный благочестивой братіей подъ руководствомъ Амвросія, о чемъ ему не приходилось слышать.

Понтиціанъ довершилъ свой разсказъ описаніемъ событія, котораго онъ самъ былъ очевидцемъ. Однажды въ Трирѣ онъ вышелъ съ тремя сослуживцами въ садъ подъ стѣнами города, пока императоръ присутствовалъ на зрѣлищѣ въ циркѣ. Гуляя, они разбились, и двое изъ нихъ набрели на хижину, въ которой поселилось нѣсколько рабовъ Божіихъ, и тамъ нашли рукопись, заключавшую въ себѣ житіе Антонія. Одинъ изъ нихъ началъ читать его, и во время чтенія такъ проникся изумленіемъ и восторгомъ, что замыслилъ предаться такому же образу жизни, оставивъ службу императору, чтобы служить Господу. Обратившись къ своему другу, онъ сказалъ ему: „Скажи пожалуйста, чего мы достигнемъ всѣми нашими трудами? чего мы ждемъ? изъ-за чего служимъ? развѣ мы можемъ надѣяться дослужиться далѣе званія „друзей“ императора? А развѣ это званіе прочно и не исполнено опасностей? Сколько же опасностей приходится пережить, чтобы попасть въ еще болѣе опасное положеніе! И когда еще мы доживемъ до него! Другомъ же Господа, если захочу, я сейчасъ могу сдѣлаться“. И онъ сталъ снова читать житіе, и въ немъ совершилась перемѣна: духъ его скинулъ съ себя оковы міра, и онъ сказалъ другу своему: „Я уже отказался отъ всѣхъ надеждъ нашихъ и пришелъ служить Богу съ этого же часа и въ этомъ же мѣстѣ. Если тебѣ не хочется послѣдовать моему примѣру, по крайней мѣрѣ не противодѣйствуй мнѣ“. Товарищъ отвѣтилъ, что онъ останется съ нимъ и раздѣлитъ его служеніе и его надежды. Между тѣмъ Понтиціанъ и его товарищъ разыскали ихъ и стали уговаривать послѣдовать за ними, такъ какъ день былъ на исходѣ. Но тѣ объявили имъ о своемъ намѣреніи. Понтиціанъ съ товарищемъ поздравили ихъ и поручили себя ихъ молитвамъ, но, скорбя о себѣ, вернулись ко двору и къ своимъ земнымъ заботамъ; тѣ же устремили свое сердце къ небу. Оба были женихами,—невѣсты же ихъ, услышавъ о случившемся, также посвятили свою дѣвственную жизнь Господу.

Во время разсказа Понтиціана Августинъ, по его признанію, увидѣлъ предъ собою свой собственный образъ, искаженный и

покрытый язвами, и пришелъ въ ужасъ отъ себя. Онъ сравнивалъ себя съ почтенными подвижниками, о которыхъ онъ слышалъ, предоставившими себя Господу на излеченіе, и возненавидѣлъ себя. Снова возстали передъ его воображеніемъ года, въ теченіе которыхъ, по прочтеніи „Гортензія", онъ стремился къ мудрости, но все откладывалъ совершенно предаться ея изслѣдованію, совершенно забывши о земномъ счастіи. Ибо, замѣчаетъ онъ по этому поводу: „не только обрѣтеніе мудрости, но самое изученіе ея должно быть предпочтено всѣмъ сокровищамъ и царствамъ міра и самому обильному удовлетворенію земными наслажденіями. Онъ уже въ самомъ началѣ своей юности молилъ Господа, чтобы Онъ ему ниспослалъ цѣломудріе и воздержаніе, но не сейчасъ",—такъ какъ онъ боялся немедленнаго исполненія своей просьбы, желая не столько искорененія своихъ страстей, сколько ихъ удовлетворенія. Прежде,—такъ продолжалъ упрекать себя Августинъ, — онъ объяснялъ свою косность въ отреченіи отъ мірскихъ благъ тѣмъ, что еще не нашелъ ничего вѣрнаго. Теперь же голосъ совѣсти ему говорилъ, что онъ обрѣлъ вѣрное, и онъ все-таки блуждалъ, тогда какъ другіе, которые не томили себя многолѣтнимъ исканіемъ истины, сразу поднялись къ ней свободнымъ полетомъ.

Когда ушелъ Понтиціанъ, Августинъ обратился къ своей душѣ. „Чего онъ ей не наговорилъ! какими горькими упреками онъ ее не истязалъ, понуждая ее слѣдовать за нимъ по пути къ Богу. Но она упорствовала и не поддавалась; всѣ ея доводы были исчерпаны и опровергнуты, но она пребывала въ нѣмомъ трепетѣ. Она какъ смерти боялась быть оторванной отъ потока привычекъ, которыя, однако, влекли ее къ смерти".

Совершенно разстроенный, Августинъ обратился къ присутствовавшему при разсказѣ Понтиціана Алипію со словами: „Что же это такое?—ты слышалъ! Люди простые овладѣваютъ небомъ, а мы со всей нашей наукой, но лишенные сердца,—мы вязнемъ въ плоти и крови; или намъ стыдно послѣдовать за ними, потому что они насъ предупредили и намъ не стыдно не идти за ними?"—Алипій молча и съ изумленіемъ смотрѣлъ на него; еще болѣе, чѣмъ слова Августина, его поражало волненіе, выражавшееся въ его глазахъ и чертахъ, въ блѣдности лица и въ голосѣ его друга. При домѣ Августина былъ небольшой садъ; онъ бросился туда, ища уединенія. Алипій послѣдовалъ за нимъ, боясь оставить его одного. Августинъ былъ внѣ себя отъ негодованія, что былъ не въ силахъ идти туда, куда его влекло все его существо; онъ зналъ, что туда ведетъ лишь одинъ путь,—

нужно было *захотѣть* пойти, но захотѣть сильно и всецѣло. Въ этомъ болѣзненномъ и мучительномъ состояніи, стараясь вырваться изъ собственныхъ оковъ, Августинъ почувствовалъ помощь свыше. „Ты, Господи, побуждалъ меня въ сокровенности души моей и въ Твоемъ строгомъ милосердіи двойнымъ бичомъ страха и стыда“ не останавливаться на пути и порвать послѣднія слабыя оковы. Онъ говорилъ себѣ: „надо сейчасъ сдѣлать послѣдній шагъ“, — и все-таки не дѣлалъ его. Онъ, правда, не возвращался назадъ, но, стоя близко у цѣли, все собирался съ силами; онъ дѣлалъ новую попытку и, все приближаясь, едва не достигъ цѣли; колеблясь „умереть для смерти и жить для жизни“, онъ однако все же не приступалъ къ цѣли, и чѣмъ болѣе приближалась минута его преображенія, тѣмъ болѣе она внушала ему ужаса. Суетные образы и всякія тщеты, ему дорогія, по старой привычкѣ останавливали его и шептали ему: „Неужели ты насъ покидаешь? неужели мы навѣки съ тобою разстаемся? неужели тебѣ съ этихъ поръ будетъ запрещено то и другое? И чего-то онѣ ему ни говорили! чего ему ни внушали! Онъ просилъ Господа въ Его милосердіи отвратить отъ души его этотъ позоръ. Онъ слушалъ эти голоса наполовину, они уже не преграждали ему пути, но шептались за спиной, прельщая его оглянуться; однако они задерживали шаги его, онъ медлилъ оторваться отъ нихъ; сильная привычка подсказывала ему: „думаешь ли ты, что проживешь безъ нихъ?“ — но этотъ голосъ былъ уже едва слышнымъ. А съ другой стороны, куда онъ былъ обращенъ лицомъ, но куда еще колебался идти, предъ нимъ явился въ чистомъ величіи образъ цѣломудрія, ясный и радостный, окруженный сонмомъ отроковъ, дѣвъ всякаго возраста и почтенныхъ вдовъ. Онъ улыбался ему и манилъ его къ себѣ, какъ бы говоря: „Развѣ ты не въ силахъ быть, какъ они? и развѣ они были сильны сами собою? Господь Богъ далъ имъ силы. Устремись къ Нему, не страшись, Онъ не дастъ тебѣ упасть и исцѣлитъ тебя!“

Продолжительное напряженіе обезсилило Августина и разрѣшилось обильными слезами. Желая уединиться, Августинъ ушелъ отъ Алипія въ конецъ сада и, распростершись подъ смоковницей, далъ полную свободу слезамъ и вздохамъ, взывая къ Богу словами псалма: „Долго ли еще, Господи, долго ли еще будешь гнѣваться? Не памятуй моихъ старыхъ прегрѣшеній!“ — Онъ чувствовалъ, что они его еще не отпускаютъ, и жалостно взывалъ: „Когда же будетъ конецъ? когда же? завтра? — но почему не сегодня, почему не сейчасъ наступитъ конецъ позора моего?“ —

Вдругъ Августинъ услыхалъ изъ-за ограды сосѣдняго дома дѣтскій голосъ, напѣвавшій слова: „Возьми и прочти". Онъ встрепенулся, слезы его утихли; онъ сталъ припоминать, не слышалъ ли когда-нибудь прежде такого припѣва при дѣтской игрѣ, но не могъ вспомнить. Тогда его осѣнила мысль, что это—знаменіе свыше. Онъ вспомнилъ, какъ Антоній, вошедши въ церковь, когда читался стихъ изъ Евангелія: „Пойди и продай имѣніе твое и роздай нищимъ, и приходи и слѣдуй за Мною",—принялъ это за знаменіе, къ нему обращенное. Августинъ поспѣшилъ къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ съ Алипіемъ и гдѣ оставилъ книгу Посланій ап. Павла, и, раскрывъ ее, увидѣлъ слова: „Будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни пированіямъ, ни пьянству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и зависти. Облекитесь въ Господа нашего Іисуса Христа и попеченіе о плоти не превращайте въ похоти".—Онъ не могъ читать дальше; это было и ненужно; ибо едва онъ прочелъ эти слова, какъ сердце его прониклось свѣтлымъ успокоеніемъ и исчезъ весь мракъ сомнѣнія. Закрывъ книгу, Августинъ спокойно объяснилъ Алипію, что съ нимъ было. Тотъ пожелалъ прочесть текстъ и увидѣлъ, что далѣе слѣдуютъ слова: „Немощнаго въ вѣрѣ принимайте".—Онъ примѣнилъ ихъ къ себѣ и объявилъ, что послѣдуетъ примѣру Августина. Они тотчасъ пошли къ его матери и все ей разсказали. Она была въ восхищеніи и торжествовала. „Она благословляла Тебя, Господи, ибо Твое могущество простирается далѣе, чѣмъ мы молимъ и разумѣемъ, и Ты сдѣлалъ для нея больше, чѣмъ она вымаливала для меня слезными вздохами. Ты обратилъ меня къ себѣ такъ, что я уже не думалъ болѣе о женитьбѣ, ни о какой-либо иной суетной надеждѣ, укрѣпившись въ вѣрѣ, какъ ты это ей открылъ за много лѣтъ передъ тѣмъ. И Ты обратилъ ея горе въ радость бо̀льшую, чѣмъ она мечтала, ибо радость, ей ниспосланная, была для нея дороже и чище, чѣмъ та, которую ей сулила надежда на внучатъ отъ моей плоти".

Три недѣли спустя послѣ этого, по наступленіи вакаціи, совпадавшей со временемъ сбора винограда, Августинъ отказался отъ своей профессуры риторики и уѣхалъ на дачу въ окрестностяхъ Милана, которую ему предоставилъ одинъ изъ его товарищей по преподаванію, Верекундъ. Въ началѣ зимы 387 г. Августинъ вернулся въ Миланъ и—по тогдашнему обычаю—на Пасхѣ принялъ крещеніе.

VIII.

Такъ совершилось *обращеніе* Августина, какъ онъ самъ его называлъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, оно представлялось ему, когда онъ, 14 лѣтъ спустя, описывалъ его, по своимъ воспоминаніямъ, въ своей „Исповѣди". Современная критика [1]) нарушила цѣльность и драматичность картины, написанной Августиномъ, и, противопоставивъ ей другія заявленія Августина и факты его жизни, поставила на очередь интересную историческую проблему. Чтобы разрѣшить ее, нужно имѣть въ виду, что переломъ въ жизни Августина, бывшій слѣдствіемъ его обращенія, состоялъ изъ трехъ моментовъ, не связанныхъ безусловно между собою — крещеніе, оставленіе каѳедры риторики съ отреченіемъ отъ свѣтской карьеры и—цѣломудріе. Принятіе христіанства не лишало его права занимать попрежнему эту профессуру или добиваться почетнаго мѣста въ администраціи,—не препятствовала также его женитьба. Съ другой стороны, отреченіе отъ свѣтской жизни и отъ женитьбы могло вытекать у него не изъ намѣренія принять крещеніе, а изъ другихъ мотивовъ. Наконецъ, каждое изъ этихъ трехъ рѣшеній могло обусловливаться особыми причинами.

Въ своей „Исповѣди" Августинъ говоритъ, что „примѣръ рабовъ Божіихъ" вызвалъ въ немъ рѣшеніе бросить „торговлю суесловіемъ" и не предоставлять за деньги юношамъ черпать изъ его устъ нелѣпую ложь и оружіе для бѣшеныхъ состязаній на форумѣ. Но въ слѣдующей главѣ онъ сообщаетъ, что уже лѣтомъ его легкія не выдержали чрезмѣрнаго напряженія. Миланскій климатъ съ его холодными вѣтрами съ снѣжныхъ горъ былъ слишкомъ суровъ для уроженца Африки. Его дыханіе было затруднено, появилась боль въ груди и голосъ его утратилъ звучность и силу. Все это смутило его, потому что дѣлало для него „почти неизбѣжнымъ" сложеніе съ себя преподавательскаго бремени или, по крайней мѣрѣ, перерывъ его для леченія, если таковое было возможно. Но затѣмъ онъ прибавляетъ, что когда въ немъ назрѣло рѣшеніе посвятить свой досугъ Господу, онъ порадовался своему недугу, который предоставлялъ ему не вымышленный предлогъ для успокоенія тѣхъ, кто ради сыновей своихъ не желали его отпустить на свободу. Онъ дотянулъ свою

---

[1]) Гарнакъ въ своей брошюрѣ объ „Исповѣди" Августина и особенно Лоосъ въ статьѣ о немъ въ „Theol. Encycl.".

преподавательскую дѣятельность до конца учебнаго времени для того, чтобы внезапное оставленіе каѳедры не представлялось какимъ-то хвастовствомъ, не вызвало бы похвалъ, а съ другой стороны суетныхъ толковъ и пересудовъ, непріятныхъ въ дѣлѣ, которое было для него святымъ. Такимъ образомъ, въ воспоминаніяхъ Августина причина почти (!) неизбѣжнаго оставленія каѳедры походитъ на невымышленное оправданіе или отговорку, чтобы рельефнѣе выдвинуть вліяніе религіознаго побужденія и „примѣра рабовъ Божіихъ". Это тѣмъ болѣе странно, что болѣзнь была серьезная,—еще осенью въ Кассиціакѣ она лишала его возможности писать. Мы этимъ не хотимъ сказать, что Августинъ отказался отъ своей профессуры лишь по болѣзни, но то, что къ этому могли его побудить и помимо болѣзни не одни только религіозные мотивы. Дѣятельность профессора риторики, который долженъ былъ научать искусству изъ кривды дѣлать правду, стала для него совершенно несовмѣстимой съ стремленіемъ къ чистой истинѣ въ смыслѣ Платоновской философіи. Можно думать, что Августинъ, проникшись ею, исполнился такимъ же пренебреженіемъ къ риторикѣ, какое платоники въ свое время питали къ софистамъ. Правда, въ своемъ сочиненіи „De Ordine", въ которомъ Августинъ разсматриваетъ смыслъ и разумную цѣль отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ, онъ указываетъ на то, что риторика научаетъ тому, какъ вліять на людей, особенно на тѣхъ, которые охотнѣе слѣдуютъ собственному усмотрѣнію или привычкѣ, чѣмъ узнанной ими чистой истинѣ,—но и изъ этихъ словъ видно, насколько онъ ставилъ изслѣдованіе чистой истины или философіи выше риторики.

Еще труднѣе, чѣмъ отказъ отъ профессуры, которая ему сулила почетъ и славу, было для Августина отреченіе отъ той страсти, въ которой онъ потомъ въ особенности усматривалъ проявленіе грѣховной природы человѣка. Но и въ этомъ вопросѣ не слѣдуетъ преувеличивать впечатлѣніе, произведенное разсказомъ Понтиціана. Въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, цѣломудріе вытекало для Августина не изъ монашескаго аскетизма, а изъ философскаго идеализма. Въ діалогѣ о „блаженной жизни", написанномъ вскорѣ по оставленіи Милана, богопознаніе обусловливается цѣломудріемъ, а въ своихъ „Монологахъ или бесѣдѣ съ разумомъ", написанныхъ передъ крещеніемъ, Августинъ объясняетъ свою побѣду надъ плотской страстью—вліяніемъ „Гортензія".

Что касается важнѣйшаго вопроса, отношенія Августина къ христіанству въ моментъ отказа отъ каѳедры и удаленія въ Кас-

сиціакъ, то мы должны для его рѣшенія прежде всего воспользоваться нашими свѣдѣніями объ образѣ жизни Августина въ этой виллѣ. Августинъ поселился въ деревнѣ съ матерью, тринадцатилѣтнимъ сыномъ, братомъ Навигіемъ и нѣсколькими молодыми людьми, въ числѣ которыхъ были Алипій, Небридій, также близкій Августину ученикъ Лиценцій, сынъ Романіана,—поэтъ и поклонникъ философіи,—и нѣкоторые другіе. Моника вела хозяйство; Августинъ взялъ на себя управленіе имѣніемъ и распоряжался работами. Все остальное время онъ проводилъ съ молодыми людьми, руководя ихъ занятіями. Утро обыкновенно посвящалось грамматикѣ и литературѣ; въ одно утро была, напримѣръ, прочитана цѣлая книга Виргилія, который былъ весь прочитанъ и комментированъ. Но наиболѣе серьезную сторону занятій составляли бесѣды о философскихъ предметахъ. Въ хорошую погоду Августинъ уводилъ свое молодое общество въ садъ, гдѣ они бесѣдовали о философіи подъ высокимъ деревомъ, на подобіе бесѣдъ Сократа подъ платаномъ. Въ ненастное время они располагались въ тэрмахъ, такъ какъ тамъ было просторно, свѣтло и тепло отъ нагрѣтыхъ водяныхъ трубъ. Этимъ бесѣдамъ Августинъ придавалъ такое значеніе, что пригласилъ стенографа, который записывалъ слова каждаго. Это не исключало живости и бойкости преній, которыя нерѣдко заканчивались веселымъ смѣхомъ. Августинъ обыкновенно самъ резюмировалъ пренія и дѣлалъ изъ нихъ выводы. Эта жизнь была до извѣстной степени осуществленіемъ того плана общежитія, о которомъ такъ недавно еще мечталъ кружокъ Августина.

Религіозный интересъ въ этихъ занятіяхъ былъ на заднемъ планѣ. Правда, Августинъ обратился къ Амвросію за совѣтомъ, чѣмъ ему заняться въ виду его предполагаемаго крещенія, и Амвросій посовѣтовалъ изучать пророка Исаію, такъ какъ въ его пророчествахъ находятся наиболѣе важныя указанія на пришествіе Христа; — но изученіе Исаіи оказалось не по силамъ Августину, и онъ его скоро оставилъ. Лишь часть ночи, когда онъ оставался наединѣ, Августинъ проводилъ въ молитвѣ. Наибольшій матеріалъ для сужденія о настроеніи Августина за это время представляютъ составленные имъ въ Кассиціакѣ діалоги. Эти діалоги являются не только по формѣ подражаніемъ діалогамъ Цицерона и Платона, но и по содержанію они касаются тѣхъ же проблемъ, которыя трактовались Цицерономъ и платониками. Подобно Цицерону и Плотину, Августинъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, въ чемъ заключается „*блаженная жизнь*“. Цицеронъ и Плотинъ писали о фатумѣ,—Плотинъ помимо того —

О Провидѣніи; этому же вопросу посвященъ діалогъ Августина „De Ordine". Какъ Цицеронъ и Плотинъ, Августинъ разсматриваетъ въ трехъ произведеніяхъ вопросъ о *безсмертіи души* [1]).

Первый, возникшій въ Кассиціакѣ, діалогъ въ трехъ книгахъ посвященъ полемикѣ съ „академиками" за ихъ сомнѣніе въ возможности познать истину. Какъ первый философскій этюдъ Августина, онъ дышетъ восхищеніемъ человѣка, вырвавшагося на волю отъ надоѣвшей ему ремесленной работы и получившаго возможность посвятить свой досугъ высшимъ и самымъ дорогимъ для него вопросамъ. „Мнѣ не представляется иного счастья,—говоритъ Августинъ, — какъ то, которое даетъ досугъ заниматься философіей, — не представляется иной блаженной жизни, кромѣ жизни въ философіи". Онъ съ восторгомъ благодаритъ Романіана за то, что онъ своимъ настояніемъ и содѣйствіемъ далъ ему возможность наслаждаться досугомъ, взлетѣть надъ оковами ненужныхъ желаній,—„за то, что, сложивъ съ себя всякое бремя мертвыхъ заботъ, я дышу, я пришелъ въ себя, образумился, ищу съ величайшимъ напряженіемъ истину, что я уже началъ ее находить, что я питаю увѣренность въ конечномъ ея достиженіи".

Діалогъ противъ академиковъ является еще какъ бы продолженіемъ преподавательской дѣятельности Августина. Въ первой книгѣ этого діалога Августинъ упражняетъ свою молодежь въ діалектикѣ. Онъ заводитъ споръ между Лиценціемъ и Тригеціемъ, заключается ли блаженная жизнь въ одномъ стремленіи къ истинѣ и изслѣдованіи ея, или же она требуетъ и самаго обладанія истиной.

Однако Августинъ не думалъ ограничиваться одною дидактической цѣлью. Хотя онъ въ это время еще полагалъ, что академики лишь для вида проповѣдовали скептицизмъ, онъ борется всею силою своей діалектики противъ мнѣнія, что человѣку не суждено достигнуть несомнѣнной истины. Онъ слишкомъ долго самъ страдалъ отъ своихъ сомнѣній и колебаній, и теперь съ ликованьемъ привѣтствуетъ открывшуюся предъ нимъ перспективу вѣрной истины. Онъ старается разсѣять опасенія своихъ слушателей, „что они въ философіи не познаютъ истины", или ни въ какомъ случаѣ не познаютъ ея на подобіе математической истины, напр., что числа 1, 2, 3, 4 въ итогѣ даютъ 10. Убѣжденіе въ возможности достигнуть въ философіи абсолютной истины у него покоится одновременно на неоплатонизмѣ и на Св. Писаніи. „Повѣрьте мнѣ,—продолжаетъ онъ,—или, вѣрнѣе, Тому, Кто ска-

---

[1]) Wörter, D. Geistesentw. Aug., p. 72.

залъ: *ищите и обрѣтете*; не слѣдуетъ отчаяваться въ возможности познанія, и она окажется явственнѣе (manifestiorem futuram), чѣмъ свойства упомянутыхъ чиселъ".

Августинъ переживалъ въ это время одинъ изъ счастливѣйшихъ моментовъ своей жизни. Разладъ, который его такъ долго мучилъ, между религіей его дѣтства и запросами его разума, разладъ, который побудилъ его броситься въ манихейство и искать выхода въ скептицизмѣ,—миновалъ. Онъ вѣрилъ въ согласіе разума и откровенія. Онъ былъ обязанъ этимъ платонизму, „который не стоитъ въ противорѣчіи съ христіанствомъ", и онъ отъ всего сердца прославлялъ за это философію. Его идеализмъ находилъ въ это время одинаковое удовлетвореніе какъ въ философіи, такъ и въ религіи. Ихъ этическій идеалъ для него въ это время совпадалъ — оторваться отъ міра, отъ земныхъ страстей и заботъ и жить исключительно для познанія высшей истины, которая тождественна съ Богомъ.

Еще яснѣе проявляется это настроеніе въ слѣдующей бесѣдѣ—„О блаженной жизни",—которая происходила еще до окончанія первой. Поводомъ къ ней послужилъ день рожденія Августина, желавшаго ознаменовать этотъ день кромѣ обычнаго и философскимъ пиромъ (symposion) своихъ родственниковъ и друзей. Послѣ легкаго завтрака, онъ повелъ ихъ—въ ихъ числѣ была и Моника—въ виду холодной погоды (15 ноября) въ тэрмы, гдѣ и поставилъ столь занимавшій античныхъ философовъ вопросъ, кого слѣдуетъ считать блаженнымъ. По счету Варрона, на этотъ вопросъ было дано 288 отвѣтовъ. Принимавшіе участіе въ бесѣдѣ скоро сошлись на томъ, что для блаженства надо обладать такимъ благомъ, которое вѣчно и не можетъ быть отнято судьбою. А такимъ благомъ—вывелъ отсюда Августинъ—можетъ быть только Богъ.

Но отсюда возникъ новый вопросъ: кто же обладаетъ этимъ благомъ? Лиценцій поспѣшилъ отвѣтить—тотъ, кто ведетъ хорошую жизнь; Тригецій—тотъ, кто исполняетъ волю Божію. А сынъ Августина, Адеодатъ, которому было тогда 14 лѣтъ, сказалъ:—тотъ, кто чистъ духомъ,—что одобрили его бабушка Моника и дядя Навигій. Когда потребовали отъ него болѣе подробнаго объясненія, онъ сказалъ, что чистъ духомъ тотъ, кто не только цѣломудренъ, но и вообще не запятнанъ грѣхомъ. Августинъ же доказалъ, что всѣ три мнѣнія сводятся къ одному.

Продолженіе диспута привело къ полному отождествленію философіи и религіи въ ихъ результатахъ. Философскимъ путемъ—по слѣдамъ Цицерона, руководившагося Платономъ, было дока-

зано, что блаженство обусловливается мудростью Божіей, а эта мудрость Божія, по опредѣленію Августина, есть Сынъ Божій. Мудрость заключается въ истинѣ, а Сынъ Божій сказалъ о себѣ: „Я есмь истина". Августинъ заключилъ бесѣду заявленіемъ, что блаженная жизнь состоитъ въ благочестивомъ и ясномъ сознаніи того, кто вводитъ насъ въ истину, въ чемъ заключается истина и какимъ образомъ совершается единеніе души съ источникомъ истины.

Моника, съ трудомъ слѣдившая за философской аргументаціей сына, въ этихъ словахъ его признала знакомые ей христіанскіе мотивы и съ радостью произнесла конечныя слова Амвросіевскаго гимна: „Fove precantis Trinitas". „Въ ней несомнѣнно заключается блаженная жизнь, намъ скоро предстоящая, какъ мы можемъ быть увѣрены, въ твердой вѣрѣ, въ радостной надеждѣ и горячей любви".

Написанные въ это время Августиномъ діалоги,—несмотря на кажущуюся случайность ихъ возникновенія и отсутствія между ними связи,—находятся всѣ въ тѣсной, можно сказать органической связи съ совершившимся въ немъ переворотомъ, еще не окончившимся. Они всѣ разрѣшаютъ важнѣйшіе, столь долго мучившіе его вопросы, побуждавшіе его вездѣ искать истины и мѣшавшіе ему примкнуть къ христіанству. Порвавши съ міромъ, Августинъ какъ бы подводилъ итоги достигнутымъ имъ результатамъ и давалъ отчетъ себѣ и окружающимъ въ своемъ міровоззрѣніи.

Третій изъ этихъ діалоговъ озаглавленъ—„De Ordine". Поводомъ къ нему послужило обстоятельство, которое насъ живо переноситъ въ реальную обстановку, окружавшую Августина. Однажды во время безсонной ночи онъ обратилъ вниманіе на то, что протекавшій за тэрмами ручей, сильно журчавшій въ ночной тишинѣ, иногда какъ будто замолкалъ и потомъ снова начиналъ шумѣть. Соединяя съ наклонностью къ отвлеченному мышленію большую наблюдательность, Августинъ обратился къ спавшимъ съ нимъ въ той же комнатѣ Лиценцію и Тригецію и просилъ ихъ объяснить это странное явленіе. Лиценцій предположилъ, что падавшіе въ воду сухіе листья съ деревьевъ на берегу ручья запружали его теченіе до тѣхъ поръ, пока напоръ собравшейся воды не прорывалъ образовавшейся отъ груды листьевъ плотины и не расчищалъ на время свободный протокъ. Въ то же время Лиценцій выразилъ удивленіе, что такое незначительное явленіе поразило Августина. Оправдываясь, Августинъ заявилъ, что удивленіе человѣка вызывается всякимъ не-

обычнымъ явленіемъ, совершающимся вопреки извѣстному порядку вещей,—на что Лиценцій замѣтилъ:—вопреки *намъ* извѣстному порядку—ибо внѣ порядка вещей, какъ онъ думаетъ, ничего не совершается. Этимъ была дана тема къ бесѣдѣ о вопросѣ, который давно занималъ Августина и о которомъ онъ уже въ Миланѣ диспутировалъ съ однимъ изъ друзей,—вопросѣ о томъ, что ничто не совершается безъ причины и что все въ мірѣ подчинено опредѣленному порядку.

Августинъ былъ обязанъ этой истиной неоплатонизму: въ этой истинѣ онъ нашелъ избавленіе отъ мучившей его проблемы *зла* въ мірѣ—примиреніе между фактическимъ существованіемъ зла и идеей всемогущаго Бога или Провидѣнія.

Сообразно съ этимъ вся аргументація діалога зиждется на положеніяхъ древней философіи. Августинъ руководится теоріей познанія Платона, ученіемъ о Провидѣніи Плотина и его психологіей. И въ этомъ діалогѣ особенно ясно выступаетъ усвоенная Августиномъ изъ платонизма связь между философскимъ познаніемъ и этическимъ идеализмомъ. Познать міровой порядокъ и гармонію можетъ только тотъ, кто познаетъ самого себя, а для этого войдетъ въ себя, замкнувшись отъ внѣшняго міра и присущаго ему множества явленій; тотъ, кто излечитъ раны, полученныя въ сутолокѣ мірскихъ мнѣній, въ одиночествѣ или путемъ научныхъ дисциплинъ.

Но при всемъ вліяніи языческой философіи мы можемъ отмѣтить въ этомъ діалогѣ христіанскія представленія. Такъ напр., Августинъ расходится съ Плотиномъ въ пониманіи Провидѣнія. Плотинъ допускалъ Провидѣніе только въ общемъ смыслѣ въ управленіи міромъ, Августинъ вѣрилъ въ дѣйствіе Провидѣнія въ индивидуальной жизни. Но съ другой стороны Августинъ и тамъ, гдѣ онъ вносилъ въ философію христіанскія представленія, истолковывалъ послѣднія въ философскомъ смыслѣ.

Вводя, напр., въ философію религіозное представленіе о грѣхѣ, Августинъ хочетъ объяснить его философскимъ путемъ. Въ діалогѣ онъ упоминаетъ о Христѣ, но говоритъ объ этомъ Христѣ, что онъ появился на землѣ въ силу мірового порядка, и выводитъ оттуда, что и Богъ подчиненъ міровому порядку.

Такое же сочетаніе философскаго съ религіознымъ встрѣчаемъ мы и въ вопросѣ объ отношеніи разума къ откровенію. Августинъ признаетъ за послѣднимъ пріоритетъ по времени, такъ какъ „интеллектъ“—въ Платоновскомъ смыслѣ—достигается подъ руководствомъ божественнаго авторитета, но по существу Августинъ отдаетъ преимущество разуму. За этими діалогами послѣ-

довалъ монологъ (Soliloquiæ) — бесѣды Августина съ самимъ собою — по формѣ, однако, также діалогъ — разговоръ Августина съ разумомъ. Предметъ этихъ бесѣдъ — богопознаніе и познаніе души. И въ этихъ бесѣдахъ Августинъ стоитъ на философской почвѣ. Разумъ, напр., обращается къ нему съ вопросомъ: удовольствовался ли бы онъ такимъ богопознаніемъ, какимъ обладали Платонъ и Плотинъ при условіи, чтобы оно было истиннымъ? На это Августинъ отвѣчаетъ, что изъ того, что оно истинное, еще не слѣдуетъ, чтобы эти философы сами сознавали это.

Для нашей цѣли, кромѣ того, важно отмѣтить, что не только діалектика Августина передъ его крещеніемъ, но и его этика — философская. Предъ нимъ носится не монашескій идеалъ, столь поразившій его въ разсказѣ Понтиціана, а идеалъ античнаго *мудреца*. Онъ ссылается не на Антонія, а на Цицерона, заявляя, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ „Гортензія", онъ отказался отъ богатства, почета и брака и побѣдилъ въ себѣ похоть; изъ этого онъ ничего уже не ищетъ и не желаетъ, а напротивъ, думаетъ объ этомъ лишь съ ужасомъ и презрѣніемъ. Августину пришлось на слѣдующій день покаяться и признаться, что ему еще не удалось окончательно побѣдить свою плоть. На этомъ только и настаивалъ разумъ, требуя отъ него безусловнаго бѣгства отъ всего земного и матеріальнаго; только душа, этически очищенная отъ всякой страсти и желанія, способна освободиться изъ заключенія плоти и подняться въ свѣтлую высь мудрости. „Въ тотъ самый моментъ, когда земное утратитъ для тебя всякую привлекательность, ты узришь то, чего такъ страстно желаешь". Продолженіе *бесѣдъ съ самимъ собою* посвящено познанію души. Это же самое составляетъ предметъ двухъ послѣднихъ сочиненій Августина, которыхъ намъ здѣсь приходится коснуться.

Разсужденіе „О безсмертіи души" было написано Августиномъ уже по возвращеніи въ Миланъ, какъ дополненіе неоконченныхъ *бесѣдъ съ самимъ собою*, а діалогъ о нематеріальности души (de quantitate animæ) — даже годъ спустя послѣ крещенія.

Ничто такъ не поражаетъ, какъ чтеніе разсужденій Августина о безсмертіи души подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ „Исповѣди" Августина. Въ „Исповѣди" Августина проявляется приподнятое религіозное настроеніе человѣка, восхваляющаго на каждой страницѣ Господа за то, что Онъ въ своемъ милосердіи привелъ его черезъ всѣ заблужденія къ вѣрѣ; — тамъ предъ нами напряженіе мысли діалектическимъ путемъ съ помощью языческихъ философовъ доказать, что душа не причастна матеріи и

безсмертна. И это—наканунѣ крещенія! Какъ велика должна была быть въ то время потребность Августина опереться на разумъ, если онъ передъ крещеніемъ и еще послѣ него исчерпывалъ всѣ аргументы платонизма въ пользу основного христіанскаго вѣрованія! Особенно заслуживаетъ вниманія то, что, усвоивая себѣ эти аргументы, Августинъ приводитъ и такіе, которые не приняты церковью, напр. ученіе о существованіи души до рожденія человѣка.

IX.

Такимъ образомъ, анализъ вышеупомянутыхъ произведеній Августина, написанныхъ по выѣздѣ изъ Милана, приводитъ насъ къ заключеніямъ, совершенно не гармонирующимъ съ столь драматически описаннымъ въ „Исповѣди" кризисомъ, вызваннымъ разсказомъ Понтиціана о подвигахъ монаховъ и разрѣшившимся текстомъ апостола Павла. Мы видимъ, во-первыхъ, что Августинъ продолжаетъ всею душою жить въ области философіи, что онъ продолжаетъ въ ней искать *истину*. „Самую *истину* ты не узришь,—сказано у него,—если не войдешь цѣликомъ въ философію". Мы находимъ, во-вторыхъ, въ его философскихъ произведеніяхъ признаніе, что его этическій идеализмъ исходилъ изъ философіи. „Нѣкоторыя (философскія) книги возбудили во мнѣ невѣроятное одушевленіе (incendium). Не имѣли тогда для меня значенія никакой почетъ, никакая людская пыха, никакая жажда пустой славы, никакія прелести и приманки бренной жизни. Я тотчасъ весь въ себя вошелъ".

И наконецъ, что̀ особенно важно, мы убѣждаемся, что самый переломъ въ его жизни произошелъ подъ вліяніемъ платонизма. „Познакомившись съ немногими сочиненіями Плотина и сопоставивъ съ ними, насколько я могъ, авторитетъ тѣхъ, кто сообщилъ намъ божественныя тайны, я такъ воспламенился, что захотѣлъ сокрушить всѣ якори, но меня удержало уваженіе къ нѣкоторымъ людямъ".

Какъ же объяснить дисгармонію между духомъ философскихъ діалоговъ и религіознымъ христіанскимъ настроеніемъ, которымъ дышетъ „Исповѣдь"?—Буассье въ своей исторіи „Паденія язычества" противопоставляетъ кающагося грѣшника „Исповѣди" философу діалоговъ и спрашиваетъ, гдѣ же настоящій Августинъ? Онъ отвѣчаетъ, что оба совмѣщались въ душѣ Августина, но что въ діалогахъ онъ показываетъ намъ только философа. Авгу-

стинъ предназначалъ свои діалоги для образованной публики, воспитанной на классической литературѣ, и *немного приноровилъ* ихъ для нея, такъ какъ зналъ, что эта публика не очень расположена къ христіанству; онъ хотѣлъ задобрить своихъ друзей, слушателей и поклонниковъ, недовольныхъ его оставленіемъ каѳедры: онъ хотѣлъ показать имъ, что христіанство—не въ противорѣчіи съ античной мудростью; онъ хотѣлъ въ особенности представить имъ свое обращеніе въ понятномъ для нихъ освѣщеніи [1]).

Это объясненіе грѣшитъ тѣмъ, что въ немъ обойденъ существенный вопросъ, представляетъ ли намъ разсказъ „Исповѣди" *настоящаго* Августина, т.-е. того, какимъ онъ былъ въ 386—387 году? Затѣмъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что Августинъ въ діалогахъ заискивалъ у какой-либо публики. Не для того онъ оставилъ каѳедру риторики, съ которой онъ, по его выраженію, сѣялъ ложь между слушателями, чтобы продолжать риторствовать и вводить въ обманъ своихъ читателей. На каждой страницѣ діалоговъ чувствуется, что авторъ ихъ глубоко проникнутъ важностью и святостью обсуждаемыхъ имъ вопросовъ.

Какъ будто недовольный своимъ объясненіемъ, Буассье приписываетъ Августину еще другую цѣль. Онъ хочетъ примирить античнаго человѣка и *новаго:* „Странная смѣсь занятій и настроеній въ Кассиціакѣ обусловливается не душевной смутой человѣка, который преслѣдуетъ противоположныя стремленія, — это проявленіе опредѣленной системы (un système arrêté). Увѣровавши безъ доказательствъ, онъ хочетъ теперь убѣдиться—путемъ разума. Поэтому онъ рекомендуетъ философію. Онъ намѣренъ самъ заниматься ею. Правда, Августинъ не долго оставался вѣренъ этому намѣренію. Но все же (qu'importe) — его усилія были не напрасны".—И это разсужденіе слишкомъ искусственно и виситъ на воздухѣ. Несомнѣнно, что занятія Августина греческой философіей представляютъ собою важный фактъ въ исторіи христіанской культуры; но дѣло здѣсь не въ этомъ, и философскія занятія Августина нисколько намъ не объясняютъ противорѣчія между философомъ діалоговъ и кающимся грѣшникомъ „Исповѣди", который, между прочимъ, кается и въ томъ, что онъ занимался философіей. Невѣрно и то, будто бы Августинъ, увѣровавши безъ доказательствъ, хочетъ убѣдиться путемъ разума. Занятія Августина философіей предшествовали его пребыванію въ Кассиціакѣ и его обращенію. Онъ теперь совмѣщаетъ въ себѣ

[1]) Boissier. La Conversion de St. Augustin. „Revue d. Deux Mondes" 1888, I, 65, 59.

вѣру въ разумъ и въ откровеніе, въ Христа и въ Платона, но онъ далекъ отъ мысли примирять античный міръ съ христіанскимъ, и въ его діалогахъ нѣтъ слѣдовъ подобнаго систематическаго плана.

Съ Буассье несогласенъ другой изслѣдователь разсматриваемаго періода въ жизни Августина—Вёртеръ въ своемъ изложеніи *духовнаго развитія* Августина. Но его возраженія противъ Буассье мелочны и потому не выясняютъ дѣла. На замѣчаніе Буассье, что Августинъ приводитъ въ діалогахъ Св. Писаніе лишь одинъ или два раза, Вёртеръ указываетъ въ нихъ пять ссылокъ на тексты. Буассье выразилъ удивленіе, что Августинъ въ діалогахъ не упоминаетъ о Христѣ—Вёртеръ указываетъ въ опроверженіе этого нѣкоторыя мѣста. Не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что Буассье невѣрно поставилъ вопросъ: который же *настоящій* Августинъ—кающійся грѣшникъ „Исповѣди" или философъ *діалоговъ*? На такой вопросъ нельзя было отвѣтить иначе, какъ стараясь доказать, что это—одно и то же лицо. Но прежде, чѣмъ рѣшать это, надо было разсмотрѣть, не отличается ли тотъ Августинъ, который представленъ въ „Исповѣди", отъ того Августина, обращеніе котораго разсказано въ „Исповѣди", т.-е. надо было къ этому памятнику примѣнить принятую въ этихъ случаяхъ литературную критику.

За годъ до напечатанія статьи Буассье вышли въ свѣтъ особой книгой замѣчательныя изслѣдованія Рейтера объ Августинѣ [1]). Рейтеръ начинаетъ свою книгу съ полновѣснаго замѣчанія: невѣроятно — по психологическимъ причинамъ,—чтобы Августинъ подвергъ анализу свое обращеніе непосредственно послѣ того, какъ оно совершилось. Приведя въ пользу этого нѣсколько аналогій, Рейтеръ говоритъ, что скорѣе еще можно было бы ожидать съ его стороны немедленнаго признанія силы *благодати* въ религіозныхъ обращеніяхъ. Но и объ этомъ намъ ничего неизвѣстно. Было бы ошибочно ссылаться въ этомъ отношеніи на „Исповѣдь", ибо она заключаетъ въ себѣ — не самонаблюденія его, современныя изложеннымъ событіямъ, а сложившіяся у него гораздо позднѣе представленія о нихъ. Онъ дѣйствительно чувствовалъ потребность выяснить себѣ въ то время разные вопросы, но написанныя имъ въ то время сочиненія вовсе не касались ученія о грѣхѣ и объ отношеніи свободной воли человѣка къ благодати. Даже „Бесѣды съ самимъ собою" этого не касаются. Правда, въ предшествующей имъ молитвѣ мы встрѣ-

[1]) Augustinische Studien. 1887.

чаемъ слова, которыя какъ будто предвосхищаютъ его позднѣйшую догму о предназначеніи, но было бы, по выраженію Рейтера, крупной ошибкой—изъ подобныхъ словъ молитвы выводить цѣлую теорію.

Эти позднѣйшія убѣжденія Августина сложились, какъ мы объ этомъ упоминали, уже во время епископства Августина, и подъ его вліяніемъ была написана „Исповѣдь".

Противъ этого капитальной важности факта и основанныхъ на немъ выводовъ полемизируетъ Вёртеръ. Соглашаясь съ Рейтеромъ, что было бы ошибкой выводить изъ словъ молитвы научную систему, онъ утверждаетъ тутъ же, вопреки логикѣ, что это не мѣшаетъ видѣть въ приведенномъ мѣстѣ основу (Grundanschauung) развитаго впослѣдствіи Августиномъ ученія о благодати [1]).

Вёртеръ имѣетъ въ виду своей полемикой отстоять традиціонную и, какъ онъ ее называетъ, идеальную точку зрѣнія на обращеніе Августина противъ богословской школы (Гарнакъ), отрицающей супранатурализмъ, и для которой жизнь христіанина—лишь продуктъ естественнаго развитія. Почему же, восклицаетъ онъ, изъ-за этого нужно признавать ошибочнымъ мнѣніе Августина, что его обращеніе совершилось благодаря милосердой благодати Божіей? „Если Августинъ обратился къ христіанской вѣрѣ не внезапно, какъ апостолъ Павелъ, а постепенно, то это не служитъ доказательствомъ того, что его обращеніе дѣло не благодати, а лишь результатъ философскихъ занятій". Но вопросъ совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, когда именно сложилось у Августина убѣжденіе, что его обращеніе было дѣломъ непосредственной благодати Божіей, и какое вліяніе возымѣло это убѣжденіе на изображенную имъ исторію его обращенія?

Какъ часто бываетъ съ неокатолическими писателями, которые хотятъ сочетать богословскія тенденціи съ научнымъ методомъ изслѣдованія, Вёртеръ поплатился за это внутреннимъ противорѣчіемъ. Отстаивая въ введеніи къ своей книгѣ богословскую точку зрѣнія, онъ въ самомъ анализѣ діалоговъ Августина приводитъ множество данныхъ, совершенно несовмѣстимыхъ съ убѣжденіемъ, которое онъ приписываетъ Августину.

Вёртеръ самъ признается, что научное мышленіе Августина

---

[1]) Вёртеръ приводитъ еще изъ написаннаго годъ *спустя* послѣ крещенія сочиненія—De quant. animæ мѣсто: Hoc ipsum cum agitur, Deum per nos agere intelligamus. Neque quidquam nobis proprium vindicemus inanis gloriæ cupiditate decepti (p. 143). Это напоминаетъ нѣмецкую поговорку: прилетъ одной ласточки не значитъ наступленія весны.

въ діалогахъ не вполнѣ еще было проникнуто христіанскимъ духомъ, что христіанское представленіе о Богѣ еще не овладѣло его мышленіемъ, что въ его аргументацію проникаютъ доводы, несовмѣстимые съ христіанской вѣрой, и т. д.

Да и самъ Августинъ заявлялъ неоднократно и категорически, что высказанныя имъ въ діалогахъ мнѣнія не всегда гармонируютъ съ христіанскими убѣжденіями. Даже въ своей „Исповѣди" Августинъ кается, что его литературная дѣятельность въ Кассиціакѣ (т.-е. послѣ обращенія) еще „отзывалась высокомѣріемъ философской школы". Но особенно часто осуждаетъ Августинъ свои тогдашнія философскія ухищренія въ своихъ *отреченіяхъ* (Retractationes), написанныхъ имъ на склонѣ лѣтъ при пересмотрѣ своихъ сочиненій. Онъ говоритъ здѣсь о своей литературной дѣятельности передъ крещеніемъ, что хотя онъ уже тогда покончилъ съ земными надеждами, однако еще слишкомъ подчинялся духу свѣтской литературы.

Онъ осуждаетъ себя тамъ за то, что превозносилъ Платона, платониковъ и академиковъ съ такою похвалой, съ какою не слѣдовало относиться къ нечестивымъ людямъ, въ особенности потому, что приходится защищать христіанское ученіе противъ великихъ заблужденій ихъ.

По поводу употребленнаго имъ въ діалогѣ „Противъ академиковъ" Платоновскаго термина: „mundus intelligibilis", Августинъ заявляетъ, что не привелъ бы его, еслибы былъ тогда „достаточно свѣдущъ въ церковной литературѣ".

По поводу діалога „О порядкѣ", Августинъ заявляетъ: „не нравится мнѣ, что я придавалъ слишкомъ много значенія занятіямъ науками, которыя многимъ святымъ людямъ были мало извѣстны; а съ другой стороны, многіе, кому онѣ извѣстны—не обладаютъ святостью". Онъ признаетъ, что ошибался, сказавъ, что высшее благо человѣка—въ духѣ (in mente). Вѣрнѣе было сказать—въ Богѣ. О своемъ сочиненіи „О безсмертіи души" Августинъ говоритъ, что не знаетъ, какъ оно противъ его желанія проникло въ публику и числится въ его твореніяхъ. Вслѣдствіе запутанной и сжатой аргументаціи, его изложеніе было такъ темно, что утомляло при чтеніи самого автора и было ему едва понятно. Вёртеръ справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что это можно объяснить лишь тѣмъ, что Августинъ съ тѣхъ поръ совершенно измѣнилъ свою точку зрѣнія.

Итакъ, очевидно, что интересы и воззрѣнія Августина въ Кассиціакѣ совсѣмъ не соотвѣтствуютъ тому, что слѣдовало ожидать на основаніи „Исповѣди". Значитъ ли это, что авторъ

„Исповѣди“ былъ неискрененъ? — это совершенно исключается характеромъ „Исповѣди“; или что разсказъ о Понтиціанѣ былъ преувеличенъ?—это недопустимо въ виду того, что сцена, описанная въ „Исповѣди“, происходила на глазахъ у Алипія, продолжавшаго быть въ близкихъ отношеніяхъ съ Августиномъ! Выходъ изъ затрудненія совершенно другой. Противорѣчіе между „Исповѣдью“ и „Діалогами“ даетъ намъ ключъ къ одному изъ важнѣйшихъ моментовъ въ духовной эволюціи Августина. Діалоги даютъ намъ твердую почву для того, чтобы судить объ Августинѣ во время его обращенія, понять, какое громадное вліяніе имѣла философія на это обращеніе и въ чемъ заключалось это обращеніе; а „Исповѣдь“, написанная, четырнадцать лѣтъ спустя, показываетъ, какая коренная перемѣна произошла въ теченіе этого времени въ Августинѣ, какое, такъ сказать, новое *обращеніе*. Въ девятнадцать лѣтъ въ Августинѣ пробудился философскій идеализмъ. Послѣ долгихъ исканій, онъ нашелъ въ неоплатонизмѣ разрѣшеніе своихъ недоумѣній и удовлетвореніе своему идеализму. Неоплатонизмъ сдѣлалъ для него доступнымъ и понятнымъ христіанство. Неоплатонизмъ же побудилъ его порвать съ земными страстями и разсчетами, чтобы сдѣлаться достойнымъ узрѣть высшую истину и красоту. Но у него еще не хватало рѣшимости отречься отъ всего, чѣмъ онъ прежде дорожилъ. Болѣзнь помогла ему порвать связь съ каѳедрой; примѣръ Викторина и Антонія дали ему силу для послѣдняго подвига. Но онъ удалился въ Кассиціакъ не для монашескаго житія. Его кружокъ тамъ болѣе напоминаетъ общину философовъ, о которой онъ прежде мечталъ съ своими друзьями, чѣмъ египетскій скитъ. Христіанскія вожделѣнія не забыты; чтеніе псалмовъ производитъ сильное религіозное впечатлѣніе; но пророкъ Исаія откладывается въ сторону: ветхозавѣтный міръ, который овладѣлъ Августиномъ, когда онъ находился подъ вліяніемъ идеи царства Божія,— былъ ему тогда еще чуждъ. Онъ уже былъ христіаниномъ,—онъ готовился принять крещеніе. Но онъ углублялся въ христіанство какъ философъ. Христосъ былъ ему ближе какъ концепція ума, чѣмъ какъ реальная сила въ жизни человѣка и человѣчества;— Онъ былъ для него больше *Логосомъ*, чѣмъ *Спасителемъ*; таинство спасенія грѣшника было для него догмой, но еще не было для него *пережитымъ*, испытаннымъ на себѣ моментомъ. Его этика болѣе одушевлялась идеаломъ античнаго мудреца, чѣмъ вытѣснявшимъ его идеаломъ христіанскаго аскета.

Августину предстояла еще новая, послѣдняя эволюція — въ предѣлахъ самого христіанства. Для своего философскаго идеала

онъ принесъ въ жертву почести, богатство, семейную жизнь;— ему оставалось принести послѣднюю жертву—принести въ жертву самую философію на алтарь Христа.—И Августинъ принесъ эту жертву,—уже послѣ своего крещенія. Этотъ фактъ, или, вѣрнѣе, душевный процессъ, лежитъ за предѣлами его „Исповѣди. Онъ принесъ эту жертву, когда испыталъ на себѣ, что человѣкъ получаетъ вѣру—спасается,—не напряженіями своего ума *узрѣть* высшую мудрость и красоту, а нисшедшей на него благодатью Божіей. Когда Августинъ достигъ этого убѣжденія, онъ приступилъ къ своей „Исповѣди" и разсказалъ свое обращеніе; тогда только оно показалось ему достойнымъ быть разсказаннымъ. Оно представилось ему въ новомъ свѣтѣ; онъ вездѣ увидѣлъ руку заботившагося о немъ Провидѣнія;—многое, что̀ ему казалось прежде важнымъ, утрачивало отъ этого свое значеніе; иное пріобрѣтало для него особенную важность — разсказъ Понтиціана сталъ для него критическимъ моментомъ; платонизмъ сошелъ на степень временнаго увлеченія или даже заблужденія.

X.

Мы заглянули въ будущее; но намъ остается еще досказать эпилогъ „Исповѣди". При окончаніи вакацій, Августинъ извѣстилъ „миланцевъ", чтобы они пріискали для своихъ учениковъ другого „продавца суесловія",—ибо онъ рѣшился служить одному Богу; при томъ, „затрудненность дыханія и боль въ груди" дѣлали его неспособнымъ къ этому занятію. Въ то же время онъ написалъ и Амвросію о своихъ прежнихъ заблужденіяхъ и о своемъ намѣреніи креститься. А когда настало время занести свое имя въ списокъ желавшихъ креститься, Августинъ со всѣмъ своимъ кружкомъ вернулся въ Миланъ. Вмѣстѣ съ нимъ пожелалъ принять крещеніе и Алипій, который долго не хотѣлъ „вводить имя Христа Спасителя въ ихъ занятія", ибо ему болѣе нравился „запахъ гимназіи, чѣмъ цѣлебный воздухъ церкви". Августинъ окрестилъ съ собою и своего пятнадцатилѣтняго сына Адеодата, который, умомъ превосходилъ многихъ достойныхъ и ученыхъ мужей".

О самомъ крещеніи Августинъ сообщаетъ только, что съ нимъ отлетѣла отъ него всякая забота о прошлой жизни, и что онъ много плакалъ при сладкихъ звукахъ церковныхъ гимновъ. Это было, какъ мы узнаемъ отъ него, недавнее нововведеніе Амвросія. За годъ предъ тѣмъ, этотъ архіепископъ подвергался

преслѣдованію со стороны вдовствующей императрицы Юстины, увлеченной въ аріанство. Миланскій народъ тогда, опасаясь за жизнь Амвросія, день и ночь проводилъ въ храмѣ въ молитвѣ; къ числу усердно молившихся принадлежала и мать Августина, тогда какъ онъ самъ „въ своемъ холодѣ еще не былъ охваченъ пыломъ Господнимъ". Въ то именно время было введено, по обычаю восточныхъ странъ, пѣніе народомъ псалмовъ и гимновъ въ церкви, чтобы поддержать его бодрость.

Послѣ крещенія къ Августину примкнулъ Эводій, его землякъ изъ Тагастэ. Онъ состоялъ на императорской службѣ и уже крестился раньше Августина. Теперь и онъ оставилъ эту службу, чтобы служить Богу, и они, вмѣстѣ обсудивъ вопросъ, какое для этого избрать мѣсто, рѣшились возвратиться въ Африку.

Съ этою цѣлью они направились въ Римъ, гдѣ Августинъ прожилъ до осени 387 года. Наконецъ онъ переѣхалъ въ Остію, чтобы тамъ сѣсть на корабль. Въ ожиданіи отъѣзда захворала и скончалась его мать. Со смертью матери прошлое Августина отлетѣло еще дальше отъ него. Чѣмъ она для него была, объ этомъ свидѣтельствуютъ обильныя чувствомъ страницы, которыя онъ посвятилъ въ своей „Исповѣди" ея жизни, ея послѣднимъ минутамъ и своему горю по ней.

Съ благодарностью онъ вспоминаетъ о томъ, что онъ былъ ей обязанъ „двойнымъ рожденіемъ"—„плотью для земного свѣта и сердцемъ для вѣчнаго". Онъ описываетъ ея дѣтство, ея воспитаніе въ христіанскомъ благочестіи и смиреніи старой нянею своего отца; онъ упоминаетъ, что старушка няня не позволяла ей пить среди дня, изъ опасенія, чтобы потомъ, выросши, она не стала по привычкѣ пить вмѣсто воды вино, подобно другимъ. Она, однако, еще въ дѣтствѣ пріобрѣла эту привычку, когда ее стали посылать въ подвалъ за виномъ и она начала его пробовать; но она сама сразу себя отучила отъ этого при первомъ обидномъ для нея укорѣ разсердившейся на нее прислуги. Онъ изображаетъ ея жизнь въ домѣ мужа съ подозрительной, подстрекаемой навѣтами служанокъ свекровью, которую она своею кротостью обезоруживала и примиряла съ собою. Такое же смиреніе она обнаруживала по отношенію къ мужу, кротко перенося его невѣрность и его необузданность. Онъ былъ очень вспыльчивъ, но послѣ вспышекъ очень добръ. Поэтому она не спорила съ нимъ, но послѣ вспышки кротко объясняла мотивы своего поступка. Когда знакомыя женщины, показывая ей на лицѣ и тѣлѣ слѣды побоевъ своихъ мужей, выражали удивленіе, какъ она можетъ жить съ мужемъ, который завѣдомо хуже всѣхъ,—

даже не жалуясь на него,—она объясняла имъ тайну своего супружества и совѣтовала держаться ея обычая,—и многія ее потомъ благодарили за совѣтъ.

По смерти мужа, она была образцомъ цѣломудренной, трезвой вдовы, часто подавала милостыню, ни одного дня не пропускала „приношенія у алтаря", два раза въ день, утромъ и вечеромъ посѣщала церковь, не ради пустыхъ разговоровъ и бабьей болтовни, а ради молитвы, послушная и услужливая слугамъ Божіимъ". Восхваляя трезвость матери, Августинъ даетъ намъ понять, что это было въ Африкѣ среди мужчинъ и женщинъ очень рѣдкое свойство. Тщательно соблюдала она обычаи своего времени и въ дни поминокъ выносила въ своей корзинѣ пищу и, отвѣдавъ отъ нея, раздавала всѣмъ; —для вина же, весьма сдобреннаго, по ея вкусу, водою, брала съ собою лишь одинъ стаканчикъ. И даже въ случаѣ нѣсколькихъ одновременныхъ поминокъ она давала изъ своего стаканчика пить лишь глотками, ибо дѣлала это ради благочестія, а не ради удовольствія. Когда же она въ Миланѣ узнала, что Амвросій совсѣмъ запретилъ такого рода поминки, чтобъ не подавать повода къ попойкамъ и не подражать язычникамъ, она смиренно повиновалась распоряженію и замѣнила поминки раздачею припасовъ бѣднымъ.

Всѣмъ она внушала уваженіе, и Амвросій высоко ее цѣнилъ; встрѣчаясь съ сыномъ, спрашивалъ о ней, хвалилъ ее и признавалъ его счастливымъ, что у него такая мать. Сынъ ея былъ высокаго понятія о ея умѣ и приглашалъ ее принимать участіе въ ихъ философскихъ бесѣдахъ. Когда она выразила удивленіе, что въ діалогахъ, которые ими читались, никогда не участвовали женщины, Августинъ ей сказалъ, что въ числѣ философовъ бывали и женщины, и что ему больше всего нравится ея философія.

Незадолго до ея болѣзни въ Остіи, Августинъ стоялъ съ матерью у окна, выходившаго въ садъ при домѣ, въ которомъ они жили, въ ожиданіи отъѣзда. Они были одни и сладко бесѣдовали. Перебирая одно за другимъ всѣ явленія и блага міра, ихъ мысли поднимались все выше, и въ религіозномъ экстазѣ они испытали минуту такого блаженства, что спрашивали другъ друга,—что, еслибы эта минута продолжалась вѣчно,—не было ли бы это тѣмъ, что разумѣютъ словами: *войти въ радость господина твоего*? Во время этой бесѣды земной міръ показался имъ несказанно жалкимъ, и тогда мать, обратившись къ сыну, сказала: „Меня уже ничто не радуетъ въ этой жизни, и я не знаю, что мнѣ тутъ дѣлать и зачѣмъ я здѣсь, покончивъ съ мірскими надеждами. Изъ-за одного только я желала жить—я хотѣла видѣть

тебя христіаниномъ, прежде чѣмъ умереть. Господь даровалъ мнѣ это счастье сторицею: я вижу тебя слугою его, вполнѣ презрѣвшимъ земное счастье. Что̀ же мнѣ тутъ больше дѣлать?"

Пять дней спустя, она заболѣла горячкой и лежала въ безпамятствѣ; пришедши въ себя и увидѣвъ около себя обоихъ сыновей, она сказала имъ: „Вы меня здѣсь похороните". Августинъ промолчалъ, но братъ его выразилъ надежду, что она скончается не на чужбинѣ, а на родной землѣ. Съ укоризной она взглянула на него, а потомъ на Августина, какъ бы желая сказать: „зачѣмъ это онъ говоритъ?"—А потомъ прибавила: „Похороните это тѣло, гдѣ бы ни случилось; не заботьтесь о немъ; объ одномъ прошу, чтобы вспоминали обо мнѣ у алтаря Господня, гдѣ бы вы ни были".

Августину было извѣстно, въ какой степени его мать прежде лелѣяла надежду, что ей будетъ суждено покоиться рядомъ съ мужемъ въ могилѣ, которую она себѣ приготовила. Такъ какъ она жила въ такомъ съ нимъ согласіи, то ей хотѣлось, чтобы люди видѣли, что послѣ столькихъ странствованій за моремъ та же земля ихъ покрываетъ обоихъ. Въ измѣнившемся ея настроеніи Августинъ увидѣлъ новое проявленіе силы ея души, отрѣшившейся отъ послѣдней любимой мечты на землѣ. Онъ потомъ узналъ, что она въ Остіи говорила другому по поводу своей смерти: „Мы вездѣ близки къ Богу; и мнѣ нечего бояться, что Онъ не узнаетъ меня въ концѣ вѣка, когда воскреситъ меня".

Разлука съ матерью повергла Августина въ глубокое горе; ему, правда, могла бы служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ нѣжная благодарность, съ которой она ему говорила, что никогда не слышала отъ него жесткаго или обиднаго слова,—но самая эта нѣжность заставляла его сильнѣе чувствовать свою утрату.

И онъ далъ полную волю своему чувству на страницахъ „Исповѣди" для того, чтобы, какъ онъ говоритъ въ концѣ книги, лучше исполнить ея послѣднее желаніе, и чтобы къ его одинокимъ молитвамъ присоединились молитвы многихъ, которые прочтутъ его „Исповѣдь".

Но Августину было суждено при переломѣ жизни разстаться не только съ тѣмъ, что̀ отживало свой вѣкъ, но и съ тѣмъ, что̀ могло жить полной жизнью, ему на радость. Вскорѣ по переѣздѣ въ Африку, онъ потерялъ и своего сына Адеодата. Августинъ продолжалъ тамъ заниматься его воспитаніемъ. Онъ издалъ потомъ сочиненіе „De Magistro"—нѣчто въ родѣ учебной энциклопедіи, составленной на основаніи его бесѣдъ съ сыномъ. Замѣчательныя способности юноши пугали и вмѣстѣ съ тѣмъ вос-

хищали его. „Кто, кромѣ Тебя, Господи,—восклицаетъ онъ,—можетъ творить такія чудеса?“ Но онъ ограничивается въ „Исповѣди“ краткимъ сообщеніемъ о его смерти. „Рано отозвалъ Ты его отъ земной жизни, и я теперь спокойно о немъ вспоминаю, не опасаясь за него ни его отрочества, ни его юности“.

Прошлое все болѣе отходило отъ Августина, его связи съ землею порывались—и предъ нимъ открывался новый путь.

В. Герье.

КРЕСТЬЯНЕ

РОМАНЪ.

— *Georges Beaume*, Les Jacques. Paris, 1906.

Окончаніе *).

XI.—Стычка.

На слѣдующій день Жермена съ чувствомъ какой-то гордости предстала передъ родителями. Хозяинъ Турба поклялся ей въ вѣчной любви, онъ съ презрѣніемъ относится къ аристократкѣ изъ замка. Своею скорбью еще болѣе, чѣмъ своею нѣжностью Жермена навсегда завоевала сердце Корнюбера.

Крестьяне поднялись съ зарей, они кишмя-кишѣли на площадкѣ передъ домомъ, и Жермена снисходительно улыбалась имъ, не отвѣчая на ихъ поддразниванія. Они плохо сдерживали свое нетерпѣніе въ ожиданіи оффиціальнаго отвѣта хозяевъ стачечному комитету. Мэръ и полевой сторожъ уже были въ мэріи; изъ города ждали судью, который долженъ былъ скрѣпить договоръ обѣихъ сторонъ. Барабанная дробь разносилась далеко по окрестностямъ, достигая отдаленныхъ фермъ и сзывая народъ въ Незиньянъ.

Въ семь часовъ Красная-Голова показался на порогѣ своего дома; въ качествѣ крестьянина и демократа, онъ облекся въ рабочее платье. На лбу у него воинственно торчала прядь волосъ, глаза его искрились умомъ, его губы подъ рыжими усами были плотно сомкнуты съ выраженіемъ желѣзной энергіи.

---

*) См. выше: февраль, стр. 688.

— Товарищи! Въ особенности призываю васъ къ спокойствію. Пусть насъ примутъ не за дикарей, но за людей, сознающихъ свои права и достойныхъ успѣха. Впередъ!

Въ толпѣ поднялся гулъ, похожій на гудѣніе огромнаго колокола. Вождя стачки пропустили впередъ, остальные двинулись за нимъ.

Окна мэріи горѣли на солнцѣ. Щеголеватый Пальу, красовавшійся во всей своей аммуниціи, стоялъ на стражѣ у „общественнаго зданія".

— Вы понимаете, я не могу пропустить васъ всѣхъ. Г. мэръ и г. судья примутъ однихъ делегатовъ.

— Мы такъ это и понимаемъ,—отозвался Красная-Голова.

Сторожъ отодвинулся, делегаты вошли въ широкій корридоръ бывшаго аббатства, въ которомъ со времени революціи помѣщались мэрія и школа. Лѣпные потолки придавали просторнымъ кулуарамъ особую величавость.

Въ залѣ, гдѣ совершались браки, сидѣли за столомъ, крытымъ зеленымъ сукномъ, мѣстныя власти. При видѣ своихъ избирателей мэръ потупилъ глаза, словно ослѣпленный внезапнымъ свѣтомъ.

— Здравствуйте, господа! — привѣтствовалъ ихъ Красная-Голова.—Видите, мы не опоздали.

Онъ снялъ шляпу и сѣлъ; товарищи послѣдовали его примѣру.

— Это хорошо,—сказалъ мэръ,—выслушайте г. судью.

Судья сложилъ руки на столѣ и проговорилъ примирительно:

— Хозяева, насколько возможно, уступили. Надѣюсь, что вы будете довольны.

— Это мы увидимъ,—проворчалъ Желѣзнякъ.

Внимательно вытянувъ шеи, они выслушали чтеніе резолюціи, вынесенной хозяевами.

Послѣдніе единогласно соглашались на ихъ требованія, за исключеніемъ двухъ пунктовъ, на которыхъ изъ чувства солидарности и самолюбія всего болѣе настаивали крестьяне: на пріемѣ всѣхъ безработныхъ и на удаленіи управляющаго Азэма.

Мэръ и судья съ тревогою наблюдали за делегатами.

— Все это мы знали и вчера. Ничего новаго нѣтъ? — съ ироническимъ смѣшкомъ проговорилъ Красная-Голова, ободряемый взглядами товарищей.

— Ничего нѣтъ,—отвѣтилъ мэръ.

— Тѣмъ хуже. Мы требовали только справедливаго. Считающіе себя нашими хозяевами противятся настояніямъ народа. Тѣмъ хуже.

Судья и мэръ, руководимые искреннею симпатіей, всѣми силами старались доказать, что народъ сперва долженъ выказать довѣріе хозяевамъ. Никакія убѣжденія не помогли. Делегаты продолжали настаивать на своемъ требованіи. Азэма эксплуатируетъ народъ.

— Г. Корнюберъ—хозяинъ на своей землѣ..

— А мы—рабочіе—хозяева всей земли въ цѣломъ мірѣ.

Красная-Голова рѣзко оттолкнулъ свой стулъ, товарищи также поднялись, и онъ заявилъ, повелительно поднявъ руку:

— Верховная власть—это мы. Мы будемъ спокойно выжидать, покуда богачи проникнутся сознаніемъ нашихъ правъ. Иначе вся жизнь въ странѣ остановится.

— Да ты съ ума сошелъ!—воскликнулъ мэръ.—Я не могу согласиться на подобное безуміе.

— Что мнѣ въ твоемъ согласіи? Ты знаешь, мы выбрали тебя для того, чтобы ты помогъ восторжествовать нашему дѣлу. Если ты ничего не можешь для насъ сдѣлать, мы отнимемъ у тебя власть.

— Господи Боже мой! Ты принуждаешь меня обратиться къ префекту.

— Я этого не позволю.

Они громко спорили, и товарищи поддерживали Красную-Голову въ его заносчивости своими одобрительными криками. Судья воскликнулъ, воспользовавшись минутою спокойствія:

— Красная-Голова, берегитесь! Это уже не стачка. Это — бунтъ.

— Все, что вамъ угодно. Каждый долженъ жить.

Онъ выбѣжалъ изъ залы въ вестибюль, распахнулъ окно и крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Хозяева даютъ намъ лишь то, о чемъ мы уже знали вчера. Слѣдовательно, мы отказываемся стать на работу.

— Превосходно! — отвѣтили крестьяне: — завтра никто не выйдетъ въ поле.

— Мы, народные делегаты, остаемся здѣсь и будемъ ждать со стороны хозяевъ новыхъ предложеній. Народъ беретъ покуда власть въ свои руки. Увидимъ.

Мэръ и судья пытались тѣмъ временемъ съ помощью ласковыхъ словъ выпроводить его товарищей.

— Если ты боишься, Рабіоль, уходи самъ, и судья—тоже. А мы не уйдемъ. Мы здѣсь хозяева. Достаточно говорилось и писалось объ этомъ со времени революціи.

Онъ отворилъ дверь въ кабинетъ мэра и по-королевски разсѣлся въ креслѣ передъ заваленнымъ бумагами столомъ.

Судья отступилъ первымъ, пригрозивъ, однако, закономъ.

— Тѣмъ хуже. Я ухожу. Вы отказываетесь повиноваться.

— Я тоже ухожу!—воскликнулъ мэръ.—Мы понапрасну раздражаемъ ихъ нашимъ сопротивленіемъ.

Въ дѣйствительности, мэръ не желалъ раздражать ни бѣдняковъ въ ихъ ярости, ни богачей, которые, узнавъ объ его уходѣ, обвинятъ его въ соучастіи съ мятежниками.

Внизу сторожъ заперъ входную дверь и, спокойно сидя на скамьѣ, покуривалъ трубочку.

— Сторожъ, — продолжалъ Рабіоль, — мы улизнемъ черезъ калитку, ведущую въ садъ. Ключъ у тебя?

— Да, г. мэръ. Но народъ стережетъ всѣ выходы. Я не хочу, чтобы меня растерзали.

— Я тоже. Но все-таки нужно выйти.

— Нѣтъ, я останусь здѣсь: это благоразумнѣе.

— Ты правъ. Судья, сторожъ правъ. Будемъ сидѣть смирно. Мы удеремъ, когда толпа разойдется.

— Не обратитесь ли вы къ ней съ рѣчью?

— Нѣтъ. Теперь они станутъ слушать только льстецовъ.

Они вдругъ испуганно смолкли, такъ какъ буря возобновилась.

Мужчины ревѣли, обѣщая все разнести; женщины двинулись толпою къ запертымъ домамъ. Онѣ выкрикивали оскорбленія и дѣлали непристойные жесты.

Жермена, сумрачная и взволнованная, употребляла всѣ усилія, чтобы натравить Расшибалу на замокъ. Дочь маркиза возбуждаетъ всѣхъ противъ нихъ: буржуа — въ ихъ домахъ, а священники—въ храмѣ.

— Церковь? Да, это — ихъ пристанище, тамъ они затѣваютъ свои ковы противъ народа... Постой-ка, я сейчасъ ихъ взбѣшу.

Расшибало, не взирая на просьбы Жермены, кинулся къ винному погребку, сорвалъ оттуда красный фрагъ и поднялся съ нимъ по шаткимъ ступенямъ на колокольню. Тамъ, рискуя ежеминутно свалиться, онъ влѣзъ на церковный шпиль и крѣпко привязалъ красное знамя къ заржавленному флюгеру; затѣмъ онъ спустился на землю, сіяя торжествомъ. Предупрежденный служанкою, священникъ уже бѣжалъ къ нему навстрѣчу. Добрый кюрэ Ройе́ былъ любимъ народомъ; онъ окрестилъ половину дѣтей въ Незиньянѣ и дѣлалъ много добра прихожанамъ, но теперь гроза возмутила всѣ сердца. Когда онъ со своимъ простонароднымъ говоромъ обратился къ людямъ, усовѣщивая ихъ, голосъ его потонулъ среди возрастающаго гула толпы.

— Расшибало, убери, пожалуйста, твой флагъ. Я—не врагъ никому, я такъ же бѣденъ, какъ и вы.

— Не уберу. Пусть красное знамя говоритъ небу и землѣ о нашемъ освобожденіи.

Священникъ возражалъ съ грустью и печалью, но толпа оттѣснила его до ступеней паперти. Онъ потерялъ шляпу и стоялъ растерянный—въ своей старой, запыленной рясѣ.

Въ эту минуту изъ переулка появилась графиня Сюзанна, сіявшая такою отвагою, что люди на минуту примолкли.

— Злодѣи!—воскликнула она:—вы осмѣливаетесь нападать цѣлою толпою на священника? Кто повязалъ эту тряпку?

— Я!—отвѣтилъ Расшибало, подходя со сжатыми кулаками.

— Вы? Грязный негодяй!

Она уже занесла руку для удара, когда Жермена порывисто кинулась къ ней.

— Что вамъ здѣсь надо, графиня? Вы презираете насъ. Вернитесь въ вашъ нищенскій замокъ, гдѣ вамъ грезятся золотые сны. Никто васъ не хочетъ, даже буржуа, годные въ женихи. Убирайтесь!

Графиня поблѣднѣла отъ оскорбленій крестьянки. Но гнѣвъ придалъ ей силы, и она проговорила, обращаясь къ крестьянкѣ, прелести которой соблазняли самыхъ гордыхъ буржуа:

— Какъ вы смѣете равняться со мною? Я защищаю мою землю, мою религію, остатки моего достоянія. Я имѣю право на богатство. А вы загрязнили бы его собою, дочь Красной-Головы!

— Уродина! Каррикатура!

Жермена, грубо схвативъ графиню за плечи, тащила къ стѣнѣ, у которой священникъ, стоя на колѣняхъ, молился Богу. Народъ сталъ апплодировать Жерменѣ.

— Молчите!—крикнулъ Расшибало.—Вотъ маркизъ.

Маркизъ, опираясь на трость, бѣжалъ по пыли со всею быстротою, какая была возможна для его лѣтъ. Онъ съ секунду глядѣлъ на толпу, волнуемый опасеніемъ, но затѣмъ, движимый добротою и состраданіемъ, воскликнулъ:

— Друзья мои! Простите моей дочери... Вы знаете, что я люблю нашъ край и терзаюсь его страданьями.

Онъ съ мольбою ловилъ руки женщинъ, желая ихъ растрогать, но крестьянки ворчливо отворачивались. Наконецъ, не будучи въ состояніи проговорить ни слова, онъ съ такимъ умоляющимъ видомъ схватилъ за руку Жермену, что та изъ состраданія отошла отъ Сюзанны. Графиня, несмотря на свой

вызывающій видъ, дрожала передъ угрозами толпы, мужицкій запахъ которой былъ ей противенъ. Держась позади священника, уже не скрывавшаго своихъ слезъ, она вошла съ отцомъ въ церковь.

Униженіе аристократовъ подзадорило народъ.

— Насъ боятся! —воскликнулъ Расшибало. — Идемъ по деревнямъ, всюду объявимъ стачку.

Онъ двинулся военнымъ шагомъ, распѣвая „Карманьолу". Народъ — женщины, дѣти, у которыхъ еще не улеглась волна злобнаго возбужденія, послѣдовали за нимъ.

При видѣ ихъ, мирные рабочіе въ Турбѣ разбѣжались. Опьяненные своею властью, люди двигались впередъ, по дорогѣ къ главному городу. Женщины оказались еще неутомимѣе мужчинъ; при встрѣчѣ съ рабочими, онѣ осыпали ихъ ругательствами и, проходя по дружественнымъ, близкимъ къ Незиньяну деревнямъ, грозили смертью богачамъ и призывали къ освобожденію бѣдняковъ.

Къ вечеру люди, утомясь отъ крика, вернулись въ свои дома и, проголодавшись, охотно поужинали черствымъ хлѣбомъ и овощами.

Во время этой передышки мэръ съ судьею прокрались вдоль стѣны до почты. Тамъ они наскоро составили и послали въ Безье телеграмму, въ которой, сознаваясь въ собственной своей слабости и нерѣшимости, они умоляли помощника префекта прибыть немедленно на мѣсто стачки.

На улицахъ не слышно было ни малѣйшаго шума; шумѣлъ только вѣтеръ, поднимавшій облака пыли. Судья воспользовался затишьемъ для отступленія. Крестьяне успокоились, и потому онъ можетъ вернуться въ городъ.

Мэръ рано легъ спать, голову у него ломило, и онъ искренно желалъ проснуться поутру больнымъ. Онъ всталъ съ зарею и для того, чтобы не трепетать отъ страха въ своемъ саду, отправился въ мэрію, величественныя стѣны которой были для него нѣкоторою защитой.

Онъ облокотился на окно кабинета и среди утренней свѣжести вглядывался въ даль майренальской долины, спокойствіе которой казалось ему утѣшительнымъ. Каждую минуту онъ смотрѣлъ на часы. Достанетъ ли у префекта мужества выѣхать изъ Безье съ первымъ поѣздомъ и явиться собственной особою въ этотъ чортовъ Незиньянъ?

XII.—Хозяинъ Турба въ плѣну.

Почтмейстеръ не сумѣлъ, однако, удержать языкъ за зубами. Для того, чтобы придать себѣ важности, онъ объявилъ, какъ только открылась почта, что судья и мэръ отправили наканунѣ въ префектуру тревожную телеграмму.

Объ этомъ заговорили у кузнеца, у сапожника; женщины стали перешептываться, и вѣсть эта распространилась изъ дома въ домъ. Мужчины бродили по улицамъ, ими овладѣло безпокойство, они заходили въ кабаки и къ Красной-Головѣ. Что̀ станется съ правами народа? Они суевѣрно побаивались префекта, казавшагося имъ какимъ-то людоѣдомъ. Народъ собрался толпою у сада мэра, и вскорѣ мимо нихъ отважно прокатилъ въ коляскѣ судья — свѣже-выбритый, съ очками, плотно сидѣвшими на носу. Смущенные крестьяне глядѣли по направленію къ вокзалу, и вскорѣ глаза ихъ, острые какъ у моряковъ, замѣтили тамъ подъ платанами какого-то господина.

Онъ шелъ пѣшкомъ, очень быстро. Прежде чѣмъ онъ дошелъ до деревни, крестьяне разступились на обѣ стороны, давая ему дорогу. Это былъ помощникъ префекта—еще молодой, бѣлокурый съ просѣдью; онъ имѣлъ почти фатоватый видъ, и при видѣ народа, улыбаясь, снялъ шляпу. Желая высказать свою вѣжливость, крестьяне всѣ, какъ одинъ человѣкъ, раскланялись съ нимъ.

Онъ сразу обратился къ Красной-Головѣ, словно чутьемъ угадавъ въ немъ человѣка одного съ нимъ самимъ сословія.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ зданіе мэріи?

— Поверните направо. Вы увидите его на площади, рядомъ съ церковью.

Какъ только префектъ исчезъ, Красная-Голова обратился къ крестьянамъ.

— Насъ хотятъ запугать. Этотъ царекъ изъ префектуры станетъ намъ разсказывать свои басни о политикѣ, порядкѣ, покорности или пригрозитъ шпагами своихъ жандармовъ. Нечего его слушать. Онъ исполняетъ свое дѣло—будемъ исполнять свое. Оно состоитъ въ томъ, чтобы жить свободными людьми и питаться отъ земли посредствомъ святого труда. Товарищи, не допустимъ никакого посредничества между нами и богачами. А покуда разойдемся по домамъ и не тронемся оттуда.

Стачечники, на которыхъ рѣчь вождя произвела впечатлѣніе,

послушно разошлись. Въ деревнѣ снова воцарилась тишина,— слышалось лишь кудахтанье рывшихся въ навозѣ курицъ; даже собаки притихли.

На площади показался осторожно ступавшій сторожъ, несшій на перевязи старый барабанъ—реликвію его предшественника, видавшую еще крымскую и итальянскую войны. Онъ поглядѣлъ на запертыя двери и окна, и, повинуясь приказу г. мэра, принялся бить въ барабанъ, сзывая народъ. Выждавъ съ минуту, онъ, не трогаясь съ мѣста, прочелъ на совершенно пустой площади воззваніе префекта, приглашавшаго къ 8-ми часамъ въ мэрію делегатовъ отъ хозяевъ и рабочихъ.

Сторожъ вторично принялся барабанить на перекресткѣ двухъ улицъ, онъ дважды повторилъ свой призывъ, но никто не показывался. Тогда бѣдный Пальу сконфуженно удалился, поминутно оглядываясь назадъ.

Земля ожидала тѣмъ временемъ туда сыновъ своихъ. Они голодали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но не сдавались, и теперь они были на сторожѣ въ своихъ мрачныхъ логовищахъ, гдѣ созданный богачами замокъ не имѣлъ значенія.

Посланные на развѣдки, ребятишки увидѣли, какъ въ мэрію прошли Корнюберъ, Лантиссу, Лагренель, Миллю—крупнѣйшіе собственники въ краѣ.

Помощникъ префекта не безъ изящества прочелъ имъ нотацію. Корнюберъ возразилъ съ чувствомъ собственнаго достоинства:

— Мы не потерпимъ надъ собою тиранніи.

Мэръ въ медоточивыхъ словахъ попытался внушить ему братскія чувства. Корнюберъ презрительно осадилъ „народнаго льстеца“.

— Вы знаете лучше другихъ, что земля не въ состояніи выдержать такую массу рабочихъ.

— Но относительно вашего управляющаго? — спросилъ помощникъ префекта.

— Онъ никогда не предавалъ меня. Отказавшись отъ него, я былъ бы негодяемъ, я былъ бы неблагодарнымъ человѣкомъ.

Несмотря на самые льстивые уговоры товарищей, Корнюберъ, сильный своею честью и правомъ, остался непоколебимъ.

Разговоры шли уже цѣлый часъ, а рабочіе все не являлись. Префектъ, безпокоясь о землѣ и о себѣ самомъ, не находилъ словъ, мысли у него разлетались, и въ душѣ закипала злоба противъ этихъ нелѣпыхъ крестьянъ.

Судья дѣлалъ время отъ времени предложенія репрессій, которыя префектъ презрительно отвергалъ. Мэръ вздыхалъ, но

послѣ двухчасового тщетнаго ожиданія, онъ первый, съ помощью лжи, нашелъ выходъ изъ этого положенія.

— Если крестьяне не явились на нашъ призывъ, это значитъ, что они испугались. Они поняли, что вы охраняете право собственности, г. префектъ, и я увѣренъ, что они постепенно согласятся на предложенныя условія.

— Увѣрены ли вы, что это такъ?

— Вполнѣ. Народъ страдалъ, онъ ожесточился, но онъ разсудителенъ и пойметъ свои интересы.

— Желаю этого.

Помощникъ префекта еще раздумывалъ, наблюдая исподтишка за мэромъ и судьей, которые, не взирая на свои годы, дрожали передъ нимъ, какъ школьники. Рабіоль не могъ дождаться отъѣзда высшаго начальства. Быть можетъ, онъ искренно думалъ, что крестьяне также опасаются угрозъ правительства, какъ онъ самъ.

Пробило одиннадцать часовъ. Помощникъ префекта побоялся, что дальнѣйшее ожиданіе покажется смѣшнымъ. Онъ обратился къ присутствующимъ.

— Благодарю васъ, господа, за то, что вы явились на мое приглашеніе. Надѣюсь, что съ помощью вашего великодушія этотъ достойный сожалѣнія конфликтъ будетъ улаженъ. Можете быть во всякомъ случаѣ увѣрены, что право собственности не будетъ нарушено и порядокъ сохранится. Засѣданіе закрыто.

Собственники церемонно раскланялись, гордясь своимъ мужествомъ, и поспѣшили удалиться, съ тѣмъ, чтобы запереться у себя въ домахъ.

Вскорѣ ребятишки увидѣли, какъ на подъѣздѣ появился префектъ въ сопровожденіи мэра и судьи, предложившаго ему экипажъ, но, въ качествѣ демократа, онъ пожелалъ идти пѣшкомъ. Онъ громко проговорилъ, для того, чтобы его слышали:

— Итакъ, я возлагаю на васъ, г. мэръ, обязанность управленія вашею общиной. Вы обѣщаете мнѣ, что порядокъ будетъ водворенъ? Тѣмъ лучше. Въ противномъ случаѣ, при малѣйшихъ безпорядкахъ, я пришлю столько войска, сколько понадобится.

— Въ этомъ не окажется надобности.

— Тѣмъ лучше. До свиданія.

До самаго вечера рабочіе изъ осторожности сидѣли у себя по домамъ, стараясь усыпить подозрительность мэра и предупредить новое появленіе жандармовъ.

Но въ теченіе ночи планы возстанія зародились въ кабакѣ и въ домѣ Красной-Головы, который поклялся, что порветъ нити,

соединяющія Незиньянъ съ общественною жизнью, и сдѣлаетъ изъ него островъ, отрѣзанный отъ сообщенія со всѣмъ округомъ.

Раннимъ утромъ Желѣзнякъ съ товарищами, сумрачный, невыспавшійся, постучался къ Рабіолю, и когда тотъ вышелъ къ нимъ съ привѣтливой улыбкой на губахъ, они втолкнули его обратно въ домъ. Мэръ попробовалъ пошутить: онъ не понимаетъ, чѣмъ вызвано подобное нападеніе?

— Нечего лисить передъ нами,—заявилъ Желѣзнякъ,—вы останетесь здѣсь подъ арестомъ. Если вы попробуете улизнуть, васъ загонятъ палкой. Довольно съ насъ вашей лжи.

Щелкъ! Желѣзнякъ заперъ дверь, затѣмъ не безъ гордости спряталъ ключъ въ карманъ.

Оставшись одинъ, мэръ не на шутку струсилъ, но въ концѣ-концовъ былъ весьма доволенъ уже тѣмъ, что его избавляютъ отъ отвѣтственности.

На деревнѣ между тѣмъ били въ барабанъ и трубили сборъ. Черезъ четверть часа мужчины, женщины и дѣти собрались на дорогѣ. Нѣкоторыя служанки попытались пойти за хлѣбомъ и молокомъ, но ихъ вернули обратно.

— Мы сами околѣваемъ съ голоду!—закричалъ Стряпчій.— Сжалиться надъ вашими дѣтьми? Это насъ не касается. У насъ тоже есть дѣти.

Красная-Голова съ толпою обезумѣвшихъ людей ворвался въ почтовое отдѣленіе и заставилъ почтмейстера дать въ Безье телеграмму слѣдующаго содержанія: „*Все спокойно. Населеніе принимается за работу. Рабіоль, мэръ*“. Мольбы и возраженія чиновника и жены его были тщетны. Опасаясь за безопасность почты и лично за себя, онъ принужденъ былъ уступить. Красная-Голова заперъ его въ его комнатѣ подъ присмотромъ четверыхъ рѣшительныхъ гражданъ.

— Теперь мы, дѣйствительно, здѣсь хозяева,—заключилъ онъ, и въ отвѣтъ на привѣтствіе скомандовалъ:—Въ Турбъ!

— А что же мы сдѣлаемъ съ богачами, укрывшимися по своимъ домамъ?—спросилъ Разумникъ.

— Они будутъ въ нашихъ рукахъ, какъ только мы захватимъ Корнюбера. Онъ ночуетъ сегодня въ усадьбѣ.

Труба весело затрубила, они стали спускаться съ холма. Жермена, съ тревогою въ душѣ, отдалась теченію толпы. Она слишкомъ хорошо знала мужество Корнюбера для того, чтобы допустить съ его стороны возможность уступки стачечникамъ. Осмѣлятся ли они напасть на него? Осмѣлится ли она его защитить?

Солнце уже взошло, пробуждая отъ сна заалѣвшую долину, сѣрый Незиньянъ и золотистыя горы. Заслышавъ шумъ мятежа, турбскіе рабочіе не рѣшились выйти въ поле; ставни въ усадьбѣ были полуотворены, домъ пробуждался. Красная-Голова одинъ взбѣжалъ по ступенямъ террасы, и уже хотѣлъ постучать, когда дверь быстро распахнулась. На порогѣ показался негодующій хозяинъ съ щеками багровыми отъ гнѣва. Съ секунду онъ глядѣлъ на разъяренный народъ, изумлявшійся его отвагѣ, и затѣмъ отрывисто спросилъ:

— Чего вы хотите отъ меня?

— Судьба цѣлаго края зависитъ отъ васъ,—отвѣтилъ Красная-Голова.—Согласны вы уступить нашимъ законнымъ требованіямъ?

— Нѣтъ! Никогда! Я въ своемъ домѣ...

Онъ не могъ договорить. Народъ, не слушая убѣжденій Красной-Головы, волною хлынулъ на Корнюбера, подхватилъ его и понесъ. Люди кричали:

— Берите его! Тащите на деревню!

Его повлекли, какъ ведутъ животное на бойню. Красная-Голова уже не возставалъ противъ насилія: богачъ самъ этого захотѣлъ. Звуки „Карманьолы“ заглушили его протесты.

— Куда вы меня ведете?

— Въ мэрію. Вы будете нашимъ заложникомъ. Тамъ вы подпишете условіе.

— Никогда. Скорѣе вы отрубите мнѣ руки.

Труба заиграла походъ, но люди такъ уже накричались, что порядокъ въ толпѣ разстроился. Женщины сняли съ шеи фуляры, разстегнули корсажи; мужчины засучили рукава, разстегнули жилеты. Со своими красными, запыленными и вспотѣвшими лицами—они напоминали жаждущихъ шума и добычи варваровъ. Они пѣли разгульныя и революціонныя пѣсни и, держась за руки, двигались рядами, какъ волны. Одна лишь земля оставалась покуда для нихъ священною,—земля, взлелѣянная ихъ трудами, единственное сокровище ихъ души, и ни у одного изъ нихъ не явилось мысли попортить виноградники.

Красная-Голова, распорядившись запереть Корнюбера въ мэріи, показался въ окнѣ.

— Расходитесь по домамъ, друзья мои!—обратился онъ къ народу:—г. Корнюберъ останется здѣсь подъ надежнымъ присмотромъ.

— Но остальные?..

— Они всѣ уступятъ, какъ только г. Корнюберъ подпишетъ условіе.

Бѣдняки сначала опѣшили, затѣмъ—разворчались. Барабанъ снова загрохоталъ, труба затрубила. Они еще не удовлетворили своей жажды сильныхъ ощущеній.

— Въ клубъ! Въ клубъ!—крикнулъ Разумникъ, и они радостно повалили туда, но хозяинъ догадался запереть ставни и калитку, какъ въ траурные дни. Уйдя ни съ чѣмъ, толпа весь день блуждала по окрестностямъ, питаясь взятымъ съ собою черствымъ хлѣбомъ и дикими плодами. Они вернулись въ Незиньянъ лишь поздно вечеромъ — группами въ нѣсколько человѣкъ, разбитые отъ усталости.

Жермена весь день пряталась въ Турбѣ, близъ Оливковой рощи.

Не посмѣвъ изъ осторожности вступиться днемъ за Корнюбера, она надѣялась освободить его ночью, и когда на колокольнѣ Незиньяна пробило десять часовъ, она быстро пустилась въ путь.

Въ окнахъ мэріи виднѣлся слабый свѣтъ; подойдя къ двери, Жермена услышала взрывы смѣха, голоса. Очевидно, тамъ кутила молодежь. Они играли въ карты, спорили, какъ въ кабакѣ, и по временамъ повторяли имя Корнюбера. Какъ пробраться туда незамѣченной? Они заподозрятъ ее въ измѣнѣ, пожалуй оскорбятъ подъ пьяную руку.

Жермена попробовала открыть дверь, и та оказалась незапертой. Сторожа, вѣроятно, заперли Корнюбера въ помѣщеніи, служившемъ тюремною камерой. Жермена безшумно закрыла за собою дверь и проскользнула по слабо освѣщенному корридору до самаго конца его, въ которомъ находилась тюремная дверь. Ключъ торчалъ въ замкѣ. Она осторожно окликнула узника:

— Корнюберъ! Корнюберъ!

Голосъ ея такъ дрожалъ, что тотъ не узналъ его.

Они, дѣйствительно, посадили владѣльца Турба въ камеру, служившую пріютомъ для воровъ и бродягъ, и онъ, мужественно покоряясь своей участи, не пытался бѣжать. Но при звукѣ дружескаго голоса онъ съ изумленіемъ приподнялся на своей койкѣ, и при свѣтѣ поставленнаго въ углу фонаря узналъ Жермену. Онъ поспѣшно отстранилъ ее.

— Это вы? Уходите! Уходите!

— Мнѣ уходить? Я пришла спасти васъ.

— Не хочу. Вашъ отецъ заперъ меня здѣсь. Негодяй! Онъ поплатится за свое преступленіе, если только мы—цивилизованная нація.

Она довѣрчиво приблизилась къ нему, хотя онъ упорно ее отстранялъ, и продолжала умолять.

— Вы больше не любите меня? Вы мнѣ не вѣрите?

— Нѣтъ. Мнѣ стыдно за народъ.

— Я провела весь день въ Оливковой рощѣ, гдѣ я пряталась, гдѣ я думала о васъ. Какъ хороша она весною, эта Оливковая роща,—такъ же хороша въ своей таинственной тишинѣ и уединенности, какъ и въ тотъ осенній вечеръ, когда я въ первый разъ прибѣжала на вашъ зовъ, чтобы услышать отъ васъ слова любви, которую я считала вѣчной... Развѣ вы не помните всего этого?

— Нѣтъ. Не хочу помнить.

— Почему? Неужели вы смѣшиваете меня съ людьми, вносящими въ нашъ край насиліе?

— Вы—изъ ихъ породы,—рѣзко отвѣтилъ Корнюберъ, стиснувъ зубы.

— Вы тоже! — воскликнула Жермена.— Несмотря на ваше богатство, одинаковое происхожденіе дѣлаетъ насъ равными. Неужели когда вы говорили мнѣ любезности или принимали меня ночью въ усадьбѣ, вы просто желали позабавиться съ крестьянкой?

— Что вамъ сказать на это? У меня никогда не было дурныхъ намѣреній. Вы—единственная изъ всей деревни—мнѣ нравились. Среди столькихъ безобразныхъ лицъ я отдыхалъ взоромъ на вашемъ лицѣ. Единственная среди завистливыхъ людей—вы всегда выказывали мнѣ сердечность и ласку. Я чувствовалъ себя счастливымъ, слушая васъ...

— И—только?

Онъ молча смотрѣлъ на нее. Задыхаясь отъ волненія, но вѣря въ свои наивныя мечты, страшившаяся бѣдности, какъ позора, она сдерживалась. Она робко подошла къ нему и, вымаливая любовь, опустилась передъ нимъ на колѣни.

Корнюберъ, опасаясь сцены, хотѣлъ подняться, но она была счастлива, что можетъ безъ словъ выказать ему свою вѣру въ него и свою преданность. Если даже люди услышатъ ихъ и взойдутъ сюда, они обвинятъ ее въ измѣнѣ, увидѣвъ ее у ногъ хозяина Турба; но если народъ и объединитъ ихъ обоихъ въ чувствѣ ненависти, они будутъ соединены и въ любви, которая послужитъ имъ утѣшеніемъ.

— Молчите!—простоналъ онъ, сжимая ея руки.—Напрасно мечтали вы о любви между нами.

— Напрасно? Эта любовь—мое сокровище, вся моя жизнь. Турбъ — родная моя земля, мой рай — я вижу ихъ въ васъ. И если я не увижу васъ болѣе, я умру...

— Но вашъ отецъ...

— Онъ не помѣшаетъ мнѣ находить въ этомъ смыслъ моей жизни, какъ не можетъ снять солнце съ неба. Этотъ домъ въ Турбѣ, гдѣ вы живете королемъ, я хотѣла бы стать его королевою, для того, чтобы служить вамъ. Сколько разъ вы мнѣ говорили, что нѣтъ женщины, которая была бы болѣе достойна, чѣмъ я, ходить по вашимъ дорогамъ, покоиться подъ вашимъ кровомъ, быть уважаемой вашими рабочими, близкими мнѣ по крови, простой языкъ и душа которыхъ мнѣ хорошо знакомы.

Она не прикасалась къ нему, но горячность ея мольбы начинала дѣйствовать на этого сильнаго человѣка. Когда Жермена умолкла, онъ снова испугался рокового очарованія хитрой крестьянки.

— Нѣтъ, оставьте меня. Развѣ эти варвары допустятъ осуществленіе хотя одного изъ нашихъ плановъ?

— Я не менѣе мужественна, чѣмъ вы. Я пришла сюда ночью для того, чтобы спасти васъ. Какой стыдъ, что они заперли васъ здѣсь!

— Все равно. Я отомщу потомъ. При попыткѣ бѣжать, я нарвусь на худшія оскорбленія. Они способны теперь, въ своей наглости, на всѣ преступленія. Вы назвали меня королемъ. Ваши крестьяне—вотъ кто царствуетъ теперь въ краю. Ха! ха! Они заставятъ насъ плясать по ихъ дудкѣ...

Корнюберъ смѣялся съ такою злобой, что она вздрогнула отъ страха. Какъ при блескѣ молніи, она, заглянувъ въ его душу, увидѣла въ ней зародышъ злобы, живущей въ душахъ самыхъ добрыхъ людей.

Жермена тихо заговорила снова. Она непохожа на нихъ, такъ какъ страдаетъ, видя его здѣсь. Онъ въ тюрьмѣ. Это—смѣшно.

— Мало ли еще мы увидимъ смѣшного! Я ничего не приму отъ васъ.

— Значитъ, между нами все кончено? Вы грубо порываете со мною, потому что я—крестьянка?

— Вы—дочь Красной-Головы.

— Я—дочь честнаго человѣка! Простите, но вы не должны меня оскорблять. А я еще вѣрила вашей любви.

— Да, Жермена, не волнуйтесь. Я очень васъ люблю, вы—добрая дѣвушка, которой приходится страдать отъ семьи, и вы были бы моею радостью, будь я воленъ въ своихъ поступкахъ. Но ваши крестьяне лишаютъ насъ свободы. Они отталкиваютъ меня.

Корнюберъ смолкъ, рыданія подступали у него къ горлу.

Она устало опустилась рядомъ съ нимъ на кровать, не дотрогиваясь до него.

— Вы жестоки и неблагодарны. Не такъ говорили вы прежде со мною.

— Не знаю. Теперь все окружающее и самое ваше присутствіе—кажется мнѣ кошмаромъ.

— Любите ли вы меня? Вѣрите ли мнѣ? Готовы ли идти за мною?

— Куда?

— Куда хотите. Пусть всѣ знаютъ, что я жертвую моею доброю славой ради васъ.

Она возвысила голосъ. Вдругъ надъ ними послышались на лѣстницѣ тяжелые шаги, грубые голоса. Дѣлали ли тюремщики свой обходъ, или они услышали шумъ въ камерѣ заключеннаго? Жермена замерла, Корнюберъ прислушался. Шаги приближались.

— Они!—прошепталъ Корнюберъ.—Спрячьтесь.

Радуясь, что можетъ ему повиноваться, Жермена спряталась въ углубленіе, полускрытое колонной, гдѣ было пыльно и душно.

Въ камеру вошли крестьяне съ красными отъ возліяній лицами. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ фонарь. Они остановились на порогѣ съ нѣкоторымъ чувствомъ неловкости.

— Онъ спитъ,—тихо проговорилъ младшій.

— А съ кѣмъ же онъ спорилъ?—проворчалъ сосѣдъ.

Младшій приблизился къ владѣльцу Турба и хотѣлъ уже нагнуться къ нему, когда тотъ рѣзкимъ движеніемъ приподнялся на жесткомъ ложѣ.

— Что̀ вамъ нужно отъ меня, дикари?

Крестьянинъ испуганно попятился, но у дверей онъ снова осмѣлѣлъ, ободренный чувствомъ ненависти:

— Намъ ничего не нужно, — за исключеніемъ все того же: угодно ли вамъ отказать Азэма̀?

— А сами боитесь? Угодно ли вамъ освободить меня отъ вашего присутствія?

Крестьяне молча смотрѣли на него. Гордость его была не сломлена, въ немъ чувствовалась не одна только денежная сила, но и сила воли.

— Мы уйдемъ. Намъ приказано караулить васъ до завтра. Придетъ Красная Голова—онъ разберетъ. Такъ вы не согласны?

Корнюберъ сердито отмахнулся. — Убирайтесь!

Парни ушли взбѣшенные, съ шумомъ захлопнувъ за собою дверь.

Жермена, вся въ пыли и паутинѣ, вылѣзла изъ своего убѣжища. Она радостно улыбалась, такъ какъ властелинъ ея укрылъ ее отъ гнѣва варваровъ, предводительствуемыхъ ея отцомъ. Корнюберъ ласково заговорилъ съ нею, желая ее обмануть.

— Жермена, для васъ не безопасно оставаться здѣсь.

— Такъ вы не хотите уходить?

— Мое заключеніе долго не продлится. Не нужно осложнять и безъ того запутанное дѣло. Вѣрите вы мнѣ: да или нѣтъ? Я достаточно силенъ для того, чтобы поступать по-своему.

— Правда.

— Значитъ, въ вашихъ интересахъ — дѣлать то, что мнѣ нравится. Я раздѣляю ваши желанія, но я—человѣкъ разумный.

Онъ старался шутить для того, чтобы развеселить и ободрить ее. Чувствуя себя слабѣе, она покорилась.

— Хорошо. Я еще разъ уступаю вамъ. Но не измѣняйте мнѣ. Борьба между нами не кончена.

— Она кончится миромъ.

Онъ проводилъ ее по корридору до дверей. Тамъ, на холодномъ вѣтру, пахнувшемъ имъ въ лицо, онъ первый поцѣловалъ ее. Она медленно удалилась—смущенная и довольная. Корнюберъ, возвращаясь къ себѣ въ камеру, слышалъ храпъ крестьянъ, подобный храпѣнію лошадей.

XIII.—Солдаты и крестьяне.

Въ утренней мглѣ раздался звукъ трубы. Стачечники собрались на площади, наблюдая за движеніемъ людей и телѣжекъ. Съ первыми лучами солнца мелкіе землевладѣльцы, обработывавшіе круглый годъ собственноручно свои участки, вздумали выйти на работу, но забастовщики немилосердно погнали ихъ домой. Нѣкоторые попытались протестовать.

— Вѣдь мы не хозяева, мы не держимъ никакихъ рабочихъ. Мы—тотъ же народъ.

— Мы знаемъ. Поэтому-то вамъ и слѣдуетъ поддержать народъ. Всѣ граждане обязаны поддержать общую стачку, протестуя противъ владычества богачей.

— Мы и протестуемъ.

— Только на словахъ?

— А вы насъ насилуете. Гдѣ же тутъ свобода?

— Мы еще не знаемъ свободы. Ее нужно взять съ бою, или мы никогда ея не увидимъ.

— Землѣ нѣтъ до этого дѣла. Она гибнетъ...

Красная-Голова предвидѣлъ, что, несмотря на его предосторожности, вѣсть о возмущеніи достигнетъ до главнаго города, возбудивъ волненіе среди администраціи. Поэтому, во избѣжаніе репрессалій, онъ задумалъ придать возстанію оттѣнокъ законности. Для этого нужно было освободить мэра и взвалить на него номинальную отвѣтственность за стачку. Рабіоль скорѣе предпочтетъ прослыть за неблагонадежнаго въ Парижѣ, чѣмъ потерять симпатіи своихъ избирателей.

Освободивъ его, Красная-Голова объяснилъ ему положеніе дѣлъ.

— Ты найдешь г. Корнюбера въ твоемъ кабинетѣ. Онъ провелъ ночь въ тюремной камерѣ и, несмотря на усталость, все еще противится. Въ твоемъ присутствіи онъ, быть можетъ, окажется сговорчивѣе.

— Не думаю. У меня нѣтъ на этотъ счетъ никакихъ иллюзій.

— Попытаемся.

— Во всякомъ случаѣ ты понимаешь, что подобные безпорядки не могутъ продолжаться. Я не имѣю права держать Корнюбера въ тюрьмѣ.

— Право? Мы знаемъ, что оно не существуетъ для тѣхъ, въ чьихъ рукахъ—сила.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ также придется быть въ плѣну у забастовщиковъ?

— Не бойся. Ты не пострадаешь. Ты будешь только давать кому слѣдуетъ пропуски.

— Боже мой, до чего вы неправы! Вы отсрочите на цѣлыхъ двадцать лѣтъ реформу соціальнаго строя.

— Молчи, шутникъ!

Выбритый, толстенькій мэръ покорно шелъ среди своихъ избирателей. Онъ колеблющимся шагомъ поднялся по лѣстницѣ и въ присутствіи Корнюбера смутился еще сильнѣе отъ сознанія своей слабости.

— Ну, что же, г. Корнюберъ, вы не желаете пойти на уступки?

— Я? — отвѣтилъ Корнюберъ, такъ стукнувъ кулакомъ по столу, что бумаги разлетѣлись.—Никогда! Я не трусъ.

— Берегитесь! Ваше упорство доведетъ народъ до крайностей чудовищныхъ и смѣшныхъ въ одно и то же время!

— Смѣшныхъ, милостивый государь? Не я окажусь во всякомъ случаѣ смѣшнымъ, такъ какъ не я управляю краемъ. Вы—мэръ, а не слуга, я полагаю.

При этихъ презрительныхъ словахъ толпившіеся кучкою крестьяне смущенно запротестовали. Корнюберъ обернулся къ нимъ.

— Чего вы тамъ ворчите? Развѣ у насъ революція?

— Да!—отвѣтилъ Красная-Голова.

— Вы мнѣ ненавистны.

— Замолчите!

— Замолчать передъ вами?

— Господа, господа, успокойтесь!—молилъ мэръ.—Не волнуйтесь пожалуйста.—Знаетъ ли Азэма̀ о томъ, что требуютъ его увольненія?

— Не вижу необходимости съ нимъ совѣтоваться, — возразилъ Корнюберъ:—онъ исполнитъ свой долгъ.

— Тѣмъ хуже. Послушайте, вы что-нибудь кушали?

— Ничего, и я ничего не хочу. Я убѣжденъ, что эта комедія не продлится и двадцати-четырехъ часовъ.

— Увидимъ!—усмѣхнулся Красная-Голова.

Они замолчали. Съ лѣстницы доносился сюда подъ высокіе своды все возраставшій шумъ: крики, жалобы, восклицанія одобренія. Азэма̀, весь запыхавшійся отъ своей толщины показался среди толпы пристававшихъ къ нему женщинъ и ребятишекъ. Онъ желалъ видѣть г. Корнюбера.

— Мнѣ нужно сообщить ему важное извѣстіе. Гдѣ онъ?

Азэма̀ задыхался отъ усталости, онъ былъ пунцовый и отиралъ лицо платкомъ. На порогѣ кабинета онъ, изъ уваженія къ своему господину и общественному мѣсту, снялъ шляпу. Съ секунду онъ не рѣшался заговорить въ присутствіи столькихъ людей, толпившихся у стѣны и не рѣшавшихся сѣсть.

— Вотъ и вы!—воскликнулъ тронутый Корнюберъ:—Здравствуйте, мой милый Азэма̀.

Азэма̀ подошелъ и безъ всякой рисовки, по-товарищески, пожалъ ему руку.

— Я поздно узналъ о вашемъ арестѣ, г. Корнюберъ.

— Пустяки. Моя мать безпокоится?

— Да, г. Корнюберъ.

— Скажите ей, что она неправа. Несмотря на то, какъ эти люди хорохорятся, я увѣренъ, что я ничѣмъ не рискую. Дайте пройти бурѣ.

— Хорошо, г. Корнюберъ. Но для того, чтобы эта буря не надѣлала бѣдъ въ нашемъ краю, я пришелъ сообщить вамъ о средствѣ, которое уладитъ дѣло.

— Какое же это средство?

— Я прошу васъ о моемъ увольненіи.

— Ваше увольненіе? Я не согласенъ уволить васъ.

Оскорбленный въ своемъ достоинствѣ, Корнюберъ горячо отказывался отъ великодушнаго предложенія своего управляющаго. Среди крестьянъ послышался ропотъ изумленія и досады. Рабіоль подскочилъ отъ восторга на своемъ креслѣ.

— Прекрасно, Азэма̀. Превосходно! Да, да, г. Корнюберъ! Вы должны принять его предложеніе.

— Нѣтъ и нѣтъ! Прежде всего, г. мэръ, это—мое частное дѣло, не касающееся васъ.

— Частное дѣло? Вы шутите? Рѣчь идетъ о благоденствіи моей общины.

Мэръ стучалъ по столу, волновался. Корнюберъ, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, обернулся къ своему управляющему, все еще утиравшемуся платкомъ, и проговорилъ безапелляціоннымъ тономъ:

— Если вы уйдете отъ меня, Азэма̀, люди рѣшатъ, что вы испугались и что вы отступаетесь отъ моего дѣла.

— Какъ это можно!

— Вотъ, вы жертвуете собою изъ преданности ко мнѣ, но это не помѣшаетъ клеветникамъ ложно истолковать ваши побужденія. Ради моихъ правъ, ради чести насъ обоихъ, необходимо, чтобы вы оставались въ Турбѣ.

Азэма̀ не сразу могъ отвѣтить. Среди крестьянъ снова поднялся ропотъ противъ его господина, который, выпрямившись во весь ростъ, пристально смотрѣлъ на нихъ.

— Повинуюсь вашему рѣшенію, г. Корнюберъ,—проговорилъ, наконецъ, Азэма̀.

— Да, вернитесь въ Турбъ, успокойте мою мать. Мнѣ никого здѣсь не нужно.

Хозяинъ по-товарищески протянулъ ему руку, и Азэма̀ медленно вышелъ, покашливая и тяжело переводя духъ, сопровождаемый презрительнымъ взглядомъ Красной-Головы.

Около трехъ часовъ Красная-Голова, всѣмъ распоряжавшійся и авторитетъ котораго все возрасталъ, спровадилъ журналиста изъ Монпелье, присланнаго радикальною газетою, собиравшейся прославить жителей Незиньяна, „подававшихъ цѣлому міру примѣръ гражданской доблести“. Онъ расхаживалъ по деревнѣ, успокаивая экзальтированныхъ, подбадривая нерѣшительныхъ, но въ то же время онъ съ тревогою, не ускользнувшею отъ товарищей, поджидалъ прибытія войскъ. И дѣйствительно, въ четвертомъ часу онъ своимъ острымъ взглядомъ замѣтилъ вдалекѣ въ облакѣ пыли большое красноватое пятно, отливавшее мѣдью.

— Это солдаты!—проворчалъ онъ.

— Конечно, солдаты,—отвѣтили товарищи;—скоро они подоспѣли.

— Не дадимъ застать себя врасплохъ.

Красная-Голова велѣлъ трубить сборъ и затѣмъ объявилъ собравшимся:

— Друзья мои, нечего искать столкновенія съ войсками. Будьте благоразумны: обманемъ ихъ еще разъ. Пусть уведутъ солдатъ. Они освободятъ Корнюбера, и пускай онъ убирается ко всѣмъ чертямъ!

Всѣ повиновались безпрекословно. Одна Жермена хотѣла остаться на площади, но отецъ, взявъ ее за руку, насильно потащилъ ее домой, какъ дѣлалъ это, когда она капризничала въ *школѣ*.

Солдаты, прибывшіе подъ начальствомъ капитана, очень удивились, найдя въ Незиньянѣ идиллическое спокойствіе. Судья предупредилъ префекта о возбужденіи забастовщиковъ; онъ сообщилъ ему о странномъ арестѣ Корнюбера и подчиненномъ положеніи мэра, сохранявшаго слабую тѣнь власти.

Помощникъ префекта, возмущенный поведеніемъ тревожившихъ его покой дикарей, рѣшился, наконецъ, отправить войска и посовѣтовалъ судьѣ снова попытаться вмѣстѣ съ мэромъ урезонить крестьянъ: вѣдь ничего не стоитъ кое-что пообѣщать имъ.

Мало-по-малу крестьяне стали съ невиннымъ видомъ появляться на улицѣ. Ихъ забавляло присутствіе солдатъ, которые, расположившись лагеремъ у ограды клуба, собирались варить себѣ супъ. Женщины угощали ихъ виномъ, мужчины дѣлились съ ними послѣднимъ запасомъ табаку.

Капитанъ не довѣрялъ этому кажущемуся добродушію. Его порученіе было дипломатическаго характера, и онъ боялся, что со своимъ прямымъ, чисто солдатскимъ нравомъ онъ сдѣлаетъ какую-нибудь неосторожность, вызоветъ вспышку. Прогуливаясь взадъ и впередъ, онъ тревожно наблюдалъ за Красной-Головою и Расшибалою, устанавливавшими вдоль ручья рядъ телѣжекъ въ видѣ баррикадъ.

Наконецъ, пріѣхалъ въ своей коляскѣ судья. Онъ освѣдомился у капитана:

— Вы здѣсь давно?

— Да, г. судья. Скажу откровенно, что я нахожусь въ затруднительномъ положеніи. Что мнѣ дѣлать?

— Вамъ это скажетъ г. мэръ.

— Я не могу его увидѣть. Онъ вернулся къ себѣ домой и болѣе не показывается.

— Ѣду къ нему. Мы обдумаемъ, какъ быть, и сообщимъ вамъ дальнѣйшія распоряженія. До свиданія.

И судья скрылся изъ виду. Капитанъ, подъ своимъ наружно-беззаботнымъ видомъ, начиналъ ощущать живѣйшую тревогу.

Число телѣжекъ и повозокъ между тѣмъ увеличивалось. Забастовщики тащили пуки соломы, выкапывали камни изъ мостовой. Въ это время капитанъ замѣтилъ вдали графиню Сюзанну на ея длинной, тощей лошади. Онъ былъ знакомъ съ графинею, съ которою встрѣчался въ обществѣ въ Безьѐ, и понялъ, что она, изъ желанія досадить забастовщикамъ, пріѣхала сюда съ цѣлью афишировать ихъ дружескія отношенія. Конечно, крестьяне не преминутъ перенести на него свою ненависть къ „аристократіи изъ замка".

Графиня, подскакавъ къ офицеру, протянула ему руку.

— Здравствуйте, графъ. Я никогда бы не подумала, что намъ придется встрѣтиться при такихъ обстоятельствахъ.

— Это правда, графиня. Вы здоровы? Какъ поживаетъ г. маркизъ?

— Хорошо, благодарю васъ. Но, увы,—здѣсь царитъ духъ мятежа и безбожія. Неужели это—Франція? Войско низведено до унизительной полицейской роли. Вамъ противна эта полицейская миссія, не правда ли?

— Графиня, прошу васъ, не волнуйтесь. Я получилъ строгія предписанія.

— Относящіяся не къ порядочнымъ людямъ, конечно, но къ разному сброду,—да?

При этомъ оскорбленіи забастовщики отдѣлились отъ солдатъ и стали подходить къ ней со сжатыми кулаками, но она повторила:

— Чернь, сбродъ, который слѣдуетъ выдрать!

Красная-Голова съ товарищами собиралъ камни, готовясь къ бою подъ прикрытіемъ телѣжекъ; солдаты не безъ тревоги поглядывали на своего капитана и на эту молодую даму верхомъ на тощемъ конѣ, казавшуюся имъ героинею романа.

— Проучите хорошенько этотъ сбродъ, если онъ только пошевельнется.

— Графиня, молчите, умоляю васъ.

— Полноте! Чего тутъ бояться?

— Но мнѣ дали приказанія. Я долженъ возстановлять порядокъ, а не вызывать гражданскую войну.

— Хорошо, хорошо. Такъ какъ всѣ всего боятся—до свиданія.

Она сдѣлала прощальный жестъ рукою и поскакала. Женщины показывали ей кулаки, Расшибало бросилъ ей камень въ догонку; капитанъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ, чѣмъ вызвалъ признательность забастовщиковъ.

Къ несчастью, судья и мэръ выбрали эту минуту для того, чтобы поговорить съ народомъ. Красная-Голова поспѣшно отдалъ приказанія. Дѣти притащили картофелю, остатки кочней капусты—метательные снаряды достаточной силы противъ буржуа. Судья, стоя рядомъ съ мэромъ, который опоясывался трехцвѣтнымъ шарфомъ, уже началъ рѣчь:

— Видите, граждане, до какихъ крайностей вы доводите правительство! Власти были принуждены выслать противъ васъ отрядъ, и пришлютъ еще новыя войска, если вы станете упорствовать въ возмущеніи. Вы только потеряете отъ этого. Разойдитесь по домамъ!

— Не согласны!—крикнулъ Красная-Голова.

— На что же вы надѣетесь?

— Уведите сначала солдатъ, мы поговоримъ потомъ.

— Это невозможно. Сила должна быть на сторонѣ закона.

Забастовщики, которымъ надоѣла рѣчь судьи, прервали его страшнымъ гвалтомъ; мэра, желавшаго въ свою очередь выразить имъ неодобреніе, они освистали; женщины принялись швырять въ него мелкіе камешки. Одинъ изъ такихъ камешковъ попалъ въ переносье судьѣ. Солдаты только посмѣивались при видѣ этихъ семейныхъ счетовъ.

Тогда забастовщики, взбѣшенные тѣмъ, что на ихъ демонстраціи не обращаютъ вниманія, кинулись по дорогѣ въ Вальрозъ—уничтожать виноградники. Приведенный въ отчаяніе, мэръ обратился къ капитану съ просьбою о защитѣ.

Было четыре часа. Отъ оплодотворенной, раскаляемой солнцемъ земли исходило огненное дыханіе. Грозовой вѣтеръ съ силою проносился по дорогамъ, кустамъ и садамъ, сбивая съ деревьевъ алый и розовый цвѣтъ. Синее небо въ своемъ великолѣпіи тяжело нависло надъ землею и надъ горами, принявшими оттѣнокъ яркой мѣди.

Въ этотъ душный, раздражающій весенній вечеръ забастовщики метались изъ стороны въ сторону, обезумѣвшіе отъ гнѣвныхъ, мстительныхъ, братоубійственныхъ мыслей. Въ Незиньянѣ и Вальрозѣ они топтали корни, вырывали сильными руками молодые побѣги, а черезчуръ малочисленные солдаты понапрасну гонялись за ними.

Увлеченная народною волной, Жермена послѣдовала за парнями и дѣвушками. И у нея поднималась ненависть противъ эгоистическихъ буржуа. Отчасти она опасалась и за себя. Крестьяне не любятъ шутить честью дочерей, но любовь считается у нихъ грѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если она отдана богачу.

Расшибало, взволнованный весенними дуновеніями, слѣдовалъ за нею по пятамъ, нашептывая ей угрозы и мольбы. Онъ подхватилъ ее одною рукою, приподнялъ, какъ снопъ соломы, и, гордясь своею богатырскою силою, потащилъ ее за собою по знакомымъ тропинкамъ. Рядомъ съ ними бѣжали другіе парни и дѣвушки, уносимые тѣмъ же вихремъ любви и возмущенія.

По дорогѣ въ Майреналь виднѣлись, подобно цвѣтамъ мака, красные панталоны солдатъ, преслѣдовавшихъ забастовщиковъ; капитанъ верхомъ на сѣромъ конѣ держалъ обнаженную шпагу со всѣмъ достоинствомъ своихъ средневѣковыхъ предковъ, когда тѣ преслѣдовали чернь.

Неподалеку отъ рѣки вспыхнуло за деревнею зарево, и вспугнутыя птицы закружились съ криками. Забастовщики зажгли изгороди и заборы виноградниковъ. Жители сосѣднихъ мѣстечекъ, сначала пораженные происходящимъ, сами присоединились къ дѣлу мести. Крикъ: „Да здравствуетъ революція!“ —пронесся всюду.

Люди забывали законы труда, цѣну даровъ, производимыхъ землею послѣ столькихъ лѣтъ труда. Опьяненные своею властью, они шумно смѣялись, между тѣмъ какъ дымъ отъ пожарищъ поднимался высоко къ небу, застилая солнце. Золотистый и пурпуровый огонь разстилался длиннымъ волнующимся знаменемъ по окрестностямъ.

Но въ главномъ городѣ уже поднялась тревога. Люди хватались за вилы, чтобы защитить свое добро; женщины со слезами умоляли незиньянцевъ пощадить ихъ сады и виноградники. Богачи, подобно волкамъ, загнаннымъ дымомъ изъ логовищъ, показались изъ своихъ домовъ и усадьбъ. Блѣдные какъ смерть, они побѣжали на деревню, гдѣ оставалось нѣсколько стариковъ, отвѣчавшихъ на ихъ жалобы:

— Вы довели до отчаянія нашихъ сыновей и дочерей. Намъ нечего было ѣсть.

— Но, уничтожая насажденія, они губятъ общее достояніе.

— Съ помощью труда все поправится, если вы будете благоразумны.

— И некому насъ защитить! Капитанъ—аристократъ по происхожденію, и потому онъ пошелъ съ отрядомъ на защиту замка.

Корнюберъ, стоя на террасѣ, сумрачно упивался зрѣлищемъ

своего несчастія, но изъ гордости не желалъ просить войска о защитѣ. Солдаты направлялись къ дорогѣ, туша тамъ и здѣсь пожары, когда за усадьбою раздались крики и проклятія по ихъ адресу.

Это парни со своими подружками обнимались на свободѣ, радуясь тому, что и дочь Красной-Головы съ ними. Они, смѣясь, окликали ее:

— Жермена! Ау! Гдѣ ты?

Она почти не слышала ихъ. Она дрожала, идя рука объ руку съ Расшибалою.

— Ты сердишься на меня, Жермена?

— Нѣтъ. Еслибы я не захотѣла, я не пошла бы съ тобою.

— Почему же ты только сегодня терпишь меня возлѣ себя?

Присѣвъ на камень, она исподтишка съ колебаніемъ поглядывала на него. Она была взволнована, какъ окружающая ее природа, возбуждена противъ Корнюбера: никогда онъ не искалъ съ нею встрѣчи. Несмотря на свои разочарованія, она упорно мечтала о немъ, защищала его отъ нападокъ другихъ людей, и все же тоска и отчаяніе порою охватывали ее при мысли объ этихъ мечтахъ.

Расшибало окружалъ ее, наоборотъ, своимъ терпѣливымъ обожаніемъ. Ради нея онъ готовъ былъ на борьбу, на смерть. Обреченная труду, воспитанная по-крестьянски, какъ и онъ, она чувствовала одинаково съ нимъ, она понимала его взгляды, его молчаніе, и душа его была для нея открыта. Но все же Расшибало не нравился ей своими толстыми рабочими лапами, которыми онъ могъ бы придушить ее, своимъ запахомъ хищнаго звѣря.

Онъ тихо опустился на траву рядомъ съ нею.

— Я тебя люблю и боюсь, что ты меня прогонишь...

— Ты правъ. Уходи.

— Ого! Да ты злая.

— А ты забываешь о стачкѣ?

— Нѣтъ. Стачка, вся жизнь—это ты. Ты—моя родина. Я хочу, чтобы ты была сильна и красива; тогда для меня засіяетъ солнце. Ты теперь съ нами?

— Да.

— Ты измѣняла намъ, быть можетъ?

— Нѣтъ, я никогда не презирала своихъ, даже—тебя, хотя твое приставаніе меня раздражало.

— Ты боишься?

— И не думаю.

Въ дѣйствительности, она начинала тревожиться; ее пугало это уединеніе, темныя деревья, укрывавшія ихъ своею тѣнью. Онъ обнялъ ее за талію и старался коснуться губами ея щекъ. Она слегка оттолкнула его.

— Ты полюбишь меня современемъ, Жермена?

— Насъ уже соединяетъ чувство ненависти. Я чувствую, что начинаю, какъ ты, какъ мой отецъ, ненавидѣть господъ, завладѣвшихъ нашими землями, домами, душами — ради своего наслажденія и нашего униженія. Я не боюсь. Ты слышишь? Изъ долины доносятся крики. Тамъ дерутся... Идемъ.

Волненіе Жермены, высказываемыя ею мысли, ея движенія — все это сбивало съ толку Расшибалу. Увѣренный въ томъ, что современемъ ее завоюетъ, онъ послушно послѣдовалъ за нею туда, откуда слышались крики товарищей.

Солдаты, жандармы, прибывшіе изъ главнаго города, уже очистили поля. Они гнали теперь къ Незиньяну послѣднія, охваченныя паникою, толпы забастовщиковъ. Мужчины, для того, чтобы скорѣе организовать укрѣпленіе въ деревнѣ, полѣзли вверхъ по каменистымъ тропинкамъ, а женщины плакали, оттого что тяжелыя юбки затрудняли имъ бѣгъ и солдаты настигали ихъ.

Красная-Голова первымъ прибѣжалъ на площадь и тотчасъ же сталъ распоряжаться возведеніемъ на дорогѣ баррикадъ; забастовщики спѣшили повиноваться его приказаніямъ. Запасшись камнями, капустными кочнями, гнилой морковью, они принялись осыпать бранью и глумленіями капитана, ведшаго свои войска на приступъ. Солдаты, обозленные упорнымъ сопротивленіемъ, бѣшено лѣзли впередъ; они пробили брешь въ баррикадѣ и со штыками на перевѣсъ ринулись всею массою на крестьянъ, которые въ безпорядкѣ разбѣжались.

Черезъ четверть часа въ деревнѣ водворилось спокойствіе.

Вдругъ раздался заунывный звонъ набата — отголосокъ народной жалобы... Прибѣжалъ кюрэ, весь въ слезахъ; солдаты не смѣли трогаться съ мѣста, и потому мэръ, судья и священникъ, не безъ нѣкоторой претензіи на героизмъ, поднялись на колокольню.

А тамъ, на уходящей въ небо высотѣ, Жермена съ Расшибалою вздумали съ помощью зловѣщаго гула набата извѣстить братьевъ о пораженіи, призвать ихъ къ единенію во имя общей цѣли. При видѣ обоихъ буржуа и священника, Расшибало задрожалъ отъ гнѣва и пригрозилъ сбросить Рабіоля внизъ, но Жермена успокоила его, и онъ съ покорностью ребенка послѣдовалъ за нею. Пропади стачка! Глазами и сердцемъ онъ видѣлъ лишь одну Жермену!

Домъ Красной-Головы, гдѣ собрались у очага вожди стачки, показался ему раемъ. Солнце закатилось, и только вдоль рѣки еще догорали огоньки пожарищъ.

Деревня успокоилась, но въ домѣ Красной-Головы все гудѣло, какъ въ горнѣ. Хозяинъ, опустивъ голову, грустно заговорилъ:

— Мы побѣждены, друзья мои. Мы должны опасаться преслѣдованія со стороны закона. Но все же нашими манифестаціями мы проявили нашу сознательность и показали другимъ, насколько мы сильны. Наше пораженіе—временное. Важно то, чтобы мы сохранили сознаніе нашихъ правъ и чувство нашего превосходства. Покоримся же еще разъ роковому гнету нашихъ властителей, не скрывая, однако, намѣренія народа сорганизоваться въ могущественный союзъ, рабочую армію, которая выступитъ противъ капиталистовъ, если они станутъ противиться требованіямъ народа.

— Такъ, такъ!—поддержали крестьяне.

— Однако, среди насъ есть немало трусовъ, лицемѣровъ, колеблющихся, — замѣтилъ Желѣзнякъ: — неужели мы должны жертвовать собою и ради нихъ?

— Да!—отвѣтилъ Красная-Голова съ истиннымъ благородствомъ:—они принадлежатъ къ нашей семьѣ; единственный ихъ порокъ—бѣдность. Надо понять и простить. Они боятся.

Всегда скромно молчавшая жена Красной-Головы проговорила робкимъ голосомъ:

— Надо прекратить стачку уже ради того, чтобы мы не сдѣлались ненавистны живущимъ въ другихъ округахъ людямъ, ничего не знающимъ о нашихъ страданіяхъ. Нашей покорностью, требующей болѣе мужества, чѣмъ борьба, мы привлечемъ всеобщее сочувствіе.

— Хорошо сказано, женушка!

Красная-Голова нѣжно обнялъ жену, и Жермена вздрогнула отъ радости и гордости при видѣ взаимнаго довѣрія отца съ матерью. Глаза Расшибалы показались ей лучше прежняго, и она кокетливо увернулась, когда онъ тоже вздумалъ обнять ее за талію и тихонько поцѣловать въ щеку.

XIV.—Затишье.

Деревня спала.

На всей громадной равнинѣ не слышалось ни звука, не

мелькалъ ни одинъ огонекъ. Только рѣка глухо гудѣла. Буря улеглась; отъ садовъ и виноградниковъ поднимался влажный ароматъ—дыханіе животворящей весны. Солдаты спали тутъ же на улицѣ, подъ стѣнами клуба, а жандармы—на площади миссіи. Капитанъ воспользовался гостепріимствомъ Рабіоля, который, побаиваясь собственной смѣлости, чувствовалъ себя польщеннымъ присутствіемъ въ своемъ домѣ аристократа.

Въ серединѣ ночи земля задрожала отъ гула копытъ. Изъ Безье́ несся галопомъ эскадронъ кавалеристовъ. Префектъ, получивъ извѣщеніе о дурномъ поведеніи забастовщиковъ, испугался, чтобы слухи о немъ не проникли въ печать и не поколебали его положенія. Онъ былъ готовъ выслать всѣ войска въ мірѣ для усмиренія бунтовщиковъ.

Кавалеристы, раздосадованные ночною командировкою, внесли съ собою духъ презрѣнія и злобы. При звонѣ аммуниціи, лошади въ стройномъ порядкѣ поднимались въ гору, звонко и нетерпѣливо ударяя о землю копытами; вся деревня содрогнулась отъ этого возраставшаго гула. Крестьяне испуганно просыпались. Рано поутру они осторожно стали заглядывать другъ къ другу для совѣщанія. Кое-кто изъ бѣдняковъ, съ заступомъ на плечѣ, отправился тропинками въ поля, достаточно пострадавшія за время забастовки.

Сознавая свою отвѣтственность, главари стачки собрались у Красной-Головы, и тотъ безъ хвастовства посовѣтовалъ имъ смотрѣть опасности прямо въ глаза, выказать благоразуміе, терпѣніе, спокойствіе.

Кавалеристы, спѣшившись, разложили огонь и варили себѣ кофе, расположившись противъ почты. Командиръ эскадрона, бывшій старше чиномъ, принялъ на себя командованіе обоими отрядами. Начальникъ пѣхоты вышелъ къ нему навстрѣчу. Они съ небрежнымъ видомъ прогуливались по дорогѣ, чувствуя себя какъ въ завоеванной странѣ.

— При малѣйшей тревогѣ мы сядемъ на коней,—я заберу самыхъ безпокойныхъ и отправлю ихъ въ тюрьму,—заявилъ командиръ.

— Я убѣжденъ, что они не пошевельнутся, они слишкомъ хитры...

Заря занималась надъ долиной, пламенѣя какъ огненный кустъ, когда на дорогѣ показался экипажъ, въ которомъ сидѣли помощникъ префекта и прокуроръ. Они постучались сначала къ Рабіолю, потомъ—къ Пальу, который, уже совсѣмъ одѣтый, побѣжалъ открывать двери въ мэрію.

Мэръ, дѣлавшій видъ, что ничего не понимаетъ въ этой разыгрывавшейся кругомъ бурѣ, неторопливо одѣвался. Наконецъ, онъ предсталъ предъ ясныя очи префекта.

— Вы не сумѣли сдержать вашихъ подчиненныхъ, г. мэръ.

— Это не легко,—забормоталъ Рабіоль:—они не слушаютъ никакихъ резоновъ.

— Я заставлю ихъ слушаться! — прервалъ прокуроръ.— Вамъ извѣстны имена главарей стачки?

— Да... Можетъ быть... Вѣдь они горды, — они не станутъ скрываться.

— Есть нѣкій Красная-Голова; пусть приведутъ его.

— Слушаю,—отвѣтилъ сторожъ.

Онъ сконфуженно вошелъ въ домъ Красной-Головы и не зналъ, съ чего начать? Хозяинъ сидѣлъ съ семьею и товарищами за завтракомъ; понявъ, въ чемъ дѣло, онъ прервалъ сторожа.

— Не тревожься, другъ мой. Твои начальники дѣлаютъ намъ честь—они опасаются возрастающей народной силы. Но мы не боимся. Подожди минутку.

Онъ наполнилъ виномъ стаканы присутствующихъ и предложилъ выпить съ ними и сторожу.

Наверху въ кабинетѣ помощникъ префекта попытался импонировать своимъ высокомѣріемъ крестьянамъ, стоявшимъ у стѣнки. Онъ съ вызывающимъ видомъ обратился къ Красной-Головѣ.

— Вы—зачинщикъ стачки?

— Я, и я этого не отрицаю. Народъ идетъ за мною, чѣмъ я поистинѣ горжусь. Мы ни въ чемъ не обвиняемъ того или другого изъ богачей. Мы осуждаемъ богатство, превращающее землю въ феодальныя владѣнія, на которыхъ мы должны работать на нашихъ господъ или умирать съ голоду, если это имъ заблагоразсудится...

Прокуроръ прервалъ его рѣчь.

— Кто поджегъ изгороди и кусты? Кто попортилъ виноградники?

— Этого вы никогда не узнаете, такъ какъ и мы сами этого не знаемъ.

— Значитъ, все сдѣлалось само собою?

— Да, г. прокуроръ, вы правы. Все сдѣлалось само собою. Кто былъ бы отвѣтственъ за бурю, еслибы она разразилась надъ нашими виноградниками? Мы голодаемъ. Мы хотимъ жить— вотъ и все.

— Хорошо. Покуда я никого не арестую, но будетъ произ-

ведено дознаніе, и зачинщикамъ стачки придется отвѣтить за причиненные ею убытки.

— Ого!—лукаво замѣтилъ Разумникъ:—вы отпускаете насъ, такъ какъ этого требуютъ политическія соображенія. Насъ опасаются.

— Никого не опасаются. Довольно! Вы думаете, что вы здѣсь на площади? Сообщите ваше имя, имущественное положеніе и прочее.

Красная-Голова, а за нимъ и всѣ товорищи отвѣтили на предложенные имъ вопросы, не скрывая ничего. Префектъ съ презрѣніемъ наблюдалъ за этими плохо одѣтыми крестьянами, посмѣявшимися надъ его могуществомъ. Съёжившись на стулѣ, мэръ, прищурившись, глядѣлъ на долину Майреналь, надъ которою всходило солнце, золотившее верхушки тополей.

— Удалитесь!—приказалъ прокуроръ обвиняемымъ.

— Постойте!—воскликнулъ помощникъ префекта.—Вы уйдете не раньше, чѣмъ я заявлю вамъ о необходимости полнѣйшаго благоразумія съ вашей стороны. Я подавлю малѣйшій бунтъ самыми энергическими мѣрами. Ради интересовъ всего и всѣхъ, необходимо, чтобы вы немедля стали на работу.

— А если никто не возьметъ насъ?—буркнулъ Желѣзнякъ.

— Я уже заручился согласіемъ хозяевъ.

— Ага! Урокъ пошелъ имъ на пользу.

И Красная-Голова побѣдоносно удалился, уводя товарищей.

Въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ по наружности, все притихло.

Крестьяне боялись выходить, чтобы не быть занесенными въ списки бунтовщиковъ; владѣльцы, несмотря на охрану, также не рѣшались показываться; всѣ не довѣряли другъ другу. Послѣ полудня Корнюберъ вышелъ первый, и, увидя себя среди солдатъ и забастовщиковъ, не кланявшихся ему,—онъ ощутилъ нѣкоторую неловкость. Въ часъ побѣды онъ упрекнулъ себя за неуступчивость и своею крестьянскою душою невольно почувствовалъ себя ближе къ народу.

Деревня мало-по-малу наполнялась любопытными, явившимися, отъ нечего-дѣлать, изъ окрестностей—поглазѣть на рѣдкое зрѣлище: солдатъ, чистившихъ оружіе. Они пришли также съ тѣмъ, чтобы утѣшить забастовщиковъ; къ вечеру подошли громадныя толпы, собиравшіяся изъ чувства признательности и уваженія у дома Красной-Головы. Подъ предлогомъ проводовъ гостей, незиньянцы вздумали развернуть для мирной демонстраціи всѣ свои силы, и по командѣ Красной-Головы они выстроились

въ полномъ порядкѣ вдоль дороги. По приказу командира, выстроились также и войска.

— Это — конецъ стачки, такъ пусть же будетъ конецъ — всему дѣлу вѣнецъ!—воскликнулъ Красная-Голова.—Развернемъ безъ шума и чванства наши ряды, противъ которыхъ ничто не устоитъ, если мы будемъ мужественны. Покажемъ, что у насъ есть воля и мы радостно умѣемъ выполнять наши рѣшенія.

Затрубили трубы, забили барабаны. Толпа съ горделивымъ чувствомъ въ душѣ двинулась впередъ размѣреннымъ шагомъ. Желѣзнякъ не безъ робости поднялъ красное знамя: не увидятъ ли въ этомъ власти оскорбленіе трехцвѣтнаго національнаго знамени?

Но мэръ и судья со снисходительной улыбкой присутствовали при боевыхъ маневрахъ крестьянъ. Мэръ, по примѣру помощника префекта, пренебрежительно и сострадательно улыбался.

А толпа двигалась по равнинѣ, озаренная послѣдними лучами заходящаго солнца. Ихъ знамя привлекало всѣ взоры; изъ городскихъ предмѣстій народонаселеніе бѣжало къ нимъ навстрѣчу, и бѣдные горожане махали шляпами деревенскимъ бѣднякамъ, побѣжденнымъ въ ихъ мужественной борьбѣ—голодомъ.

На обратномъ пути манифестанты остановились у незиньянскаго кладбища, чтобы поклониться праху Большой-Бобылки, пожертвовавшей жизнью за своихъ братьевъ и сестеръ. При встрѣчѣ со священникомъ, Красная-Голова первый его привѣтствовалъ, и товарищи безъ колебанія послѣдовали его примѣру. Они были не прочь показать военнымъ, что, несмотря на разницу въ убѣжденіяхъ, они умѣютъ уважать людей, дѣлающихъ добро.

Всѣ разошлись по домамъ. На улицѣ остались одни патрули, несшіе свою полицейскую службу.

Среди затишья, воцарившагося въ домахъ и сердцахъ, къ Жерменѣ вернулось сознаніе ея любви. Сегодня, при встрѣчѣ съ нею на дорогѣ, Корнюберъ отвернулся. Она начала трепетать за свою честь, за свои мечты о счастьи и богатствѣ. Неужели она служила игрушкою для богача? Влеченіе къ нему, къ Турбу, гдѣ она родилась, охватило мучительной болью все ея существо.

Вечеромъ, когда стемнѣло, она украдкою ускользнула изъ дому. На площади было тихо, дверь дома полуотворена, такъ что Жермена могла войти. Хозяинъ ужиналъ съ матерью въ сто-

ловой. На шумъ поспѣшныхъ шаговъ Жермены—въ прихожую выбѣжала старая служанка.

— Вамъ кого, дитя мое?

— Я хочу видѣть хозяина.

— Онъ не принимаетъ въ такое время.

— Меня онъ приметъ. Я хочу съ нимъ говорить, я этого требую.

Жермена такъ настаивала, что встревоженный Корнюберъ вышелъ въ прихожую. При видѣ смѣлой дѣвушки онъ вздрогнулъ.

— Вы... здѣсь?

Но въ присутствіи старой служанки Жермена молчала—изъ осторожности или изъ чувства стыда.

Тогда Корнюберъ, отпустивъ служанку, ввелъ Жермену въ свой рабочій кабинетъ и, предвидя сцену ревности, остерегся предложить ей стулъ.

— Что это вы приходите въ такую пору?—проворчалъ онъ:—это безуміе!

— Нѣтъ. Вы должны сказать мнѣ: да или нѣтъ? Могу ли я положиться на васъ?

— На меня? Въ какомъ смыслѣ?

— Несчастная я! Вы не понимаете? Любите ли вы меня попрежнему: да или нѣтъ?

— Чортъ возьми, какъ вы торопитесь!

Онъ взялъ ее за подбородокъ—движеніемъ хозяина, который не прочь пошутить. Она вдругъ задрожала отъ негодованія и рѣзко оттолкнула его руку, чувствуя въ его жестѣ оскорбленіе.

— Вижу, вижу... Вы никогда меня не уважали. Неблагодарный и эгоистичный буржуа, не думаете ли вы, что я буду принадлежать вамъ, какъ животныя на вашей фермѣ? Пусть дочь маркиза васъ облагородитъ: вамъ, дѣйствительно, не мѣшаетъ поучиться благородству, уму, великодушію!

Она осыпала его упреками, сжимала кулаки. Растерявшись въ первую минуту и, быть можетъ, удрученный мыслью о ложныхъ клятвахъ любви, которыми онъ омрачилъ юное сердце Жермены, онъ оттолкнулъ ее.

— Уходите! Уходите отсюда! Вы еще болѣе дерзки, чѣмъ вашъ отецъ. Вы, значитъ, преслѣдовали меня только для того, чтобы я женился на васъ?

— Нѣтъ, потому что я васъ любила... Неблагодарный! Глупецъ!

— Вонъ! Убирайтесь вонъ!

Онъ схватилъ ее за руки и потащилъ по ковру къ двери: это была настоящая мужицкая драка. Ихъ крики, стукъ опро-

кинутой мебели—привлекли мать и служанку, вмѣстѣ прибѣжавшихъ на шумъ. При ихъ появленіи Жермену охватилъ страхъ, потомъ—стыдъ. Опустивъ голову, она шептала угрозы и проклятія, затѣмъ, выбѣжавъ въ прихожую, она однимъ прыжкомъ очутилась на улицѣ, гдѣ дыханіе звѣздной ночи освѣжало ручьи и дорожную пыль.

Въ домѣ водворилось сумрачное спокойствіе. Г-жа Корнюберъ, буржуазная душа которой страшилась вѣстей о несчастіи, могущемъ грозить ея дому, не рѣшалась разспрашивать сына. Но онъ, не желая лгать, прервалъ тяжелое молчаніе, приступивъ къ покаянію.

— Сознаюсь, что я былъ неправъ, внушая несбыточныя надежды дочери Красной-Головы и самъ обольщаясь ими.

— Я предупреждала тебя.

— Будемъ мужественны и станемъ смотрѣть впередъ, вмѣсто того, чтобы оглядываться назадъ. Во всякомъ случаѣ, я не могъ жениться на крестьянкѣ.

— Особенно—на этой, на дочери главаря стачки! Къ чему же тогда быть богатымъ? Но необходимо остерегаться: забастовщики шутить не любятъ.

— Ну, я не трусъ, это всѣ знаютъ. Когда нужно, я умѣю хотѣть, а хотѣть—это главное.

Корнюберъ отправился на собраніе хозяевъ, которое должно было окончательно обсудить въ клубѣ условія принятія на работу крестьянъ. Владѣльцы были уже въ сборѣ, не исключая и маркиза, улыбавшагося себѣ въ бороду. Усѣвшись вокругъ длиннаго стола, они снова устроили подобіе совѣта министровъ, причемъ каждый, конечно, не довѣрялъ сосѣду. Въ концѣ концовъ они согласились на всѣ требованія: земля нуждалась во всѣхъ рабочихъ рукахъ; она не могла дольше ждать.

Хозяева замѣтили, что при каждомъ голосованіи Корнюберъ, воздерживаясь отъ преній, лишь утвердительно кивалъ головою. Но когда рѣчь зашла объ увольненіи Азэма, онъ непреклонно заявилъ:

— Азэма—вѣрный человѣкъ, и я съ нимъ не разстанусь.

Онъ снова погрузился въ молчаніе, преисполненный горечи, между тѣмъ какъ ранѣе онъ весело и самоувѣренно отстаивалъ свои взгляды. Лантиссу осторожно обратился къ нему.

— Вы чѣмъ-то разстроены, Корнюберъ?.. Ужъ не жалѣете ли вы, что стачка окончилась?

— Конечно нѣтъ.

— Такъ радуйтесь съ нами.

Корнюберъ выпрямился; все его громадное тѣло содрогалось отъ презрѣнія, и, смѣривъ товарищей надменнымъ взглядомъ, онъ принялся отчитывать ихъ:

— Слабоумные вы—и ничего болѣе! Вы хвалитесь, что побѣдили грязноногихъ, но ихъ побѣдила бѣдность ихъ. Народъ прорвалъ плотину, и онъ всѣхъ васъ унесетъ въ бурѣ, которую сумѣетъ подготовить.

— Ну, полно! Вы—плохой пророкъ.

— Да развѣ вы не видите, что народъ силенъ вашимъ малодушіемъ? Такъ какъ вы слѣпы и глупы, я долженъ вамъ это сказать. Народъ знаетъ, чего онъ хочетъ. Вы—нѣтъ. Вы даже не умѣете защищаться. Въ немъ одномъ — жизнь, животворная сила труда. Онъ голоденъ, онъ страдаетъ, онъ желаетъ освободиться отъ нищеты. Необходимость жить одаритъ его геніальностью, и онъ съ помощью вашихъ капиталовъ, несмотря на васъ, идя противъ васъ, создастъ новый общественный строй...

— Извините, мы также работаемъ.

— Вы? Нѣтъ, вы смотрите, какъ работаютъ другіе. У васъ нѣтъ подъема, нѣтъ самолюбія, нѣтъ гордости. Вы слабѣете даже отъ жары, и для того, чтобы развлечься отъ скуки пресыщенныхъ буржуа, вамъ необходимы празднества, кутежи съ женщинами, съ виномъ, и въ особенности вамъ нужна игра! Вы завидуете другъ другу, между тѣмъ какъ страданіе сплочиваетъ рабочихъ въ одну семью. Ваши наслѣдники, во избѣжаніе обязанностей и тяготъ, а также потому, что у нихъ атрофировано святое чувство любви—не женятся. Наоборотъ, крестьяне, которые ничего не боятся, такъ какъ имъ нечего терять, населятъ всю землю своимъ потомствомъ и отнимутъ ее у васъ. Они одни будутъ любить землю и владѣть ею.

— Извините пожалуйста... Есть законъ, право собственности.

— Кто будетъ охранять ее, когда вы сами не можете этого сдѣлать? Солдаты, жандармы еще охраняютъ ее покуда. Но что будетъ современемъ? Войско состоитъ изъ сыновъ народа, и впослѣдствіи оно перейдетъ на сторону народа. Видите ли: только сила можетъ отстоять свое право.

— Но что же вы не женитесь, Корнюберъ?

— И женюсь... вотъ увидите, какъ только мнѣ вздумается!

Корнюберъ невольно бросилъ ласковый взглядъ на маркиза, который, словно сконфузившись, опустилъ голову. Корнюберъ отеръ свое красное лицо, поднялся и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, и никто изъ присутствовавшихъ не дерзнулъ остановить его или прервать его раздумье.

На дворѣ слышался глухой ропотъ, напоминавшій шумъ бури. Рабочіе ждали рѣшенія хозяевъ. Они знали, что оно будетъ благопріятнымъ, и довѣріе возрождалось. Люди съ интересомъ наблюдали за чистившими мундиры и оружіе солдатами, которые должны были уйти поутру. Мэръ отворилъ калитку въ свой садъ, почтмейстеръ болталъ съ крестьянскими дѣвушками.

Красная-Голова сидѣлъ у ручья; друзья окружали его. Онъ грустно заговорилъ:

— Народъ черезчуръ забывчивъ. Бьюсь объ закладъ, что еслибы изъ города прислали музыку, наши забастовщики пустились бы, для увеселенія богачей, въ плясъ подъ окнами клуба. Пойметъ ли народъ когда-нибудь свою силу? Проснется ли въ немъ сознаніе?

Слова Красной-Головы замирали въ ночи безъ отвѣта. Жермена, полускрытая телѣгою, пробормотала:

— Народъ не умѣетъ ненавидѣть.

Всѣ удивленно и радостно обернулись къ ней, но она уже исчезла во мракѣ, увлекая за собой Расшибалу.

— Куда мы идемъ?—спрашивалъ онъ.

— Я хочу опомниться послѣ дурного сна.

Они вышли на дорогу, ведшую къ Турбу. Въ усадьбѣ, грозной своимъ богатствомъ, свѣтился огонекъ, подобный звѣздочкѣ въ небесахъ.

— Пойдемъ!—говорила Жермена.—Я лгала себѣ самой. Я—тоже изъ семьи бѣдняковъ. Ты—храбрый человѣкъ, ты вѣришь въ землю. Судьба моя—жить съ тобою.

Она заставила его сѣсть рядомъ съ нею у обрыва и, сжимая его руки, возбужденно шептала среди лихорадочно-тревожной весенней ночи:

— Научи меня любить нашу родную землю ради нея самой, не ради богатства нашихъ владыкъ, чуждыхъ намъ душою... Когда мы женимся, и Господь пошлетъ намъ ребенка, пусть это будетъ дитя ненависти и мщенія...

Расшибало старался успокоить Жермену; онъ ласково помогъ ей встать, и они въ звѣздномъ сумракѣ рука-объ-руку пошли обратно въ деревню, откуда доносился радостный гулъ народной толпы.

Съ франц. О. Ч.

ГЕРГАРДЪ ГАУПТМАНЪ

Литературный очеркъ.

I.

Въ одной изъ своихъ статей, появившихся сперва въ русскомъ переводѣ съ рукописнаго оригинала въ „Вѣстникѣ Европы“ и вошедшихъ впослѣдствіи, вмѣстѣ съ другими критическими очерками, въ изданный авторомъ, въ 1880 г., сборникъ подъ общимъ заглавіемъ: „Le roman expérimental“,—Эмиль Зола предсказалъ близкое завоеваніе театра тѣмъ натурализмомъ, который, начиная съ Бальзака, продолжая Флоберомъ, Гонкурами и самимъ Зола, уже утвердился всевластно въ области романа. Зола, разумѣется, имѣлъ при этомъ въ виду только французскую литературу, зналъ только французскихъ натуралистовъ романа и эволюцію натурализма предвидѣлъ въ французскомъ же театрѣ. Едва-ли даже онъ слыхалъ въ то время о „Союзѣ юношества“ и „Подпорахъ общества“ Ибсена, хотя и появившихся на сценѣ ранѣе 1880 года.

Но, какъ бы то ни было, любопытно, что Зола сознавалъ неминуемость и даже близость нѣкотораго переворота въ драматическомъ творчествѣ, именно—въ направленіи натуралистическомъ. Сознаніе это имъ было выражено въ категорической формѣ. Неизбѣжность натуралистическаго переворота на сценѣ онъ указывалъ уже въ томъ обстоятельствѣ, что въ то время драматическое творчество отставало отъ творчества повѣствовательнаго, которое вдохновилось правдой, натурой, между тѣмъ какъ въ театрѣ продолжала господствовать условность. Такія возраженія тогдашней критики, что-молъ натурализмъ невозможенъ на сценѣ, Зола положительно отвергалъ, утверждая, что еслибы это

было вѣрно, еслибы театръ самой своей природой былъ осужденъ навсегда жить условностью и фикціями, то это являлось бы приговоромъ надъ самымъ значеніемъ театра, заставило бы думать, что современность охладѣетъ къ драматическому творчеству и даже забросить его. „Напротивъ, натуралистическая эволюція должна будетъ еще расшириться, она охватитъ новую область, такъ какъ въ этой именно эволюціи проявляется самый разумъ нашего вѣка... И театръ станетъ натуралистическимъ—или онъ перестанетъ существовать... Какимъ образомъ совершится эволюція, это намъ покажетъ завтрашній день. Я только пытаюсь ее предвидѣть, а для осуществленія ея ожидаю иниціативы генія. Повторяю однако, что театръ нашъ сдѣлается натуралистическимъ—или его не будетъ вовсе“.

Теперь, читая эти строки, тридцать лѣтъ спустя, мы видимъ новый примѣръ, что и самыя чуткія чаянія, даже оправдавшіяся предсказанія, осуществляются на дѣлѣ не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ они разумѣлись высказывавшими ихъ прорицателями. Да и въ драматическомъ творчествѣ произошла эволюція; она уже начиналась въ то время, когда Зола провидѣлъ ея неизбѣжность и ожидалъ только генія для ея осуществленія. Но началась она не на французской сценѣ, а на такой, о которой Зола и не думалъ—на сценѣ норвежской. И притомъ иниціаторомъ ея явился если не геній, то очень крупный талантъ, не совсѣмъ, однако, подходившій, какъ по свойствамъ своимъ, такъ и по намѣреніямъ, къ роли „объективнаго собирателя человѣческихъ документовъ“, какъ представлялъ себѣ Зола писателя-натуралиста, совершенно покорнаго одному только наблюденію и придающаго литературному творчеству характеръ опытнаго, почти научнаго изслѣдованія физіо-психической жизни человѣчества.

Уже и самъ Зола не удержался въ искусственной рамкѣ „опытнаго анализа надъ человѣческими типами, проводимыми сквозь различныя среды“, но являлся въ значительной степени тенденціознымъ, то-есть, апріорнымъ. Иниціаторомъ же переворота въ творчествѣ драматическомъ явился Ибсенъ, писатель, одаренный богатой фантазіею, поэтъ, котораго увлекала гораздо болѣе борьба съ фальшью жизни, освобожденіе личности, изображеніе трагическаго противорѣчія между стремленіемъ духа и не только данными общественными условіями, но самыми предѣлами человѣческихъ силъ, чѣмъ та мнимо-научная экспериментація, какую имѣлъ въ виду Зола. Собственно говоря, и у самого-то Зола „собираніе человѣческихъ документовъ“ ограничи-

лось беллетристической иллюстраціей закона наслѣдственности. У Ибсена эта тема разработана въ „Призракахъ",—съ нею же мы встрѣчаемся и у Гауптмана въ первой его драмѣ: „Восходъ солнца", написанной прямо подъ вліяніемъ Зола. Но вообще нельзя сказать, чтобы въ новомъ драматическомъ творчествѣ тема эта преобладала.

Несомнѣнно, что творчество это преобразовалось на почвѣ натурализма. Драма приблизилась къ натуралистическому роману, какъ предсказывалъ Зола. Она стала обличать не только отдѣльныя черты общественной несправедливости, предразсудки и пороки, но и несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ общепризнанныхъ идеаловъ потребностямъ жизни. Драма и комедія явились въ значительной степени отзвукомъ стремленій къ „общей переоцѣнкѣ цѣнностей". А эта уже прямо революціонная черта сообщила сценѣ характеръ страстный, причемъ обычныя, природныя человѣческія страсти являлись только средствами дѣйствія, а дѣйствительной его цѣлью представлялась перестройка семейныхъ и общественныхъ отношеній въ смыслѣ расширенія свободы личности.

Въ этой эволюціи сценическаго творчества осуществились преимущественно тѣ требованія Зола, которыя относились къ формѣ. Языкъ на сценѣ сталъ проще, приблизился къ языку разговорному. Обязательная прежде нѣкоторая напыщенность въ изъявленіи чувствъ была изгнана, а вмѣсто нея часто стали появляться недоговоренность, опасеніе впасть въ фразу.

Драма и комедія не только приблизились къ натуралистическому роману, по смѣлости захватываемыхъ ими сюжетовъ, а отчасти и по естественности языка, но еще положительно отвоевали у романа то первенство его, на которое указывалъ Зола. Значеніе театра возросло, и романъ занялъ уже въ общественномъ вниманіи второе мѣсто. Сценическая эволюція не только оправдала эти предвидѣнія Зола, но, въ общемъ, пошла гораздо дальше его предвидѣній, настолько дальше, что въ концѣ представила собой даже и яркое противорѣчіе его ожиданіямъ.

Отъ натурализма и въ драмѣ, и въ повѣсти, осталось только то, что въ немъ было пригоднаго для всѣхъ временъ—точность въ наблюденіи и правдивость въ изображеніи жизни. Но въ остальномъ—беллетристическій натурализмъ, какъ отраженіе даннаго философскаго міровоззрѣнія, не могъ сдѣлаться послѣднимъ словомъ литературнаго творчества, какъ и всякая философская система не можетъ быть предѣломъ человѣческаго мышленія, а является только временнымъ этапомъ его историческаго развитія.

Скандинавскіе и германскіе писатели, которые обновили сцену, усвоили себѣ нѣкоторые пріемы натуралистической школы, но первостепенное ихъ значеніе заключалось не въ этомъ, а въ томъ, что они явились глашатаями новаго идейнаго движенія, направленнаго противъ той заурядности и стадности, которыя какъ бы окончательно санкціонировались позитивистскимъ ученіемъ о подчиненіи личности общему благу и объ экономическомъ характерѣ самаго этого блага.

Зола̀ видѣлъ въ романтизмѣ лишь кратковременное уклоненіе отъ школы „правды и научности", которую онъ довольно произвольно производилъ отъ Руссо̀ и Дидро̀, а въ натурализмѣ усматривалъ окончательное возвращеніе литературы къ упомянутымъ лозунгамъ. Между тѣмъ оказалось, что чистый натурализмъ, если его и вести отъ Бальзака и Стендаля, продержался никакъ не дольше, чѣмъ романтизмъ, и во всякомъ случаѣ силою талантовъ далеко не сравнился съ эпохой Байрона, Гёте, Шиллера и Гюго̀. Авторъ „Опытнаго романа" упускалъ изъ вида, что самому романтизму былъ присущъ характеръ протеста противъ обветшалыхъ формъ и стадныхъ предразсудковъ. Чайльдъ-Гарольдъ, Манфредъ, Фаустъ—вмѣщали уже очевидныя черты позднѣйшаго „сверхчеловѣчества". Въ самой основѣ романтизма лежали стремленія къ освобожденію личности, съ признаніемъ исключительныхъ привилегій натуръ геніальныхъ, къ свободѣ порабощенныхъ національностей, также какъ и такъ называемый Weltschmerz, то-есть скорбь надъ трагическимъ противорѣчіемъ между врожденными стремленіями человѣчества къ познанію истины, достиженію счастья и какъ измѣняющимися, такъ и неизмѣнными условіями человѣческаго существованія, что̀ составляетъ суть и новѣйшаго пессимизма.

Романтизмъ представлялся въ сущности возвратной волной эпохи „возрожденія". Ту эпоху Зола̀ совершенно не понялъ, видя въ ней нѣчто вродѣ преддверія къ французскому псевдо-классицизму XVII и XVIII столѣтій, между тѣмъ какъ это было пробужденіе правъ жизни противъ аскетизма и авторитета среднихъ вѣковъ. „Возрожденіе" открыло двери передъ реформаціею, а вмѣстѣ съ послѣдней произвело и огромный переворотъ не только въ литературѣ, но и въ наукѣ, и даже въ политическомъ бытѣ государствъ.

И вотъ, то умственное движеніе, которое послѣдовало за періодомъ литературнаго натурализма, заняло у послѣдняго только извѣстные пріемы наблюденія, воспользовалось произведеннымъ натуралистами расширеніемъ рамокъ представленія, какъ въ ро-

манѣ, такъ и на сценѣ, но по духу своему представилось болѣе близкимъ къ романтизму, чѣмъ къ школѣ опытнаго наблюденія и констатированія явленій повседневнаго status quo.

Въ этомъ новомъ движеніи взяло опять верхъ стремленіе къ свободѣ личности, и наряду съ пессимизмомъ безвыходности человѣческой судьбы проявилось снова лихорадочное исканіе идеаловъ, которыхъ у натурализма, въ сущности, вовсе не было. Идея привилегированности высшихъ натуръ, „умственной знатности", проявившаяся у Ибсена и Ницше, переоцѣнка цѣнностей и „революціонированіе духа", обнаруженіе фальши въ установившихся человѣческихъ отношеніяхъ и даже добродѣтеляхъ, необходимость пересозданія общественнаго и семейнаго быта, протестъ противъ деспотизма большинства, то-есть толпы, все это— черты революціонныя, которыя болѣе сродны романтизму и даже „возрожденію", чѣмъ мертвенной прозекторіи отжившаго натурализма.

Процвѣла вновь и поэзія. Характерно уже то, что иниціаторы новаго литературнаго направленія всѣ были болѣе или менѣе поэтами. Движеніе это представило собой новую пору увлеченія, смѣнившую предшествовавшій ей періодъ буржуазно-позитивистской трезвости. Тому періоду предшествовалъ порывъ романтизма, смѣнившаго педантическую формалистику псевдо-классицизма. А самое созрѣваніе новѣйшихъ литературъ вышло изъ бурной эпохи „возрожденія", которое потеряло старинные своды средневѣковой умственной неволи.

Каждый изъ этихъ періодовъ почиталъ себя, въ свою очередь, окончательнымъ, но въ дѣйствительности былъ только переходной ступенью. И не можетъ быть сомнѣнія, что современная стадія пессимистическаго неоромантизма также придетъ къ концу, уступитъ мѣсто новому напряженію мысли положительной, созидательной, какъ того требуетъ неизмѣнный законъ поочередной смѣны порыва отрезвленіемъ.

Неизбѣжность будущаго и, по всей вѣроятности, недалекаго новаго поворота въ литературѣ указывается уже тѣмъ фактомъ, что въ жизни политической и соціальной пріобрѣтаютъ все большее значеніе стремленія народныхъ массъ, по которымъ современные литературные идеалы скользятъ почти безслѣдно. Возрастаніе заработковъ въ городахъ и вѣроятное въ скоромъ времени сокращеніе рабочаго дня сдѣлаютъ театръ доступнымъ для новыхъ контингентовъ зрителей, а подъемъ образованія въ массѣ городского населенія несомнѣнно долженъ будетъ отвлечь интеллигентныхъ рабочихъ отъ спеціальныхъ, такъ называемыхъ „на-

родныхъ театровъ" и включитъ ихъ въ составъ той публики, съ которой драматическіе писатели должны считаться.

II.

Обратимся теперь къ одному изъ виднѣйшихъ представителей той эволюціи въ драматическомъ творчествѣ, которую мы должны еще считать современною, хотя она началась тому уже болѣе тридцати лѣтъ. Напомнимъ, что „Комедія любви", которую недавно вновь ставили въ Петербургѣ, была играна въ первый разъ еще въ 1863 году, а „Союзъ юношества" относится къ 1869 году. Самъ Ибсенъ не вѣрилъ въ долговѣчность идеаловъ и устами своего доктора Штокмана высказалъ такое положеніе, что „нормально сложившаяся истина живетъ обыкновенно пятнадцать, самое большее—двадцать лѣтъ, рѣдко дольше". Но и такія „престарѣлыя" истины, признаваемыя большинствомъ, онъ объявлялъ уже отживающими, обратившимися въ ложь. А вѣдь послѣдняя эволюція, болѣе чѣмъ всѣ предшествовавшія ей, считала себя приближеніемъ къ „истинѣ". Но если считать по годамъ, то эта сценическая истина должна бы быть признана немного менѣе престарѣлой, чѣмъ самый тотъ натурализмъ, изъ котораго она первоначально вышла, но черезъ который она затѣмъ отчасти перешагнула въ область фантазіи и символики.

Гергардъ Гауптманъ выступилъ на сценѣ незадолго передъ тѣмъ, какъ Ибсенъ пересталъ писать для нея. Гауптману теперь всего сорокъ-четыре года, такъ что ему, по всей вѣроятности, предстоитъ еще продолжительная дѣятельность, а написано имъ уже пятнадцать пьесъ. Съ каждымъ годомъ является новое его произведеніе, а въ иномъ году и два. Такъ, къ минувшему году относится пьеса „Und Pippa tanzt", названная имъ „сказкой со стекляннаго завода", а въ сентябрѣ имъ уже окончено новое произведеніе. Во всякомъ случаѣ, значеніе Гауптмана въ современной эволюціи уже опредѣлилось вполнѣ, а ожидать отъ него раскрытія какого-либо новаго пути не имѣется основанія. Но для того именно, чтобы обозначить значеніе этого писателя, представлялось необходимымъ бросить взглядъ на характеръ самой эволюціи. Только послѣ этого мы можемъ обратиться къ сопоставленію его съ Ибсеномъ и затѣмъ уже ближе прослѣдить, по отдѣльнымъ произведеніямъ, личныя черты творчества наиболѣе популярнаго изъ новѣйшихъ германскихъ драматурговъ.

Какъ уже было замѣчено выше, первая пьеса Гауптмана,

поставленная на сценѣ въ 1889 году, была написана подъ прямымъ вліяніемъ натурализма, какъ его понималъ Зола. Незадолго передъ тѣмъ Гауптманъ провелъ нѣкоторое время въ кружкѣ молодыхъ нѣмецкихъ литераторовъ, исповѣдывавшихъ именно принципъ обновленія повѣсти и театра въ смыслѣ точнаго наблюденія жизни въ мелкой средѣ, съ точки зрѣнія „научной", то есть, скорѣе въ видѣ провѣрки выводовъ уголовной статистики. Воспроизведеніе же наблюдаемыхъ фактовъ должно было совершаться съ неумолимымъ реализмомъ, что, уже само по себѣ, раздвинуло бы установленныя до того времени рамки.

Это направленіе прежде всего сказалось у Гауптмана въ повѣсти „Стрѣлочникъ Тиль" (Bahnwärter Thiel). Здѣсь, описывая почти затворническую жизнь мелкаго и темнаго человѣка, авторъ ввелъ въ нее страшную трагедію—убійство мужемъ жены и ребенка, вслѣдъ за потерею другого ребенка по винѣ жены. Здѣсь и сфера точнаго наблюденія выбрана самая простая и ограниченная, и описаній много, а разговоровъ почти нѣтъ, и картина убійства представлена достаточно реалистически. Здѣсь выведенъ простой человѣкъ, который уже десять лѣтъ сидитъ въ той же будкѣ и механически повторяетъ ежедневно одни и тѣ же несложныя дѣйствія, но тоскуетъ по первой умершей женѣ, съ которой его соединяла „любовь болѣе одухотворенная", и будка, въ которой онъ сторожитъ поѣзда, превращается для него какъ бы „въ капеллу", гдѣ онъ чтилъ память покойной, читалъ библію и хоральную книгу, держа передъ собой поблекшую фотографію той жены и прислушиваясь къ таинственнымъ звукамъ телефонной проволоки, которые говорили ему о той же женѣ. Это свое убѣжище онъ считалъ священнымъ и прибѣгалъ къ разнымъ хитростямъ, чтобы не допускать туда свою вторую жену, съ которой онъ сошелся только по страсти половой.

Тутъ изъ-за натурализма уже проглядывало нѣчто иное. Впослѣдствіи это „иное" проявлялось у Гауптмана все сильнѣе, охватывая автора, независимо отъ задачъ, которыя онъ самъ себѣ ставилъ. И именно это-то иное, личное, и опредѣлило особенное значеніе Гауптмана среди плеяды писателей, въ которыхъ недавняя эволюція нашла свое выраженіе.

Гауптманъ по природѣ своей — поэтъ, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ Ибсенъ. Правда, и Ибсенъ увлекался фантазіею, которая порою проявлялась даже слишкомъ необдуманно. Но фантазія уносила норвежскаго писателя только въ міръ мрачной необычайности. Въ этой фантазіи была сила, но ей недоставало

того богатства красокъ, той мягкости чувства и задушевности, которыми плѣняетъ Гауптманъ.

Вотъ почему наиболѣе замѣчательными представляются тѣ драматическія произведенія Ибсена, въ которыхъ фантазія или отсутствуетъ, или сдерживается строгою рукой наблюдателя, обличителя, революціонера. У Гауптмана же—совсѣмъ наоборотъ—самыя сильныя, художественныя и производящія наибольшее впечатлѣніе—это тѣ картины, въ которыхъ онъ предоставилъ полную свободу своей поэтической природѣ.

Такимъ образомъ, въ принятомъ имъ на себя призваніи анатома семейныхъ и общественныхъ отношеній Гауптманъ является въ прямой зависимости отъ Ибсена. Но какъ поэтъ, какъ художникъ символическихъ картинъ, онъ не только совершенно самостоятеленъ, но и стоитъ значительно выше Ибсена. И несмотря на нѣсколько выдающихся произведеній Гауптмана, которыя имѣютъ характеръ преимущественно аналитическій и могли бы принадлежать и Ибсену, и Зудерману, позволительно догадываться, что еслибы онъ не ставилъ себѣ никакихъ публицистическихъ задачъ, а просто слѣдовалъ бы своему поэтическому влеченію, то онъ, быть можетъ, занялъ бы въ литературѣ мѣсто еще болѣе значительное, чѣмъ то, которое принадлежитъ ему уже и теперь. Какъ самонадѣянны ни были претензіи натурализма, какъ ни носился Зола̀ съ идеей научнаго, опытнаго романа, навязывая и драмѣ „опытную“ задачу—собиранія человѣческихъ документовъ,—но поэзія не умерла. И однимъ изъ яркихъ тому доказательствъ служитъ тотъ фактъ, что, собственно съ точки зрѣнія искусства, критика во всѣхъ странахъ не можетъ не признавать прелести такого произведенія, какъ „Ганнеле“, а въ Германіи нашлись и такіе критики, которые ставили „Потонувшій колоколъ“ наряду съ Гётевскимъ „Фаустомъ“. Такова еще и надъ современнымъ человѣчествомъ сила поэзіи, лѣтъ тому тридцать считавшейся уже едва-ли не пережиткомъ умственнаго ребячества, забавлявшагося сказкой.

И если Гауптманъ не предался совершенно поэзіи, сбросивъ съ себя то призваніе, которое, по его мнѣнію и по примѣру другихъ, налагалось на него даннымъ литературнымъ направленіемъ, то это вина самого характера этого человѣка, нецѣльности натуры, которая постоянно искала разныхъ путей и колебалась въ выборѣ того или другого. Онъ учился въ реальной школѣ, курса которой не кончилъ; потомъ учился практически сельскому хозяйству, но хозяиномъ не сдѣлался; занимался скульптурой, имѣлъ даже мастерскую въ Римѣ, между тѣмъ какъ

его уже издавна влекло къ поэзіи. Онъ долго колебался между этими двумя „музами". Всю эту внутреннюю борьбу онъ описалъ въ стихотвореніи, относящемся къ 1884 году, когда онъ поступилъ въ дрезденскую академію искусствъ и работалъ въ рисовальномъ классѣ:

Sie nahen ihm, sie nehmen ihn gefangen.
Die spricht: „Durch mich!" Die spricht: „Durch mich sei gross!" [1])

Выходитъ, какъ будто музы поочередно плѣняли своего непостояннаго поклонника не столько характеромъ своей красоты, сколько обѣщаніемъ блестящей карьеры. Но колебанія эти все-таки тягостно отзывались на его душѣ; онъ говоритъ о нестерпимомъ мученіи этой тяжкой борьбы и проситъ ту или другую изъ этихъ музъ, внушавшихъ ему уже страхъ, удержать его напослѣдокъ и окончательно при себѣ:

„Er bittet jede seiner Schreckgestalten,
Ihn endlich, endlich einmal festzuhalten".

Курса академіи Гауптманъ также не кончилъ, какъ не кончилъ прежде и курса школы искусствъ въ Бреславлѣ, но, благодаря покровительству полюбившаго его профессора, получилъ свидѣтельство академическаго ученика, давшее ему право на отбытіе одногодичной воинской повинности. Уже близкая будущность показала, что онъ былъ правъ, отдавъ, наконецъ, предпочтеніе поэзіи. Но и по самому характеру Гауптмана едва-ли онъ могъ выдержать продолжительное ученье, необходимое, чтобы вполнѣ овладѣть техникой пластическаго искусства.

Стихомъ же онъ замѣчательно владѣлъ уже и въ то время. По ходатайству другого профессора, ему было разрѣшено, какъ посѣщавшему курсы искусства, матрикулироваться въ іенскомъ университетѣ. Тамъ онъ слушалъ только нѣкоторые, интересовавшіе его, но совсѣмъ разнородные предметы, какъ зоологію и эпоху французской революціи, курсъ о раскопкахъ въ Помпеѣ и лекціи о Гёте. Потомъ Гауптманъ отправился изъ Гамбурга на каботажномъ пароходѣ по Атлантическому океану въ Средиземное море, посѣтилъ Испанію и Италію, проведя большую часть времени въ Миланѣ и на Капри.

Изъ іенскаго университета Гауптманъ вынесъ главнымъ образомъ посвященіе въ то умственное движеніе, которое преобладало въ началѣ 80-хъ годовъ, и этимъ былъ обязанъ болѣе

[1]) Муза скульптуры и муза поэзіи „подходятъ къ нему и плѣняютъ его. И та, и другая говорятъ: мною стань великъ!"

кружку товарищей и нѣкоторымъ знакомымъ, чѣмъ систематическому научному труду. Онъ все еще оставался искателемъ истиннаго своего призванія, и одно время думалъ поступить на сцену. Въ 1885 г., пріѣхавъ въ Берлинъ, онъ сталъ изучать сценическое искусство подъ руководствомъ бывшаго директора страсбургскаго театра. Этимъ новымъ призваніемъ онъ увлекся такъ серьезно, что даже подвергся небольшой операціи, которая оказывалась необходимой для приданія голосу чистоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гауптманъ и въ Берлинѣ посѣщалъ еще университетъ, но въ томъ же году женился и уѣхалъ въ Швейцарію. Затѣмъ, живя два года въ Цюрихѣ, онъ обратился къ новой отрасли знанія, а именно слушалъ въ тамошнемъ университетѣ курсы медицинскій и психіатрическій. Возвратясь въ Берлинъ, Гауптманъ поселился въ дачной мѣстности Берлина и прожилъ тамъ четыре года. Онъ познакомился съ берлинскимъ литературнымъ міромъ и уже окончательно отдался „музѣ" поэзіи. Но, между прочимъ, въ это время онъ занялся исторіею религіозныхъ вѣрованій и собирался даже писать жизнеописаніе Іисуса.

III.

Уже изъ самаго этого перечня столь многоразличныхъ цѣлей, которыми увлекался Гауптманъ, прежде чѣмъ обратился къ настоящему своему призванію,—а именно, къ драматическому творчеству,—ясно, что онъ не могъ быть, подобно Ибсену, самостоятельнымъ и цѣльнымъ пропагандистомъ „революціи духа" и вообще какого-либо опредѣленнаго міровоззрѣнія. Многократные его переходы отъ одной области знанія или искусства къ другимъ обнаруживали не столько исканіе истины съ готовностью усвоить ее упорнымъ трудомъ и проводить послѣдовательно, сколько жажду пытливой души къ разнообразнымъ впечатлѣніямъ, увлеченіе всѣмъ тѣмъ, что его поочередно заинтересовывало и ему нравилось въ смыслѣ скорѣе эстетическомъ, чѣмъ философскомъ.

Такъ, и обратившись уже окончательно къ драматическому творчеству, Гауптманъ сохранилъ въ себѣ раздвоенность. Онъ является то натуралистомъ съ примѣсью поэтической фантазіи, то совершеннымъ идеалистомъ по духу, съ добавкою нѣсколько реалистическихъ пріемовъ, какъ бы съ цѣлью придать фантазіи еще и реальное, поучительное значеніе. Надо признать, что у него есть такія прекрасныя произведенія, въ которыхъ реализмъ положительно преобладаетъ, но, несомнѣнно, выше тѣ, въ кото-

рыхъ авторъ даетъ полную волю своей поэтической натурѣ и реалистическимъ пріемамъ отводитъ уже только подчиненную роль, какъ бы въ видѣ уступки „требованіямъ времени“.

Иные нѣмецкіе критики объясняли эту „разбросанность“ Гауптмана въ поискахъ за призваніемъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ съ дѣтства былъ обезпеченъ въ средствахъ жизни и не былъ принужденъ избирать себѣ профессію. Но на опредѣленной профессіи,—а именно, на литературно-драматической—Гауптманъ все-таки остановился въ молодые еще годы. Ему было двадцать-семь лѣтъ, когда появилась въ печати первая его драма—„Передъ восходомъ солнца“, и затѣмъ онъ уже работалъ въ этой области постоянно и дѣятельно, хотя не имѣлъ въ томъ матеріальной необходимости. Что, несмотря на свою обезпеченность, онъ постоянно рвался къ разнымъ видамъ творчества—въ этомъ, несомнѣнно, проявлялась его художественная натура. И въ этомъ-то именно преобладаніи въ природномъ складѣ ума Гауптмана артистичности и представляется, какъ уже замѣчено выше, его особое значеніе, творческая индивидуальность этого поэта среди подвижниковъ той эволюціи, которую можно назвать именемъ Ибсена.

Гергардъ Гауптманъ родился въ 1862 г. въ Зальцбруннѣ, въ прусской Силезіи. Отецъ его былъ тамъ содержателемъ гостинницы, а дѣдъ—ткачомъ. Впослѣдствіи дѣла отца пошли хуже, онъ долженъ былъ продать гостинницу и взять въ аренду содержаніе буфета на желѣзной дорогѣ. Старшимъ сыновьямъ дано было образованіе уже раньше, а Гергарда отецъ долженъ былъ взять изъ четвертаго класса реальнаго училища и отправить его къ достаточнымъ родственникамъ, въ деревню, учиться сельскому хозяйству. Тамъ юноша былъ вполнѣ обезпеченъ, а впослѣдствіи тотъ дядя по матери, у котораго онъ проживалъ, потерялъ сына и усыновилъ Гергарда, давъ ему и средства продолжать научныя занятія. Наконецъ, имѣя вчего двадцать-два года, молодой Гауптманъ женился на дочери богатаго берлинскаго купца, который занимался и банкирскими дѣлами. Два старшіе его брата были уже женаты на дочеряхъ того же купца.

Женитьба, казалось, уже окончательно обезпечила Гауптману независимость и даже значительныя средства. Но когда, по смерти его тестя, наслѣдники этого послѣдняго подѣлились капиталомъ, вырученнымъ изъ продажи имущества купца, то капиталъ этотъ пропалъ при банкротствѣ того лица, у котораго онъ хранился. Но случилось такъ, что почти одновременно умеръ богатый родственникъ, послѣ котораго осталось со-

стояніе, примѣрно равное потерянному капиталу. Такимъ образомъ, Гергардъ Гауптманъ, какъ человѣкъ состоятельный, не имѣлъ надобности работать во что̀ бы то ни стало и по заказу.

Вообще, онъ никогда не испыталъ нужды, и это обстоятельство не могло не повліять на его творчество. Пессимистическій элементъ выступалъ въ немъ только согласно съ духомъ времени, но безъ того озлобленія, какое могутъ внушать тяжкая личная борьба и лишенія. Природная мягкость могла скорѣе выразиться у него въ чрезмѣрной чувствительности, но онъ избѣгнулъ ея, быть можетъ, благодаря дозѣ кремнеземнаго пуританства, въ которомъ онъ воспитывался еще въ отцовскомъ домѣ, а затѣмъ и въ семьѣ дяди, въ деревнѣ, гдѣ уже преобладалъ духъ прямо гернгутерскій.

Когда у него самого были уже дѣти, Гергардъ Гауптманъ купилъ усадьбу въ горной Силезіи, въ полосѣ такъ называемыхъ Исполинскихъ горъ (Riesengebirge), гдѣ народнымъ воображеніемъ издавна создано было сказочное царство. Тамъ, среди живописной природы и въ близкомъ общеніи съ рабочимъ населеніемъ, изъ котораго, какъ уже упомянуто, происходила и отцовская его семья, Гауптманъ написалъ лучшія свои произведенія. Однако, часть времени онъ проводилъ въ Берлинѣ или заграницей.

Но уже и отдавшись окончательно литературѣ, онъ колебался еще въ выборѣ рода творчества. Инстинктивно онъ началъ съ драмы, и, по примѣру Ибсена, съ драмы изъ жизни древняго Рима. Но „драматическая поэма“—„Наслѣдіе Тиверія“,—посланная имъ въ Берлинъ для постановки на сценѣ, затерялась въ рукописи. Затѣмъ онъ написалъ нѣчто въ родѣ авто-психологическаго эпоса, вещь, смахивающую на подражаніе Байрону, слишкомъ неопредѣленную по мысли и неудачную по формѣ. Въ этомъ убѣдился самъ авторъ, когда увидѣлъ ее въ печати. Едва она успѣла поступить въ продажу, какъ авторъ уничтожилъ все изданіе.

Въ 1888 г., Гауптманъ послалъ въ ежемѣсячный журналъ „Das humoristische Deutschland“ разсказъ подъ страннымъ заглавіемъ: „Пока Богъ беретъ, беру и я“,—но редакція его не напечатала, и разсказъ этотъ также пропалъ. Въ томъ же году Гауптманъ отдалъ въ печать сборникъ стихотвореній подъ именемъ „Пестрой книги“. Стихи онъ началъ писать еще мальчикомъ, на школьныхъ тетрадкахъ. Но и на этотъ разъ какой-то злой рокъ отозвался на первыхъ литературныхъ опытахъ писателя. Когда книжка была уже набрана, издатель попалъ подъ конкурсное управленіе, и книга отпечатана не была, а у автора

осталась только корректура. Опять стихи ему въ печати не понравились, и онъ велѣлъ разобрать шрифтъ.

Въ одномъ изъ тогдашнихъ стихотвореній Гауптмана ясно выражено, какъ онъ понималъ въ то время свое призваніе. Надо привести нѣсколько строкъ. „Духъ идеала, будь свидѣтелемъ, что я свободенъ отъ всякой суетной робости и повинуюсь только стремленію моей души. Я не могу пѣть подобно Филомелѣ, я — пѣвецъ той мрачной долины, гдѣ борются мракъ со свѣтомъ, гдѣ гигантское стремленіе кружится въ судорогахъ, а радости питаются страданіемъ. А ты, бѣдный народъ, къ которому я самъ себя причисляю, не бойся отъ меня слова укоризны. Слишкомъ много душителей ходятъ среди твоихъ рядовъ, и я не стану однимъ изъ нихъ, да сохранитъ меня Богъ, котораго я хотѣлъ бы найти. Если во мнѣ кипитъ гнѣвъ, то предметомъ его — твои страданія, тебѣ я желаю только блага. Ты не завидуй мнѣ, я — твой, и каждая изъ моихъ стрѣлъ поражаетъ перваго — самого меня“.

Итакъ, Гауптманъ былъ убѣжденъ, что призваніе его — утилитарно-общественное, что талантъ его предназначенъ къ службѣ освобожденія массъ, къ борьбѣ съ соціальной несправедливостью, съ тѣми фикціями, которыхъ держится зданіе рабства. Однако обзоръ драматическаго творчества поэта покажетъ, что къ этой категоріи могутъ быть отнесены только двѣ изъ его пьесъ, изъ которыхъ въ одной дѣйствіе происходитъ въ сороковыхъ годахъ, то есть на цѣлыхъ полвѣка ранѣе той дѣйствительности, какая представлялась въ 1893 году, а въ другой — сюжетъ и историческія лица взяты изъ эпохи Лютера, Мюнцера и крестьянскихъ войнъ.

Затѣмъ, въ большинствѣ своихъ драмъ и комедій Гауптманъ разработывалъ уже только тему о слабости семейныхъ устоевъ и другую, Ибсеновскую тему индивидуализма. Наконецъ, въ двухъ фантастическихъ его картинахъ проявился уже весь блескъ его таланта и такая поэтичность, а вмѣстѣ и техническая красота стиха, какихъ невозможно было и предвидѣть по примѣру тяжеловатыхъ и вмѣстѣ расплывчатыхъ его стихотвореній изъ періода „идейнаго исканія“. Но оба послѣдне-упомянутыя произведенія имѣютъ характеръ фантастическій. Они совершенно выдаются, стоятъ особнякомъ, какъ порожденныя свободной силой поэтическаго творчества, не запряженной въ рыдванъ соціологической тенденціи.

Сопоставляя упомянутое выше „credo“ или программу, которая предвѣщала мрачными трубными звуками его послѣдующее по-

бѣдное драматическое шествіе, нельзя не признать, что онъ намѣревался идти не туда, куда его предназначало истинное призваніе, то-есть самая природа его блестящаго поэтическаго дарованія. Но естественно, что такой талантливый писатель сумѣлъ превосходно справиться въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ и съ такими темами, которыя менѣе соотвѣтствовали природѣ его творческой силы.

IV.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе характерно первое драматическое произведеніе Гауптмана, представленное въ 1889 году на сценѣ въ Берлинѣ,— „соціальная драма“ (она такъ и названа)— „Передъ восходомъ солнца“. Натурализмъ Зола̀ уже нѣкоторое время передъ тѣмъ проповѣдывался въ Германіи нѣкоторыми молодыми писателями, которыми и сдѣланы были опыты осуществить эту теорію. Стали являться повѣсти, написанныя по всѣмъ правиламъ натурализма. Такъ и Гауптманъ выступилъ въ этой первой драмѣ въ сознаніи соціальной миссіи писателя, имѣющаго задачей обличать господствующія пошлость и невѣжество, противопоставивъ имъ типъ „новаго человѣка“, который изучаетъ бытъ рабочей массы и намѣренъ посвятить свою жизнь борьбѣ за ея освобожденіе. Для личнаго счастья онъ, собственно, отводитъ въ своей жизни только малую часть, подчиненную его общественной идеѣ.

Человѣкъ этотъ случайно попадаетъ въ среду, совершенно враждебную альтруистическимъ помысламъ, а именно—къ бывшему школьному товарищу, инженеру, который женился на дѣвушкѣ принадлежащей къ крестьянской семьѣ, внезапно разбогатѣвшей, вслѣдствіе открытія въ той мѣстности богатыхъ залежей угля. Крестьяне эти разбогатѣли такъ, что ни въ чемъ себѣ не отказываютъ, окружаютъ себя импровизированной грубой роскошью, пьютъ шампанское, имѣютъ на столѣ дорогіе фарфоръ и хрусталь, занимаются охотой и, разумѣется, бросили личный трудъ, сваливъ земледѣльческую работу на наемныхъ людей. Мужчины, а отчасти и женщины—спились, и среди роскоши животные инстинкты проявляются въ прежней, грубой наивности. Такъ стали жить крестьяне въ цѣломъ томъ округѣ, гдѣ подъ принадлежащей имъ землей открылись ископаемыя сокровища.

Семья Краузе, которую мы видимъ на сценѣ, является только типомъ мѣстнаго быта, и, конечно, краски на этомъ типѣ сгу-

щены со всей неумолимостью реалистической „правды". Соціальная миссія писателя, это—одно изъ требованій натурализма; а затѣмъ другое—это, именно, неумолимая правдивость бытовыхъ картинъ, не смущенная никакимъ жеманствомъ, поражающая яркостью красокъ. Самъ старикъ Краузе всѣ дни проводитъ въ кабакѣ, ничего не знаетъ о томъ, что происходитъ у него въ домѣ, и каждый вечеръ возвращается до такой степени пьянымъ, что постоянно спотыкается и падаетъ, пытается пѣть и говорить самъ съ собой, но произноситъ только отрывочныя слова. Разъ онъ даже непристойно пристаетъ къ собственной дочери.

Хозяйка дома, вторая жена Краузе—грубая крестьянка, играющая изящную даму, щеголяющая нелѣпо-франтовскими нарядами, которыхъ она не умѣетъ носить, и мнимо „господскими" словами, которыя она коверкаетъ, такъ какъ знаетъ только силезскій діалектъ, густо пересыпаемый бранными словами. Она имѣетъ любовника, своего двоюроднаго брата, молодого деревенскаго шалопая, который хочетъ играть роль спортсмена и стрѣляетъ по домашней дичи—курицамъ, гусямъ, мышамъ, да еще по ласточкамъ.

Не могъ, разумѣется, быть забытъ и законъ наслѣдственности. Старшая дочь Краузе, выданная за инженера Гофмана—отъявленная пьяница, которая не показывается на сценѣ, такъ какъ она постоянно „подвыпивши", даже въ то время, какъ находится въ послѣднихъ дняхъ беременности. А раньше она имѣла ребенка, который пилъ водку съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ходить, и, имѣя три года отъ рожденія, выпилъ стклянку съ уксусной эссенціей, думая, что въ ней водка. Наконецъ, эта же сестра героини пьесы, Елены Краузе, родитъ мертваго ребенка.

Но едва-ли въ этой коллекціи антипатичныхъ типовъ не слѣдуетъ отдать первенство самому инженеру Гофману. Онъ присосался къ этой богатой и пьяной семьѣ въ надеждѣ забрать все въ свои руки и совершенно мирится съ этой грязью, среди которой живетъ. Онъ показываетъ привязанность къ пьяной женѣ, съ уваженіемъ поддакиваетъ развратной тещѣ, укрываетъ передъ посторонними совсѣмъ уже скотскую фигуру стараго Краузе, а свояченицу Елену, которая, одна изъ всей семьи, страдаетъ отъ этой обстановки, онъ пытается соблазнить. Со школьнымъ товарищемъ своимъ Лотомъ онъ споритъ какъ типичный филистеръ, съ виду осуждая только его радикальныя крайности, но увѣряя, что въ основныхъ принципахъ съ нимъ согласенъ. „Только не спѣшить, не форсировать событій—и все само собою придетъ".

Онъ даже охотно ссужаетъ этому сторожу-пріятелю двѣсти марокъ, которыя тотъ попросилъ на всякій случай, пока ему вышлютъ гонораръ изъ редакціи. Но зато онъ усиленно уговариваетъ этого пріятеля отказаться отъ намѣренія посѣщать копи, изслѣдовать бытъ рабочихъ, въ видѣ собиранія матеріала для литературнаго труда, потому что изъ этого „непремѣнно выйдетъ памфлетъ". Когда же Лотъ настаиваетъ на своемъ намѣреніи, такъ какъ пріѣхалъ въ данную мѣстность съ этой именно цѣлью, то Гофманъ въ досадѣ снимаетъ маску, громитъ агитаторовъ, которые распространяютъ недовольство и протесты среди рабочихъ. На упреки же Лота, что онъ теперь только показалъ себя въ истинномъ свѣтѣ, Гофманъ заявляетъ, что ему нѣтъ никакой надобности прятаться съ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, — полезная его дѣятельность всѣмъ извѣстна, и она-то поставила его въ такое положеніе, что онъ не нуждается въ выманиваніи у кого-либо денегъ. Тогда Лотъ разрываетъ въ куски и бросаетъ данный ему чекъ.

При первомъ представленіи пьеса эта вызвала бурю. Бо̀льшая часть публики была возмущена слишкомъ реальнымъ представленіемъ грязныхъ подробностей, а другая, преимущественно молодая часть, восторженно апплодировала смѣлому новатору, который пытался ввести на германскую сцену элементъ бытовой правды. Критика также раздѣлилась, но и въ ней большинство голосовъ было противъ Гауптмана. Отмѣтимъ мимоходомъ, что пьеса эта была дана на театрѣ „Freie Bühne", вслѣдъ за постановкой на немъ же „Призраковъ" Ибсена. Уже произведеніе Ибсена вызвало въ публикѣ раздраженіе,—появившаяся же за нимъ драма Гауптмана инымъ показалась прямымъ вызовомъ, брошеннымъ обществу. Теперь, когда эта пьеса уже утратила свое значеніе натиска натурализма для захвата позиціи на нѣмецкой сценѣ, даже и противники этого направленія относятся къ „соціальной драмѣ" Гауптмана менѣе страстно, но они продолжаютъ, однако, видѣть въ этомъ произведеніи вещь слабую и не только не эстетическую, но и не естественную, дѣланную по извѣстному шаблону.

Съ этимъ нельзя согласиться. Пусть представленная здѣсь среда не эстетична, но изобразилъ ее все-таки большой художникъ. Типы самого Краузе, добродушнаго пьяницы, дошедшаго до полной животности,—разряженной „модной дамы", его жены, совершенной поломойки по понятіямъ и языку, точно также преданной животности, какъ и ея мужъ,—льстивой приживалки, знающей „благородныя манеры", — филистера-дѣльца Гофмана,

а въ особенности молодого деревенскаго шалопая, идіота, который, однако, уже успѣлъ перенять нѣкоторыя юнкерскія ухватки, написаны вѣрно и живо.

Даже и героиня пьесы, вторая дочь Краузе, Елена, которая въ одинъ день такъ влюбляется въ заѣзжаго „идейнаго" человѣка, что минутъ десять на сценѣ видно только, какъ они цѣлуются,—и та не представляется неправдоподобной въ той обстановкѣ, среди которой она живетъ; именно потому, что обстановка эта глубоко возмущаетъ ея душу, на дѣвушку могъ сдѣлать необыкновенное впечатлѣніе невиданный еще человѣкъ идеи, который показался ей нѣкоимъ богомъ. Она готова слѣдовать за нимъ тотчасъ же, куда онъ хочетъ, такъ какъ она предвидитъ неминуемую гибель для себя дома. Зрителямъ не нравилось, что Елена первая признается Лоту въ любви. Но вѣдь она это дѣлаетъ, когда онъ хочетъ уѣхать, и притомъ слышала отъ него, что онъ женится только на такой женщинѣ, которая скажетъ первая, что желаетъ быть его женой. Лотъ ей представляется идеаломъ, человѣкомъ, способнымъ все понять, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ для нея—спасеніе. Въ такомъ положеніи нечего было откладывать.

Критика осуждала и Елену, и самого автора, за то интермеццо поцѣлуевъ, нѣмую сцену, когда влюбленные только обнимаются и цѣлуются. Но мало ли какія излишества бываютъ на натуралистической сценѣ! Ужъ лучше пусть на сценѣ цѣлуются, хотя бы дольше условнаго времени, чѣмъ чешутся по всему тѣлу или обвариваются кипяткомъ. Да при той обстановкѣ, среди которой выросла Елена, едва-ли и справедливо требовать отъ нея особой щепетильности. Вѣдь не удивила же критиковъ другая, также несовсѣмъ обыкновенная сцена, когда Елена, присутствуя при томъ, какъ мачиха ея выгоняетъ изъ дому служанку за безнравственность, объявляетъ мачихѣ, что скажетъ отцу о ея тайной связи, такъ какъ видѣла любовника, выходившаго изъ ея спальни. И мачиха принуждена уступить.

Въ этой „соціальной драмѣ" совсѣмъ не то является нехудожественнымъ и дѣланнымъ по шаблону, что относится къ картинѣ среды и принадлежащимъ къ ней типамъ, — однимъ словомъ—не то, что обличается со всей правдивостью реализма. Наоборотъ, крайне неудачнымъ и искусственнымъ вышелъ здѣсь поставленный въ видѣ образца типъ „новаго человѣка". Этотъ Лотъ—напыщенный и скучный педантъ, который говоритъ такъ, какъ будто читаетъ передовыя статьи радикальнаго направленія. Такъ, за обѣдомъ, отказавшись отъ вина, онъ излагаетъ цѣлую

выписку изъ называемой имъ книги о гибельномъ дѣйствіи алкоголя, со статистикой насильственныхъ смертей, самоубійствъ, сиротъ, поступившихъ въ пріюты, пожаровъ и т. п., и здѣсь же объявляетъ, что всѣ его предки были люди трезвые, и то здоровье, которое наслѣдовалъ отъ нихъ, онъ твердо рѣшился передать и своимъ будущимъ дѣтямъ.

Не совсѣмъ согласно все это съ разумностью дѣйствій и выдержанностью характера этого „новаго человѣка", хотя въ теченіе одного дня онъ принимаетъ рѣшеніе жениться на дѣвушкѣ, встрѣченной имъ въ средѣ совершенно ему чуждой. Но это бы еще можно объяснить увлеченіемъ молодости. Однако, какъ только онъ узнаетъ отъ мѣстнаго врача, также бывшаго своего товарища, что отецъ Елены отчаянный пьяница, и что сестра ея также пьетъ, то онъ вмигъ побѣждаетъ свое страстное увлеченіе, опасаясь, что, женившись на Еленѣ, онъ уже не передастъ своему будущему потомству того трезвеннаго наслѣдства, которое оставлено ему предками. Избѣгая даже новаго свиданія съ возлюбленной, Лотъ удаляется, вполнѣ убѣжденный, что законъ наслѣдственности неминуемъ, и что будущихъ потомковъ необходимо спасти отъ его дѣйствія. О дѣвушкѣ, которая въ немъ самомъ видѣла единственное для себя спасеніе, Лотъ не думаетъ, а она, узнавъ, что онъ ее оставилъ,—зарѣзывается.

Пьеса эта написана прямо по лекаламъ: пошлая среда, крайній реализмъ въ непривлекательныхъ частностяхъ, ознакомленіе публики съ идеаломъ „новаго человѣка", наконецъ—роковой законъ наслѣдственности, которому, въ дѣйствительности, отведена тутъ главная роль. Въ смыслѣ идейномъ это произведеніе крайне слабое, но рука художника видна въ обрисовкѣ типовъ, правда, не внушающихъ особаго интереса.

V.

Воздавъ въ „Восходѣ солнца" надлежащую дань натуралистической тенденціи, въ томъ видѣ, какъ она въ то время проникала въ нѣмецкую литературу, Гауптманъ, какъ каждый подражатель, оказался слабѣе своего образца. Лучшіе романы Зола́, какъ „Assommoir", „Pot-bouille", „La Terre", „Germinal", стоятъ гораздо выше этой соціальной драмы по обоснованности идеи и по производимому впечатлѣнію.

Затѣмъ Гауптманъ перешелъ въ раскрытую Ибсеномъ область семейныхъ связей и отношенія къ нимъ личнаго права на не-

зависимость и личнаго стремленія къ счастью. На эту тему написаны представленныя въ 1890 г. двѣ семейныя драмы: „Das Friedensfest“ и „Einsame Menschen“, и въ каждой изъ нихъ тема эта разработана съ иной стороны. Въ первой преобладаетъ сила въ столкновеніи характеровъ, во второй—представленъ трагизмъ такого личнаго увлеченія, которое не оправдывается слабостью семейныхъ связей, какъ погубившая человѣка болѣзнь.

Хотя оба эти произведенія сильно напоминаютъ Ибсена, но никто не приписалъ бы ихъ Ибсену,—такъ много здѣсь вложено Гауптманомъ собственной его художественной индивидуальности. Прибавимъ, что если въ „Праздникѣ примиренія“ еще преобладаютъ главныя черты норвежскаго поэта, то драмы „Уединенные люди“ онъ написать бы не могъ,—такъ много здѣсь деликатности въ душевномъ анализѣ, мягкости въ очертаніи типовъ и, скажемъ, „убѣдительности“, которой иногда недостаетъ въ драмахъ Ибсена. Зритель вполнѣ убѣждается, что семейное счастье могло быть разрушено, несмотря на то, что оно было счастьемъ, что жена заслуживала любви и оставалась любимой, а между тѣмъ человѣкомъ овладѣло иное страстное увлеченіе.

Ибсенъ всегда дѣйствовалъ контрастами, изъ которыхъ по прямой логичности объяснялось столкновеніе или истекалъ разрывъ. А Гауптманъ взялъ болѣе трудную задачу—показать, что и въ семьѣ почти идеальной по личнымъ свойствамъ и взаимному чувству, безъ всякаго разлада, при всяческихъ усиліяхъ щадить другъ друга,—можетъ произойти катастрофа отъ внезапнаго, рокового увлеченія, природы котораго сами виновные сперва не понимаютъ.

Семья въ „Праздникѣ примиренія“—прямая противоположность той, какая выведена въ „Уединенныхъ людяхъ“. Въ первой изъ этихъ драмъ представлена семья, въ которой съ самаго начала царилъ разладъ, въ которой всѣ вѣчно ссорятся. Такія семьи встрѣчаются нерѣдко. Въ каждой изъ нихъ бываетъ, во-первыхъ, какая-нибудь основная и неустранимая причина разлада, а во-вторыхъ, подъ вліяніемъ этого разлада между родителями, и самое воспитаніе дѣтей идетъ среди борьбы. Такимъ образомъ, семья не только лишена объединительной воспитательной силы, но сама обусловливаетъ въ развитіи дѣтей личный произволъ, неуступчивость, въ виду противорѣчивыхъ требованій, и раздражительность, обусловленную несправедливыми наказаніями или предпочтеніями.

Въ семьѣ Шольцевъ основной причиной разлада служитъ рѣзкое различіе въ умственномъ уровнѣ родителей. Докторъ Шольцъ

женился на малообразованной и ограниченной дѣвушкѣ, которой было шестнадцать лѣтъ, между тѣмъ какъ ему было уже тридцать-восемь лѣтъ. Жена не считала себя ничѣмъ виновной передъ мужемъ, такъ какъ въ своемъ приставаніи къ нему съ глупыми совѣтами и въ домашнихъ сценахъ изъ-за мелочей она видѣла свою заботливость о мужѣ, котораго она могла считать старикомъ. А мужа эти сцены выводили изъ себя, и тривіальность жены становилась ему все болѣе нестерпимой.

Положеніе ухудшилось тѣмъ, что г-жа Шольцъ, происходя изъ простой семьи, считала разорительными расходы мужа на нѣкоторый комфортъ, на оранжерею и т. п., и отняла у него распоряженіе доходомъ съ ея капитала, находившагося въ рукахъ ея дяди, который впослѣдствіи разорился, растративъ и ея деньги. Послѣ того семья жила уже на заработокъ доктора, но жена не видѣла въ его трудѣ никакой заслуги, такъ какъ онъ былъ обязанъ трудиться для семьи. А самъ докторъ, женившись на неразвитой и тривіальной дѣвушкѣ, не выказывалъ ей никакой снисходительности, вмѣнялъ ей всякое слово въ вину, кричалъ на нее даже когда она садилась за фортепіано—единственное сколько-нибудь изящное удовольствіе, которое было ей доступно. Онъ не могъ переносить всей ея манеры и заперся дома въ верхнемъ этажѣ, куда велѣлъ себѣ приносить и обѣдъ.

Болѣе десяти лѣтъ Шольцъ не обращалъ никакого вниманія на дѣтей—дѣвочку и двухъ мальчиковъ. Сыновья его до девяти и одиннадцати лѣтъ оставались настоящими уличными мальчишками. Потомъ вдругъ, вслѣдствіе какой-то сцены съ женой по поводу шалостей этихъ „негодяевъ“, докторъ принялся усиленно учить ихъ, наверстывая потерянное время, и заставлялъ ихъ высиживать надъ книжкой по десяти часовъ въ день. Они отъ него бѣгали, прятались; онъ сажалъ ихъ въ карцеръ, наказывалъ, гнался за ними по лѣстницѣ, а внизу тащилъ ихъ въ одну сторону, а мать—въ другую, причемъ родители обмѣнивались бранью. Потомъ они были отданы въ пансіонъ, откуда также стали бѣгать и подвергаться за это наказаніямъ.

Наконецъ, ставъ уже юношами, сперва старшій, Робертъ, потомъ младшій, Вильгельмъ, удрали за-границу, сами добывали хлѣбъ и учились тамъ. Ставъ совершенно самостоятельными, сыновья впослѣдствіи только изрѣдка навѣщали родительскій домъ — изъ-за матери, такъ какъ видѣли въ ней жертву, а въ отцѣ — только ненавидѣвшаго ихъ тирана. Но разъ, когда они явились въ семью оба, младшій сынъ Вильгельмъ услышалъ, какъ отецъ оскорбительно выражался о матери въ разговорѣ со старымъ

слугой. Тогда въ умѣ молодого человѣка, унаслѣдовавшаго неукротимый нравъ отца, сразу возстали всѣ претерпѣнныя прежде обиды, и онъ ударилъ отца по лицу одной рукой, потомъ другой.

Послѣ этого оба, то-есть, какъ Вильгельмъ, такъ и д-ръ Шольцъ, оставили домъ навсегда. А Робертъ и въ послѣдующія нѣсколько лѣтъ иногда навѣщалъ мать и сестру, въ особенности не пропускалъ для этого рождественскаго сочельника, который у нѣмцевъ является какъ бы праздникомъ самой семьи. О традиціонной „елкѣ", конечно, не было рѣчи. Въ этой семьѣ дѣти ея не знали, такъ какъ докторъ, съ перваго же года своей брачной жизни, запретилъ ее, въ числѣ другихъ тривіальностей. Это соблюденіе завѣтнаго дня со стороны Роберта обнаруживало въ немъ все-таки нѣжное чувство къ матери и сестрѣ, въ которомъ онъ, однако, не признавался ни имъ, ни самому себѣ. Напротивъ, будучи у нихъ, онъ непремѣнно говорилъ имъ колкости, давалъ имъ чувствовать, что считаетъ ихъ глупыми, а на ихъ привередничанье отвѣчалъ пожатіемъ плечъ и быстрымъ уходомъ съ обѣщаніемъ придти нескоро.

Въ младшемъ братѣ элементъ сердечности былъ болѣе развитъ, чѣмъ въ старшемъ. Оскорбленіе, нанесенное отцу въ припадкѣ бѣшенаго гнѣва, легло на него тяжкимъ бременемъ, какъ преступленіе, котораго искупить было невозможно; казалось ему невозможнымъ и возвращеніе, хотя бы на день, въ семью, что̀ повело бы только къ какой-нибудь катастрофѣ, а ужъ никакъ не къ примиренію, о которомъ напрасно было думать, при характерѣ всѣхъ членовъ той семьи, въ томъ числѣ и его самого.

Послѣдствія, однако, показали, что и доктору Шольцу не чужда была привязанность къ дѣтямъ. Почему же эти люди всю жизнь обижали другъ друга? Вотъ это-то трагическое самопротиворѣчіе, обусловленное неукротимостью натуры, раздраженностью, которую воспитали годы деспотизма и протеста, навыкъ къ вѣчной самообороне и къ отмёсткѣ, слѣдующей за нападеніемъ или хотя бы за обиднымъ уколомъ, и служитъ темой данной пьесы, безусловно одного изъ самыхъ выдающихся произведеній Гауптмана. Въ немъ много силы и драматичности, несмотря на крайнюю простоту самаго механизма драмы.

На сценѣ происходитъ въ теченіе одного вечера — кануна Рождества — развязка того конфликта, который длился десятки лѣтъ. О ходѣ этого конфликта передъ началомъ дѣйствія мы узнаемъ не изъ длинныхъ пояснительныхъ разсказовъ, какіе встрѣчаются у Ибсена, но изъ отрывочныхъ, входящихъ въ самое

дѣйствіе упоминаній главныхъ лицъ. И въ этомъ—техническомъ—смыслѣ драма построена мастерски.

Младшій сынъ Вильгельмъ—піанистъ, которому первые уроки музыки давала еще мать. Невѣста его и ея мать—умныя и добрыя существа, которыя разгадали въ дикомъ и вѣчно сумрачномъ молодомъ человѣкѣ грызущее его горе, добились признанія, что горе это—въ связи съ разладомъ въ семьѣ. Онѣ уговариваютъ его ѣхать на Рождество, вмѣстѣ съ ними, къ его матери. Появленіе ихъ среди этой вѣчно ссорящейся семьи вноситъ туда элементъ кротости и вмѣстѣ веселья. Но только при одной изъ ссоръ г-жа Бухнеръ (мать невѣсты) узнаетъ о тяжкомъ проступкѣ Вильгельма.

Между тѣмъ, неожиданно пріѣзжаетъ домой на сочельникъ и старый Шольцъ-отецъ, послѣ шестилѣтняго отсутствія. Онъ уже надломленъ болѣзнью и привыкъ къ нѣкоторому излишеству въ винѣ. При первомъ свиданіи съ женой онъ относится къ ней мягко. А сынъ его Вильгельмъ, который является уже послѣ отца, ошеломленъ его пріѣздомъ и хочетъ тотчасъ удалиться. Невѣста и ея мать убѣждаютъ его—при встрѣчѣ съ отцомъ молить у него прощенія на колѣняхъ, претерпѣть всякое оскорбленіе и хотя бы толчки ногой старика, но добиться прощенія. Только оно можетъ возвратить сыну внутренній миръ и дастъ ему силу начать новую жизнь съ любимой дѣвушкой.

Изъ любви къ ней, Вильгельмъ дѣлаетъ надъ собой огромное усиліе, которое такъ потрясаетъ его, что, стоя передъ отцомъ на колѣняхъ, онъ долго не можетъ произнести ни одного слова, а только шевелитъ губами. И только послѣ нѣсколькихъ привѣтливыхъ словъ старика, Вильгельмъ бормочетъ несвязно, причемъ слышно только: „отецъ“ и „преступленіе“. Но старикъ утѣшаетъ его простыми словами: „Пустяки! что тамъ о старомъ вспоминать! не нужно, вздоръ это“... Тогда уже сынъ проситъ: „Сними съ меня эту тягость!“ и—получаетъ въ отвѣтъ: „Все прощено и забыто“. Услышавъ эти слова, сынъ произноситъ: „Благодарю!“—глубоко вздыхаетъ и падаетъ въ обморокъ.

Старый врачъ самъ поднимаетъ его и сажаетъ на кресло, вливаетъ ему въ ротъ вина, смачиваетъ ему лобъ одеколономъ. Это неожиданно мягкое обращеніе старика съ сыномъ трогаетъ всѣхъ, и чуть ли не въ первый разъ въ настроеніи этой семьи проявляется чувство привязанности. Старшій братъ остается при Вильгельмѣ, который пришелъ въ себя. Они дружно бесѣдуютъ. Потомъ, когда Вильгельмъ уже всталъ и совсѣмъ оправился отъ

нервнаго возбужденія, зажигается елка, и Ида Бухнеръ, невѣста, раздаетъ припасенные ею маленькіе подарки.

Но вечеръ еще не кончился, какъ все это благополучіе исчезаетъ. Снова у всѣхъ Шольцевъ беретъ верхъ неудержимое „нраву моему не препятствуй". Роберту самому понравилась Ида, и, завидуя брату, онъ начинаетъ говорить ему колкости, а ее обижаетъ тѣмъ, что не хочетъ принять ея подарка. Постепенно разыгрывается давно знакомая грызьба и идетъ все crescendo, между тѣмъ какъ въ другой комнатѣ невѣста и ея мать, въ видѣ сюрприза, поютъ трогательную коляду. И самъ Вильгельмъ не отстаетъ отъ другихъ. Онъ хочетъ прервать пѣніе тѣхъ дорогихъ женщинъ, которое неумѣстно въ такой злобной средѣ. А когда сестра заикается о самой Идѣ, то Вильгельмъ схватываетъ сестру за плечо: „Молчать!"—Тутъ Робертъ ехидно спрашиваетъ у брата—не хочетъ ли онъ опять дать волю рукамъ? Сестра же прямо припоминаетъ, что онъ поднималъ руку на отца.

Тогда уже и старика охватываетъ бѣшенство, тѣмъ болѣе, что онъ разгоряченъ виномъ. Онъ сперва гонитъ вонъ дочь, а за нее заступается старшій сынъ Робертъ и напоминаетъ отцу, что времена измѣнились. Старикъ кричитъ: „Да я-то не измѣнился! Я вамъ докажу это, я лишу васъ наслѣдства, выгоню на улицу!"—Тутъ Робертъ обращается ко всѣмъ: „Ну, не комикъ ли?!"

Тогда отецъ гонитъ сына, а мать велитъ сыну оставаться. Д-ръ Шольцъ—женѣ: „Хорошо, я самъ уйду—уступлю тебѣ и твоей сворѣ; вы всегда меня одолѣвали". Вильгельмъ пробуетъ успокоить отца, проситъ его остаться, говоритъ, что иначе онъ самъ съ нимъ уйдетъ. Но докторъ уже ничего не различаетъ въ припадкѣ бѣшенства: „Негодяй! воры вы всѣ! негодяи!" Когда сынъ беретъ его руку и проситъ позволенія уйти вмѣстѣ съ нимъ, старикъ разражается восклицаніями, въ которыхъ уже прямо выражается манія преслѣдованія. Сынъ его умоляетъ, а старикъ думаетъ, что тотъ опять хочетъ его бить, и молитъ о пощадѣ. Наконецъ, онъ, въ безпамятствѣ, падаетъ на стулъ. Смерть отца, вся предшествовавшая ей сцена и та роль, какую онъ принялъ въ ней самъ, поражаютъ Вильгельма. Убѣдясь, что онъ не можетъ побѣдить свой темпераментъ, Вильгельмъ хочетъ отказаться отъ Иды, но уступаетъ передъ ея любовью.

Братъ его Робертъ, самое несимпатичное лицо въ пьесѣ, видитъ въ немъ такого же „идеалиста", какимъ былъ отецъ, который началъ свою дѣятельность борьбой на баррикадахъ, а окончилъ безуміемъ. Робертъ же позналъ горькую правду жизни,

и злоба его есть злоба пессимиста, который все презираетъ и ищетъ въ жизни единственнаго счастія, какое она можетъ дать— спокойствія. Это также Ибсеновскій мотивъ. Но по яркости характеровъ и силѣ дѣйствія „Праздникъ примиренія“ не уступаетъ ни одному изъ произведеній Ибсена.

VI.

Почти то же можно бы сказать и объ „Уединенныхъ людяхъ“. Это также исторія семьи изолированной, то-есть изображенной внѣ вліяній общественныхъ, анализъ отношеній, возникающихъ изъ самой семейной связи—съ одной стороны—и личныхъ стремленій—съ другой. Каждое изъ дѣйствующихъ лицъ изображено не менѣе ярко и правдиво. Всѣ они — люди симпатичные, любятъ другъ друга, а притомъ у нихъ имѣются и готовыя средства. Оставалось бы, какъ говорится, жить да поживать. А между тѣмъ, несмотря на всѣ данныя для довольства и благодушія, въ этой Аркадіи внезапно разыгрывается трагедія.

Супруги Бокератъ арендуютъ значительное имѣніе; они пріѣхали къ женатому сыну на крестины перваго своего внука. Старая г-жа Бокератъ любитъ Кетэ, жену своего сына, какъ родную дочь. Да Кетэ нельзя не любить; это—прелестное, нѣжное, доброе существо, которое думаетъ только о другихъ, и если чѣмъ недовольно, то развѣ тѣмъ, что не подходитъ къ высокому умственному уровню своего мужа, молодого Бокерата, доктора философіи, который занятъ соціально-философскимъ трудомъ, пока еще не оконченнымъ: первыя двѣнадцать страницъ отведены одному указанію источниковъ.

Старые Бокераты — представители традиціонной крѣпкой семьи, основанной на религіи. И старушку сокрушаетъ то, что дѣти, то-есть, сынъ и его жена, утратили вѣру. Сына предохранить было трудно отъ безвѣрія, когда онъ былъ въ гимназіи и въ университетѣ. Но родители и не старались бороться съ такимъ вліяніемъ школы, отчасти сознавая тщетность борьбы съ нею, а отчасти и по побужденію деликатности, признавая за юношей право самостоятельно выработать себѣ убѣжденія. Но, не вступая въ споры, мать, однако, постепенно напоминала ему о религіи, уже потому, что мысль о Богѣ и молитва занимали большое мѣсто въ повседневной ея жизни. Очертаніе этой матроны, полной любви и постояннаго сознанія долга, простодушной, но никакъ не глупой, сдѣлано великолѣпно.

Но въ главномъ лицѣ драмы авторъ сдѣлалъ одно упущеніе, и оно нѣсколько уменьшаетъ сочувствіе къ нему зрителя въ кризисѣ, составляющемъ содержаніе всего дѣйствія. Такъ какъ молодой Бокератъ женился по любви и продолжаетъ искренно любить жену, то самая кротость ея и основанное собственно только на любви поклоненіе уму и знаніямъ мужа должны бы воздержать его отъ заявленій въ такомъ родѣ, что она неспособна понять его и что онъ чувствуетъ себя умственно одинокимъ. А онъ, напротивъ, напоминаетъ ей объ этомъ довольно рѣзко, хотя потомъ тотчасъ же старается утѣшить ее лаской. Между тѣмъ, самъ-то онъ ничего пока не сдѣлалъ, и окончитъ ли свой ученый трудъ—еще не видно. По крайней мѣрѣ, въ теченіе пьесы онъ читалъ или предлагалъ читать его тремъ лицамъ, но ни одного часа не посвятилъ продолженію своей работы.

Жена, конечно, хвалила слышанные отрывки изъ сочиненія мужа, но хвалила такъ, какъ бы хвалила хорошую погоду. Зато пріятель его, художникъ Браунъ, единственный изъ прежняго товарищескаго кружка, который сохранилъ добрыя отношенія съ молодымъ докторомъ философіи, несмотря на „половинчатость“ его убѣжденій, постоянно находитъ предлоги, чтобы избѣгнуть слушанія его ученаго произведенія. Но вотъ въ эту среду внезапно попадаетъ цюрихская студентка, ревельская уроженка Анна Маръ, въ которой молодой докторъ тотчасъ находитъ сочувственную слушательницу своего труда и компетентную собесѣдницу по предметамъ, входящимъ въ область его изслѣдованія. Затѣмъ уже дѣйствіе напоминаетъ то, что происходитъ въ драмѣ Ибсена „Строитель Сольнессъ“, гдѣ также внезапно является бойкая дѣвушка, увлекающаяся величіемъ художника, который ведетъ одинокую жизнь въ непонимающей его семьѣ.

Сходство это идетъ до самаго конца, такъ какъ Сольнессъ, въ угоду увлекшей его почитательницѣ, подвергается опасности и гибнетъ, а Іоганнесъ Бокератъ, проведя нѣсколько недѣль въ прогулкахъ и бесѣдахъ съ Анной Маръ и убѣдившись, что она его полюбила, бросается въ прудъ послѣ ея отъѣзда, вынужденнаго, наконецъ, безъисходностью положенія и настояніями матери. Та видитъ, что жена ея сына чахнетъ отъ горя и впадаетъ въ опасную анэмію.

Отмѣтимъ, какъ подробность, что одной изъ первыхъ темъ бесѣды за столомъ, по появленіи Анны, служитъ разсказъ Гаршина, въ которомъ наивный инженеръ бросаетъ свою профессію и дѣлается художникомъ, а „мыслящій“ художникъ бросаетъ

искусство и идетъ въ народъ—учителемъ. „Вы за кого—за Рябинина или за Дѣдова?“—спрашиваетъ фрейлейнъ Анна.

Надо прибавить, что Гауптманъ не придалъ этой передовой дѣвушкѣ никакой рѣзкости или черты самомнѣнія. Во внѣшности и манерѣ говорить Анны нѣтъ ничего, что отличало бы ее отъ другихъ молодыхъ особъ. Она сама искренно привязывается и къ „мамашѣ“ Бокератъ, и къ „дорогой“ Кетэ. Затѣмъ, въ ея отношеніяхъ съ Іоганнесомъ Бокератомъ говорится только о дружбѣ, хотя при прощаніи она снимаетъ и даетъ ему обручальное кольцо, взятое съ руки женщины, послѣдовавшей за мужемъ въ Сибирь и тамъ умершей. До самаго конца они говорятъ другъ другу: „фрейлейнъ Анна“ и „герръ докторъ“. Онъ убѣжденъ, что нисколько не измѣняетъ своей женѣ, а напротивъ, любовь его къ ней стала возвышеннѣе и чище, чѣмъ была прежде.

Іоганнесъ увѣряетъ себя, что Аннѣ онъ даритъ только дружбу. Въ дѣйствительности же, онъ страстно привязался къ ней, а къ женѣ чувствуетъ уже только дружбу. Обѣ женщины, разумѣется, сознаютъ правду, и жена страдаетъ, а Анна нѣсколько разъ собирается оставить этотъ домъ, тѣмъ болѣе, что видитъ, какъ къ ней перемѣнились всѣ, кромѣ Іоганнеса. Она сознаетъ неизбѣжность разлуки, но ей трудно рѣшиться, и, уступая его просьбамъ, она откладываетъ отъѣздъ. Наконецъ, понадобилась прямая просьба мамаши Бокератъ, чтобы она пожалѣла жизнь Кетэ и уѣхала немедленно, сейчасъ.

Анна уѣзжаетъ, и супруги Бокератъ утѣшаютъ себя, что все еще „придетъ въ порядокъ“, но больная Кетэ, хотя не противорѣчитъ имъ, однако еще въ послѣдній разъ произноситъ: „Все кончено, все кончено!“ И когда она узнаетъ, что мужъ бросился въ воду, она говоритъ его родителямъ: „Мать! Отецъ! Вы довели его до крайности. Зачѣмъ вы это сдѣлали!“

Драма „Уединенные люди“ производитъ впечатлѣніе не менѣе сильное и не менѣе тяжелое, чѣмъ „Праздникъ примиренія“. Въ обѣихъ много жизненной правды. Но въ первой люди болѣе симпатичны и страданія ихъ ближе для зрителя, чѣмъ во второй, гдѣ выведены характеры все-таки исключительные. Молодой Бокератъ увлекся Анной сперва незамѣтно для самого себя. Съ нею онъ, такъ сказать, впервые нашелъ самого себя. Трудъ его, къ которому семья была равнодушна, ее дѣйствительно заинтересовалъ. Тяготившее его разногласіе съ прежними друзьями и осужденіе его ими за нѣкоторую измѣну убѣжденіямъ товарищескаго кружка эта дѣвушка,—хотя сама раздѣляла эти самыя убѣжденія,—объяснила себѣ и Іоганнесу самостоятельностью его

ума. Тѣ не могутъ искать пути сами, они должны чувствовать за плечами массу, и потому они не въ состояніи отдаляться отъ нея, тѣмъ болѣе—много опережать ее. А онъ—умъ, одаренный инициативой, который не должны стѣснять никакія общественныя формулы.

Она даетъ ему увѣренность въ себѣ самомъ, охоту работать, освящаетъ его право на самостоятельность мысли. И такъ какъ онъ уже любитъ эту дѣвушку, то видитъ въ ней свое вдохновеніе и хранительницу своей дальнѣйшей работы. Если они разстанутся навсегда, то онъ уже не въ силахъ будетъ ни работать, ни жить.

Ничѣмъ, конечно, нельзя устранить двухъ обвиненій, которыя бросаютъ тѣнь на характеры этихъ двухъ людей. Уже съ половины дѣйствія Анна не могла не понять, что отношенія между ней и молодымъ Бокератомъ, хотя и платоническія, заставляютъ страдать его жену и угрожаютъ спокойствію всей семьи. Она должна была понимать, въ чемъ могъ себя обманывать слабый, „половинчатый" Іоганнесъ. И если она, тѣмъ не менѣе, уступаетъ его просьбамъ и остается до такой минуты, когда уже мать умоляетъ ее уѣхать тотчасъ же, то изъ этого можно заключить, что еслибы онъ объявилъ ей о намѣреніи бросить домъ и слѣдовать за ней, она считала бы себя въ правѣ взять это счастье, хотя бы цѣною жизни другой женщины.

Здѣсь представляется вопросъ — гдѣ нравственный предѣлъ права человѣка на личное счастье? Но указать на эту черту необходимо для характеристики типовъ.

Другое обвиненіе относится къ Іоганнесу. Онъ могъ обманывать себя, что чувствуетъ къ Аннѣ только дружбу, въ которой и жена, прямо жившая его любовью, не имѣетъ права видѣть измѣны. Онъ могъ сознавать, что съ потерей Анны онъ лишится охоты работать и даже жить. Но имѣлъ ли онъ право нанести самоубійствомъ страшный ударъ—такой женѣ и такимъ родителямъ? Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же, въ сущности, вопросомъ о нравственномъ предѣлѣ личнаго права, хотя въ этомъ случаѣ онъ возникаетъ уже не изъ стремленія къ счастью, но, наоборотъ, изъ утраты его.

Въ этихъ двухъ драмахъ („Friedensfest" въ 1890 г. и „Einsame Menschen" въ 1891 г.) Гауптманъ выступилъ такимъ соперникомъ Ибсена, который нисколько не уступаетъ своему образцу, по самостоятельности мысли, яркой обрисовкѣ типовъ и силѣ дѣйствія. Можно даже прибавить, что душевныя движенія дѣйствующихъ лицъ выражены здѣсь Гауптманомъ полнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ въ такихъ семейныхъ драмахъ Ибсена, какъ „Призраки" и „Строитель Сольнессъ".

VII.

Непосредственно затѣмъ Гауптманъ въ драмѣ „Ткачи", вышедшей въ печати въ 1892 году, избралъ темой борьбу труда съ капиталомъ, которой Ибсенъ не хотѣлъ касаться, потому что въ борьбѣ политической и сословной онъ видѣлъ только частности и не любилъ той односторонности или узкости взгляда, съ какой, по необходимости, ведется эта борьба. Онъ считалъ выше ея — „революціонированіе духа". Кромѣ того, онъ не любилъ вообще толпы.

Но избраніе такой темы для драмы, какъ рабочее движеніе, вполнѣ оправдывается уже хотя бы съ самой точки зрѣнія свободы искусства. Теорія о крѣпостной зависимости искусства отъ цѣлей утилитаризма отжила свой вѣкъ. Но было бы нелѣпо утверждать, что искусство не имѣетъ права вдохновляться борьбой революціонно-политической или соціальной, какъ оно издревле вдохновлялось борьбой международной, государственной. Уже самая жгучесть интереса той борьбы, которая волнуетъ европейское общество болѣе полустолѣтія, является благодарнымъ элементомъ для литературнаго творчества.

А что касается сценическаго дѣйствія, то несомнѣнно, что достаточно одного введенія соціальной борьбы въ драму, чтобы дѣйствіе это волновало зрителей. Но именно по той причинѣ, что самый предметъ уже ручается за интересъ дѣйствія, здѣсь легко достигнуть эффектовъ дешевыхъ, а стало быть, производимое такой драмой, хотя бы сильное впечатлѣніе, еще не свидѣтельствуетъ о силѣ таланта автора и о художественности его произведенія.

Замѣчанія эти оправдываются драмой „Ткачи" въ такомъ смыслѣ, что на большинство публики она дѣйствуетъ несравненно сильнѣе, чѣмъ „Праздникъ примиренія" и „Уединенные люди", а между тѣмъ, какъ произведеніе искусства, названная драма гораздо слабѣе двухъ послѣднихъ. Жалобы ткачей, волненіе среди нихъ, демонстраціи съ революціонною пѣснью, наконецъ разгромъ фабрикъ — это такой предметъ, который, такъ сказать, „самъ ходитъ". На сценѣ постоянно происходитъ дѣйствіе, но въ смыслѣ развитія драмы его нѣтъ. Драма эта скорѣе описаніе, демонстрируемое рядомъ не туманныхъ, а очень яркихъ картинъ, чѣмъ образъ постепеннаго столкновенія интересовъ, развитія страстей, воздѣйствія выдающихся личностей. Личныхъ ти-

повъ здѣсь даже почти нѣтъ, такъ какъ дѣйствующія лица являются скорѣе типами своей среды, чѣмъ индивидуальностями. У нихъ, конечно, есть нѣкоторыя личныя особенности, но собственно только въ степени энергіи. Такъ, молодой рабочій Бэкеръ — задоренъ; Морицъ Егеръ, отставной гусаръ, бывшій ткачомъ,— смѣлъ, потому что онъ „видалъ виды"; старый ткачъ Баумертъ, не ѣвшій мяса два года и угнетаемый нуждою семьи,—уже менѣе склоненъ къ дѣйствію, однако даетъ себя увлечь примѣромъ другихъ. Наконецъ, еще болѣе старый ткачъ Гильзе остается совершенно пассивнымъ, такъ какъ онъ покорился мысли о христіанскомъ долгѣ безропотно переносить страданія и исполнять то назначеніе, къ которому онъ призванъ. Дрейссигеръ, на котораго главнымъ образомъ обрушивается возстаніе, — типичный фабрикантъ, а кассиръ и экспедиторъ его—типичные подчиненные, но, какъ личности, ни онъ, ни они ничѣмъ не выдаются. Дрейссигеръ, разумѣется, думаетъ только о своемъ интересѣ, и всякое требованіе со стороны рабочихъ представляется ему нахальствомъ. Однако, не видно, чтобы онъ былъ особенно злымъ или жаднымъ.

Повторяемъ, дѣйствующія лица въ этой пьесѣ типичны только какъ представители своего соціальнаго положенія, а дѣйствіе ея развивается органически, но движется механическимъ образомъ. Остается даже невыясненнымъ, почему оно произошло въ данный моментъ, а не годомъ раньше или позже.

Но если разсматривать „Ткачей" только какъ рядъ картинъ, изображающихъ нищету рабочаго люда и обусловленныя ею страданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывающихъ протестъ и возбуждающихъ въ зрителяхъ сочувствіе къ реформамъ въ положеніи рабочей массы, то и этому произведенію Гауптмана нельзя отказать въ значеніи и силѣ. Здѣсь отчасти повторилось то же, что было отмѣчено въ первой его пьесѣ „Передъ восходомъ солнца". Реально и чрезвычайно живописно представлена среда, которая заслоняетъ собой индивидуальность дѣйствующихъ лицъ.

„Ткачи" были названы авторомъ „драмой изъ эпохи сороковыхъ годовъ", и это было сдѣлано не съ цѣлью облегчить принятіе на сцену пьесы характера революціоннаго, а потому, что пьеса эта основана на дѣйствительномъ бунтѣ ткачей въ Силезіи, бывшемъ въ 1844 году, и изображаетъ исторически вѣрно, какъ крайнюю нищету, въ какой они жили, такъ и картину ихъ возстанія. И революціонная пѣсня „Кровавый судъ" (Das Blutgericht), которая поется въ драмѣ,—та самая, съ которой тогдашніе ткачи въ Совиныхъ горахъ разрушали фабрики,

разбивали машины и уничтожали имущество хозяевъ. Даже наиболѣе пострадавшій фабрикантъ—былъ тотъ самый, который выведенъ въ драмѣ подъ именемъ Дрейссигера, а въ дѣйствительности его фамилія была Цванцигеръ. Еслибы дѣйствіе было перенесено въ наше время, то противники не только обвинили бы автора въ возбужденіи классовой ненависти (это случилось и теперь), но стали бы оспаривать его картину быта ткачей, характеръ отношеній къ нимъ фабричной администраціи, самыя требованія, ходъ переговоровъ и проч.

Но когда драма основана на дѣйствительномъ происшествіи и даже въ частностяхъ согласна съ данными исторіи, то оспаривать правдивость ея уже нельзя. Силезскіе ткачи находились въ ужасномъ положеніи. Все населеніе работало цѣлый день, не исключая малолѣтнихъ, за ничтожную плату, которой едва хватало на скудную пищу, а между тѣмъ ткачи должны были еще платить налоги, нанимать у мѣстныхъ крестьянъ помѣщенія и подлежали еще натуральнымъ повинностямъ. Часто у нихъ не хватало ни хлѣба, ни картофеля; мясо они ѣли только въ случаѣ падежа лошади или поимки забѣжавшей собаки. Послѣдній толчокъ былъ данъ недородомъ, отъ котораго еще вздорожалъ картофель. Ткачи возстали, разгромили нѣсколько фабрикъ, встрѣтили камнями высланныхъ противъ нихъ солдатъ, выдержали нѣсколько залповъ, которыми были убиты или ранены болѣе десятка человѣкъ, и принудили солдатъ отступить. И „погулявъ“ такимъ образомъ, они вдругъ смирились. Быстро и самъ собой прекратившійся разгромъ объяснялся тѣмъ, что ткачи хотѣли хоть нѣсколько дней „подышать свободнымъ воздухомъ“, хоть разъ „отвести душу“ и выместить злобу на своихъ врагахъ.

„Ткачи“ были запрещены берлинской полиціей, но высшій административный судъ въ 1893 г. отмѣнилъ это распоряженіе. Пьеса шла въ Берлинѣ въ первый разъ въ томъ же году на театрѣ „Freie Bühne“. Въ 1894 г. она была поставлена на главной берлинской сценѣ въ „Deutscher Theater“ и съ тѣхъ поръ имѣла тамъ сотни представленій. А когда „Ткачи“ давались въ Берлинѣ въ первый разъ, то публика на верхней галереѣ участвовала въ бунтѣ, который изображался на сценѣ. Зрители возбуждали ткачей, громившихъ фабрику. А въ партерѣ пьесѣ горячо апплодировали не только Либкхнетъ, Бебель и Зингеръ, бывшіе на лицо, но и представители богатой буржуазіи.

Они, конечно, имѣли право ссылаться на то, что нынѣ положеніе ткачей, живущихъ въ фабричныхъ домахъ, получающихъ возвышенные заработки, пользующихся врачебной помощью, а въ

нѣкоторыхъ случаяхъ и пособіями, наконецъ, работающихъ не болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки, уже не таково, какимъ оно представлено въ пьесѣ Гауптмана. Силезскіе ткачи въ 40-хъ годахъ жили въ нанимаемыхъ ими ветхихъ, иногда даже курныхъ избахъ, съ протекавшими крышами, нуждаясь въ топливѣ, рѣдко могли топить печи, страдали отъ всяческихъ болѣзней, иногда буквально умирали съ голода. Работали они—сколько фабрикантъ велѣлъ, плату получали ничтожную, да еще уплачивали штрафы въ пользу тѣхъ же фабрикантовъ.

Перемѣна къ лучшему несомнѣнна, и на нее-то указывалось въ тѣхъ горячихъ спорахъ, какіе были возбуждены драмой Гауптмана. Однако не слѣдуетъ упускать изъ вида, что и въ то отдаленное время, когда положеніе рабочихъ, дѣйствительно, было ужасно, противъ возвышенія заработковъ и сокращенія числа рабочихъ часовъ Дрейссигеры говорили совершенно то же самое, что въ промышленной средѣ говорится и теперь: „Мы никого не держимъ насильно",—такъ убѣждали ткачей Дрейссигеръ и его кассиръ,—„вы сами согласились работать за такую плату, а за худую работу дороже платить нельзя: wer gut webt, der gut lebt". И тогда говорилось, что какого-либо возвышенія нищенскихъ въ то время заработковъ промышленность не въ состояніи выпести, она разорится; что уменьшеніе числа часовъ работы поставило бы внутреннюю промышленность въ невозможность конкурренціи съ заграничной. И въ Россіи все это говорилось еще не далѣе, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ, когда на нѣкоторыхъ, особенно мелкихъ русскихъ фабрикахъ люди работали въ день по 16-ти и 17-ти часовъ, а не $11^1/_2$, какъ теперь, да еще эксплуатировались и фабричными лавками, и своими же старостами-ростовщиками.

VIII.

Анализируя творчество Гауптмана и стараясь выяснить, насколько этотъ неутомимо „ищущій" умъ подчинялся постороннимъ вліяніямъ, служилъ той или другой „тенденціи" или же свободно поддавался влеченію своего богатаго поэтическаго таланта, мы слѣдуемъ хронологическому порядку появленія его произведеній. Это и позволяетъ видѣть съ наибольшей ясностью, какъ писатель этотъ безпрестанно уклонялся то въ ту, то въ другую сторону, не всегда, конечно, оставаясь равнымъ себѣ, но, благодаря огромному дарованію, являясь художникомъ въ любой средѣ и въ проведеніи любой избранной имъ задачи.

Такъ, послѣ двухъ пьесъ, посвященныхъ развитію идеи индивидуализма, двухъ превосходныхъ семейныхъ драмъ, онъ вдругъ перешелъ къ драмѣ въ духѣ—и даже въ формѣ—противоположной, въ духѣ коллективизма, борьбы за права массы, и здѣсь, то-есть въ „Ткачахъ", пожертвовалъ индивидуализмомъ не только въ идеѣ, но и въ формѣ, не выдвинувъ никакихъ сильныхъ индивидуальностей и всю силу предоставивъ механическому дѣйствію толпы.

Непосредственно затѣмъ Гауптманъ перешелъ опять въ совсѣмъ иную область, которую можно назвать драматическимъ „жанромъ", и въ 1892 г.—написалъ комедію „Коллега Крамптонъ", а въ 1893 г. „Бобровую шубу", пьесу, которую назвалъ „воровскою комедіей". Говорятъ, что обратиться къ комедіи побудило его представленіе на одной изъ берлинскихъ сценъ Мольеровскаго „Скупого" въ 1891 г., когда Гауптманъ только-что окончилъ своихъ „Ткачей". Старику Мольеру, какъ извѣстно, посчастливилось въ наше время на германскихъ сценахъ,—ему одному изъ французскихъ классиковъ, потому что нашлись критики, которые наклеили на него этикетъ „натурализма", такъ что старикъ неожиданно помолодѣлъ. По примѣру Германіи, и въ Россіи стали ставить пьесы Мольера, не всегда дѣлая удачный выборъ. Такъ, первой пьесой Мольера, возобновленной на русской сценѣ, если не ошибаемся, были „Les Fourberies de Scapin"—совершенно безъидейный фарсъ. „Тартюфа", небось, не поставили. А великолѣпнаго „Мизантропа", кажется, не возобновили и въ Германіи.

Какъ бы то ни было,—говорятъ, что, увидавъ „Скупого" и познакомившись на немъ съ „натуралистомъ" Мольеромъ, Гауптманъ испыталъ влеченіе къ комедіи—и, разумѣется, натуралистической. Но если подъ флагомъ натурализма собрать такихъ писателей, какъ Мольеръ, Гоголь, Зола̀ и Ибсенъ, то окажется, что между ними нѣтъ ничего общаго, кромѣ вывѣшеннаго надъ ними флага. Натурализмъ Гоголя непохожъ на натурализмъ Зола̀, а натурализмъ Ибсена означаетъ совсѣмъ не то, что̀ натурализмъ Мольера. Впрочемъ, Гауптманъ съ самаго начала своей дѣятельности былъ вполнѣ въ курсѣ натурализма современнаго и не нуждался въ поученіяхъ натурализма XVII вѣка. Но что на него подѣйствовала „vis cornica" великаго французскаго писателя и побудила его обратиться къ комедіи, это только представило новый примѣръ необыкновенной впечатлительности Гауптмана и его постояннаго исканія „новыхъ путей".

Не думаемъ однако, чтобы именно „Скупой" могъ внушить

ему „Коллегу Крамптона". Правда, и та, и другая комедія посвящены исключительно изображенію оригинальнаго главнаго типа. Но типы эти не имѣютъ ничего общаго. Въ „Скупомъ" данъ очеркъ страсти, которая уродуетъ человѣка. Вотъ, Плюшкинъ, это—„Скупой". А коллега Крамптонъ, наоборотъ, расточителенъ, до крайности мягкій, а вовсе не окаменѣвшій въ одной страсти, почти до безумія, человѣкъ. Скорѣе надо думать, что представленіе „Скупого" побудило Гауптмана ознакомиться вообще съ Мольеромъ. И если ужъ искать нѣкотораго сходства, то въ независимомъ, правдивомъ профессорѣ живописи Крамптонѣ, ненавидящемъ всякое искательство и сословные предразсудки, можно найти нѣкоторыя черты Альцеста въ „Мизантропѣ". Крамптонъ—даровитый художникъ, презирающій тѣхъ собратьевъ, которые выслужились низкопоклонствомъ и серьезностью педантства. Съ ученицами онъ—за панибрата и говоритъ съ ними безъ особаго уваженія о разныхъ школахъ искусства и о шаблонныхъ на него взглядахъ. Гордый въ душѣ, онъ внѣшнимъ образомъ нисколько гордости не обнаруживаетъ. Жена его имѣетъ состояніе и принадлежитъ къ знатному роду. А онъ не прочь и въ пивной посидѣть, и побесѣдовать съ самыми простыми людьми.

И по мѣрѣ того, какъ его „заѣдаетъ среда", добродушный Крамптонъ, отказываясь отъ всякой борьбы, начинаетъ опускаться. Отъ него отворачивается князь, бывшій его покровителемъ, семья его бросаетъ и уѣзжаетъ къ родителямъ жены,—наконецъ, его лишаютъ должности профессора. А онъ нисколько не борется, а только страдаетъ, начинаетъ запивать и даже заговариваться. Наконецъ, всѣ его картины и вещи продаются съ аукціона. Въ дѣлахъ практической жизни этотъ художникъ—совершенное дитя. Но стараго ребенка спасаетъ младшая дочь, оставшаяся при отцѣ. Она выходитъ за достаточнаго человѣка, устраиваетъ отцу помѣщеніе у себя въ домѣ и обезпечиваетъ его отъ заботы о „мелочахъ". Комическій элементъ здѣсь проявляется только въ смыслѣ юмора, съ какимъ очерчена довольно печальная доля этого оригинала, который весь отдался искусству, пренебрегая даже хлѣбомъ насущнымъ, хотя кружкой пива не пренебрегалъ.

Другая комедія,—„воровская", названная „Бобровой шубой",—въ драматическомъ отношеніи совсѣмъ слаба. А съ точки зрѣнія литературной вообще стоитъ отмѣтить только рѣзко очерченный типъ энергической бабы-воровки, которая всѣхъ близкихъ держитъ въ крѣпкихъ рукахъ. Идейнаго же значенія за этой пьесой признать нельзя, такъ какъ странно бы видѣть „идею"—въ комическомъ изображеніи общиннаго начальника фонъ-Глазенапа,

производящаго дознаніе о кражѣ замѣчательно глупо. Между тѣмъ у Гауптмана есть и другое, новѣйшее произведеніе—„Красный пѣтухъ“, названное „траги-комедіей“, въ которомъ такой же начальникъ (Amtsvorsteher) фонъ-Верганъ проявляетъ такую же напыщенную глупость при дознаніи о поджогѣ. Очевидно, авторъ счелъ не лишнимъ указать на неспособность бароновъ, облеченныхъ полицейской властью въ дворянскихъ имѣніяхъ, къ исполненію обязанности, требующей умственнаго развитія и юридической подготовки. Но въ идейномъ смыслѣ эта задача слишкомъ мелкая для такого поэта, какъ Гауптманъ.

Гауптману пошелъ 31-й годъ отъ рожденія, когда въ Берлинѣ въ ноябрѣ 1893 года на сценѣ королевскаго театра была поставлена его „приснившаяся поэма“ (Traumdichtung)—„Вознесеніе Ганнеле“. Содержаніе этой драматизированной поэмы, въ которой, впрочемъ, только страницы четыре стиховъ, слишкомъ всѣмъ памятно, такъ что о немъ достаточно сказать нѣсколько словъ. Въ деревенскую богадельню приносятъ дѣвочку, которая бросилась въ полынью замерзшаго пруда.

Это—Ганнеле, жертва своего отчима, пьянаго и жестокаго каменьщика Маттерна, который гонялъ ее просить милостыню и истязалъ по цѣлымъ часамъ, когда ей не удавалось собрать, сколько ему нужно на выпивку. Прежде дѣвочку хоть пыталась защищать мать, но та, наконецъ, сама утопилась въ томъ же прудѣ, а съ тѣхъ поръ вся жизнь Ганнеле проходила въ мученіи. Послѣ одной изъ пытокъ, беззащитной жертвѣ послышался изъ того пруда призывавшій ее голосъ Спасителя.

Затѣмъ, все дѣйствіе это—агонія измученной, промерзшей и впавшей въ горячку дѣвочки, и окружающія ея сцены—однѣ реальныя: услуги сестры милосердія, разговоры богадельныхъ жителей, допросъ полицейскаго начальника, посѣщеніе добраго школьнаго учителя; другія—воображаемыя. Въ этихъ послѣднихъ сестра милосердія представляется умирающей то матерью, то опять сидѣлкой, а личность добраго учителя превращается въ образъ самого Спасителя. Порою ей слышится и голосъ тирана-отчима.

Недостаточно было бы сказать, что здѣсь фантастическое и реальное переплетаются совершенно естественно, со всей болью покинутой жертвы, съ нѣжной ея дѣтскостью, чистотой и наивно-глубокою вѣрой. Этого мало. Огромная поэтическая интуиція раскрываетъ здѣсь міръ сверхъестественный съ полной реальностью, какъ онъ представляется богато одаренной дѣтской душѣ. Эта нищенка, эта „лохмотная принцесса“, какъ ее дразнили уче-

ницы въ школѣ, не такъ, какъ онѣ, понимала и ощущала религіозное поученіе, молитвы матери, обѣты любви и милосердія, священныя изображенія и звуки органа. Это была любящая, высоко-поэтическая душа въ истязуемомъ и покрытомъ рубищемъ дѣтскомъ тѣлѣ.

То, что дѣвочка эта видитъ въ бреду небеснаго — это для нея такая же реальность, какъ и ужасъ при мысли объ отчимѣ, какъ та дрожь, которую она вынесла изъ мученія и изъ замерзающей воды. Черный ангелъ смерти съ направленнымъ къ умирающей мечомъ и свѣтлые ангелы утѣшенія, и мать, которая омывала слезами ноги Спасителя, а теперь явилась къ ней съ вѣстью о прощеніи и оставляетъ ей въ залогъ цвѣтокъ „ключъ небесный“ (Himmelsschlüssel) — все это въ сознаніи ея такъ же осязательно, какъ боль и страхъ при голосѣ мучителя.

Да все это реально и для зрителя, такъ какъ всѣ эти образы чудесной силой искусства облечены въ свойства личныя, въ особенности природы и ума дѣвочки-подростка.

Живущія въ ней представленія о сверхъестественномъ, просіявшія особенно ярко въ сознаніи, что она уже отходитъ въ тотъ міръ, неразлучны съ впечатлѣніями земными, съ обидой и презрѣніемъ, въ которыхъ она жила, съ дѣвическими желаніями быть красивой, хорошо одѣтой, любимой, дождаться справедливости вмѣсто безъисходнаго горя. И вотъ, и эти желанія ея сбываются во снѣ, хотя уже только въ видѣ прощанія, въ формахъ погребенія. Учитель, который одинъ былъ для нея добръ, говоритъ ей: „моя дорогая“ и „сердце мое разрывается, теряя тебя“. Онъ приноситъ ей цвѣты и руководитъ погребальнымъ пѣніемъ. Презиравшія ее дѣвочки-соученицы просятъ ее не говорить Спасителю, какъ онѣ ее обижали. Ей представляется, что она — графская дочь, и портной приноситъ ей бѣлое шолковое подвѣнечное платье, въ которомъ она будетъ лежать въ хрустальномъ гробѣ, и на мѣру ея ногъ какъ разъ пришлись самыя маленькія атласныя туфли, какъ у той, сказочной принцессы.

Та же реалистическая правда въ сферѣ сверхъестественнаго соблюдена въ вопросахъ, какіе задаетъ Ганнеле являющейся ей матери: какъ далеко туда, откуда она пришла, хорошо ли тамъ, есть ли тамъ отдыхъ и пища, и зачѣмъ мать хочетъ ее опять оставить? Когда мать говоритъ, что ее зоветъ Богъ, Ганнеле спрашиваетъ: „А Онъ громко зоветъ?“ Потомъ она спрашиваетъ еще о своемъ спасеніи по смерти, и тогда мать даетъ ей въ видѣ залога цвѣтокъ.

Съ такой же простотой выражаетъ Ганнеле въ своемъ обращеніи къ ангелу смерти страхъ свой и вмѣстѣ свою покорность. Спаситель является ей въ видѣ незнакомца, съ чертами, напоминающими добраго учителя, но сопровождаемый сонмомъ ангеловъ. Онъ возвѣщаетъ ей прощеніе и спасеніе, причемъ описываетъ ей край вѣчности въ видѣ чудеснаго града, гдѣ миру и радости нѣтъ конца и гдѣ она увидитъ все, что въ воображеніи ея носилось прекраснаго: сады съ обиліемъ цвѣтовъ, мраморные дома съ золотыми кровлями, и фонтаны, и море. И повелѣваетъ онъ ангеламъ поднять слабое ея, изнуренное тѣло, дрожавшее отъ холода, изсушенное горячкой, и завернуть его въ тонкую ткань, бережно, чтобы изстрадавшаяся плоть не почувствовала боли, и понести ее въ высь мягкимъ полетомъ, безъ взмаха крыльевъ, въ свѣжесть и благоуханіе рая.

Послѣднія страницы написаны риѳмованными стихами, и тема такъ вдохновила автора, что эти стихи его, величественные при дѣтской простотѣ, несравненно красивѣе всѣхъ, какіе онъ писалъ раньше.

„Вознесеніе Ганнеле“ — это и есть настоящій chef d'œuvre Гауптмана. Въ этомъ произведеніи онъ далъ полную волю своему истинному, поэтическому призванію. Самобытная по творческой мысли, эта „драма во снѣ“ проникнута такой гармоніею фантазіи съ реальностью, грубость жесткости и святость мученичества въ ней придаютъ себѣ взаимно такую рельефность, что получилось произведеніе высоко-художественное. Въ немъ Гауптманъ, какъ поэтъ, уже далеко превзошелъ Ибсена.

Само собою разумѣется, что вещь, отмѣченная такой оригинальностью и такимъ блескомъ таланта, не могла не вызвать и нареканій со стороны заурядной критики, руководящейся партійными прописями и литературными шаблонами. Съ одной стороны, находили, что въ этой пьесѣ слишкомъ много догматическаго и даже обрядоваго, а потому она не либеральна. А съ другой, ретивые поборники догмата усмотрѣли въ началѣ ея грубый натурализмъ, а въ концѣ—кощунство, такъ какъ догматическія представленія являются здѣсь въ формѣ лихорадочнаго бреда. Нѣкоторыя сферы посылали даже берлинскаго оберъ-священника (Garnisons-Prediger) въ театръ—подсмотрѣть, не перешло ли кощунство мѣры дозволеннаго. Но, по счастью, пасторъ этотъ оказался не фарисеемъ-буквоѣдомъ, а мыслящимъ человѣкомъ, который оцѣнилъ и матеріальную правдивость, и душевную истинность этого прелестнаго произведенія.

IX.

Дойдя въ „Ганнеле“ до полнаго развитія своей поэтической силы, найдя такую область творчества, въ которой онъ является вполнѣ независимымъ отъ ближайшихъ предшественниковъ и современниковъ и стоитъ выше ихъ, Гауптманъ какъ будто рѣшился отдохнуть. Прошло почти три года, и никакого новаго произведенія его послѣ „Ганнеле“ на сценѣ не появлялось. Онъ предпринималъ поѣздки, читалъ и, конечно, обдумывалъ новые сюжеты для драмъ. Его манило опять въ сферу, наименѣе сродную его таланту, именно—въ область соціальной борьбы. Этой наклонности могъ содѣйствовать огромный успѣхъ „Ткачей“ на сценѣ.

Позволительно предположить, что въ эту сторону клонило Гауптмана то ясновидѣніе, какое порой проявляется у поэтовъ. Нельзя сомнѣваться, что назрѣваніе идей реформы общественной и неизбѣжность борьбы мирной или насильственной за ихъ осуществленіе должны открыть и передъ литературнымъ творчествомъ новыя перспективы, дать ему большой матеріалъ и тотъ успѣхъ, который обезпечивается за творческой силой совпаденіемъ ея съ силой народныхъ движеній. Но для того, чтобы стать однимъ изъ иниціаторовъ этой эволюціи, въ литературѣ недостаточно избирать подходящія темы. Необходимо имѣть вполнѣ опредѣленное убѣжденіе, а можетъ быть, еще и ту страстность, какую авторъ можетъ вынести только изъ борьбы личной, изъ личныхъ невзгодъ и страданій.

Между тѣмъ Гауптманъ, по складу ума и по разносторонности своего таланта, выработанной необыкновенной впечатлительностью, менѣе всего способенъ быть борцомъ за идею. Ему недостаетъ цѣльности и обусловливаемой ею нѣкоторой односторонности. Это гораздо болѣе человѣкъ впечатлѣнія, чѣмъ убѣжденія. Природа его таланта заставляетъ его разбрасываться, а при этомъ талантъ его проявляется въ полномъ блескѣ именно въ области совершенно свободной, безтенденціозной поэзіи. Наконецъ, какъ человѣкъ, не проходившій самъ житейской борьбы, съ дѣтства обезпеченный въ средствахъ, онъ не выработалъ въ себѣ ни выдержанности, ни личной солидарности съ тѣми болями, какія вызываются давленіемъ строя.

„Ткачи“, какъ мы уже замѣтили, производятъ сильное впечатлѣніе только механическимъ дѣйствіемъ: видъ людей голодаю-

щихъ, видъ бунта и толпы, громящей фабрики, не можетъ оставить зрителей равнодушными. Но здѣсь почти нѣтъ драмы въ смыслѣ литературномъ, нѣтъ и типовъ, которые бы ясно выражали идею автора. Впечатлѣніе получается сильное, но не при чтеніи, а только на сценѣ. Какъ бы то ни было, этотъ насильственный протестъ рабочихъ, хотя и относящійся къ сороковымъ годамъ, все-таки близокъ къ нашему времени.

Но въ упомянутомъ трехлѣтнемъ промежуткѣ, когда Гауптманъ занимался, между прочимъ, соціологіею, ему пришла мысль представить на современной сценѣ эпизоды изъ крестьянской войны XVI столѣтія въ Германіи, въ эпоху Лютера и Ѳомы Мюнцера. Кстати вышла тогда въ новомъ изданіи книга о той войнѣ, написанная однимъ изъ германскихъ демократовъ сороковыхъ годовъ—именно въ „современномъ освѣщеніи" понятій и событій, относящихся къ эпохѣ реформаціи. Тогдашнее возстаніе крестьянъ находило поддержку и со стороны нѣкоторыхъ мелкихъ владѣтелей, бывшихъ вассалами германскихъ князей и епископовъ. Таковы были между ними Гёцъ фонъ-Берлихенгенъ, герой драмы Гёте, и Флоріанъ Гейеръ, герой драмы Гауптмана, названной именемъ этого рыцаря.

Здѣсь потребовалось изученіе обильнаго историческаго матеріала и литературныхъ памятниковъ той эпохи, чтобы выработать для драмы языкъ, подходящій къ тому времени, когда и среди высшихъ классовъ не былъ еще въ общемъ употребленіи языкъ литературный, какъ онъ былъ установленъ Лютеровымъ переводомъ св. писанія. Эта забота о своеобразности языка уже усложняла задачу, которая и сама по себѣ не соотвѣтствовала таланту Гауптмана. Если въ „Ткачахъ" дѣйствіе имѣетъ только механическій характеръ, а типы представляютъ только второстепенный интересъ, то въ исторической драмѣ „Флоріанъ Гейеръ" дѣйствія совсѣмъ нѣтъ. Всѣ сцены состоятъ изъ безконечныхъ разговоровъ на одну и ту же тему. О перипетіяхъ драмы на сценѣ только разсказывается, такъ что пьеса производитъ прямо утомительное впечатлѣніе. Представленная въ Берлинѣ въ 1896 г., она не имѣла успѣха и была дана всего нѣсколько разъ. Съ тѣхъ поръ ее не возобновляли и въ другихъ городахъ ее не ставили.

Неудача эта была очень чувствительна для Гауптмана, уже привыкшаго къ тріумфамъ. Въ такіе моменты разочарованія, къ которому естественно прививается и нѣкоторое сомнѣніе въ себѣ, писателю особенно дорого бываетъ всякое новое признаніе. И вотъ, какъ разъ послѣ „провала" въ Берлинѣ исторической

драмы, которой онъ посвятилъ столько труда, Гауптманъ получилъ нравственную поддержку изъ Вѣны, гдѣ ему была присуждена премія Грильпарцера за мастерское произведеніе его поэтическаго таланта, а именно за „Ганнеле“.

Это являлось для него не только утѣшеніемъ, но и указаніемъ на ту область творчества, въ которой онъ могъ съ большой увѣренностью разсчитывать на новый успѣхъ. И вотъ, онъ снова далъ полную волю своей поэтической силѣ, и черезъ годъ по окончаніи злополучнаго „Флоріана Гейера“ имъ было уже написано новое, блестящее произведеніе—„Потонувшій колоколъ“ (1896). Оно столь же общеизвѣстно, какъ и „Ганнеле“, и потому, не излагая подробно содержанія, мы остановимся, главнымъ образомъ, на проведенной въ немъ мысли.

Мастеръ Генрихъ—литейщикъ церковныхъ колоколовъ, достигшій въ своемъ дѣлѣ несравненнаго искусства. Въ колокола свои онъ сумѣлъ влагать душу. Сотни его колоколовъ, разсѣянныхъ по странѣ, не только призываютъ вѣрныхъ къ молитвѣ, но одушевляютъ и плѣняютъ ихъ могуществомъ, красотой и сладостью звука. Они говорятъ сердцамъ о величіи Бога, внушаютъ жажду молитвы и обѣтъ любви.

Въ его мастерской, лежащей въ долинѣ, отлитъ новый колоколъ, въ которомъ онъ еще превзошелъ себя, и колоколъ этотъ подымаютъ по горной тропинкѣ на вершину, гдѣ выстроена первая въ той необитаемой области капелла. Оттуда чудный звонъ будетъ проноситься какъ бы съ неба, во славу Божію и въ утѣшеніе людямъ. Но горы Силезіи и лежащія среди нихъ озера полны незримыхъ обитателей, враждебныхъ и людямъ, и Богу. Это—мистическія существа вродѣ фавновъ, сатировъ, гномовъ, эльфовъ и сиренъ, которыя не хотятъ надъ собой тревоги божьяго звона. Изъ нихъ главныя роли играютъ могучій Вальдшратъ, лѣшій съ человѣческимъ обликомъ и козлиными ногами, одаренный звѣриной силой и цинизмомъ сатира, Никкельманъ—водяной старикъ, получеловѣкъ, полулягушка, который живетъ на днѣ колодца и можетъ высовывать оттуда только верхнюю часть туловища. Въ томъ же мірѣ является граціозное существо изъ рода эльфовъ, полуженщина, полуребенокъ, очаровательная Раутенделейнъ, что буквально значитъ „красная Аннушка“.

Когда подымаютъ на гору колоколъ, за которымъ слѣдуетъ самъ мастеръ Генрихъ, Вальдшратъ ломаетъ колесо у повозки, и колоколъ летитъ на дно озера, а за нимъ и творецъ его, мастеръ Генрихъ, падаетъ на берегъ того же озера. Тамъ его находятъ ближніе и несутъ его, полуживого, назадъ въ долину,

въ село, гдѣ онъ жилъ съ женой и дѣтьми. Жена его Магда восхищалась звукомъ его колоколовъ и чтила въ немъ художника, но не могла понять его безпредѣльнаго, высшаго стремленія. Раутенделейнъ проникаетъ къ нимъ въ домъ подъ видомъ служанки и своими чарами исцѣляетъ мастера, а внушенной ему страстью къ себѣ обновляетъ его силы, молодитъ его, такъ что Генрихъ замышляетъ новое, великое твореніе, оставляетъ жену и дѣтей и слѣдуетъ за возлюбленной въ горы, переноситъ туда свою мастерскую и на мѣстѣ капеллы начинаетъ строить храмъ, на которомъ онъ создастъ одухотворенный колокольный звонъ, какого еще не слышалъ міръ.

Этотъ храмъ будетъ посвященъ культу „Солнца"—высшей человѣческой идеи, любви и всеобщаго счастья. Въ немъ и Спаситель сойдетъ со своего креста—юношей,—согрѣтый солнцемъ. Вотъ что̀ возвѣщаетъ мастеръ Генрихъ священнику, который убѣждалъ его возвратиться къ женѣ и дѣтямъ и оставить безбожную затѣю. Въ концѣ этого превосходно веденнаго разговора священникъ предсказываетъ мастеру, что потонувшій колоколъ прозвучитъ ему снова, отзовется голосомъ отвергнутаго имъ прошлаго, и это будетъ для него вѣстью о гибели.

Жена Генриха въ отчаяніи бросается въ озеро, а жители долины, возмущенные отступничествомъ его, разрушаютъ и жгутъ созидаемый имъ при помощи волшебной силы храмъ. Тогда изъ глубины озера слышится звонъ колокола, а передъ глазами мастера появляются умершія его дѣти, которыя приносятъ ему кружку, наполненную слезами ихъ матери. Съ ужасомъ слышитъ и видитъ все это Генрихъ, и земныя чувства берутъ въ немъ верхъ надъ стремленіемъ сверхчеловѣческимъ. Онъ отталкиваетъ отъ себя и проклинаетъ Раутенделейнъ и спускается въ долину къ своимъ ближнимъ. Но недолго онъ остается тамъ: они гонятъ его назадъ въ горы. А тамъ возлюбленная не возвращается къ нему. Оттолкнутая имъ, она нашла пріютъ у Никкельмана, а Генриха даритъ только трогательнымъ прощальнымъ свиданіемъ. Онъ умираетъ, выпивъ чашу, поданную ему живущей въ горахъ колдуньей.

Мы опустили всѣ частности, которыя придаютъ этой „сказочной драмѣ" живописность, облекаютъ ее дѣйствительно волшебнымъ колоритомъ, а также и нѣкоторыя особенности, вполнѣ умѣстныя въ сказкѣ, но нѣсколько странныя на сценѣ. Остановимся на мысли пьесы. Символическое ея значеніе довольно ясно, конечно, если не разгадывать смысла нѣкоторыхъ символовъ второстепенныхъ, которые, однако, заботливо разсматривались

нѣмецкой критикой, какъ, напр., особая задача каждаго изъ тѣхъ карликовъ, которые помогаютъ Генриху въ постройкѣ храма, и спеціальный смыслъ напитковъ, предлагаемыхъ ему колдуньей.

Генриха не удовлетворяютъ ни совершенство въ мастерствѣ, служащемъ для догматической обрядности, ни заурядное семейное счастіе. Онъ стремится въ неизвѣданную высь. Послѣ своего паденія вмѣстѣ съ земнымъ колоколомъ, онъ объявляетъ женѣ, что тотъ колоколъ и не годился для вершинъ. Онъ прекрасно гудѣлъ въ долинѣ, но не имѣлъ того могучаго звука, какой необходимъ на высотахъ горъ. А когда чары Раутенделейнъ омолодили мастера и дали ему новое вдохновеніе, то творчество его выражается уже въ созиданіи храма солнца, въ которомъ объявится религія будущаго, то-есть благосостояніе, любовь и жизнерадостность всего человѣчества. Итакъ, призваніе Генриха— это призваніе сверхчеловѣка. Но сверхчеловѣкъ этотъ оказался недостаточно освободившимся отъ низменныхъ, „просто-человѣческихъ" чувствъ. Онъ проклялъ свою прелестную волшебницу, а тривіальный человѣческій міръ уже оттолкнулъ его самого, и Генрихъ погибъ вслѣдствіе невыдержанности своего „сверхчеловѣческаго" характера.

Итакъ, основной мотивъ взятъ у Ницше, но понятъ невѣрно, такъ какъ сверхчеловѣкъ его презираетъ человѣчество въ его настоящемъ видѣ. А согласованная съ этимъ мотивомъ, подчиненная мелодія—несоразмѣрность силъ съ великой задачей—напоминаетъ объ Ибсенѣ. Зато поэтическая красота произведенія, блескъ стиховъ, яркость картинъ, драматичность нѣкоторыхъ разговоровъ составляютъ уже собственное достояніе Гауптмана. Говорили объ иныхъ чертахъ, напоминающихъ „Фауста" Гёте и „Сонъ въ лѣтнюю ночь" Шекспира. Но вѣдь въ области поэзіи нѣтъ патентовъ на изобрѣтеніе, и несправедливо ставить современнымъ поэтамъ въ вину, что та или другая частность у нихъ напоминаетъ о великихъ поэтахъ прошлаго.

„Потонувшій колоколъ" имѣлъ огромный успѣхъ въ Германіи, какъ пьеса и какъ поэма. Въ теченіе одного года эта драма вышла въ шестнадцати изданіяхъ. Она вообще считается лучшимъ произведеніемъ Гауптмана. Тѣмъ не менѣе, въ ней есть, и по мысли, и по исполненію, несовершенства, на которыя не трудно указать, между тѣмъ какъ въ „Ганнеле" мысль и форма совпадаютъ въ безусловно-гармонической цѣлости, и сверхъ того, какъ мысль, такъ и форма вполнѣ оригинальны.

X.

Послѣ „Колокола“ Гауптманъ обратился снова къ семейной драмѣ. Таковы „Возчикъ Геншель“ (1899 г.), „Михаилъ Крамеръ“ (1900 г.), „Красный пѣтухъ“ (1901 г.) и „Роза Берндъ“ (1903 г.). Эта серія прерывается второю исторической драмой въ стихахъ — „Бѣдный Генрихъ“ — и, наконецъ, второй сказочной пьесой — „А Пиппа пляшетъ“, — поставленной въ минувшемъ году.

Изъ нихъ выдаются „Геншель“, „Крамеръ“ и „Роза Берндъ“. Геншель—это простой и добродушный человѣкъ, котораго умирающая жена заставила обѣщать ей, что онъ не женится, послѣ ея смерти, на служанкѣ ихъ Ганнѣ, дѣвушкѣ хитрой и кокетливой. Геншель чтитъ память жены, посѣщаетъ ея могилу, но, уступая уговорамъ пріятеля, женится-таки на Ганнѣ, какъ будто для пользы своего ребенка-дочери. Но дѣла его начинаютъ разстраиваться, дочь умираетъ, и хотя и отъ второй жены у него родится дочь, но это не служитъ ему утѣшеніемъ, такъ какъ жена ему измѣняетъ. Сюжетъ этотъ напоминаетъ разсказъ „Стрѣлочникъ Тиль“. Различіе въ томъ, что Геншель приписываетъ всѣ свои несчастья—тому, что онъ не сдержалъ даннаго покойной женѣ слова. Характеры здѣсь очень рельефны и дѣйствіе ведено сильно.

„Михаилъ Крамеръ“—это исторія постояннаго столкновенія отца съ сыномъ, основаннаго на деспотизмѣ отца и на взаимномъ непониманіи. По интересу драматическаго дѣйствія, пьесѣ этой слѣдовало бы дать скорѣе имя Арнольда Крамера, такъ какъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является здѣсь Арнольдъ, сынъ профессора живописи при академіи. Но по тенденціи психологической—главной фигурой представляется отецъ. Естественно, что хроническій разладъ между сыновьями и отцами проявляется рѣзче среди племенъ англо-саксонскаго, скандинавскаго и германскаго, у которыхъ сильнѣе развито начало индивидуальности, чѣмъ среди расъ романской и славянской.

Повсюду, конечно, рознь между отцами и дѣтьми возникаетъ нерѣдко вслѣдствіе раздоровъ между самими родителями, а также на почвѣ различія во взглядахъ психологическихъ и общественныхъ. Но въ этомъ послѣднемъ явленіи выказывается уже борьба не столько между личными темпераментами, сколько между несогласными воззрѣніями двухъ поколѣній. Въ чистомъ же своемъ

видѣ, то-есть какъ столкновеніе между характерами, между правами личности, эта рознь наиболѣе часто наблюдается именно у тѣхъ народовъ, которые отличаются сильно развитою волей. Профессоръ Крамеръ мало обращалъ вниманія на дочь, но въ сынѣ своемъ, съ самаго его рожденія, онъ видѣлъ свой идеалъ, второго себя, только—болѣе совершеннаго, призваннаго къ болѣе возвышенной задачѣ. Онъ говорилъ себѣ: „Тебѣ уже дойти до этого не дано, а ему—быть можетъ!"

И вотъ, онъ съ дѣтства и до возмужалости воспитывалъ сына для этого идеала, со всею строгостью, со всѣмъ тѣмъ деспотизмомъ, какой внушается убѣжденіемъ и сознаніемъ пользы для тиранизируемаго такимъ образомъ лица. Сынъ наслѣдовалъ талантъ отца, но эти пріемы воспитанія сдѣлали запуганнаго юношу скрытымъ, робкимъ, лживымъ и лѣнивымъ. Онъ проводитъ дни въ трактирахъ, а отца увѣряетъ, что работалъ или бесѣдовалъ съ товарищами объ искусствѣ. Отецъ понялъ это и считаетъ сына негодяемъ, безчувственнымъ и глубоко развращеннымъ. Между тѣмъ Арнольдъ нисколько не развращенъ, но видитъ въ отцѣ деспота, который его постоянно мучилъ и съ которымъ ему тяжело даже говорить. А того, что отецъ, въ дѣйствительности, любитъ только его одного и отъ него только ждетъ своего личнаго счастья, Арнольдъ и не подозрѣваетъ.

Къ несчастью, сынъ влюбляется въ трактирную служанку, для которой этотъ мрачный, молчаливый гость, сидящій по цѣлымъ вечерамъ, не сводя съ нея глазъ, смѣшонъ и непріятенъ. Нѣкая компанія обычныхъ посѣтителей трактира привыкаетъ преслѣдовать молодого человѣка шутками и мелкими оскорбленіями. Арнольдъ, который уже отъ страха передъ отцомъ былъ на дорогѣ къ такъ-называемой маніи преслѣдованія, съ трудомъ переноситъ эти обиды и разъ вынимаетъ изъ кармана револьверъ, пугаетъ этимъ бездѣльниковъ и бѣжитъ изъ трактира, преслѣдуемый ими. Избѣгнувъ ихъ погони, онъ, однако, не рѣшается идти домой, предвидя, какъ разнесется все это приключеніе по городу и какъ оно подѣйствуетъ на отца. Онъ бросается въ воду.

Послѣднее дѣйствіе служитъ только картиной горести отца и любви его къ погибшему сыну. Въ лицѣ его, которому смерть придала новое выраженіе, отецъ находитъ явный отблескъ той геніальности и того благородства духа, которыя онъ стремился развить въ немъ. Это, безспорно, одна изъ тѣхъ семейныхъ драмъ Гауптмана, въ которыхъ сильно проведенъ психологическій конфликтъ и сообщается глубокое впечатлѣніе.

„Роза Берндъ"—это исторія красивой крестьянской дѣвушки,

которой не даютъ прохода обожатели. Но только одинъ изъ нихъ намѣренъ на ней жениться и, повидимому, получаетъ ея согласіе. Но онъ явился слишкомъ поздно; она уже сдѣлалась жертвой той травли, среди которой жила. Она родила и задушила ребенка. Однако женихъ такъ ее любитъ, что и послѣ этого не оставляетъ ее.

Въ послѣдней изъ поставленныхъ уже на сцену пьесъ Гауптмана, въ „Pippa tanzt", какъ нарочно, явилось доказательство, что еще недостаточно избрать тему изъ міра наиболѣе сроднаго поэту, чтобы успѣшно совладать съ нею. „Pippa" хотя и названа сказкою, но сказочное въ ней лишено поэзіи и представляется въ лицѣ такого волшебника, который просто требуется какъ deus ex machina, чтобы спасти влюбленныхъ изъ плѣна и открыть имъ путь, куда глаза взглянутъ. Они уходятъ при словахъ волшебника: „а Пиппа пусть танцуетъ", хотя она въ этомъ благословеніи не нуждается, такъ какъ ничего другого и не умѣетъ, какъ танцовать. Возлюбленный уходитъ съ нею, играя на окаринѣ „жалкую мелодію", что нисколько для него не характерно, такъ какъ онъ—ремесленникъ.

Германская печать сообщаетъ о двухъ новыхъ произведеніяхъ Гауптмана, оконченныхъ въ прошломъ году: „Gabriel Schilling's Flucht" и „Die fröhlichen Jungfern vom Bischofsberg". Онѣ еще не изданы, и на сцену поступитъ раньше вторая изъ нихъ. Гауптману теперь сорокъ-четыре года, и отъ него можно ожидать еще цѣлаго ряда дальнѣйшихъ произведеній. А при томъ постоянномъ исканіи новыхъ путей, которое отмѣчено въ настоящемъ очеркѣ, онъ, по всей вѣроятности, вступитъ еще и въ такія области, которыхъ долго не касался.

Но основныя свойства его таланта уже опредѣлились настолько, что наиболѣе замѣчательныхъ созданій отъ него можно ожидать именно въ области свободнаго полета фантазіи. Сила воображенія, огромная впечатлительность, богатство чувства, простота и вмѣстѣ деликатность въ его выраженіи—вотъ главныя особенности этой высоко-артистической натуры. Въ области современной поэтической драмы за Гауптманомъ едва-ли не слѣдуетъ признать первое мѣсто.

Л. Полонскій.

ЧЛЕНЪ ПАРЛАМЕНТА

РОМАНЪ.

Catherine Cecil Thurston. John Chilcote, M. P.—London, 1906.

Окончаніе *).

XVI.

Поговоривъ съ бывшимъ секретаремъ Чилькота, Лодеръ вздохнулъ свободнѣе. Если его кольца возбудили подозрѣніе лэди Аструпъ, то рано или поздно придется давать объясненія,—какія, объ этомъ онъ и думать боялся. Съ другой стороны, можетъ быть, она почему-либо перемѣнила свое обращеніе съ нимъ—какъ угадать капризы женщинъ? А въ такомъ случаѣ онъ вполнѣ защитилъ интересы Чилькота и свои собственные, заручившись словомъ Блесингтона, на котораго можно было вполнѣ положиться. Онъ успокоился и направился къ Евѣ. Ему казалось, что лицо ея выдѣляется своей сверкающей красотой среди всѣхъ другихъ, и онъ почувствовалъ странную гордость.

У него былъ оживленный и увѣренный видъ, когда онъ подходилъ къ ней.

— Удѣли мнѣ нѣсколько времени,—сказалъ онъ торопливымъ голосомъ.—Мы вѣдь такъ мало видимся.

Она подняла, какъ бы противъ воли, рѣсницы, и взглянула на него страннымъ, удивленнымъ и слегка смущеннымъ взглядомъ. Лодеръ видѣлъ, какъ вспыхнули ея щеки, и понялъ, что она покраснѣла отъ неожиданности его словъ. Онъ выказалъ свое превосходство надъ Чилькотомъ, облеченный въ его же

*) См. выше: февраль, стр. 728.

образъ. Это было первымъ молчаливымъ признаніемъ его силы. Онъ инстинктивно приблизился къ ней.

— Уйдемъ изъ этой давки!—сказалъ онъ, и она только наклонила голову, не говоря ни слова. Онъ увидѣлъ, что при всей ея гордости ей пріятно подчиняться его власти, и, обрадованный этимъ, направился съ нею къ двери.

Но пройти было почти невозможно. Въ столовой набралось еще больше народа, и всѣ толпились въ дверяхъ.

— Интересно наблюдать такую толпу для развитія въ себѣ демократическихъ чувствъ,—сказалъ онъ, и Ева посмотрѣла на него, видимо вполнѣ соглашаясь съ нимъ. Лодеръ подумалъ о томъ, какая бы она была, еслибы въ ней пробудить дѣйствительное чувство симпатіи. Въ это время произошло движеніе въ корридорѣ, и въ столовой уже всѣ задвигались; при нѣкоторой настойчивости, Лодеру удалось тогда пройти съ Евой къ двери. Потомъ пришлось опять остановиться; но, стоя на одномъ мѣстѣ подъ-руку съ Евой, Лодеръ все-таки могъ видѣть блестящую толпу въ корридорѣ черезъ плечо какого-то господина, который стоялъ передъ нимъ и былъ значительно ниже его.

— Чего мы здѣсь ждемъ?—шутливо спросилъ онъ, глядя въ затылокъ незнакомаго господина.

Тотъ обернулся, поздоровался и улыбнулся Лодеру. Они обмѣнялись шутками; незнакомый господинъ, видимо, былъ пріятно изумленъ добродушно-веселымъ тономъ Чилькота. Чтобы отвлечь его вниманіе отъ себя, Лодеръ выглянулъ въ корридоръ.

— Всѣ, повидимому, чего-то ждутъ,—сказалъ онъ.—Чего же собственно?—Потомъ онъ вдругъ замолчалъ.

— Тамъ что-нибудь интересное? — спросила Ева, касаясь его руки.

Онъ ничего не сказалъ, но оглянулся. Все въ немъ застыло: мысли и слова. Господинъ, стоявшій передъ нимъ, опустилъ монокль и потомъ снова вставилъ его.

— Боже!—воскликнулъ онъ:—вотъ идетъ наша волшебница. Совершенно какъ сказочная принцесса. Такъ вотъ почему всѣ здѣсь сбились въ кучу и ждутъ!

Лодеръ ничего не отвѣтилъ и только глядѣлъ, не отрывая глазъ, поверхъ головы низенькаго господина. По корридору, чувствуя общее восхищеніе собой, шла Лиліанъ Аструпъ, окруженная цѣлой свитой. Ея нѣжное лицо было слегка возбужденное, глаза блестѣли, платье изъ золотистой вышитой ткани граціозно облегало ея фигуру. У нея былъ торжествующій видъ, но она была, видимо, чѣмъ-то очень взволнована; это чувствовалось въ

ея смѣхѣ, въ движеніяхъ, въ ея быстромъ взглядѣ, которымъ она оглядывала всю комнату, точно выискивая кого-то.

Лодеръ, глядя съ изумленіемъ на нее, вдругъ все понялъ. Въ головѣ его мелькнуло воспоминаніе о тревожной ночи въ далекой итальянской долинѣ,—и на фонѣ этой ночи, при лунномъ свѣтѣ, чье-то блѣдное прекрасное лицо... Теперь объяснились ему всѣ его впечатлѣнія за послѣдніе полчаса; онъ понялъ, о чемъ ему напомнилъ голосъ лэди Брамфель и что̀ прозвучало въ голосѣ ея сестры. Какъ это онъ сразу не догадался!

Лиліанъ приближалась со своей свитой. Лодеръ чувствовалъ, что они направляются въ столовую, но, повинуясь какой-то роковой силѣ, не двигался съ мѣста. Онъ видѣлъ, какъ она приближается, и измѣнился въ лицѣ; но пока она шла по корридору, онъ вполнѣ понялъ, что старыя чувства исчезли, что онъ весь во власти своей новой жизни. Когда Лиліанъ приблизилась, онъ сталъ понимать, чѣмъ она озабочена. Она все время говорила, смѣялась, но глаза ея тревожно блуждали по комнатѣ.

— Принесите мнѣ что-нибудь сладкое, Джефери!—сказала она стоявшему около нея господину.—Вы знаете, что̀ я люблю,—какое-нибудь легкое пирожное.

Взоръ ея блуждалъ, когда она произносила эти слова. Лодеръ видѣлъ, какъ она посмотрѣла сначала на мальчика, стоявшаго передъ ней, потомъ на человѣка, черезъ голову котораго онъ глядѣлъ, затѣмъ обратила быстрый прямой взглядъ прямо на него. Онъ увидѣлъ, что она узнала его, и быстро направилась впередъ; толпа въ корридорѣ раздвинулась, чтобы дать ей пройти. Тогда онъ увидѣлъ нѣчто, показавшееся ему чудомъ. Выраженіе ея лица измѣнилось, губы раскрылись, и она покраснѣла отъ досады, какъ балованный ребенокъ, который открылъ коробку отъ конфектъ и увидѣлъ, что она—пустая.

Когда у дверей стало нѣсколько свободнѣе, то рыжій человѣкъ, стоявшій передъ Лодеромъ, первый воспользовался свободнымъ мѣстомъ и прошелъ впередъ.

— Что̀ это, Лиліанъ,—сказалъ онъ, проходя впередъ:—у васъ такой видъ, точно вы думали, что тутъ не Чилькотъ, а кто-нибудь другой, и теперь разочарованы.—Онъ засмѣялся своей собственной шуткѣ.

Его слова заставили Лиліанъ овладѣть собой. Она улыбнулась своей обычной привѣтливой улыбкой, взглянувъ на него.

— Вы надѣли монокль, Леонардъ,—сказала она,—и потому неотвѣтственны за то, что̀ видите.

Она была теперь совершенно спокойна. Лодеръ инстинктивно

подошелъ къ Евѣ и взялъ ее подъ-руку. Онъ почувствовалъ еще сильнѣе желаніе бороться, чтобы защитить положеніе, которое ему стало такъ дорого. Съ внезапной рѣшимостью онъ снова обернулся къ Лиліанъ.

— У меня получилось такое же впечатлѣніе, хотя я и не ношу монокля,—сказалъ онъ.—Почему вы, дѣйствительно, такъ странно посмотрѣли на меня?

Онъ спросилъ это твердо и съ кажущимся равнодушіемъ; но его смѣлость была только кажущеюся. Онъ затаилъ дыханіе и ждалъ отвѣта Лиліанъ. Онъ видѣлъ только золотистое сіяніе ея платья и блескъ ея золотыхъ волосъ, и чувствовалъ прикосновеніе руки Евы, чувствовалъ теплоту ея кожи черезъ тонкую перчатку. Потомъ вдругъ туманъ разсѣялся. Онъ увидѣлъ глаза Лиліанъ — взглядъ ея былъ равнодушный, веселый, слегка насмѣшливый.

— Что̀ за глупости, Джэкъ!—сказала она громко.—Меня просто поразилъ блескъ вашихъ глазъ, выглянувшихъ изъ-за волосъ Леопардо. Точно пышный закатъ—и надъ нимъ черное облако.—Она засмѣялась.—Это очень живописно. Не правда ли, Ева?

Ева спокойно обернулась, посмотрѣла и улыбнулась. Лодеръ не чувствовалъ дрожи въ ея рукѣ, но сразу понялъ, что эти двѣ женщины—враги. Для него это было такъ же ясно, какъ то, что Лиліанъ дѣйствительно узнала его; онъ видѣлъ, что его гладко выбритое лицо, выдававшее его за Чилькота, не убѣдило ее.

У него было такое чувство, какъ у человѣка, который заглянулъ въ пропасть и отступилъ отъ ея края, внѣшнимъ образомъ спокойный, но потрясенный до глубины души. Онъ не слышалъ отвѣта Евы, не обратилъ вниманія на слѣдующія слова Лиліанъ, и увидѣлъ только, какъ она улыбнулась, повернулась къ рыжему человѣку и ушла вмѣстѣ со своей маленькой свитой въ столовую. Потомъ онъ крѣпко сжалъ руку Евы—онъ чувствовалъ настоятельную потребность дружеской близости послѣ пережитого волненія.

— Хочешь, уйдемъ?—спросилъ онъ Еву.

Она взглянула на него.

— Изъ этой комнаты?—спросила она.

Онъ взглянулъ на нее, приковывая къ себѣ ея взглядъ.

— Изъ этой комнаты... и изъ этого дома,—отвѣтилъ онъ.—Ѣдемъ домой.

XVII.

Только когда Лодеръ очутился въ каретѣ рядомъ съ Евой, и лошади быстро помчали ихъ, онъ наконецъ пришелъ въ себя и подумалъ о томъ, дѣйствительно ли все, что онъ пережилъ въ этотъ вечеръ, происходило наяву. А теперь вдругъ старая картина возникла въ его памяти съ полной ясностью. Онъ увидѣлъ залитые солнцемъ дома Санта Саларе, припомнилъ всѣ подробности: все осталось тѣмъ же самымъ вплоть до центральной фигуры. Измѣнилось только его отношеніе...

Въ эту минуту Ева прервала ходъ его мыслей, причемъ первыя слова странно совпали съ его мыслями.

— Какъ тебѣ понравилась Лиліанъ Аструпъ? — спросила она. — Какъ она была красиво одѣта, — какъ художественно! Правда, золотистая ткань удивительно идетъ къ цвѣту ея волосъ?

Лодеръ отвѣчалъ уклончиво, и не понималъ восторговъ Евы, такъ какъ чувствовалъ, что она не любитъ Лиліанъ: онъ слишкомъ мало зналъ женщинъ, чтобы понять ея похвалы.

— Я не обратилъ вниманія на ея платье, — сказалъ онъ.

Ева выглянула въ окно.

— Удивительно, какъ мужчины не умѣютъ цѣнить красоту, — сказала она, но въ голосѣ ея въ эту минуту не звучало упрека.

Послѣ этого они молчали до самаго дома. Выйдя изъ коляски и войдя въ домъ, Ева остановилась у лѣстницы, дѣлая кое-какія распоряженія, и Лодеръ опять залюбовался ею. Онъ невольно сталъ сравнивать ее съ Лиліанъ Аструпъ, и Ева казалась ему болѣе привлекательной своей особой красотой. Лиліанъ была нѣжна, какъ бѣлая роза, выросшая въ оранжереѣ и вянущая отъ перваго прикосновенія рѣзкаго воздуха. А Ева была прекрасна красотой дикой розы на приморскихъ скалахъ, которая сохраняетъ прозрачность лепестковъ при вѣтрѣ и холодномъ туманѣ. Лодеръ чувствовалъ, что эта женщина можетъ стать опорой въ жизни. Съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшительности, потомъ вдругъ новое рѣшеніе осѣнило его. Этотъ вечеръ приносилъ ему удачи, и онъ рѣшился еще разъ попытать счастья.

Онъ быстро пошелъ по лѣстницѣ, догналъ Еву и, остановивъ ее, сказалъ:

— Зайди ко мнѣ сегодня въ кабинетъ, какъ въ прошлый разъ. Мнѣ хочется съ тобой поговорить.

Она нерѣшительно взглянула на него и отвернулась.

— Пожалуйста зайди!—настаивалъ онъ.—Я не часто обращаюсь къ тебѣ съ просьбами.

Она все еще колебалась, но теперь онъ рѣшилъ за нее. Онъ смѣло взялъ ея руку и мягко, но рѣшительно направилъ ее въ комнаты Чилькота.

Въ кабинетѣ былъ зажженъ свѣтъ и весело горѣлъ огонь въ каминѣ, столъ былъ заваленъ бумагами, все стояло на обычныхъ мѣстахъ,—и Лодеръ опять почувствовалъ себя какъ дома въ обстановкѣ, гдѣ недоставало только его. Чтобы скрыть свое пріятное возбужденіе, онъ быстро прошелъ по комнатѣ и выдвинулъ кресло. Менѣе чѣмъ въ шесть часовъ онъ пережилъ безконечно разнообразныя чувства. Онъ уже былъ близокъ къ отчаянію, когда появленіе Чилькота подняло его къ небесамъ. Съ тѣхъ поръ онъ пережилъ минуты безграничнаго изумленія и большой опасности. Изъ всего этого онъ вышелъ побѣдителемъ, и это воодушевляло его.

— Присядь,—мягко сказалъ онъ Евѣ, пододвигая ей кресло, и, взглянувъ въ ея лицо, на которомъ отражались недовѣріе и любопытство, Лодеръ почувствовалъ снова увѣренность въ своей силѣ. Онъ подошелъ къ ней и оперся на спинку ея кресла.—Я началъ говорить тебѣ что-то, когда мы ѣхали сегодня къ Брамфелямъ,—сказалъ онъ.—Могу я продолжать?

— Конечно.—Ева обернулась, взглянула на него съ изумленіемъ, потомъ опять отвернулась и сжала руки. А онъ задумчиво смотрѣлъ на тонкую линію ея плечъ, на сверканіе бриллiантовъ на ея шеѣ.

— Помнишь, три недѣли тому назадъ, мы говорили въ этой комнатѣ? Тогда многое казалось возможнымъ.

Онъ говорилъ это спокойно, настойчивымъ голосомъ, который еще въ школьные годы подчинялъ ему всѣхъ. Ева впервые услышала этотъ голосъ и подчинилась ему.

— Да, я помню,—сказала она.

— Тогда ты вѣрила въ меня—ты увидѣла меня въ новомъ свѣтѣ и *признала* меня,—продолжалъ онъ, дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.—Но съ тѣхъ поръ твое отношеніе измѣнилось. Твоя вѣра въ меня пошатнулась.

Онъ посмотрѣлъ на нее, но она не двинулась, и только еще ниже нагнулась къ огню. Онъ скрестилъ руки на спинкѣ ея стула.

— Ты, конечно, имѣла на это основаніе,—сказалъ онъ.—Я все это время не былъ самъ собой.—При этихъ словахъ спокойствіе оставило его. Онъ ненавидѣлъ ложь, даже когда она

необходима, но теперь ему нужно было прежде всего оправдаться.—У всякаго человѣка есть свое несчастіе,—продолжалъ онъ.—Бываютъ дни и недѣли, когда я... когда мои...—Слово „нервы“ было у него на языкѣ, но онъ его не произнесъ.

Очень спокойно, не произнося ни звука, Ева поднялась и взглянула на него. Она стояла выпрямившись, съ блѣднымъ лицомъ, и рука ея, опиравшаяся на спинку кресла, слегка дрожала.

— Джонъ,—быстро сказала она,—не произноси отвратительнаго слова „нервы“. Я сегодня его не вынесу. Неужели ты не понимаешь?

Лодеръ отступилъ, почувствовавъ странное смущеніе. Что-то въ ея лицѣ поразило его. Ему показалось, что онъ вступилъ безъ подготовки на опасную почву. И онъ ждалъ ея дальнѣйшихъ словъ, глядя на нее со смутнымъ страхомъ.

— Я не могу объяснить,—нервно продолжала она,—почему такъ случилось, но эта комедія стала невыносимой для меня. Прежде я старалась не думать, а теперь я какъ-то измѣнилась. Почему люди мѣняются?—спросила она безпомощнымъ тономъ, и Лодеръ почувствовалъ какое-то внутреннее торжество.

— Почему, почему?—спросила она опять.

— Я не волшебникъ,—мягко отвѣтилъ онъ,—и даже не знаю, о чемъ ты говоришь.

Она съ минуту молчала, но во взорѣ ея ясно отражалось отчаяніе. Наконецъ она заговорила.

— Ты серьезно не знаешь?—спросила она, и Лодеръ коротко отвѣтилъ:

— Серьезно.

— Въ такомъ случаѣ, я тоже буду говорить серьезно,—сказала она.—Голосъ ея слегка задрожалъ, и она опять покраснѣла, но рука, лежавшая на спинкѣ кресла, не дрожала.

— Я уже болѣе четырехъ лѣтъ знаю, что ты принимаешь морфій; болѣе четырехъ лѣтъ я мирюсь съ твоей ложью и твоимъ паденіемъ.

Наступило молчаніе.

— Ты знала это четыре года?—медленно спросилъ Лодеръ, въ первый разъ за этотъ вечеръ вспомнивъ о Чилькотѣ.

— Да, я знала,—сказала Ева, поднявъ голову.—Можетъ быть, слѣдовало сейчасъ же сказать, когда я открыла твою тайну... Но что объ этомъ говорить теперь! Очевидно, такъ рѣшила судьба. Я была очень молода, ты былъ очень замкнутъ, и любви между нами не было.—Она опять отвернулась на минуту.—Разочарованіе молодой дѣвушки—тяжелая драма. Я видѣла весь об-

манъ, всю ложь твоей жизни, и, наконецъ, стала относиться равнодушно къ твоимъ „первамъ", такъ же равнодушно, какъ другіе, не знавшіе правды.—Она опять нервно засмѣялась.—Я думала, что сохраню равнодушіе навсегда. Я внутренно застыла, и была страшно поражена, когда м-ръ Фрэдъ потребовалъ, чтобы я употребила свое вліяніе. Но въ тотъ вечеръ...

— Что въ тотъ вечеръ?—переспросилъ Лодеръ первнымъ голосомъ.

Ева замолчала, быть можетъ поддавшись гипнозу его властнаго взгляда, или же обезсилѣвъ послѣ минутнаго возбужденія, и, постоявъ въ нерѣшительности, отвернулась и подошла къ камину.

— Въ тотъ вечеръ я былъ другой?—настойчиво спросилъ Лодеръ.

— Да, другой, и все-таки тотъ же самый,—отвѣтила она нехотя, не поворачивая къ нему головы.—Мнѣ казалось...—начала она снова, помолчавъ.—Не знаю, почему я это говорю тебѣ теперь. Какое-то странное, непонятное чувство владѣетъ мной. То же чувство, которое проснулось во мнѣ, когда мы здѣсь пили чай. Мнѣ точно вѣрится, что случилось чудо, что ты освободился...

— Отъ морфія?

— Отъ морфія.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ молчаніи Лодеръ пережилъ сильную душевную борьбу. Первая его мысль была о себѣ, по потомъ онъ вспомнилъ о Чилькотѣ, о своемъ договорѣ съ нимъ, и рѣшилъ спасти и Чилькота, и себя. Онъ быстро подошелъ къ камину и сталъ рядомъ съ Евой.

— Ты была права,—сказалъ онъ:—съ того вечера, какъ ты говорила мнѣ о Фрэдѣ, и до того дня, какъ мы пили здѣсь чай, я не касался морфія.

Она взглянула на него нерѣшительно.—Ты такъ часто лгалъ мнѣ относительно многаго другого!..

Онъ быстро повернулъ голову, взволнованный недовѣріемъ и грустью въ ея голосѣ. Онъ опять забылъ о Чилькотѣ. Но, опомнившись, онъ повернулся къ ней.—Взгляни на меня!—сказалъ онъ.—Теперь ты вѣришь, что я говорю правду?

Она пристально глядѣла ему въ глаза.—А послѣднія три недѣли,—сказала она все еще сомнѣвающимся тономъ.—Какъ я могу тебѣ вѣрить?

Лодеру тяжело было обманывать эту женщину даже съ цѣлью самооправданія.

— Забудь послѣднія три недѣли!—быстро сказалъ онъ.— Нельзя сразу освободиться отъ порочной страсти. — Ты такъ долго терпѣла,—потерпи же еще немного... Я тоже, какъ и ты, не могу объяснить всего. Говорю тебѣ только, что въ тотъ день, когда мы разговаривали въ этой комнатѣ, я былъ самъ собой, вполнѣ владѣлъ всѣми своими способностями. А тотъ, кого ты знала за послѣднія три недѣли,—тотъ, кого ты рисовала себѣ въ умѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ—призракъ, воплощеніе человѣческихъ слабостей. Есть другой, новый Чилькотъ, — пожелай только увидѣть его!

Ева вся дрожала, когда онъ кончилъ. Глаза ея сверкали.

— Ну, а старое?—спросила она.

— Имѣй терпѣніе.—Онъ смотрѣлъ на огонь.—Такіе періоды, какъ послѣднія три недѣли, будутъ еще возвращаться,—они неминуемы. Когда они наступятъ, закрой глаза. Не обращай на нихъ вниманія,—не обращай тогда вниманія на меня. Согласна? —Онъ все еще избѣгалъ ея взгляда.

Она обернулась къ нему.

— Да, если желаешь,—сказала она тихо.

— Способна ли ты на то, на что способны лишь немногіе мужчины, а тѣмъ болѣе женщины?—спросилъ онъ.—Можешь ли ты жить настоящимъ?—Онъ медленно поднялъ голову и встрѣтился съ ея глазами.—Это опытъ, и какъ во всякомъ опытѣ,— будутъ и хорошіе моменты, и тяжелые. Знай только, что въ тяжелыя минуты ты не одна страдаешь. Я тоже страдаю — но иначе.

Наступило молчаніе, и на минуту ему казалось, что Ева никогда не отвѣтитъ. Затѣмъ наступила для него радостная неожиданность. Ева легкой поступью подошла къ нему и положила свою руку въ его руку. Она подняла на него глаза, и губы ея раскрылись въ безсознательномъ призывѣ.

Нѣтъ ничего болѣе обаятельнаго, чѣмъ гордая женщина въ моментъ, когда она смиряется передъ признанной ею властью другого. Честь, долгъ, нравственное чувство воздвигали тройную преграду между ними. Но честь, долгъ, нравственное чувство— только слова для человѣка съ упрямой волей. Ни разу до этой минуты Лодеръ не чувствовалъ всей сложности положенія, въ которомъ онъ очутился. Держа ея руку въ своей, онъ наклонился къ Евѣ. У него кружилась голова.

— Ева!..—сказалъ онъ, но потомъ вдругъ остановился при звукѣ собственнаго голоса. Онъ почувствовалъ, что говоритъ, какъ человѣкъ, забывшій обо всемъ, кромѣ своего страстнаго же-

ланія. Съ минуту онъ стоялъ неподвижно. Потомъ онъ спокойно отвернулся отъ нея и высвободилъ ея руку.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—нѣтъ!... Я не имѣю права.

XVIII.

Въ первый разъ со вступленія въ свою новую роль, Лодеръ плохо спалъ ночью, думая съ тяжелымъ чувствомъ о новомъ оттѣнкѣ своихъ отношеній къ Евѣ; но уже задолго до того, какъ утренній свѣтъ сталъ проникать черезъ тяжелыя портьеры, онъ принялъ рѣшеніе, которымъ надѣялся успокоить свою совѣсть и соблюсти интересы Чилькота. Рѣшеніе было хотя скорѣе отрицательное, но оно его удовлетворяло, и онъ всталъ утромъ съ сознаніемъ, что все устроится къ лучшему. А затѣмъ и случай оказался его сообщникомъ. Когда Лодеръ, завтракая, по обыкновенію, одинъ въ столовой, прочелъ утреннюю почту Чилькота и бѣгло просмотрѣлъ газеты, онъ увидѣлъ, что болѣе могущественная сила, чѣмъ его собственное рѣшеніе, ворвалась въ его жизнь, опредѣляя весь его дальнѣйшій образъ дѣйствія. Онъ увидѣлъ, что ему уже не придется бороться съ желаніемъ подолгу бывать въ обществѣ Евы, что ему не удастся располагать въ ближайшее время досугомъ: все его время будетъ поглощено важными дѣлами.

Въ это утро, 27-го марта, раздались первые раскаты политической грозы, которая разразилась надъ страной. Всѣ газеты были полны извѣстій, что, въ виду внутренняго неустройства персидской арміи и неспособности шаха справиться съ открытымъ мятежомъ пограничныхъ племенъ въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Мешеда, явилась на помощь Россія, пославъ войска съ своего военнаго поста въ Мервѣ черезъ персидскую границу на мѣсто безпорядковъ. Для большинства англійской публики, эти извѣстія были туманны, такъ какъ, при отдаленности Персіи, столкновеніе англійскихъ и русскихъ интересовъ не выяснялось во всей его важности; сообщенія о томъ, что двинуты русскія войска, не представлялось болѣе знаменательнымъ, чѣмъ извѣстія о первыхъ пограничныхъ безпорядкахъ въ январѣ. Но въ политическомъ мірѣ извѣстіе это вызвало сильное волненіе. Въ рядахъ же оппозиціи началась тревога, связанная съ ожиданіемъ крупныхъ событій.

Изъ всѣхъ членовъ партіи это чувство сильнѣе всего заговорило въ Лодерѣ. Онъ всю жизнь интересовался восточнымъ

вопросомъ, хорошо изучилъ его и сразу понялъ важность извѣстій. Сидя за столомъ Чилькота, окруженный письмами и газетами, онъ забылъ о завтракѣ, забылъ о своихъ личныхъ интересахъ, объ опасностяхъ и радостяхъ, волновавшихъ его наканунѣ, и сталъ мысленно представлять себѣ карту Персіи, свершая путь изъ Мерва въ Мешедъ, изъ Мешеда въ Гератъ, изъ Герата въ Индію. Не фактъ возстанія интересовалъ его, а то, что русское войско переступило границу и утвердилось въ двадцати миляхъ отъ Мешеда, который былъ предметомъ русскихъ притязаній со времени Петра Великаго.

Нѣсколько часовъ спустя, Лодеръ получилъ срочное телефонное извѣщеніе, приглашавшее его къ редактору „St.-George's Gazette", Лэкли, и отвѣтилъ, что сейчасъ же придетъ: онъ зналъ, что въ редакціи этой газеты онъ узнаетъ самымъ достовѣрнымъ образомъ объ отношеніи партіи къ событіямъ. Еще не было двѣнадцати часовъ, какъ онъ уже входилъ въ редакцію и, проходя по корридорамъ и комнатамъ, гдѣ кипѣла газетная работа, почувствовалъ новый приливъ энергіи. Онъ быстро прошелъ въ кабинетъ редактора. Лэкли сидѣлъ за столомъ, дѣлая отмѣтки на разложенныхъ вокругъ него первыхъ изданіяхъ вечернихъ газетъ. Онъ курилъ большую сигару и, при входѣ Лодера, поднялъ глаза, не отрываясь отъ работы.

— Здравствуйте! Хорошо, что вы пришли, — коротко сказалъ онъ.—Присядьте, пока я просмотрю „St.-Stephen's".

Его дѣловитость понравилась Лодеру. Кивнувъ ему головой, онъ подошелъ къ топившемуся камину, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Лэкли продолжалъ работать. Наконецъ онъ выпустилъ изъ рукъ газету и откинулся на стулѣ.

— Ну, что же вы скажете?—спросилъ онъ.—Занятный завязался узелъ, не правда ли?

Лодеръ обернулся къ нему.

— Да,—сказалъ онъ спокойно,—дѣло серьезное.

Лэкли засмѣялся и затянулся сигарой.

— Что-то скажутъ Сэвборо и его компанія? Они могли бы заранѣе предвидѣть это, еслибы вообще умѣли разсуждать... Неужели они дѣйствительно вѣрили, что Россія станетъ спокойно выжидать, пока шахъ будетъ устраивать игрушечную мобилизацію?.. Но куда вы дѣвались вчера? Мы точно предчувствовали все это у Брамфелей. Фрэдъ зашелъ на минутку туда, и мы потомъ отправились вмѣстѣ въ клубъ, и были тамъ, когда пришло первое извѣстіе. Всѣ были страшно возбуждены.

— Могу себѣ вообразить!—сказалъ Лодеръ взволнованнымъ голосомъ.

Лэкли посмотрѣлъ на него, потомъ быстро наклонился впередъ и положилъ локти на столъ.

— Воображать мало, Чилькотъ, — сказалъ онъ внушительнымъ тономъ.—Вы должны отнестись къ этому активно.—Онъ сказалъ это быстро и рѣшительно, а затѣмъ остановился, ожидая эффекта своихъ словъ. Въ его голосѣ прозвучало нѣчто, остановившее вниманіе Лодера. Онъ чувствовалъ, что краснѣетъ.

— Активно? Что̀ вы хотите этимъ сказать?—спросилъ онъ.

Лэкли опять поглядѣлъ на него, затѣмъ быстрымъ движеніемъ отодвинулъ свой стулъ назадъ.

— Да,—сказалъ онъ,—старика Фрэда никогда не обманываетъ его чутье. Онъ правъ. Вы—самый подходящій человѣкъ.

Все еще спокойно, сдерживая внутреннее волненіе, Лодеръ отошелъ отъ камина, взялъ стулъ и подсѣлъ къ столу Лэкли.

— Скажите мнѣ точно, что̀ вы хотѣли сказать?—спросилъ онъ своей старой, отрывистой манерой.

Лэкли посмотрѣлъ еще на него съ видимымъ удовольствіемъ, затѣмъ рѣшительнымъ жестомъ бросилъ докуренную сигару.

— Вотъ что̀, милый мой, — сказалъ онъ.—Кое-гдѣ скоро образуется брешь, и Фрэдъ считаетъ васъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для заполненія пустого мѣста. Пять лѣтъ тому назадъ, во время бундаръ-абаской исторіи, вы очень удачно выступили и подавали большія надежды. А репутація дѣльнаго человѣка держится очень упорно, даже когда дальнѣйшее ее не оправдываетъ. Вы опустились съ тѣхъ поръ,—прямо вамъ говорю. Но, можетъ быть, это было только къ лучшему, и вы созрѣли въ бездѣйствіи, — это бываетъ. Я самъ уже было махнулъ на васъ рукой, но за послѣдніе мѣсяцы измѣнилъ свое мнѣніе.

Лодеръ опять задвигался, взволнованный наплывомъ чувствъ. Каждое слово Лэкли поднимало въ немъ чувство гордости, возвышало въ немъ сознаніе личной силы.

— Ну, такъ что̀ же вы хотите сказать?—спросилъ онъ.

Лэкли улыбнулся.

— Мы всѣ знаемъ, что министерство Сэвборо — какъ бы сказать?—не крѣпко держится на ногахъ,—сказалъ онъ.—Сэвборо строитъ свой карточный домикъ слишкомъ высоко. Опрокинется онъ. Можетъ быть, конечно, падетъ военное министерство, а можетъ быть очистится и портфель иностранныхъ дѣлъ!

Они обмѣнялись взглядомъ взаимнаго пониманія.

— Вы, конечно, понимаете, что дѣло не въ томъ, что Рос-

сія вступила въ Персію, а въ томъ, уйдетъ ли она оттуда, когда возстаніе будетъ подавлено. Повѣрьте мнѣ, Чилькотъ, что черезъ недѣлю намъ сообщатъ, что возстаніе подавлено, но что Россія не отозвала войска, а напротивъ того, спокойно утвердилась въ Мешедѣ. Если эти извѣстія прибудутъ до пасхальныхъ каникулъ, то можно будетъ настоять на томъ, чтобы продолжить сессію. И если дѣйствовать какъ слѣдуетъ, то Сэвборо не сдобровать.

Лодеръ сидѣлъ, не произнося ни слова. Передъ нимъ открылись головокружительныя перспективы. Самыя фантастическія мечты вдругъ превратились въ осязательную дѣйствительность— явилась возможность оправдать себя и свой обманъ. Онъ нагнулся и, облокотившись на столъ, опустилъ голову на руки. Лэкли не выводилъ его изъ раздумья. Занятый интересами газеты и своей политической партіи, онъ былъ совершенно равнодушенъ къ чувствамъ человѣка, сидѣвшаго передъ нимъ, хотя и понималъ, что его волнуетъ возможность сыграть видную политическую роль. Наконецъ, онъ прервалъ молчаніе, невыносимое для его живого темперамента, взялъ карандашъ и ударилъ имъ по столу.

— Послушайте, Чилькотъ,—сказалъ онъ,—надѣюсь вы не сомнѣваетесь въ себѣ?

При звукѣ его голоса Лодеръ поднялъ лицо; оно было очень блѣдно, но на немъ отражались энергія и рѣшимость.

— Нѣтъ, Лэкли, — сказалъ онъ медленно.—Въ такой моментъ человѣкъ не имѣетъ права сомнѣваться въ себѣ.

XIX.

Такимъ образомъ Лодеръ освободился отъ одной отвѣтственности, чтобы принять на себя другую. Съ 27-го марта, когда Лэкли изложилъ свою политическую программу въ редакціи „St.-George's Gazette", и до 1-го апрѣля онъ былъ центральнымъ лицомъ въ движеніи, поднятомъ въ консервативныхъ кругахъ. Лэкли вѣрно опредѣлилъ положеніе дѣла въ то утро, и всѣ послѣдующія событія оправдывали его предсказанія.

Зорко слѣдя за дѣйствіями Россіи, Фрэдъ спокойно организовывалъ свои силы и укрѣплялъ свою позицію, и Лодеръ научился многому въ эти знаменательные дни у мудраго вождя своей партіи. Самъ онъ былъ всецѣло поглощенъ интересами минуты, забывъ о Чилькотѣ, и отдавалъ всю свою энергію, весь

свой талантъ дѣлу, которое требовало большого напряженія силъ. Нужно было все подготовить и выжидать. Еслибы Россія, подавивъ возстаніе, вернулась въ свои предѣлы, довольствуясь лаврами усмирителя, ничто бы не измѣнилось. Но еслибы предсказанное Лэкли наступательное движеніе Россіи произошло до пасхальныхъ каникулъ, то началась бы борьба, которая длилась бы всю слѣдующую сессію. А тѣмъ временемъ вождь оппозиціи долженъ былъ бы выжидать, охраняя свое достоинство.

31-го марта Лодеръ былъ приглашенъ на завтракъ къ Фрэду. Его задержали извѣстія изъ Варка, и онъ пришелъ нѣсколько минутъ позже назначеннаго часа. Войдя въ гостиную, онъ тамъ засталъ маленькое общество изъ трехъ человѣкъ—Фрэда, лэди Сару и Еву. Когда онъ вошелъ, всѣ замолчали и обратили взгляды въ его сторону. Прежде всего онъ поспѣшилъ поздороваться съ лэди Сарой, потомъ быстро взглянулъ на Еву, обрадовавшись при видѣ ея. Онъ пожалъ руку Фрэду и опять взглянулъ на Еву, ожидая, что она заговоритъ съ нимъ. Она встрѣтила его взглядъ и улыбнулась въ отвѣтъ. Въ улыбкѣ ея выражалось прощеніе и теплое, почти нѣжное сочувствіе. Онъ понялъ, что она не сердится на него за то, что послѣ ихъ знаменательнаго разговора онъ не старался еще разъ увидѣться съ нею; она, видимо, вполнѣ сочувствовала его работѣ. Мысль объ ея улыбкѣ освѣтила для него весь завтракъ, и онъ почувствовалъ еще сильнѣе обаятельную атмосферу дома Фрэдовъ и личное очарованіе своего партійнаго вождя: въ его домѣ Ева незамѣтно увлекалась общими интересами и становилась изъ пассивной зрительницы сочувствующею единомышленницей.

Разговоръ за завтракомъ сейчасъ же перешелъ на политическія темы, и среди мирной бесѣды ихъ застигла вѣсть о событіи, которое должно было отмѣтить этотъ знаменательный день.

Дверь вдругъ раскрылась безъ предварительнаго доклада, и вошелъ Лэкли съ крайне возбужденнымъ выраженіемъ лица. Не замѣчая присутствующихъ дамъ, онъ прямо подошелъ къ Фрэду и положилъ передъ нимъ распечатанную телеграмму.

— Это оффиціальное извѣщеніе, — сказалъ онъ. Потомъ, оглянувшись, онъ подошелъ къ лэди Сарѣ и извинился.—Простите,— сказалъ онъ,—но мнѣ такъ хотѣлось первому принести эту вѣсть.

Лэди Сара поднялась и протянула ему руки.

— Я отлично понимаю васъ, мистеръ Лэкли,—сказала она взволнованнымъ голосомъ, и глаза ея обратились на мужа. Одинъ только Фрэдъ сохранялъ полное спокойствіе духа. Онъ сидѣлъ

молча и вчитывался въ столь важныя для него вѣсти. Ева вскочила со стула и, наклонившись надъ плечомъ Фрэда, прочла телеграмму. Потомъ она подняла голову и лицо ея просіяло.

— Какое счастье быть мужчиной! — воскликнула она, и взгляды ея и Лодера невольно встрѣтились.

Такимъ образомъ опредѣлилась задача Лодера, и среди наступившей быстрой смѣны событій, въ виду необходимости дѣйствовать быстро и рѣшительно, онъ совершенно забылъ о Чилькотѣ. Колебаться было уже некогда, и подъ давленіемъ событій онъ выступилъ съ нападками на правительство въ засѣданіи, которое слѣдовало за завтракомъ у Фрэда. Въ этотъ памятный день 1-го апрѣля въ парламентѣ чувствовалась атмосфера приближающейся бури. Палата была переполнена; на скамьяхъ оппозиціи чувствовалось единодушіе, воплотившееся въ фигурѣ Фрэда. На министерскихъ скамьяхъ чувствовалась несомнѣнная тревога. Но, несмотря на всѣ эти признаки готовящагося боя, начало засѣданія прошло безшумно, въ виду безжизненности всѣхъ дѣлъ, поднимаемыхъ министерствомъ Сэвборо. И только когда рѣчь зашла о пасхальныхъ вакаціяхъ, опредѣлилась возбужденная атмосфера, и въ собраніе влилась жизнь. Тогда медленно поднялся Лодеръ, и всѣ глаза обратились на него.

Много любопытныхъ инцидентовъ связано съ рѣчами парламентскихъ ораторовъ, но едва-ли на чью-либо долю выпадало говорить въ первый разъ при такихъ условіяхъ, какъ Лодеру. Изъ всѣхъ собравшихся въ этотъ день въ палатѣ, одинъ только человѣкъ понималъ всю трудность положенія Лодера, — и это былъ самъ Лодеръ.

Онъ медленно всталъ и простоялъ нѣсколько секундъ молча, выпрямившись и положивъ пальцы на листки, лежавшіе передъ нимъ. Молчаніе его усилило общее вниманіе. Оно могло быть признакомъ самоувѣренности, или напротивъ, упадка нервовъ въ рѣшительный моментъ, — а то и другое представляло во всякомъ случаѣ интересъ. Всѣ глаза обратились на него. На дамской галереѣ Ева стиснула руки, охваченная тревогой; Фрэдъ быстро и зорко взглянулъ на человѣка, которому довѣрился наперекоръ осторожности, и потомъ лицо его приняло прежнее внимательное, спокойное выраженіе. Въ этотъ моментъ Лодеръ поднялъ голову и началъ говорить.

Въ первую минуту онъ, по неопытности, заговорилъ слишкомъ тихо. Наступила томительная минута. У Евы безпомощно опу-

стились руки. Ироническіе взгляды противниковъ оживились. Одинъ только Фрэдъ не мѣнялъ выраженія лица, оставался серьезнымъ, внимательнымъ, но легкая улыбка мелькнула въ глубинѣ его глазъ. Лодеръ опять на секунду остановился. Страшный моментъ, котораго онъ ждалъ, наступилъ; теперь онъ уже зналъ, какъ и что говорить. Онъ выпрямился и снова заговорилъ; на этотъ разъ голосъ его громко и ясно раздавался по всей залѣ.

Лодеръ твердо рѣшилъ заранѣе, въ какомъ тонѣ онъ будетъ говорить. Вѣрный традиціямъ консервативныхъ ораторовъ, онъ скорѣе маскировалъ, чѣмъ обнаруживалъ свое естественное краснорѣчіе. Случай для проявленія своего таланта онъ могъ найти впослѣдствіи; теперь же слѣдовало только выразить взгляды и чувства своей партіи какъ можно яснѣе, логичнѣе и убѣдительнѣе. Спокойно стоя на мѣстѣ Чилькота, онъ понималъ всю своеобразность и значительность своего положенія, и это, можетъ быть, придавало особую вѣскость его тону. Всегда было трудно возбудить интересъ палаты къ британской политикѣ въ Персіи. Потомъ уже интересъ разгорался очень быстро, но вначалѣ величайшая опасность заключалась въ невниманіи со стороны аудиторіи. Но этой опасности Лодеръ избѣгнулъ именно благодаря тому, что понималъ трудность своего положенія.

Говоря спокойнымъ, властнымъ голосомъ, который всегда подчиняетъ себѣ слушателей, онъ сталъ излагать свои мысли сильно и безпристрастно. Онъ очень ловко упомянулъ о неустанномъ движеніи Россіи на югъ, въ персидскую территорію, уже съ древности, когда, по ироніи судьбы, Россія и Англія совмѣстно вступили въ Персію съ согласія московскаго князя. То же стремленіе, объяснялъ онъ, продолжается и до сихъ поръ, и теперь Россія, уже давно отчужденная своими интересами и желаніями отъ своего прежняго союзника, сдѣлала шагъ, имѣющій огромное значеніе въ глазахъ всякаго мыслящаго человѣка. Со спокойной настойчивостью Лодеръ указалъ на особенности положенія Мешеда въ далекой Хорасанской провинціи, его отдаленность отъ Персидскаго залива, гдѣ сосредоточены британскія силы, и, слѣдовательно, объ опасности, грозящей сотнямъ промышленниковъ, которые, опираясь на британскій протекторатъ, пробиваютъ себѣ путь изъ Индіи, изъ Афганистана,—даже изъ самой Англіи.

Продолжая развивать свою мысль, Лодеръ заговорилъ о британскихъ подданныхъ, которые могутъ обратиться, въ случаѣ личной или коммерческой опасности, за помощью только въ ближайшее консульство, и указалъ на безпомощность такихъ изоли-

рованныхъ консульствъ и на силу Россіи, которая можетъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію; ничто не можетъ остановить ея напора: Англія далека, а Персія безсильна.

Изложивъ все это, онъ вернулся къ исходному пункту своей рѣчи—къ протесту противъ распущенія палаты безъ взятаго на себя правительствомъ обязательства принять мѣры для защиты британскихъ интересовъ въ Мешедѣ и во всей Хорасанской области.

Партія была очень довольна рѣчью Лодера. Эффектъ былъ несомнѣнно большой. Если требованіе оратора и не было удовлетворено, то во всякомъ случаѣ онъ вызвалъ расколъ по вопросу о прекращеніи сессіи, и правительство уже не имѣло на своей сторонѣ большинства. У Лодера самого было чувство, что онъ, наконецъ, оправдалъ себя. До этого дня онъ одинъ зналъ о своей силѣ, теперь она обнаружилась для многихъ, и онъ не могъ не почувствовать удовлетворенія. Первымъ знакомъ успѣха было то, что Фрэдъ подошелъ къ нему, отвелъ его отъ другихъ и крѣпко пожалъ ему руку.

— Мы гордимся вами, Чилькотъ, — сказалъ онъ; потомъ, глядя ему въ лицо, онъ прибавилъ болѣе серьезнымъ тономъ:— Но думайте всегда только о будущемъ; не увлекайтесь настоящимъ,—какимъ бы свѣтлымъ оно ни казалось.

При первыхъ словахъ Фрэда Лодеръ вспыхнулъ отъ гордой радости, но конецъ фразы остудилъ его пылъ. Онъ мысленно увидѣлъ всю опасность своего фальшиваго положенія, и чувство торжества покинуло его. Онъ невольнымъ жестомъ отдернулъ руку.

— Благодарю васъ, сэръ — сказалъ онъ.—И вы правы: не слѣдуетъ забывать, что есть будущее.

Старикъ удивленно посмотрѣлъ на него, потомъ, не входя въ дальнѣйшія разсужденія, предложилъ ему пройти къ дамамъ.

— Я знаю, что моя жена хочетъ увлечь васъ къ намъ,— сказалъ онъ.

Но радостное настроеніе Лодера прошло. Онъ сталъ бояться поздравленій лэди Сары и, главное, молчаливой похвалы во взглядѣ Евы. Онъ уклонился отъ приглашенія подъ предлогомъ нервной усталости.

— Я васъ только попрошу выразить Евѣ мою надежду, что она осталась довольна мной.

Сказавъ это, онъ простился съ Фрэдомъ, вышелъ одинъ изъ парламента и, подозвавъ кэбъ, поѣхалъ въ Гровноръ-Скверъ. Возбужденіе, охватившее его часъ тому назадъ, совершенно

исчезло; онъ чувствовалъ только суетность всѣхъ своихъ желаній. Ни внизу, ни на лѣстницѣ никого не было, и въ кабинетѣ онъ тоже никого не засталъ. Грининг ъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые наиболѣе внимательно слѣдили за его рѣчью въ палатѣ. Войдя въ комнату, онъ инстинктивно подошелъ къ столу и остановился. Надъ кучкой нераспечатанныхъ писемъ лежалъ желтый конвертъ съ телеграммой — той, о которой онъ безсознательно сейчасъ же подумалъ въ моментъ поздравленія Фрэда.

Онъ спокойно взялъ ее, открылъ, прочелъ и съ внимательной осмотрительностью, которая вошла у него въ привычку, поднесъ ее къ камину и бросилъ въ огонь. Сдѣлавъ это, онъ просмотрѣлъ письма Чилькота, сдѣлалъ нужныя отмѣтки на поляхъ и приготовилъ ихъ для Грининга. Затѣмъ онъ съ тѣмъ же спокойствіемъ вышелъ изъ комнаты, спустился съ лѣстницы и вышелъ на улицу.

XX.

На пятый день послѣ знаменательнаго 1-го апрѣля, въ который Чилькотъ отозвалъ Лодера и вернулся къ своей прежней жизни, онъ вышелъ изъ дому и направился къ Бондъ-Стриту. Хотя утро было ясное и теплое, на немъ было тяжелое пальто и теплыя перчатки. Онъ шелъ, прижимаясь къ домамъ, боясь солнца и свѣта, и все дрожалъ отъ холода, который преслѣдовалъ его въ послѣднее время.

Ему было очень не по себѣ. Въ старую его жизнь вошло слишкомъ много новыхъ обязательствъ и заботъ. Онъ тяготился своей жизнью до встрѣчи съ Лодеромъ; тогда она, какъ сѣть, запутывала его ноги,—но теперь эта сѣть опутала все его существованіе. Онъ не былъ свободенъ даже у себя дома. Присутствіе другого человѣка наложило отпечатокъ на все. Кукла, которую онъ вздумалъ поставить на свое мѣсто, оказалась живымъ человѣкомъ, завладѣла его жизнью, его положеніемъ, его личностью—только по праву болѣе сильнаго. Чилькотъ шелъ по Бондъ-Стриту въ солнечный весенній день, и чувствовалъ себя среди хорошо одѣтой толпы жалкимъ паріей. Онъ возмущался всѣмъ этимъ, но только про себя; возстать открыто противъ Лодера онъ не рѣшился бы, зная, что не можетъ обойтись безъ него. Его порочная страсть овладѣла имъ теперь еще сильнѣе,—а между тѣмъ только голосъ Лодера могъ сказать: откройся, Сезамъ!

Чилькотъ шелъ безъ всякой цѣли. Онъ пробылъ дома всего пять дней, но уже мечталъ о тихихъ комнатахъ Лодера въ

Клифордсъ-Иннѣ, какъ о желанномъ убѣжищѣ. Его ужасала быстрота, съ которой вернулась къ нему жажда покоя. Погруженный въ мысли, онъ шелъ скорыми шагами; потомъ вдругъ что-то остановило его. Кто-то изъ медленно движущейся нарядной толпы назвалъ его по имени, и, обернувшись, онъ увидѣлъ Лиліанъ Аструпъ. Она выходила изъ ювелирнаго магазина, и когда онъ обернулся, она остановилась и протянула ему руку.

— Васъ-то я и хотѣла видѣть! — воскликнула она.—Куда вы пропали? Я васъ совсѣмъ не вижу съ тѣхъ поръ, какъ вы сдѣлались политическимъ дѣятелемъ и перестали быть обыкновеннымъ членомъ парламента. — Она мягко улыбнулась, и ея улыбка подходила къ легкому весеннему воздуху, какъ вся она подходила къ пріятной и ничтожной свѣтской болтовнѣ, которую завела съ Чилькотомъ. Онъ взялъ ея руку и удержалъ въ своей, съ какимъ-то внутреннимъ облегченіемъ глядя на ея нѣжное лицо, свѣтлое суконное пальто, мягкій мѣхъ и пучокъ розъ на муфтѣ.

— Какой у васъ хорошій видъ! — сказалъ онъ невольно.

Она опять засмѣялась.

— Это уже мое неотъемлемое право. Но я, дѣйствительно, рада, что встрѣтила васъ. Я теперь ищу людей, умѣющихъ все угадывать чутьемъ.

Чилькотъ взглянулъ на нее.

— Опять сильно истратились? — спросилъ онъ сухо.

Она нѣжно улыбнулась.

— Джэкъ! — съ жалобнымъ упрекомъ произнесла она.

Онъ засмѣялся.

— Понимаю. Вы перемѣнили министра финансовъ. Я нуженъ для чего-нибудь другого.

— Вы всегда нужны, — мягко сказала она, но ея слова вернули его къ прежнему недовольству собой, изъ котораго она его вывела на минуту своимъ присутствіемъ.

— Я очень радъ, что встрѣтилъ васъ, — сказалъ онъ. — Но жаль, что долженъ покинуть васъ — мнѣ некогда. Я зайду къ вамъ какъ-нибудь днемъ или вечеромъ, когда вы будете одна.

Онъ сталъ поправлять воротникъ своего пальто и высматривалъ, какъ бы ему свернуть на Оксфордъ-Стритъ. Но Лиліанъ снова улыбнулась — она отлично знала Чилькота и всѣ его капризы.

— Ну, можно ли стѣсняться временемъ, Джэкъ? — сказала она. — Торопиться все равно нечего, а если вамъ нужно поѣхать куда-нибудь, то моторъ привезетъ васъ быстрѣе, нежели кэбъ, —

сказала она, указывая на изящный автомобиль, стоявшій у панели. У нея былъ такой очаровательный видъ, и она такъ настойчиво влекла за собой Чилькота, что тотъ наконецъ, послѣ легкаго колебанія, послѣдовалъ за ней.

— Въ Гайдъ-Паркъ, и поѣзжайте медленно! — приказала Лиліанъ, садясь въ моторъ и указывая мѣсто противъ себя.

Они быстро и мягко помчались по Бондъ-Стриту къ Марбль-Арчъ, и когда они въѣзжали въ ворота, Лиліанъ пристально поглядѣла на своего спутника.

— Удивительно, удивительно!—вдругъ воскликнула она, и въ отвѣтъ на удивленный и слегка раздраженный взглядъ Чилькота быстро прибавила:—Не злитесь, я вамъ объясню. Меня сегодня поразило то же, что тогда на вечерѣ у Бланшъ, когда вы взглянули на меня поверхъ головы Леонарда Кэна. Помните?

Чилькоту стало не по себѣ.

— Да, да, — поспѣшно сказалъ онъ, жалѣя, что Лодеръ, слишкомъ занятый политическими интересами, не разсказалъ ему о подробностяхъ своего послѣдняго замѣстительства.

— Я тогда не могла сказать вамъ правду, — продолжала Лиліанъ.—Не могла же я объяснять въ присутствіи толпы гостей, что меня поразилъ тогда вовсе не контрастъ вашихъ темныхъ волосъ съ рыжими волосами Леонардо, а нѣчто другое: поразительное сходство...—она остановилась, не закончивъ фразы.

Автомобиль мчался довольно быстро, и ѣзда на свѣжемъ воздухѣ была очень пріятна. Но всякое удовольствіе исчезло для Чилькота; въ немъ проснулась смутная тревога.

— Какое сходство?—быстро спросилъ онъ. — Всякое сходство—обманъ воображенія.

Лиліанъ снова взглянула на него слегка удивленнымъ взглядомъ.

— Однако, еще недавно вы сами...—начала она.

— Глупости! я всегда отрицалъ сходство. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не существуетъ, и нелѣпо думать о томъ, чего нѣтъ.

Лиліанъ продолжала внутренно удивляться. Она сама была увѣрена, что на вечерѣ у сестры видѣла дѣйствительно Чилькота. Она была тогда слишкомъ занята своими мыслями и не присматривалась къ нему, хотя смутно припоминала потомъ, что у него былъ тогда необыкновенно здоровый видъ. И она снова вспомнила объ этомъ теперь, глядя на его лицо съ несомнѣнными, хотя и незамѣтными для ненаблюдательнаго глаза слѣдами его порока: неподвижностью взгляда, нездоровой желтизной кожи.

Отраженіе ея мысли, очевидно, замѣтно было на ея лицѣ, потому что Чилькотъ безпокойно задвигался на своемъ мѣстѣ.

— Ахъ, да, — сказалъ онъ, оживившись: — вы хотѣли мнѣ что-то сказать?

Онъ радъ былъ перевести разговоръ на другую тему.

Она задумчиво поднесла муфту къ лицу.

— Въ сущности это такъ, пустяки, — сказала она. — Я знаю, что вы иногда догадливы, а мнѣ нужно разгадать тайну одного приключенія, которое было у меня въ жизни. — Лицо ея приняло сосредоточенный видъ, но она замѣтила безпокойство въ чертахъ Чилькота и перемѣнила выраженіе лица.

— Ну, да это скучно, — мягко сказала она. — Не буду я вамъ надоѣдать, — насладимся пріятной прогулкой, а посовѣтуюсь я съ вами уже въ другой разъ.

— Ну да, отлично, въ другой разъ, — съ радостью подхватилъ Чилькотъ. — А теперь, не будемъ больше объ этомъ думать. Отложимъ разговоръ до другого раза.

— Хорошо. — Она откинулась на спинку сидѣнья. — Вы какъ-нибудь придете ко мнѣ обѣдать, и мы поговоримъ. Я такъ мало васъ вижу теперь! — прибавила она тихимъ голосомъ.

— Вы несправедливы, дорогая, — сказалъ Чилькотъ. Тонъ его звучалъ бодрѣе и увѣреннѣе. — У меня отнимаетъ все время глупѣйшая политика. Я бы радъ быть съ вами постоянно, — еслибы это отъ меня зависѣло.

Она подняла глаза на высокія голыя деревья. На лицѣ ея отразилось удовольствіе, гордость и нѣкоторое недовѣріе.

— Такъ, значитъ, вы пріѣдете обѣдать? — сказала она наконецъ. — Назначимъ сейчасъ же день.

— Отлично, назначимъ! — быстро подхватилъ онъ. — Можно назначить сейчасъ же. — Съ внезапнымъ порывомъ любезности онъ разстегнулъ пальто, сунулъ руку въ карманъ и вынулъ записную книжку — ту же, которую Лодеръ съ такимъ вниманіемъ и интересомъ разсматривалъ въ первое утро въ домѣ Чилькота.

— Ну, какой день вы предпочитаете? — спросилъ Чилькотъ, быстро переворачивая страницы книжки. — Четвергъ занятъ; пятница и суббота — тоже. Какая досада! — сказалъ онъ, продолжая быстро говорить.

Лиліанъ заглянула въ книжку.

— Вотъ прелестная книжка! — сказала она. — Но къ чему эти синіе кресты? — она коснулась одной страницы пальцемъ въ перчаткѣ.

Чилькотъ быстро захлопнулъ книжку и засмѣялся съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Кресты? Чтобы напоминать мнѣ о наиболѣе важныхъ дѣлахъ. Вы вѣдь знаете, какая у меня отвратительная память.— Ну, такъ что же, какой день хотите? Скажемъ, въ понедѣльникъ на будущей недѣлѣ.

— Это слишкомъ далеко, — сказала она съ сожалѣніемъ и нѣжностью. — Почему не завтра? — она перевернула страничку назадъ.—Тутъ, кажется, есть свободное мѣстечко.

— Завтра? Я...—онъ остановился.

Но она стала настаивать, и трудно было противиться нѣжному тону ея просьбы. Она привыкла видѣть въ Чилькотѣ своего вѣрнаго рыцаря, и теперь боялась, что дѣла отвлекутъ его отъ нея. Не будучи въ состояніи отказать ей, онъ быстро вписалъ что-то въ пустое мѣсто на страницѣ. Она слѣдила за нимъ съ радостнымъ лицомъ.

— Джэкъ, милый, — сказала она,—какъ я буду рада!—Но когда онъ показалъ ей книжку, лицо ея вытянулось: „Обѣдать—33, Кадоганъ-Гарденсъ. Поговорить съ Л.“, прочла она.—Однако, вы забыли главное, — сказала Лиліанъ: — отмѣтку синимъ крестомъ; вотъ у васъ синій карандашъ.

Она взглянула на него, радуясь своей побѣдѣ, и съ дѣловитымъ видомъ сдѣлала сама большой синій крестъ. Въ эту минуту моторъ поѣхалъ медленнѣе и остановился, такъ какъ шоффёръ ждалъ дальнѣйшихъ приказаній. Лиліанъ предложила завезти Чилькота въ его клубъ, но онъ отказался, и когда они выѣхали изъ парка, онъ простился съ ней.

— Я тутъ сойду,—сказалъ онъ. — Благодарю васъ за очаровательное утро. — Поспѣшно пожавъ ей руки, онъ всталъ и вышелъ изъ мотора, затѣмъ еще разъ кивнулъ ей, снявъ шляпу, и быстро пошелъ впередъ, не оглядываясь. На него напало такое состояніе, что онъ могъ думать только о себѣ: мысль о Лиліанъ, о назначенномъ свиданіи, сразу вылетѣла у него изъ головы.

Лиліанъ задумчиво поглядѣла ему вслѣдъ, и только когда онъ подозвалъ кэбъ, она приказала шоффёру ѣхать домой.

XXI.

Въ тотъ же день, когда Чилькотъ разстался съ Лиліанъ,— но только въ три часа пополудни,—Лодеръ, переодѣтый въ платье Чилькота и перекинувъ черезъ руку его тяжелое пальто, напра-

влялся изъ Флитъ-Стрита на Гровноръ-Сквэръ. Онъ шелъ твердымъ, не слишкомъ быстрымъ шагомъ и, войдя въ домъ, поднялся по лѣстницѣ, а затѣмъ не прошелъ, по обыкновенію, въ комнаты Чилькота, а прямо направился къ гостиной Евы — и остановился у двери. Онъ постучалъ, но, не получивъ отвѣта, повернулъ ручку и вошелъ въ комнату. Строгое убранство средней по величинѣ гостиной нравилось ему гармоніей темныхъ тоновъ. Отсутствіе дамскихъ бездѣлушекъ, шкафы съ книгами въ драгоцѣнныхъ переплетахъ, бронза, темные тона цвѣтовъ фіалокъ и темныхъ розъ создавали строгую гармонію. Лодеръ медленно подошелъ къ камину. Въ эту минуту вошла Ева, одѣтая для прогулки, и быстро прошла по комнатѣ. Увидѣвъ Лодера, она остановилась, вопросительно взглянувъ на него. Онъ думалъ о томъ, что обстановка комнаты, устроенной, очевидно, по вкусу Евы, гармонично дополняетъ прекрасный образъ хозяйки. Ева продолжала пристально глядѣть на него, ожидая объясненій.

— Джонъ, ты?—спросила она съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

Онъ рѣшительно направился къ ней.

— Взгляни на меня! — сказалъ онъ спокойно. Странность этихъ словъ ее, повидимому, не удивила.

— Я сейчасъ же поняла, когда увидѣла тебя здѣсь.

Его удивилъ радостный звукъ ея голоса, но удивленіе смѣнилось сейчасъ же другимъ чувствомъ.

За пять дней изгнанія онъ больше всего думалъ о томъ, какъ ему возстановить дружескія отношенія съ Евой. Онъ вспоминалъ о томъ вечерѣ, когда съ трудомъ устоялъ противъ соблазна, и о томъ, какъ онъ рѣшилъ избѣгать Евы, чтобы быть подальше отъ опасности. Въ одинокіе дни въ Клифордсъ-Иннѣ онъ нашелъ болѣе достойный исходъ для сильнаго человѣка, и когда Чилькотъ снова призвалъ его, онъ рѣшилъ не избѣгать Евы, а всецѣло отдаться политическимъ интересамъ Чилькота, и этимъ убѣдить себя, что ничто другое не занимаетъ его мыслей.

— Ну, что?—медленно сказалъ онъ:—трудно было тебѣ сохранять довѣріе ко мнѣ за послѣдніе пять дней?—спросилъ онъ.

Ева обернулась къ нему. Глаза ея сверкали полнотой жизни, щеки зарумянились отъ весенняго воздуха.

— Нѣтъ, — отвѣтила она довѣрчиво. — Я все-таки вѣрила. Новообращенные всегда наиболѣе тверды въ своей вѣрѣ.—Она засмѣялась съ легкимъ смущеніемъ и взглянула на него.

Онъ порывисто перешелъ черезъ всю комнату къ окну.

— Ева, — сказалъ онъ, не оглядываясь, — мнѣ нужна твоя помощь.

Онъ услышалъ за собой шелестъ ея платья, и понялъ, что взялъ вѣрный тонъ. Женщинъ всегда трогаетъ обращеніе къ нимъ за помощью.

— Ты знаешь... мы всѣ знаемъ, что теперь острый моментъ политической жизни, — онъ все еще глядѣлъ въ окно. — Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, я долженъ готовиться къ битвѣ...—Онъ остановился, медленно обернулся, и глаза ихъ встрѣтились. — Для того, чтобы добиться чего-нибудь, — нужно сосредоточиться на одномъ, на одной цѣли. Человѣкъ долженъ забыть...

— Что у него есть жена?—мягко докончила Ева.—Я тебя понимаю.

Она сказала это безъ видимыхъ признаковъ огорченія, очень опредѣленно и просто, но Лодеру вдругъ перестал нравиться выдуманный имъ планъ дѣйствія. Отсутствіе оппозиціи ослабило его энергію.

— Этого я вовсе не хотѣлъ сказать,—быстро отвѣтилъ онъ совершенно голосомъ Чилькота, и подошелъ къ ней ближе. — Ты слишкомъ быстро дѣлаешь заключенія. Я хотѣлъ объяснить...

— Какъ разъ то, что я поняла, — сказала Ева и улыбнулась.—Какіе мужчины умные, и какіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, глупые! Стоитъ женщинѣ выказать вамъ интересъ, какъ вы уже боитесь, какъ бы она не стала вамъ помѣхой, и стараетесь спасти положеніе. — Она говорила это съ легкой усмѣшкой, продолжая твердо глядѣть ему въ глаза.

— Ты думаешь, что проявляешь большой дипломатическій тактъ,—спокойно продолжала она.—А на самомъ дѣлѣ все это очень прозрачно... Я бы поняла съ первой фразы,—еслибы не знала все это прежде, чѣмъ ты заговорилъ.

Лодеръ хотѣлъ ей возразить, но она не дала.—Нѣтъ,—сказала она, улыбаясь.—Нечего было затѣвать это.—И знаешь, почему?—Потому,—сказала она медленно, въ отвѣтъ на изумленный взглядъ Лодера,—что для женщины, которая питаетъ интересъ къ человѣку, его карьера важнѣе всѣхъ ея чувствъ и эгоистическихъ желаній.

Они на минуту встрѣтились глазами, потомъ Лодеръ быстро отвернулся. Она поразила его своимъ пониманіемъ, своей необычайной личной силой. Онъ поднялъ голову, и ихъ взгляды встрѣтились.—Прости меня!—сказалъ онъ искренно и просто.

XXII.

Послѣ разговора съ Евой, Лодеръ перешелъ въ кабинетъ и всю остальную часть дня и вечера провелъ за работой. Въ часъ ночи онъ отпустилъ Грининга и прошелъ въ спальню Чилькота. Онъ сталъ медленно раздѣваться, вспоминая съ чувствомъ отрады о разговорѣ съ Евой. На туалетномъ столѣ онъ увидѣлъ записную книжку Чилькота, взялъ ее и сталъ медленно читать страницу за страницей. Это ныряніе въ жизнь и дѣла другого человѣка все еще казалось ему какой-то лотереей, въ которой можно вытянуть или выигрышный, или пустой билетъ. Это чувство еще не ослабѣло въ немъ. Сначала онъ медленно переворачивалъ страницы, потомъ все быстрѣе. Онъ не зналъ, что его ждетъ въ ближайшіе дни. Чилькотъ такъ торопливо нагрянулъ въ Клифордсъ-Иннъ днемъ, что некогда было предлагать лишніе вопросы. Лодеръ поспѣшно перечитывалъ записи, потомъ вдругъ остановился и улыбнулся.

„Ну, и крестъ, — точно могильный памятникъ!“ — подумалъ онъ, увидавъ большую отмѣтку синимъ карандашомъ. Онъ опять улыбнулся и поднесъ книжку къ свѣту: „Обѣдать — 33, Кадоганъ-Гарденсъ, въ 8 часовъ. Поговорить съ Л.“, прочелъ Лодеръ. Онъ задумался и опять обратилъ вниманіе на крестъ. „Очевидно, онъ хотѣлъ, чтобы я непремѣнно замѣтилъ. Но почему онъ точнѣе не объяснилъ?“ Потомъ вдругъ лицо его освѣтилось пониманіемъ. Онъ вспомнилъ просьбы Лэкли, чтобы онъ пришелъ къ нему къ обѣду на Кадоганъ-Гарденсъ, для бесѣды о политическихъ перспективахъ.

Очевидно, Лэкли написалъ ему во время его отсутствія, и Чилькотъ, сдѣлавъ помѣтку въ книжкѣ, снялъ съ себя дальнѣйшую отвѣтственность. Но едва-ли такое приглашеніе могло быть сдѣлано на словахъ; Чилькотъ былъ въ очень угнетенномъ состояніи съ тѣхъ поръ, какъ вернулся домой, и не запомнилъ бы сказанное ему устно. Но Лодеръ, увлеченный другими мыслями, не подумалъ объ этомъ. Утромъ, поглощенный работой, онъ не провѣрилъ, дѣйствительно ли на Кадоганъ-Гарденсъ живетъ Лэкли. Къ семи часамъ онъ одѣлся, занятый мыслями о предстоящемъ обѣдѣ и всѣхъ возможныхъ результатахъ бесѣды съ редакторомъ „St.-George's Gazette“. Ему льстило вниманіе Лэкли, вѣрившаго въ него, и, уходя изъ дома Чилькота, онъ почувствовалъ приливъ новыхъ силъ. Внизу онъ встрѣтился съ Евой, и

когда сказалъ ей, что ѣдетъ обѣдать къ Лэкли, она взглянула на него съ довѣріемъ и гордостью; теплота тона, которымъ она выразила свое сочувствіе, еще болѣе подняла бодрость Лодера.

Когда Лодеръ нажалъ электрическій звонокъ въ домѣ на Кадоганъ-Гарденсъ, у него было какое-то мрачное предчувствіе. Внѣшній видъ дома, бѣлая дверь и массивный серебряный молотокъ поразили его претенціозностью и показной роскошью, непонятной въ такомъ человѣкѣ, какъ Лэкли. Онъ даже провѣрилъ, тотъ ли это нумеръ дома, но увидѣлъ, что не ошибся. Дверь отворилась, и Лодера все не покидало чувство несоотвѣтствія обстановки съ хозяиномъ. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ обратиться съ какимъ-либо вопросомъ къ слугѣ, тотъ предупредилъ его:

— Пожалуйте въ бѣлую гостиную, сэръ. Позвольте снять пальто.

Увѣренный и развязный тонъ лакея изумилъ его. Онъ молча поднялся за лакеемъ по лѣстницѣ. Наверху онъ опять хотѣлъ было назвать имя хозяина, но въ это время лакей быстро и тихо прошелъ впередъ и раскрылъ дверь.

— Мистеръ Чилькотъ,—доложилъ онъ.

Первое впечатлѣніе Лодера было, что онъ очутился въ необычайно роскошной комнатѣ, погруженной въ мягкій полусвѣтъ. Потомъ все внѣшнее исчезло для него: какая то фигура поднялась съ кушетки, когда назвали имя Чилькота,—и Лодеру показалось, что все въ комнатѣ исчезло, и она одна стоитъ въ пустотѣ. Но онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и, самъ изумляясь своему спокойствію, медленно пошелъ ей навстрѣчу. Можетъ быть, лучше было бы немедленно отступить и предупредить этимъ много непріятностей; но Лодера привлекалъ рискъ, и онъ пошелъ навстрѣчу опасности.

Лиліанъ подождала, пока онъ подошелъ къ ней, и протянула ему руку.

— Джэкъ,—сказала она,—какой вы милый, что не забыли!

Голосъ и слова явственно дошли до его слуха и разъ навсегда уничтожили всякія сомнѣнія относительно характера отношеній между Чилькотомъ и этой женщиной. Это открытіе навело его сейчасъ же на мысль о Евѣ, и обида за нее придала суровое выраженіе его лицу.

Лиліанъ не обратила на это вниманія, нѣжно ему улыбалась и подозвала сѣсть ближе къ камину. Къ счастью, сама она сѣла на диванѣ лицомъ къ огню, такъ что Лодеръ оставался въ тѣни, и это отдаляло непосредственную опасность обличенія. Нѣсколько

минутъ они сидѣли молча. Въ комнатѣ все странно возбуждало нервы; мягкій свѣтъ огня, запахъ розъ, тихій и ласковый голосъ Лиліанъ. Лодеру становилось душно, и онъ сѣлъ выпрямившись, стараясь не поддаваться разслабляющей атмосферѣ.

— Почему вы не курите?—спросила Лиліанъ послѣ короткаго молчанія.—Надѣюсь, сегодня вы въ хорошемъ настроеніи и не будете опять откладывать бесѣды?—Она взглянула на него и улыбнулась.

Лодеръ совершенно не зналъ, что̀ сказать, и Лиліанъ, тщетно ожидая его отвѣта, наконецъ нахмурилась и поднялась съ дивана. Со свойственнымъ ей упрямствомъ, она однако продолжала настаивать на томъ, чтобы онъ ее выслушалъ.

— Джэкъ,—нѣжно начала она,—со мной случилось нѣчто совершенно поразительное, и вы должны помочь мнѣ разобраться въ этой таинственной исторіи.

Она помолчала и медленно проводила рукой по шолковой вышивкѣ на платьѣ. Потомъ она опять взглянула на него.

— Я вамъ разсказывала,—начала она,—о приключеніи, которое было въ моей жизни, очень, очень давно, задолго до нашего знакомства,—въ Италіи?

Лодеръ ничего не сказалъ, но она не обратила вниманія на его молчаніе.

— Аструпъ заболѣлъ лихорадкой,—продолжала она,—а я уѣхала, боясь тоже заболѣть. Гдѣ-то около Писторіи нашъ поѣздъ сошелъ съ рельсовъ. Къ счастью, мы были неподалеку отъ деревушки, гдѣ было крайне неудобно, но очень живописно. Я поселилась въ маленькой гостинницѣ съ моей дѣвушкой и съ Коко—моимъ бѣлымъ пуделемъ. Я въ тотъ годъ увлекалась пуделями.—Она остановилась, задумчиво повернулась къ огню, потомъ медленно поглядѣла снова на Лодера.

— Я возвращаюсь къ моей исторіи, Джэкъ,—сказала она.—Въ игрушечной деревушкѣ былъ игрушечный мальчикъ,—сказала она съ мягкимъ смѣхомъ.—Онъ былъ англичанинъ, и онъ спасъ меня. Онъ жилъ въ одной гостинницѣ со мной, и онъ... и мы...—Она замялась.—Почему вы молчите, Джэкъ?—спросила она недовольнымъ голосомъ.—Васъ это, кажется, не интересуетъ?—прибавила она съ упрекомъ.

Лодеръ нагнулся нѣсколько впередъ на своемъ стулѣ.

— Вы ошибаетесь,—сказалъ онъ.—Ваша исторія меня сильно интересуетъ.

Лиліанъ продолжала говорить, успокоенная его тономъ,—но почему-то не его словами. Она не привыкла къ рѣшительному

тону Чилькота; но, послѣ нѣкотораго колебанія, она продолжала свой разсказъ.

— Такъ вотъ, онъ первый явился мнѣ на помощь, такъ какъ дѣвушка моя билась въ истерикѣ гдѣ-то въ другомъ вагонѣ, а Коко пропалъ. Прежде всего, я отправила англичанина искать собаку.

Лодеръ не могъ не улыбнуться.

— Ну, и что же, нашелъ онъ ее?—тихо спросилъ онъ.

— Да, нашелъ,—сказала она, и тоже невольно улыбнулась.— Бѣдняжка Коко очутился подъ обломками багажнаго вагона. Англичанинъ, послѣ многихъ усилій, вытащилъ его. Коко вышелъ совершенно невредимъ—и прогрызъ англичанину палецъ. Коко прелесть, но зубы и нравъ у него сердитые.—Она сама засмѣялась при воспоминаніи.

— А вы перевязывали ему рану?—спросилъ Лодеръ саркастическимъ тономъ Чилькота.

— Мы жили въ той же гостинницѣ, — сказала она, точно этого объясненія было достаточно. Затѣмъ она сѣла ближе къ Лодеру и коснулась его правой руки. Лѣвая была скрыта въ тѣни подушекъ.

— Джэкъ,—сказала она ласково,—я васъ позвала, чтобы разсказывать не эту старую исторію, а странное продолженіе ея.—Она погладила его руку.—Ну, такъ вотъ. Мы встрѣтились— былъ романъ, потомъ мы поссорились, и я уѣхала. Я долго помнила о немъ. Онъ человѣкъ, котораго трудно забыть. И, главнымъ образомъ, онъ сохранился у меня въ памяти—изъ-за васъ. Я вѣдь говорила вамъ иногда, что вы и ваши глаза мнѣ кого-то напоминаютъ. Это именно его. Но не ревнуйте къ нему: онъ противный. А вы — вы знаете мое мнѣніе о васъ.—Она сжала его руку.—Ну, такъ вотъ, я его больше никогда не видѣла съ тѣхъ поръ—и встрѣтила на вечерѣ у Бланшъ.—Она говорила медленно, выжидая эффекта своихъ словъ, но Лодеръ ничего не сказалъ, и только быстро выдернулъ свою руку изъ ея рукъ.— Вамъ эта встрѣча не кажется необычайной?—спросила она съ легкимъ упрекомъ.

Онъ невольно вздрогнулъ, вспомнивъ тотъ вечеръ.

— Что же тутъ удивительнаго?—сказалъ онъ.—Мало ли кто бываетъ на большихъ вечерахъ! Онъ могъ вернуться на родину. Чему тутъ удивляться?

Она откинулась на креслѣ.

— Это не такъ просто, дорогой мой,—сказала она мягко.— Произошло нѣчто непостижимое. Вотъ послушайте. Когда я си-

дѣла въ моей палаткѣ у Бланшъ, ко мнѣ вошелъ человѣкъ, чтобы я прочла его судьбу въ хрустальномъ шарѣ. Онъ пришелъ, какъ всѣ другіе, и положилъ руки на столъ. У него были сильные тонкіе пальцы—вотъ какъ у васъ, и на среднемъ пальцѣ лѣвой руки онъ носилъ два кольца: тяжелое кольцо съ печатью и простое золотое.

Лодеръ незамѣтно отодвинулъ руку, такъ что она закрылась подушкой. Онъ даже какъ-то не чувствовалъ ужаса отъ словъ Лиліанъ, онъ точно давно ждалъ всего этого.

— Я его попросила снять кольца,—продолжала она.—Онъ на секунду колебался; я чувствовала, что онъ колеблется; потомъ онъ точно рѣшился, снялъ ихъ,—и представьте себѣ, на пальцѣ его былъ шрамъ отъ зубовъ Коко. Этотъ человѣкъ былъ тотъ, котораго я знала въ Санта-Саларе. Шрамъ этотъ я хорошо знала—достаточно его перевязывала.

— Ну, а вы что же сдѣлали, узнавъ его?—спросилъ Лодеръ, съ трудомъ произнося каждое слово.

— Въ томъ-то и дѣло, что я сдѣлала непростительную ошибку, не заговоривъ съ нимъ сейчасъ. Потомъ я уже цѣлый вечеръ не могла отыскать его. Тотчасъ же послѣ его ухода, я тоже вышла изъ моей палатки, сказавъ, что я проголодалась, прошла по всѣмъ комнатамъ и нигдѣ его не нашла. Одну минуту,—она остановилась и засмѣялась, — мнѣ показалось, что я вижу его, но это были вы, когда лицо ваше показалось надъ головой Леонарда Кэна. Правда, странное совпаденіе?

Наступило короткое молчаніе, и Лодеръ почувствовалъ, что необходимо его прервать.

— Причемъ же тутъ я?—спросилъ онъ отрывисто. — Чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ въ этой исторіи?

— Вы должны помочь мнѣ разобраться, въ чемъ дѣло. Я просматривала списокъ приглашенныхъ у Бланшъ, и знаю всѣхъ, — никто чужой никогда не попадаетъ въ домъ Бланшъ. Я спрашивала Блесингтона, но онъ не помнитъ, кто приходилъ послѣдній. Какъ вы это объясняете, Джэкъ? — спросила она.—Мнѣ кажется, что вы проницательнѣе другихъ и навѣрное можете помочь мнѣ.

Лиліанъ умѣла очень убѣдительно просить и настаивать на своемъ желаніи. Она мягко и граціозно подсѣла къ Лодеру, потомъ опустилась на колѣни и прислонилась къ Лодеру, приподнявъ лицо; ея нѣжный станъ и свѣтлые волосы представляли очаровательную картину при свѣтѣ огня. Но тотъ, на котораго она хотѣла произвести впечатлѣніе, глядѣлъ на огонь, не обра-

щая вниманія на нее. Онъ занятъ былъ только однимъ вопросомъ: какъ уйти изъ этого дома, прежде чѣмъ она откроетъ, кто онъ?

Лиліанъ внимательно глядѣла на него, и его озабоченность разбила ея надежды. Потомъ она вспомнила, что Чилькотъ становится совсѣмъ другимъ, когда покуритъ, и стала настойчиво предлагать ему закурить папиросу. Но Лодеръ рѣшительно отказался.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — мнѣ не хочется курить. Поговоримъ о дѣлѣ, которое васъ интересуетъ. Мнѣ оно тоже кажется любопытнымъ. Такъ вы хотите узнать, какъ этотъ англичанинъ попалъ на вечеръ къ вашей сестрѣ и почему онъ исчезъ?

Но Лиліанъ хотѣла теперь только одного: заставить его курить. И поэтому, вмѣсто отвѣта, она опустила руку въ жилетный карманъ Лодера и, нащупавъ его портсигаръ, вынула его. Онъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

— А вы думаете, что онъ узналъ васъ въ палаткѣ? — съ упрямой настойчивостью продолжалъ онъ.

Лиліанъ протянула ему портсигаръ. — Вотъ ваши папиросы. Давайте закуримъ.

Лодеръ рѣшилъ сначала, что ему лучше всего подняться съ дивана, такъ какъ тогда будетъ легче остаться въ тѣни. Потомъ онъ быстро подумалъ о томъ, можно ли одной рукой вынуть двѣ папиросы и зажечь ихъ. Въ это время Лиліанъ, видя, что лицо его снова омрачилось, положила портсигаръ на диванъ и стала мягко гладить его лѣвую руку. Она часто успокаивала Чилькота этимъ жестомъ. — Милый, милый Джэкъ! — говорила она, медленно гладя его руку, начиная съ плеча. Лодеръ понялъ, что нужно что-нибудь сдѣлать, и быстро поднялся. Лиліанъ съ удивленіемъ откинулась назадъ, невольно ухватившись за его лѣвую руку, чтобы не упасть. Его пальцы очутились въ ея рукахъ, и онъ уже не пытался освободить ихъ. Онъ понялъ, что судьба противъ него. Она долго стояла неподвижно и не отпускала его пальцевъ. Наконецъ, она заговорила: — Кольца, Джэкъ? — медленно спросила она, и въ голосѣ ея прозвучало недовѣріе.

Лодеръ засмѣялся, и при этомъ звукѣ она опустила его руку и поднялась съ колѣнъ. Въ чемъ заключались ея сомнѣнія, она бы не могла опредѣлить, но дѣйствія ея были рѣшительны. Она быстро подошла къ камину, нажала кнопку отъ электричества, и комната наводнилась свѣтомъ. Лодеръ растерялся отъ неожиданности, отступилъ на шагъ назадъ и опустилъ руку. Лиліанъ быстро подошла къ нему, взяла руку и стала разглядывать его два кольца.

Женщины дѣлаютъ иногда очень быстрыя заключенія,—и самое удивительное, что онѣ при этомъ рѣдко ошибаются. На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя имѣлись у Лиліанъ, ни одинъ мужчина не составилъ бы себѣ опредѣленнаго мнѣнія. Она же сразу припомнила всѣ отдѣльныя обстоятельства, подтверждавшія ея подозрѣнія. Она вспомнила свой разговоръ съ Чилькотомъ о двойникахъ, вспомнила, какъ онъ заинтересовался книгой на эту тему, и какъ онъ проклиналъ свою жизнь съ ея тяжелыми обязанностями. Она вспомнила также, что сразу узнала глаза человѣка, глядѣвшаго на нее на вечерѣ у сестры, и наконецъ вспомнила, какъ Чилькотъ избѣгалъ говорить о возможности полнаго сходства двухъ людей наканунѣ, въ Гайдъ-Паркѣ. Быстро сообразивъ все это, она подняла голову и медленно посмотрѣла на Лодера. Онъ ждалъ ея взгляда и твердо встрѣтилъ его, такъ что изъ нихъ двоихъ она измѣнилась въ лицѣ, а онъ оставался спокоенъ. Но первой заговорила она.

— Вы тотъ, чьи руки я видѣла въ палаткѣ,—сказала она обычнымъ мягкимъ голосомъ, но съ легкой дрожью возбужденія. Всѣ ея пудели, персидскія кошки и даже хрустальные шары—всѣ эти прежнія забавы были сущимъ пустякомъ въ сравненіи съ такимъ фантастическимъ происшествіемъ.

— Вы не Джэкъ Чилькотъ, — медленно сказала она.—Вы носите его платье, говорите его голосомъ, но вы не онъ.—Она видимо стала волноваться.—Нечего молчать и глядѣть на меня,—продолжала она.—Я знаю, что̀ говорю, хотя не понимаю... не имѣю никакихъ доказательствъ.—Она остановилась, смущенная твердымъ взглядомъ Лодера, и въ эту минуту произошло нѣчто неожиданное.

Лодеръ вдругъ засмѣялся полнымъ, увѣреннымъ смѣхомъ. Сѣть, опутывавшая его за послѣдніе полчаса и угрожавшая ему гибелью, вдругъ порвалась. Онъ ясно зналъ теперь, какъ дѣйствовать: Лиліанъ сама же надоумила его.

Онъ глядѣлъ на нее и улыбался—спокойно и увѣренно, какъ никогда въ жизни не улыбался Чилькотъ, — и затѣмъ спокойно высвободилъ свою руку.

— Самое большое очарованіе въ женщинѣ—богатая фантазія,—спокойно сказалъ онъ.—Безъ нея не было бы красокъ въ жизни — все сводилось бы къ сѣрой дѣйствительности. — Онъ остановился и засмѣялся. — Я, какъ мужчина, преклоняюсь передъ вашей фантазіей, но, именно какъ мужчина, отказываюсь понимать ваше разсужденіе.

Его слова и въ особенности его тонъ—задѣли ее.

— Понимаете ли вы положеніе дѣлъ? — рѣзко спросила она. — Вѣдь я могу разрушить всѣ наши планы, какіе бы они ни были.

Лодеръ спокойно глядѣлъ ей въ глаза.—Я ничего не понимаю,—сказалъ онъ.

— Значитъ, вы сознаетесь, что вы не Джэкъ Чилькотъ?

— Я ничего не отрицаю и ни въ чемъ не сознаюсь. Моя личность вполнѣ удостовѣрена—въ каждую минуту я могу найти двадцать человѣкъ, которые подъ присягой подтвердятъ, что я Чилькотъ, а не кто другой. А то, что я до сихъ поръ не носилъ колецъ, имъ покажется совершенно несущественнымъ.

— Но вы сознаетесь... мнѣ... что вы не Джэкъ?

— Я ничего не отрицаю и ни въ чемъ не сознаюсь. Но васъ я поздравляю: у васъ, дѣйствительно, очень пылкое воображеніе.

Лиліанъ топнула ногой отъ досады, но быстро овладѣла собой.—Докажите мнѣ, что я ошибаюсь,—сказала она.—Снимите кольца и покажите руку.

Лодеръ заложилъ руку за спину.

— Я не буду потворствовать дѣтскому любопытству,—сказалъ онъ съ улыбкой. Она опять вся вспыхнула.

— Знаете,—сказала она,—говорить въ такомъ тонѣ со мной... неосторожно.

Онъ снова засмѣялся.—Ваши угрозы совершенно напрасны,—сказалъ онъ спокойно, глядя на нее.

— Очевидно, — продолжалъ онъ, помолчавъ, — вы грозите распространеніемъ этой дикой басни. Вы будете всѣхъ увѣрять, что Джонъ Чилькотъ, котораго они видятъ передъ собой, не Джонъ Чилькотъ, а кто-то другой. Увѣряю васъ, что это труднѣе, чѣмъ вы думаете. Въ наше время люди вѣрятъ только очевидному, только фактамъ. Отъ васъ прежде всего потребуютъ доказательствъ. А вы можете только сказать, что Джонъ Чилькотъ, который прежде не любилъ украшеній, сталъ теперь носить кольца. Вы будете затѣмъ утверждать, не опираясь ни на чьи свидѣтельства, что если я сниму кольца, то на пальцѣ окажется шрамъ, который вы видѣли на рукѣ другого человѣка. Увѣряю васъ, что это все совершенно шатко.—Онъ остановился, убѣжденный своей собственной логикой. Будущее, можетъ быть, будетъ принадлежать Чилькоту, настоящее же принадлежитъ ему: онъ сумѣлъ предотвратить катастрофу.

— Подождите, пока у васъ будутъ другія доказательства. Тогда мы снова поговоримъ. А пока...

— А пока?—она взглянула на него и остановилась. Открылась дверь, и слуга, который ввелъ Лодера, почтительно вошелъ въ комнату.

— Обѣдъ поданъ!—доложилъ онъ.

XXIII.

И Лодеръ обѣдалъ у Лиліанъ Аструпъ. Такова была условность свѣтской жизни. Онъ остался къ обѣду, потому что, очевидно, невозможно было уйти. Лиліанъ принадлежала къ кругу общества, въ которомъ избѣгаютъ всякаго рода скандаловъ. Лодеръ это сразу увидѣлъ и принялъ ея тактику. Быть можетъ, оба они ѣли безъ аппетита, и очень ужъ много говорили о совершенно безразличныхъ предметахъ, но главное было сдѣлано. Они обѣдали, и лакеи за столомъ не могли замѣтить ничего подозрительнаго. А если Лодеръ ушелъ тотчасъ же послѣ обѣда и, выйдя изъ подъѣзда на улицу, глубоко вздохнулъ съ чувствомъ облегченія, то это касалось только его одного и никому до этого не было дѣла.

Вернувшись въ домъ Чилькота, онъ прошелъ въ кабинетъ и отпустилъ Грининга на весь вечеръ. Но едва только онъ усѣлся въ кресло и закурилъ сигару, какъ въ комнату поспѣшно вошелъ Ренвикъ съ письмомъ въ рукахъ.

— Это принесъ человѣкъ отъ мистера Фрэда, сэръ,—сказалъ онъ.—Велѣно передать вамъ въ руки. Человѣкъ ждетъ отвѣта.

Лодеръ быстро распечаталъ письмо. Онъ зналъ, что во время его отсутствія никакой перемѣны не произошло, но зналъ, что Фрэдъ и его сторонники не довѣряютъ безкорыстію Россіи. Письмо Фрэда возбудило поэтому въ Лодерѣ честолюбивыя надежды. Онъ придвинулъ лампу и сталъ читать письмо съ непобѣдимымъ волненіемъ. Фрэдъ начиналъ съ дружескаго упрека Лодеру за то, что онъ не показывается у нихъ, а затѣмъ, со свойственной ему ясностью, онъ переходилъ къ существу занимавшаго ихъ обоихъ политическаго положенія. Лодеръ медленно и внимательно прочелъ письмо и потомъ, стараясь сохранить внѣшнюю маску спокойствія, подошелъ къ столу, написалъ отвѣтъ и передалъ ожидавшему слугѣ. Когда слуга направился къ двери, онъ его еще разъ окликнулъ.

— Ренвикъ,—сказалъ онъ твердымъ голосомъ,—передайте это письмо человѣку мистера Фрэда, а потомъ доложите м-ссъ Чилькотъ, что я желалъ бы видѣть ее.

Послѣ ухода Ренвика, Лодеръ сталъ взволнованно ходить по комнатѣ, потомъ подошелъ къ камину и стоялъ спиной къ двери, пока не услышалъ, что повернулась ручка. Онъ обернулся, думая, что ему принесли отвѣтъ отъ Евы, но сразу весь просіялъ отъ удовольствія. Въ дверяхъ стояла Ева.

— Ева,—сказалъ онъ отрывисто, безъ всякихъ вступительныхъ словъ.—У меня важныя новости. Россія, наконецъ, показала свои когти. Караванъ одного англійскаго промышленника подвергся нападенію шайки казаковъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мешеда. Англичане сопротивлялись, но русскіе были многочисленнѣе. Два англичанина ранены, и одинъ изъ нихъ даже умеръ. Фрэдъ только-что получилъ всѣ эти извѣстія, важность которыхъ несомнѣнна. Это какъ разъ то, что̀ нужно для начала дѣйствій.—Онъ сказалъ это торопливо, и, кончивъ, выступилъ на шагъ впередъ.—Но это еще не все,—прибавилъ онъ.—Фрэдъ хочетъ начать кампанію съ большой рѣчи—и желаетъ, чтобы эту рѣчь произнесъ я.

Ева взглянула на него, и въ ея глазахъ Лодеръ увидѣлъ отраженіе своихъ собственныхъ мыслей.

— Что̀ же ты отвѣтилъ?—спросила она.

Онъ посмотрѣлъ на нее, наслаждаясь видомъ ея раскраснѣвшагося лица и блестящихъ глазъ. Потомъ сознаніе своей силы, радостная надежда проявить ее наконецъ на дѣлѣ—вытѣснили всѣ другія впечатлѣнія.

— Я принялъ его предложеніе,—быстро сказалъ онъ.—Развѣ кто-нибудь на моемъ мѣстѣ поступилъ бы иначе?

На слѣдующій день Лодеръ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, сохраняя рѣшимость и надежду на успѣхъ. Онъ никогда не раскаивался въ принятомъ рѣшеніи. Занявъ мѣсто Чилькота, онъ сначала дѣйствовалъ осторожно, еще не вполнѣ довѣряя себѣ, но дѣйствительность захватила его, и, очутившись среди равныхъ себѣ по способностямъ людей, онъ началъ понимать свою силу. И тогда въ немъ проснулось честолюбіе, желаніе проявить себя. Ему съ самаго начала хотѣлось уничтожить слѣды слабости Чилькота, заставить всѣхъ повѣрить въ себя, и теперь это инстинктивное желаніе все болѣе возрастало. На немъ осуществлялся процессъ всякаго творчества: жажда побѣды способнѣйшаго, глубокая эгоистическая увѣренность, что онъ—самый лучшій.

Съ такими чувствами онъ вступилъ въ острый періодъ своей

двойной жизни. Близившійся политическій кризисъ и его личныя отношенія къ нему захватывали его всецѣло. Онъ нѣсколько недѣль работалъ съ возрастающей энергіей, забывая о пищѣ и снѣ, и въ полномъ смыслѣ слова жилъ для того рѣшительнаго часа, который долженъ былъ принести ему пораженіе или побѣду.

Онъ рѣдко уходилъ изъ дому, забылъ о Чилькотѣ, забылъ о Лиліанъ и мало видался съ Евой, всецѣло поглощенный своей работой. Ева слѣдила за ходомъ дѣлъ съ возрастающимъ интересомъ. Она не огорчалась тѣмъ, что Лодеръ цѣлыми часами не замѣчалъ ея существованія. Она знала, что все-таки онъ каждый день войдетъ къ ней въ комнату съ бумагами или книгами въ рукахъ, усядется въ кресло и попроситъ чаю. Это были минуты ея торжества и награды. Иногда онъ просиживалъ полчаса, молча, въ глубокомъ раздумьи, иногда же—болѣе рѣдко—громко излагалъ свои теоріи и мысли, и Ева слушала его, вставляя отъ времени до времени дѣльныя замѣчанія, но никогда не мѣшая говорить. Она знала, когда молчать и когда отвѣчать, когда скрывать свою индивидуальность и когда проявлять ее, и Лодеръ уходилъ отъ нея всегда успокоенный и ободренный.

Онъ очень усиленно работалъ всѣ эти дни. По мѣрѣ приближенія срока, когда долженъ былъ осуществиться планъ Фрэда, энергія его возрастала. Но у него были также часы мрачнаго упадка духа. Онъ не боялся Лиліанъ Аструпъ, но его сильно заботила мысль о Чилькотѣ. Что, если въ самый моментъ осуществленія его надеждъ Чилькотъ отзоветъ его? Лодеръ настойчиво гналъ отъ себя эту мысль и все усерднѣе занимался подготовкой рѣчи. Наконецъ, наступило послѣднее утро его искуса, и онъ въ первый разъ свободнѣе вздохнулъ.

Онъ рано всталъ въ этотъ день и медленно одѣлся. Было очаровательное весеннее утро; казалось, что духъ весны воплощенъ въ воздухѣ, въ блѣдно-голубомъ небѣ, въ солнечныхъ лучахъ, игравшихъ въ зеркалѣ на туалетѣ, озарявшихъ картины въ большой комнатѣ Чилькота. Лодеру вспомнилось далекое дѣтство, и онъ сошелъ внизъ къ завтраку въ радужномъ настроеніи. Въ столовой его ждала Ева, свѣжая, юная, въ блѣдно-голубомъ платьѣ, съ фіалками у пояса, — она показалась Лодеру воплощеніемъ мечты его юности. Онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ характерѣ своихъ ощущеній; онъ только чувствовалъ, что къ нему вернулась молодость и что онъ полонъ силы и энергіи. И какъ разъ въ ту минуту, когда онъ садился за столъ къ утреннему завтраку и съ удовольствіемъ остано-

вилъ глаза на красивомъ убранствѣ стола, на фарфорѣ и серебрѣ, въ тотъ моментъ, когда онъ вдыхалъ запахъ фіалокъ Евы, ударъ, котораго онъ такъ долго ждалъ, и который такъ медленно надвигался, обрушился на него съ удвоенной силой.

XXIV.

Ударъ обрушился въ видѣ письма, лежавшаго у его прибора. Оно было написано на дешевой бумагѣ измѣненнымъ почеркомъ и занимало всего полъ-страницы. Лодеръ медленно прочелъ его, потомъ положилъ и увидѣлъ глаза Евы, устремленные на него. Опять его чувства отразились въ ея глазахъ, и это произвело на него потрясающее впечатлѣніе. Онъ взялъ письмо и изорвалъ его въ клочки.

— Я долженъ сейчасъ же уйти изъ дому,—сказалъ онъ медленно.

Голосъ его звучалъ холодно и сухо.

— Какъ сейчасъ?—спросила Ева съ изумленіемъ.—Безъ завтрака?

— Я не голоденъ.

Онъ всталъ со стула, машинально подошелъ къ огню и бросилъ клочки письма въ огонь.

Не отвѣчая на дальнѣйшіе встревоженные вопросы Евы, Лодеръ быстро прошелъ въ переднюю, взялъ тамъ шляпу и вышелъ изъ дому. По Гровноръ-Сквэру онъ шелъ быстро, но сохраняя степенный видъ, а потомъ бросился бѣжать, пока не увидѣлъ проѣзжавшій мимо кэбъ. Онъ подозвалъ его, сѣлъ, давъ адресъ кучеру, и уже только тогда, предоставленный своимъ мыслямъ, сталъ медленно приходить въ себя и обдумывать свое положеніе. Сознаніе наступившей катастрофы наполняло его такимъ ужасомъ, что онъ даже не проклиналъ судьбу,—охватившее его чувство было сильнѣе всякихъ словъ. Выйдя у зданія суда, онъ прошелъ пѣшкомъ въ Клифордсъ-Иннъ. Когда онъ вошелъ въ знакомыя ворота, его охватила дрожь; мрачное зданіе показалось ему гробницей, мѣстомъ, гдѣ погребены умершія надежды, забытыя дѣла и ожиданія. Быстро пройдя черезъ дворъ, онъ поднялся по лѣстницѣ и остановился у входа въ свою квартиру. У двери стояла жестянка съ молокомъ—значитъ, Чилькотъ еще не всталъ или, быть можетъ, и ему было не до завтрака. Лодеръ иронически улыбнулся, подумавъ это, потомъ вынулъ изъ кармана запасной ключъ и открылъ дверь.

При входѣ въ маленькій корридоръ, отдѣлявшій спальню отъ кабинета, на него пахнуло чѣмъ-то непріятнымъ—запахомъ виски, смѣшаннымъ съ запахомъ дешеваго табака. Онъ быстро открылъ дверь въ спальню и остановился на порогѣ съ выраженіемъ брезгливаго отвращенія. Онъ не могъ съ перваго взгляда осмотрѣть всѣ подробности комнаты при полуспущенныхъ занавѣсяхъ, но, освоившись съ темнотой, онъ ужаснулся.

Комната, имѣвшая, когда онъ въ ней жилъ, строгій, почти монашескій видъ, была теперь до крайности неряшливой и неуютной. На простомъ туалетномъ столѣ были набросаны окурки, и мѣстами на немъ прожжены были темныя пятна брошенными съ огнемъ папиросами. На одномъ углу стола стоялъ графинъ съ водой и бутылка виски, на другомъ — опрокинутый стаканъ. Этотъ видъ былъ противенъ до-нельзя. Лодеръ взглянулъ на постель, и его охватилъ ужасъ. На узкомъ, жесткомъ тюфякѣ, съ котораго въ безпорядкѣ свѣшивались простыня и одѣяло, спалъ Чилькотъ. Онъ лежалъ одѣтый, въ потертомъ старомъ костюмѣ Лодера, съ разстегнутымъ воротникомъ, съ небритымъ лицомъ; одна рука обхватила подушку, другая безпомощно свѣшивалась съ постели. Землистое лицо похоже было на маску, и только пробѣгавшая по немъ судорога свидѣтельствовала, что это — лицо живого человѣка. Для завершенія отталкивающаго впечатлѣнія, прядь волосъ отдѣлилась отъ головы и лежала, черная и влажная, на лбу.

Лодеръ долго не могъ отвести глазъ отъ страшнаго зрѣлища, и больше всего его ужасало выступавшее въ лицѣ спящаго Чилькота сходство съ нимъ самимъ. Онъ чувствовалъ себя связаннымъ съ этимъ человѣкомъ узами непонятнаго физическаго тождества. Сдѣлавъ усиліе надъ собой, Лодеръ отвернулся, подошелъ къ окну, отдернулъ занавѣси, открылъ окно и опять подошелъ къ постели. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе разбудить Чилькота, чтобы избавиться отъ леденящаго чувства ужаса. Онъ нагнулся къ спящему и сталъ трясти его за плечо. Чилькотъ не сразу проснулся. Его отяжелѣвшій мозгъ не поддавался впечатлѣніямъ извнѣ. Наконецъ, послѣ многократныхъ толчковъ Лодера, онъ пришелъ въ себя.

— Лодеръ?—воскликнулъ онъ, вздрогнувъ.—Это вы! Какое счастье!

Слова эти были такъ неожиданны, что Лодеръ невольно отступилъ на шагъ. Чилькотъ странно засмѣялся и поднялъ дрожащую руку, заслоняя глаза отъ свѣта.

— Слава Богу!—произнесъ онъ.—Такъ это вы, Лодеръ?

Мнѣ приснился страшный сонъ. Но, ради Бога, закройте окно! — Онъ вздрогнулъ и отбросилъ назадъ нависшую на лобъ прядь волосъ.

Лодеръ молча подошелъ къ окну и закрылъ его. Его поразила перемѣна въ Чилькотѣ—онъ никогда еще не видѣлъ его въ состояніи такого полнаго душевнаго паденія. Чтобы не глядѣть на это ужасное лицо, онъ продолжалъ стоять у закрытаго окна и смотрѣлъ на крыши домовъ.

Чилькотъ слѣдилъ за его движеніями и сталъ говорить возбужденнымъ голосомъ.

— Какъ хорошо, что вы меня разбудили, Лодеръ!—сказалъ онъ.—Мнѣ снилось, что я въ аду, болѣе страшномъ, чѣмъ всѣ обычныя описанія ада. Тамъ были какія-то невообразимыя муки: каждый человѣкъ былъ прикованъ къ своему пороку; то, отъ чего онъ погибъ, не отнималось у него, а напротивъ того, навязывалось ему насильно. Вы не можете себѣ вообразить, какъ это было страшно! То, къ чему человѣкъ стремился всю жизнь, неотступно преслѣдовало его. Ужасъ!.. ужасъ!

Онъ умолкъ, и въ наступившемъ молчаніи Лодеръ одумался и собрался съ силами. Онъ рѣшилъ не вслушиваться въ голосъ Чилькота, не глядѣть на его измученное лицо. Онъ понялъ, что долженъ прежде всего думать о своихъ собственныхъ интересахъ. Въ эту минуту Чилькотъ былъ совершенно разбитъ и даже не питалъ желанія воспрянуть. Но черезъ часъ къ нему можетъ вернуться сознаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе, которое вызвало письмо, написанное наканунѣ. Нужно, значитъ, принять мѣры. Единственный принципъ, въ силу котораго слѣдовало дѣйствовать теперь, это—что жизнь должна принадлежать способнѣйшему. Чилькоту даны были всѣ условія для успѣха въ жизни: природный умъ, развитіе, общественное положеніе,—и онъ всѣмъ этимъ пренебрегъ. Это разсужденіе придало силы Лодеру. Онъ отошелъ отъ окна и медленно подошелъ снова къ кровати.

— Послушайте!—началъ онъ, обращаясь къ Чилькоту.—Вы написали мнѣ вчера...—Голосъ его звучалъ сурово. Онъ пришелъ отстоять себя.

Чилькотъ быстро поднялъ на него глаза, взглядъ его былъ полонъ ужаса.

— Лодеръ!—быстро воскликнулъ онъ.—Лодеръ! Подойдите поближе!

Когда Лодеръ нехотя приблизился и нагнулся надъ нимъ, Чилькотъ схватилъ его за руку дрожащими пальцами.

— Послушайте, Лодеръ!—сказалъ онъ вдругъ.—Я провелъ такую ужасную ночь... Мои нервы...

Лодеръ съ отвращеніемъ отступилъ назадъ.

— Это лишнее между нами, я полагаю,—сказалъ онъ.

Но взглядъ Чилькота обратился къ столу и сталъ искать что-то среди наваленныхъ на столѣ предметовъ.

— Лодеръ, пожалуйста, — сказалъ онъ, — посмотрите, поищите пузырекъ съ лепешками; онъ долженъ быть тутъ гдѣ-нибудь. — Чилькотъ нервно приподнялся на локтѣ, и глаза его стали тревожно блуждать по комнатѣ. — Ночь была ужасная, нервы мои страшно возбуждены, и я думалъ...

Послѣ перваго момента возбужденія, онъ опять впалъ въ еще бо́льшую слабость. Лодеръ возобновилъ атаку.

— Чилькотъ!—строго началъ онъ.

Но Чилькотъ снова схватилъ его за руку.

— Найдите мнѣ мои лепешки!—сказалъ онъ.—Мнѣ онѣ необходимы, когда нервы не въ порядкѣ.—Обезумѣвши отъ нервнаго ужаса, онъ даже забылъ, что Лодеръ знаетъ его тайну, и машинально повторялъ привычную условную ложь. Потомъ вдругъ на него опять напалъ паническій ужасъ, и онъ устремилъ на Лодера судорожно возбужденный взглядъ.

— Лодеръ, найдите мое лекарство! —почти крикнулъ онъ.— Я не вижу, меня ослѣпляетъ свѣтъ. Поищите! поищите!

На лицѣ его отразилась безграничная мука. Лодеръ откинулъ его толчкомъ на подушки. Онъ старался сохранить самообладаніе.

— Чилькотъ!—снова началъ онъ:—вы призвали меня вчерашнимъ письмомъ, и я пришелъ такъ рано, чтобы сказать вамъ...

Съ возбужденіемъ, придававшимъ ему силу, Чилькотъ оттолкнулъ его руку.

— Боже мой! —воскликнулъ онъ.—Неужели лекарство пропало? Неужели его нѣтъ нигдѣ въ комнатѣ?—Онъ сѣлъ на постели съ помертвѣвшимъ лицомъ; капли пота выступили у него на лбу, и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. При этомъ видѣ Лодеръ плотно стиснулъ губы.

— Лепешки на каминѣ,—сказалъ онъ холоднымъ, отрывистымъ тономъ.

Глубокій вздохъ облегченія вырвался изъ груди Чилькота. Онъ откинулся назадъ, закрывъ глаза, но черезъ минуту непобѣдимая жажда снова стала его мучить.

— Дайте мнѣ скорѣе, Лодеръ!—крикнулъ онъ.—Скорѣе! скорѣе! На столѣ есть стаканъ. Влейте въ него виски съ водой— лепешки нужно растворить.—Онъ возбужденно протянулъ руку впередъ.

Но Лодеръ не двинулся съ мѣста. Онъ пришелъ бороться, или, если нужно, молить, чтобы добиться отсрочки на одинъ часъ, на тотъ часъ, который долженъ оправдать всѣ его стремленія, увѣнчать всѣ его труды. И онъ сдѣлалъ съ непреклоннымъ упрямствомъ еще одну попытку.

— Чилькотъ, вы написали мнѣ, призывая меня...—началъ онъ, но Чилькотъ не далъ ему договорить.

— О чемъ вы болтаете? — крикнулъ онъ. — Къ чорту все! Взгляните на меня. Дайте мнѣ лекарство. Я вамъ говорю, что это необходимо.—Онъ закашлялся и весь задрожалъ.

Лодеръ отвернулся, но крики и мольбы Чилькота не давали возможности заговорить о другомъ.

— Послушайте, — заговорилъ онъ снова, но вдругъ голосъ его измѣнился. Мысль, которая промелькнула у него въ головѣ, приняла опредѣленную форму. — Ну, хорошо,—сказалъ онъ. — Подождите.

Онъ подошелъ къ столу, взялъ пустой стаканъ и налилъ въ него виски и воды. Потомъ, подойдя къ камину, гдѣ стоялъ пузырекъ съ лепешками, онъ остановился и повернулся къ Чилькоту.

— Сколько?—спросилъ онъ.

Чилькотъ поднялъ голову. Лицо его было мертвенное, и только глаза лихорадочно блестѣли.

— Пять,—отвѣтилъ онъ. — Пять.

— Пять?—Лодеръ невольно опустилъ руку, въ которой держалъ пузырекъ. По прежнимъ признаніямъ Чилькота онъ зналъ, сколько морфія въ каждой лепешкѣ, — и зналъ, что пять лепешекъ если и не безусловно опасная, то во всякомъ случаѣ чрезмѣрно большая доза даже для морфиномана. На минуту его рѣшимость ослабѣла, но безсознательный эгоизмъ его натуры одержалъ верхъ. Можетъ быть, дурно, даже преступно исполнять такую просьбу разбитаго физически и нравственно человѣка, но законы бытія требуютъ самоутвержденія, и онъ зналъ, что, исполнивъ просьбу Чилькота, онъ выиграетъ время для исполненія своихъ замысловъ. Онъ взглянулъ на растерянное лицо Чилькота, на его блуждающіе глаза,—вспомнилъ свою усиленную работу за послѣдніе десять дней, подумалъ о наростаніи своихъ честолюбивыхъ мечтаній,—о близкой побѣдѣ,—и быстрымъ движеніемъ опустилъ въ стаканъ пять лепешекъ.

XXV.

Лодеръ никогда не жалѣлъ о сдѣланномъ въ какомъ бы то ни было направленіи шагѣ. Онъ спокойно спустился съ лѣстницы, пошелъ по Стрэнду, и по мѣрѣ того какъ онъ шелъ, бодрость его усиливалась. Онъ отстранилъ мысль о Чилькотѣ: наконецъ освободился путь для свободнаго дѣйствія, и вся его воля направилась въ эту сторону. Дойдя до Гровноръ-Сквэра, онъ уже настолько возстановилъ въ себѣ душевное равновѣсіе, что спокойно прошелъ опять въ столовую, увѣренный, что Ева ждала тамъ его возвращенія.

Такъ онъ преодолѣлъ препятствіе, чуть не погубившее его,— и со свойственной ему цѣлостностью воли пересталъ думать о тяжелой сценѣ, пережитой на старой квартирѣ. По возвращеніи въ домъ Чилькота, всѣ сомнѣнія оставили его. Онъ искалъ случая проявить себя, на пути его встрѣтилось препятствіе, отнимавшее у него этотъ случай,—онъ отстранилъ это препятствіе. Мысль о трудности, которую онъ преодолѣлъ, усиливала въ немъ энергію и сознаніе своей силы.

Какъ разъ въ этотъ день Фрэдъ рѣшилъ начать битву въ парламентѣ. Прошло десять дней послѣ нападенія русскихъ казаковъ на англійскій караванъ, и общее негодованіе сильно разгорѣлось, такъ какъ въ общественномъ мнѣніи, по вѣрному выраженію Лэкли, „одинъ погибшій англичанинъ важнѣе всего восточнаго вопроса". Рѣшено было, что Лодеръ—какъ это всегда дѣлается въ такихъ случаяхъ—поднимется въ концѣ утренняго засѣданія и предложитъ, чтобы перерывъ былъ сдѣланъ „на опредѣленномъ вопросѣ чрезвычайной важности", а именно, на вопросѣ объ опасномъ положеніи англійскихъ подданныхъ въ Мешедѣ. Такимъ образомъ, подготовлена будетъ почва для „открытія огня" на вечернемъ засѣданіи. Рѣшившись держаться этой программы, онъ сейчасъ же послѣ утренняго завтрака прошелъ въ кабинетъ и занялся пересмотромъ своей рѣчи; но какъ только онъ сѣлъ за работу, вошелъ Ренвикъ и принесъ письмо отъ Фрэда. „Милый Чилькотъ, — писалъ Фрэдъ, — Лэкли получилъ неоффиціальнымъ путемъ очень тревожныя вѣсти изъ Мешеда. Нападенія русскихъ на англійскихъ подданныхъ все учащаются, и авторитетъ консульствъ совершенно не признается. Въ ожиданіи подтвержденія этихъ вѣстей, я совѣтую не указывать опредѣленно на то, о чемъ вы будете говорить въ вечернемъ засѣ-

даніи. Держитесь выжидательнаго отношенія—это будетъ лучше всего для насъ. Мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе на засѣданіи. Вашъ Гербертъ Фрэдъ".

Письмо Фрэда произвело сильное впечатлѣніе на Лодера, подтверждая важность предстоящей рѣчи по вопросу огромнаго національнаго значенія. Лодеръ долго сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи, все еще не переставая внутренно изумляться тому, до чего дѣйствительность превзошла всѣ его надежды. Наконецъ, онъ пошелъ на засѣданіе партіи, затѣмъ завтракалъ съ Фрэдомъ и отправился съ нимъ въ палату. Они мало говорили дорогой въ Вестминстеръ, и только одинъ разъ Фрэдъ коснулся того, о чемъ они оба думали, и сказалъ, дотронувшись пальцами до руки Лодера:

— Помните, Чилькотъ,—сказалъ онъ,—что я всецѣло вамъ довѣряю.

Вспоминая потомъ объ этомъ днѣ, Лодеръ самъ удивлялся своей выдержкѣ въ столь трудномъ положеніи. Сидѣть и ждать съ наружнымъ спокойствіемъ извѣстій, которыя могутъ измѣнить весь дальнѣйшій образъ дѣйствій, было бы трудно и для опытнаго политика, а тѣмъ болѣе для новичка. Въ такихъ условіяхъ онъ сидѣлъ цѣлый день на мѣстѣ Чилькота, повинуясь указаніямъ своего лидера. Засѣданіе было чрезвычайно скучное, и общій интересъ, съ которымъ всѣ ожидали этого засѣданія,—перваго послѣ пасхальныхъ вакацій, — постепенно угасалъ въ виду того, что ни одна сторона не начинала боя, какъ это собственно предполагалось. Никто не понималъ, почему оппозиція молчитъ и въ какую игру играетъ Фрэдъ.

Дневной свѣтъ уже блѣднѣлъ, и Лодеръ, сидя неподвижно на мѣстѣ Чилькота, съ затаеннымъ волненіемъ слѣдилъ за лицами людей, входившихъ въ залъ,—но ни на одномъ лицѣ не было отраженія вѣстей, которыхъ онъ ожидалъ. Время текло однообразно. Правительство тщательно избѣгало опасныхъ вопросовъ; оппозиція же, дѣйствуя по указаніямъ Фрэда, скорѣе поддерживала предложеніе о перерывѣ засѣданія. Всѣ ожиданія не оправдались, и палата поднялась для обѣденнаго перерыва съ усталымъ, вялымъ видомъ.

Но политика полна неожиданностей. Въ половинѣ восьмого перерывъ былъ сдѣланъ среди общаго разочарованія, а въ восемь часовъ кулуары, столовая и все зданіе парламента заволновались и наполнились шумомъ въ виду полученной телеграммы. Предвидѣнное Фрэдомъ осложненіе на востокѣ дѣйствительно произошло,—но еще болѣе сильное, чѣмъ онъ ожидалъ.

Пришла телеграмма, что генеральный консулъ въ Мешедѣ, сэръ Вильямъ Брайсфильдъ, вступившійся за британскихъ промышленниковъ, былъ убитъ наповалъ русскимъ офицеромъ. Въ первую минуту общее возбужденіе было неописуемо. Всѣ были въ ужасѣ оттого, что въ культурной современной жизни возможны подобныя варварства, а затѣмъ всѣхъ глубоко огорчила ужасная смерть сэра Вильяма Брайсфильда, который пользовался общимъ почетомъ.

И съ этимъ сознаніемъ — что онъ выражаетъ не только чувства свои и своей партіи, но и всей страны, поднялся со своего мѣста Лодеръ, часомъ позже, чтобы сказать свою рѣчь— и напасть на правительство. Онъ сначала выждалъ съ минуту, чтобы все замолкло, и чтобы общее вниманіе сосредоточилось на немъ, а потомъ спокойно, но съ явной самоувѣренностью, началъ свою рѣчь. Общее настроеніе оживилось, и напряженность атмосферы, которую Лодеръ сразу почувствовалъ, вдохновляла его. Ему въ эту минуту было безразлично, что новыя вѣсти почти уничтожили для него всю прежнюю его подготовку къ рѣчи. Онъ скорѣе даже обрадовался свободѣ. Онъ уже не думалъ, что онъ членъ консервативной партіи, слѣдующей своимъ традиціямъ,—онъ слѣдовалъ своему индивидуальному инстинкту, чувствуя и понимая важность интересовъ, сосредоточившихся въ его рукахъ.

Онъ говорилъ около часа, приковавъ къ себѣ вниманіе палаты — безстрашнымъ, властнымъ призывомъ къ немедленному дѣйствію. Онъ безъ колебанія указалъ на то, что пришедшее извѣстіе страшно, главнымъ образомъ, какъ грозное предостереженіе лицамъ, отвѣтственнымъ за безопасность англійскихъ подданныхъ. Въ концѣ онъ съ изящнымъ краснорѣчіемъ коснулся доблести такихъ людей, какъ сэръ Вильямъ Брайсфильдъ, которые, при самыхъ сложныхъ политическихъ обстоятельствахъ на родинѣ, неуклонно исполняютъ свой долгъ на окраинахъ. Когда онъ кончилъ, наступило краткое молчаніе, смѣнившееся потомъ бурей восторженныхъ апплодисментовъ. Онъ сѣлъ на мѣсто блѣдный, но въ такомъ высокомъ настроеніи души, какое можетъ быть у человѣка лишь разъ или два въ жизни. Торжество его было несомнѣнно. Лица его партійныхъ союзниковъ сіяли, а Сэвборо и его министерство казались очень удрученными. Когда шумъ апплодисментовъ нѣсколько стихъ, Фрэдъ наклонился надъ спинкой сидѣнья Лодера. Его сдержанный видъ не измѣнился, но глаза горѣли необычайнымъ блескомъ.

— Чилькотъ,—прошепталъ онъ, — я поздравляю не васъ и

не себя. Я поздравляю нашу родину съ такимъ великимъ ораторомъ.

Дальнѣйшіе инциденты быстро слѣдовали одинъ за другимъ среди наэлектризованной атмосферы залы засѣданій. Когда утихли оваціи Лодеру, поднялся товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ и сталъ защищать поведеніе правительства. Затѣмъ Фрэдъ произнесъ одну изъ своихъ ловкихъ рѣчей, выражавшихъ его личную скорбь по поводу извѣстій изъ Персіи, и подкрѣпилъ слова Лодера выраженіемъ своей солидарности. За Фрэдомъ говорили два либерала, а затѣмъ самъ Сэвборо закончилъ дебаты. Рѣчь его была очень гладкая и мастерская. Но хотя онъ искусно скрывалъ свое безпокойство и говорилъ очень увѣреннымъ и спокойнымъ тономъ, но попытка возстановить свое положеніе, ослабленное во многихъ направленіяхъ, была задачей, превышавшей его силы. Послѣдовало голосованіе среди сильнаго общаго волненія,—и оно кончилось пораженіемъ правительства.

Лишь черезъ полчаса послѣ голосованія, Лодеру удалось избавиться отъ нескончаемыхъ поздравленій и направиться къ Евѣ. Онъ засталъ ее у выхода изъ дамской галереи, гдѣ она ждала его къ концу засѣданія. Она стояла въ тѣни, но при обостренности его воспріятій въ эту минуту онъ замѣтилъ бы все даже въ темнотѣ. Подойдя къ ней, онъ увидѣлъ у нея слезы на глазахъ. Это преисполнило его гордымъ и счастливымъ сознаніемъ своей силы: то, что свѣтилось въ глазахъ жены Чилькота, болѣе глубоко взволновало его, чѣмъ сознаніе торжества, охватившее его, когда онъ стоялъ тріумфаторомъ на мѣстѣ Чилькота въ палатѣ.

Онъ быстро протянулъ руки Евѣ и взялъ ихъ въ свои.

— Я не могъ вырваться,—сказалъ онъ.—Кажется, уже очень поздно?

Съ улыбкой, согнавшей слезы, Ева взглянула на него.

— Развѣ?—сказала она, засмѣявшись.—Да я не знаю, который часъ.—Не знаю даже, день ли, или ночь.

Все еще держа ея руку въ своей, онъ спустился съ ней по лѣстницѣ, и только внизу она освободила свои пальцы.

Ихъ опять окружили люди, осыпая Лодера восторженными привѣтствіями. Они направились къ выходу, окруженные цѣлой свитой восторженныхъ поклонниковъ, и столкнулись по пути съ Фрэдомъ и лэди Сарой. Фрэдъ взялъ Лодера подъ руку и пошелъ провожать его до коляски Чилькота. Онъ ничего не го-

ворилъ, но крѣпко пожалъ руку Лодера, съ сіяющимъ выраженіемъ лица. Наконецъ Ева и Лодеръ сѣли въ коляску. Фрэдъ пожалъ еще разъ руку Евѣ и Лодеру.

— До свиданья, Чилькотъ, — сказалъ онъ. — Вы выказали себя достойнымъ Евы. Покойной ночи!

Онъ отошелъ и направился къ ожидавшимъ его друзьямъ, а Лодеръ и Ева умчались въ темноту.

Въ напряженные періоды жизни человѣка женщина имѣетъ значеніе до и послѣ моментовъ рѣшительнаго дѣйствія. Ева какъ-то смутно сознавала это, откинувшись на своемъ сидѣньи, съ закрытыми глазами и полуоткрытыми губами. Ей казалось, что жизнь для нея только начинается, что наступилъ ея часъ. Она вдругъ открыла глаза и устремила въ темноту,—въ которой чувствовалось присутствіе множества личностей, которыя всѣ ждали, какъ осуществить жизнь. Ева уже не казалась себѣ одинокой; она чувствовала свою пріобщенность къ любящему, страдающему человѣчеству. Слезы гордости и счастья подступили къ ея глазамъ. Лодеръ наклонился къ ней, и она почувствовала прикосновеніе его руки къ своему плечу и услышала звукъ его голоса.

— Ева,— сказалъ онъ, — я люблю тебя. Понимаешь меня? Я тебя люблю. — И нагнувшись надъ ней, онъ поцѣловалъ ее.

Лодеръ никогда ничего не дѣлалъ на половину. Устраняя преграду, онъ устранялъ ее вполнѣ, не оставляя ни камня. Онъ медленно дошелъ до сознанія своихъ способностей, — еще медленнѣе понялъ вполнѣ свои чувства. Но, понявъ, онъ открыто призналъ ихъ. Никакія мысли о прошломъ и будущемъ не останавливали его. Они любятъ другъ друга и они одни—вотъ все, что онъ зналъ въ эту минуту. Она была точно Ева, первая женщина, и они теперь были оба какъ бы въ раю.

Онъ повторилъ опять слова любви, не спрашивая у нея отвѣта, такъ какъ увидѣлъ его уже въ ея глазахъ, когда она стояла, ожидая его у дверей дамской галереи.

Когда коляска повернула на Пикадилли, онъ опять наклонился къ ней и почувствовалъ прикосновеніе ея мягкихъ волосъ и легкій запахъ фіалокъ.

— Ева, —снова заговорилъ онъ,—вѣдь я любилъ тебя всегда, съ самаго начала,—неужели ты этого не знала?

Онъ поцѣловалъ ея волосы и лобъ. Въ это время лошади замедлили ходъ, остановленныя скопленіемъ экипажей въ одномъ мѣстѣ. Лодеръ, занятый своими чувствами, даже не замѣтилъ этого, но Ева со смѣхомъ отодвинулась отъ него.

— Оставь,—мягко сказала она,—посмотри!

Коляска остановилась на площади. Въ одномъ мѣстѣ толпилась группа пѣшеходовъ подъ электрическимъ фонаремъ и тоже выжидала возможности пройти. Лодеръ быстро взглянулъ на нихъ.

— Ну, что же! всѣ они—женщины и мужчины: всѣ они поймутъ насъ.—Онъ тоже засмѣялся, но отвелъ руку, покоряясь ея женскому чувству условныхъ приличій. Такъ они просидѣли нѣсколько времени молча; наконецъ, Лодеру надоѣло ждать, и онъ открылъ окно экипажа.

— Въ чемъ дѣло? — сказалъ онъ. — Неужели нельзя проѣхать?—Ева услышала, какъ онъ крикнулъ это кучеру и потомъ вдругъ замолчалъ.

Онъ высунулся изъ экипажа, чтобы узнать о причинѣ остановки, но вмѣсто этого, въ силу какого-то магнетическаго притяженія, посмотрѣлъ на группу людей, стоявшихъ на площади: среди нихъ онъ увидѣлъ прислонившагося къ фонарному столбу человѣка съ небритымъ лицомъ, потухшими глазами и въ шапкѣ, надвинутой низко на лобъ. Онъ взглянулъ на него, и тотъ отвѣтилъ ему взглядомъ. Казалось, что они никогда не оторвутъ глазъ другъ отъ друга; потомъ Лодеръ медленно откинулся назадъ. Ева тревожно взглянула на него.

— Что случилось, Джонъ?—спросила она:—у тебя совсѣмъ больной видъ.

Онъ повернулся къ ней, стараясь улыбнуться.

— Ничего,—сказалъ онъ.—Ты не безпокойся.

Онъ говорилъ быстро, но голосъ его вдругъ сдѣлался вялымъ. Вся властность его исчезла. Она наклонилась къ нему съ нервной тревогой.

— Это ты усталъ отъ напряженія,—сказала она.

Онъ посмотрѣлъ на нее, но не пожалъ пальцевъ, державшихъ его руку.

— Да,—медленно сказалъ онъ. — Это отъ возбужденія — и отъ реакціи.

XXVI.

На слѣдующее утро, въ восемь часовъ, опять до завтрака, Лодеръ вышелъ изъ дому и направился изъ Гровноръ-Сквера въ Клифордсъ-Иннъ. По дорогѣ до него ежеминутно доносились крики продавцовъ газетъ: „Сенсаціонное засѣданіе палаты! Пораженіе министерства! Рѣчь мистера Чилькота!“—и каждый разъ онъ вздрагивалъ отъ волненія. Быстро взбѣжавъ по лѣстницѣ, онъ остановился у входа въ свою квартиру. На этотъ разъ же-

стянка съ молокомъ не стояла у дверей, и дверь не была заперта на ключъ. При входѣ его раздался окрикъ изъ кабинета:— „Кто тамъ? что вамъ нужно?“ —Лодеръ вошелъ въ комнату и увидѣлъ,—обрадовавшись и въ то же время ужаснувшись тому,—что Чилькотъ на этотъ разъ не былъ въ безпамятствѣ. Онъ сидѣлъ у потухшаго камина, спиной къ свѣту, съ пледомъ на плечахъ, и на столѣ за нимъ стояли чайникъ и жестянка съ молокомъ; на спиртовой лампочкѣ грѣлась вода. Комната была неприбрана, и это прежде всего поразило Лодера, хотя онъ пришелъ по важному дѣлу.

— Гдѣ старуха Робинсъ?—спросилъ онъ.

— Не знаю, — отвѣтилъ Чилькотъ. — Мы поругались. Она вчера отказалась служить мнѣ. — Онъ вздрогнулъ и закрылся пледомъ.

— Чилькотъ...—сурово началъ Лодеръ, но остановился при видѣ измученнаго лица Чилькота. Онъ рѣшительнымъ жестомъ сбросилъ сюртукъ и, подойдя къ камину, сталъ на колѣни и принялся выгребать золу. Черезъ нѣсколько минутъ въ каминѣ затрещалъ огонь. Потомъ онъ всталъ, вытеръ руки, подошелъ къ столу, приготовилъ чай, налилъ чашку и подалъ ее Чилькоту.

— Выпейте скорѣе!—сказалъ онъ.

Чилькотъ протянулъ дрожащую руку за чашкой. — Вы видите!..—началъ онъ, но Лодеръ не далъ ему договорить:

— Я отлично знаю, какъ вы провели ночь,—сказалъ онъ.— Вы Богъ знаетъ гдѣ прошатались до утра и вернулись домой, дрожа отъ холода и думая о своемъ проклятомъ ядѣ. Выпейте чай,—мнѣ нужно съ вами поговорить.

Онъ подождалъ, пока Чилькотъ выпилъ чаю и обогрѣлся у весело пылающаго камина. Лицо его стало менѣе апатичнымъ. Тогда Лодеръ подошелъ къ нему, взялъ у него пустую чашку и посмотрѣлъ на него.

— Чилькотъ,—сказалъ онъ спокойно, — я пришелъ сказать вамъ, что этому нужно положить конецъ.

Чилькотъ поднялся, и на лицѣ его отразился такой испугъ, что Лодеръ невольно отвернулся.—Почему? почему?—безпомощно спрашивалъ Чилькотъ.

— Потому что я отказываюсь,—твердо отвѣтилъ Лодеръ.

Чилькотъ заговорилъ растерянно и возбужденно:—Ради Бога, Лодеръ, не покидайте меня! Это невозможно. Можетъ быть, вы требуете бо̀льшую плату?

— Дѣло не въ деньгахъ, Чилькотъ,—отвѣтилъ Лодеръ, сдерживая гнѣвъ.—Дѣло въ томъ, что я долженъ уйти. Вы увидите,

что произошли большія перемѣны. Министерство Сэвборо пало изъ-за убійства сэра Вильяма Брайсфильда. Вы произнесли сенсаціонную рѣчь. Кромѣ того,—онъ вдругъ остановился, не имѣя силъ сказать то, что̀ хотѣлъ сказать. Потомъ у него мелькнулъ другой доводъ, который могъ убѣдить Чилькота, не унижая его самого.—Дѣло въ томъ, Чилькотъ, — сказалъ онъ спокойнѣе,— что все открылось.—Онъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ о своей исторіи съ Лиліанъ Аструпъ, о томъ, что у нея возникли подозрѣнія. Онъ хотѣлъ сказать вовсе не это, но цѣль его достигалась и этимъ путемъ. Чилькотъ напряженно слушалъ его, и когда Лодеръ кончилъ, онъ опустился на стулъ въ нервномъ возбужденіи.

— Почему же вы мнѣ сразу не сказали?—крикнулъ онъ.— Чего вы надоѣдали мнѣ вашей политикой? Очень меня интересуетъ ваше политическое положеніе! — Онъ растерянно разсмѣялся.—Какъ же быть, Лодеръ?—спросилъ онъ.

— Вы должны вернуться, Чилькотъ, теперь еще не поздно. Мы затѣяли слишкомъ опасную игру, и дѣло кончится плохо. Вы должны вернуться сейчасъ, понимаете? — Лодеръ нѣсколько разъ повторилъ настойчивымъ голосомъ свое требованіе, и Чилькотъ нервно задвигался на стулѣ. Онъ чувствовалъ власть этого человѣка, и зналъ, что долженъ ему подчиниться. Нѣсколько времени онъ еще боролся, потомъ сдался.

— Ну, а вы? — спросилъ онъ слабымъ голосомъ. — Что̀ же будетъ съ вами?

— Со мной?—Лодеръ отвернулся.—Я уѣду.

Но Лодеръ не уѣхалъ. На слѣдующій день, въ два часа, онъ сидѣлъ въ кабинетѣ у стола и курилъ трубку. Передъ нимъ лежала кучка утреннихъ газетъ, и онъ читалъ ихъ съ мучительнымъ сознаніемъ безсилія передъ судьбой, въ ненужности своей обнаруженной на дѣлѣ силы. — Все кончено! — громко сказалъ онъ.

Въ эту минуту открылась дверь, и вошелъ Чилькотъ. Первое чувство Лодера, при видѣ его, былъ гнѣвъ, но за гнѣвомъ въ немъ проснулась какая-то надежда и радость.

— Въ чемъ дѣло?—сурово спросилъ онъ.

Чилькотъ былъ безупречно одѣтъ,—въ петличкѣ у него были фіалки. Въ теченіе всей недѣли горничная Евы приносила букетикъ фіалокъ въ комнаты Лодера, и Ренвикъ тщательно прикрѣплялъ ихъ къ его сюртуку. Видъ цвѣтовъ наполнилъ Лодера

невольнымъ чувствомъ ревности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и радости: эти цвѣты были для него символомъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ опять мягко.—Зачѣмъ вы пришли?

Чилькотъ прежде всего вынулъ изъ жилетнаго кармана пузырекъ съ лепешками, приготовилъ питье и быстро выпилъ. Лодеръ подошелъ къ нему.

— Навѣрное случилось что-нибудь, и вы пришли мнѣ сказать объ этомъ?

Чилькотъ безпомощно опустился на стулъ.—Я не виноватъ, Лодеръ,—сказалъ онъ,—мои нервы...

— Ну, конечно, конечно,—прервалъ его Лодеръ.

— Я не виноватъ,—снова началъ Чилькотъ.—Это проклятый Крэпгэмъ ввелъ ее въ столовую. Здѣсь, въ вашемъ присутствіи, мнѣ казалось, что я способенъ вернуться къ прежнему. Но когда очутился дома...—онъ остановился и провелъ платкомъ по лбу.—Я ничего не помню,—сказалъ онъ.—Знаю только, что когда я сошелъ къ завтраку послѣ ужасной ночи — сегодня, въ двѣнадцать часовъ, когда увидѣлъ накрытый столъ, цвѣты и яркое солнце, — я понялъ, что не могу выдержать всего этого.

Лодеръ налилъ себѣ стаканъ виски и медленно выпилъ. Онъ горѣлъ любопытствомъ, но не торопилъ Чилькота.

— Мнѣ необходимо было сейчасъ же обезпечить себѣ свободу, — сказалъ Чилькотъ, — сейчасъ же. На конторкѣ лежали перья, бумага и телеграфные бланки. Я не могъ устоять противъ искушенія. Они привлекали меня какъ магнитъ. Я сначала боролся, а потомъ взялъ перо и написалъ. Это была даже не телеграмма, а скорѣе цѣлое письмо. Я объяснялъ, почему вы должны вернуться. Написавъ телеграмму, я успокоился и позвонилъ. Но слуга не являлся—звонокъ, что-ли, испортился,— и я вышелъ въ корридоръ, чтобы позвать его.

— Ну, и что же?—спросилъ наконецъ Лодеръ, не сдержавъ нетерпѣнія.

— Я вышелъ изъ столовой, но въ дверяхъ натолкнулся на идіота Грининга. Онъ явился ко мнѣ — или, вѣрнѣе, къ вамъ — сообщить что-то про Варкъ. Я пробовалъ отдѣлаться отъ него, но онъ хуже Блесингтона. Пришлось пойти съ нимъ въ кабинетъ; а когда я вернулся черезъ пять-шесть минутъ, меня встрѣтилъ въ корридорѣ Крэпгэмъ и сказалъ, что пришла ко мнѣ Лиліанъ Аструпъ, и онъ провелъ ее въ столовую.

— Въ столовую? — Лодеръ отступилъ отъ стола. — А тамъ лежала ваша неотправленная телеграмма?

— Ну, да. Я страшно перепугался приходу Лиліанъ, послѣ того, что̀ вы мнѣ сказали. Я зналъ, что она устроитъ сцену.

— Но телеграмма, телеграмма?—спрашивалъ Лодеръ.

Чилькотъ занятъ былъ своимъ и не отвѣтилъ.

— Я зналъ, что она пришла къ вамъ, что будетъ сцена. Когда я вошелъ въ столовую, у меня такъ дрожала рука, что я едва могъ повернуть ручку. Но, открывъ дверь, я облегченно вздохнулъ. Въ комнатѣ была также Ева. Я ей обрадовался, какъ никогда.—Чилькотъ засмѣялся истерическимъ смѣхомъ.—Я былъ очень милъ съ ней, и она со мной. Ея присутствіе все спасло. Лиліанъ не могла говорить при Евѣ. Мы мило поговорили нѣсколько минутъ. Лиліанъ пришла пригласить меня сегодня въ ложу въ „Аркадію"—на сегодня. Я съ радостью согласился. Потомъ Лиліанъ ушла. Я проводилъ ее въ переднюю, зная, что въ присутствіи Крэпгэма она также не можетъ говорить. Она была въ отличномъ настроеніи и улыбалась мнѣ на прощанье. Но потомъ, уже когда она уѣхала, я вдругъ вспомнилъ, что она была въ столовой до прихода Евы. Я вспомнилъ о телеграммѣ, быстро вернулся въ столовую, чтобы распросить Еву, но ея не было—и телеграмма исчезла съ конторки. Вотъ почему я пришелъ...

Они съ минуту поглядѣли другъ на друга. Потомъ вдругъ Лодеръ оттолкнулъ Чилькота, прошелъ въ спальню, и оттуда раздался шумъ открываемыхъ ящиковъ и шкаповъ. Чилькотъ послѣдовалъ за нимъ и увидѣлъ Лодера. Онъ стоялъ посреди комнаты, снявъ сюртукъ, а вокругъ него на стульяхъ и на полу лежали жилеты, перчатки и галстуки.

— Лодеръ,—испуганно спросилъ Чилькотъ,—что̀ вы намѣрены дѣлать?

Лодеръ обернулся къ нему съ твердымъ выраженіемъ лица.

— Я вернусь,—сказалъ онъ,—чтобы распутать завязанный вами узелъ.

XXVII.

Лодеръ установилъ планъ дѣйствія сейчасъ же. Положеніе дѣлъ было ясное. Лиліанъ Аструпъ была нѣсколько минутъ одна въ столовой до прихода Евы и увидѣла телеграмму. Потомъ пришла Ева, но Лодеръ достаточно зналъ Лиліанъ, чтобы предположить, что она взяла телеграмму до прихода Евы.

Прежде всего поэтому Лодеръ взялъ кэбъ и крикнулъ ад-

ресъ: „Кадоганъ-Гарденсъ, 33!“—Пріѣхавъ, онъ позвонилъ, и ему отворилъ все тотъ же учтивый слуга.

— Лэди Аструпъ дома?—спросилъ онъ, и на утвердительный отвѣтъ сказалъ, чтобы ей тотчасъ доложили о немъ. Лодера провели въ бѣлую гостиную, и онъ успѣлъ замѣтить на этотъ разъ роскошную артистическую обстановку комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ вошла Лиліанъ, въ свѣтломъ суконномъ платьѣ и въ мѣхахъ. Она застегивала перчатки и, улыбаясь, подошла къ Лодеру.

— Я знала, что вы придете,—загадочно сказала она.

— Вы меня ждали?—спросилъ Лодеръ, сейчасъ же почувствовавъ, что она его узнала. — Конечно, я долженъ вамъ визитъ, послѣ того, какъ обѣдалъ у васъ. У меня старомодныя привычки.

— Развѣ, милый Джэкъ?—сказала она съ легкой насмѣшкой. — А я считала васъ скорѣе... богемой. Ну, садитесь. Обѣщаю, что не заставлю васъ курить и не попрошу снять перчатокъ.

Лодеръ не могъ понять ея тона, не зналъ, отказалась ли она отъ безплодной борьбы, или играла съ нимъ, какъ кошка съ мышкой. Вглядѣвшись въ ея нѣжное лицо и зеленые глаза, онъ сейчасъ же склонился ко второму предположенію. Онъ вспомнилъ, что телеграмма въ ея рукахъ, и прежде всего хотѣлъ провѣрить, не хитритъ ли она съ нимъ.

— Вы сказали, что ожидали меня,—спокойно началъ онъ.— Что это значитъ?

— А то,—отвѣтила она съ улыбкой,—что мнѣ доложили о приходѣ Джэка Чилькота, а для меня было ясно, что придетъ не Чилькотъ.

Лодеръ почувствовалъ, что нужно положить этому конецъ.

— Что вы дѣлали сегодня утромъ въ столовой въ Гровноръ-Скверѣ до прихода Евы?—спросилъ онъ.

Лиліанъ застегнула перчатку.—Ну, да,—значитъ, я вѣрно догадалась,—сказала она.—Вы пришли узнать, сидѣла ли я, спокойно сложивъ руки, или искала развлеченій.

Лодера возмущалъ ея тонъ, но теперь было не до того.—

— Я опять спрашиваю васъ, почему вы ждали моего прихода?

— А вотъ почему,—со смѣхомъ отвѣтила она.—Кто видѣлъ Джэка Чилькота сегодня въ двѣнадцать часовъ, тому было ясно, что днемъ его замѣните вы. А я тутъ совершенно нипричемъ,— прибавила она.—Когда входишь въ пустую комнату и видишь на столѣ длинную телеграмму...

Но Лодеръ не далъ ей договорить. Ея признанія не интересовали его.

— Я не исповѣдникъ,—сказалъ онъ. Ему прежде всего хотѣлось остаться наединѣ и обдумать дальнѣйшій ходъ дѣйствій. Онъ съ улыбкой взглянулъ на Лиліанъ.—Прощайте!—сказалъ онъ, протягивая ей руку.

— Будете вы сегодня вечеромъ въ театрѣ?—спросила Лиліанъ, прощаясь.—Идетъ „Двойникъ". Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть васъ на этомъ представленіи.—Наклонивъ голову, она глядѣла на него своими зелеными глазами, и Лодеръ на минуту колебался. Но потомъ лицо его просвѣтлѣло.

— Хорошо,—медленно сказалъ онъ.—До свиданія въ театрѣ.

Лодеръ не сомнѣвался теперь, что Лиліанъ Аструпъ нашла телеграмму и взяла ее; теперь ему оставалось обезцѣнить документъ, очутившійся въ ея рукахъ. Какъ онъ это сдѣлаетъ, онъ еще не зналъ, но его возбуждали опасность и предстоящая борьба, и онъ вернулся въ домъ Чилькота полнымъ силы и энергіи. Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду. Поднявшись на лѣстницу, онъ прямо прошелъ въ комнаты Евы. Она стояла у окна спиной къ свѣту и лицомъ къ нему. Обрадованный видомъ ея, онъ быстро подошелъ къ ней, протягивая руку.—Ева!—тихо сказалъ онъ.

Но Ева не двигалась. Она взглянула на него, потомъ отвернула глаза.

— Ева,—началъ онъ опять. — Я долженъ объяснить тебѣ кое-что... относительно вчерашняго вечера и сегодняшняго утра.—Но вдругъ, къ его удивленію, Ева быстро повернулась къ нему, и въ глазахъ ея сверкнула радость.

— Я все понимаю,—сказала она.—Не старайся объяснять. Для меня достаточно видѣть тебя—такимъ.

Лодеръ былъ пораженъ. Онъ ждалъ, что послѣ вторженія Чилькота Ева отнесется къ нему недовѣрчиво, но въ ней сказывалось только желаніе жить настоящей минутой, забывая о прошломъ и не думая о будущемъ.

— Значитъ, ты меня прощаешь, — сказалъ онъ и, подойдя ближе, коснулся ея руки. Она стояла, отвернувшись отъ него, но рука ея дрожала. Черезъ минуту она подняла голову, и глаза ихъ встрѣтились. Онъ понялъ ее.

— Джонъ...—быстро сказала она, но не договорила своей мысли.—Какая я глупая и нервная!—воскликнула она, отрывисто засмѣявшись.—Точно школьница, а не женщина двадцати-четырехъ лѣтъ.—Помоги мнѣ стать благоразумной!—Щеки ея горѣли, и видно было, что она сдерживаетъ волненіе.

— Ева!..—началъ снова Лодеръ, но она остановила его.

— Не нужно объясненій,—сказала она;—я хочу радоваться

минутѣ. Вѣдь я такъ безконечно счастлива, когда вижу тебя—такимъ.—Голосъ ея опять дрогнулъ, точно отъ сдержаннаго рыданія. — Ну, что,—сказала она спокойно, послѣ короткаго молчанія,—пріятно быть великимъ человѣкомъ?—Она сказала это беззаботно, и ничто въ ея голосѣ не выдавало прежняго волненія.

Лодеръ все еще не зналъ, какъ ему быть. Онъ опять взялъ ее за руку и заглянулъ ей въ глаза.

— Послушай, Ева,—началъ онъ. Но Ева продолжала свою таинственную игру. Она съ нервнымъ смѣхомъ освободила руку и зажала ему ротъ.

— Ни слова! — сказала она.—Прошлыя двѣ недѣли были твои, а теперь мой чередъ. Сегодняшній день—мой.

XXVIII.

Женщина опять побѣдила. Лодеръ пробылъ у Евы болѣе двухъ часовъ и ясно чувствовалъ, что тонъ ихъ бесѣдѣ даетъ она, что она устраняетъ всѣ опасныя темы. И кромѣ того, онъ видѣлъ, что она искусно отстраняетъ всякій разговоръ о любви. Потомъ она поѣхала проводить его въ клубъ, и хотя онъ сознавалъ, что положеніе его почти безысходное, все же стихійное чувство торжества охватило его душу, и въ немъ укрѣпилась увѣренность въ ожидающемъ его успѣхѣ въ жизни—и въ любви. У дверей клуба онъ вышелъ изъ коляски и простился съ Евой...

— Ты не обѣдаешь сегодня дома?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она:—я приглашена къ Брамфелямъ.

— А когда ты вернешься домой? Я бы хотѣлъ еще повидать тебя.

Она, видимо, опять хотѣла что-то сказать, но опять не рѣшилась и опустила глаза.

— Я буду дома къ одиннадцати,—сказала она.

Лодеръ обѣдалъ съ Лэкли въ клубѣ и попалъ въ театръ уже въ десятомъ часу. Въ ложѣ Лиліанъ онъ засталъ кромѣ нея еще ея молодую пріятельницу, миссъ Эсельтинъ, и Леонарда Кэна. Онъ совершенно не зналъ, зачѣмъ его призвала Лиліанъ, и не зналъ, о чемъ заговорить. Изъ вѣжливости онъ спросилъ, интересна ли пьеса, и попросилъ разсказать, въ чемъ дѣло, такъ какъ онъ попалъ только ко второму дѣйствію.

— Да развѣ вы не знаете этой пьесы?—спросила громко Лиліанъ.—Это передѣлка для сцены романа „Двойникъ“.—Разскажите ему содержаніе, Леонардъ,—прибавила она, обращаясь къ Кэну.

Леонардъ согласился.—Фабула заключается въ томъ,—сказалъ онъ,—что два человѣка, милліонеръ и художникъ, похожіе другъ на друга какъ близнецы, мѣняются ради шутки своими личностями.

Лодеръ улыбался, стараясь не выдать себя.

— Но шутка не совсѣмъ удается, — продолжалъ Кэнъ.— Одинъ изъ нихъ женатъ, и любовь между нею и двойникомъ ея мужа превращаетъ шутку въ драму.

Лодеръ почувствовалъ, что кровь бросилась ему въ лицо.

— Чѣмъ же кончается исторія? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Ну, конецъ обычный: замѣститель милліонера дѣлаетъ массу глупостей,—и пузырь лопается.

— А жена?

— Жена? — Лиліанъ коротко засмѣялась. — Жена — дура: она разводится съ мужемъ.

Всѣ расхохотались. Въ это время заигралъ оркестръ—и разговоры прекратились. Когда оркестръ умолкъ, раздался звонокъ, и поднялась занавѣсь. Начался второй актъ.

XXIX.

До конца второго акта Лодеръ поднялся и простился съ Лиліанъ. Она отпустила его съ пренебрежительной улыбкой. Ей нужно было показать ему, что̀ его ожидаетъ. Тайна открыта— и нарывъ лопнетъ, какъ въ пьесѣ.

Онъ вышелъ изъ театра и пошелъ пѣшкомъ на Гровноръ-Сквэръ, едва разбираясь въ мысляхъ. Онъ вдругъ сразу почувствовалъ, что все кончено—что Джонъ Лодеръ, создавшій себѣ въ нѣсколько недѣль такое блестящее положеніе, обреченъ на гибель. Все разбилось, — но по привычкѣ онъ сталъ мысленно распутывать ниточку за ниточкой завязавшійся узелъ и плести какую-то цѣпь, для того, чтобы связать себя съ будущимъ.

Онъ принялъ новое рѣшеніе. Войдя въ домъ Чилькота, онъ поднялся по лѣстницѣ совершенно въ другомъ настроеніи, чѣмъ въ прежніе разы. Онъ шелъ, опустивъ голову, согнувъ плечи. Поднявшись, онъ прямо прошелъ въ комнаты Евы. Она стояла

у камина въ пышномъ вечернемъ туалетѣ, сверкая брильянтами на шеѣ и въ волосахъ. Когда онъ вошелъ, она быстро взглянула на него испытующимъ взглядомъ, къ которому онъ привыкъ. Но тотчасъ же выраженіе ея лица смѣнилось тревогой.

— Что случилось?—воскликнула она.—На тебѣ лица нѣтъ.

— Да,—медленно отвѣтилъ онъ.—Случилось нехорошее.

Она густо покраснѣла, но онъ этого не замѣтилъ.

Съ обычнымъ своимъ упрямствомъ онъ заставилъ себя выполнить принятое рѣшеніе.

— Ты презираешь ложь,—началъ онъ.—Что же бы ты сказала о человѣкѣ, который построилъ всю свою жизнь на лжи? Отвѣчай, мнѣ это нужно знать.

Она долго молчала.

— Я не могу ничего сказать,—проговорила она, наконецъ.—Я не хочу никого судить.

Лодеръ продолжалъ управлять собою.

— Ева,—сказалъ онъ спокойно.—Я былъ сегодня въ театрѣ и видѣлъ пьесу „Двойникъ". Ты читала, вѣроятно, романъ, по которому эта драма написана.

— Да, читала.

— Рѣчь идетъ о полномъ сходствѣ двухъ людей. Какъ ты думаешь,—такое сходство возможно?

— Да, — нервно отвѣтила Ева. — Я вѣрю въ возможность такого сходства.

— Ты не ошибаешься,—быстро сказалъ Лодеръ.—Я знаю, что такіе случаи бываютъ въ жизни. И подобное сходство очень опасно, оно — страшный соблазнъ. — Онъ остановился, ожидая, что она придетъ ему на помощь, но она молчала.—Ева!—воскликнулъ онъ тогда:—еслибы ты знала, еслибы ты могла догадаться о томъ, что я хочу тебѣ сказать!

Лодеръ, сильный, увѣренный въ себѣ Лодеръ растерялся и казался безпомощнымъ ребенкомъ. Въ его голосѣ звучала мольба.

Ева поняла его,—и всѣ сложныя чувства, которыя мѣшали ей говорить до этой минуты, разсѣялись передъ молящимъ звукомъ его голоса. Она быстро, но спокойно обернулась къ нему и посмотрѣла ему въ лицо взглядомъ, какъ бы озареннымъ свѣтомъ, идущимъ изнутри.

— Не продолжай,—сказала она просто.—Я все знаю.

Это было сказано просто, какъ всѣ великія откровенія. Лицо ея сіяло особой красотой въ этомъ забвеніи самой себя. Она думала въ эту минуту только о страданіяхъ человѣка, который стоялъ передъ нею.

Лодеръ едва понималъ ее.

— Ты знала?—спросилъ онъ съ безконечнымъ изумленіемъ.

Не отвѣчая, она подошла къ маленькому бюро, стоявшему у окна, открыла одинъ изъ ящиковъ и вынула нѣсколько листковъ, исписанныхъ почеркомъ Чилькота. Не говоря ни слова, она передала ему листки. Они обмѣнялись безмолвнымъ взглядомъ, понимая другъ друга.

— Когда я вошла сегодня утромъ въ столовую, — сказала, наконецъ, Ева,—и увидѣла, что Лиліанъ Аструпъ читаетъ телеграмму, я была очень далека отъ желанія послѣдовать ея примѣру. Но когда потомъ вошелъ *онъ*, и я увидѣла, что ты — я думала, что это ты — опять сталъ прежнимъ, когда они стали весело болтать и шутить, я вдругъ почувствовала себя страшно покинутой. Въ ту минуту во мнѣ проснулась ревность,—и все остальное исчезло для меня. Когда они вышли вдвоемъ изъ столовой, я вспомнила о телеграммѣ и стала ее читать. Прочтя первыя слова, я уже не могла не дочитать до конца. Я забрала листки и принесла ихъ сюда.

Лодеръ слушалъ ее, затаивъ дыханіе. Теперь онъ понялъ равнодушіе въ обращеніи Лиліанъ Аструпъ. Не имѣя въ рукѣ надежнаго орудія, она не хотѣла продолжать борьбу, которая была бы слишкомъ трудной. Но въ эту минуту онъ чувствовалъ, что его волнуетъ не это открытіе, мѣнявшее его судьбу, а нѣчто другое.

— Ева, — сказалъ онъ: — какое было твое первое чувство, когда ты узнала правду обо мнѣ?

Наступило опять короткое молчаніе, потомъ Ева взглянула ему въ лицо открытымъ, яснымъ взглядомъ.

— Первое мое чувство было... большая благодарность,—сказала она.

— Благодарность?— медленно переспросилъ онъ изумленнымъ тономъ.

— Да, благодарность за то, что я не обманулась въ томъ, въ кого повѣрила.

Она говорила просто и довѣрчиво, но для Лодера слова ея были самымъ страшнымъ обвиненіемъ.

— Ева, — сказалъ онъ, — ты не знаешь, что говоришь. Я долженъ тебѣ объяснить. Я пришелъ сказать тебѣ многое,—и ты облегчила мнѣ половину признанія тѣмъ, что узнала правду. Но это еще не все. Я теперь начинаю разбираться въ мотивахъ моего поступка,—того, что я принялъ предложеніе Чилькота,—и теперь понимаю, что мы оба дѣйствовали изъ эгоизма:

онъ слѣдовалъ влеченіямъ своей несчастной страсти, я—внушеніямъ моего честолюбія. Но къ этому присоединилось вскорѣ еще другое. Вначалѣ я дѣйствовалъ изъ желанія проявить свою личность, вызвать одобреніе Фрэда... и подняться въ твоихъ глазахъ, пробудить дружеское отношеніе въ тебѣ.

— Ты искалъ моей дружбы?

— Я полагалъ, что дѣло только въ дружбѣ. И только послѣ моей рѣчи въ парламентѣ я понялъ, что чувства мои другія,—что я люблю тебя. Сначала я не увидѣлъ въ этомъ ничего ужаснаго,—я думалъ только о себѣ. Но когда мы возвращались домой изъ Вестминстера, произошло странное совпаденіе. Помнишь, какъ мы остановились на Пикадилли? Такъ вотъ, когда я высунулся изъ окна,—я увидѣлъ передъ собой Чилькота.

Ева вздрогнула. Это соединеніе самаго счастливаго момента ея жизни съ образомъ Чилькота непріятно поразило ее.

— Ты увидѣлъ его въ тотъ вечеръ?—переспросила она.

— Да, все во мнѣ застыло при видѣ его. Чувство торжества сразу смѣнилось тогда мыслью о судьбѣ. Я очнулся отъ своей гордости. На слѣдующій день я пошелъ къ нему и сказалъ, что нужно положить конецъ всему. Но я не былъ честенъ до конца. Я пошелъ съ тѣмъ, чтобы признаться ему въ любви къ тебѣ,—но самолюбіе связало мнѣ языкъ, и я изобразилъ опасность въ другомъ видѣ. Я не одержалъ надъ собой той побѣды, которую хотѣлъ одержать. Это выяснилось сегодня, когда онъ пришелъ сообщить мнѣ о потерянной телеграммѣ. Я ухватился за возможность вернуться вовсе не изъ страха передъ лэди Аструпъ, вовсе не для того, чтобы спасти положеніе,—а только для того, чтобы опять ощутить радость жизни—увидѣть тебя... хотя бы на одинъ день.

Лодеръ посмотрѣлъ на Еву, и сейчасъ же опять отвернулся.

— Я думалъ только о себѣ сегодня, когда говорилъ съ тобой, и когда ты провожала меня въ клубъ. И что я думалъ—ты можешь понять безъ словъ. А потомъ я пошелъ въ театръ, въ ложу лэди Аструпъ, чтобы посмотрѣть, велика ли опасность съ ея стороны. Но тамъ меня ждало рѣшеніе судьбы. Едва-ли кто-либо переживалъ въ полчаса столько, сколько я сегодня. Въ пьесѣ два человѣка мѣняются своей жизнью, какъ я и Чилькотъ,—но они забываютъ при этомъ о женѣ одного изъ нихъ. И когда я сидѣлъ въ театрѣ,—самъ даже не знаю, какъ это произошло,—я внутренно перемѣнилъ все отношеніе къ жизни. Я посмотрѣлъ на все при свѣтѣ общечеловѣческой правды, а

не мелкаго эгоизма. Я вдругъ понялъ, какъ глубоко я виноватъ,— и рѣшилъ положить конецъ всему.

Ева быстро подошла къ Лодеру съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами и положила ему руки на плечи.

— Что ты задумалъ?—воскликнула она.—Ты хочешь уйти, все оставить? Это невозможно. Почему ты думаешь, что это нужно?

— Потому что мы любимъ другъ друга.

— Что въ нашей любви дурного?—спросила она, вся вспыхнувъ.—Мы ничего преступнаго не совершаемъ. Мы будемъ друзьями. Мнѣ такъ нуженъ другъ!

Въ первый разъ Лодеръ видѣлъ ее въ такомъ отчаяніи, когда она теряла власть надъ собой. И въ немъ такъ сильно заговорило чувство глубокаго состраданія, что всякая жертва казалась ему теперь возможной, превращалась въ священный долгъ. Онъ протянулъ руки къ ней и привлекъ ее къ себѣ, какъ ребенка.

— Ева,—сказалъ онъ.—Я узналъ сегодня, до чего жизнь женщины во власти свѣта и до чего свѣтъ безжалостенъ. При другихъ обстоятельствахъ я былъ бы хорошимъ мужемъ, умѣлъ бы защитить тебя. Но права защищать тебя я не имѣю,—и потому буду ограждать тебя отъ всего недостойнаго. Теперь я знаю, что нельзя употреблять свою силу во вредъ другимъ. Нужно жертвовать собой,—и я это сдѣлаю. Понимаешь ли ты, Ева, что я беру на себя тяжелый долгъ? Насколько легче было бы мнѣ, еслибы я продолжалъ пользоваться слабостью Чилькота и— твоимъ великодушіемъ. Но въ первый разъ для меня жизнь другого человѣка дороже моей собственной. Въ тебѣ есть что-то высокое и нѣжное,—и это преграждаетъ мнѣ дорогу. Неужели, Ева, ты не видишь, какъ тяжело мнѣ приходится бороться?

Наступило молчаніе. Ева стояла хрупкая, нѣжная, вся въ слезахъ, и подняла къ Лодеру лицо, влажное отъ слезъ. На лицѣ ея отразилась рѣшимость и готовность самоотреченія, которая поражала въ такомъ слабомъ на видъ существѣ. Она не произнесла ни слова, потому что слова въ такія минуты излишни, но простымъ и трогательнымъ движеніемъ взяла его руку и поднесла ее къ губамъ.

XXX.

Наступило молчаніе, которое стало, наконецъ, невыносимо Лодеру.

— Ева,—сказалъ онъ, подойдя къ камину,—я не сказалъ тебѣ еще о самомъ трудномъ. Недостаточно, чтобы я ушелъ.

Нужно, чтобы вернулся Чилькотъ; нужно заставить его выполнять свои обязательства. Это должны сдѣлать я и ты. Ты именно можешь многое сдѣлать. Онъ боится общественнаго мнѣнія—дай ему понять, что знаешь его тайну, и онъ будетъ слушаться тебя. Я пришелъ сегодня просить тебя объ этомъ. Я знаю, что это трудная задача для женщины,—но ты не такая, какъ всѣ женщины. Пойми, Ева, вѣдь это единственный исходъ для насъ.

Онъ замолчалъ. Ева ничего не отвѣтила, но подошла къ Лодеру медленно и нерѣшительно, и протянула ему руки, какъ бы прося помощи.—Я поняла,—медленно произнесла она.—Когда ты меня къ нему поведешь?

Лодеръ помолчалъ и потомъ отвѣтилъ тихо и отрывисто:

— Сейчасъ! Сейчасъ же! Я знаю, что ты берешь на себя тяжелое.

Точно боясь, что ему измѣнитъ собственная рѣшимость, онъ прошелъ черезъ комнату къ стулу, на которомъ лежалъ темный плащъ Евы, и молча набросилъ его ей на плечи. Потомъ онъ такъ же машинально открылъ дверь, пропустилъ Еву и самъ пошелъ за ней. Они молча сошли съ лѣстницы и вышли на улицу. На порогѣ Лодеръ на минуту остановился,—и, можетъ быть, даже Ева не представляла себѣ горечь его чувствъ,—мракъ, который онъ увидѣлъ передъ собою въ будущемъ.

Увидавъ пустой кэбъ, Лодеръ подозвалъ его, усадилъ Еву и самъ сѣлъ подлѣ нея. Дорога въ Клифордсъ-Иннъ показалась имъ обоимъ безконечно длинной. Оба они почти все время молчали. Доѣхавъ до Мидль-Тэмпль-Лэнъ, они оставили кэбъ, прошли пѣшкомъ по Флитъ-Стриту и, наконецъ, вошли въ Клифордсъ-Иннъ. Ева вздрогнула отъ угрюмаго вида двора.

— Точно кладбище,—проговорила она.

Лодеръ повелъ ее за собой по двору, потомъ по лѣстницѣ, и они остановились, наконецъ, у его двери. Лодеръ пробовалъ открыть дверь, но она оказалась запертой изнутри. Онъ обернулся къ Евѣ съ тревожнымъ выраженіемъ лица.

— Тутъ что-то не ладно,—сказалъ онъ тихо.—Дверь закрыта и не видно свѣта.

Онъ рѣшилъ открыть замокъ своимъ запаснымъ ключомъ и сказалъ, что войдетъ сначала одинъ, а потомъ уже позоветъ Еву. Она согласилась и послушно отступила. Лодеръ открылъ дверь и вошелъ въ темноту, а она осталась его ждать. Прошло довольно много времени, и ей сдѣлалось жутко. Наконецъ, онъ снова показался, но видъ его былъ такой, что у Евы похолодѣли руки, когда она взглянула ему въ лицо.

— Что̀ случилось?—прошептала она.

Онъ, вмѣсто отвѣта, близко подошелъ къ ней,—въ глазахъ его застыло выраженіе ужаса.

— Идемъ,—сказалъ онъ.—Идемъ скорѣе! Я отвезу тебя домой.

Ева схватила его за руку.

— Почему? Почему?—тихо спросила она.

Но онъ настойчиво повелъ ее къ лѣстницѣ.

— Спустимся какъ можно тише,—сказалъ онъ.—Тебя не должны здѣсь увидать.

— Въ чемъ дѣло? Что̀ случилось?—настаивала Ева, отказываясь повиноваться. Лодеръ посмотрѣлъ на нее въ нерѣшительности и, наконецъ, уступилъ ея просьбѣ:

— Онъ умеръ,—тихо проговорилъ онъ.—Чилькотъ умеръ.

Ева не имѣла времени опомниться послѣ оглушительнаго извѣстія. Лодеръ торопилъ ее, занятый исключительно мыслью о ней, о томъ, чтобы оградить ее отъ всякой непріятности. Только когда они вышли изъ Клифордсъ-Инна, такъ же незамѣтно, какъ вошли, и сѣли въ кэбъ на Стрэндѣ, Лодеръ вздохнулъ съ облегченіемъ.

Ева все еще не приходила въ себя. У нея было только успокоительное сознаніе, что Лодеръ подлѣ нея и что она подъ защитой его силы. Они оба долго молчали. Наконецъ, и Лодеръ, чувствуя, что на немъ лежитъ отвѣтственность за Еву, рѣшился заговорить.

— Ева,—сказалъ онъ,—ты понимаешь, что̀ все это означаетъ?—Она молчала, и послѣ нѣкотораго колебанія онъ продолжалъ:—Пойми,—вѣдь съ того времени, какъ я увидѣлъ тебя, я думаю только о тебѣ и ни о комъ другомъ.

Она подняла глаза на него.

— Отдаешь ли ты себѣ отчетъ въ томъ, что̀ произошло сегодня? Съ сегодняшняго вечера въ Лондонѣ нѣтъ человѣка, носящаго имя Джона Лодера. Завтра его найдутъ мертвымъ въ его комнатѣ, и посмертное изслѣдованіе покажетъ, что онъ умеръ отъ морфиноманіи. Его похоронятъ, ничего интереснаго въ его комнатахъ не найдутъ, никакіе родственники не явятся за его тѣломъ. Все это, конечно, ужасно,—но съ этимъ приходится мириться.

— Для насъ же это имѣетъ еще другое значеніе, Ева,—продолжалъ онъ рѣзко и взволнованно.—Сегодня закончилась

цѣлая глава моей жизни. Я бы могъ навсегда захлопнуть книгу и бросить ее прочь. Но я думаю о тебѣ, и потому не бросаю. Вотъ что̀ будетъ. Я вернусь съ тобой на Гровноръ-Скверъ, останусь до тѣхъ поръ, пока найдется для Чилькота предлогъ для отъѣзда за границу. Фрэда я буду избѣгать, откажусь отъ политики. И тогда я сдѣлаю то, что̀ сдѣлалъ бы сегодня, еслибы это оказалось возможнымъ. Я уѣду куда-нибудь въ чужую страну, чтобы начать новую жизнь.

— Въ другую страну?—спросила Ева. — Что̀ это значитъ?

— Я начну новую жизнь въ новой странѣ, для того, чтобы я могъ придти къ тебѣ съ плодами честнаго труда. Я не такъ старъ, чтобы ужъ не могъ сдѣлать того, что̀ дѣлаютъ другіе.

— Ты не слишкомъ старъ, это правда,—медленно сказала Ева.—Но дѣло не въ этомъ, не въ твоихъ личныхъ соображеніяхъ. Теперь весь вопросъ въ томъ, имѣешь ли ты *право* уйти. У тебя есть дѣло. Ты нуженъ своей странѣ. У меня тоже есть права на тебя—я тебя люблю. Но и эти права ничто. Ты можешь отвергнуть любовь. А долгъ передъ страной—другое дѣло. Ты отъ него не можешь отречься.

Онъ хотѣлъ отвѣтить, но она остановила его:

— Не говори. Я знаю, что̀ ты хочешь сказать. Но подумай. Ты принадлежишь Англіи. А всѣ твои разсужденія о нравственномъ долгѣ вызваны гордостью. Гордость хороша, когда она умѣстна. Теперь не время для нея. Знаешь,—сказала она, кладя свои руки на его руки: — м-ръ Фрэдъ сообщилъ мнѣ сегодня, что въ его новомъ министерствѣ мѣсто товарища министра предоставлено будетъ тебѣ, Джонъ...—На этомъ словѣ она оборвала фразу. Кэбъ остановился передъ домомъ Чилькота.

— Васъ въ кабинетѣ ждетъ съ полчаса м-ръ Фрэдъ,—доложилъ слуга.

Ева повернулась къ Лодеру, чтобы узнать приговоръ, рѣшающій ихъ будущую судьбу.—Ты знаешь, что онъ пришелъ предложить лично мѣсто товарища министра,—сказала она.

Она замолчала. Черезъ минуту Лодеръ обратился къ ней. Лицо его было блѣдно и серьезно, — но за этимъ выраженіемъ свѣтилась старая сила и увѣренность въ себѣ.

Сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ протянулъ ей обѣ руки.

— Мое согласіе или отказъ, — сказалъ онъ очень спокойно,—зависитъ отъ моей жены.

Съ англ. З. В.

ВОПРОСЫ ИСКУССТВА

ВЪ

СОВРЕМЕННЫХЪ ЕГО ОТРАЖЕНІЯХЪ

I.

Наша художественная литература переживаетъ кризисъ, которому трудно дать одно исчерпывающее опредѣленіе. Что-то прекрасное, величавое, не терпящее суеты, откололось и ушло въ безвозвратное прошлое. Что-то прекрасное, новое, неслыханное чудится въ томъ дымномъ хаосѣ пѣсенъ и стоновъ, криковъ отчаянія и надежды, въ лучахъ кровавыхъ зорь и судорогахъ „краснаго смѣха",—во всемъ, что въ переживаемомъ нами броженіи встрѣчаетъ „милаго младенца" — новый періодъ литературы, поэзіи, искусства. Рушатся ли старые алтари, строятся ли храмы для новыхъ кумировъ—въ предутреннемъ туманѣ не видно, но въ воздухѣ вѣетъ бодрящей свѣжестью морского прибоя, несущей съ собой отвагу и жажду приволья и вѣру въ горячее яркое солнце. И пусть эта свобода и свѣжесть и смѣлость скорѣе вольется въ могучую красоту вѣщаго русскаго слова, пусть оно, это слово, утолитъ нашу жажду чего-то поистинѣ свободно-рожденнаго въ стихіяхъ духа, пусть оно откроетъ въ нихъ поистинѣ новыя прекрасныя дали, пусть оно всколыхнетъ таинственнѣйшія изъ глубинъ мысли и чувства и выброситъ вмѣстѣ съ брызгами пѣны, отливающей на солнцѣ, и самоцвѣтные камни, которые играли бы всѣми лучами генія, свѣтились бы прелестью неподдѣльныхъ жемчужинъ поэзіи!..

Нашимъ художникамъ, поэтамъ, виртуозамъ мысли и формы

предстоитъ великая и въ высшей степени отвѣтственная задача. Прошедшій вѣкъ литературы не зажился среди новыхъ поколѣній и ушелъ отъ суеты и шума кипучаго переходнаго момента въ тишину портретныхъ галерей, гдѣ образы хранятъ всю прелесть красокъ и гдѣ заботливая рука не устаетъ еще замѣнять увядающіе цвѣты новыми дарами восторженнаго признанія и любви. Прошлый вѣкъ литературы въ толстыхъ томахъ весь разошелся по шкапамъ и полкамъ; его будутъ изучать съ спокойной любознательностью, его будутъ анализировать съ безстрастіемъ хирурга или съ мечтательнымъ умиленьемъ. Но волненіе нашихъ дней, пожирающій пламень самозабвенной мысли, горячій порывъ навстрѣчу жизни, борьбѣ и счастью принадлежитъ не имъ, а тому, что несется къ намъ изъ неяснаго далека грядущаго. И какъ во всѣхъ областяхъ русской народной жизни,—въ области художественной все полно предчувствіемъ, тревогой ожиданья, усталостью, безумной надеждой и жаждой чуда, доходящей до галлюцинацій, до кошмарныхъ видѣній. И когда же раздадутся звуки, въ которыхъ воплотится это великое ожиданье, эта великая скорбь, и упованія, и мечты? Когда же раздастся призывъ на дымящихся развалинахъ—спѣть благодарственный гимнъ радости творчества и приступить къ творческой работѣ по созиданію вдохновеннаго храма, искони лелѣяннаго народной душой и думой національнаго русскаго искусства? Зажигаются только свѣтильники надъ мѣстомъ работы, но еще ни одинъ камень не отшлифованъ и не пригнанъ на мѣсто, еще ни одна страница родного искусства не переписана набѣло. Все это задачи будущаго, а мы живемъ въ предвѣдѣніи, въ тревогѣ и въ туманѣ...

Наиболѣе чуткіе изъ нашихъ поэтовъ сами говорятъ, что они — только предтечи. Наши художники — самоотверженные искатели божественныхъ тайнъ, разсѣянныхъ въ пространствахъ непостижнаго и вѣчнаго. Какія волшебства откроютъ они вѣщими звуками своихъ пѣсенъ? какія дали развернутъ передъ нами?..

И когда сбудутся ихъ пророчества, ихъ сны наяву? Когда же свободное искусство вольется въ свободную жизнь?

Готоваго отвѣта нѣтъ на эти вопросы; есть отвѣтное чувство, отвѣтная мечта, изъ устъ пророчествующихъ срываются полуневнятныя, полубезумныя слова. Свобода — внутри человѣка,— говорятъ одни; духъ свободенъ отъ того, что внѣ его, и пусть онъ или уносится въ небеса и ищетъ тамъ въ своей прародинѣ слiянія съ вѣчной красотой божественнаго, безконечнаго, или пусть онъ обратится къ благамъ міра сего и радуется и веселится всему, въ чемъ видитъ радость и полноту бытія, пусть

играетъ всѣми фибрами естества, не подчиненный ничьимъ велѣніямъ или догмамъ.—Скоро, скоро взойдетъ оно, это солнце свободы,—говорятъ другіе,—той всеобщей, широкой, народной свободы, безъ которой и пѣсня не пѣсня, и жизнь — не жизнь. И на разные лады повторяются милые, но уже давно потускнѣвшіе отъ частыхъ прикосновеній стихи о томъ, что „темницы рухнутъ, и свобода васъ приметъ радостно у входа"... И вся пестрая разноголосица звуковъ, господствующая въ современной поэзіи, находитъ свои отклики въ сердцахъ, пока въ ней выражается страстное стремленіе уйти отъ давящихъ кошмаровъ прошлаго и приковать мечты и чувства къ откровеніямъ свѣтлаго будущаго, ко встрѣчѣ новаго лазурнаго царства высшей вселенской человѣчности, правды и любви. Въ сумеркахъ похолодѣвшихъ храмовъ уже грезятся новые свѣточи религіи и вѣры; ихъ трепетные лучи озаряютъ новымъ, оживляющимъ блескомъ темные лики страдальцевъ за высшіе идеалы человѣчества, за божественную вѣру въ грядущее царство Божіе на землѣ. И даже у тѣхъ, кто устаетъ ждать осуществленія этой дивной мечты, кто, въ минуты раздумья и грусти, говоритъ о закатѣ и вечернихъ зоряхъ, невольно прорывается примирительная нотка при мысли, что земная жизнь не можетъ быть завершена кругомъ сознанныхъ ею видѣній:

Все потонуло въ блескѣ аломъ,
И говорятъ душѣ они
О незакатномъ, небываломъ —
Заката яркіе огни!

Всѣ эти настроенія отражаются, то ярко, то тускло, то радостно, то печально, въ переливахъ современной поэзіи, пытающейся выразить весь нестройный хаосъ жизненныхъ звуковъ, въ которомъ живетъ современный человѣкъ,—отъ младенческаго лепета первобытными элементами слова, еще какъ бы не выдѣленными изъ синкретизма жеста и звука, всѣмъ міромъ ощущеній, образовъ, порывовъ, до свѣтящихся холоднымъ вѣчнымъ блескомъ вершинъ философской мысли. И все это блещущее и меркнущее, бьющее шумными и пестрыми фонтанами образовъ, звуковъ, красокъ, стынущее въ одиночествѣ и раздумьи, смѣющееся и плачущее, вѣрящее и разочарованное,—все это томительно тревожитъ душу, наполняетъ ее сознаніемъ тайнъ, которыя, можетъ быть, никогда не будутъ отгаданы, предчувствіемъ видѣній, которыя, можетъ быть, никогда не пройдутъ передъ глазами...

II.

Какъ въ старые годы, поэты зовутъ въ „оный таинственный міръ“, и многіе отзываются на ихъ зовъ...

Но кто проникнутъ современными стремленіями и остается къ нимъ холоденъ, у кого въ душѣ своя тоска, свои думы о прекрасномъ и вѣчномъ, кто не ищетъ общенія съ мятущимся живымъ міромъ человѣческихъ сердецъ и гордо замыкается въ себя и смотрится въ свои отраженія несущейся мимо жизни и солнца, и снѣговыхъ горъ съ ихъ вѣчнымъ молчаніемъ, и пѣсенъ моря, и звѣздной ночи, тотъ заговоритъ о себѣ стихами И. А. Бунина, тому поэзія этого пѣвца искрящихся въ морозномъ сумракѣ раздумій покажется родной и близкой. Его поэзія служитъ яркимъ контрастомъ ко всей современной плеядѣ. Прихотливая, натуральная въ своей дѣланности, вся играющая въ блескѣ солнца и брызгъ муза Бальмонта безслѣдно, повидимому, прошла для Бунина—мы говоримъ о его послѣднемъ сборникѣ,—не бросивъ ни одного капризнаго, изломаннаго луча въ дремотную глубину таинственныхъ и холодныхъ родниковъ его поэзіи. Красивая, прозрачная тоска о мечтахъ и звукахъ, затерявшихся въ безконечныхъ надзвѣздныхъ обителяхъ вѣчной красоты и зовущихъ къ себѣ чутко-насторожившуюся душу, роднитъ по временамъ поэзію Бунина съ Брюсовымъ, но это признакъ скорѣе случайный: поэзія Брюсова навѣяна слишкомъ широкимъ кругомъ художественныхъ образовъ и обще-человѣческихъ интересовъ. А болѣе новые современные поэты слишкомъ экспансивны, слишкомъ открыты, иные—до дна души обнажены, то обо всемъ печально пѣвучи, то веселы безъ причины, игривы до ребячливости, и Бунина можно было бы характеризовать отрицаніемъ тѣхъ чертъ, которыя имъ наиболѣе свойственны, имъ индивидуально-общи. И тѣмъ не менѣе, живыя нити современности связываютъ Бунина со всѣми, кому дано въ наше время выражать свое міропониманіе въ художественныхъ образахъ и звукахъ: и у него вы найдете своеобразно-выраженный разрывъ съ традиціями прошлаго, доходящій почти до отреченія отъ русской „дѣйствительности“ вообще, и устремленность въ другой, загадочный міръ.

Можетъ быть, это уже общія и неизбѣжныя черты. Поэзія Бунина стоитъ одиноко, и самъ онъ—по преимуществу поэтъ одинокихъ и печальныхъ думъ. Въ этой печали нѣтъ мрака и

ужаса. Въ ней, напротивъ, свѣтлая безнадежность мудреца, познавшаго быстротечность жизни. Читая стихи этого поэта, хочется сказать: вотъ человѣкъ, который не разстается съ думами о смерти и вѣчности,—потому что онъ одинокъ. Онъ не боится этихъ думъ и говоритъ о нихъ—точно бесѣдуетъ съ читателемъ одинъ-на-одинъ съ интимной простотой. Но онъ не другъ ему и никому не другъ.

Поэзія Бунина — холодная, словно застывшая поэзія, и кажется, будто весь міръ смотритъ на него сквозь стекла замерзшаго окна, и самое солнце заглядываетъ къ нему „бодрое отъ холода“ и золотитъ хризантемы въ узорахъ стекла. Солнце, морозъ и звѣзды—любимые образы поэта, часто встрѣчающіеся въ различныхъ сочетаніяхъ. Холодъ — эмблема бодрости, молодости, ясности ума; морозъ выводитъ тонкія, строгія, прозрачныя очертанія образовъ.

Замерло все на морозѣ, лучатся морозныя звѣзды,
Но до костей я готовъ въ легкомъ промерзнуть мѣху,
Только бы видѣть тебя, умирающій въ золотѣ мѣсяцъ,
Золотомъ блещущій снѣгъ, легкія тѣни березъ.

„Вечернее зимнее солнце“... „Свой дикій чумъ среди снѣговъ и льда воздвигла Смерть“... „Полярная звѣзда“... „Густой зеленый ельникъ у дороги, глубокіе, пушистые снѣга“ — среди этихъ образовъ витаетъ мечта поэта.

Лѣса, скалистыя тѣснины,—
И цѣлый день, въ концѣ тѣснинъ,
Громада снѣговой вершины
Изъ-за лѣсныхъ глядитъ вершинъ.
. . . . . .
Она полъ-неба заступила,
За облака ушла вѣнцомъ—
И все смирилось, все застыло
Предъ этимъ льдистымъ мертвецомъ.

И печаль поэта — застывшая, неподвижная печаль. Такъ жизнь скучна и однообразна. Такъ все движется по неизмѣннымъ, предвѣчнымъ законамъ, что личная борьба со стихіями жизни безплодна. На землѣ нѣтъ ни боговъ, ни титановъ, и герои, возвышающіеся надъ толпой въ разгарѣ жизненной битвы,—безумцы, которымъ предстоитъ сгорѣть:

Герой—какъ вихрь, срывающій палатки,
Герой врагу безумный далъ отпоръ,
Но самъ погибъ—сгорѣлъ въ неравной схваткѣ,
Какъ искрометный метеоръ.

А трусъ—живетъ. Онъ тоже месть лелѣетъ,
Онъ точитъ мѣткій дротикъ, по тайкомъ.
О, да, онъ мудръ! Но сердце въ немъ чуть тлѣетъ...

Тотъ „Нѣкто", внутренній міръ котораго изображаетъ поэтъ,— не боецъ на жизненномъ пиру. Борьба, суета, шумъ — чужды его самоуглубленнымъ, сосредоточеннымъ мечтамъ. Онъ готовъ свернуть съ дороги, если впереди — слишкомъ густая тьма. Въ сумеречномъ свѣтѣ заката онъ шелъ одиноко,—„но тьма росла— и съ перекрестка я тихо повернулъ назадъ".

Ночь молчалива, но къ молчанью
Привыкну я...

О чувствѣ сиротливости, о просьбѣ сочувствія и рѣчи нѣтъ въ этой пьесѣ („Перекрестокъ"), отчетливой, ясной, и въ то же время мучительно не дающей разгадки страшному трагизму ушедшей въ себя души. Что осталось тамъ позади, на тѣхъ поприщахъ, когда еще не думалось о закатѣ? Увядшія розы? Разбитое счастье, несбывшіяся мечты? „Нѣкто" Бунина не разскажетъ этого, и вы чувствуете только, что надъ его душой должны имѣть особую, роковую силу вѣянія Корана:

На всѣхъ на васъ—на каждой багряницѣ,
На каждомъ пыльномъ рубищѣ раба—
Есть амулетъ, подобный вѣщей птицѣ,
Есть тайный знакъ, и этотъ знакъ—Судьба...

Рабамъ Земли, проникнутымъ фаталистическимъ духомъ, не до борьбы, какъ тому невольнику, который былъ перенесенъ съ Востока и приставленъ къ однообразному, отупляющему труду:

Я покорился. Я, невольникъ,
Живу лишь сонным ядомъ грезъ...

Молчаніе для поэта—музыка души, ея видѣнія, краски, радость и муки. Сумракъ, догорающій закатъ, запустѣнье, паутина— вотъ храмъ, гдѣ въ нѣгѣ дремотнаго томленья зрѣютъ одинокія думы. И воображеніе, по деталямъ Бунинскихъ пьесъ, рисуетъ старую запущенную барскую усадьбу, съ клавесинами, выцвѣтшимъ паркетомъ, пыльными гардинами, молью.

Ни фортки нѣтъ въ окнѣ, и рама въ немъ глухая...
Тутъ даже моль недолго наживетъ...

Въ такой-то усадьбѣ бродитъ задумчивый, таинственный Нѣкто и бредитъ стихами о Вѣчности и Красотѣ, и передумываетъ ста-

рыя мысли о томъ, что все на свѣтѣ—тлѣнъ, и въ то же время „все, какъ было“, и новаго въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ той жизни, которая горѣла въ насъ и будетъ горѣть послѣ насъ для какой-то тайной цѣли, о которой возможны однѣ лишь случайныя догадки.

Та красота, что міръ стремитъ впередъ,
Есть тоже слѣдъ былого. Безъ возврата
Сгоримъ и мы, свершая въ свой чередъ
Обычный путь, но долго не умретъ
Жизнь, что горѣла въ насъ когда-то.

Мерцаетъ надежда, что высшій смыслъ, быть можетъ, управляетъ міромъ, и жизнь избранниковъ, мудрѣйшихъ, горѣвшихъ свѣточами мысли въ предвидѣніи тайныхъ откровеній, не исчезнетъ безслѣдно, и на поэтовъ падаютъ лучи пророческаго ореола:

И много въ мірѣ избранныхъ, чей свѣтъ,
Теперь еще незримый для незрящихъ,
Дойдетъ къ землѣ чрезъ много, много лѣтъ...
Въ безвѣстномъ сонмѣ мудрыхъ и творящихъ
Кто знаетъ ихъ?—Быть можетъ—лишь поэтъ.

Нотка чеховскаго примиренія съ жизнью только случайно прорывается въ поэзіи г. Бунина, и то съ оттѣнкомъ крайне развитого индивидуализма: онъ говоритъ о поэтахъ, объ избранникахъ, о тѣхъ, чей свѣтъ, подобно лучамъ померкнувшихъ планетъ, можетъ свѣтить еще, когда сами они давнымъ-давно исчезли. Человѣчество, люди, толпа—не существуютъ для него. Имъ владѣютъ образы восточныхъ и библейскихъ сказаній, изъ которыхъ жгучій вѣтеръ пустыни вытравилъ въ незапамятныя времена живую память о живыхъ нѣкогда людяхъ, и вѣра въ Ормузда, которую можно заподозрить въ бунинскомъ Нѣкто, сухая и безкровная вѣра, обращенная къ уму, а не къ сердцу.

Ночь третью міра властно правитъ.
Но мудрый жаждетъ вѣрить дню:
Онъ въ мірѣ радость солнца славитъ,
Онъ поклоняется Огню.

III.

Поэзія И. А. Бунина—поэзія затаеннаго, скупо расточаемаго чувства. Оно живетъ на днѣ души, и только по сдерживаемымъ, какъ бы непроизвольно пробуждающимся движеніямъ можно до-

гадаться о томъ, что̀ происходитъ въ глубинѣ. Однако не вѣчно же остается поэтъ наединѣ съ собой, въ дремотныхъ сумеркахъ или на льдистыхъ вершинахъ, въ царствѣ холоднаго блеска. Выходитъ и онъ къ людямъ, любитъ и знойный полдень, и море, но больше всего, кажется, среднюю полосу Россіи, съ Окой, лугами, разливами, лѣсомъ, съ запущенными усадьбами, охотой и чисто-русской поэтической мечтательностью, лѣнью.

Оттуда по Окѣ пахучимъ дымомъ тянетъ;
Но и костеръ потухъ, пылавшій за Окой,
И монастырь уснулъ. Темнѣй уже не станетъ,
Но все же ночь давно—ночь, сумракъ и покой.

Въ другомъ стихотвореніи поэтъ говоритъ о томъ, какъ онъ любилъ осень позднюю въ Россіи и „стальную, сѣрую Оку“, которая, въ дали луговъ, навѣвала на его душу „русскую тоску“. Эта тоска часто вмѣшивается въ настроенія поэта, и не уйти отъ нея никуда, развѣ разлюбить просторъ русскихъ луговъ, и Оку, и русскую рѣчь, которой такъ мастерски, такъ мѣтко—по-русски владѣетъ Бунинъ. Разлюбить... впрочемъ, поэтъ и радъ бы, можетъ быть, разлюбить или не любить вовсе Руси, да какъ порвать создавшуюся помимо воли глубокую органическую связь между нею и душой поэта? Всего менѣе склоненъ онъ преклоняться предъ „милымъ отечествомъ“, а между тѣмъ—прислушайтесь, что̀ говоритъ эта маленькая пьеска скупого на сентиментальныя изліянія поэта:

Въ лѣсу, въ горѣ—родникъ, живой и звонкій,
Надъ родникомъ—старинный голубецъ
Съ лубочной почернѣвшею иконкой,
А въ родникѣ—березовый корецъ.

Я не люблю, о Русь, твоей несмѣлой,
Тысячелѣтней, рабской нищеты.
Но этотъ крестъ, но этотъ ковшикъ бѣлый...
Смиренныя родимыя черты!

Поэтъ умиляется передъ смиренными *родимыми* чертами, воплотившимися въ ковшикѣ бѣломъ и крестѣ. Что̀ можетъ быть трогательнѣе этого образа, подсказаннаго и глубокимъ проникновеніемъ въ таинства русскаго духа, и тонкимъ поэтическимъ чутьемъ? И пусть онъ не любитъ ея долготерпѣнія, позволяющаго ей нести тысячелѣтнее рабское иго,—его „русская“ тоска—живѣйшее свидѣтельство того, что и онъ несетъ ту же ду-

ховную повинность передъ родиной, которая раздѣляется всѣми, сознательно относящимися къ ея судьбѣ.

Лѣтніе пейзажи поэта воздушны и легки; въ нихъ нѣтъ ни страсти, ни зноя. Обширный горизонтъ, тонкія линіи, безкрасочность, намеки въ мелкихъ, еле-уловимыхъ изгибахъ сухого рисунка—и душа поэта въ цѣломъ—вотъ что̀ даетъ имъ красоту и силу.

Былъ лѣтній свѣтозарный полдень,
Былъ жаркій день, и озаренъ
Весь лѣсъ былъ солнцемъ, и отъ солнца
Веселымъ блескомъ напоенъ.

Узорами ложились тѣни
На теплый розовый песокъ,
И синій небосклонъ надъ боромъ
Былъ чистъ и радостно-высокъ...

Весна, лѣто, солнце, да еще любовь — противъ этихъ чаръ не устоять самому скрытному Нѣкто, изображаемому Бунинымъ. А въ звѣздную ночь, да на берегу пѣвучаго моря, когда все оно „насыщено тонкой пылью свѣта", не то разскажешь о жизни, что̀ почудится на снѣжныхъ вершинахъ или подъ жуткій вой осенняго вѣтра. Когда море свѣтитъ сквозь сумракъ таинственный, тогда—о, тогда новое міроощущеніе,—пусть не надолго, на моментъ,—овладѣваетъ душою поэта:

И тогда вся душа
У меня загорается радостью.
Я въ пригоршни ловлю закипѣвшую пѣну волны,
И сквозь пальцы течетъ не вода, а сапфиры,—несмѣтныя
Искры синяго пламени,—Жизнь.
О, божественный свѣтъ!
О, великое зеркало водное!
Переполнено ты,—переполнена жизнью Земля.
Все мгновенно, все—искры, но искры Единаго, Вѣчнаго,
И во всемъ—Красота, Красота!

И личная жизнь пріобрѣтаетъ тогда особый смыслъ, и душа раскрывается сама собою и разсказываетъ сама собою то, о чемъ въ другое время не рѣшилась бы... И думается, что не все витаетъ Нѣкто г. Бунина въ области Вѣчной Красоты,—мелькали и передъ нимъ, можетъ быть, и скоропреходящіе, но реально-конкретные образы. Онъ жаждалъ счастья и, прислушиваясь—не одинъ,—какъ „счастливымъ и глубокимъ вздохомъ волна вздохнула въ полуснѣ", спрашивалъ—и не ждалъ отвѣта:

Спитъ море подъ луною ясной,
Блеститъ на влажныхъ камняхъ мохъ..
О, ночь любви! Ужель и въ счастьи
Намъ нуженъ хоть единый вздохъ?

Когда же пытался запрятать чувство глубоко-глубоко въ душу и затаить его въ себѣ, въ ней поднимался протестующій голосъ и—очень несмѣло впрочемъ—просилъ пощады.

Сквозь пыль на стеклахъ, жаркимъ свѣтомъ
Внутри часовенка горитъ.
„Зачѣмъ я въ склепѣ—въ полдень, лѣтомъ?"
Незримый кто-то говоритъ.

И чувство просится наружу; нужна другая сочувствующая и нѣжная душа, особенно когда не мучатъ ни сомнѣнья, ни тревоги, и въ ночномъ воздухѣ разлиты миръ и тишина. А тутъ еще луна, прозрачная, блѣдная луна, властительница думъ, и розовѣющій небосклонъ, и туйя у балкона... Здѣсь ли не разнѣжиться сердцу, не разыграться мечтамъ и жаждѣ безумнаго счастья? А между тѣмъ, поэтъ не вноситъ въ свою пѣсню ни малѣйшаго лирическаго безпорядка и только одной, еле замѣтной чертой, даетъ почувствовать, что въ эту ночь онъ—не одинъ („На дачѣ"):

Пойдемъ къ обрывамъ. Млѣющей волной
Волна переливается. И вскорѣ
Изъ края въ край подъ золотой луной
Затеплится и засіяетъ море...

Поэтъ обычно сосредоточенъ и ясенъ. Млѣетъ волна, теплится море, качаются бригантины на рейдѣ. Ночь будетъ „веселая"... А поэтъ неизмѣнно спокоенъ. О немъ ли, для него ли переливается млѣющая волна, его ли огни сіяютъ въ отблескахъ моря? Кто знаетъ!

Другая картинка, мерцающая, искрящаяся лунными блестками на морозномъ снѣгу:

Такъ ярко звѣздъ горитъ узоръ,
Такъ ясно Млечный Путь струится,
Что занесенный снѣгомъ дворъ
Весь и блеститъ, и фосфорится.
Свѣтъ серебристо-голубой,
Свѣтъ отъ созвѣздья Оріона,
Какъ въ сказкѣ, льется надъ тобой
На снѣгъ морозный съ небосклона.
И фосфоромъ дымится снѣгъ,
И видно, что мерцаетъ нѣжно
Твой ледяной душистый мѣхъ,
На плечи кинутый небрежно,

Какъ серьги длинныя блестятъ,
И потемнѣвшія зѣницы
Съ восторгомъ жадности глядятъ
Сквозь серебристыя рѣсницы.

Внѣшнія, мелкія черты, а между тѣмъ изъ нихъ складывается не образъ, а манящая мечта объ образѣ, ключъ къ воспоминанію о быломъ, можетъ быть—никогда не бывшемъ. Композиторы, музыканты знаютъ радость фантазированія на чужія темы, и темы эти, проходя сквозь ихъ душу, становятся близкими и родными имъ. Хотите ли пофантазировать на темы Бунинскихъ стихотвореній и вообразить... непремѣнно *вообразить* чью-то жизнь, быть можетъ чужую, былую или сочиненную—все равно, а въ итогѣ прислушайтесь, что̀ скажетъ вамъ сердце: оно наполнилось *вашими* воспоминаніями и *вашей* грустью. Это и есть тайна истиннаго поэта: своими словами разсказать о чужомъ и своемъ, о далекомъ и близкомъ.

Представимъ себѣ жизнь, можетъ быть молодость, заглядѣвшуюся въ „раскрытыя" небеса,—если молодость, то особенную, которую тянетъ не къ страстнымъ южнымъ ночамъ и морю, а къ свѣжести снѣговъ, морозамъ и льдистымъ вершинамъ, чистымъ, какъ мраморъ:

И я ушелъ къ зимѣ, на сѣверъ
И цѣлый день бродилъ въ лѣсахъ,
Душой теряясь въ необъятныхъ
Зеленоватыхъ небесахъ.

Теряясь въ небесахъ, душѣ такъ естественно, такъ необходимо опредѣлить свое положеніе между ними и землей, и благо тому, у кого вопросъ задается небу радостно, безъ настоятельнаго требованія, безъ мукъ ожиданья и сознанія невозможности его рѣшить:

И, *радуясь*, душа стремилась
Рѣшить одно: зачѣмъ живу?
Зачѣмъ хочу сказать кому-то,
Что тянетъ въ эту синеву,
Что прелесть этихъ чистыхъ красокъ
Словами выразить нѣтъ силъ,
Что только небо, только радость
Я цѣлый вѣкъ въ душѣ носилъ?

Мы уже видѣли, что у нашего поэта этотъ вопросъ разрѣшился вздохомъ въ Красоту Единаго, Вѣчнаго. У другихъ поэтовъ онъ разрѣшался — и такъ, и иначе. Но насъ интересуетъ

здѣсь тема о жизни, о человѣческой жизни въ широкомъ смыслѣ. Ея игра, ея сказки—родникъ воспоминаній и грусти.

Помню о счастьи безумныя, сладкія грезы...
Знойные полдни на бѣлыхъ прибрежьяхъ Днѣпра!

Мало пѣвучихъ аккордовъ даетъ Бунинъ для фантазій на эту тему. Все это было когда-то... и ушло... безвозвратно? или вернется съ новой весной, новымъ знойнымъ лѣтомъ? Въ какую же сторону направить полетъ фантастической мечты?

Одно стихотвореніе озаглавлено—„Новая весна". Оно разсказываетъ... впрочемъ, своими словами этого передать невозможно:

Мы встрѣтились случайно, на углу,
Я быстро шелъ—и вдругъ какъ свѣтъ зарницы
Вечернюю прорѣзалъ полумглу
Сквозь черныя лучистыя рѣсницы.
На ней былъ крепъ—прозрачный легкій газъ
Весенній вѣтеръ взвѣялъ на мгновенье,
Но на лицѣ и въ яркомъ блескѣ глазъ
Я уловилъ былое оживленье.
И ласково кивнула мнѣ она,
Слегка лицо отъ вѣтра наклонила,
И скрылась за угломъ... Была весна..
Она меня простила—и забыла.

Что простила, чѣмъ далось забвенье,—на это пусть отвѣтитъ ваша собственная душа. Никто не узнаетъ объ этомъ. Да и не надо: вы все уже знаете, вы все уже пережили и поняли въ послѣдней строчкѣ—въ ней замерла цѣлая жизнь: душа человѣческая любила... и страдала. И теперь все кончено: страданья больше нѣтъ, но нѣтъ и безумной жажды счастья, нѣтъ былого огня. По временамъ вспыхиваютъ лишь тлѣющіе угли переживанья и загораются недобрымъ синимъ огонькомъ. А въ минуты успокоенія, примиренья, подчиненія Судьбѣ, прошлое кажется калейдоскопомъ пестрыхъ сновидѣній, въ которыхъ, однако, такъ много горькой правды:

Мнѣ снилось много грустнаго. Я знаю,
Что снилось мнѣ... Но умерла печаль.
Одинъ я просыпаюсь, засыпаю,
Одинъ живу. Мнѣ ничего не жаль.

И въ морѣ уже не переливается млѣющая волна. Нѣтъ, „кто-то скорбный, въ одеждѣ темной, стоитъ надъ моремъ...

Вдали—печаль и сумракъ ночи"... И совершенно неожиданно, въ чувствѣ одиночества и печали, душа поэта чувствуетъ свое родство со *всѣмъ* міромъ людей и груститъ не за себя только, но за *всѣхъ*, вызванныхъ къ жизни волей неумолимаго рока:

...Мы всѣ бездомны,
Всѣ безпріютны, но смотримъ—въ даль...

Въ стихотвореніяхъ о любви явственнѣе другихъ мелькаетъ чувство грусти и одиночества. „Ты чужая, но любишь, любишь только меня"... Жизнь не наладилась, судьба не устроилась, что-то оборвалось, задрожало, и въ результатѣ—„я на дачѣ одинъ, мнѣ темно", а за окномъ—осенняя непогода.

Мнѣ крикнуть хотѣлось вослѣдъ:
„Воротись—я сроднился съ тобой!"
Но для женщины прошлаго нѣтъ:
Разлюбила—и сталъ ей чужой.
Что-жъ! Каминъ затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

Послѣдній, столь неожиданный стихъ заканчивается не восклицательнымъ знакомъ, а точкой. Это не вызовъ, не угроза Судьбѣ, это—слѣпая покорность ей, это—сдавленный вздохъ, затаенная боль, это — жизненной ночи „нѣмая, скорбная душа". Недобрыя предчувствія заползутъ въ нее: „геній зла", „демонъ мщенья", „дьяволъ, покорившій міръ", „джинны", образы восточныхъ сказокъ придутъ наяву и спугнутъ дремотный міръ поэтической души. Но поэтъ идетъ смѣло навстрѣчу всему таинственному и страшному въ одинокой жизни. И только грусть неотвязно преслѣдуетъ его. „Нѣтъ ничего грустнѣй ночного костра, забытаго въ бору"...

Костеръ въ лѣсу—вызываетъ любопытныя ассоціаціи въ одномъ изъ стихотвореній; пламя — символъ злобно мечущагося змѣинаго начала:

Распали костеръ, сумѣй
Разозлить его блестящихъ,
Убѣгающихъ, свистящихъ,
Золотыхъ и синихъ змѣй.

Поэту любо дразнить и играть съ огнемъ, любоваться, какъ—

Тѣни пляшутъ по аллеямъ,
И бѣгущимъ жаркимъ змѣямъ,
Ихъ затѣямъ—счета нѣтъ!

Мы назвали Бунина мастеромъ формы: она у него красива, порой граціозна, законченна, иногда суховата. Въ его

языкѣ чувствуется хорошая школа, большое знаніе народной рѣчи, замѣтенъ упорный трудъ, медлительное обтачиванье мысли. Онъ любитъ народныя, притомъ областныя слова и какъ бы нарочно ставитъ ихъ такъ, чтобы они нѣкоторымъ несоотвѣтствіемъ общему тону нарушали ту вылощенную гладкость музыкальныхъ строфъ, которая въ иныя минуты могла бы показаться тривіальной. „Крыло на сѣромъ *вѣтрякѣ*"; „Вотъ крикнулъ сычъ въ пустынномъ *буеракѣ*"; „Въ проломахъ стѣнъ—*корявыя* оливы"... Въ „Русской веснѣ":

Скучно въ лощинахъ березамъ,—
Туманная муть на поляхъ.
Конскимъ размокшимъ навозомъ
Въ туманѣ чернѣется шляхъ.

Въ сонной степной деревушкѣ
Пахучіе хлѣбы пекутъ.
Медленно двѣ побирушки
Съ мѣшками къ деревнѣ бредутъ...

Прозаизмы занимаютъ свое особое мѣсто въ поэтическомъ стилѣ Бунина, хотя, быть можетъ, среди нихъ, въ его тщательно выработанныхъ стихахъ, и не всѣ преднамѣренны. Но гоняться за ними—трудъ слишкомъ неблагодарный въ книгѣ, гдѣ большинство пьесъ можно назвать классическими по формѣ.

Мы попытались подмѣтить наиболѣе типичныя черты въ поэтическомъ дарованіи Бунина. Дарованіе это нельзя опредѣлить шаблонными эпитетами—„симпатично", „ярко", „необычайно". Такія опредѣленія сюда не идутъ, да и не въ нихъ сила. Важно, что его поэзія выразительно, вдумчиво, съ красивой мѣткостью передала *его* міросозерцаніе, *его* душу. Онъ никому не подражаетъ, и ему подражать до крайности трудно. Теперь пишутъ по преимуществу чувствомъ, идутъ за чутьемъ, слѣдуютъ самомалѣйшимъ движеніямъ души. У нашего поэта—на первомъ планѣ мысль, воля, и чувство—въ его власти. Онъ—дремлющій и пробуждающійся, стынущій и разгорающійся, и обыденно-простой и сильный исканіемъ тайны. Къ его поэзіи такъ идутъ его же завороженныя слова:

Но ты живешь. Ты меркнешь, умираешь—
И вновь горишь. Какъ фениксъ древнихъ дней,
Чтобъ возродиться къ жизни—ты сгораешь...

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ поэтамъ, остановимся на нѣкоторыхъ чертахъ современнаго художественнаго міровоззрѣнія.

IV.

Что̀ такое искусство?

На этотъ вопросъ попытался отвѣтить Толстой и рѣшилъ его такъ, какъ и долженъ былъ рѣшить во второй половинѣ девяностыхъ годовъ, когда моралистъ окончательно перемудрилъ въ немъ художника.

Заканчивая свою работу объ искусствѣ, Толстой такъ выражалъ свой основной выводъ: „Искусство должно сдѣлать то, чтобы чувства братства и любви къ ближнимъ, доступныя теперь только лучшимъ людямъ общества, стали привычными чувствами, инстинктомъ всѣхъ людей. Вызывая въ людяхъ, при воображаемыхъ условіяхъ, чувства братства и любви, религіозное искусство пріучитъ людей въ дѣйствительности, при тѣхъ же условіяхъ, испытывать тѣ же чувства, проложитъ въ душахъ людей тѣ рельсы, по которымъ естественно пойдутъ поступки жизни людей, воспитанныхъ искусствомъ. Соединяя же всѣхъ самыхъ различныхъ людей въ одномъ чувствѣ и уничтожая раздѣленіе, всенародное искусство воспитаетъ людей къ единенію, покажетъ имъ не разсужденіемъ, но самою жизнью радость всеобщаго единенія внѣ преградъ, поставленныхъ жизнью“.

И далѣе: „Назначеніе искусства въ наше время — въ томъ, чтобы перевести изъ области разсудка въ область чувства истину о томъ, что благо людей—въ ихъ единеніи между собою, и установить на мѣсто царствующаго теперь насилія то царство Божіе, т.-е. любви, которое представляется всѣмъ намъ высшею цѣлью человѣчества“.

Толстой допускаетъ возможность, что въ будущемъ наука откроетъ искусству еще новые высшіе идеалы, и искусство будетъ осуществлять ихъ. Его опредѣленіе искусства имѣетъ въ виду такимъ образомъ наше время и наше состояніе знанія. Выше, въ качествѣ одной изъ частныхъ предпосылокъ, Толстой возлагалъ на искусство задачу устранять насиліе, содѣйствуя тому мирному сожительству людей, которое теперь поддерживается внѣшними мѣрами—судами, полиціей, благотворительными учрежденіями. Съ точки зрѣнія подчиненія чувства разумному и притомъ религіозному сознанію людей, искусство признается Толстымъ великимъ дѣломъ—„искусство не есть наслажденіе, развлеченіе“.

Десять лѣтъ назадъ были написаны эти слова, и тогда, сколько помнится, они не произвели особеннаго впечатлѣнія. Они были

приняты какъ нѣчто такое, что a priori должно было исходить отъ Толстого: центральная идея объ осуществленіи царства Божія на землѣ должна была подчинить себѣ всѣ остальныя области мысли и чувства. Съ другой стороны, слова Толстого встрѣтили въ значительной части общества хорошо подготовленную почву, и положенія его не имѣли въ себѣ прелести новизны.

Но была и еще одна причина: съ Запада надвигалась огромная опасность для того пониманія искусства, которое дѣлало послѣднее не самоцѣлью, но средствомъ для проведенія идей религіи и добра. Толстой зналъ объ этой опасности и, со свойственной ему прямолинейностью и глубиной анализа, характерно односторонняго, напалъ на представителей той эволюціонной ступени во французской литературѣ, которые составили галлерею „Les jeunes" Ренè Думика. Слѣдуя этой книгѣ, Толстой называетъ цѣлый рядъ именъ: Бодлэръ, Верленъ, Метерлинкъ, Роденбахъ, Пеладанъ и др. И Толстой беретъ у Малларме credo этого новаго „молодого" пониманія искусства: „Я думаю, что нужно, чтобы былъ только намекъ. Созерцаніе предметовъ, образы, зарождающіеся изъ мечтаній, вызванныхъ этими предметами, — въ этомъ пѣніе: парнасцы, тѣ берутъ вещи вполнѣ и показываютъ ихъ поэтому въ нихъ; недостаетъ тайны; они лишаютъ умы той плѣнительной радости, которая состоитъ въ томъ, что они думаютъ, что они сами создаютъ. Назвать предметъ, значитъ уничтожить три четверти наслажденія поэта, состоящаго въ счастіи постепеннаго угадыванія; внушеніе — въ этомъ идеалъ. Настоящее употребленіе этой тайны — въ этомъ состоитъ символъ: мало-по-малу вызывать предметъ для того, чтобы показать душевное состояніе, или, наоборотъ, выбрать предметъ и выдѣлить изъ него душевное состояніе посредствомъ ряда разгадокъ".

Въ поэзіи должна быть всегда загадка, — говоритъ далѣе Малларме. Вотъ изъ чего, такимъ образомъ, складывается credo его и его единомышленниковъ: „образы, зарождающіеся изъ мечтаній", „пѣніе", „тайна", „внушеніе", „разгадка загадокъ..." Нѣсколько стихотвореній изъ Бодлэра и Верлена выбраны преднамѣренно, чтобы иллюстрировать положеніе Малларме. Между ними знаменитыя ariettes oubliées (C'est l'extase langoureuse...; Dans l'interminable ennui de la plaine...), сонетъ самого Малларме, пѣсня Метерлинка. Приведемъ изъ послѣдней, дѣйствительно неудачной, пьесы нѣсколько словъ, чтобы ярче оттѣнить затѣмъ отношеніе Толстого:

Quand il est sorti
(J'entendis la porte),
Quand il est sorti,
Elle avait souri.
Mais quand il rentra,
(J'entendis la lampe),
Mais quand il rentra
Une autre était là...
Et j'ai vu la mort
(J'entendis son âme),
Et j'ai vu la mort
Qui l'attend encore...
On est venu dire
(Mon enfant, j'ai peur),
On est venu dire
Qu'il allait partir...

„Кто вышелъ, кто пришелъ, кто разсказалъ, кто умеръ?“ — спрашиваетъ Толстой. И Толстой правъ съ своей точки зрѣнія. Но опровергаетъ ли онъ Малларме и Метерлинка? Тѣ говорятъ ему о намекахъ, пѣніи, символахъ, — Толстой примѣняетъ къ нимъ мѣрку точности, достовѣрности, здраваго смысла. Тѣ предназначаютъ формы своей поэзіи для сновидѣній, настроеній, грезъ, — Толстой предъявляетъ къ нимъ требованіе, чтобы ихъ видѣнія, ихъ грезы были непремѣнно съ ними наяву. Бодлэръ и Верленъ — на нихъ по преимуществу останавливается Толстой — вводятъ въ міръ неясныхъ, колеблющихся ощущеній, пытаясь сдѣлать ихъ независимыми ни отъ какихъ иныхъ принциповъ и соотношеній, кромѣ тѣхъ, которые интуитивно постигаются ими, какъ законы врожденной имъ поэзіи, единаго, внятнаго ихъ душѣ искусства. Толстой вскрываетъ въ ихъ міросозерцаніи теорію грубаго эгоизма или нравственнаго безсилія и безпощадно осуждаетъ ихъ съ высоты моральнаго принципа. Ясно, что Толстой говоритъ на другомъ языкѣ, чѣмъ тотъ, который избрали для себя символисты, но онъ въ то же время хочетъ перевести ихъ на свой языкъ безъ словаря, и потому лишаетъ свои доводы убѣдительности и силы. Но что же нужно было бы сдѣлать, чтобы даже съ его точки зрѣнія опровергнуть поэтическое credo символизма? Прежде всего, казалось бы, доказать, что тотъ міръ образовъ, намековъ, таинственныхъ постиженій, который символисты полагаютъ содержаніемъ своей поэзіи, ни къ чему не нуженъ, не интересенъ и не можетъ, а по Толстому — и не долженъ пробуждать въ человѣческихъ сердцахъ отзывныхъ чувствъ, настроеній, мыслей.

Но Толстой не отрицаетъ тайны. Онъ хочетъ только окру-

жить ее разумомъ; онъ говоритъ о религіозномъ сознаніи, о познаніи Бога. Но Богъ Толстого слишкомъ далекъ отъ того „непознаваемаго“, о которомъ говоритъ Гюго въ „Religions et religion“:

Le savant dit: Comment? Le penseur dit: Pourquoi?
Passe ta vie
A labourer l'écume et l'onde.

Для Толстого Богъ не тайна: онъ *позналъ* Бога, который есть жизнь, любовь и добро жизни.

Толстой не противъ тайны. Онъ только требуетъ, чтобы она, какъ и всякій другой предметъ въ его міропониманіи, была ясна. Сумеречность тайны онъ стремится разсмотрѣть при дневномъ свѣтѣ разсудочной мысли, и потому ея нѣтъ передъ нимъ; есть явленія, факты, добрые или дурные, въ нихъ происходитъ что-то, какая-то мучительная борьба двухъ началъ. Слѣдя за ней, по-своему оцѣнивая ее, Толстой отметаетъ все, что не идетъ къ торжеству его проповѣдной идеи. И потому отметаетъ поэзію, искусство, стремящіяся порвать свою связь съ идеями религіознаго сознанія, какъ его понимаетъ Толстой, съ идеями добра и правды жизни.

И онъ удивительно прямолинеенъ и послѣдователенъ въ развитіи своихъ идей. Искусство, какъ наука, какъ физическій трудъ, является для него средствомъ переводить религіозное сознаніе въ чувство и соединять людей. Но вотъ онъ замѣчаетъ, что съ нѣкоторыхъ поръ оно дурно исполняетъ возлагаемое на него порученіе, и онъ объявляетъ его не истиннымъ, ненужнымъ, не имѣющимъ смысла. И дѣлаетъ это съ присущей ему смѣлостью и прямотой. Онъ менѣе всего относится къ категоріи людей, которые, подобно страусамъ, способны прятать голову подъ крыло и думать, что опасность прошла, если они ее не видятъ.

Толстой смѣло нападаетъ на враждебное ему начало и въ немъ выбираетъ себѣ противника по плечу. Онъ обрушивается на Вагнера, на Шекспира, попутно подвергаетъ анализу здраваго смысла оперно-балетный сюжетъ, отрицаетъ новѣйшую живопись, скульптуру, все, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ религіозному просвѣтлѣнію людей.

Но едва-ли не больше всего отрицаетъ Толстой у предметовъ право имѣть нѣчто непостигаемое разсудкомъ, казаться неопредѣленными, неясными и въ такомъ состояніи пробуждать въ людяхъ столь же неясныя ощущенія, возбуждать въ нихъ именно намеки, въ которыхъ люди могутъ находить имъ однимъ внятную прелесть и красоту.

И въ связи со многими иными теченіями символизмъ перешелъ къ намъ съ Запада и пріобрѣлъ достаточно послѣдователей къ тому моменту, когда Толстой подписывалъ послѣднія строки своего произведенія. Толстой продолжалъ еще мять въ рукахъ увядающую розу и, отрицая ея ароматъ, какъ не шедшій непосредственно къ его возвышенной моральной цѣли, изучалъ ея строеніе, волокна, мягкость ея лепестковъ и остроту колючекъ, а кругомъ него, еще въ удушливой мглѣ прекрасной россійской дѣйствительности, по горамъ, долинамъ и болотамъ загорались многоцвѣтные блуждающіе огоньки, которые дразнили любопытство и то пугали, то приманивали къ себѣ. Они не разсѣивали мглы, они не освѣщали дороги и подчасъ сбивали съ пути тѣхъ, кто, неся тяжелую ношу гражданскаго долга передъ родиной, привыкъ глядѣть передъ собой на путеводныя звѣзды, зажженныя художниками „общественной" литературы. Но они были сами по себѣ, они смѣялись, угасали и зажигались вновь, они роились во мглѣ и дѣлали свою незамѣтную вначалѣ, но веселую и дружную работу: они подрывали моральныя обоснованія искусства.

И когда наступилъ предутренній разсвѣтъ—а мы вѣримъ, что его мы переживаемъ въ настоящее время,—зловѣщій блескъ огоньковъ поблѣднѣлъ, призраки и всякая болотная нечисть отбѣжали назадъ, обозначились явственныя фигуры упорныхъ работниковъ поэтической формы, искателей новыхъ сокровищъ духа, вдумчивыхъ мыслителей о надземномъ и непознанномъ. Обозначилась цѣлая литературная школа, въ которой, какъ и во всякой школѣ, много есть званныхъ, но мало избранныхъ.

Бальмонтъ заявилъ: „я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть солнце", и эти слова сдѣлались крылатымъ символомъ на нѣкоторое время всего, что изжаждалось свѣта, истосковалось въ духотѣ и тьмѣ общественнаго застоя. За Бальмонтомъ выработался красиво-вдумчивый, серьезный Брюсовъ, и оба они стали какъ бы живыми перекидными мостами между теченіями европейской художественной мысли и новѣйшими вѣяніями русской поэзіи. За ними пошли другіе... много другихъ—талантливые и бездарные, сильные и изнывающіе въ потугахъ, искренніе и завѣдомо поддѣльные. Аналогичныя явленія модернизаціи происходили и въ другихъ областяхъ искусства—въ живописи и въ архитектурѣ. Въ художественной литературѣ поднимался Леонидъ Андреевъ.

Что же случилось съ тѣмъ взглядомъ на искусство, типичнымъ выразителемъ котораго явился Толстой? Бальмонтъ, Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Александръ Блокъ, Ѳедоръ Соллогубъ—

„не имѣютъ смысла“ съ его точки зрѣнія, у нихъ встрѣчается неясное, невразумительное, у нихъ намеки, символы, настроенія, и сопоставляя со взглядами Толстого, останавливаться на нихъ значило бы зайти, можетъ быть, очень далеко. Но вотъ Бунинъ, который стоялъ какъ бы вдали отъ теченія, вначалѣ появлялся рѣдко и скромно, и по силѣ таланта значительно уступалъ главарямъ символизма. Онъ ли не ясенъ, не точенъ? Онъ ли не раціоналенъ?

И все-таки — Бунинъ не удовлетворяетъ основному требованію Толстого: онъ не только не заботится о религіозномъ просвѣтленіи людей, но, повидимому, совершенно равнодушенъ,—въ предѣлахъ своей поэзіи, конечно,—къ добру и злу и дѣлу братскаго единенія людей. На это могутъ возразить, что Толстой имѣлъ въ виду конечную цѣль искусства... Нѣтъ, это слишкомъ далекая дорога, по которой, прежде чѣмъ жизнь воплотитъ идеалы любви и братства, судьба растеряетъ не одного Бунина. Да и Толстой говоритъ о непосредственномъ вліяніи Бодлэра и Верлена. Да, они чувствуютъ себя свободными отъ всякихъ обязанностей по проведенію религіознаго сознанія въ чувство. И потому они не поэты,—говоритъ Толстой. Но имъ вѣдомы тайны красоты, они зажигаютъ сердца и воображеніе людей,—потому они поэты,—говорятъ другіе. Гдѣ правда?

Содѣйствуетъ ли и Бунинъ грядущему единенію людей? Кто знаетъ! Едва-ли онъ, впрочемъ, и думаетъ объ этомъ, когда „выковываетъ“ свои стихи. И важно не это. Важно то, что онъ не чувствуетъ на себѣ ни этой и никакой иной обязанности, кромѣ той, которая побуждаетъ его возможно полнѣе отразить свое внутреннее „я“ въ возможно болѣе совершенной, возможно прекрасной формѣ.

Въ своихъ стихахъ онъ не служитъ сознательно ни злу, ни добру. Онъ не кланяется богамъ—ни правымъ, ни лѣвымъ. Онъ хочетъ быть поэтомъ—и, повѣрьте, это не такъ легко.

Но Бунинъ — только примѣръ совершающейся эволюціи во взглядахъ на искусство. Идеологія принадлежитъ не ему, и самъ онъ чуждъ всякой идеологіи.

V.

Въ недавно вышедшей книгѣ С. Маковскаго „Страницы художественной критики“ есть введеніе, любопытное съ точки зрѣнія идеологіи модернизма. Г. Маковскій останавливается на самыхъ общихъ мѣстахъ, беретъ положенія, ставшія давно уже

элементарными въ модернистской школѣ, и это тѣмъ цѣннѣе для уясненія ея основной черты. Изящное изложеніе г. Маковскаго проникнуто той трезвостью мысли и чувствомъ художественной мѣры, которая помогаетъ ему сосредоточивать вниманіе на главномъ и не вдаваться въ крайности, у иныхъ апологетовъ этой школы доходящія до уродства. Цѣль его книги наполовину полемическая. Онъ борется съ устарѣлыми требованіями художественной критики, которая должна, по его словамъ, измѣнить свои задачи въ зависимости отъ того, насколько измѣнилось самое пониманіе искусства. Иллюстраціей его взглядовъ и служатъ художественныя характеристики новѣйшихъ творцовъ живописи, Беклина, Штука, Клингера и другихъ, а также отчеты европейскихъ выставокъ. Черезчуръ легко, какъ намъ думается, получивъ отъ „исторіи столѣтій" и „опыта народовъ" отрицательный отвѣтъ на вопросъ: можно ли признать, что нравственное бытіе человѣчества прочнѣе, несомнѣннѣе бытія эстетическаго?— г. Маковскій выдвигаетъ красоту, какъ основной и исчерпывающій принципъ, руководящій имъ въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній. „Красота, — пишетъ г. Маковскій, — самое долговѣчное изъ дѣлъ человѣческихъ, добрыхъ или злыхъ—безразлично. Подвиги и преступленія одинаково забвенны въ вѣкахъ; поколѣнія смѣняютъ другъ друга, и съ ними безслѣдно умираютъ и любовь ихъ, и ненависть. „Родъ приходитъ и родъ проходитъ", и новые люди, впитавъ наслѣдіе бывшихъ (почти всегда несознательно и неполно), идутъ дальше, къ инымъ цѣлямъ или только иной дорогой, разрушая старое и совершенствуя его по-своему, создавая новыя формы желаннаго и презрѣннаго, столь же смертныя, какъ и прежнія. Такъ живая дѣйствительность превращается въ сновидѣніе. И въ концѣ концовъ, остается только художественность того, что когда-то было жизнью".

Конечно, подобное міросозерцаніе прежде всего враждуетъ съ принципомъ утилитаризма. Авторъ ставитъ въ вину критикѣ то, что она требуетъ отъ художника идей, взглядовъ, моральныхъ идеаловъ, истинной пользы—не искусства—и подвергаетъ обсужденію не степень эстетическаго совершенства, а намѣренія художника и его отношеніе къ вопросамъ дня. Авторъ протестуетъ противъ взвѣшиванія творческой личности на „грубыхъ вѣсахъ" добра и зла, правды и лжи и привѣтствуетъ въ средѣ современныхъ русскихъ художниковъ и критиковъ всѣхъ борющихся съ этимъ „закоренѣлымъ недоразумѣніемъ".

Въ мотивировкѣ своихъ положеній г. Маковскій поднимается высоко надъ волнующейся землею, и передъ нимъ, въ его хо-

лодной высотѣ, сглаживаются всѣ переходные оттѣнки и контуры, и то, что представляется его взору, кажется ему опредѣленнымъ до рѣзкости, до схемы. „Загадочный процессъ превращенія жизни въ красоту не знаетъ различія между праведнымъ и грѣшнымъ. Всегда настаетъ время, когда дѣянія славныхъ перестаютъ трогать нравственное чувство потомковъ. Рано или поздно люди начинаютъ относиться къ нимъ съ тѣмъ же любопытствомъ, съ какимъ археологи производятъ раскопки. За то ихъ изображенія изъ бронзы и мрамора и имъ посвященныя строфы поэтовъ нетлѣнны во вѣки. Сѣятели „добрыхъ дѣлъ", подвижники любви и долга погибаютъ безслѣдно, если вокругъ ихъ имени не вспыхнулъ ореолъ легенды. Но имена злодѣевъ такъ же незабвенны, какъ имена святыхъ, когда ихъ преступленія облеклись въ одежды искусства".

Въ этихъ новыхъ словахъ о не новыхъ уже мысляхъ много натянутаго, необоснованнаго. Съ своего vol d'oiseau г. Маковскій смѣшиваетъ, ни болѣе ни менѣе, жизнь живыхъ людей, облеченныхъ кровью и плотью, съ безкровной и безстрастной исторіей. Одно дѣло—на себѣ, на своихъ нервахъ и своемъ мозгу испытывать различіе между дѣлами любви и добра и подвигами порока или злодѣйства, и другое дѣло — историческая любознательность, отъ которой живому сердцу ни холодно, ни жарко. Одно дѣло—знать, что у вашего спутника ночью въ лѣсу за пазухой ножъ, котораго у васъ нѣтъ, и другое дѣло—разсматривать этотъ ножъ черезъ нѣсколько столѣтій въ музеѣ. И процессъ „превращенія жизни въ красоту" не одинаковъ въ одномъ и въ другомъ случаѣ: при единствѣ цѣлей искусства, жизнь настоящаго и жизнь былого для него небезразличны. Но г. Маковскій грѣшитъ только постановкой вопроса. Сущность же его положенія сводится къ тому, что искусство (оставимъ „логику совѣсти" въ покоѣ) въ интересующемъ насъ міропониманіи стремится къ освобожденію себя отъ нравственности, отъ понятія о преступленіи и грѣхѣ. „Отчего,—спрашиваетъ далѣе г. Маковскій,—въ поискахъ за истиной и добромъ, мы—воспитанные моралью въ презрѣніи ко лжи, къ роскоши и наслажденіямъ—убѣждаемся, что въ вѣкахъ священны только вымыслы и роскошь, созданные для наслажденій? И, обратно, когда по отношенію къ себѣ, къ своей жизни мы становимся на точку зрѣнія эстетическую, когда мы хотимъ измѣрить красотой тайны нашего духа, мы замыкаемъ себя въ другой кругъ. Красота не даетъ отвѣтовъ на запросы разума, совѣсти, воли. Красота—для созерцаній. Но вершина созерцанія — смерть. Нельзя отнять у

жизни моральной основы: настанетъ безразличіе, и безуміе будетъ стучаться въ двери. Большинство говорившихъ объ искусствѣ не понимало этой дилеммы. Въ результатѣ, смѣшивались два начала, по существу несоизмѣримыя: начало жизни, моральное, волевое начало и начало творчества, начало эстетической мистики".

Схематически это непониманіе можно выразить тремя формулами. „Искусство должно имѣть конечную этическую цѣль; иначе оно становится зломъ"—утверждаютъ во имя религіи и нравственности моралисты всѣхъ временъ. Аскеты, стоики или мистики, христіане или язычники безразлично — отвергаютъ искусство, какъ цѣль, во имя идеала личной святости. „Искусство должно быть полезно". Такъ говорятъ утилитаристы, отвергающіе искусство, какъ цѣль, во имя соціальнаго счастья. „Прекрасное побѣждаетъ нравственное. Внѣ прекраснаго нѣтъ цѣлей. Все дозволено". Такъ утверждаютъ эстеты, готовые защищать безнравственность во имя красоты".

Но эти формулы невѣрны, говоритъ г. Маковскій: искусство внѣнравственно. „Прекрасное и должное могутъ случайно соприкоснуться въ нашемъ сердцѣ; борьба ихъ велѣній часто неизбѣжна. Но когда мы выходимъ за предѣлы личныхъ переживаній и ихъ оцѣнки—они становятся чуждыми другъ другу, какъ величины разныхъ измѣреній".

И вмѣстѣ съ тѣмъ, искусство—ключъ къ раскрытію символовъ и тайнъ. Беклинъ, напримѣръ, по мысли г. Маковскаго, не столько *рисуетъ*, сколько *разоблачаетъ*, дѣйствуя намеками, настроеніями, сказками. Вызывая сочувствіе къ неодушевленному и стихійному, Беклинъ—исповѣдникъ природы. „Задача его—досказать на полотнѣ ея неопредѣленную мысль, выразить тайну, скрытую подъ ея покровами". Его оттѣняетъ Францъ Штукъ, язычникъ, пластикъ. Но вотъ Клингеръ. Это—„большой художникъ". Своими твореніями онъ доказываетъ, что искусство можетъ быть не „забавой и роскошью", но „великимъ страданіемъ, великой любовью и священнодѣйствіемъ". Клингеръ—„одинъ изъ тѣхъ, которые отдаютъ всю свою душу призракамъ, одинъ изъ тѣхъ, которые умѣютъ молиться тайнамъ красоты".

— Красота безсмертна—и только она одна. А дѣятельность художника—въ исканіи красоты въ вѣчно-мѣняющемся процессѣ борьбы прошлаго съ будущимъ. Искусство — „магическое зеркало", отражающее моменты статики бытія, „самоцѣльность" образовъ и формъ.

Таковы основныя обобщенія эстетическихъ понятій объ искусствѣ. Они иллюстрируются дѣятельностью цѣлой плеяды художни-

ковъ и поэтовъ, имѣютъ свою исторію, обширную литературу, свои культы и свою философію. Въ дальнѣйшихъ очеркахъ намъ придется цитировать журналы, спеціально посвящаемые вопросамъ современнаго искусства и, въ частности, литературы, и журналы эти — одинъ - два, впрочемъ — въ художественномъ отношеніи весьма любопытны.

Начавъ красивыми, свѣтло-нѣжными гимнами Бальмонта (вперемежку со многимъ инымъ), гимнами Солнцу и дерзновеніямъ жизни, и антологіями и думами Брюсова, виднѣйшіе представители новаго искусства въ словѣ вышли изъ замкнутаго кружка на болѣе широкій путь художественнаго общенія съ тѣми интересами русской жизни, которыхъ они сторонились вначалѣ, и не одного изъ нихъ захватила освободительная стихія. Они поютъ о солнцѣ, и небѣ, и цвѣтахъ, и тайнахъ, о поцѣлуяхъ и вздохахъ, но не чуждаются и всѣмъ понятныхъ страданій и радостей земли. Но на первый планъ они выдвинули свой девизъ—освобожденіе искусства отъ моральныхъ и иныхъ началъ.

И названія „декаденты", „символисты"—какъ-то сами собой отпадаютъ отъ нихъ. Изъ кучки декадентствующихъ подражателей выдѣлились настоящіе, яркіе поэты, наложившіе печать своей индивидуальности на мотивы современной поэзіи. Ихъ пониманіе задачъ искусства далеко не одержало побѣды надъ другими теченіями общественно-философской мысли, и имъ приходится вести упорную борьбу съ разнообразными противниками ихъ взглядовъ. Споръ во имя и ради искусства могъ бы приковать къ себѣ вниманіе широкихъ круговъ нашего общества и послужить предметомъ величайшаго интереса, еслибы вопросы политики не были для столь многихъ вопросами жизни и смерти и общественный пульсъ бился не столь возбужденно.

Но то оживленіе, которое, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ (отчасти же благодаря именно имъ), внесли художники новаго направленія, представляетъ собой глубоко знаменательный фактъ. Дѣло идетъ, ни болѣе, ни менѣе, объ откровеніяхъ, о тайнахъ изъ міра Вѣчности и Красоты...

Намъ ввѣрены загадочныя сказки,
Каменья, ожерелья и слова,
Чтобъ міръ не сталъ глухимъ, чтобъ не померкли краски,
Чтобъ тайна вѣяла, жива.

Такъ писалъ Валерій Брюсовъ въ своемъ „Orbi et urbi" и этими „вѣщими" словами выражалъ—еще не такъ давно—завѣтъ всей школы.

Мы не касаемся пока иныхъ воззрѣній на искусство переживаемыхъ нами дней, какъ и соотношеній съ „большой“ художественной литературой, которая *есть* и продолжаетъ свое дѣло, безъ задора и безъ трепета тѣхъ беззаботныхъ вначалѣ пѣвцовъ, которые пришли въ міръ, чтобы видѣть солнце, а увидѣли смуту и кровь. Но во мглу дѣйствительности они внесли смѣлыя молодыя пѣсни, не заботясь о томъ, гдѣ и какъ они будутъ приняты въ разгарѣ жизненной битвы.

Неужели же я буду колебаться на пути,
Если сердце мнѣ велѣло въ неизвѣстное идти?

Художники, старые и новые, поэты-предтечи... Къ чему они приведутъ насъ: къ художественному анархизму или ко „всенародному“ искусству, о которомъ мечтаетъ Толстой? Есть одинъ добрый знакъ: многіе и, можно сказать, лучшіе современные художники слова все чаще и чаще обращаются къ сокровищамъ народнаго творчества и черпаютъ оттуда свѣжіе соки и младенчески-чистыхъ настроеній, и яркихъ образовъ, и великія красоты языка. Не пахнуло ли на нихъ свѣжестью народной стихіи, которая, какъ морская волна, вотъ-вотъ ударитъ о берегъ и выброситъ изъ нѣдръ своихъ невиданные самоцвѣтные камни?

Но и тогда не всѣ откровенія пересказаны будутъ, не всѣ тайны угаданы... А пока—

Летимъ къ горизонту: тамъ занавѣсъ красный
сквозитъ беззакатностью вѣчнаго дня.
Скорѣй къ горизонту! Тамъ занавѣсъ красный,
весь сотканъ изъ грезъ и огня.

Это также изъ книги одного изъ „вѣщихъ“—Андрея Бѣлаго, этого „безумно-смѣлаго аргонавта“, по выраженію одного изъ критиковъ новѣйшей литературной школы.

Евг. Ляцкій.

ПОСЛѢДНІЙ СНѢГЪ

Какъ лепестки акацій бѣлые
Весной отъ вѣтра облетаютъ,
Снѣжинки легкія—несмѣлыя—
Кружатся въ воздухѣ и таютъ.

Исходитъ трепетъ пробужденія
И вѣетъ влагой отъ проталинъ,
Звонъ капель въ мѣрномъ ихъ паденіи—
И переливчатъ, и хрусталенъ.

И тѣ же звуки переливные
Въ прозрачномъ воздухѣ роятся,
Ручьи весенніе, призывные—
Съ побѣдной пѣснею струятся.

Съ послѣдними снѣгами талыми
Земля сѣдую сброситъ дрёму,
И твердь лучами вспыхнетъ алыми
Навстрѣчу солнцу золотому!

О. Чюмина.

РАЗЛОЖЕНІЕ ПАРТІЙ

И

НОЯБРЬСКІЕ ВЫБОРЫ ВЪ АМЕРИКѢ.

Окончаніе *).

IV.

Оппозиція демократической партіи, какъ цѣлаго, была въ Штатахъ разъединена и обезсилена крупными—и принципіальными, и личными несогласіями. У этой партіи, послѣ ея феноменальнаго пораженія въ президентскую кампанію 1904 года, не осталось ни одного оффиціальнаго вожака съ сколько-нибудь общимъ вліяніемъ. Одно время, прошлой весной и лѣтомъ, такимъ вожакомъ могъ бы опять сдѣлаться Брайянъ—многія штатныя конвенціи высказались въ его пользу, и его возвращеніе изъ долгаго кругосвѣтнаго путешествія ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ. Въ Нью-Іоркѣ ему была устроена очень торжественная и шумная встрѣча, и на первомъ же митингѣ онъ съ большимъ энтузіазмомъ и свойственной ему одному развязностью и увѣренностью объявилъ всеобщей панацеей противъ всѣхъ золъ и напастей государственное владѣніе желѣзными дорогами. Но прорицанія нынѣшняго Брайяна давно перестали быть закономъ для демократическихъ массъ, десять лѣтъ тому назадъ слѣпо вѣрившихъ чарующей силѣ его ораторскаго таланта. „Серебряное сумасшествіе“ не скоро будетъ забыто. И его идея нигдѣ не встрѣтила ни малѣйшаго сочувствія. Я слѣдилъ чрезвычайно внимательно за всѣми органами разныхъ фракцій демократической партіи—и не нашелъ ни въ одномъ никакой поддержки. Вопросъ этотъ обсуждался здѣшней прессой долгое

*) См. выше: февр., стр. 777.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1907.

I.

— Щеголевъ, П. Е. — Изъ исторіи „конституціонныхъ“ вѣяній въ 1879 — 1881 гг. „Былое“. Декабрь, 1906.

Въ этой интересной статьѣ г. Щеголевъ, на основаніи нѣкоторыхъ новыхъ, неизданныхъ или мало извѣстныхъ матеріаловъ, сообщаетъ рядъ свѣдѣній, вносящихъ весьма цѣнныя дополненія къ предложеннымъ нашимъ читателямъ запискамъ гр. П. А. Валуева. Между прочимъ авторъ пользовался нѣкоторой частью дневника Валуева, составляющей, очевидно, продолженіе текста, помѣщеннаго у насъ.

Кавычки при словѣ „конституціонныхъ“ (въ заглавіи статьи) означаютъ, по объясненію г. Щеголева, то, что онъ имѣетъ въ виду исключительно пониманіе идеи представительства, какое существовало въ кругахъ высоко-бюрократическихъ и придворныхъ. „Дѣло въ томъ,—говоритъ г. Щеголевъ,—что въ этихъ кругахъ значеніе народнаго представительства для Россіи всегда—теперь и раньше—или вовсе отрицалось, или, если и признавалось, какъ необходимый выходъ изъ даннаго момента, то принципіально оно считалось отнюдь не противорѣчащимъ идеѣ самодержавія. Поэтому въ бюрократическихъ попыткахъ создать специфически-русскую форму участія народа въ управленіи страной, естественно, не было и тѣни конституціонныхъ началъ. Самое крупное выраженіе конституціонныхъ потугъ высшаго правительства въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ мы видимъ въ проектахъ Валуева, вел. князя Константина Николаевича и графа Лорисъ-Меликова. Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что возникновеніе первыхъ двухъ проектовъ относится къ серединѣ 60-хъ годовъ (1863 и 1866 гг.), но въ концѣ 70-хъ годовъ они были вновь выдвинуты и

подверглись обсужденію. Но и эти два, и пресловутый лорисъ-меликовскій никоимъ образомъ не могутъ быть причислены къ конституціоннымъ [1])".

Авторъ приводитъ въ своей статьѣ тотъ проектъ великаго князя Константина Николаевича, который упоминается въ напечатанномъ въ нашемъ журналѣ дневникѣ. Характеръ этого проекта виденъ изъ его исходнаго пункта—обезпечить „дохожденіе всей правды до государя, но безъ малѣйшаго прикосновенія къ священнымъ правамъ самодержавія. Этого можно было бы достичь, по мнѣнію великаго князя, соотвѣтственнымъ развитіемъ трехъ началъ, принципіально уже принятыхъ нашимъ законодательствомъ: 1) права заявленія своихъ нуждъ, предоставленнаго дворянству, земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ; 2) признанія за дворянствомъ права выбирать депутатовъ для объясненія ходатайства дворянства; 3) предоставленнаго департаментамъ государственнаго совѣта права приглашать къ совѣщанію свѣдущихъ постороннихъ лицъ. Какъ проектъ великаго князя, такъ и заключающаяся въ немъ защита его мнѣній, высказывавшихся имъ на „январьскихъ" совѣщаніяхъ (подробныя выдержки приведены въ интересующей насъ статьѣ), заставляютъ признать справедливость оцѣнки, сдѣланной г. Щеголевымъ. Они, дѣйствительно, иллюстрируютъ „дѣтски-наивное отношеніе къ идеѣ народнаго представительства, существовавшее въ высшемъ правительствѣ".

Насъ интересуютъ по преимуществу мысли Валуева. Въ 1881 году (продолжаемъ нить событій, какую можно возстановить по его запискамъ, напечатаннымъ въ нашемъ журналѣ) возобновляются обсужденія вопроса о привлеченіи выборныхъ къ совѣщательному участію въ государственномъ совѣтѣ. 28-го января была представлена Лорисъ-Меликовымъ записка объ образованіи особыхъ подготовительныхъ, съ совѣщательнымъ значеніемъ, коммиссій, составленныхъ изъ представителей вѣдомствъ и выборныхъ отъ земства и городовъ. Валуевъ узналъ о запискѣ Лорисъ-Меликова 1-го февраля и, два дня спустя, записалъ: „Третьяго дня заѣзжалъ ко мнѣ Michel 1-er. Особенно любезенъ... Должно быть, что-нибудь значитъ. И точно, оказывается, что государю угодно, чтобы я участвовалъ въ совѣщаніи, которое должно состояться у Его Величества относительно представленной гр. Лорисъ-Меликовымъ записки. Ближній бояринъ (такъ зоветъ Лорисъ-Меликова Валуевъ) мнѣ ее вчера прислалъ. Монументъ посредственности умствен-

[1]) Записки Валуева и графа Лорисъ-Меликова напечатаны въ конфиденціальномъ правительственномъ изданіи „Предположенія высшаго правительства о привлеченіи избранныхъ отъ населенія лицъ къ законосовѣщательной дѣятельности". Отсюда эти записки, а также и историческій комментарій перепечаталъ г. Берьманскій въ ноябрьской книгѣ „Вѣстника Права" за 1905 годъ [П. Щ.].

ной и нравственной. При наивно-циничномъ самовосхваленіи, при грубомъ кажденіи государю и грубомъ изложеніи разной лжи,—прежняя мысль о какихъ-то редакціонныхъ коммиссіяхъ изъ призывныхъ экспертовъ".

Подъ 4-мъ февраля: „Вчера совѣщаніе у государя.—Цесаревичъ, генералъ-адмиралъ, гр. Адлербергъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, князь Урусовъ, Абаза, Набоковъ и я. — Читалась — самимъ гр. Лорисъ-Меликовымъ—его записка. — Затѣмъ обсуждалась. — Нельзя было вчера ставить себѣ вопросъ: qui donc trompe-t-on ici? Отвѣтъ давался заранѣе. — Нельзя было также не замѣтить, до какой степени decipi placet.

„Дѣло кончилось всеобщимъ одобреніемъ предположеній министра внутреннихъ дѣлъ, съ обычными неопредѣленными оговорками насчетъ „предосторожностей", „деталей" и пр.,—и порученіемъ разсмотрѣть эти детали и установить эти предосторожности въ совѣщаніи изъ тѣхъ же лицъ, кромѣ государя, подъ моимъ предсѣдательствомъ. Michel 1-er спросилъ меня, вполголоса, нельзя ли прибавить Сольскаго, какъ редактора, чему я весьма обрадовался, потому что мой трудъ сократится.—Такъ и состоялось.

„Во время нашего сеанса ген.-адмиралъ и Абаза до неприличія льстили гр. Лорисъ-Меликову, что̀ привело, конечно, къ комплиментарно благодарной фразѣ государя, а затѣмъ и къ облобызанію руки Его Величества графомъ умиротворителемъ... Съ моей стороны, весьма кратко упомянувъ о сходствѣ предположеній 1863 и 1879 гг. съ нынѣшними, я только оговорился насчетъ различія между двумя видами ожидавшихся результатовъ... не признавая важности pseudo-мѣстныхъ свѣдѣній и будто бы практическаго свѣта, который будетъ пролитъ на дѣла"...

9-го февраля, по поводу новаго совѣщанія въ лорисъ-меликовскихъ коммиссіяхъ, Валуевъ возмущается поведеніемъ великаго князя по отношенію къ „ближнему боярину" и говоритъ: „Въ остальномъ совѣщаніе было жалко, не безобидно. Всякое разумное сужденіе было невозможно. Рамки, понятія, формулы,—все условно. Истины ни на алтынъ. Пониманіе ограниченное. Сольскій, при своемъ умѣ, прежде всего канцеляристъ. Дѣло на заднемъ планѣ; на первомъ — какъ бы редактировать, что̀ бы то ни было поставлено. Князь Урусовъ думаетъ только о томъ, какъ бы что̀ уторговать или отторговать. Набоковъ блѣденъ, но разсудителенъ въ общемъ итогѣ. Гр. Адлербергъ блѣднѣе всякой блѣдности. Для него совѣщаніе въ родѣ барщины, подлежащей отсидѣнію. Онъ и отсидѣлъ.—И мы правительство!"

Наконецъ, еще послѣ нѣсколькихъ обсужденій, журналъ особаго совѣщанія былъ подписанъ, и государь возвратилъ его съ отмѣткой—

„исполнить". Это значило — изготовить прежде всего въ видѣ правительственнаго сообщенія для напечатанія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ".

Конституція Лорисъ-Меликова, во всѣхъ деталяхъ, общеизвѣстна, и мы ограничиваемся упоминаніями о ней лишь для сохраненія необходимой связи между отрывками изъ записокъ Валуева. „Проектъ извѣщенія былъ составленъ 1-го марта,—пишетъ Валуевъ. — Утромъ государь прислалъ за мной, чтобы передать проектъ объявленія, составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ порученіемъ сказать о немъ мое мнѣніе,—и если я не буду имѣть возраженій,—созвать совѣтъ министровъ на среду 4-го числа.—Я давно, очень давно видѣлъ государя въ такомъ добромъ духѣ, и даже на видъ такъ здоровымъ и добрымъ. Въ 3-мъ часу я былъ у гр. Лорисъ-Меликова (чтобы его предупредить, что я возвратилъ проектъ государю безъ замѣчаній), — когда раздались роковые взрывы.—Я сказалъ: attentat possible. „Невозможно",—сказалъ гр. Лорисъ-Меликовъ.—Черезъ пять минутъ всѣ сомнѣнія были устранены.—Гр. Лорисъ-Меликовъ уѣхалъ во дворецъ въ саняхъ градоначальника.—Я поѣхалъ туда же по Милліонной. Тамъ тотчасъ узналъ, что надежды уже не было. Государь истекалъ кровью и былъ безъ сознанія. — Члены его семейства прибывали одни за другими"...

Далѣе чрезвычайно интересенъ, въ изложеніи Валуева, разсказъ объ историческомъ засѣданіи совѣта 8-го марта. Свѣдѣнія о немъ, по записи одного государственнаго дѣятеля, были даны въ первой книгѣ „Былого" за 1906 годъ, и въ свое время, на страницахъ „Литературнаго Обозрѣнія" мы сдѣлали довольно обширныя извлеченія изъ этого разсказа. Поэтому дополнимъ его только нѣкоторыми чертами изъ матеріаловъ, которыми пользовался г. Щеголевъ. Живыми и мѣткими штрихами изображаетъ Валуевъ картину засѣданія, отъ котораго зависѣла судьба всей дальнѣйшей политики Россіи. „Великій князь генералъ-адмиралъ былъ себѣ вѣренъ,—т.-е. думалъ и говорилъ полуправду или неправду. Посьетъ былъ противъ предложенія министра внутреннихъ дѣлъ; Сабуровъ произнесъ полуидіотическую рѣчь за это предложеніе, и даже глядѣлъ полуидіотомъ во все время засѣданія; онъ какъ-то совершенно невозможно отозвался о событіи 1-го марта, aura désinvolture. В. довольно складно и съ пріятнымъ выраженіемъ лица сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что онъ не имѣетъ установившагося мнѣнія о разныхъ частностяхъ совершенно новаго для него вопроса; но что во всякомъ случаѣ мы не можемъ далѣе управлять, какъ доселѣ управляли. Великій князь Михаилъ къ нему присоединился. Принцъ Ольденбургскій произнесъ нѣсколько привычныхъ словъ о мирѣ, сокращеніи расходовъ и т. п. Наконецъ, князь Ливенъ по-

пытался развить мнѣніе sui generis о лучшемъ устройствѣ „мѣстныхъ управленій". Гр. Барановъ и гр. Адлербергъ молчали".

Въ позднѣйшей припискѣ Валуевъ высказалъ свое общее впечатлѣніе о томъ, насколько будущее направленіе политики было уже предрѣшено Александромъ III: „Хотя государь и предоставилъ всѣмъ высказаться, самъ не высказываясь, но явно было, что его личное мнѣніе уже установилось на точкѣ зрѣнія Побѣдоносцева, заранѣе объяснившагося и согласившагося съ гр. Строгановымъ". Валуеву было ясно, что государь менѣе всего могъ сочувствовать его предположеніямъ, и участь его, какъ государственнаго дѣятеля, при самыхъ скромныхъ преобразовательныхъ намѣреніяхъ, была рѣшена.

II.

— Щукинскій сборникъ. Выпускъ шестой. Изданіе Отдѣленія Императорскаго Россійскаго музея имени Императора Александра III — Музея П. И. Щукина. М. 1907. Стр. 500 in 4°.

Какъ и предыдущіе томы, настоящій выпускъ Щукинскаго сборника заключаетъ въ себѣ любопытные и цѣнные матеріалы. Большинство изъ нихъ имѣетъ отношеніе къ исторіи нашего быта и нравовъ, частью восемнадцатаго, а въ большинствѣ случаевъ—девятнадцатаго вѣка. Здѣсь и сборныя церковныя книги, и записки, и воспоминанія неизвѣстныхъ, и автобіографическія, и біографическія замѣтки, и правительственные указы, и письма царствующихъ особъ, и лицъ, занимавшихъ оффиціальное положеніе, и переписка частныхъ лицъ, и факсимиле письма далай-ламы генералъ-адъютанту Линевичу,—словомъ, матеріалъ, который заготовляется впрокъ и когда-нибудь да пригодится—въ разное время разнымъ лицамъ. Есть кое-что не лишенное интереса и въ историко-литературномъ отношеніи и для исторіи нашей общественности. Остановимся прежде всего на копіи съ записки великаго князя Константина Николаевича барону Ф. П. Врангелю 1855 г. Читатели встрѣчались въ запискахъ Валуева съ личностью великаго князя, какъ съ авторомъ одного изъ „конституціонныхъ" вѣяній. Не трудно было замѣтить, насколько несимпатично относился къ нему Валуевъ и насколько, можетъ быть, былъ правъ (еще разъ приходится обратить вниманіе на матеріалы, опубликованные П. Е. Щеголевымъ), считая его несерьезнымъ и малоподготовленнымъ человѣкомъ для проведенія въ жизнь сложныхъ преобразовательныхъ плановъ. Но—audiatur et altera pars. Оставляя въ сторонѣ личный характеръ великаго князя, все, что извѣстно объ его дѣятельности и направленіи ума, свидѣтельствуетъ, что онъ былъ на цѣлую голову выше окру-

жающихъ, яснѣе многихъ понималъ несостоятельность правительственной политики, и въ его доброй волѣ, повидимому, не было недостатка. Но, какъ показываетъ и тотъ документъ, который мы приведемъ ниже, онъ не былъ настолько силенъ и проницателенъ, чтобы освободить себя отъ власти той призмы, сквозь которую дѣйствительность представляется лицамъ его положенія. Онъ чувствуетъ уже невозможность управлять при помощи однихъ начальственныхъ распоряженій, но благодѣтельное вліяніе гласности представляетъ себѣ въ зависимости отъ того же начальственнаго усмотрѣнія. Письмо великаго князя относится къ приснопамятному 1855 г., когда грянувшій громъ заставилъ перекреститься и русское правительство и заговорить объ истинномъ положеніи имперіи.

Письмо это ярко свидѣтельствуетъ, съ другой стороны, и о настроеніи юнаго великаго князя. „Въ одной весьма занимательной запискѣ о нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Россіи,—пишетъ онъ Ф. Врангелю,—при указаніи причинъ, которыя довели насъ до нынѣшняго бѣдственнаго положенія, между прочимъ сказано: „„Многочисленность формъ подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую оффиціальную ложь.

„„Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное, вездѣ пріобрѣтены успѣхи, вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что̀ *есть*, отъ того, что̀ *кажется*, *правду* отъ *неправды*, и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза.

„„Сверху блескъ, внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины. Она затаена между строками, но кто изъ оффиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочіе““.

„Прошу ваше превосходительство сообщить эти правдивыя слова всѣмъ лицамъ и мѣстамъ морского вѣдомства, отъ которыхъ въ началѣ будущаго года мы ожидаемъ отчетовъ на нынѣшній годъ, и повторите имъ, что я требую въ помянутыхъ отчетахъ не похвалы и истины, а въ особенности [1]) откровеннаго и глубоко обдуманнаго изложенія недостатковъ каждой части управленія и сдѣланныхъ въ ней ошибокъ, и что тѣ отчеты, въ которыхъ нужно будетъ читать между строками, будутъ возвращены мною съ большою гласностью“.

Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, что это настроеніе благодушнаго правительственнаго либерализма не развилось впослѣдствіи во что-либо осязательно-опредѣленное...

[1]) Такъ въ текстѣ Щукинскаго сборника. Слѣдуетъ, вѣроятно: „*а* истины *и* въ особенности“... — Евг. Л.

Далѣе, въ шестомъ выпускѣ помѣщено нѣсколько писемъ разныхъ лицъ къ И. С. Тургеневу, въ томъ числѣ П. В. Анненкова, Ѳ. И. Маслова. Въ письмѣ А. Скачкова (1840 г.) имя Бакунина даетъ нѣсколько штриховъ для характеристики Бакунина; есть упоминанія о Берне, Гейне, Гуцковѣ. Не лишены занимательности нѣкоторыя мѣста изъ письма Анненкова. „Надняхъ (письмо безъ года, изъ Карлсбада) пробѣжалъ оцѣнку Лориса въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", да сейчасъ же карлсбадской соли кружку выдулъ. И это, какъ вы говорите, руководящая звѣзда и устроительница нашей судьбы теперь. Сколько злобы, мести и призыва къ работѣ когтями, зубами, дробью и картечью. Въ Нюренбергѣ, гдѣ останавливался на день, а прожилъ три за болѣзнью жены, осматривалъ въ замкѣ камеру съ разными средствами управленія, бичами, кляпами, пыточными станками—вотъ бы куда запереть Каткова, какой бы диѳирамбъ написалъ молодецъ этотъ и какія бы открытія въ наукѣ умиротворенія и возбужденія добрыхъ чувствъ сдѣлалъ бы".

Въ письмѣ отъ 10-го августа 1881 г. Е. Колбасинъ убѣждаетъ Тургенева писать мемуары. „Вы знаете и сталкиваетесь со всѣми литературными, музыкальными и политическими знаменитостями,—пишетъ онъ,—и ваши воспоминанія о Диккенсѣ, Теккереѣ, и такъ далѣе, и такъ далѣе, будутъ просто драгоцѣнны и, повѣрьте, переживутъ добрую сотню лѣтъ, особенно если вы не станете скупиться на подробности и характеристики, на которыя вы такой мастеръ".

Любопытны нѣсколько документовъ, касающихся князя М. А. Урусова. Въ 1826 г. возникло дѣло о побояхъ, нанесенныхъ поручикомъ княземъ Урусовымъ писарю одной изъ почтовыхъ станцій, и недоплатѣ прогонныхъ денегъ. Въ 1830 и 1833 гг. возникло дѣло о флигель-адъютантѣ князѣ М. А. Урусовѣ, состоявшее въ томъ, что Урусовъ пытался скрыть на таможнѣ разнаго рода драгоцѣнныя вещи, подлежавшія оплатѣ пошлиною, и, при объясненіяхъ своихъ, „нанесъ" управляющему „неблагопристойныя и обидныя слова". Управляющій, какъ видно изъ его объясненія, отвѣчалъ трогательно-кротко и, можно думать, съ видомъ невиннаго агнца, котораго начальственная рука гладитъ по шерсти: „Забываетесь, князь, говорить такія слова тому, которому начальство ввѣрило таможню, и котораго, равно какъ и васъ, одинъ государь императоръ производилъ въ офицерскіе чины; я знаю причину вашего негодованія, о семъ извѣстно будетъ высшему начальству моему". Исторія съ таможней не прошла, какъ можно думать, совсѣмъ безнаказанно для Урусова. Завязалась переписка, въ которой приняли участіе Дубельтъ и Бенкендорфъ, который предложилъ окончить дѣло такимъ образомъ, чтобы не пришлось докладывать о немъ государю императору...

Далѣе, въ 1841 г., флигель-адъютантъ полковникъ князь Урусовъ, вмѣстѣ съ Бутурлинымъ IV, исполняетъ высочайшее повелѣніе по производству разысканій „по дѣлу возмутительнаго духа крестьянъ лифляндской губерніи". Изъ напечатанныхъ въ Сборникѣ всеподданнѣйшихъ рапортовъ видно, что разысканія свои Урусовъ съ Бутурлинымъ производили, „вникая въ смыслъ наиглавнѣйшихъ предмѣтовъ (sic) объясненій, не иначе какъ въ видѣ разговора". А „разговоры" эти шли, въ числѣ прочаго, о томъ, что епископъ рижскій пытался различными обѣщаніями привлечь населеніе къ православію, а крестьяне добивались признанія ихъ собственности на всю землю, не исключая господской. Въ подкрѣпленіе же краснорѣчія при „разговорахъ" и въ огражденіе помѣщиковъ — „въ мѣста, угрожаемыя опасностью, командированы шесть рота и ожидается прибытіе ладожскаго егерскаго полка... Изобразивъ, насколько это было возможно въ рамкахъ всеподданнѣйшаго отчета, поистинѣ ужасающее положеніе лифляндскаго крестьянства, флигель-адъютанты-разслѣдователи обвинили во всемъ... рижскаго епископа, соблазнявшаго, по ихъ словамъ, крестьянъ обѣщаніями переселеній и земельныхъ льготъ, если крестьяне начнутъ принимать православіе... Предлагалось и средство успокоить народъ: „помянутое народное волненіе прекратится,—читаемъ мы,—не иначе, какъ при строгомъ себя хотя на время воздержаніи православнаго духовенства не только отъ принятія прошеній, какого бы содержанія они ни были, но даже и стараніемъ удалить себя отъ весьма опасныхъ въ сіе время свиданій съ крестьянами сего края. Таковымъ способомъ, — продолжаютъ они,—могутъ быть въ скорости уничтожены всѣ до сего времени существующія въ народѣ надежды и обѣщанія"... Рѣчами въ этомъ же смыслѣ (приводимыми въ документахъ) успокаивали флигель-адъютанты и лично безземельное и голодное населеніе.

Въ 1846 г. мы видимъ князя Урусова нижегородскимъ военнымъ губернаторомъ. Отблескъ его дѣятельности сохранился въ напечатанной въ томъ же Сборникѣ жалобѣ гр. Н. С. Толстого по поводу даннаго княземъ Урусовымъ приказанія—наказать кучера гр. Толстого розгами „безъ всякаго разбирательства", безчинство же, произведенное казакомъ, исполнявшимъ полицейскія обязанности, было оставлено безъ послѣдствій. По жалобѣ возникла цѣлая полицейская переписка, и дѣло запутали такъ, что гр. Толстому едва-ли не пришлось самому отвѣчать за „доносъ" на казацкія безчинства, чего, какъ выяснила нижегородская полиція, за мѣстными казаками „не замѣчалось". Кончилось тѣмъ, что „по доносу гр. Толстого на казаковъ о дѣлаемыхъ ими притѣсненіяхъ народу" самъ Толстой—„отъ доказательствъ въ сдѣ-

ланномъ имъ доносѣ отказывается и проситъ всякое изслѣдованіе по его письму прекратить"...

Въ этомъ выпускѣ находимъ нѣсколько замѣтокъ и примѣчаній П. И. Щукина. Въ числѣ ихъ раскрыто имя корреспондентки И. С. Тургенева, переписка съ которой помѣщена въ 5-мъ выпускѣ „Щукинскаго Сборника", своевременно отмѣченная нами. Имя корреспондентки Тургенева—баронесса Юлія Петровна Вревская.

III.

— Рубакинъ, Н. А. Чистая публика и интеллигенція изъ народа („Искорки"). Очерки и наброски публициста. Изд. 2-е, значительно дополненное и исправленное. Спб. Книгоиздательство „Паллада". 1906. Стр. 256 in 8°. Ц. 80 к.

Вопросъ объ интеллигенціи подвергается частымъ „переоцѣнкамъ" за послѣдніе годы. Интеллигенціи угрожаютъ, ее бранятъ, то видятъ въ ней тормазъ быстрому разрѣшенію соціальныхъ золъ, то объявляютъ врагомъ отечества, — и каждое опредѣленіе, имѣющее свои внутренніе мотивы, влагаетъ въ понятіе интеллигенціи самое разнообразное содержаніе. И какъ ни вооружаются и ни нападаютъ на нее справа и слѣва, она, какъ гидра, не сдается и на мѣсто одной отрубленной головы подставляетъ двѣ новыхъ, и все шире раздвигается заколдованный кругъ ея вліянія.

Содержаніе понятія, обозначаемаго словомъ „интеллигенція", слишкомъ разнообразно, слишкомъ пестро. Образующіе его признаки трудно, почти невозможно одновременно охватить мыслью, и на первый планъ выступаютъ то одни, то другіе, — чѣмъ и объясняются нападенія на интеллигенцію съ разныхъ сторонъ. Вопросъ требуетъ глубокаго и сложнаго изысканія, и, посвящая свой трудъ изученію русской интеллигенціи, Н. А. Рубакинъ, въ противоположность инымъ современнымъ публицистамъ, менѣе всего думаетъ о гордіевомъ узлѣ. Предпосылая второму изданію своей книги вводную, обобщающую статью, г. Рубакинъ говоритъ о подготовительной работѣ къ своему труду: „Уже много лѣтъ авторъ этой книги собираетъ рукописные и иные матеріалы для характеристики интеллигенціи изъ народа, изъ крестьянъ и фабрично-заводскихъ и другихъ рабочихъ, ея наростанія, ея отчасти разрушительной, но въ особенности же созидательной работы. Герои-созидатели больше всего интересовали автора. И обстоятельства личной жизни, и личныя и заочныя знакомства съ интеллигентами изъ народной среды позволили собрать довольно обширный и поучительный матеріалъ для характеристики этихъ героевъ. Автору этой книги оставалось лишь регистрировать нѣкоторые факты жизни и лишь записывать

то, что̀ ему пришлось увидать своими глазами въ странствованіяхъ по заводамъ, фабрикамъ и деревнямъ, и, по возможности, воспользоваться тѣмъ, что̀ дала довольно обширная переписка съ провинціей".

Уже изъ этихъ словъ видно, что г. Рубакинъ менѣе всего склоненъ къ шаблонному противопоставленію интеллигенціи и народа. Съ этимъ противопоставленіемъ авторъ считается, какъ съ фактомъ уже историческаго прошлаго, которому не будетъ возврата. Но авторъ констатируетъ другое: въ народномъ сознаніи изъ понятія интеллигенціи выдѣлилось представленіе о „чистой публикѣ", которая не должна быть смѣшиваема съ первой. Подъ именемъ „чистой публики" люди, живущіе трудами рукъ своихъ, опредѣлили людей, живущихъ на чужой трудъ, и этимъ выразили существующій въ современномъ строѣ внутренній классовой антагонизмъ.

„За послѣднія десять или даже пять лѣтъ въ народномъ сознаніи произошла глубокая и многозначительная перемѣна. Понятіе „интеллигенціи", такъ сказать, отпочковалось, дифференцировалось отъ понятія „чистой публики". Дифференцировалось рѣзко, опредѣленно и— внушительно. Сначала такая перемѣна произошла въ сознаніи фабрично-заводскихъ рабочихъ, затѣмъ и крестьянъ, начиная съ наиболѣе просвѣщенныхъ и сознательныхъ круговъ ихъ. Правда, старый терминъ „чистая публика" и понынѣ сохранилъ свое прежнее содержаніе, но народное понятіе объ интеллигенціи замѣтно измѣнилось. Прежде всего она стала народу понятной, затѣмъ стала чѣмъ-то близкимъ, а въ настоящее время мы имѣемъ уже цѣлый рядъ фактовъ, съ очевидностью доказывающихъ, что она становится не только чѣмъ-то близкимъ народному сознанію, но и дорогимъ.

Указавъ далѣе на цѣлый рядъ случаевъ въ высшей степени сочувственнаго отношенія къ такъ называемымъ политическимъ, странствующимъ ораторамъ, студентамъ и т. д., г. Рубакинъ продолжаетъ: „Многіе мильоны трудящагося народа несомнѣнно выяснили, уразумѣли, даже если не умомъ, то чутьемъ, что интеллигенція въ сущности есть врагъ чистой публикѣ, а эта послѣдняя, въ свою очередь, врагъ и ей. Какъ всегда и вездѣ, сознаніе прояснилось не сразу и даже очень постепенно, въ полной связи съ ходомъ событій и въ зависимости отъ нихъ. Сначала успѣхи народнаго сознанія народъ формулировалъ такъ; „у господъ-то тоже промежъ себя не ладно". Затѣмъ выяснилось, что „иные-то господа на словахъ за нашего брата стоятъ, а вотъ другимъ это и не того". Событія вскорѣ показали, что у этихъ самыхъ интеллигентовъ иной разъ эти самыя „слова" до такой степени тѣсно связаны со всѣмъ складомъ души, со всею личностью ихъ, что даже и страданія ничѣмъ и нисколько и никогда не въ силахъ заставить этихъ людей молчать и отступиться отъ

своего. Стало очевидно, что есть „среди господъ“ и такіе люди, которые поступаются своими выгодами, своими интересами и поступаются не только на словахъ. Широкимъ слоямъ народа это, разумѣется, не могло не казаться долгое время и удивительнымъ, и непонятнымъ, и во всякомъ случаѣ чуднымъ. Но вѣдь фактъ все-таки былъ на лицо, и жестокая дѣйствительность властною рукой втолковывала истину о настоящей интеллигенціи мильонамъ и десяткамъ мильоновъ народа и заставляла отличать интеллигента отъ „чистой публики“. Походъ русскаго правительства противъ интеллигенціи во всякомъ случаѣ сдѣлалъ дѣло, несомнѣнно прямо противоположное интересамъ и цѣлямъ самого правительства. Правда, никто не сосчиталъ, да и не можетъ сосчитать тѣхъ страданій, которыя выпали на долю интеллигенціи по винѣ правительства; не приведено въ извѣстность и то, сколько чистой и святой крови имъ пролито. Но такъ или иначе, въ народѣ уже пошелъ новый разговоръ: „у насъ среди господъ есть и свои люди“. Эти „свои“ окончательно дифференцировались отъ „чистой публики“.

Въ то же время въ нѣдрахъ народной души сталъ совершаться и другой, не менѣе знаменательный процессъ: начала зарождаться своя собственная интеллигенція, сознательная, вдумчивая, „неутомимо-мыслящая“, готовая жертвовать собой изъ побужденій идейнаго свойства, боевая. Интеллигенція изъ народа совпадаетъ съ интеллигенціей въ общемъ смыслѣ въ борьбѣ съ „чистой публикой“, которая „защищаетъ свою насиженную позицію“.

Далѣе г. Рубакинъ останавливается на признакахъ истинно-интеллигентнаго человѣка. „Не всякій мыслящій, даже глубоко-образованный человѣкъ, искренно преданный своему, даже общественно-необходимому дѣлу, имѣетъ нравственное право считаться интеллигентомъ. Прежде чѣмъ называть себя этимъ священнымъ именемъ, необходимо рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ. Что собственно представляетъ изъ себя это самое твое образованіе? Какому именно дѣлу ты преданъ хотя бы всей душой? Въ чемъ именно заключается его общественный характеръ? Въ какомъ отношеніи находится и ученость, и это дѣло къ основнымъ задачамъ времени? А такъ какъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, въ основѣ всей ихъ жизни, какъ умственной, такъ и матеріальной, всегда лежалъ и будетъ лежать прежде всего народный трудъ, народная масса, трудящійся народъ, то главныя, насущныя и основныя задачи времени есть вмѣстѣ съ тѣмъ и основныя нужды трудящагося народа“.

Есть и еще одинъ признакъ, по словамъ автора, отличающій истиннаго интеллигента: интеллигентъ прежде всего и всегда борецъ. „Интеллигентъ, не принимающій участія въ борьбѣ,—борьбѣ за осу-

ществленіе основныхъ задачъ своего времени, въ сущности, вовсе не интеллигентъ, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ основной признакъ интеллигента—его способность къ борьбѣ. Не проявлять—это то же, что не имѣть того, что̀ слѣдуетъ и что̀ необходимо проявлять. Всякій истинный интеллигентъ обязанъ сознательно, планомѣрно, настойчиво и повсюду проявлять свое основное свойство, свое отличіе отъ чистой публики. Но вѣдь, при нынѣ существующихъ условіяхъ, его проявлять—это и значитъ идти на борьбу и въ борьбу. Не бороться—это значитъ отступать безъ боя. Не отступать — это значитъ бороться".

Что касается очерковъ, появившихся въ 1900 г. подъ общимъ заглавіемъ „Искорки", то въ настоящемъ изданіи они, по словамъ автора, „являются въ значительно дополненномъ видѣ": возстановлены цензурные пропуски, текстъ нѣкоторыхъ статей переработанъ по новымъ матеріаламъ. Но еще болѣе существеннымъ дополненіемъ, кромѣ очерка „Размагниченный интеллигентъ" (впервые былъ напечатанъ въ сборникѣ „На славномъ посту"), является помѣщенный въ приложеніи докладъ, читанный авторомъ на III-мъ съѣздѣ дѣятелей по профессіональному и техническому образованію (1904) и озаглавленный—„Борьба народа за свое просвѣщеніе". Въ ней авторъ характеризуетъ процессъ наростанія въ деревенской средѣ „боевой" интеллигенціи, вырабатывающейся „самоучкомъ".

Мѣтко обрисовавъ ту тяжелую обстановку, въ которой происходитъ народная борьба во имя самообразованія, „за свое право знать, право изучать, право мыслить, право вникать въ свою и окружающую жизнь, въ прошлое, настоящее и будущее по своему разумѣнію и хотѣнію, безъ чужой указки,—г. Рубакинъ опредѣляетъ самообразованіе, какъ своего рода *драму*—житейскую, заурядную, обыденную, иногда какъ трагедію, гдѣ слабый борется съ сильнѣйшимъ... Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о томъ, на какой глубинѣ народной массы начинается эта борьба. „Она начинается,—свидѣтельствуетъ онъ,—въ безграмотныхъ слояхъ населенія. Десятками или сотнями тысячъ должны мы считать тѣхъ несчастливцевъ земли русской, которые, обладая свѣтлымъ умомъ и яснымъ сознаніемъ, обладая такими способностями, какими иной разъ не обладаютъ и очень ученые мужи, принуждены существовать „въ безграмотномъ состояніи", не имѣя никакой возможности развить свои духовныя силы. Сколько этихъ зародышей будущей русской интеллигенціи разсѣяно на милліонахъ квадратныхъ километровъ русской земли и глохнетъ, чахнетъ, вымираетъ, не развивая своихъ интеллектуальныхъ силъ, не переводя ихъ изъ потенціальнаго въ кинетическое состояніе. Счастливы тѣ, кто, несмотря на свои способности, примирился со своимъ положеніемъ. Ну, а тому какъ быть, кто съ нимъ не примирился? А такихъ развѣ мало?

Факты говорятъ намъ, что стремленіе къ самообразованію въ неграмотной народной массѣ—явленіе развитое и постоянно наростающее. Оно выражается прежде всего въ поискахъ и погонѣ милліоновъ неграмотныхъ русскихъ людей за живымъ человѣческимъ словомъ, такимъ словомъ, которое способно дать человѣку знанія, матеріалъ для болѣе широкаго и глубокаго размышленія, которое способно оживить мысль, пробудить новое, глубоко жизненное настроеніе, способно передвинуть человѣка вверхъ. Неграмотная толпа, какъ и грамотная, жадно рвется къ живому слову, какъ единственно доступному для нея источнику знанія, пониманія и настроенія. Жизнь богата такого рода фактами, и во всѣхъ нихъ звучитъ очень трогательная нотка".

Не менѣе интересны сообщенія г. Рубакина о тѣхъ „своихъ средствіяхъ", благодаря которымъ народъ добываетъ себѣ грамотность и нужныя знанія. Но здѣсь надо обратиться читателю къ самой книгѣ. Намъ важно было отмѣтить, по указаніямъ такого знатока народной жизни, какимъ является авторъ, знаменательный моментъ въ развитіи народнаго самосознанія, который можно уже конкретно оцѣнивать съ точки зрѣнія „реагированія трудящихся классовъ на окружающую жизнь".

IV.

— Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в. Т. I—II. Спб. 1907. Стр 328 и 494 in 8°. Ц. за оба тома 3 р.

Что такое интеллигенція? Этому вопросу посвящаетъ много страницъ и авторъ названнаго труда. Становясь на философско-этическую точку зрѣнія, г. Ивановъ старается найти правильное опредѣленіе интеллигенціи между народническимъ переоцѣниваніемъ ея значенія и марксистскимъ уничиженіемъ (можно сказать—уничтоженіемъ) ея. Давно пора, полагаетъ авторъ, категорически признать высокую этическую цѣнность и неоспоримый соціальный вѣсъ за этой „высшей и лучшей" частью русскаго культурнаго общества. Развивая признаки, по преимуществу для даннаго вопроса установленные авторомъ „Историческихъ писемъ", г. Ивановъ видитъ опредѣляющее начало интеллигенціи въ творчествѣ новыхъ формъ и идеаловъ, активно проводимыхъ къ цѣли физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія и самоосвобожденія личности. „И какъ бы ни былъ малъ абсолютный соціологическій вѣсъ интеллигенціи, но въ ея творчествѣ, въ ея идеалахъ—жизненный нервъ народа, ибо интеллигенція есть, дѣйствительно, органъ народнаго сознанія и совокупность живыхъ силъ народа. Пусть даже соціологически интеллигенція невѣсома, но безъ ея

творчества, безъ ея идеаловъ всякое „культурное“ общество, всякій могущественный классъ обращается въ толпу „мѣщанъ“...

Книга г. Иванова—одна изъ интереснѣйшихъ книгъ, появившихся за послѣднее время по исторіи умственнаго развитія нашего общества. Она такъ содержательна и возбуждаетъ столько вопросовъ, что въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности на нихъ остановиться, и мы ограничимъ свою задачу указаніемъ господствующей точки зрѣнія, которая опредѣлитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и общій характеръ изслѣдованія. Цѣль автора—ввести въ современное общественное сознаніе извѣстное пониманіе философіи русской интеллигенціи. „Исторія русской общественной мысли,—говоритъ авторъ,—исторія русской интеллигенціи: этой формулой яснѣе всего опредѣляется содержаніе лежащей передъ читателемъ книги. Прослѣдить съ наиболѣе общей точки зрѣнія за послѣдовательнымъ развитіемъ общественныхъ, этическихъ и эстетическихъ воззрѣній, преемственно связанныхъ между собою и образующихъ непрерывный рядъ находящихся въ логической связи міровоззрѣній и міровоздѣйствій—это значитъ составить исторію русскаго сознанія, исторію русской общественной мысли; прослѣдить за послѣдовательнымъ развитіемъ и развѣтвленіемъ различныхъ общественныхъ группъ, въ которыхъ безпрерывно совершается процессъ выработки опредѣленныхъ міровоззрѣній,—это значитъ составить исторію русской интеллигенціи. Такова внутренняя сущность и внѣшняя форма содержанія предлагаемой книги“.

Содержаніе книги охватываетъ собою теоретическую постановку вопроса во введеніи, затѣмъ эпоху подготовительныхъ движеній общественныхъ мыслей—„въ преддверіи девятнадцатаго вѣка“, разсматриваемую авторомъ, какъ эпоху „литературнаго мѣщанства“; затѣмъ слѣдуютъ: сентиментализмъ и романтизмъ, какъ та среда, въ которой совершалась борьба съ литературнымъ мѣщанствомъ во имя стремленія отъ абстрактнаго человѣка къ реальной личности; Пушкинъ и Лермонтовъ, знаменующіе собой апогей индивидуализма и анти-мѣщанства въ художественной литературѣ первой половины девятнадцатаго вѣка; тридцатые и сороковые годы (Бѣлинскій, какъ знамя русской интеллигенціи); западники и славянофилы (Герценъ, какъ грань между старымъ и новымъ періодами въ исторіи русской интеллигенціи). Второй томъ посвященъ разсмотрѣнію шестидесятыхъ годовъ (Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ), затѣмъ семидесятыхъ (Лавровъ, Михайловскій—апогей соціалистическаго индивидуализма); Толстой и Достоевскій—апогей этическаго индивидуализма; конецъ семидесятыхъ годовъ переходитъ въ эпоху общественнаго мѣщанства восьмидесятыхъ; девяностые годы характеризуются, какъ эпоха „второго великаго раскола русской интеллигенціи“: народничество и марксизмъ; Че-

ховъ и Горькій: раздвоенность обоихъ между индивидуализмомъ и анти-индивидуализмомъ; индивидуалистическій индивидуализмъ (Бердяевъ, Струве, „Проблемы идеализма", Булгаковъ), „въ преддверіи двадцатаго вѣка" (романтическое и реалистическое направленія русской общественной мысли конца девятнадцатаго вѣка).

Борьба индивидуализма съ „мѣщанствомъ"—принципъ, на которомъ построена вся книга. Подъ „мѣщанствомъ" авторъ понимаетъ группу преемственную, внѣклассовую и внѣсословную; анти-мѣщанство является отрицательнымъ опредѣленіемъ интеллигенціи, въ группу которой мѣщане не входятъ. Духовная сущность мѣщанства опредѣляется авторомъ, какъ „этическое мѣщанство", отличительными признаками котораго являются узость, плоскость и безличность, тогда какъ широта, глубина и яркая индивидуальность признаются основными чертами интеллигенціи. „Индивидуализмъ есть приматъ личности—вотъ самое широкое, общее опредѣленіе; индивидуализмъ есть признаніе человѣческой личности первой и главной цѣнностью, индивидуализмъ есть признаніе, что благо реальной человѣческой личности должно служить критеріемъ нашихъ поступковъ, нашего міровоззрѣнія. Каждое міровоззрѣніе неизбѣжно является или индивидуализмомъ, или анти-индивидуализмомъ, въ зависимости отъ того, доминируетъ ли въ немъ человѣческая личность надъ другими его элементами, или человѣческая личность является подчиненной какому-нибудь иному элементу міровоззрѣнія. Или—или: tertium non datur"... „Человѣкъ—самоцѣль, такова эта сокращенная формула, которой мы будемъ пользоваться ниже; человѣкъ ни для кого и ни для чего не можетъ быть средствомъ и только средствомъ—таково это общее значеніе принимаемаго нами принципа примата личности; въ этомъ заключается содержаніе этическаго индивидуализма, въ этомъ—рѣшеніе индивидуализма, какъ этической проблемы. Но очевидно, что индивидуализмъ въ то же время есть приматъ личности прежде всего надъ обществомъ; это приводитъ насъ къ индивидуализму, какъ проблемѣ соціологической, къ тому соціологическому индивидуализму, о которомъ мы только-что говорили: три возможныхъ рѣшенія этой проблемы были указаны нами выше. Взаимоотношеніе личности и общества—центральная проблема всякаго міровоззрѣнія, теодицея его; то или иное рѣшеніе этой проблемы будетъ служить намъ аріадниной нитью при изученіи исторіи русской интеллигенціи, исторіи русскаго сознанія".

Индивидуализмъ служитъ для автора той руководящей нитью, которая ведетъ его по „большой дорогѣ" исторіи русской интеллигенціи; содержаніе этой исторіи интересуетъ автора съ точки зрѣнія развитія въ ней идей индивидуализма. Мѣщанство разсматривается авторомъ, какъ тотъ фонъ, на которомъ и въ борьбѣ съ которымъ

развивалась во имя личности русская интеллигенція. Не переставая велась борьба за широту, глубину и яркость человѣческаго *я*—борьба политическая, соціальная, классовая, борьба противъ „общественности". „Изучить приливныя и отливныя волны этой борьбы, прослѣдить съ этой точки зрѣнія за смѣной и преемственностью теорій и міровоззрѣній—значитъ составить философію исторіи русской интеллигенціи; такова задача этой книги".

Авторъ обладаетъ огромной эрудиціей, необыкновенной ясностью и прямолинейностью взгляда,—тѣми же свойствами отличается и его изложеніе. Но въ то время какъ умственный взоръ его съ необыкновеннымъ искусствомъ разбирается въ обширномъ наслѣдіи прошлаго, душа автора обращена къ творчеству „новыхъ формъ и идеаловъ культурнаго будущаго". И книга его становится субъективной до лиризма—въ предѣлахъ, допустимыхъ, конечно, рамками научнаго изслѣдованія. Авторъ и самъ отмѣчаетъ ея субъективность въ этомъ смыслѣ. „Читатели сами увидятъ, къ какой изъ современныхъ общественныхъ группъ принадлежатъ всѣ симпатіи автора, которому было трудно—если не невозможно—избѣжать субъективнаго освѣщенія изучаемыхъ фактовъ изъ жизни русской интеллигенціи. Изучать эти факты sub speciae æterni, съ полнымъ научнымъ безпристрастіемъ—еще не пришла пора"...

V.

— Россія и русскіе. Николая Тургенева. Первое русское изданіе. Часть первая. Портретъ и статьи: Г. Балицкаго и А. И. Герцена. Изданіе „Библіотеки декабристовъ". М. 1907. Стр. 148 in 8°. Ц. 80 к.

— Баронъ А. Е. Розенъ. Записки декабриста. Съ портретомъ и приложеніями. Спб. 1907. Стр. 464 in gr. 8°. Ц. 3 р.

— Собраніе стихотвореній декабристовъ. Т. I. М. 1906. Стр. 323 in 8°. Ц. 3 р.; т. II. М. 1907. Стр. 188 in 8°. Ц. 1 р. 50 к.

Если имя Николая Ивановича Тургенева менѣе извѣстно широкимъ кругамъ читающей публики, чѣмъ имя его отдаленнаго родственника—Ивана Сергѣевича, на что указываетъ г. Балицкій (редакторъ „Библіотеки декабристовъ"), — то его сочиненіе „La Russie et les Russes" (P. 1847), переводъ котораго предлагается въ настоящемъ изданіи, извѣстно всѣмъ, сколько-нибудь интересовавшимся исторіей нашей общественности въ первой половинѣ истекшаго вѣка. Книга эта послужила драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для всѣхъ, кто работалъ надъ изученіемъ общественныхъ теченій или такъ-называемыхъ „литературныхъ мнѣній", высказывавшихся наиболѣе выдающимися людьми эпохи по вопросамъ живой современности и культуры. Взгляды

Н. Тургенева явились яркимъ и мѣткимъ отраженіемъ взглядовъ просвѣщеннѣйшей части нашего общества, провидѣвшей не только темныя стороны русской государственной жизни, но и способы борьбы съ ними—на почвѣ просвѣщенія и уничтоженія рабства, самовластительнаго гнета. Его ясный умъ, его благородный порывъ къ свободѣ, его сужденія, основанныя на глубокомъ знаніи и жизненномъ опытѣ, цѣликомъ вошли въ ту атмосферу русскаго либерализма, въ которой зарождались и выростали освободительные идеалы нашего еще сравнительно недавняго прошлаго.

И жаль, что г. Балицкій не далъ себѣ труда выяснить, въ своей вступительной статьѣ, этого громаднаго историческаго значенія книги Тургенева. Это было бы особенно важно теперь, когда, параллельно съ развитіемъ научнаго изученія первой половины XIX вѣка, въ широкой массѣ уже утрачивается свѣжесть непосредственнаго общественнаго преданія,—а книга Тургенева цѣнилась современниками особенно за ту „всецѣлость убѣжденій", въ которой выразились типичнѣйшія черты извѣстнаго склада общественнаго міросозерцанія. И потому въ исторіи нашего либерализма она займетъ по праву видное мѣсто. Но благодарна и та задача, которую взялъ на себя г. Балицкій, посвятившій свою статью очерку нравственныхъ свойствъ Тургенева, въ которомъ онъ видитъ „образецъ" человѣка. Такъ, г. Балицкій выступаетъ, въ значительной части своей статьи, на защиту Тургенева противъ мнѣнія кн. С. Волконскаго (авторъ извѣстныхъ мемуаровъ), дававшаго поводъ заподозрить Тургенева въ неискренности его утвержденій, что онъ, Тургеневъ, никогда не былъ членомъ тайнаго общества.

Сопоставивъ подлинныя слова Тургенева со степенью его возможнаго участія въ дѣлахъ тайнаго общества, г. Балицкій приходитъ къ выводу, что, при фактической бездѣятельности этого общества (таково было мнѣніе Тургенева), послѣдній *не дѣйствовалъ*, какъ *членъ общества*, но лишь въ полномъ *соотвѣтствіи* съ уставомъ общества. „Во всякомъ случаѣ,—говоритъ г. Балицкій,—никакъ нельзя заподозрить искренность его утвержденія. Въ письмахъ къ своимъ братьямъ, гдѣ ему совершенно не надо было скрывать что-либо, онъ неуклонно настаиваетъ, что общества, какъ таковаго, не было, а если были разговоры, то они одинаково велись и въ гостиныхъ, и въ государственномъ совѣтѣ, и не только членами общества, но и всѣми мыслящими людьми".

Обвиненіе Волконскаго выражается главнымъ образомъ въ томъ, что Тургеневъ отрицалъ свою принадлежность къ Сѣверному обществу (послѣ роспуска „Союза благоденствія"). „У насъ нѣтъ положительныхъ данныхъ, доказывающихъ о несомнѣнной его принадлежно-

сти, но мы имѣемъ неуклонное отрицаніе этого факта со стороны самого Тургенева, а этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы повѣрить ему".

Не можемъ не привести, между прочимъ, изъ замѣчательной книги Тургенева мнѣнія его о тайныхъ обществахъ. „Въ такой странѣ, какъ Россія,—пишетъ Тургеневъ,—тайныя общества неизбѣжны; только люди, жившіе въ ней, могутъ правильно представлять затрудненія, которыя встрѣчаетъ тамъ всякая новая мысль. Чтобы спокойно и свободно выражать свои мысли, тамъ необходимо замкнуться въ тѣсномъ кругу лицъ, подобранныхъ съ большой осторожностью. Только при этомъ условіи возможенъ искренній обмѣнъ мыслей, и для насъ, въ нашемъ обществѣ было истиннымъ наслажденіемъ открыто и безъ боязни говорить не только о политическихъ, но и всякихъ другихъ вопросахъ. Нашъ богатый и красивый языкъ, но съ отпечаткомъ дурного соціальнаго строя, облагораживался нашими идеями объ истинѣ, свободѣ и достоинствѣ человѣка".

Русскій текстъ книги сопровождается примѣчаніями фактическаго свойства; приложенъ портретъ; между вступительной статьей г. Балицкаго и текстомъ книги помѣщено Герценовское „Письмо къ императору Александру II".

Изданіе „Записокъ декабриста", сдѣланное съ лейпцигскаго изданія 1870 г., является, по заявленію П. Е. Щеголева въ предисловіи, исправленнымъ отъ корректурныхъ недосмотровъ, но стиль сохраненъ неприкосновеннымъ. Къ „Запискамъ" редакція изданія присоединила разсѣянныя по журналамъ статьи и замѣтки Розена, а также разсказъ П. И. Фаленберга, который, по плану Розена, долженъ былъ войти въ лейпцигское изданіе.

Вступительная статья излагаетъ дѣло слѣдственной коммиссіи о Розенѣ, хранящееся въ государственномъ архивѣ. Исторія участія Розена въ тайномъ обществѣ обнаруживаетъ его уклончивость и сдержанность на допросахъ. „Его нужно причислить къ немногочисленной группѣ тѣхъ декабристовъ, которые сохранили выдержку во время слѣдствія".

Біографія Розена подробно разсказана имъ самимъ въ „Запискахъ" (вплоть до 1870). Но она чрезвычайно обстоятельна въ отношеніи внѣшнихъ чертъ и очень скупа на сообщенія идейнаго и общественнаго характера. Родившись въ обстановкѣ сентиментально-буржуазной семьи, Розенъ былъ благонравнымъ ученикомъ и исправнымъ до педантизма офицеромъ-фрунтовикомъ. Его переходъ на сторону революціонныхъ идей—любопытная загадка. „Можно даже думать,—говоритъ авторъ вступительной статьи,—что его культурный уровень передъ декабрьской катастрофой не былъ весьма высокъ. Врядъ-ли даже при

такомъ страстномъ отношеніи къ службѣ оставалось много времени на удовлетвореніе умственныхъ запросовъ. Правда, женитьба его на Малиновской (въ февралѣ 1825 г.), несомнѣнно, заставила его вдумываться въ смыслъ окружающей его обстановки и тоньше относиться къ своимъ настроеніямъ. Появилась даже какая-то неудовлетворенность. Но это вліяніе женитьбы, конечно, далеко не объясняетъ его перехода на сторону радикаловъ и даже революціонеровъ. Розенъ не былъ членомъ тайнаго общества, и воздѣйствію кружка Рылѣева подвергся лишь въ послѣдній мѣсяцъ и въ незначительной степени. Духъ времени и, быть можетъ, твердое сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ толкнули Розена на революціонный путь. Онъ не могъ противиться вѣяніямъ времени. Намъ не нужно искать особыхъ причинъ его участія въ дѣлѣ: онъ былъ *рядовымъ* декабристомъ. И со всѣми другими рядовыми декабристами (впрочемъ, въ этомъ отношеніи не тольско съ рядовыми, а и съ вождями) Розена характеризуетъ половинчатость его чувствъ. У него хватило силы заявить себя революціонеромъ въ день 14 декабря, но не хватило силъ примѣнить до конца революціонный методъ дѣйствій. Онъ возмутилъ свою часть роты, привелъ на площадь и ограничился тѣмъ, что удержалъ ее на одномъ мѣстѣ и не осмѣлился двинуть ее на помощь возставшимъ".

Колебанія, вытекавшія изъ глубокаго недоразумѣнія между поверхностно-воспринятыми идеями и истиннымъ характеромъ своихъ убѣжденій, имѣли для Розена трагическій исходъ. Розенъ горько поплатился не за одинъ лишь „эпизодъ" на площади, но за то, что не сразу сумѣлъ найти соотвѣтствовавшій его натурѣ *честный* выходъ изъ борьбы терзавшихъ его внутреннихъ противорѣчій: какъ было помирить формальныя требованія служебнаго долга съ инстинктивно-сознававшимся долгомъ по отношенію къ родинѣ? „Онъ вовсе не былъ революціонеромъ,—говоритъ авторъ введенія далѣе.—Онъ былъ либералъ, преданный монархистъ, убѣжденный защитникъ священнаго начала собственности и врагъ крутыхъ и насильственныхъ мѣръ. Понятно, что, вернувшись изъ Сибири, въ 60—80 годахъ онъ „обожалъ" императора Александра II и несочувственно относился къ современному революціонному движенію, вожди котораго считали декабристовъ за своихъ родоначальниковъ".

Конечно, какъ отмѣчено, болѣе глубокаго пониманія смысла свершавшихся на его глазахъ событій царствованія Александра II трудно было бы требовать отъ человѣка его міросозерцанія вообще, его лѣтъ и тѣхъ испытаній, которыя послала ему судьба.

Знакомясь съ „Записками" Розена, читатели, вѣроятно, обратятъ особое вниманіе на помѣщенное въ настоящемъ изданіи предисловіе

автора къ лейпцигскому изданію 1870 г. Въ немъ выражены мотивы, заставившіе его написать свой трудъ и его основной взглядъ на лица и событія изображенной эпохи.

Въ „приложеніяхъ" помѣщены, кромѣ разсказа П. И. Фаленберга: „М. Н. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ 1816—1821 гг.", „мелкія историческія замѣтки" (объ Н. Н. Раевскомъ, А. И. Одоевскомъ и др.) и отчетъ „мирового посредника" Розена за первый годъ приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ. Большая часть матеріала „приложеній" перепечатана изъ „Русской Старины".

Къ книгѣ приложенъ портретъ изъ изданія М. М. Зензинова „86 декабристовъ".

Говоря объ изданіяхъ, посвященныхъ дѣятелямъ декабрьскаго возстанія, нельзя не отмѣтить полезнаго труда И. И. Ѳомина „Собраніе стихотвореній декабристовъ", второй томъ котораго недавно появился въ печати. Умѣлый выборъ, новизна появленія нѣкоторыхъ стихотвореній и полнота редакцій въ пьесахъ, прежде урѣзывавшихся цензурой,—все это возбуждаетъ живой интересъ и вводитъ въ кругъ чувствъ и настроеній „декабристской" эпохи. Стихотвореніямъ предшествуютъ краткія статьи пояснительнаго и біографическаго характера. Въ первый томъ вошли стихотворенія: Рылѣева, Одоевскаго, Бестужева-Марлинскаго, Батенкова; во второй: Кюхельбекера, Раевскаго, Бобрищева-Пушкина, Лорера и Муравьева-Апостола. Изданіе сопровождается портретами и съ внѣшней стороны производитъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. Въ концѣ I-го тома данъ указатель литературы по эпохѣ Александра I и декабристовъ; онъ носитъ, однако, характеръ довольно случайный.

VI.

— Армянская муза. Сборникъ, изданный подъ редакціей Юрія Веселовскаго и проф. Г. А. Халатьянца. Со вступительною статьею „Нѣсколько словъ о новой армянской поэзіи". М. 1907. Стр. 184 in 8°. Ц. 1 р.

Ю. А. Веселовскому принадлежитъ заслуга первыхъ болѣе или менѣе систематическихъ опытовъ ознакомленія русской публики съ армянской поэзіей. Настоящій сборникъ посвященъ поэтамъ девятнадцатаго вѣка: Р. Патканьяну, Смбатъ Шахъ-Азизу, О. Ованнисьяну, А. Цатурьяну, Леренцу, О. Туманьяну, А. Исаакъяну, М. Бешикташляну, Туріану, Чобаньяну и др. Во вступительной статьѣ г. Веселовскій даетъ общій очеркъ новой армянской поэзіи, которая, какъ и вся современная армянская литература, дѣлится на двѣ главныя вѣтви: восточную (русскіе армяне) и западную (уроженцы турецкой Арменіи и вообще Малой Азіи). Турецко-армянскіе поэты, по словамъ

г. Веселовскаго, на первый планъ выдвигали красоту и изящество формы, иногда въ ущербъ внутреннему содержанію; поэты русской Арменіи, напротивъ, наибольшее вниманіе удѣляли идейному и тенденціозному элементу, и въ то время, какъ первые, въ отношеніи подражаній, обращались къ французской поэзіи, вторые подчинялись вліяніямъ—изъ русскихъ поэтовъ—Пушкина, Лермонтова, Некрасова, а изъ иностранныхъ — Байрона, Шиллера, Гейне и французскихъ поэтовъ, съ идейной окраской (напр., Гюго, Беранже). Разсмотрѣвъ отличительныя особенности наиболѣе видныхъ армянскихъ поэтовъ, переводы которыхъ помѣщены въ книгѣ, г. Веселовскій такъ характеризуетъ армянскую поэзію послѣдняго столѣтія: „Въ общемъ, армянская поэзія XIX вѣка, особенно ея восточная вѣтвь, является самымъ яркимъ отраженіемъ армянской души. На нее положили свой отпечатокъ тѣ безконечныя невзгоды и страданія, которыя въ разное время обрушивались на этотъ народъ, столь жестоко испытанный судьбою. Подобно тому, какъ мотивы армянскихъ народныхъ пѣсенъ проникнуты неподдѣльною, хватающею за душу скорбью и тоскою, которая является отголоскомъ многовѣковыхъ мукъ, искусственная армянская поэзія, развившаяся въ XIX столѣтіи, также носитъ въ значительной степени безотрадную, сумрачную окраску, подъ вліяніемъ новѣйшаго фазиса трагической исторіи того многострадальнаго края, который ассирійцы, пароянe, римляне, персы, арабы, византійскіе греки, монголы, турки, русскіе столько разъ завоевывали, опустошали, вырывали другъ у друга или дѣлили между собою. Когда же въ народѣ стали пробуждаться порывы къ новой жизни, къ свободѣ, единству и просвѣщенію, поэзія и въ этомъ случаѣ сыграла видную роль, воодушевляя тѣхъ, кто боролся, поддерживая и ободряя слабыхъ и колеблющихся, показывая въ туманной дали будущаго свѣтлый идеалъ, къ которому нужно было стремиться“.

Въ дальнѣйшемъ г. Веселовскій останавливается на вопросѣ о выборѣ стихотвореній. Интересы безпристрастія и желательной полноты вызвали съ его стороны попытку представить „всѣ главнѣйшіе оттѣнки и мотивы новой армянской поэзіи, какъ чисто-идейной, боевой, національной, обличительной, такъ и чисто-художественной, субъективной, полной настроенія, иногда приближающейся къ народному творчеству, иногда навѣянной западными образцами“.

Переводы армянскихъ стихотвореній предложены многими современными русскими поэтами, среди которыхъ встрѣчаемъ имена гг. Бальмонта, Бунина, Бѣлоусова, Чюминой. Оттого ли, что изъ русскихъ переводчиковъ далеко не всѣ, можно думать, переводили съ армянскаго, оттого ли, что среди оригиналовъ было немало такихъ, которые отличались подражательнымъ характеромъ, — но общее впеча-

тлѣніе, производимое армянской музой въ русскихъ переводахъ, блѣдное, неколоритное. Трудно создать себѣ представленіе о тѣхъ чертахъ національнаго генія, который выразилъ бы яркую индивидуальность „армянской народной души". Ни дыханія Востока въ темпераментѣ плавно размѣренныхъ строчекъ, ни той оригинальности образовъ, которую можно подмѣтить въ безыскусственныхъ переводахъ армянскаго народнаго творчества. Картинки природы, любовные мотивы, игра чувствъ и страстей — все это отчасти могло бы быть сочтено или оригинальными пьесами переводчиковъ, или переводами съ любого изъ европейскихъ языковъ (Бальмонтъ, Бѣлоусовъ, Чюмина, Бунинъ, Гриневская, Ю. Веселовскій). Извѣстнымъ, опредѣленнымъ настроеніемъ проникнуты, впрочемъ, переводы г. Ю. Веселовскаго; если отбросить всякую зависимость отъ оригинала, то пальма первенства, по блеску и звучности стиховъ, принадлежитъ, несомнѣнно, г. Бальмонту.

Интереснѣе другихъ въ Сборникѣ г. Веселовскаго стихотворенія, посвященныя Арменіи, оплакивающія ея судьбу, взывающія къ доблести ея сыновъ. Характерны въ этомъ отношеніи стихотворенія Ованнисіана („Умолкли навсегда былыхъ временъ народы"... переводъ г. Бальмонта), „Смерть воина"; изъ стихотвореній Патканьяна: „И теперь намъ молчать?!", „Армянская кровь", „Адресъ Султану отъ лица 36-ти ефенди-измѣнниковъ"; „Сатуріана"—„могучая пѣснь". Приведемъ стихотвореніе П. Туріана „Моя скорбь", въ переводѣ г. Бальмонта:

Я не о томъ скорблю, что, въ жаждѣ сновидѣній,
Источникъ думъ святыхъ изсякшимъ я нашелъ,
Что прежде времени мой нерасцвѣтшій геній
Сломился и поблекъ подъ гнетомъ тяжкихъ золъ;

И не согрѣлъ никто горячимъ поцѣлуемъ
Ни блѣдныхъ устъ моихъ, ни блѣднаго чела;
И, счастья не познавъ, любовью не волнуемъ,
Смотрю,—ужъ предо мной зіяетъ смерти мгла...

Я не о томъ скорблю, что нѣжное созданье,—
Букетъ изъ красоты, улыбки и огня,—
Не усладитъ мое послѣднее страданье,
Лучомъ своей любви не озаритъ меня...

Я не о томъ скорблю... Нѣтъ, родинѣ несчастной—
Всѣ помыслы мои... О ней моя печаль!
Не въ силахъ ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвѣстно умереть,—о, какъ мнѣ жаль, какъ жаль!

Во всякомъ случаѣ, работа г. Веселовскаго заслуживаетъ самаго живого сочувствія. Не его вина, что осуществленіе ея встрѣчаетъ еще, можетъ быть, непревзойденныя трудности. Общее впечатлѣніе

объ армянской музѣ читатель выноситъ изъ его книги, и это обезпечиваетъ послѣдней почетное мѣсто въ русской литературѣ о національномъ творчествѣ культурной Арменіи.—Евг. Л.

VII.

— Библіотека великихъ писателей. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. В. I. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1907 г. 160 стр. in gr. 8°. Ц. 1 р. 50 к.

Новое изданіе Брокгаузъ-Ефрона подъ редакціей С. А. Венгерова является продолженіемъ серіи, въ которую вошли уже Шиллеръ, Шекспиръ и Байронъ. Но планъ изданія Пушкина представляется редактору значительно шире: оно должно отвѣчать особенной полнотѣ, детальности и тщательности. Считая основной чертой—возможно болѣе полный и обстоятельный комментарій, редакція, по ея заявленію, „въ такой же степени стремится быть собраніемъ сочиненій Пушкина, какъ и изслѣдованіемъ его жизни и творчества". Соотвѣтственно съ этимъ изданіе намѣрено дать: 1) отдѣльные этюды о каждомъ моментѣ біографіи поэта; 2) этюды о тѣхъ друзьяхъ и знакомыхъ Пушкина, съ которыми онъ особенно былъ близокъ; 3) этюды о литературномъ вліяніи на Пушкина писателей русскихъ и иностранныхъ; 4) историко-литературныя введенія къ каждому изъ стихотвореній; 5) пояснительныя примѣчанія къ каждому изъ небольшихъ стихотвореній. Редакція задается цѣлью сдѣлать изъ будущаго изданія „своего рода Пушкинскую энциклопедію, гдѣ должно найти мѣсто все, что служитъ къ уясненію жизни и творчества великаго поэта". Въ связи съ общимъ планомъ изданія редакція предполагаетъ дать большое число иллюстрацій, при чемъ многое, какъ заявляется во введеніи, „разыскано для настоящаго изданія".

Трудную задачу установленія Пушкинскаго текста редакція отказывается свести къ одному какому-нибудь общему для всего изданія принципу. Предполагая дать при каждомъ томѣ объяснительную статью по исторіи текста вошедшихъ въ него произведеній, редакторъ полагаетъ, что тотъ или иной принципъ можетъ быть избранъ лишь на основаніи изслѣдованія каждаго частнаго случая. Въ отношеніи правописанія редакція предполагаетъ держаться Пушкинской орѳографіи. Нѣкоторый историческій колоритъ въ этомъ отношеніи представляется редакціи необходимымъ для того круга читателей, для котораго по преимуществу предназначается настоящее изданіе. Цѣль послѣдняго—ввести читателя въ интересы историко-литературнаго изученія.

Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ юношескія стихотворенія Пушкина (оканчиваются романсомъ „Подъ вечеръ осени ненастной",

1814 г.) съ обширными и чрезвычайно обстоятельными примѣчаніями, и рядъ статей, написанныхъ такими спеціалистами по Пушкину, какъ Б. Л. Модзалевскій („Родъ Пушкина"—въ основу положены матеріалы, собираемые авторомъ для возстановленія полной родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ), С. А. Венгеровъ („Дѣтство Пушкина"), Н. О. Лернеръ („Пушкинъ въ лицеѣ"; „Сестра Пушкина"), П. О. Морозовъ („Пушкинъ и Батюшковъ"); кромѣ нихъ дали статьи и замѣтки Е. Балобанова („Пушкинъ и Оссіанъ"), Н. Пиксановъ, З. А. Венгерова и др.

Въ художественномъ отношеніи первый выпускъ производитъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе: обиліе иллюстрацій, снимковъ съ портретовъ, съ гравюръ, временами рѣдкихъ, съ автографовъ, съ карандашныхъ и акварельныхъ рисунковъ, заставки, виньетки, концовки—все это свидѣтельствуетъ о добросовѣстной работѣ по части выбора матеріала, своею стильностью усиливающаго эффектъ историческаго колорита. Намъ хотѣлось бы видѣть больше разнообразія въ шрифтахъ, и прежде всего, чтобы текстъ стихотвореній Пушкина болѣе выдѣлялся и не тонулъ въ страницахъ обширныхъ примѣчаній и статей.—W.

VIII.

— Вопросы колонизаціи. Сборникъ статей. Редакція О. А. Шкапскаго № 1. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Подъ этимъ заглавіемъ изданъ въ свѣтъ пробный нумеръ періодическаго изданія, посвященнаго вопросамъ колонизаціи въ Россіи. Мысль о такомъ изданіи зародилась среди разбросанныхъ въ азіатской части имперіи работниковъ переселенческаго дѣла, собравшихся въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Петербургѣ. Журналъ долженъ, съ одной стороны, удовлетворить потребности самихъ работниковъ въ нравственной поддержкѣ и въ знакомствѣ „съ общимъ ходомъ переселенческаго, вѣрнѣе—колонизаціоннаго дѣла, и съ частными сторонами его"; съ другой—держать въ курсѣ переселенческаго дѣла все русское общество. Изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ статей видно, какъ широко ставятся редакціей задачи предлагаемаго изданія. Главныя статьи въ сборникѣ посвящены вопросу о столкновеніи въ степяхъ Азіи переселенцевъ изъ Россіи, ищущихъ земли для приложенія своего труда, и туземцевъ, защищающихъ степи, считаемыя ими своими, отъ захвата пришельцами. Сущность даннаго вопроса заключается въ томъ, что осѣдлый хлѣбопашецъ, гонимый малоземельемъ изъ одной части имперіи въ другую, встрѣчаетъ тамъ кочевниковъ, пользующихся огромными площадями земли и, во имя кочевого своего быта,

протестующихъ противъ занятія части ея для обработки переселенцами. Можно ли считать правильными претензіи на то, чтобы при вопіющемъ малоземельи въ однѣхъ частяхъ имперіи—въ другихъ была сохраняема роскошь кочевого хозяйства? Туземцы восточныхъ степей въ своихъ протестахъ противъ переселенцевъ основываются, впрочемъ, и на историческихъ правахъ своихъ на землю. „Требованія киргизъ—говоритъ г. Хворостянскій,—предъявленныя въ петиціяхъ представителей разныхъ волостей, идутъ по двумъ направленіямъ. Болѣе умѣренное сводится къ немедленному прекращенію переселенія и предварительному землеустройству самихъ киргизъ, съ предоставленіемъ имъ вотчинныхъ правъ на землю. Эти петиціи не сходятъ съ почвы закона 1868—91 г., объявившаго территорію государственной собственностью, и не отказываютъ государству въ использованіи остатковъ отъ землеустройства. Второе, болѣе радикальное направленіе настаиваетъ на признаніи историческихъ правъ Киргизіи, какъ окраины, и, кромѣ прекращенія переселенія, выставляетъ требованіе, по крайней мѣрѣ, о выкупѣ земель, отведенныхъ уже переселенцамъ, если не объ обратномъ выдвореніи ихъ въ предѣлы собственно Россіи“ (стр. 54).

Основаніе для благополучнаго разрѣшенія вопроса о примиреніи интересовъ пришельцевъ и туземцевъ разсматриваемый нами сборникъ находитъ въ томъ, что послѣдніе не составляютъ однороднаго цѣлаго съ однообразными у всѣхъ интересами. Подъ формой патріархальнаго быта скрываются феодальныя отношенія, причемъ интересы богатаго меньшинства заключаются въ сохраненіи ихъ экономическаго преобладанія и эксплуатаціи возможно большей площади земли; а интересы трудового большинства требуютъ упроченія ихъ положенія, какъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ. И такъ какъ азіатскіе кочевники переходятъ уже къ хлѣбопашеству, а при воздѣлываніи земли данная площадь можетъ вмѣстить большее число работающихъ, нежели въ кочевомъ быту, то и открывается полная возможность такого землеустройства, при которомъ получатъ удовлетвореніе интересы и мѣстныхъ, и пришлыхъ трудовыхъ элементовъ населенія. Существующія попытки распространенія среди кочевниковъ въ степныхъ областяхъ Сибири хлѣбопашества показываютъ, что послѣднее дѣйствительно „демократизируетъ степь, уменьшаетъ количество богачей и упрочиваетъ благосостояніе большинства. Поэтому опасенія киргизскихъ „представителей“ и киргизофиловъ, что съ потерей безграничныхъ пастбищъ для кочевого скотоводства киргизскій народъ обрекается на обнищаніе и вымираніе, основаны или на недоразумѣніи, или на побужденіяхъ, ничего общаго съ благомъ народа не имѣющихъ“ (стр. 80); (не слѣдуетъ забывать, что съ оффи-

ціальными заявленіями разнаго рода выступаютъ члены знатныхъ и богатыхъ слоевъ инородцевъ, а не сѣрая масса послѣднихъ). Въ ряду запросовъ мѣстной жизни — говорится въ другой статьѣ г. Шкапскаго—„первое мѣсто занимаетъ вопросъ о созданіи такого строя, при которомъ осѣдающій и осѣвшій киргизъ былъ бы обезпеченъ въ своихъ правахъ на землю и могъ бы вести хозяйство, не будучи зависимымъ ни отъ манапства, этого сильнаго пережитка кара-киргизскаго феодализма, ни отъ какихъ-нибудь другихъ общественныхъ классовъ, созданныхъ дифференціаціей киргизской жизни“ (стр. 47). При такой экономической политикѣ по отношенію къ туземцамъ на обширныхъ нашихъ степяхъ въ Азіи найдется мѣсто и русскимъ переселенцамъ. Переселенческій вопросъ и вопросы быта населенія нашихъ владѣній не представляются поэтому двумя отдѣльными предметами. „На переселеніе крестьянъ нельзя смотрѣть только какъ на переселеніе. Это явленіе народной жизни надо разсматривать какъ факторъ колонизаціи слабо населенныхъ и слабо использованныхъ для цѣлей народнаго хозяйства окраинъ. А разъ такъ, то нельзя игнорировать запросы этихъ послѣднихъ. Надо брать совокупность всѣхъ факторовъ мѣстной жизни, при которомъ получали бы удовлетвореніе и запросы мѣстнаго населенія и явилась бы возможность дальнѣйшаго заселенія окраинъ“ (стр. 49).

Изъ другихъ статей разсматриваемаго сборника укажемъ на статью г. Скалова: „Опытныя поля въ колонизуемыхъ районахъ“. Авторъ обращаетъ вниманіе на фактъ отсутствія изслѣдованій колонизуемыхъ районовъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, послѣдствіемъ чего является примѣненіе переселенцами несоотвѣтствующихъ пріемовъ культуры, быстрое истощеніе почвы и забрасываніе поселенцами недавно полученныхъ участковъ. Послѣдствіе нераціональнаго земледѣлія еще сильнѣе почувствуется, когда населеніе размножится. Для предупрежденія этихъ непріятныхъ явленій представляется необходимымъ, чтобы общественныя агрономическія учрежденія теперь же занялись спеціальными изслѣдованіями колонизуемыхъ степей и производствомъ агрономическихъ опытовъ въ видахъ начертанія системъ хозяйства и полеводства, отвѣчающихъ естественнымъ условіямъ мѣстности. Пора перестать смотрѣть на переселеніе въ Сибирь лишь какъ на отводный каналъ для избыточнаго земледѣльческаго населенія европейской Россіи; вновь колонизуемые районы заслуживаютъ столь же участливаго къ себѣ отношенія, какъ и прочія части обширной нашей страны. Какъ бы въ отвѣтъ на эти разсужденія, въ сборникѣ помѣщена большая статья г. Людевига о почвенныхъ изслѣдованіяхъ въ Амурской области.

Довольно много мѣста отведено въ разсматриваемомъ нами изда-

ніи хроникѣ переселенческаго дѣла. Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, замѣтку о движеніи переселенцевъ въ первую половину 1906 г. и о колонизаціонномъ фондѣ въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи. Свѣдѣнія о послѣднемъ предметѣ интересны, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что ими наглядно рисуется степень пригодности свободныхъ азіатскихъ земель для колонизаціи; изъ числа обслѣдованныхъ 45 милліоновъ десятинъ, пригодными для зачисленія въ колонизаціонный фондъ признаны всего 11 милл. дес., или менѣе 25%. Но не достаточно назначать землю для поселенцевъ; нужно еще сдѣлать удобнымъ пользованіе ею. Эта же сторона переселенческаго дѣла, какъ видно изъ другой замѣтки хроники, поставлена весьма неудовлетворительно, и причины сказаннаго авторъ видитъ въ томъ, что переселенія не были самостоятельнымъ предметомъ правительственныхъ заботъ. „За переселенческимъ вопросомъ всегда видѣли другія стороны народной жизни, и политику правительства опредѣляли взгляды на эти послѣднія, а не соображенія о наилучшемъ устройствѣ тѣхъ тысячъ крестьянъ, которые ушли изъ родной деревни и интересы которыхъ поэтому отступали на второй планъ. Заботились о возможномъ расширеніи колонизаціоннаго фонда, а о томъ, какъ новоселы будутъ справляться съ новыми жизненными условіями, не думалъ никто“ (стр. 237). Оттого-то переселенческіе участки сплошь и рядомъ оказывались лишенными дорогъ, воды и т. п., и 40% душевыхъ долей, готовыхъ для переселенцевъ къ 1906 г., остаются по этой причинѣ незанятыми. Изъ отчета о совѣщаніяхъ чиновъ переселенческой организаціи въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1906 г. мы узнаемъ, что на указанные выше недостатки переселенческаго дѣла обращено вниманіе, и совѣщаніе высказало по данному вопросу взгляды, развиваемые и въ сборникѣ статей, которому посвящена настоящая замѣтка. Переселенческое управленіе приняло эти взгляды, что̀ выразилось и въ его смѣтѣ расходовъ на 1907 г. Смѣта составлена въ суммѣ 20 милл. р.— слишкомъ въ 4 раза болѣе смѣты 1906 г. На расходы по опытнымъ полямъ назначено около 450 тыс. руб., на дорожно-строительную часть— $2^1/_3$ милл. руб., на гидротехническія меліораціи—около $1^1/_2$ милл. р., на врачебную часть—болѣе $2^1/_3$ милл. руб., на ссуды переселенцамъ— $8^1/_2$ милл. руб. Въ библіографическомъ отдѣлѣ „Вопросовъ колонизаціи“ помѣщены разборы нѣсколькихъ книгъ и статей о переселенческомъ дѣлѣ.

Закончимъ нашу замѣтку о новомъ изданіи пожеланіемъ, чтобы оно привлекло къ себѣ вниманіе общества и скорѣе превратилось въ періодическій органъ. Теперь, когда задача устройства нашего общественнаго быта изъ рукъ бюрократіи переходитъ въ руки общества, правильныя понятія общества о задачахъ колонизаціи русскихъ азіат-

скихъ владѣній и близкая его освѣдомленность о ходѣ переселенія и положенія колонизаціоннаго дѣла составляютъ необходимое условіе надлежащей постановки и разрѣшенія соотвѣтствующихъ вопросовъ.

IX.

— П. Г. Мижуевъ. Документальная исторія одной стачки. Спб. 1907. Ц. 80 к.

Эта книжка содержитъ извлеченіе изъ обширнаго и весьма обстоятельнаго доклада коммиссіи, назначенной президентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ для изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ знаменитой желѣзно-дорожной стачки въ Чикаго въ 1894 г. Содержаніе книжки составляетъ, главнымъ образомъ, выясненіе отношенія синдикатовъ капиталистовъ къ рабочему классу; и потому, что эти отношенія рисуются на данномъ конкретномъ примѣрѣ, авторъ не безъ основанія назвалъ свою книжку предметнымъ урокомъ изъ области политической экономіи. Желѣзно-дорожная стачка въ Чикаго объявлена была ассоціаціей желѣзно-дорожныхъ рабочихъ для поддержанія требованій рабочихъ пульмановскаго общества сооруженія спальныхъ вагоновъ, вступившихъ въ стачку для возстановленія нормы заработной платы, пониженной компаніей. Союзъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ рѣшилъ прекратить работу въ поѣздахъ съ пульмановскими вагонами. Это затрагивало интересы ассоціаціи желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ черезъ Чикаго или здѣсь заканчивающихся. Какія силы вступили при этомъ въ борьбу, видно изъ того, что союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ охватываетъ 150 тысячъ членовъ; а въ составъ ассоціаціи желѣзно-дорожныхъ предпринимателей входятъ 24 желѣзнодорожныхъ компаніи, общимъ протяженіемъ въ 60 тысячъ верстъ; число служащихъ на этихъ дорогахъ превышаетъ 200 тысячъ человѣкъ; капиталъ ассоціаціи равняется 4 милліардамъ рублей, а валовой доходъ— 650 милл. руб.—приближается къ бюджету немаленькаго итальянскаго королевства! Чикагская стачка, поведшая къ прекращенію движенія проходящихъ черезъ Чикаго желѣзныхъ дорогъ, считается самой разорительной изъ новыхъ стачекъ: по приблизительнымъ подсчетамъ страна потеряла отъ нея 160 милл. рублей. Борьба окончилась пораженіемъ рабочихъ, обусловленнымъ не столько, можетъ быть, мѣрами желѣзнодорожниковъ, замѣнившихъ стачечниковъ всякимъ сбродомъ, преимущественно изъ европейскихъ эмигрантовъ,—сколько вмѣшательствомъ федеральнаго суда, неожиданно примѣнившаго къ стачечникамъ законы, изданные для обузданія синдикатовъ капиталистовъ, и засадившаго руководителей стачки въ тюрьму.

Законы эти оказались безсильными для защиты общества отъ ста-

чекъ капиталистовъ—и могущественными для порабощенія капиталу рабочихъ.

Исторія чикагской стачки представляетъ тотъ общественный интересъ, что она наглядно показала, съ одной стороны, какими опасностями могутъ грозить всему обществу чисто мѣстныя, повидимому, столкновенія капиталистовъ и рабочихъ, съ другой—выяснила тенденціи организацій капиталистовъ въ отношеніи подчиненныхъ имъ рабочихъ и средства, которыя находятся въ ихъ распоряженіи для порабощенія послѣднихъ. Увѣренная въ своей силѣ, пульмановская компанія отвергла предложенія о передачѣ своего спора съ рабочими на разрѣшеніе третейскаго суда, несмотря на то, что такія предложенія исходили отъ „Федераціи гражданъ г. Чикаго", составленной изъ людей, занимающихъ выдающееся положеніе, и отъ городскихъ головъ пятидесяти большихъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ. Равнымъ образомъ и „Ассоціація желѣзно-дорожныхъ предпринимателей" отвергла предложеніе союза желѣзно-дорожныхъ рабочихъ о прекращеніи стачки на условіи сохраненія за всѣми въ ней участвующими прежнихъ мѣстъ на дорогахъ; а когда то же предложеніе, по просьбѣ союза желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, вторично было передано ассоціаціи предсѣдателемъ американской „Федераціи труда", объединяющей полмилліона рабочихъ, совмѣстно съ головою города Чикаго, представитель хозяевъ возвратилъ пакетъ, даже его не распечатавъ. Въ своихъ положеніяхъ передъ коммиссіей этотъ представитель вопросами членовъ коммиссіи приведенъ былъ къ сознанію, что дѣйствіями ассоціаціи руководило намѣреніе „сокрушить стачку". Неудивительно, если „авторитетные истолкователи американской общественной жизни считаютъ эту стачку эрой въ экономической и соціальной жизни республики, такъ какъ она показала какъ нельзя болѣе рѣзко опасность непомѣрно развившейся силы крупнаго капитала и его готовность злоупотреблять этой силой въ ущербъ жизненнымъ интересамъ народа, если онъ не встрѣчаетъ достаточнаго отпора со стороны организованныхъ рабочихъ и общественныхъ властей". Задачей коммиссіи, назначенной президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, и было указаніе средствъ для предупрежденія на будущее время распрей между капиталистами и рабочими, подобныхъ чикагской стачкѣ. Коммиссія разсматривала этотъ вопросъ лишь относительно желѣзно-дорожныхъ предпріятій и предложила учрежденіе постоянной правительственной коммиссіи для разслѣдованія раздоровъ, возникающихъ между желѣзными дорогами и ихъ рабочими, съ тѣмъ, чтобы заключенія этой коммиссіи получали, при посредствѣ суда, обязательную силу. Коммиссія, изслѣдовавшая обстоятельства чикагской стачки, высказала также мнѣніе о необходимости готовиться къ тому, что когда объединеніе

желѣзно-дорожныхъ обществъ завершится образованіемъ полудюжины компаній, распредѣлившихъ между собой всю желѣзно-дорожную сѣть—долженъ быть поставленъ вопросъ о выкупѣ дорогъ въ казну.

X.

— Статистика землевладѣнія 1905 г. Вып. I—XI. Спб. 1906 г.

Во всѣхъ разсужденіяхъ и работахъ относительно того, какъ разрѣшить крайне острый аграрный вопросъ, нашимъ партіямъ, изслѣдователямъ и отдѣльнымъ лицамъ, интересующимся предметомъ, приходится оперировать надъ устарѣлымъ матеріаломъ о землевладѣніи. Поэтому, нельзя не быть признательными директору центральнаго статистическаго комитета, ген.-маіору Золотареву, за его попытку—обновить свѣдѣнія по этому предмету. Не получивъ кредита на дѣло, г. Золотаревъ не почелъ возможнымъ собрать свѣдѣнія о землевладѣніи путемъ прежнихъ изслѣдованій этого рода, т.-е. обращеніемъ за ними къ каждому владѣльцу земли, и поручилъ доставить соотвѣтствующія данныя губернскимъ статистическимъ комитетамъ, не указывая имъ метода собиранія свѣдѣній, а лишь требуя, чтобы они обращались при этомъ къ содѣйствію казенныхъ палатъ, и чтобы свѣдѣнія были провѣрены по окладнымъ книгамъ подлежащихъ вѣдомствъ. Результатомъ такого наставленія было, что свѣдѣнія, въ большинствѣ случаевъ, повидимому, прямо выписывались изъ окладныхъ книгъ, а въ послѣднихъ значится лишь облагаемая, т.-е. удобная земля. Сказанное относится къ частному и надѣльному землевладѣнію; что же касается казенныхъ и удѣльныхъ владѣній, то въ общій итогъ они вносились полностью, т.-е. вмѣстѣ съ необлагаемыми угодьями.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что общій итогъ порайоннаго землевладѣнія, указываемый въ изданіи, заключающемъ сводку собранныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ данныхъ и названномъ въ заголовкѣ настоящей замѣтки, не есть величина однородная, выражающая что-либо совершенно опредѣленное. Къ нему, поэтому, не слѣдовало бы обращаться для какихъ-либо общихъ сопоставленій и заключеній. Но сравненіе данныхъ разсматриваемаго изданія со свѣдѣніями о количествѣ земель, обложенныхъ въ 1900 г., приведенными въ извѣстномъ статистическомъ трудѣ департамента окладныхъ сборовъ о движеніи благосостоянія сельскаго населенія, показываетъ, что новѣйшими данными центральнаго статистическаго комитета не точно рисуется площадь и облагаемыхъ надѣльныхъ земель, и земель частныхъ владѣльцевъ. Такъ, если данныя обоихъ источниковъ—относительно московской, напр., губерніи совпадаютъ, то для воронежской,

напр., или саратовской показанія центральнаго статистическаго комитета на сотни тысячъ десятинъ меньше показаній департамента окладныхъ сборовъ; а по минской губерніи площадь частныхъ владѣній въ изданіи центральнаго статистическаго комитета показана на 1, 2 милл. десятинъ болѣе, чѣмъ въ изданіи департамента окладныхъ сборовъ. Площадь облагаемой земли измѣняется не такъ быстро, чтобы различіе показаній обоихъ источниковъ, относящихся къ моментамъ времени, раздѣленнымъ всего пятью годами, могло быть объяснено естественными причинами. Остается приписать его или неточности тѣхъ или другихъ показаній,—при чемъ вѣроятность ошибки находится на сторонѣ центральнаго статистическаго комитета, а не департамента, спеціально вѣдающаго обложеніе земель,—или включенію въ разсматриваемомъ изданіи въ итогъ частнаго и надѣльнаго землевладѣнія по нѣкоторымъ губерніямъ не однихъ только облагаемыхъ угодій.

Итакъ, читатель не долженъ обращаться къ новому изданію центральнаго статистическаго комитета за свѣдѣніями относительно общаго количества земельныхъ владѣній. На этотъ счетъ ему слѣдуетъ пользоваться прежними изслѣдованіями этого учрежденія или данными (объ облагаемыхъ земляхъ) изданія департамента окладныхъ сборовъ. Интересъ разсматриваемаго изданія заключается въ свѣдѣніяхъ о распредѣленіи площади частновладѣльческой земли по сословіямъ владѣльцевъ и, главное, по величинѣ отдѣльныхъ владѣній,—предметъ, который до сихъ поръ мы должны были трактовать на основаніи матеріаловъ, относящихся еще къ 1877 году. Распредѣленіе частнаго землевладѣнія по величинѣ отдѣльныхъ владѣній проведено по сословіямъ владѣльцевъ, по владѣніямъ обществъ и товариществъ, причемъ послѣднія разсматриваются какъ цѣлыя единицы; свѣдѣній же о числѣ участниковъ въ нихъ въ разсматриваемомъ изданіи не заключается.

Разработка собраннаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ матеріала производилась по плану, предложенному директоромъ этого учрежденія. Планъ этотъ, впрочемъ, мало отличается отъ того, какой примѣнялся въ статистикѣ поземельной собственности 1877 г., за исключеніемъ категоріи надѣльнаго землевладѣнія. Послѣднее группировалось въ 1877 г. по величинѣ надѣла на ревизскую душу, а въ 1905 г.—по средней площади участка, приходящагося на одинъ дворъ. Группировать теперь надѣльное землевладѣніе по величинѣ ревизскаго надѣла значило бы повторять работу 1877 г., потому что новое надѣленіе крестьянъ землею происходило за послѣднія тридцать лѣтъ въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Распредѣленіе же общинъ по средней площади участка, приходящагося на одинъ дворъ (при условіи, что подъ послѣднимъ понимался не всякій домохозяинъ въ селеніи, а членъ

общины), даетъ намъ нѣчто новое и выражаетъ болѣе реально степень обезпеченія крестьянъ надѣльной землею, чѣмъ разсчетъ надѣла по вымершимъ уже почти ревизскимъ душамъ. Нужно только помнить,—и это совершенно ясно выражено въ таблицахъ изданія, о которомъ идетъ рѣчь,—что по величинѣ подворнаго участка группируются тамъ не домохозяева, а цѣлыя общины; что та или другая указываемая въ таблицахъ площадь двороваго надѣла не есть реальная, а средняя для цѣлой общины величина. Къ удивленію, директоръ центральнаго статистическаго комитета, составившій проектъ очерковъ землевладѣнія, прилагаемыхъ къ каждому выпуску (посвященному одной губерніи) —„Статистика землевладѣнія 1905 г.",—упустилъ изъ виду это обстоятельство, и средніе для цѣлыхъ общинъ подворные надѣлы трактуетъ какъ реальные единичные участки. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже оглавленіе изданія, заключающее, между прочимъ, такія указанія: „% крестьянскихъ *дворовъ*, имѣющихъ надѣльной земли до 5 десятинъ, отъ 5 до 10 дес. и свыше 10 дес.". Въ самомъ текстѣ средніе необщинные участки трактуются также какъ реальные единичные. „Изъ *всего числа дворовъ* до 5 дес. на дворъ имѣютъ столько-то дворовъ, и т. д.". Въ группѣ до 5 дес. „*не всѣ дворы* имѣютъ по 5 дес., многіе имѣютъ до 1 дес., и т. д.". Всякій, читающій эти строки, не можетъ понять ихъ иначе, какъ предполагая, что ими выражается распредѣленіе крестьянскихъ домохозяйствъ по количеству находящейся въ ихъ пользованіи надѣльной земли. И только тотъ, кто не удовольствуется текстомъ, а обратится къ таблицамъ, увидитъ, что подворнаго распредѣленія надѣльной земли въ разсматриваемомъ изданіи вовсе не имѣется, и число „крестьянскихъ дворовъ, имѣющихъ надѣльной земли до 5 дес., 5—10 дес. и выше 10 дес.", въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ числу дворовъ въ *общинахъ со среднимъ* семейнымъ участкомъ до 5 дес., 5 — 10 дес. и т. д.

Отдѣлъ изданія: „Важнѣйшіе Выводы", изъ котораго заимствованы вышеприведенныя выраженія, представляетъ вообще что-то совершенно несообразное. Здѣсь сопоставляются, напр., данныя трехъ разновременныхъ изслѣдованій землевладѣнія, и на основаніи этого сопоставленія рисуется судьба той или другой категоріи послѣдняго. Но при этомъ совершенно устраняется критика матеріала, собиравшагося разными методами, обнимавшаго неодинаковые элементы и не представляющагося поэтому настолько однороднымъ, чтобы выводить изъ его сопоставленія какія-либо заключенія. Выводы дѣлаются совершенно механически и вызываютъ только недоумѣніе читателя. Авторы „Выводовъ" совершенно серьезно сообщаютъ читателю, что, напр., въ минской губерніи площадь частнаго владѣнія въ 1905 г. „противъ 1887 г. увеличилась на 1.947.252 дес., или на 58,8%, а

противъ 1877 г.—на 975.672 дес., или на 22,8%", и не задаются вопросомъ—на счетъ какихъ категорій владѣній произошло увеличеніе съ 1887 г. площади частнаго землевладѣнія почти на два милліона десятинъ, если площадь надѣльнаго землевладѣнія въ это время почти не измѣнилась, а площадь казенныхъ угодій даже увеличилась? Какимъ образомъ площадь всей губерніи возросла за разсматриваемое время на 2 милл. десятинъ? Такъ какъ границы минской губ. не подвергались въ послѣднее время измѣненіямъ, то о крупныхъ приращеніяхъ ея земельной площади не можетъ быть и рѣчи. А если такъ, то отмѣчаемыя разсматриваемымъ изданіемъ рѣзкія колебанія цифръ могутъ быть отнесены единственно на счетъ полноты регистраціи землевладѣнія въ различные моменты изслѣдованія. Оффиціальные статистики, производившіе всѣ эти изслѣдованія, должны сами это знать и разъяснить читателю, а не вводить его въ заблужденіе серьезными манипуляціями надъ произвольно прыгающими цифрами съ точностью разсчетовъ до $^1/_{10}$ доли процента!

Разсматриваемое изданіе центральнаго статистическаго комитета еще разъ подтверждаетъ давно сложившееся мнѣніе объ этомъ учрежденіи, какъ о совершенно неотвѣчающемъ важности возложенныхъ на него задачъ. Оно доказываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что, при господствующемъ бюрократическомъ строѣ, ни критика дѣятельности этого учрежденія, ни замѣна одного руководителя другимъ не въ состояніи устранить основного его порока: равнодушнаго, формальнаго отношенія къ отвѣтственному дѣлу изслѣдованія различныхъ сторонъ экономической жизни Россіи, доставляющаго массовой матеріалъ для научныхъ и практическихъ заключеній разнаго рода.—В. В.

Въ теченіе февраля, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Беккеръ, К.—Самоучитель нѣмецкаго языка по новѣйшему методу. Нѣмецко-русскіе разговоры. Перновъ. 906. Ц. 50 к.

Беръ, Б. В.—Сонеты и другія стихотворенія. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Васильевъ, Н. П.—Правда о кадетахъ. 173-я тысяча. Спб. 907. Ц. 10 к.

В., В.—Государственные доходы въ Россіи сравнительно съ другими странами. Спб. 907. Ц. 20 к.

В., Д. К.—Арабески изъ кавказскихъ событій. Спб. 906.

Випперъ, Р.—„Съ востока свѣтъ". М. 907. Ц. 20 к.

Горяиновъ, С.—Босфоръ и Дарданеллы. Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ Государственномъ и Спб. Главномъ Архивахъ. Спб. 907. Съ 10-ю портретами. Ц. 2 р.

Денисюкъ, Н.—Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго. Вып. IX. 1854—1872. М. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Езерскій, Н.—Государственная Дума перваго созыва. Пенза. 907. Ц. 80 к.

Елпатьевскій, К. В.—Подробный конспектъ учебнаго курса русской исторіи. Пособіе для учащихся. Спб. 907. Ц. 50 к.

Жураковскій, Евг.—Литературно-критическіе очерки. Трагп-комедія современной жизни. О Чеховѣ, Ибсенѣ, Пшибышевскомъ, Л. Андреевѣ и о Злословіи. Приложеніе: Элленъ-Кей. „Картины мысли". М. 906. Ц. 1 р.

Знаменскій проф. П.—Православіе и современная жизнь. Полемика 60-хъ годовъ объ отношеніи православія къ современной жизни. М. 906. Ц. 30 к.

Ивинскій, Б.—Разсказы. Спб. 907. Ц. 50 к.

Кампанелла, Томасъ.—Государство Солнца. Съ лат. А. Генкель. Съ портр. автора. Спб. 907. Ц. 80 к.

Кривцовъ, С. — Элементарный учебникъ Ботаники. Съ 158 рис. Спб. 907. Ц. 50 к.

Кувшинская, Е. — Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англіи. Спб. 907. Ц. 80.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—Изъ эпохи освободительнаго движенія. Вып. II: 17 октября 1905 г.—8 іюля 1906 г. Спб. 907. Ц. 2 р.

Лавриновичъ, Ю.—Итогъ россійской конституціи. Спб. 907. Ц. 25 к.

Лейтенантъ, С.—Стихотворенія. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Липдеманъ, Вл.—Наслѣдственность и измѣнчивость, какъ причина болѣзней. Съ 41 рис. Кіевъ. 907. Ц. 1 р.

Линдъ, К.—Послѣдніе часы тюренченскаго боя. Спб. 906. Ц. 30 к.

Мигулинъ, П. П.—Русскій государственный кредитъ (1769 — 1906). Т. III: Министерство С. Ю. Витте и задачи будущаго (1893 — 1906). Вып. 5-й и послѣдній. Харьк. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Моревъ, Д. Д. — Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, сравнительно съ другими государствами. Изд. 8-е. Вып. 2. Спб. 907.

Николай Михаиловичъ, Великій Князь. — Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи, по донесеніямъ пословъ Императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812. Т. V. Спб. 907.

Никольскій, П.—Единство экономическихъ знаній. Каз. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Нитче, Фр.—Сумерки идоловъ. Спб. 907. Ц. 1 р.

Потанинъ, Г. Н. — Записки Красноярскаго Подъ-отдѣла Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества. Томскъ. 906. Ц. 3 р.

Пыпинъ, А. Н.—Исторія Русской Литературы. Т. IV: Времена Имп. Екатерины II. — Девятнадцатый вѣкъ. — Пушкинъ и Гоголь.—Утвержденіе національнаго значенія литературы. Изд. 3-е. Спб. 907. Ц. 4 р. за 4 т.

Пясецкій, Л. Я. — Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I: Дѣйствія надъ цѣлыми одночленами и многочленами. Спб. 907. Ц. 25 к.

Рыльевъ, К. Ѳ.—Полное собраніе сочиненій. Т. I: Портретъ и статьи.

Сергѣевъ-Ценскій.—I. Спб. 907. Ц. 1 р.

Тахтаревъ, К.—Отъ представительства къ народовластію. Спб. 907. Ц. 1 р.

Тихоновъ, Т.—Земство въ Россіи и на окраинахъ. Спб. 907. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Н. — О просвѣщеніи-воспитаніи и о первоначальномъ образованіи-обученіи. Избранныя мысли. М. 907. Ц. 85 к.

——— Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой. Т. VI. Спб. 907. Ц. 65 к.

Тургеневъ, Н. И. — Россія и Русскіе. Первое русское изданіе. Ч. I: Портретъ и статьи Балицкаго и Герцена. М. 907. Ц. 80 к.

Франсъ, Анатоль.—Садъ Эпикура. М. 906. Ц. 70 к.

Цукколи, Л.—Офицеры, унтеръ-офицеры, капралы и солдаты. Романъ. Перев. съ итал., съ рис.

Чернобаевъ, Евг.—Стихи. Спб. 907. Ц. 60 к.

Чернышевъ, В.—Забытые труды К. Д. Ушинскаго. Спб. 907. Ц. 20 к.

Шагановъ, В. Н.—Н. Г. Чернышевскій на каторгѣ и въ ссылкѣ. Спб. 907. Ц. 30 к.

Шекспиръ.—Трагедія о королѣ Ричардѣ II. Перев. Модеста Чайковскаго. М. 907.

Штурмъ, Р.—Бюджетъ. Перев. А. Изгоева съ 5-го изд. Съ приложен. статьи М. Фридмана: „Наше законодательство о бюджетѣ". Спб. 907. Ц. 2 р.

Шумигорскій, Е. С.—Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

——— Щукинскій Сборникъ. Вып. 6-й. М. 907.

Kurnatowski, Georges. — Esquisse d'Évolution solidariste. Paris. 1907. Стр. 95. Ц. 2 фр. 50 с.

Lehtonen, U. L.—Die polnischen Provinzen Russlands unter Katharina II, in den Jahren 1772—1782. Versuch einer Darstellung der anfänglichen Beziehungen der russischen Regierung zu ihren polnischen Unterthanen. Aus dem finnischen Original übersetzt v. G. Schmidt. Berl. 907.

— Библіографическій Обзоръ изданій по вопросу объ обезпеченіи народнаго продовольствія. Вып. 1: Обзоръ правительственныхъ изданій. М. 907. Ц. 50 к.

— Библіотека М. Горбунова-Посадова: 1) Богатырь лѣсовъ. Съ англ., ц. 40 к. 2) Маленькіе строители. Съ англ., ц. 30 к. М. 907.

— Библіотека „Просвѣщеніе": № 33. Записки рабочаго, съ предисловіемъ П. Гера. Перев. съ нѣм., съ предисл. Я. Лурье, ц. 55 к. № 34. Постоянная армія и милиція, Г. Мохе, съ франц., ц. 55 к. № 35. Монархія или республика, К. Фрома, съ нѣм., ц. 1 р. № 36. Пролетаріатъ въ Америкѣ, В. Зомбарта, съ нѣм., ц. 30 к. № 37. В. Вейтлингъ, его жизнь и ученіе, Эм. Калера, съ нѣм., ц. 35 к. № 38. Этьенъ Кабэ и икарійскій коммунизмъ, Б. Люкса, съ нѣм., ц. 65 к. Спб. 907.

— Заболѣваемость населенія Воронежской губерніи 1898—1902 гг. Т. I и II. Ворон. 906.

— Изданія „Посредника": 1) Л. Н. Толстой, Изложеніе Евангелія, ц. 15 к. 2) Его же, Что же дѣлать? ц. 3 к. 3) Пѣснь о рабочемъ народѣ, сборникъ стихотвореній, ц. 25 к. 4) Моррисонъ-Давидсонъ, Предшественникъ Г. Джорджа, ц. 30 к. 5) Женщины, разсказъ, ц. 50 к. М. 907.

— Исторія соціализма въ монографіяхъ. Предшественники новѣйшаго соціализма. Ч. I: Отъ Платона до анабаптистовъ. К. Каутскаго. Изд. 3-е, съ предисловіемъ К. Каутскаго къ этому русскому переводу. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея Военно-Учебныхъ заведеній за 1904—1905 г. XXXV-й Обзоръ. Спб. 907. Ц. 50 к.

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. XIV: Купля-продажа земель въ Европейской Россіи въ 1899 г. Спб. 907.

— Наше мѣсто въ вѣчности. Спб. 907. Ц. 50 к.

— Обзоръ отраслей промышленности въ Закавказскомъ краѣ, служащихъ

источникомъ косвенныхъ налоговъ, и поступленіе акцизнаго по краю дохода за 1905 годъ. Отчетъ Л. Л. Першке. Тифл. 906.

— Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Имп. Московскаго Университета за 1906 годъ (Ч. 1-я). М. 907.

— Первая помощь въ Спб. за 1905 г. и Отчетъ о помощи Комитета во время войны 1904—1905 г. Спб. 906.

— Статистическій Ежегодникъ 1906 г. Изд. Харьк. Губ. Земск. Управы. Харьк. 906.

— Современное состояніе сообщеній въ большихъ городахъ. Съ нѣм. М. Гюнсбургъ. Спб. 907.

— Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ, съ предварительными данными на 1905 годъ. Вып. II: 1904 годъ. Спб. 907.

— Театръ Эврипида. Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ. Въ 3-хъ томахъ, съ двумя введеніями И. Ѳ. Анненскаго. Т. I. Спб. 907. Ц. 6 р.

ЗАМѢТКА

З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. 2 изд. Спб. 1906 г.
——— Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Спб. 1905.

Въ лицѣ кн. Авалова мы имѣемъ дѣло съ молодымъ изслѣдователемъ, который уже заявилъ себя двумя работами, справедливо привлекающими къ нему вниманіе и спеціалистовъ, и большой публики. Интересъ послѣдней (1906 г.) сказывается въ томъ, что его монографія: „Присоединеніе Грузіи къ Россіи“ появилась недавно вторымъ изданіемъ и можетъ считаться настольной книгой для каждаго, будь онъ ученый или журналистъ, желающаго познакомиться и съ тѣми причинами, которыя вызвали самый фактъ присоединенія, и съ очеркомъ судебъ страны, слившей свое политическое существованіе съ нашей. Въ такихъ работахъ, какъ настоящая, главное—восходить къ прямымъ источникамъ, и князь Аваловъ сдѣлалъ это; въ приложеніи къ его работѣ помѣщены важнѣйшіе матеріалы, почерпнутые имъ частью изъ Полнаго собранія нашихъ законовъ, частью изъ грузинскихъ грамотъ, изданныхъ проф. Цагарели, частью изъ актовъ, собранныхъ кавказской археографической коммиссіей.

При случаѣ, авторъ не воздерживается и отъ болѣе общихъ заключеній, проводитъ параллели между англійскимъ и русскимъ пониманіемъ, напримѣръ, природы протектората, пользуясь при этомъ англійскими сочиненіями, такъ напр., работой Кризи: „Объ имперскихъ и колоніальныхъ конституціяхъ“. Дать хотя бы короткій очеркъ книги, задача которой—обозрѣть до нѣкоторой степени всю исторію отношеній Грузіи къ Россіи,—очевидно, нѣтъ возможности въ небольшомъ отзывѣ. Достаточно указанія, что работа сдѣлана по источникамъ изъ первыхъ рукъ и заключаетъ въ себѣ опредѣленные выводы, способные служить руководствомъ и для будущихъ нашихъ отношеній къ присоединенному нами царству. Мы имѣемъ дѣло съ добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ, а не съ компиляціей, не съ пережевываніемъ чужихъ мыслей, а съ попыткой извлечь изъ фактовъ, обстоятельно изученныхъ, совѣты и указанія для будущаго.

Тою же добросовѣстностью отличается и магистерская диссертація г. Авалова, озаглавленная „Децентрализація и самоуправленіе во Франціи“. И она написана на основаніи сырого матеріала, какимъ авторъ справедливо считаетъ не одни тексты законовъ или протоколы собраній, въ которыхъ они обсуждались, но и ту политико-адми-

нистративную литературу, въ которой впервые намѣчены были тѣ или иныя рѣшенія, проведеніе которыхъ въ жизнь выпало на долю законодателя. Обращеніе къ источникамъ изъ первыхъ рукъ не избавило г. Авалова отъ изученія общихъ историческихъ сочиненій и монографій также историческаго содержанія. И тѣ, и другія послужили ему для характеристики той жизненной обстановки, въ которой развилось законодательство о департаментскомъ, окружномъ, кантональномъ и общинномъ управленіи во Франціи.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе не съ великой революціи и ея попытокъ внести начало избирательнаго самоуправленія въ мѣстные міры, а съ того момента, когда первый консулъ Наполеонъ въ тѣсномъ общеніи съ двумя теоретиками, выдвинутыми революціонной эпохой, аббатомъ Сійэсомъ и Редереромъ, приступаетъ къ реформѣ мѣстныхъ учрежденій и дѣлаетъ попытку примирить завѣщанный старой Франціей принципъ административной централизаціи съ блѣднымъ выраженіемъ новаго, заимствованнаго изъ Англіи начала участія мѣстнаго выборнаго элемента въ управленіи. Подъ именемъ префектовъ оживаютъ старые интенданты, взамѣнъ избирательныхъ коллегій, созданіе которыхъ должно быть отнесено къ 1789-му и слѣдующимъ годамъ. Отъ иниціативы мѣстнаго населенія, такъ наглядно выступавшей въ самомъ избраніи этихъ коллегій, уцѣлѣло только право составленія списковъ рекомендуемыхъ имъ кандидатовъ, такъ-называемыхъ „listes de confiance". И эта черта, скорѣе навязанная Бонапарту его сотрудниками, чѣмъ добровольно имъ принятая, скоро исчезаетъ. Цензовыя ограниченія лицъ, призываемыхъ къ участію въ мѣстныхъ совѣтахъ, какъ въ эпоху первой имперіи, такъ и при смѣнившей ее реставраціи, дѣлаютъ и мѣстное управленіе достояніемъ одного лишь меньшинства людей зажиточныхъ и по преимуществу землевладѣльцевъ. Авторъ показываетъ, пользуясь книгою Вандаля: „О переворотѣ 18-го брюмэра", и подъ сильнымъ вліяніемъ этого сочиненія, что затѣянная Наполеономъ реформа, какъ и весь государственный переворотъ, связанный съ его именемъ, были вызваны необходимостью и послужили къ укрѣпленію власти въ странѣ. Онъ показываетъ, въ какой степени закономъ 1800 года опредѣлилось все будущее развитіе мѣстнаго управленія во Франціи съ его руководящими принципами, такъ наглядно выраженными афоризмами: „Управленіе — дѣло одного, обсужденіе—дѣло нѣсколькихъ"; или еще: „Импульсъ долженъ идти сверху, довѣріе—снизу". Законъ 1800-го года кладетъ одновременно основаніе и системѣ административной юстиціи во Франціи. Мы полагаемъ, что авторъ заблуждается, говоря, что въ дореволюціонное время значительная часть административной юстиціи вѣдалась общими судами (стр. 42). Изъ сочиненія Рудольфа Дареста: „La justice administrative en France",

жн. Авалову немудрено было бы почерпнуть матеріалъ для иныхъ заключеній. До XVII-го вѣка административная юстиція имѣла свои самостоятельные и разнообразные органы, построенные по системѣ двухъ инстанцій, а съ момента развитія власти интендантовъ она постепенно перешла въ ихъ руки и въ завѣдываніе поставленнаго надъ ними государственнаго совѣта. Наполеонъ или, вѣрнѣе, Редереръ, ближайшій участникъ реформы, вернулся не къ порядкамъ старой Франціи, а къ государственной практикѣ временъ Людовиковъ XIII, XIV и XV, возстановляя значеніе государственнаго совѣта и въ частности одного изъ его отдѣленій „Section du contentieux", какъ высшей инстанціи въ сферѣ административнаго суда, но онъ не рѣшился оставить открыто въ рукахъ преемниковъ интендантовъ—префектовъ—разбирательство дѣлъ низшей инстанціи по жалобамъ частныхъ лицъ на злоупотребленіе властей. Онъ передалъ его въ руки совѣта второстепенныхъ правительственныхъ агентовъ, совѣта, дѣйствующаго при префектѣ и извѣстнаго подъ наименованіемъ „совѣта префектуръ". По своему составу онъ такъ же зависимъ отъ власти начальника департамента, какъ наше губернское правленіе отъ власти губернатора, и представляетъ поэтому такую же слабую гарантію правосудія:

Я позволю себѣ пожалѣть, что г. Аваловъ недостаточно остановился на критикѣ этой стороны мѣстныхъ реформъ, произведенныхъ въ эпоху консульства и имперіи. Онъ не сдѣлалъ этого, по всей вѣроятности, потому, что въ русской литературѣ уже имѣется сочиненіе по этому предмету, а именно проф. Куплевасскаго: „Объ административной юстиціи во Франціи".

Изложеніе кн. Аваловымъ характерныхъ чертъ Наполеоновской реформы пріобрѣтаетъ тѣмъ бо́льшій интересъ, что онъ слѣдитъ и за зарожденіемъ реформы въ рѣчахъ Сійэса и статьяхъ Редерера и за прохожденіемъ ея черезъ различные верховные совѣты, начиная съ трибуната и заканчивая законодательнымъ собраніемъ. Обстоятельный разборъ преній даетъ автору возможность намѣтить сразу различныя теченія въ области общественной мысли по вопросамъ о преимуществахъ и недостаткахъ централизаціи и децентрализаціи. Эти теченія сказываются въ различномъ направленіи: одни приравниваютъ къ федерализму, а слѣдовательно, и къ разложенію единства и цѣлости государства всякую уступку принципу мѣстнаго самоуправленія. Другія носятъ характеръ реакціоннаго поворота въ пользу возстановленія провинціальныхъ штатовъ старой Франціи.

Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ возникаетъ по вопросу централизаціи и децентрализаціи богатая литература, связанная съ именами родоначальниковъ французскаго административнаго права, въ родѣ централиста Корнелена и такихъ горячихъ сторонниковъ самоуправляющейся

общины,—и въ меньшей степени департамента,—какъ Руайе Коларъ, Бэшаръ и Вивьенъ.

Я поставлю въ заслугу кн. Авалову близкое знакомство съ этой литературой. Оно позволило ему дать надлежащее освѣщеніе затѣяннымъ подъ ея вліяніемъ проектамъ Мартиньяка и тѣмъ законамъ 33-го и 38-го года, которые радикально измѣнили и составъ департаментскихъ совѣтовъ, и ихъ компетенцію; оно обогатило также самого автора свѣдѣніями, которыми могутъ воспользоваться его будущіе слушатели. Дѣло въ томъ, что вопросъ о централизаціи долженъ считаться кореннымъ въ исторіи всякаго административнаго права вообще и французскаго въ частности. Кто изучилъ его по сочиненіямъ писателей эпохи реставраціи и іюльской монархіи, тотъ владѣетъ ключомъ къ пониманію всего дальнѣйшаго роста доктрины такъ называемаго „droit administratif". Такъ какъ кн. Аваловъ прилагаетъ тотъ же методъ сопоставленія текстовъ законовъ съ вызвавшимъ ихъ къ жизни движеніемъ общественной мысли и тогда, когда ему приходится касаться реформъ, начало которымъ положено революціей 48-го г. съ ея уравнительной тенденціей и контръ-революціей 52-го,—такъ какъ онъ ищетъ въ сочиненіяхъ писателей конца имперіи и начала третьей республики объясненія мѣропріятій, проведенныхъ по вопросамъ мѣстнаго управленія Наполеономъ III и современной французской республикой,—закона о департаментахъ 66-го года и департаменской хартіи 71-го,—то можно сказать, что онъ по необходимости долженъ былъ познакомиться съ обширной и богатой мыслями литературой французскаго административнаго права, основныя положенія которой частью были усвоены, частью подвергнуты критикѣ нѣмецкой юриспруденціей. Я полагаю, что молодой ученый не вполнѣ использовалъ въ своей диссертаціи, необходимо ограниченной по размѣру, всего богатства изученнаго имъ матеріала, и что онъ имѣлъ бы возможность съ пользою вернуться къ нему и въ дальнѣйшихъ работахъ по сравнительной исторіи и догмѣ административныхъ учрежденій.

Максимъ Ковалевскій.

улучшить государственный и общественный строй". Такъ какъ въ программу соціалъ-демократіи вовсе не входили частичныя улучшенія государственнаго и общественнаго быта, то указаніе на подобную цѣль всѣхъ предложеній этой партіи является очевидной обмолвкой, а полное отсутствіе положительныхъ попытокъ выработать планы крупныхъ соціальныхъ реформъ установлено категорически самимъ Бебелемъ. Рабочее законодательство осуществилось безъ прямого участія и одобренія соціалъ-демократіи, потому что всѣ ея проекты и поправки отвергались, но все-таки „въ основѣ этого законодательства лежатъ наши идеи". Сомнительно однако, чтобы система страхованія рабочихъ, усвоенная германскимъ законодательствомъ, имѣла какую-либо связь съ основными идеями соціалъ-демократіи. „Соціализмъ — по словамъ Бебеля—представляетъ собою дрожжи, заставляющія гражданское общество двигаться впередъ", и въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать приводимое ораторомъ мнѣніе Бисмарка, что безъ соціалистовъ не было бы соціальной реформы. Но большая политическая партія, представляющая весьма опредѣленные интересы рабочихъ массъ, не можетъ довольствоваться ролью дрожжей для чужого тѣста; она не можетъ также ограничивать свою задачу тѣмъ, чтобы возбуждать творческую энергію другихъ партій или правительства. На этотъ разъ Бебель говорилъ вообще неудачно и сбивчиво, читалъ длинныя цитаты изъ нѣмецкихъ и иностранныхъ газетъ съ отзывами о плодотворности соціалъ-демократическаго движенія, неожиданно переходилъ отъ одного сюжета къ другому и далеко не имѣлъ обычнаго успѣха, какъ ораторъ; рѣчь его продолжалась около двухъ съ половиною часовъ, и она въ сущности ничего не объяснила и не доказала. Бебель закончилъ ее словами: „Мы будемъ дѣйствовать какъ до сихъ поръ,— впередъ во всѣхъ областяхъ! Вопреки всему будущее принадлежитъ намъ!" Въ подтвержденіе этого утѣшительнаго вывода не было, однако, приведено никакихъ данныхъ, и онъ нисколько не вытекалъ изъ самаго содержанія рѣчи; ясно только одно, что предводители соціалъ-демократіи ничему не научились и ничего не забыли. Слабость и противорѣчивость аргументаціи Бебеля обезпечили легкое торжество возражавшему ему канцлеру Бюлову; послѣдній былъ въ ударѣ, говорилъ горячо, содержательно и иногда остроумно, хотя отчасти поверхностно, и въ концѣ удостоился шумной оваціи со стороны значительной части рейхстага. По поводу страннаго увѣренія Бебеля, что соціалъ-демократія преслѣдуетъ лишь невинныя реформаторскія цѣли и не имѣетъ разрушительныхъ тенденцій, канцлеръ напоминаетъ ему какія-то грозныя фразы, сказанныя имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на партійномъ съѣздѣ въ Дрезденѣ, и дѣлаетъ отсюда заключеніе о крайней опасности соціалъ-демократическаго движенія для всего гра-

жданскаго общества; между тѣмъ, очевидно, самыя грозныя слова и фразы Бебеля не устраняютъ того указаннаго имъ безспорнаго факта, что соціалъ-демократія никогда не пыталась осуществить эти грозныя пророчества на дѣлѣ и не выходила изъ рамокъ скромной легальности въ своей практической партійной работѣ. Судить о давно существующей политической партіи слѣдуетъ по ея дѣламъ, а не по заявленіямъ ея ораторовъ; слова и фразы сами по себѣ не создаютъ никакой опасности для гражданскаго общества, а на практикѣ парламентская соціалъ-демократическая партія ничего не разрушаетъ, отлично уживается съ буржуазіею и капитализмомъ, и даже не особенно рѣзко протестуетъ противъ отжившихъ средневѣковыхъ формъ сословнаго общественно-политическаго быта. Канцлеръ Бюловъ осуждаетъ партію не за ея дѣйствія, а за ея мнѣнія; правда, онъ ставитъ ей въ вину искусственное возбужденіе взаимной вражды между рабочими и хозяевами, поддержку стачекъ, готовность подавать голосъ противъ требованій патріотизма, и т. п.,—но эти разнообразныя обвиненія не могутъ считаться серьезными. Отношенія рабочихъ къ хозяевамъ опредѣляются реальными условіями труда въ данной отрасли производства; враждебныя чувства не насаждаются тутъ извнѣ, а зависятъ всецѣло отъ фактическихъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая, отъ степени добросовѣстности и хозяйственной предусмотрительности предпринимателей, отъ нравовъ и привычекъ самихъ рабочихъ. Нѣмецкіе рабочіе, которыхъ князь Бюловъ признаетъ самыми интеллигентными въ мірѣ, не нуждаются въ постороннихъ указаніяхъ для того, чтобы знать, какъ имъ относиться къ хозяевамъ; а болѣе ясное пониманіе антагонизма между обоими классами облегчаетъ самостоятельную организацію рабочихъ для успѣшной защиты ихъ интересовъ, что̀ вовсе не вредно для отечества. Стачки служатъ нерѣдко единственнымъ возможнымъ орудіемъ борьбы противъ чрезмѣрной эксплуатаціи рабочихъ капиталистами; онѣ дозволены закономъ, и потому поощреніе и поддержка ихъ со стороны соціалъ-демократіи не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго или несправедливаго. Само правительство поощряетъ и поддерживаетъ постоянно дѣйствующія стачки крупныхъ комерсантовъ и землевладѣльцевъ противъ всего населенія, въ видѣ „союза сельскихъ хозяевъ“ и разныхъ промышленныхъ синдикатовъ, возвышающихъ цѣны необходимыхъ продуктовъ и товаровъ; тѣмъ болѣе умѣстно и законно содѣйствіе стачкамъ рабочихъ, вызываемымъ не побужденіями наживы, а борьбою за жалкое трудовое существованіе. Что касается непріятныхъ или неудобныхъ для правительства голосованій, то они могутъ иногда оказаться полезными для народа и государства; истинный патріотизмъ не совпадаетъ съ оффиціальнымъ, и никто не докажетъ, что тѣ чрезмѣрные военные кредиты,

кихъ выдвинула французская республика за время своего существованія.

Недавно вышла на французскомъ языкѣ книга г. Драганова о Македоніи и ея реформахъ („La Macédoine et les Réformes", Paris, 1906), заключающая въ себѣ убійственные матеріалы для оцѣнки пресловутыхъ дипломатическихъ заботъ о жителяхъ названной турецкой провинціи. Съ одной стороны, иностранные кабинеты вырабатывали программу реформъ, которыми имѣлось въ виду хотя отчасти улучшить положеніе безправныхъ туземцевъ-христіанъ; въ этомъ смыслѣ предприняты были извѣстныя дипломатическія мѣры, при ближайшемъ участіи Австро-Венгріи и Россіи, для устройства международной жандармеріи въ пограничныхъ округахъ, и затѣмъ установленъ международный финансовый контроль, въ видѣ особой коммиссіи при турецкомъ генералъ-губернаторѣ. Съ другой стороны, подъ покровомъ этой международной опеки, идетъ систематическое опустошеніе многихъ селъ и мѣстечекъ Македоніи, избіеніе жителей, преимущественно болгаръ, женщинъ и дѣтей. Рядомъ съ иностранной жандармеріею существуетъ турецкая полиція, дѣйствующая по своему усмотрѣнію, по указаніямъ таинственныхъ шпіоновъ и доносчиковъ; сверхъ того, участь населенія находится въ рукахъ турецкаго суда, проникнутаго тѣмъ же духомъ, какъ и полиція; а на глазахъ этихъ органовъ турецкой государственности происходятъ кровавыя сцены: вооруженные мусульмане усмиряютъ безоружныхъ христіанъ, греки воюютъ съ болгарами и разоряютъ ихъ селенія, изъ чувства племенной вражды или въ силу старыхъ взаимныхъ счетовъ, и число непокорныхъ туземцевъ все болѣе уменьшается, къ удовольствію турецкихъ властей. Значительнѣйшая часть книги г. Драганова (отъ 143 до 323 стр.) наполнена фактами и цифрами, касающимися повальныхъ грабежей и убійствъ, жертвами которыхъ были болгары. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ 1905 года убито было въ Македоніи 1010 мирныхъ болгаръ; въ томъ числѣ отъ мусульманъ и солдатъ погибло 525, отъ грековъ—451, отъ сербовъ—34 человѣка. Въ девять мѣсяцевъ 1906 года, по оффиціальнымъ даннымъ, убито 1.246 болгаръ по политическимъ мотивамъ, въ трехъ македонскихъ вилайетахъ. И это совершается въ такой турецкой провинціи, которая состоитъ подъ наблюденіемъ и покровительствомъ Европы, согласно берлинскому трактату, и гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ насаждались какія-то международныя реформы. Г. Драгановъ полагаетъ, что замаскированною цѣлью этого дипломатическаго вмѣшательства было обезпеченіе интересовъ Австро-Венгріи на основѣ принципа status quo,—причемъ совершенно излишнимъ было участіе представителей русской дипломатіи.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— Edouard Maynial. La Vie et l'oeuvre de Guy de Maupassant. Стр. 296. Paris, 1906 (Mercure de France).

Тринадцать лѣтъ прошло со смерти Мопассана, и только въ концѣ минувшаго года появилась во Франціи полная и документированная исторія его жизни. Отчасти это объясняется тѣмъ, что французы—въ противоположность нѣмцамъ—не увлекаются изученіемъ историко-литературныхъ матеріаловъ и, вообще, не создаютъ обширной ученой литературы вокругъ своихъ великихъ писателей, въ особенности когда дѣло идетъ не о старой классической литературѣ, но о современныхъ писателяхъ. Но относительно Мопассана есть еще другая, внутренняя причина, объясняющая отсутствіе біографическихъ трудовъ о немъ. Мопассанъ глубоко осуждалъ всякое любопытство къ личности писателей и считалъ, что только книги писателя—общее достояніе, личная же его жизнь должна оставаться скрытой отъ постороннихъ взоровъ. Подобно своему другу и учителю, Флоберу, онъ отстаивалъ принципъ безличности художника, возмущался, когда послѣ смерти писателя предавали гласности его переписку, протестовалъ противъ печатанія своихъ портретовъ, говоря: „публикѣ принадлежатъ наши сочиненія, а не наши лица". Изъ боязни стать самому жертвой любопытства толпы, онъ тщательно избѣгалъ въ своей перепискѣ всякой откровенности относительно себя, и затруднялъ работу будущаго біографа замкнутостью своей личной жизни. Но послѣ его смерти стало появляться множество біографическихъ свѣдѣній о немъ, воспоминаній и писемъ, и теперь наконецъ Эдуардъ Мэніаль издалъ его полную біографію, пользуясь, главнымъ образомъ, всѣмъ, что извѣстно о немъ отъ его матери, Лауры де-Мопассанъ, бывшей его вѣрнымъ другомъ, а также воспоминаніями знавшихъ его людей, письмами и документами, относящимися къ активной порѣ его дѣятельности.

Исторію жизни Мопассана біографъ тѣсно связываетъ съ исторіей его произведеній. Жизнь Мопассана была слита съ его творчествомъ; онъ твердо слѣдовалъ принципу своего учителя Флобера: „Нужно принести все въ жертву искусству; жизнь для художника только средство и ничто другое". И жизнь Мопассана, слившаяся съ его творчествомъ, тѣмъ самымъ и полна глубокаго и трагическаго интереса. Вся свѣтлая полнота ощущеній и весь ужасъ его пессими-

стическихъ откровеній, жадная любовь къ жизни и острое чувство смерти — всѣ эти основные мотивы его творчества и составляютъ ткань его личной жизни. Читая въ книгѣ Мэніаля тщательно собранные и документированные факты его жизни, съ дѣтства и до его трагической смерти, мы остаемся все время въ сферѣ его остраго, проникновенно-печальнаго творчества, его разсказовъ, повѣстей и романовъ, его лирическихъ литературныхъ исповѣдей въ формѣ путевыхъ замѣтокъ: все написанное Мопассаномъ—вмѣстѣ съ тѣмъ лично пережитое. Литературное воплощеніе своей души было для него самымъ существеннымъ въ жизни, — это доказываетъ его конецъ. Когда онъ окончательно убѣдился, что утратилъ ясность ума и способность къ работѣ, его первымъ желаніемъ было покончить съ собой, чтобы не пережить въ себѣ художника. И только вмѣшательство близкихъ отвело его руку, и онъ пережилъ еще два года мучительной агоніи, извѣдавъ до дна трагизмъ жизни.

Съ самаго ранняго дѣтства и вплоть до того времени, когда началась его душевная болѣзнь, Мопассанъ поражалъ своимъ здоровьемъ, своей физической силой и бодростью, своей воспріимчивостью къ впечатлѣніямъ жизни—и въ то же время всегда въ немъ неумолчно звучалъ голосъ, идущій изъ мрака души, открывавшей ему на каждомъ шагу бездны бытія.

Свѣтлые задатки его души развились въ немъ подъ вліяніемъ его матери. Лаура де-Мопассанъ была лучшимъ другомъ своего сына—какъ мать Гёте. Это была выдающаяся по уму и образованію женщина; въ молодости она дѣлила литературные интересы и вкусы своего брата, рано умершаго поэта, Альфреда Пуатвенъ, была дружна съ его друзьями, Флоберомъ и Луи Булье, читала и увлекалась Шекспиромъ и отличалась рѣдкой въ француженкѣ самостоятельностью сужденій. Съ Флоберомъ у нея сохранились сердечныя отношенія до его смерти, и изъ дружбы къ ней онъ принялъ такое близкое участіе въ ея сынѣ, направлялъ его первые шаги, сдѣлался его строгимъ учителемъ — и потомъ уже близко сошелся съ нимъ. Мопассанъ не былъ ни племянникомъ, ни крестникомъ Флобера, какъ обыкновенно считается. Лаура де-Мопассанъ съ дѣтства развивала литературныя наклонности сына; благодаря ей, онъ пристрастился къ чтенію и въ особенности увлекался Шекспиромъ.

Лаура де-Мопассанъ разошлась съ мужемъ и поселилась съ двумя сыновьями въ Этретà, въ своей виллѣ Вержи, — и тамъ Мопассанъ провелъ нѣсколько лѣтъ среди нормандской природы, въ постоянномъ общеніи съ моремъ и рыбаками, пользуясь полной свободой, укрѣпляя здоровье и наполняя душу впечатлѣніями природы, наблюденіями надъ безхитростной жизнью простыхъ людей. Все его дѣтство тѣсно

связано было съ природой Нормандіи, и эту природу онъ впослѣдствіи наиболѣе мастерски описывалъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ. Тамъ же, въ Нормандіи, онъ хорошо изучилъ жизнь крестьянъ и рыбаковъ и полюбилъ море. Жизнь на водѣ, среди простора, сдѣлалась впослѣдствіи его главной страстью, и чрезмѣрное увлеченіе гребнымъ спортомъ даже вредно отозвалось—такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ онъ самъ—на его здоровьи. Мать часто участвовала въ его экскурсіяхъ, бродила съ нимъ по скаламъ, и онъ оставлялъ ее только для своихъ друзей-рыбаковъ, съ которыми надолго уѣзжалъ въ море. Эта жизнь на воздухѣ очень укрѣпила его, и онъ производилъ впечатлѣніе необыкновенно здороваго и сильнаго мальчика. О своей энергіи и „жадности жизни" въ юности онъ часто вспоминалъ впослѣдствіи.

Тринадцати лѣтъ Мопассанъ поступилъ въ католическую семинарію, въ Иветò—но недолго тамъ пробылъ, такъ какъ при полномъ отсутствіи религіозныхъ настроеній атмосфера католической школы была для него невыносима. Онъ пускался на всевозможныя шалости, высмѣивалъ учителей въ стихахъ — и къ своему удовольствію былъ уволенъ изъ семинаріи и вернулся къ прежней свободной жизни въ Этретà. Дальнѣйшее его ученіе завершилось въ лицеѣ въ Руанѣ, гдѣ онъ учился съ увлеченіемъ. Онъ тогда началъ писать стихи, и его совѣтчикомъ былъ поэтъ Луи Булье; подъ его руководствомъ Мопассанъ сталъ ревностно работать надъ формой стиха, чтобы прежде всего овладѣть техническимъ совершенствомъ.

Онъ хорошо изучилъ тамъ провинціальную среду, а также деревенскій бытъ, и эти наблюденія отразились въ созданныхъ имъ впослѣдствіи типахъ. Юношескій періодъ закончился 1870 годомъ, когда Мопассанъ вступилъ солдатомъ въ дѣйствующую армію и впечатлѣнія войны дали ему матеріалъ для нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его разсказовъ. Послѣ войны онъ переѣхалъ въ Парижъ, и дальнѣйшія двадцать лѣтъ обнимаютъ всю его писательскую жизнь, причемъ десять лѣтъ прошли въ серьезной и строгой подготовительной работѣ, и только въ 1880 году онъ выступилъ въ литературѣ уже во всеоружіи созрѣвшаго таланта. Первая его вещь была напечатана, когда ему было тридцать лѣтъ. Это былъ разсказъ изъ франко-прусской войны, „Boule de suif" (Пышка). Этой выдержкѣ содѣйствовалъ главнымъ образомъ Флоберъ, заставлявшій своего ученика тщательно работать надъ стилемъ, надъ пріисканіемъ точныхъ выраженій для столь же точныхъ наблюденій.

Въ Парижѣ Мопассанъ наблюдаетъ бюрократическую среду, изучаетъ типы, которые потомъ воспроизведетъ въ повѣстяхъ. Множество разсказовъ („Наслѣдство", „Ожерелье", „По семейному" и др.) ри-

суютъ любопытные уголки чиновничьяго быта, типы людей, превращенныхъ въ машины механической службой. А пока онъ забавляетъ пріятелей при встрѣчахъ безконечными анекдотами изъ министерской жизни. Все становится для него источникомъ интересныхъ переживаній. Благодаря близости къ Флоберу, Мопассанъ сразу вступаетъ въ литературный кругъ. У Флобера онъ встрѣчалъ Золà, Додэ, писателей молодого поколѣнія натуралистовъ, — и главнымъ образомъ Тургенева, съ которымъ у него установились особенно близкія симпатіи, свидѣтельствующія о сродствѣ душъ и дарованій. Мопассанъ бывалъ также часто на непринужденно дружественныхъ собраніяхъ у Золà по четвергамъ, встрѣчался также съ Гонкурами, которые, впрочемъ, относились къ нему враждебно. Такимъ образомъ, онъ очутился въ центрѣ литературныхъ битвъ тогдашняго натурализма, который отстаивалъ себя противъ реакціонныхъ теченій въ литературѣ. Но участникомъ этихъ битвъ Мопассанъ не сдѣлался, и въ этомъ сказалась особенность его натуры. Мопассанъ былъ аристократически-замкнутымъ художникомъ, и душа его, дѣйствительно, чуждалась толпы. „Литераторской жилки"—„homme-de lettres'"изма, отличавшаго Гонкуровъ, въ немъ совершенно не было, также какъ не было воинственности Золà. Онъ былъ жрецомъ искусства, священнодѣйствовалъ, отдаваясь ему, готовился къ исполненію долга, который былъ для него единственно священнымъ въ жизни — и все жизненное, внѣшнее въ писательствѣ отталкивало ему. Для него не существовало литературныхъ школъ, направленій, онъ не зналъ единомышленниковъ, такъ же, какъ литературныхъ враговъ, не полемизировалъ, а только искалъ воплощеній для своего міропониманія, и чувствовалъ себя одинъ-на-одинъ съ міромъ.

Любовь къ непосредственному общенію съ природой спасла Мопассана отъ профессіонально-писательской жизни, отъ „кружковщины". Въ періодъ своего ученичества онъ былъ не столько „литераторомъ" и завсегдатаемъ литературныхъ салоновъ, сколько неутомимымъ гребцомъ, славившимся своей силой и ловкостью. Когда друзья, увѣренные въ его литературномъ призваніи, разспрашивали его объ его литературныхъ планахъ, онъ всегда просто отвѣчалъ: „Я не тороплюсь, я учусь моему ремеслу". И Флоберъ укрѣплялъ его въ этой выдержкѣ, заставлялъ его безъ конца работать, чтобы выработать въ немъ „индивидуальную манеру видѣть и чувствовать", упрекалъ его за все еще недостаточную усидчивость, училъ его наблюдать и мѣтко передавать наблюденія—и главное, настаивалъ на томъ, чтобы онъ не торопился печатать. Когда мать Мопассана спрашивала Флобера, не пора ли ея сыну бросить службу и заняться исключительно литературой, онъ отвѣчалъ:—„Нѣтъ, пусть онъ не будетъ неудачникомъ"..

Послѣ смерти Флобера началась творческая эпоха для созрѣвшаго таланта Мопассана. Трудно представить себѣ, вспоминая количество произведеній Мопассана, что все это написано въ десять лѣтъ. Весь періодъ его творчества обнимаетъ время отъ 1880 до 1891 года. До того онъ готовился, послѣ того онъ умиралъ—и умеръ. За эти десять лѣтъ Мопассанъ написалъ и напечаталъ шесть большихъ романовъ, шестнадцать томовъ повѣстей, три книги путевыхъ замѣтокъ и множество газетныхъ статей, не вошедшихъ въ собраніе его сочиненій. Въ теченіе восьми лѣтъ онъ издавалъ отъ трехъ до пяти книгъ ежегодно. Вся жизнь его была поглощена творчествомъ. Онъ жилъ большей частью въ одиночествѣ, поддерживая частыя сношенія лишь съ нѣсколькими друзьями, путешествуя для поддержки здоровья. Въ его сердечной жизни не было поглощающихъ привязанностей. При своемъ развѣнчивающемъ отношеніи къ жизни, къ человѣческимъ чувствамъ и страстямъ, Мопассанъ не зналъ глубокой любви; это ясно выражено въ одномъ изъ его разсказовъ, „Одиночество", гдѣ любовь изображена, какъ маска сближенія, подъ которой нѣтъ ничего, кромѣ безнадежнаго одиночества.

Внѣшняя жизнь Мопассана и въ этотъ періодъ отмѣчена все той же острой жаждой полноты и смѣны жизненныхъ ощущеній. Онъ хочетъ покорить себѣ жизнь, хочетъ безграничной свободы, хочетъ предъявить свои права на всѣ блага жизни,—и поэтому въ его огромной художественной продуктивности играетъ большую роль желаніе разбогатѣть. Онъ управляетъ всѣми денежными дѣлами съ практичностью истаго нормандца, говоритъ самъ, что хотѣлъ бы разорить всѣхъ издателей, оберегаетъ свои права, судится со всѣми, кто ихъ нарушаетъ; преслѣдуя какой-то американскій журналъ за плагіатъ, онъ ссылается на высокую цѣну, которою оплачиваются его произведенія во Франціи (каждый романъ по франку за строчку, каждый разсказъ по пятисотъ франковъ), всячески заботится о матеріальномъ успѣхѣ своихъ книгъ—и затѣмъ всѣ свои доходы тратитъ на жизнь, соотвѣтствующую его вкусамъ. Онъ построилъ себѣ виллу, куда пріѣзжалъ писать, собиралъ у себя друзей, увлекался охотой, и потомъ, главнымъ образомъ, много путешествовалъ на своей яхтѣ „Bel Ami". Исторія этихъ путешествій среди одиночества на морѣ и разныхъ встрѣчъ на берегу, разсказана въ книгахъ „На солнцѣ", „На водѣ", „Бродячая жизнь"—въ нихъ весь интимный Мопассанъ со всѣми его ощущеніями.

Въ столь обширномъ и разнообразномъ творчествѣ Мопассана, рисуетъ ли онъ нравы буржуазнаго общества или жизнь простыхъ людей среди природы, или приключенія людей, заброшенныхъ далеко отъ родины, или столкновеніе всего уродливаго и всего чистаго въ человѣческихъ душахъ — во всемъ этомъ звучатъ тѣ же двѣ струны,

только большей частью раздѣльно: или преобладаетъ внѣшняя сенсуальность, легкое прозрачное наслажденіе красотой — или обнажается дно страстей, призрачность маски красоты, ужасъ вѣчныхъ вопросовъ, мрачная загадка смерти. Это именно настроеніе все болѣе укрѣпляется въ творчествѣ Мопассана. Оно придаетъ его послѣднимъ романамъ („Наше сердце", „Сильнѣе смерти") обостренную эмоціональность, тонъ нѣжнаго сочувствія страдающимъ душамъ. И чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ сильнѣе обостряется основное настроеніе Мопассана, и мракъ принимаетъ уже болѣзненныя формы ужаса. Начинается неврастенія. Онъ пишетъ такіе разсказы, какъ „Horla", „Lui", „Qui sait" — описанія пережитыхъ ужасовъ. Читателю это могло казаться художественной символизаціей переживаній духа—но это уже были болѣзненныя галлюцинаціи, возсозданныя большимъ талантомъ.

Исторія болѣзни и смерти Мопассана описана въ книгѣ Мэніаля съ интересными подробностями, рисующими постепенное разрушеніе художника, который еще сначала боролся, а затѣмъ хотѣлъ умереть, пока сохранялъ сознаніе, но все-таки провелъ два года до своей смерти—въ 1893 г.—въ психіатрической лечебницѣ, медленно умирая отъ паралича мозга.

Біографъ Мопассана часто упоминаетъ въ своей книгѣ объ одномъ писателѣ, съ которымъ Мопассанъ ближе сходился, чѣмъ съ другими. Писатель этотъ—Тургеневъ; ему Мопассанъ читалъ свои первыя вещи, у него искалъ и находилъ сочувствіе. Эта симпатія представляетъ особый интересъ для насъ, и еще разъ указываетъ на дѣйствительную духовную близость Мопассана съ Тургеневымъ. На это уже указывалъ русскій цѣнитель Мопассана, С. А. Андреевскій, въ своемъ очеркѣ, написанномъ вскорѣ послѣ смерти Мопассана. „Учителемъ Мопассана въ художественной техникѣ былъ Флоберъ, но болѣе роднымъ по духу былъ Тургеневъ", говоритъ С. А. Андревскій. Сужденіе критика подтверждается теперь фактами, сообщенными біографомъ. Въ русской литературѣ о Мопассанѣ очеркъ г. Андреевскаго—одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ. Онъ выдвигаетъ въ Мопассанѣ его уваженіе къ дѣйствительности, придающее большую силу его пессимистическимъ изображеніямъ мѣщанской пошлости, а также вѣрно опредѣляетъ острыя настроенія Мопассана, разладъ въ его душѣ: любовь къ жизни и муку передъ тайнами жизни. Л. Толстой въ своей характеристикѣ Мопассана цѣнитъ въ немъ исключительно моралиста.

У насъ знаютъ Мопассана и цѣнятъ его—но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ вполнѣ удовлетворительнаго полнаго перевода его произведеній. Недавно вышло полное собраніе сочиненій Мопассана въ изданіи Ѳ. И. Булгакова, — но это изданіе не выдерживаетъ критики.

Есть нѣсколько переводовъ, хотя и не передающихъ красоты мопассановскаго стиля, но во всякомъ случаѣ грамотныхъ. Но что сказать о большинствѣ другихъ? Ихъ нельзя критиковать: приходится только приводить „перлы“ невѣжества. Вотъ, напримѣръ, кое-что изъ перевода „Монтъ-Оріоль“: „секретная дѣятельность железъ (sécréter—выдѣлять), подъ давленіемъ накопленнаго“ (?); или: „я постараюсь сдѣлать симпатическій призывъ къ вашей волѣ“ (je m'efforcerai de faire un appel sympatique à la votre—(volonté); „ихъ выдающееся торжество онъ считалъ справедливымъ удовлетвореніемъ ихъ униженія“ (envisageant leur triomphe éclatant comme une juste réparation de leur humiliation); „докторъ началъ аускультировать и перкутировать свою кліентку“ (ausculter et percuter sa cliente), и т. д., и т. д. безъ конца. Невѣжество переводчика доходитъ до того, что онъ, очевидно, никогда не слыхалъ имени столь популярнаго художника, какъ Теньеръ, и все время называетъ его Тенье; затѣмъ онъ говоритъ о „гравюрахъ Эпиналя“, точно Эпиналь—имя художника; онъ не подозрѣваетъ, очевидно, что images d'Epinal, соотвѣтствующія нашимъ лубочнымъ картинкамъ, изготовляются въ Эпиналѣ. А въ переводѣ „Boule de suif“ мы находимъ такія выраженія, какъ „офицеры голубыхъ гусаровъ“ и „офицеры стрѣлковъ“ (officiers aux husards bleus и aux chasseurs); или: „учтивое оружіе“ (?) (armes courtoises), „войска тянулись безъ всякаго строя“ и т. д. Прелестно также переведено ходячее выраженіе: „il ne la trouve pas drôle“, т.-е. ему это не нравится. Переводчикъ, не зная, что „elle“ относится къ подразумѣваемому histoire или plaisanterie, переводитъ: „она ему вовсе не кажется смѣшной сегодня вечеромъ“. Получается полная безсмыслица, такъ какъ никакой „она“ нѣтъ по смыслу фразы. Вотъ въ какомъ переводѣ русская публика знакомится съ писателемъ, который положилъ жизнь на совершенство стиля, который учился десять лѣтъ у Флобера, чтобы не повторять одинаковыхъ словъ слишкомъ близко одно отъ другого, чтобы разнообразить ритмъ рѣчи и т. д. Какая иронія судьбы!

II.

— Gerhardt Hauptmann. Die Jungfern vom Bischofsberg. Lustspiel. Berlin, 1907 (S. Fischer Verlag).

Новая комедія Гергарда Гауптмана „Die Jungfern vom Bischofsberg“ разочаровала даже вѣрныхъ поклонниковъ драматурга, давшаго нѣмецкой сценѣ столько оригинальныхъ и глубокихъ произведеній. На сценѣ — въ берлинскомъ „Лессингъ-Театрѣ“—она вызвала на первомъ представленіи сильные протесты, и критика ее рѣзко осудила.

Въ настоящее время она вышла въ печати, и можно судить объ ея чисто литературныхъ качествахъ. Въ чтеніи она тоже производитъ скорѣе впечатлѣніе слабой по интригѣ и наивной по комическимъ эффектамъ пьесы. Но все же въ замыслѣ ея чувствуется Гауптманъ,—чувствуется постоянный экспериментаторъ въ области драматической стихіи, какимъ Гауптманъ является во всѣхъ своихъ драмахъ. Особенность Гауптмана заключается въ томъ, что почти въ каждой своей пьесѣ онъ вступаетъ на новый путь, ищетъ новыхъ источниковъ эмоцій. Не всѣ его опыты бываютъ удачны. Въ „Флоріанѣ Гейерѣ", напримѣръ, онъ хотѣлъ создать собирательную драму толпы и замѣнилъ героическую драму картинами, въ которыхъ дѣйствуетъ безъимянная толпа, но онъ не сумѣлъ выполнить свой замыселъ съ достаточной художественной выразительностью, и драма его тоже потерпѣла пораженіе на сценѣ. Удавались же ему главнымъ образомъ драмы, въ которыхъ переплеталась грубая дѣйствительность съ заоблачнымъ идеализмомъ—какъ въ „Ганнеле", въ „Потонувшемъ колоколѣ", а также чисто психологическія драмы, отражающія освободительный процессъ души въ мірѣ. Онѣ прочно утвердились и на нѣмецкой сценѣ, и внѣ Германіи. Но внутренній міръ поэта, его стремленія обнаруживаются и въ его неудавшихся опытахъ, и въ его слабыхъ по выполненію драмахъ.

Къ таковымъ принадлежитъ, конечно, и его новѣйшая комедія. Ее слѣдуетъ разсматривать какъ новый опытъ,—и она становится тогда интересной по своему идейному замыслу. Въ разработкѣ ея сказывается почти намѣренная элементарность. Фабула примитивная, неправдоподобная: въ старинномъ замкѣ, среди живописныхъ развалинъ вблизи стариннаго города Наумбурга, привлекающаго археологовъ красотой старинныхъ зданій и памятниковъ искусства, живутъ четыре сестры, богатыя, молодыя и красивыя невѣсты. Онѣ сироты: мать давно умерла, и еще не прошло года съ тѣхъ поръ, какъ умеръ отецъ, къ памяти котораго всѣ относятся съ благоговѣніемъ. У него была душа художника, онъ понималъ красоту старины и въ особенности любилъ церковную музыку. Четыре сестры живутъ теперь подъ охраной стариковъ, брата и сестры своего отца. Вторая изъ сестеръ—счастливая невѣста молодого купца; старшая сестра все не находитъ жениховъ, потому что дядя ея слишкомъ разборчивъ, а сердечная исторія третьей, Агаты, составляетъ драматическое содержаніе комедіи. Она еще при жизни отца отдала свое сердце молодому доктору, Грюнвальду, но отецъ не согласился на бракъ, требуя, чтобы женихъ создалъ себѣ раньше твердое „положеніе" въ жизни. Грюнвальдъ уѣзжаетъ въ Америку. Агата ждетъ его, но проходитъ годъ, отецъ умеръ, а отъ Грюнвальда нѣтъ никакихъ извѣстій. Агата увѣрена что онъ ее забылъ,

и въ отчаяніи принимаетъ ухаживанія несноснаго учителя Наста, археолога, который изучаетъ старину, совершенно не понимая ея красотъ. Есть еще четвертая сестра, пятнадцатилѣтняя Людовика,—Луксъ, какъ ее называютъ сестры, — и она собственно выражаетъ идею комедіи, внося въ нее стихію веселости, разрѣшающей всѣ трудности.

Такова завязка комедіи. На фонѣ прекрасной мертвой старины разыгрывается судьба нѣсколькихъ молодыхъ существованій. Это положеніе напоминаетъ „Мертвый городъ" д'Аннунціо, съ той разницей, что тамъ дѣйствующая сила — роковой трагизмъ жизни, а тутъ—торжество любви и молодости. Идейная борьба происходитъ между мертвеннымъ педантизмомъ учителя Наста, завладѣвшаго слабой волей Агаты, въ минуты ея отчаянія, и Грюнвальдомъ, идеалистомъ, укрѣпившимся за время жизни въ Америкѣ въ своей жаждѣ свободы. Настъ—охранитель общественныхъ предразсудковъ, защитникъ традиціонныхъ взглядовъ на воспитаніе, на устои жизни,—а Грюнвальдъ мечтаетъ о будущихъ людяхъ, которые будутъ жить въ радости и опрокинутъ всѣ пугала, стѣсняющія ихъ свободу. Настъ—убѣжденный педагогъ въ старомъ духѣ; — Грюнвальдъ считаетъ всѣ теперешнія школы тюрьмами и смотритъ на нихъ какъ на проклятіе, тяготѣющее надъ жизнью націи, убивающее ея силу, красоту и радость. Школа, говоритъ онъ, должна, какъ въ древности, развивать тѣло и духъ, должна быть полна веселости и счастья, въ ней должны раздаваться звуки струнъ, пѣніе и танцы.

Кому принадлежитъ будущее—свободнымъ душамъ, признавшимъ закономъ жизни свѣтлую радость, и во имя ея уничтожающимъ преграды всѣхъ условностей, — или же ограниченнымъ старыми путами узкимъ моралистамъ съ сухой душой? Въ чемъ правда—въ живой и радостной любви, или въ долгѣ, созданномъ условной моралью? Это должно выясниться въ борьбѣ двухъ притязателей на руку и сердце Агаты. Нравственная побѣда одержана Грюнвальдомъ. Агата его любитъ и только изъ малодушія противится ему. Но въ жизни она связана. Ея путы и заключаются въ томъ, что она недостаточно вѣрила въ законъ любви и радости, что отсутствіе Грюнвальда она приняла за измѣну, что она связала себя обѣщаніями съ Настомъ, т.-е. съ мертвящимъ началомъ жизни. И жизнь сильна: Агатѣ трудно порвать съ педантомъ-учителемъ.

Въ жизни онъ всегда мучительно правъ; его доводы опираются на предразсудки приличій; онъ опутываетъ ее требованіями благодарности за оказанныя услуги, своей житейской заботливостью объ устроеніи ея дѣлъ,—и душа Агаты только скорбитъ о недосягаемомъ счастьи, о желанной свободѣ. И Грюнвальдъ слишкомъ непрактиченъ въ своемъ идеализмѣ и не умѣетъ бороться съ Настомъ въ области

воли. Онъ страдаетъ и готовъ уйти, когда Агата его отстраняетъ, дѣйствуя противъ себя во имя властныхъ законовъ жизни. Для освобожденія Агаты и Грюнвальда нужно, чтобы воплотилась въ ихъ жизни та сила, которая владѣетъ ихъ душой. И сила эта воплощается въ лицѣ шаловливой Луксъ. Образъ этой дѣвушки—наиболѣе удачный въ комедіи. Она задумана нѣсколько символично и напоминаетъ героиню другой драмы Гауптмана, „Пиппа пляшетъ". Паѳосъ Луксъ, какъ и Пиппы, въ ея страсти къ танцамъ, къ музыкѣ движеній, воплощающихъ радость ея души и въ обще-символическомъ смыслѣ—радость бытія. Луксъ танцуетъ для себя свои особые танцы, и ей тяжело отказаться отъ своей страсти даже въ годъ траура по отцѣ, котораго она горячо любила. Она танцуетъ тайкомъ, прячась отъ Наста съ его проповѣдью приличій. Сердце ея свободно, въ немъ живетъ только любовь къ радости. Ей хочется внести эту радость вокругъ себя, и она поэтому спасаетъ Агату. Она, вмѣстѣ съ своимъ сообщникомъ и товарищемъ, молодымъ скульпторомъ Отто, братомъ жениха старшей сестры, устраиваетъ шаловливую продѣлку, которая развѣнчиваетъ житейскую правоту Наста, выставляетъ его въ смѣшномъ видѣ и тѣмъ самымъ уничтожаетъ его житейскую силу. Самая эта продѣлка задумана авторомъ безъ достаточнаго юмора, и въ этомъ—главная слабость комедіи. Настъ очень самоувѣренъ и гордится своими археологическими изысканіями. Случай, какъ ему кажется, благопріятствуетъ ему, онъ готовится поразить всѣхъ сдѣланной имъ находкой,—но при этомъ попадается самымъ глупѣйшимъ образомъ. Его дурачитъ ловкій бродяга, выдавая найденный имъ крестикъ одной изъ сестеръ за находку въ старинномъ колодцѣ. Настъ давно уже памѣтилъ именно этотъ колодезь, какъ мѣсто для раскопокъ, и теперь тѣмъ болѣе увѣренъ, что найдетъ тамъ небывалыя сокровища. Онъ входитъ въ соглашеніе съ бродягой и начинаетъ изслѣдованіе колодца прежде, чѣмъ приступить къ раскопкамъ. Обо всемъ этомъ узнаютъ Луксъ и Отто и рѣшаютъ подшутить надъ ненавистнымъ имъ педантомъ. Они спускаютъ на дно старинный ящикъ, наполнивъ его съѣстными припасами: свѣжей колбасой, паштетами, виномъ и т. д. Настъ, замѣтившій какой-то предметъ на днѣ, созываетъ все общество, собравшееся на свадьбу старшей сестры, и торжественно извлекаетъ ящикъ. Своимъ научнымъ торжествомъ онъ надѣется окончательно покорить Агату, и увѣренъ, что въ этотъ день объявлена будетъ ихъ помолвка. Ящикъ открываютъ—и шутка обнаруживается. Настъ возмущенъ, всѣ рады его пораженію, и все его обаяніе разрушено. Грюнвальда и Агату послѣ этого не могутъ доискаться; наконецъ, Луксъ находитъ сестру, которая заперлась въ часовнѣ съ романтическимъ проектомъ умереть тамъ отъ отчаянія. Но къ ней является Грюнвальдъ, и все кончается

къ общему благополучію торжествомъ любящихъ, послѣ того какъ Луксъ, добрый геній всѣхъ любящихъ и радостныхъ, зачаровываетъ всѣхъ своими танцами при лунѣ. Эта сцена—наиболѣе поэтичная въ комедіи. Луксъ тутъ становится сестрой прежнихъ поэтическихъ созданій автора, его Раутенделейнъ и Пиппы, и выясняетъ символическій смыслъ комедіи.

Самое дѣйствіе пьесы слабое, въ немъ мало юмора, особенно сравнительно съ прежними живыми фарсами Гауптмана, его „Бобровой шубой“ и „Шлукъ и Яу“. Слабо очерчены дѣйствующія лица, особенно идеалистъ Грюнвальдъ, скорѣе глупый, чѣмъ слабый человѣкъ. Удачнѣе въ своей жизненной твердости Настъ. Но все-таки идейный замыселъ комедіи спасаетъ ее отъ банальности и придаетъ ей, несмотря на провалъ на сценѣ, литературный интересъ.—З. В.

ЭМИГРАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Замѣтка.

Вопросъ объ эмиграціи въ Россіи готовъ перейти въ новый фазисъ—легализаціи. До послѣдняго момента въ нашемъ отечествѣ существовало сильное эмиграціонное движеніе, но оно совершалось какъ бы подъ сурдинку. Государство оставляло его безъ вниманія, игнорируя или, лучше сказать, даже не замѣчая его. Пока наша эмиграція проявлялась въ слабыхъ размѣрахъ, такое отношеніе государства, если и не могло быть оправдываемо, то, во всякомъ случаѣ, могло быть объясняемо. Съ быстрымъ и могучимъ ростомъ эмиграціи въ послѣдніе годы такая точка зрѣнія не могла долго держаться. Государство силой вещей вынуждено было высказать свой взглядъ на то движеніе, въ которомъ стали принимать участіе сотни тысячъ его гражданъ. Отношеніе государства къ доселѣ игнорируемому имъ соціально-экономическому явленію должно было радикально измѣниться. Это измѣненіе было вызвано, главнымъ образомъ, чисто утилитарными соображеніями — стремленіемъ регулировать это движеніе такимъ образомъ, чтобы оно приносило пользу государству. Отчасти здѣсь дѣйствовали и болѣе гуманныя соображенія—нельзя же безучастно и индифферентно относиться къ тому, что сотни тысячъ людей покидаютъ свое отечество и за далекимъ океаномъ ищутъ себѣ крова и пріюта. Глубоко правъ Рошеръ, говоря, что—„уже одно простое человѣколюбіе не допускаетъ того, чтобы эмиграція была такъ же свободна, какъ свободенъ полетъ птицъ". Именно это простое человѣколюбіе и побуждало государство взять эмиграціонное движеніе подъ свой контроль.

Въ послѣднее время у насъ работаетъ междувѣдомственная эмиграціонная коммиссія, которая, вѣроятно, скоро представитъ проектъ рѣшенія эмиграціоннаго вопроса. По газетнымъ извѣстіямъ, вопросъ о легализаціи и свободѣ эмиграціи былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Естественно, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, является своевременнымъ статистическое изслѣдованіе эмиграціоннаго движенія въ Россіи. Въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ „Трудовъ Варшавскаго Стат. Комитета" (XXII,—Варш. 1906 г.) изслѣдована эмиграція изъ Царства Польскаго, гдѣ она уже успѣла свить себѣ прочное гнѣздо.

Данными этого выпуска мы и воспользуемся для предлагаемаго очерка.

Исторія эмиграціи въ Царствѣ Польскомъ насчитываетъ всего лишь нѣсколько десятилѣтій. Начало эмиграціи въ краѣ, какъ постояннаго и болѣе или менѣе замѣтнаго явленія, можно отнести ко второй половинѣ семидесятыхъ годовъ [1]). Въ это время Царство Польское переживало кризисъ, вызванный, главнымъ образомъ, замѣной мелкаго ткацкаго производства крупнымъ. Въ мѣстной промышленности совершался глубокій переворотъ на почвѣ капитализаціи народнаго хозяйства. Крупное фабричное производство, основанное на иностранные капиталы, начало быстро вытѣснять мелкое ручное ткачество. Для кустаря-ткача была не подъ силу конкурренція, и онъ долженъ былъ скоро уступить поле битвы своему болѣе счастливому сопернику. Здѣсь въ сущности повторилась та же исторія, что съ англійскими или силезскими ткачами, само собой разумѣется, въ болѣе скромномъ масштабѣ.

Первые сколько-нибудь замѣтные шаги эмиграціонное движеніе и сдѣлало среди этихъ кустарей — въ центрахъ, отличавшихся развитіемъ кустарныхъ промысловъ. Въ общемъ размѣры его были ничтожны, не превышая 1—2 тысячъ въ годъ. Начавшись съ такой скромной цифры, оно въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ стало принимать болѣе значительные размѣры подъ вліяніемъ главнымъ образомъ чисто-внѣшней причины—эмиграціонной пропаганды.

Южно-американскія государства, озабоченныя скорѣйшимъ заселеніемъ своихъ пустынныхъ земель, не жалѣли ни силъ, ни средствъ для привлеченія европейскихъ поселенцевъ на свои дѣвственныя земли. Они предоставляли эмигрантамъ даровой проѣздъ, давали пособія на первое обзаведеніе, субсидировали пароходныя компаніи, занимавшіяся перевозкой эмигрантовъ, выдавали имъ преміи, заключали съ ними договоры по поставкѣ эмигрантовъ и т. д.

Естественно, что все это чрезмѣрно способствовало развитію эмиграціонной пропаганды. И сами правительства южно-американскихъ государствъ, и субсидируемыя ими пароходныя общества, и, наконецъ, желѣзнодорожныя компаніи разсылали во всѣ концы Европы агентовъ, которые своими соблазнительными рѣчами поднимали простыхъ довѣрчивыхъ крестьянъ съ насиженныхъ дѣдовскихъ мѣстъ. Эта эмиграціонная пропаганда, ведшаяся en grand, имѣла блестящій успѣхъ. Переселенческое движеніе въ Ю.-Америку поднялось въ Европѣ въ эти три-четыре года до небывалыхъ размѣровъ.

---

[1]) *Dmowski*—Wychodstwo i osadnictwo. Lwow 1900, s. 99.

Широкое участіе въ этой эмиграціонной горячкѣ приняла и Польша. Темный, невѣжественный польскій крестьянинъ легко поддавался на удочку всякихъ фантастическихъ росказней, басенъ и ложныхъ обѣщаній. И вотъ, начиная съ 1888 г., эмиграціонное движеніе въ краѣ быстро усиливается, достигая своего кульминаціоннаго пункта въ 1890 г. (двадцать тысячъ человѣкъ слишкомъ). Въ слѣдующемъ году начинается переломъ, волна эмиграціоннаго движенія постепенно ослабѣваетъ, понижаясь въ 1894 г. до пяти тысячъ человѣкъ.

Такое затишье продолжается вплоть до 1898 г. Этотъ пятилѣтній періодъ отличается минимальными размѣрами эмиграціи. Съ конца девяностыхъ годовъ, мы вновь наблюдаемъ усиленіе переселенческаго движенія, которое съ каждымъ годомъ принимаетъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры. Оно идетъ все crescendo, достигнувъ особенно высокаго подъема въ послѣдніе два года. И повидимому мѣстное эмиграціонное движеніе далеко еще не дошло до своего конечнаго предѣла. Судя по отрывочнымъ газетнымъ извѣстіямъ, и въ прошедшемъ 1906 г. эмиграціонная горячка проявляется съ неменьшей силой, если даже не съ бо̀льшей, чѣмъ въ предшествующемъ году. То экономическое разстройство, въ которомъ находится Царство Польское, питаетъ эмиграцію, поддерживая ее на высокомъ уровнѣ. Теперь волны эмиграціи докатились и до тѣхъ тихихъ и мирныхъ уголковъ этого края, которые еще такъ недавно были совершенно непричастны къ этому движенію [1]).

Всего эмигрировало изъ Царства Польскаго съ 1890 по 1904 г. около 160 тысячъ человѣкъ [2]). Отдѣльныя губерніи принимали далеко не одинаковое участіе въ эмиграціонномъ движеніи,—по абсолютному количеству эмигрантовъ ихъ можно распредѣлить въ такомъ нисходящемъ порядкѣ:

		Въ тысячахъ.
Сувалкская	губ.	50,4
Плоцкая	„	34,5
Ломжинская	„	23,7
Варшавская	„	20,0
Калишская	„	14,7

[1]) Необходимо подчеркнуть, что колебанія въ мѣстной эмиграціи шли параллельно съ таковыми въ общеевропейской. Очевидно, Привислянскій край уже втянутъ въ водоворотъ европейской эмиграціи. Поэтому, въ отливахъ и приливахъ нашего эмиграціоннаго движенія нужно видѣть вліяніе не столько мѣстныхъ, сколько общихъ, міровыхъ причинъ.

[2]) Нужно оговориться, что цифры „Варшавскаго Статистическаго Комитета“ нѣсколько ниже дѣйствительныхъ;—это объясняется тѣмъ, что многіе изъ эмигрантовъ ускользаютъ отъ регистраціи и попадаютъ въ рубрику — неизвѣстно куда отлучившихся; на это указываетъ и сама редакція „Варшавскаго Статистическаго Комитета“.

Петроковская	„	5,8
Люблинская	„	3,6
Сѣдлецкая	„	3,4
Радомская	„	2,2
Кѣлецкая	„	0,7

Больше всего эмигрировало, за разсматриваемый періодъ, изъ сувалкской, плоцкой, ломжинской и варшавской губ. На долю ихъ приходится свыше $^4/_5$ всей мѣстной эмиграціи. Слабое участіе въ этомъ движеніи принимали губерніи кѣлецкая, радомская, сѣдлецкая и люблинская.

Какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ изслѣдуемаго пятнадцатилѣтія сувалкская и плоцкая губ. занимаютъ первыя мѣста по интенсивности эмиграціоннаго движенія. Съ особенной силой оно проявлялось среди сельскаго населенія слѣдующихъ уѣздовъ:

	Въ среднемъ ежегодно эмигрировало на 1.000 жит.
Сувалкскій (сув. губ.). .	7,2
Серпецкій (плоцк. губ.). .	6,8
Рыпинскій (той же) . .	6,7
Кольненскій (ломж. губ.).	6,7
Млавскій (плоцк. губ.). .	6,2
Кальварійскій (сув. губ.) .	5,9
Сейнскій (той же) . . .	5,6
Августовскій (той же) .	5,2

Среди городовъ, отличавшихся особенной интенсивностью переселенческаго движенія, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Августовъ — на 1.000 жит. 34 эмигранта, Кальварію—46 эмигрант., Волковышки—11 эмигрантовъ сувалкск. губ. Вообще, изъ городовъ этой губерніи ежегодно эмигрировало на 1.000 жителей — 15,4. Высокія абсолютныя цифры эмигрантовъ даютъ въ послѣдніе годы Варшава и Лодзь, что объясняется многолюдствомъ названныхъ городовъ; относительные же размѣры эмиграціи здѣсь ничтожны, не превышая для Варшавы—0,1 для Лодзи—0,2 на 1.000 жителей.

Эмиграція изъ городовъ сувалкской губ. напоминаетъ по своей силѣ ирландскую эмиграцію. Естественно, что и результаты должны были получиться сходные. Въ нѣкоторыхъ городахъ наблюдается убыль населенія за изслѣдуемый періодъ. Для иллюстраціи укажемъ эти города:

	Населеніе къ 1890 г.	Населеніе къ 1905 г. [1]).	Убыль.
Владиславовъ	4.500	3.766	— 734

[1]) См. XXII вып. „Трудовъ Варшавскаго Статистическаго Комитета“. „Состояніе населенія къ 1 января 1905 г.“ В. 1906.

Волковышки	5.662	5.123	— 539
Кальварія	10.087	7.619	— 2.468
Маріамполь	6.797	4.661	— 2.136
Прены	3.764	3.055	— 709

Всего городское населеніе губерніи убыло за это время на 555 человѣкъ. Эта скромная цифра станетъ для насъ болѣе краснорѣчивой, если мы сопоставимъ съ убылью городского населенія въ сувалкской губ. ежегодный приростъ его въ цѣломъ краѣ, равнявшійся 3,3%. Вообще, ростъ городовъ въ Царствѣ Польскомъ въ послѣднія десятилѣтія шелъ быстрымъ темпомъ.

Интенсивная эмиграція изъ сувалкской губ. обусловила медленный приростъ и сельскаго населенія. Средній процентъ ежегоднаго прироста равнялся въ ней всего лишь 0,2 при 2,1 для всего края. Причемъ, въ двухъ уѣздахъ—владиславовскомъ и кальварійскомъ—наблюдается даже убыль населенія за эти пятнадцать лѣтъ. Города и уѣзды сувалкской губ. можно смѣло назвать главными очагами мѣстной эмиграціи.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ общемъ для всего края эмиграція сказывается интенсивнѣе среди сельскаго населенія. Послѣднее давало въ среднемъ ежегодно 1,2 эмигр. на 1.000 жит., а городское—1,0. Слѣдовательно, перевѣсъ на сторонѣ сельскаго населенія, хотя и выраженный въ сравнительно небольшой пропорціи. Въ началѣ девяностыхъ годовъ этотъ перевѣсъ выражался въ болѣе значительной цифрѣ—на 1.000 жит. сельскаго населенія эмигрировало 2,5, а на то же число городского—1,8. Наоборотъ, въ концѣ изслѣдуемаго періода эмиграція среди городского населенія проявляется съ большей силой—1,8 на ту же пропорцію, среди сельскаго—только 1,4. Эта разница объясняется тѣмъ, что въ началѣ интересующаго насъ пятнадцатилѣтія эмиграція, искусственно приподнятая агитаціонной пропагандой, проявлялась главнымъ образомъ среди невѣжественнаго сельскаго населенія. Наоборотъ, въ послѣдніе годы эмиграціонное движеніе могущественно захватило мѣстные города.

Политическій и экономическій кризисъ, переживаемый Россіей, а вмѣстѣ съ ней и Привислянскимъ краемъ, чувствительнѣе отразился на городскомъ населеніи. Поэтому-то оно и начало принимать большее участіе въ переселенческомъ движеніи. Не нужно упускать изъ виду, что преобладающимъ элементомъ въ городахъ Царства Польскаго являются евреи. А для нихъ переживаемая нами тяжелая година оказалась вдвойнѣ тяжелой—въ виду еврейскихъ погромовъ, а гдѣ ихъ не было, тамъ—въ виду постояннаго страха предъ возможностью

погрома. Послѣднее обстоятельство сыграло немалую роль въ усиленіи эмиграціоннаго движенія изъ городовъ.

О направленіи мѣстной эмиграціи можно сказать одно—преобладающей является эмиграція въ Сѣверную Америку, частнѣе—въ Соединенные Штаты, поглощающіе приблизительно отъ двухъ-третей до трехъ-четвертей всѣхъ эмигрантовъ. Въ началѣ изслѣдуемаго періода довольно сильно было эмиграціонное теченіе въ Южную Америку; теперь оно совсѣмъ ослабѣло,—зато въ наши дни усилилась эмиграція въ Западную Европу. Эти измѣненія въ направленіи мѣстной эмиграціи легко объясняются тѣмъ, что мы сказали о характерѣ эмиграціоннаго движенія въ началѣ и въ концѣ изслѣдуемаго періода.

Изъ отдѣльныхъ европейскихъ государствъ особенно излюбленнымъ мѣстомъ для эмигрантовъ изъ городовъ Царства Польскаго является Англія, причемъ сюда эмигрируютъ почти исключительно одни евреи. Притягательнымъ центромъ для нихъ служитъ Лондонъ. По даннымъ англійской статистики, въ 1904 г. иммигрировало въ Англію 46 тыс. русскихъ и поляковъ, подъ которыми скрываются, главнымъ образомъ, евреи. „The Russians and Poles—предусмотрительно замѣчаетъ иммиграціонный отчетъ—consist principally of Jews“ [1]). Изъ этого числа 36 тыс. высадилось въ Лондонѣ.

Какъ извѣстно, польскіе и русскіе евреи поставляютъ въ Лондонъ кадры для системы вышибанія пота (Sweating system). Выжимальщики пота въ поискахъ за дешевой и безотвѣтственной рабочей силой выходятъ на пристань, гдѣ останавливаются эмигрантскіе пароходы и тамъ поджидаютъ свои жертвы, плывущія къ нимъ издалека въ погонѣ за призрачнымъ счастьемъ и довольствомъ.

Конечно, для Англіи усиленный приливъ такихъ эмигрантовъ представляется во всѣхъ отношеніяхъ нежелательнымъ явленіемъ. Въ цѣляхъ ограниченія его и принятъ въ прошломъ году Aliens Act, по которому не допускается высадка на англійскую территорію эмигранта, не могущаго представить доказательствъ того, что онъ имѣетъ средства къ сколько-нибудь безбѣдному существованію; а также въ случаѣ если возникаетъ опасеніе, что иммигрантъ по болѣзни или слабости ляжетъ бременемъ на общественныя средства, или вообще будетъ въ тягость обществу [2]).

Какіе классы мѣстнаго населенія принимаютъ большее участіе въ эмиграціонномъ движеніи? Главный контингентъ сельской эмиграціи составляютъ безземельные крестьяне; на ихъ долю за изслѣдуемый

[1]) Emigration and Immigration. Copy of Statistical Tables relating to Emigration. London, 1905, p. 47.

[2]) Бар. Гейкингъ, „Очеркъ иностранныхъ законодательствъ объ иммиграціи. Сборникъ консульскихъ донесеній 1906 г.“, вып. I, стр. 28.

періодъ приходится около половины всѣхъ эмигрантовъ (43%). Если же мы присоединимъ сюда еще и земледѣльческихъ рабочихъ, которые какъ по экономическому, такъ и по соціальному положенію мало чѣмъ отличаются отъ нихъ, то на указанныя двѣ группы придется больше половины всей сельской эмиграціи (57%). Сельскій пролетаріатъ во всѣхъ его видахъ и оттѣнкахъ — вотъ тотъ классъ населенія, среди котораго эмиграціонное движеніе находитъ для своего развитія благодарную почву.

Изъ городовъ эмигрируютъ преимущественно рабочіе—46%, и затѣмъ ремесленники—30%.

Данныя о распредѣленіи эмигрантовъ по семейному положенію показываютъ, что преобладающимъ элементомъ въ нашей эмиграціи являются одинокіе, что составляетъ общее правило для эмиграціи изъ всѣхъ странъ. Между прочимъ, въ мѣстной эмиграціи пропорція женатыхъ даже выше, чѣмъ, напр., въ Италіи или Ирландіи. Процентъ женатыхъ въ сельской эмиграціи выше, чѣмъ въ городской: въ первой—31%, во-второй—23%.

Сопоставляя распредѣленіе эмигрантовъ по семейному положенію съ распредѣленіемъ ихъ по занятіямъ, мы находимъ, что максимальный процентъ одинокихъ въ сельской эмиграціи даютъ безземельные крестьяне (57%) и земледѣльческіе рабочіе (54%). Наблюдается одно интересное явленіе: несмотря на сравнительно высокій процентъ въ сельской эмиграціи женатыхъ (31%), процентъ несамостоятельныхъ членовъ семьи—низокъ (17%). Очевидно, женатые переселяются или безъ семей, или только съ небольшими семьями. Нерѣдко главы семействъ, оставляя жену съ дѣтьми дома, переселяются одни, и только устроившись окончательно на новыхъ мѣстахъ, выписываютъ къ себѣ и свои семьи.

Среди городской эмиграціи наблюдается обратное явленіе — процентъ несамостоятельныхъ членовъ семьи равняется проценту женатыхъ (23%). Объясненія этого факта нужно искать въ томъ, что въ городской эмиграціи преобладающимъ элементомъ являются евреи, которые вездѣ даютъ высокій процентъ семейной эмиграціи. Справедливость нашей догадки подтверждается тѣмъ, что максимальный процентъ несамостоятельныхъ членовъ семьи даютъ именно ремесленники, куда исключительно почти входятъ одни евреи. Слѣдуетъ отмѣтить, что и лица либеральныхъ профессій даютъ довольно высокій процентъ семейной эмиграціи. Одиночная эмиграція чаще всего встрѣчается среди городскихъ рабочихъ (65%).

Изъ распредѣленія эмигрантовъ по вѣроисповѣданіямъ видно, что около $^4/_5$ всей эмиграціи приходится на долю католиковъ; за ними слѣдуютъ евреи, протестанты и православные со старообрядцами.

Эмиграція православныхъ и старообрядцевъ (въ среднемъ ежегодно около 57 чел.) идетъ почти исключительно изъ одной сувалкской губ. На 1.000 жит. сельскаго населенія эмигрировало протестантовъ—1,8, евреевъ—1,7, католиковъ—0,9 и православныхъ—0,1; среди горожанъ евреевъ—1,5, католиковъ—0,8, протестантовъ—0,6 и православныхъ—0,2. Наиболѣе интенсивно эмиграція проявляется среди еврейскаго населенія, какъ сельскаго, такъ и городского. Высокую пропорцію въ сельской эмиграціи даютъ и протестанты. У православнаго населенія мы находимъ минимальную пропорцію эмигрантовъ.

Выяснивъ размѣры, направленіе и составъ мѣстной эмиграціи, мы перейдемъ къ опредѣленію тѣхъ причинъ, которыми она вызывается. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Привислянскій край своей густотой населенія рѣзко выдѣляется изъ всей Россіи. По послѣднимъ даннымъ, плотность населенія на 1 кв. версту для всего края равнялась—104 чел. По насыщенности своей территоріи Царство Польское приближается къ западно-европейскимъ странамъ.

При такой густотѣ населенія въ краѣ насчитывается около 1 милл. безземельнаго населенія. Рядомъ съ этимъ низшимъ слоемъ сельскаго пролетаріата имѣется и другой не менѣе многочисленный классъ малоземельныхъ крестьянъ. По даннымъ „Варш. Ст. Комитета", карликовыя хозяйства до $1^1/_2$ дес. составляли въ краѣ 16%.

Положеніе малоземельныхъ крестьянъ подчасъ бываетъ хуже простыхъ сельскихъ батраковъ. Клочокъ земли, не обезпечивающій существованія, прикрѣпляетъ крестьянина къ землѣ, лишая его возможности принять участіе въ болѣе отдаленныхъ отхожихъ промыслахъ. Для такого крестьянина, не желающаго бросать своей усадьбы на произволъ судьбы, районъ приложенія труда ограничивается мѣстнымъ рынкомъ, и, конечно, ему не приходится быть особенно разборчивымъ.

Спросъ на рабочія руки въ Царствѣ Польскомъ далеко не покрываетъ всего предложенія. Въ Россіи существуетъ представленіе о высоко-развитой фабрично-заводской промышленности въ Привислянскомъ краѣ, но оно не совсѣмъ точно.

Такое представленіе вѣрно только въ отношеніи двухъ губерній—петроковской и варшавской; въ первой занято фабричнымъ трудомъ 126 тыс. рабочихъ, во второй—35 тыс. Въ остальныхъ губерніяхъ фабрично-заводская промышленность развита весьма слабо; такъ, напримѣръ, въ сувалкской губерніи, отличающейся особенной интенсивностью эмиграціоннаго движенія, занято на фабрикахъ и заводахъ всего лишь 2,5 тыс. чел. Естественно, что при такихъ условіяхъ за-

работки населенія на мѣстахъ ничтожны. По даннымъ 1900 г., поденная плата сельскихъ рабочихъ на своихъ харчахъ равнялась для мужчинъ 34 коп., для женщинъ—24 коп. [1]). Невысоки заработки и сроковыхъ рабочихъ. Такъ, семейные фольварочные рабочіе получали въ годъ всего лишь 22 руб. Правда, къ этому присоединялось еще вознагражденіе натурой—квартиры и нѣкоторые продукты, но въ общей сложности это немногимъ превыситъ сто рублей. Одиночные рабочіе на хозяйскихъ харчахъ получали, въ среднемъ, въ годъ мужчины — 36 руб., женщины—26 руб.

Само собой разумѣется, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ обезпеченія населенія мѣстными заработками, должны были развиться заграничные отхожіе промыслы. По оффиціальнымъ даннымъ, въ отходѣ за-границу ежегодно принимаетъ участіе около 150 тыс. человѣкъ. Между прочимъ, существуютъ отхожіе промыслы и въ Америку. Послѣдній видъ отхода и создаетъ благопріятную почву для заатлантической эмиграціи.

„Отхожіе промыслы,—вѣрно замѣчаетъ проф. Симоненко,—являются чаще всего первымъ фазисомъ эмиграціи, подготовляя къ ней населеніе, которое путемъ отхожихъ промысловъ ознакомливается съ болѣе выгодными условіями жизни въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда оно ходитъ сначала на временные заработки“.

Чрезмѣрная густота населенія, высокій процентъ безземельныхъ и малоземельныхъ, слабое развитіе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ фабрично-заводской промышленности, отсутствіе кустарныхъ промысловъ или зачаточное состояніе ихъ, низкіе заработки на мѣстахъ, близость границы въ связи съ удобствомъ передвиженія, эмиграціонная пропаганда—вотъ вкратцѣ тѣ причины, которыми вызывается мѣстная эмиграція.

Усиленіе эмиграціи въ послѣдніе годы всецѣло было обусловлено разстройствомъ нашей политической и экономической жизни. Рядъ забастовокъ, ставшихъ хроническимъ явленіемъ въ краѣ, совершенно подорвалъ мѣстную промышленность.

Одни фабрично-заводскія предпріятія должны были прекратить свою дѣятельность, другія сократили производство и, наконецъ, третьи вынуждены работать нерегулярно. Все это значительно увеличило резервную армію труда. Кадры безработныхъ удвоились и даже утроились. Нищета, широко распространившаяся среди рабочаго класса, и усилила заокеанскую эмиграцію. По словамъ польскихъ газетъ, изъ рабочихъ кварталовъ г. Варшавы (Черняковская улица, Солецъ и др.)

---

[1]) Ср. XX вып. „Тр. Варш. Стат. Комитета“. Вып. 1905 г. „Заработная плата“, стр. 1, 35, 37.

чуть не ежедневно уѣзжаютъ рабочіе за-границу, чтобы эмигрировать въ Америку, оставляя свои семьи на произволъ судьбы. Жены эмигрантовъ уѣзжаютъ съ дѣтьми въ деревню, а если этого нельзя сдѣлать, то живутъ въ Варшавѣ нищенствомъ. Дѣйствительно, на улицахъ Варшавы нищенство возросло до чрезвычайныхъ размѣровъ.

Если теперь рабочій эмигрируетъ въ виду нужды, то болѣе состоятельный классъ выселяется изъ края изъ-за политическихъ неурядицъ. Случаи такой эмиграціи наблюдаются чаще среди евреевъ. Полная необезпеченность жизни, имущества—побуждаетъ болѣе состоятельныхъ людей искать спасенія за-границей, причемъ многіе изъ нихъ не временно уѣзжаютъ изъ Россіи, а покидаютъ ее навсегда, т.-е. являются въ полномъ смыслѣ эмигрантами, а не туристами. Пока нѣтъ еще признаковъ того, что жизнь нашего отечества скоро войдетъ въ нормальную колею; слѣдовательно, мѣстная эмиграція будетъ идти въ такомъ же темпѣ, какъ и раньше. Съ того момента, когда станетъ проясняться политическій горизонтъ, начнется и пониженіе эмиграціонной волны.

Мы здѣсь не касались причинъ, лежащихъ по ту сторону океана. Они, безъ сомнѣнія, оказываютъ громадное вліяніе на приливы и отливы нашего эмиграціоннаго движенія. Эти причины уже достаточно выяснены въ литературѣ; въ данномъ случаѣ насъ интересовали причины, лежащія въ экономической и соціальной жизни мѣстнаго края. Дѣло въ томъ, что отдаленныя внѣшнія причины могутъ воздѣйствовать только при наличности благопріятныхъ условій на мѣстѣ.

Ни сувалкская, ни плоцкая губ. не отличаются особенной густотой населенія.—Въ первой плотность населенія на одну кв. версту равняется 57 чел., во второй—81; какъ видимъ, плотность ниже средней для всего края (104 чел.).

„Главными причинами максимальныхъ размѣровъ эмиграціи изъ сувалкской губ.,—говоритъ проф. Симоненко,—по сравненію съ другими губерніями края, являются не столько экономическія условія жизни населенія, сколько болѣе раннее возникновеніе въ ней эмиграціи, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ“ [1]). Такое объясненіе намъ кажется чисто внѣшнимъ, оно не проникаетъ вглубь изслѣдуемаго явленія.

Сувалкская губ., лежащая далеко на сѣверо-востокъ отъ остальныхъ губерній края, по своимъ какъ географическимъ, этнографическимъ, такъ и экономическимъ особенностямъ ближе подходитъ къ сосѣдней Литвѣ, чѣмъ къ Польшѣ. Это губернія чисто земледѣльческая, съ

---

[1]) XIX вып. „Трудовъ Варш. Стат. Ком.“. „Отчетъ Главнаго Редактора“. Варшава, 1903. Стр. 36.

весьма слабо притомъ развитой фабрично-заводской промышленностью.

Кустарные промыслы существуютъ, но, лишенные рынковъ сбыта, они не могутъ имѣть сколько-нибудь серьезнаго значенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Кустарныя издѣлія находятъ употребленіе почти исключительно въ собственномъ хозяйствѣ производителей.

Въ виду слабаго развитія городовъ, которымъ эта губернія рѣзко выдѣляется изъ всего края, мѣстное населеніе имѣетъ самые ничтожные городскіе заработки. При отсутствіи крупныхъ городскихъ и промышленныхъ центровъ нѣтъ спроса на извозный промыселъ, вообще имѣющій такое громадное значеніе въ крестьянскомъ обиходѣ.

Наличность всѣхъ этихъ условій и дѣлаетъ то, что въ этой губерніи мы имѣемъ типичный случай аграрнаго перенаселенія, несмотря на сравнительно невысокую плотность населенія. Къ тому же, сувалкская губ. является одной изъ наиболѣе лѣсистыхъ въ краѣ; въ ней около $^1/_4$ пространства подъ лѣсами. При большемъ количествѣ земли подъ лѣсами и водами, а также при значительномъ количествѣ земель неудобныхъ (пески, болота и заболоченные луга) для обработки, дѣйствительная плотность населенія, вычисленная въ отношеніи пространства земли пахотной и луговой, окажется для сувалкской губ. большей, чѣмъ при обыкновенномъ способѣ вычисленія ко всему пространству. Наконецъ, указанная губернія не отличается и особымъ плодородіемъ почвы; особенно это нужно сказать относительно южныхъ ея уѣздовъ. Замѣтимъ еще, что „уровень сельскохозяйственнаго знанія и умѣнья, какъ указывается въ „Трудахъ Сувалкскаго Сельскохозяйственнаго Комитета“, въ массѣ населенія настолько низокъ, что въ большинствѣ мѣстностей сувалкской губ. сельскохозяйственная техника почти не вышла еще за предѣлы устарѣлыхъ пріемовъ первобытнаго сельскаго хозяйства“.

При такихъ общихъ неблагопріятныхъ условіяхъ и та плотность, которая существуетъ теперь въ сувалкской губерніи; уже создаетъ аграрное перенаселеніе. Излишку населенія некуда дѣваться: остается одинъ источникъ существованія—отхожіе промыслы. Но дѣло въ томъ, что сосѣднія губерніи не могутъ похвалиться особой высотой заработковъ. Гродненская, виленская и ковенская губ. мало чѣмъ отличаются отъ сувалкской губ.; если онѣ и предъявляютъ нѣкоторый спросъ на рабочія руки, то въ сравнительно небольшомъ размѣрѣ. По послѣднимъ даннымъ, изъ сувалкской губ. выходитъ на заработки въ Россію ежегодно около 3 тыс. человѣкъ. Съ другой стороны, и восточная Пруссія, граничащая съ ней, также не предъявляетъ большого спроса на трудъ: отходъ въ Германію изъ сувалкской губ. выражается въ еще болѣе скромной цифрѣ ($1^1/_2$ тыс. чел.).

Естественно, что при такихъ условіяхъ эмиграціонное движеніе должно было найти здѣсь особенно благопріятную для себя почву.

Къ указаннымъ экономическимъ причинамъ нужно присоединить и такія чисто внѣшнія условія, какъ близость балтійскаго побережья, болѣе раннее возникновеніе эмиграціи и, слѣдовательно, большее ознакомленіе съ ней населенія. У жителей этой губерніи больше связей съ Америкой, больше знаній и больше опыта въ данномъ отношеніи.

Кстати сказать, въ этой же губерніи впервые появились и заатлантическіе отхожіе промыслы. Проф. Симоненко еще въ девяностыхъ годахъ обратилъ вниманіе на эти промыслы. Въ послѣдніе годы въ нихъ принимало участіе около 2 тыс. человѣкъ. На заработки въ Америку обыкновенно отправляются небольшими группами, организованными на артельныхъ началахъ.

„Вотъ сорокъ молодыхъ людей, возвращающихся изъ С.-Штатовъ. У нихъ есть свой вожакъ. Если какая гостинница приметъ къ себѣ вожака,—она принимаетъ съ нимъ и всю его партію. Всѣ они слѣдуютъ за нимъ, какъ овцы за пастыремъ. Видите ли вы эту женщину, которая идетъ съ огромной ношей на спинѣ? Она готовитъ для работниковъ кушанье и перетаскиваетъ ихъ невзрачные пожитки. Въ каждой группѣ изъ десяти человѣкъ есть такая стряпуха. Что это за люди? Это поляки, люди обыкновенно молодые и почти всегда невѣжественные. Скопивъ значительное количество денегъ въ С.-Штатахъ, они потомъ возвращаются въ Польшу каждую осень и остаются у себя на родинѣ до тѣхъ поръ, пока въ слѣдующую весну снова не предъявится въ Америкѣ спросъ на нихъ. Изъ Польши въ Бременъ они переѣзжаютъ обыкновенно въ вагонахъ IV класса за пониженную плату съ прокормомъ, подобно тому, какъ провозится скотъ. Даже при низкой заработной платѣ они могутъ богатѣть, питаясь свининой, черствымъ хлѣбомъ, и являются страшными соперниками для американскихъ рабочихъ“. Въ этомъ описаніи, не лишенномъ ироніи, мѣтко схвачены характерныя черты нашего отхода.

Отхожіе промыслы въ Америку и заатлантическая эмиграція идутъ въ сувалкской губ. параллельно, какъ два источника, взаимно питая и поддерживая другъ друга.

Интенсивная эмиграція изъ плоцкой губ. зависитъ также отъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій, спеціально присущихъ этой губерніи. Безземельные крестьяне въ ней составляютъ около одной пятой части всего сельскаго населенія. Плоцкая губ. занимаетъ первое мѣсто по относительному количеству безземельныхъ крестьянъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она выдѣляется изъ остальныхъ губерній и высокимъ процентомъ малоземельныхъ. Какъ мы выше указали, положеніе малоземельныхъ крестьянъ не лучше, если даже не хуже положенія безземель-

ныхъ. Изъ этихъ двухъ категорій сельскаго населенія и набирается главный контингентъ эмигрантовъ. Между прочимъ, плоцкая губернія выдѣляется въ краѣ еще интенсивностью отхода на заработки въ Германію.

Какое же значеніе имѣетъ эмиграція для мѣстнаго края? Намъ кажется, что оно является скорѣе благопріятнымъ. Эмиграція отвлекаетъ излишекъ населенія, не находящаго на мѣстѣ приложенія своему труду. Это своего рода предохранительный клапанъ, разрѣжающій слишкомъ сгущенную атмосферу. Благодаря такому отливу населенія, положеніе остающихся дома нѣсколько облегчается. Что наше предположеніе не голословно, сошлемся на фактъ. Наблюдается въ послѣднее время въ краѣ сокращеніе мелкихъ хозяйствъ, и увеличеніе за счетъ ихъ среднихъ объясняется выселеніемъ малоземельныхъ крестьянъ [1]). Послѣдніе, переселяясь въ Америку, продаютъ свои земельные участки односельчанамъ. И такимъ образомъ улучшается положеніе хотя нѣкоторыхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Эмиграцію въ этомъ отношеніи не безъ основанія сравниваютъ съ расчисткой густо-поросшаго лѣса или сада: подобно тому, какъ здѣсь удаленіе нѣкоторыхъ деревьевъ даетъ больше свѣта и воздуха остальнымъ, такъ и въ эмиграціи выселеніе извѣстнаго числа индивидуумовъ дастъ больше простора оставшимся.

Этимъ экономическое значеніе мѣстной эмиграціи не исчерпывается. Эмигранты, обжившись на новыхъ мѣстахъ, помогаютъ своимъ сородичамъ деньгами и нерѣдко въ значительныхъ суммахъ. Трудно даже приблизительно сказать, сколько присылается въ край денегъ эмигрантами; но на основаніи одного факта можно думать, что получается ежегодно не маленькая сумма. По свѣдѣніямъ, собраннымъ канцеляріей генералъ-губернатора чрезъ почтовыя управленія еще въ 1890 г., за пять мѣсяцевъ было выслано почти изъ одной Сѣверной Америки въ шесть пограничныхъ губерній около 240 тыс. руб. Помимо почтовыхъ учрежденій, немало денегъ, вѣроятно, пересылается и чрезъ банки.

Въ общемъ, наши эмигранты въ Америкѣ устраиваются недурно. Они успѣли основать цѣлыя польскія колоніи, гдѣ имѣются школы, библіотеки, газеты на польскомъ языкѣ и т. д. Среди эмигрантовъ замѣтно сильное стремленіе къ сохраненію своей національности.

Само собой разумѣется, что сказанное здѣсь о значеніи эмиграціи не относится къ той эмиграціи, которая вызывается политическими

---

[1]) См. XXI вып. „Тр. Варш. Ст. Комитета". В. 1905. „Общіе выводы", стр. 19. „Уменьшеніе числа малоземельныхъ хозяйствъ въ пяти пограничныхъ губ. произошло подъ вліяніемъ главнымъ образомъ заатлантической эмиграціи".

мотивами, какъ, напр., у насъ теперь. Она можетъ быть прямо гибельной для страны.

Въ заключеніе укажемъ на настоятельную необходимость законодательнаго регулированія промысла эмиграціонныхъ агентовъ. Это—зло нашей эмиграціи. Здѣсь царствуетъ широкая безнаказанная эксплуатація на почвѣ безпросвѣтной темноты и невѣжества нашихъ выходцевъ. Замѣтки о подобнаго рода эксплуатаціи часто попадаются въ провинціальной печати. „Агенты — пишетъ одинъ корреспондентъ—обѣщаютъ эмигрантамъ всевозможныя удобства при проходѣ границы и на пароходѣ, отнимаютъ у нихъ деньги и затѣмъ, пользуясь неопытностью эмигрантовъ, бросаютъ ихъ на какомъ-нибудь пограничномъ пунктѣ на произволъ судьбы". Подобные случаи далеко не единичное явленіе. На эту больную сторону эмиграціоннаго вопроса наше будущее эмиграціонное законодательство должно обратить самое серьезное вниманіе.

К. Воблый.

Варшава.

ЗЛОСТНОЕ ПОКУШЕНІЕ НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ ИВ. С. ТУРГЕНЕВА.

Совершенно случайно мы узнали изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 25, 1 февр. 1907 г.), что въ одной нѣмецкой газетѣ, именно, „Frankfurter Zeitung“, съ мѣсяцъ тому назадъ, напечатано письмо къ редактору этой газеты, подписанное именемъ „г-жи Герритъ-Віардо, дочери знаменитой Полины Віардо“. При жизни Тургенева, мы знали только двухъ дочерей г-жи Віардо, и обѣ онѣ были уже замужемъ: одна изъ нихъ—m-me Chamerot, другая—m-me Duvernoy. Оказывается теперь, что у г-жи Віардо была еще дочь — г-жа Герритъ, авторъ упомянутаго письма; въ этомъ письмѣ она увѣряетъ, будто Тургеневъ прожилъ въ домѣ Віардо, „съ полнымъ комфортомъ“, тридцать лѣтъ и за все это время не платилъ и даже не пытался платить хозяевамъ, хотя тѣ,—по замѣчанію г-жи Герритъ,—были бы не прочь отъ платы... „Тургеневъ—пишетъ далѣе г-жа Герритъ,—умеръ послѣ полуторагодичной болѣзни; ему и въ голову не пришло поблагодарить *насъ* за въ высшей степени тяжелый, утомительный и дорогой уходъ за нимъ, завѣщавъ намъ хотя бы часть своего крупнаго состоянія. Его милліоны (!!!) унаслѣдовала старая кузина, которой онъ никогда не зналъ, и у которой безъ того были свои милліоны“...

Еслибы г-жа Герритъ-Віардо рискнула все это выразить двадцать-три года тому назадъ, вслѣдъ за смертью Ивана Сергѣевича, то это вызвало бы одинъ взрывъ всеобщаго негодованія, который былъ бы вмѣстѣ и отвѣтомъ на ея инсинуаціи; но она тогда, очевидно, и не рѣшилась на подобный подвигъ и дала пройти чуть не цѣлой четверти вѣка, чтобы открыто покуситься запятнать чѣмъ-нибудь великую память Тургенева, въ надеждѣ на вторую половину извѣстной поговорки, а именно, что, во всякомъ случаѣ,—il en reste toujours quelque-chose!

Но намъ нежелательно, чтобы и „что-нибудь“ могло оставаться отъ такого недостойнаго покушенія на память Ив. Серг. Тургенева, какое позволила себѣ сдѣлать г-жа Герритъ-Віардо: все, что намъ могло быть извѣстно, и въ особенности наши личныя воспоминанія о послѣднихъ дняхъ жизни Ив. С., напечатанныя въ свое время („Вѣстникъ Европы“, окт. и ноябрь 1883 г.), а также несомнѣнные и притомъ письменные документы превращаютъ все опубликованное

г-жею Герритъ въ „Frankfurter Zeitung"—въ жалкій плодъ ничѣмъ не обузданной фантазіи.

Еще не прошло и сутокъ съ минуты смерти Тургенева, какъ мы могли рано утромъ 23-го сентября явиться на виллу „Les Frênes", въ Буживалѣ (близъ Парижа), въ то Chalet при этой виллѣ, гдѣ наканунѣ, 22-го сентября, въ 2 часа дня скончался Ив. Серг., и такимъ образомъ присутствовали на первой и вмѣстѣ послѣдней панихидѣ, въ 5 часовъ вечера того же дня. На панихиду явилась, конечно, вся семья Віардо и нѣсколько соотечественниковъ, успѣвшихъ прибыть въ Буживаль изъ Парижа. Мы были свидѣтелями искренняго и глубокаго горя, какимъ была, видимо, удручена вся семья, утратившая въ лицѣ покойнаго не постояльца, уклонявшагося отъ уплаты за тридцати-лѣтній пансіонъ, какъ то представляется теперь г-жѣ Герритъ, — а самаго дорогого, близкаго и незабвеннаго члена семьи. Не знаемъ, присутствовала ли на этой панихидѣ г-жа Герритъ-Віардо; мы видѣли только вышеупомянутыхъ двухъ замужнихъ дочерей г-жи Полины Віардо.

Все дальнѣйшее только подтвердило то впечатлѣніе, какое мы вынесли въ день, послѣдовавшій за смертью Тургенева. Г-жа Полина Віардо, не имѣя возможности сама взять на себя проводы тѣла Ивана Сергѣевича въ Петербургъ, отправила представительницами семьи своихъ дочерей—г-жу Chamerot, съ мужемъ, и г-жу Duvernoy (если намъ не измѣняетъ память, это и была именно Маріанна, любимица покойнаго). Онѣ, прибывъ съ тѣломъ въ Петербургъ, присутствовали при памятномъ погребеніи тѣла Ив. С. на Волковомъ кладбищѣ, 27-го сентября, и въ началѣ слѣдующаго мѣсяца 8 (20) октября, возвратившись въ Парижъ, сообщили матери, какой онѣ нашли себѣ пріемъ въ Петербургѣ и какое было оказано имъ чрезвычайное вниманіе, именно какъ самымъ близкимъ лицамъ покойнаго, котораго вся семья считала своимъ самымъ дорогимъ членомъ. По этому случаю г-жа Полина Віардо писала намъ, тотчасъ же по пріѣздѣ ея дочерей, слѣдующее:

Les Frênes.
21 octobre 1883.

Monsieur,

Mes enfants, arrivés hier soir de Russie, m'ont parlé avec tant d'émotion de l'accueil qu'on leur a fait à St.-Pétersbourg, que je ne veux pas laisser passer la journée, sans vous dire combien je suis touchée et pénétrée de reconnaissance.

Je sais, Monsieur, que vous y êtes pour beaucoup. Vous avez agi en vrais amis de *notre cher et inoubliable Tourgueneff*, d'après le

vieux dicton un peu altéré à notre usage réciproque: „Les amis de notre ami sont nos amis“.

Merci donc à mes chers russes!.....

Votre reconnaissante—*Pauline Viardot* [1]).

Нужно ли прибавлять еще что-либо для возстановленія дорогой памяти Ивана Сергѣевича: это письмо уничтожаетъ совершенно попытку г-жи Герритъ бросить на нее тѣнь. Неужели было бы возможно такое письмо, еслибы, по словамъ г-жи Герритъ, Тургеневъ былъ какимъ-то постояльцемъ, причемъ самый домъ г-жи Полины Віардо являлся бы для него меблированною квартирою со столомъ и прислугою, и ко всему этому постоялецъ умеръ, не уплативъ ни гроша за свой тридцатилѣтній пансіонъ?! А именно все это утверждаетъ г-жа Герритъ, и никто никогда не пойметъ, кому и для чего понадобилась такая безсмысленная клевета, пущенная притомъ въ оборотъ чуть не четверть вѣка спустя послѣ смерти Ивана Сергѣевича. Прочтя письмо самой г-жи Полины Віардо, всякій скажетъ, что г-жа Герритъ оскорбила собственно не память Тургенева, а еще здравствующую главу фамиліи—г-жу Полину Віардо, назвавшую покойнаго „нашимъ дорогимъ и незабвеннымъ Тургеневымъ“.

Упреки г-жи Герритъ по адресу Ивана Сергѣевича за то, что онъ, будто бы, ничего не завѣщалъ, по смерти, семейству Віардо, уже достаточно опровергнуты вдовою Як. П. Полонскаго („Слово“, № 71, 10 февраля 1907 г.), знавшей отъ мужа, что Тургеневъ, продавъ право литературной собственности (цѣнное имущество), вырученную отъ продажи сумму оставилъ семьѣ Віардо. Прибавимъ къ этому, что намъ самимъ случайно извѣстно твердое намѣреніе Тургенева продать недвижимую собственность (завѣщать ее было нельзя, какъ родовую собственность) съ тою же цѣлью. Мы это знаемъ отъ лица, которому Тургеневъ выдалъ довѣренность и уже подписалъ ее, бывъ на смертномъ одрѣ, но эта довѣренность такъ и осталась въ рукахъ довѣрителя историческимъ только документомъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ онъ скончался,—и нашъ консулъ не успѣлъ, такимъ образомъ, утвердить сдѣланную имъ собственноручную подпись.

---

[1]) „Les Frênes“ (вилла въ Буживалѣ близъ Парижа). 21 (9) октября 1883 г.

„Дѣти мои, прибывъ вчера вечеромъ изъ Россіи, разсказывали мнѣ съ такимъ воодушевленіемъ о пріемѣ, какой имъ былъ сдѣланъ въ С.-Петербургѣ, что я не хотѣла пропустить и одного дня, не выразивъ вамъ, какъ я тронута тѣмъ и преисполнена признательности.

„Я знаю, что и вы принимали въ этомъ немалое участіе. Всѣ вы дѣйствовали, какъ истинные друзья *нашего дорогого и незабвеннаго Тургенева*, по старой поговоркѣ, нѣсколько видоизмѣненной для насъ взаимно: „Друзья нашего друга (Тургенева)—наши друзья“.

„Итакъ, благодарю дорогихъ мнѣ русскихъ!..

„Признательная вамъ—*Полина Віардо*“.

Г-жа Герритъ упоминаетъ о „милліонахъ“ Тургенева, но онъ, конечно, ничего не зналъ при жизни о ихъ существованіи, а потому, какъ намъ хорошо могло быть извѣстно, очень часто нуждался въ деньгахъ; ведя лично жизнь самую скромную, онъ мало тратилъ на себя, и если деньги уходили у него, то онѣ расходовались въ общей его жизни съ дружественной ему семьею. Между прочимъ—такъ вспоминаетъ вдова Як. П. Полонскаго,—онъ по случаю бракосочетанія дочери Віардо, Маріанны, продалъ часть своихъ земель, и вырученную сумму отдалъ какъ бы въ приданое новобрачнымъ; при „милліонахъ“,—ему не было бы никакой надобности продавать недвижимость.

Послѣ всего высказаннаго нами, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что—въ противность вышеприведенной нами французской поговоркѣ—отъ клеветы на Тургенева не останется ничего, что можетъ бросить хотя бы малѣйшую тѣнь на безупречную память нашего Ивана Сергѣевича.—М. Ст.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1907.

Выборы во вторую Государственную Думу.—Правительственная подготовка ихъ и общіе результаты.—Впечатлѣнія и наблюденія избирателя.—Предстоящая повѣрка правильности выборовъ.—Трудность задачи.—Открытіе Думы и избраніе предсѣдателя.

Возможно ли мѣрами непосредственнаго правительственнаго воздѣйствія искусственно подготовить выборы народныхъ представителей въ желательномъ для правительства смыслѣ? Не задаваясь отвѣтомъ на вопросъ въ общей его постановкѣ, на основаніи только-что пережитого опыта, можно съ положительностью утверждать, что при данномъ настроеніи всѣхъ слоевъ и классовъ населенія Россіи и при данномъ отношеніи населенія къ правительству, это оказалось невозможнымъ. Мы склонны скорѣе видѣть въ успѣхѣ на выборахъ крайнихъ элементовъ—правыхъ и лѣвыхъ, одинаково революціонныхъ—въ значительной степени слѣдствіе правительственныхъ мѣропріятій и думаемъ, что еслибы дѣло было предоставлено свободному естественному теченію, то эти элементы никогда не получили бы такого числа представителей въ Думѣ. Въ политикѣ вообще рѣдко что проходитъ безрезультатно, особенно то, что проводится послѣдовательно и систематично. Но если вѣрно разсчитанныя мѣропріятія даютъ результатъ прямой, то разсчитанныя ошибочно—съ той же неизбѣжностью даютъ обратный. Какъ война, такъ и выборы—экзаменъ для правительственной дѣятельности, неумолимо обнаруживающій ея недочеты и ошибки. Подготовляя выборы, правительство не учло самаго главнаго: полной утраты довѣрія къ нему со стороны населенія.

Ни одинъ самый страстный врагъ министерства П. А. Столыпина не упрекнетъ его въ недостаткѣ заботливости объ исходѣ выборовъ. Оно заботилось о созданіи „послушной“ Думы въ теченіе цѣлыхъ семи мѣсяцевъ и дѣйствовало по сложно задуманному плану, неуклонно его развивая. Оно начало съ мѣръ психическаго воздѣйствія на крестьянскую массу, которой, по конструкціи избирательнаго закона, принадлежитъ въ образованіи состава Думы рѣшающій голосъ. Желая измѣнить настроеніе крестьянъ и вернуть ихъ къ до-конституціонному міровоззрѣнію, оно, во-первыхъ, стремилось широко использовать несомнѣнно еще живущую въ крестьянствѣ монархическую идею. Не иначе какъ съ этой цѣлью министерство, между прочимъ, дало образоваться, окрѣпнуть и развернуть пропаганду организаціямъ типа

„союза русскаго народа“, которыя построены на уродливомъ, но абсолютно прямолинейномъ развитіи именно этой идеи. Во-вторыхъ, министерство параллельно даровало крестьянамъ и реальныя блага—въ видѣ права льготной покупки казенныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель и уравненія въ правахъ съ прочими гражданами. Оно не остановилось даже передъ разрушеніемъ общиннаго строя, ибо этотъ строй въ каждый данный моментъ представляетъ для отдѣльнаго лица тяготу, освобожденіе отъ которой создаетъ впечатлѣніе полученнаго блага.

Мѣра психическаго же воздѣйствія, но самая упрощенная, была примѣнена въ извѣстномъ циркулярѣ къ чиновникамъ, не исключая „служащихъ по вольному найму“. Имъ было коротко сказано: или свободомысліе, хотя бы въ предѣлахъ конституціонныхъ вожделѣній, или служба со связанными съ нею преимуществами и правами, изъ которыхъ главное—полученіе жалованья. Какъ съ своими агентами, министерство не считало нужнымъ особенно церемониться съ чиновниками и ограничилось угрозой, сопровождавшейся увольненіемъ строптивыхъ.

Первой крупной мѣрой механическаго воздѣйствія на выборы было устраненіе отъ нихъ ста восьмидесяти „преступниковъ“, подписавшихъ выборгское воззваніе. Затѣмъ наступила полоса „разъясненій“. Изъ крестьянской куріи оказались исключенными крестьяне, не состоящіе домохозяевами, изъ городской—рабочіе, изъ землевладѣльческой—крестьяне, имѣвшіе неосторожность пріобрѣсти землю не при содѣйствіи частнаго банка, а черезъ крестьянскій. „Разъяснялъ“, правда, независимый отъ министерства сенатъ и въ цѣляхъ торжества истиннаго смысла и разума закона. Но какъ-то такъ выходило, что всѣ разъясненія совпадали съ интересами воздѣйствія на выборы все въ одномъ и томъ же направленіи. Исключеніе крестьянъ, не состоящихъ домохозяевами, устранило тѣ элементы крестьянства, однимъ изъ яркихъ представителей которыхъ былъ въ первой Думѣ А. Ф. Аладьинъ. Исключеніе рабочихъ ослабило вліяніе на городскіе выборы крайнихъ лѣвыхъ. Исключеніе крестьянъ, купившихъ земли черезъ крестьянскій банкъ, увеличило шансы на избраніе крупныхъ землевладѣльцевъ. Только въ одномъ случаѣ желательнаго министерству разъясненія не послѣдовало: сенатъ не растолковалъ, что предварительные съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ могутъ быть образовываемы по сословіямъ.

Къ категоріи однородныхъ мѣропріятій относится безусловное воспрещеніе однѣмъ партіямъ концентрировать свои силы и вообще въ чемъ-либо проявлять политическую дѣятельность и предоставленіе всѣхъ средствъ борьбы—другимъ. Сперва это выражалось въ недо-

пущеніи собраній для однѣхъ партій и въ широкомъ разрѣшеніи для другихъ устраивать собранія и даже уличныя манифестаціи при особо торжественной и импонирующей обстановкѣ. Навѣрное многіе еще помнятъ ноябрьское собраніе октябристовъ въ дворянской залѣ въ Петербургѣ и освященіе знаменъ союза русскаго народа въ михайловскомъ манежѣ. Завершилась цѣпь препятствій, постепенно создававшихся для оппозиціи, запретомъ разсылать и раздавать готовые избирательные бюллетени. Лишена была оппозиція этого способа выборной борьбы не по винѣ правительства, а по своей собственной: по два раза оппозиціонныя партіи утруждали присутствія прошеніями и заявленіями и все не могли справиться съ формальными требованіями закона—то оказывались дефекты въ обозначеніи адресовъ учредителей, то учредители забывали объяснить порядокъ выбытія членовъ или сроки созыва общихъ собраній и т. п. Еще судьба имъ не благопріятствовала: заявленія, поданныя оппозиціонными партіями въ мартѣ, попадали въ очередь для слушанія въ сентябрѣ, а поданныя послѣ полученія перваго отказа—въ февралѣ. Но какъ-то странно складывались эти случайности. Нѣкій отставной маіоръ, отколовшійся отъ союза русскаго народа и возымѣвшій желаніе образовать новую реакціонную партію „Россія для русскихъ", оказался лучшимъ юристомъ, чѣмъ пользующіеся давней извѣстностью многіе профессора юриспруденціи и адвокаты, и сумѣлъ сразу такъ написать заявленіе, что петербургское присутствіе ни къ чему не могло придраться. Судьба тоже оказалась на его сторонѣ: онъ подалъ заявленіе въ январѣ, и черезъ нѣсколько дней оно попало въ очередь, было разсмотрѣно, и „Россія для русскихъ" сдѣлалась легализованнымъ обществомъ.

Съ момента формальнаго приступа къ выборной кампаніи, т.-е. распубликованія списковъ, начались индивидуальныя механическія воздѣйствія—или, попросту, изъятія отдѣльныхъ лицъ, по мѣрѣ того, какъ выяснялась ихъ кандидатура. Сложный аппаратъ, состоящій изъ уѣздныхъ и губернскихъ избирательныхъ коммиссій и перваго департамента сената, при участіи губернаторовъ и градоначальниковъ, какъ органовъ надзора, заработалъ съ изумительной энергіей, поражая ударами то одного, то другого оппозиціоннаго кандидата въ члены Думы. Особенно характерно былъ исключенъ изъ списка городскихъ избирателей Петербурга М. М. Ковалевскій. Въ первой Думѣ онъ былъ представителемъ харьковской губерніи по землевладѣльческому цензу. Во вторую—онъ предполагалъ баллотироваться тамъ же, но, кромѣ того, какъ проживающій въ Петербургѣ, — по квартиронанимательскому и служебному цензу профессора университета, былъ внесенъ въ избирательные списки и по Петербургу. Исправленіе списковъ въ установленный закономъ срокъ его не коснулось. И можно полагать,

что онъ безпрепятственно осуществилъ бы 7-го февраля свое право избирателя, еслибы не былъ забаллотированъ въ выборщики землевладѣльцами харьковскаго уѣзда и еслибы затѣмъ партія народной свободы не объявила его и свящ. Григорія Петрова своими кандидатами отъ Петербурга. Немедленно послѣдовалъ протестъ градоначальника, и губернская коммиссія исключила М. М. Ковалевскаго изъ списковъ. Принесенную на постановленіе коммиссіи жалобу сенатъ разсмотрѣлъ и отклонилъ въ самый день ея полученія. Газеты полны подобнаго рода примѣрами, имѣвшими мѣсто во всѣхъ губерніяхъ.

И несмотря на все, правительственная партія — октябристы — потерпѣла наибольшее пораженіе. Всѣхъ правыхъ въ новой Думѣ насчитываютъ около ста. Но изъ нихъ большая часть монархисты и члены союза русскаго народа или неопредѣленные „умѣренные"; октябристовъ же немного болѣе двадцати. Да и тѣхъ, за единичными исключеніями, сами октябристы считаютъ весьма сомнительными сочленами, гораздо болѣе близкими къ идеаламъ гг. Грингмута и Дубровина, нежели къ словамъ (хотя бы къ словамъ!) манифеста 17-го октября. Пострадали, правда, и кадеты. Однако отнюдь не за либерализмъ и не за выборгское воззваніе. Ибо невѣроятный успѣхъ получили крайніе лѣвые вплоть до соціалистовъ-революціонеровъ, насчитывающихъ болѣе пятидесяти партійныхъ представителей. Тѣ, кому такъ настойчиво хотѣли показать, что Дума для ихъ интересовъ не нужна,—крестьяне, — почти сплошь голосовали за самыхъ крайнихъ лѣвыхъ. Крайніе правые прошли крестьянскими голосами преимущественно въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, гдѣ борьба велась на національной почвѣ. Къ какимъ для этого средствамъ прибѣгали „истинно-русскіе" люди—любопытно описываетъ корреспондентъ „Новаго Времени" изъ Гродна (№ 11106). „Еще задолго до губернскихъ выборовъ евреи вступили въ соглашеніе съ выборщиками отъ крестьянъ, которое заключалось въ томъ, чтобы провалить всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, якобы убѣжденныхъ реакціонеровъ, и провести въ Думу двухъ евреевъ и четырехъ крестьянъ, безъ различія національности. Но тутъ-то и выступило православное духовенство. Наканунѣ губернскихъ выборовъ всѣхъ уѣздныхъ выборщиковъ православныхъ (около сорока человѣкъ) гродненскій архіерей пригласилъ къ себѣ для совѣщанія. Собесѣдованіе начали нѣсколько священниковъ, говорившіе по очереди и заклинавшіе крестьянъ не вступать ни въ какія соглашенія съ евреями и подавать голосъ во что бы то ни стало за русскаго и православнаго представителя. Говорили также два русскихъ помѣщика. Страсти горѣли. Собраніе продолжалось долго. Крестьяне начинали склоняться къ отказу отъ блока съ евреями, хотя все-таки еще нѣсколько колебались, какъ вдругъ

раздались голоса: „Владыка, владыка идетъ!“ Архіерей появился и со словами: „Выборщики русской земли, умоляю васъ подавать голосъ за русскаго и православнаго!“—поклонился присутствующимъ въ землю. Впечатлѣніе получилось потрясающее. Крестьяне, привыкшіе видѣть архіерея издали во время служенія, въ богатомъ облаченіи, при видѣ его кланяющимся имъ въ землю не выдержали и дружно отвѣтили, что они согласны исполнить его просьбу. Насколько они сдержали свое обѣщаніе, показалъ слѣдующій день“.

Не безъ основанія разсчитывая, что избраніе выборщиковъ въ столицахъ не можетъ не произвести впечатлѣнія на провинціальныхъ избирателей, министерство назначило первую стадію выборовъ въ Петербургѣ на день, слѣдующій за избраніемъ въ губерніяхъ уже не выборщиковъ, а членовъ Думы. Даже это было принято во вниманіе. И тоже напрасно! Провинція показала, что въ степени подъема оппозиціоннаго настроенія она далеко оставила за собой столицы и вообще крупные городскіе центры. Въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ, лѣвый блокъ не въ силахъ былъ справиться съ кадетами. Москва не дала блоку ни одного выборщика, Петербургъ—девять изъ ста-шестидесяти. Но октябристы и правые реакціонеры не получили ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ ни одного мѣста. И при какихъ условіяхъ! Они безвозбранно разсылали воззванія и готовые печатные бюллетени, а въ день выборовъ—раздавали и на улицѣ, и въ особо приготовленныхъ вблизи мѣстъ подачи бюллетеней помѣщеніяхъ, куда зазывали аршинными вывѣсками. Кадеты же и лѣвый блокъ могли только разсылать списки, предупреждая, что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя подавать, и избиратели должны были или лично переписывать имена, отчества и фамиліи на бланки, или ходить для переписки по особымъ адресамъ. Въ день выборовъ полиція не допускала никакого содѣйствія избирателямъ со стороны оппозиціонныхъ партій. Въ газетахъ сообщалось, что не только пытавшіеся вручать бюллетени на улицѣ подвергались аресту, но даже квартиры, въ которыхъ до этого дня давали указанія избирателямъ, находились подъ охраной городовыхъ. Можно ли было выдумать что-либо бо̀льшее? Духъ протеста противъ полевыхъ судовъ и режима безправія все превозмогъ—вплоть до обывательской пассивности, лѣни и небрежности. Кадеты всего получили въ Петербургѣ 28.698 голосовъ. Лѣвый блокъ—16.548. Слѣдовательно, 45.246 избирателей продѣлали скучную и мѣшкотную процедуру писанія бюллетеней вмѣсто подачи готовыхъ. Процентъ неправильно составленныхъ бюллетеней немногимъ превысилъ прошлогодній. Разбитыхъ голосовъ тоже было сравнительно мало.

Составитель настоящей хроники принималъ непосредственное участіе въ выборахъ въ одной изъ среднихъ нечерноземныхъ губерній—въ той же, что̀ и годъ назадъ. Впечатлѣнія нынѣшнихъ выборовъ уступаютъ прошлогоднимъ въ яркости, что̀ въ большой мѣрѣ зависитъ отъ того, что они тогда воспринимались впервые, но значительно превосходятъ въ опредѣленности. Въ первую Думу губернія послала шесть кадетовъ, одного примыкающаго къ нимъ и одного вошедшаго въ Думѣ въ группу трудовиковъ. Во вторую—двухъ кадетовъ, одного примыкающаго, одного соціалъ-демократа, одного народнаго соціалиста, одного соціалиста-революціонера и двухъ трудовиковъ. Какъ результатъ выборовъ, такъ условія и обстановка, въ которыхъ выборы проходили, равно обнаружившееся настроеніе и соотношеніе партійныхъ силъ, намъ кажутся скорѣе типичными, чѣмъ исключительными. А потому мы позволимъ себѣ съ нѣкоторой подробностью изложить послѣдовательный ходъ выборовъ въ губерніи и въ одномъ изъ ея уѣздовъ.

Мѣстный городской съѣздъ уѣзднаго города даетъ по закону двухъ выборщиковъ. Въ прошломъ году избранію ихъ предшествовалъ длинный рядъ собраній, доставившій торжество кадетамъ. Въ нынѣшнемъ—изъ прежнихъ выборщиковъ могъ баллотироваться только одинъ; другой, бывшій членъ Думы, за подписаніе выборгскаго воззванія былъ устраненъ. Еще задолго до выборовъ горожане намѣтили ему замѣстителя—гласнаго городской думы и земца, принадлежащаго къ оппозиціи. Но бдительное начальство усмотрѣло дефектъ въ его цензѣ, и онъ подвергся „разъясненію". Первое предвыборное собраніе состоялось менѣе, чѣмъ за три недѣли до выборовъ. Затѣмъ собраній было еще два. Сравнительный успѣхъ ораторовъ сразу показалъ боевое лѣвое настроеніе избирателей. Попытался-было говорить однажды черносотенный священникъ, но даже старики-купцы рѣзко запротестовали. Октябриста, по недоразумѣнію, остановилъ полицейскій чинъ, очевидно запутавшійся въ полученныхъ инструкціяхъ. При предварительномъ частномъ подсчетѣ голосовъ, большинство получили прошлогодній выборщикъ-кадетъ и лѣвый. Они же оказались и избранными, причемъ изъ 600 участвовавшихъ въ подачѣ бюллетеней избирателей свыше 450 голосовали за лѣваго и около 400—за кадета. Слѣдующіе кандидаты имѣли не болѣе 100 голосовъ.

Избраніе выборщиковъ изъ уполномоченныхъ отъ 30 волостей уѣзда было назначено на 23 января. Большинство уполномоченныхъ съѣхалось наканунѣ. Четверо изъ нихъ, пріѣхавшіе раньше, 21 января подали заявленіе исправнику о желаніи устроить на слѣдующій день предвыборное совѣщаніе. Вопреки прямому смыслу закона, исправникъ объявилъ, что безъ сношенія съ губернаторомъ разрѣшить совѣщанія

не можетъ, такъ какъ о двоихъ изъ устроителей производятся дознанія, ибо они заподозрѣны въ политической неблагонадежности. Оффиціальное совѣщаніе такъ и не состоялось. Вмѣсто того, крестьяне тайкомъ собрались на частной квартирѣ. Здѣсь одинъ уполномоченный заявилъ, что вмѣстѣ съ нимъ выбранный отъ волости не пріѣдетъ, потому что находится въ административной ссылкѣ. Что онъ за человѣкъ, долго не разспрашивали и рѣшили выбрать его въ первую голову и поручить другимъ выборщикамъ сдѣлать все возможное, чтобы его провести въ члены Думы. „Надо же—признали всѣ—человѣка спасать, который безвинно страдаетъ". Предложеніе обсудить, насколько сосланный по своимъ способностямъ и качествамъ соотвѣтствуетъ высокой чести быть членомъ Государственной Думы, не встрѣтило сочувствія. Также не встрѣтило сочувствія предупрежденіе, что избраніемъ сосланнаго выборщики потеряютъ одинъ голосъ въ губернскомъ собраніи. Послѣ рѣшенія этого вопроса, начались разговоры на общія темы. Про первую Думу всѣ говорили: „мы ею довольны". Но въ словахъ нѣкоторыхъ чувствовалось: „довольны, да не совсѣмъ". Какъ бы ощупью, безъ увѣренности въ своей правотѣ, кое-кто вставляли: „вотъ еслибы всѣ въ Думѣ были какъ трудовики", и т. п. Также ощупью произносились слова: „національзація" и „соціализація". Сговориться о кандидатахъ, кромѣ одного, не удалось. Сговору неожиданно помогъ губернаторъ.

Утромъ стало извѣстно, что губернаторъ телеграммой предложилъ уѣздной коммиссіи исключить изъ числа уполномоченныхъ сосланнаго и еще троихъ, привлеченныхъ къ полицейскимъ дознаніямъ, и что коммиссія это предложеніе отклонила. Уже при подачѣ записокъ оказалось, что телеграмма губернатора сыграла роль рекомендаціи: только имена предлагавшихся къ исключенію четверыхъ сосредоточили голоса; всѣ остальные получили по три или по четыре записки. Началась баллотировка шарами. Первымъ былъ поставленъ сосланный и получилъ подавляющее большинство. Затѣмъ изъ сорока-пяти баллотировавшихся получили абсолютное большинство трое „рекомендованныхъ". Остальные были забаллотированы. Предсѣдатель объявилъ перерывъ. Во время перерыва уполномоченные занялись чаепитіемъ и при перебаллотировкѣ быстро избрали двухъ прошлогоднихъ выборщиковъ и еще троихъ, сумѣвшихъ доказать свою если не неблагонадежность, то неполную благонадежность въ глазахъ начальства. Одинъ изъ этихъ троихъ потомъ такъ объяснялъ свой неуспѣхъ вначалѣ и успѣхъ при перебаллотировкѣ: „вѣдь они не знали, что я тоже въ тюрьмѣ сидѣлъ; ну, а узнали—и выбрали".

Уѣздъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ давно началась мобилизація крупной земельной собственности. Всей земли за дворя-

нами-помѣщиками числится около 60 тыс. десятинъ, а за крестьянами-собственниками (кромѣ надѣльной)—свыше 150 тыс. десятинъ. Исключеніе изъ списковъ заемщиковъ крестьянскаго банка было парализовано разрѣшеніемъ вносить въ списки крестьянъ-собственниковъ не по крѣпостнымъ документамъ, а на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ волостными правленіями. Вслѣдствіе этого, общее число мелкихъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ право голоса на предварительныхъ съѣздахъ, не только не уменьшилось противъ прошлаго года, но даже увеличилось и составило болѣе 15 тысячъ. Еслибы всѣ они прибыли на съѣзды, то получилось бы до 700 полныхъ цензовъ. Но частью зима, а главнымъ образомъ выборная географія сдѣлали то, что явившіеся могли выбрать только 75 уполномоченныхъ. Изъ семи отдѣльныхъ съѣздовъ три были назначены въ уѣздномъ городѣ, причемъ нѣкоторымъ избирателямъ приходилось ѣхать за 40 и 50 верстъ. На одинъ изъ съѣздовъ изъ болѣе двухъ тысячъ собственниковъ явилось всего 30 человѣкъ, обладавшихъ правомъ избрать лишь двоихъ уполномоченныхъ.

Предварительные съѣзды во всемъ уѣздѣ происходили въ одинъ день—14 января, за одиннадцать дней до съѣзда уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Это дало возможность нѣкоторымъ крупнымъ собственникамъ устроить совмѣстное съ уполномоченными предвыборное собраніе, дабы устранить случайность избранія выборщиковъ. Уполномоченные довольно дружно отозвались на приглашеніе. Изъ 75 уполномоченныхъ, мелкими собственниками были избраны 71 крестьянинъ и 4 священника. До собранія было извѣстно, что на двухъ только съѣздахъ прошли крестьяне, опредѣленные въ партійно-политическомъ смыслѣ: на одномъ 20 крайнихъ лѣвыхъ, на другомъ—10 крайнихъ правыхъ. По открытіи собранія, было предложено выразить одобреніе дѣятельности первой Думы. Предложеніе встрѣтило шумное одобреніе, послѣ чего сразу выяснился рѣзко оппозиціонный тонъ настроенія. Въ реакціонномъ смыслѣ никто не высказывался. Одинъ черносотенный уполномоченный—не то пьяный, не то представлявшійся пьянымъ—раза два прерывалъ говорившихъ малопонятными выкриками, но успѣха не имѣлъ. Предсѣдательствовавшему едва удалось предупредить желаніе крестьянъ вытолкать его въ шею. Собраніе рѣшило избрать двухъ выборщиковъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ и четверыхъ изъ мелкихъ. Имена первыхъ были быстро намѣчены. Относительно же вторыхъ сосредоточить голоса не было никакой возможности. Какъ и въ прошломъ году, обнаружилось, что крестьяне уѣзда знаютъ имена „господъ“ и совершенно не знаютъ за предѣлами волости именъ крестьянскихъ.

На съѣздъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ явилось 39 крупныхъ соб-

ственниковъ изъ 70-ти, внесенныхъ въ списки, и 61 уполномоченный. При первыхъ выборахъ, въ прошломъ году, крупные собственники представляли довольно однородное въ политическомъ отношеніи цѣлое — на границѣ между кадетами и октябристами, съ единичными лишь уклоненіями вправо и влѣво. При вторыхъ—они оказались разбитыми на два непримиримыхъ, почти равныхъ по численной силѣ лагеря: одинъ, рѣшительно сдвинувшійся въ сторону крайнихъ монархистовъ, и другой, объединившійся во имя оппозиціи. Какъ показала баллотировка, къ реакціонному лагерю примкнули изъ уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ 15 человѣкъ. Къ оппозиціонному, въ отношеніи одного изъ „господъ"—40, въ отношеніи другого—30. Случайно былъ избранъ еще третій крупный землевладѣлецъ. Изъ мелкихъ прошли два партійныхъ кадета и одинъ лѣвый.

На губернскіе выборы большинство выборщиковъ пріѣхали за три дня. Въ первый же день мѣстный комитетъ партіи народной свободы устроилъ частное совѣщаніе оппозиціонныхъ выборщиковъ. Съ подобнаго же рода совѣщанія начаты были выборные дни и въ прошломъ году. Въ прошломъ году на этомъ совѣщаніи кадеты, такъ сказать, овладѣли крестьянами и затѣмъ уже все время до окончательнаго момента вели ихъ за собой. Въ нынѣшнемъ же сразу почувствовалось, что вести крестьянъ не придется. Бесѣда очень скоро перешла съ осужденія правительства и октябристовъ на осужденіе кадетовъ. Раздались самые рѣзкіе упреки за нерѣшительность тактики въ первой Думѣ, за недоговоренность аграрной программы, за „справедливую" оцѣнку. Говорили, правда, преимущественно партійные соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры. Но изъ того, какъ шумно принимались ихъ слова, и какъ, напротивъ, сдержанно относилась аудиторія къ словамъ лучшихъ ораторовъ партіи народной свободы, было ясно видно, что требованія и идеалы крестьянской массы, если еще не ушли, то готовы уйти далеко за предѣлы кадетской программы и пріемовъ парламентской конституціонной борьбы. На утро въ городѣ уже образовался лѣвый блокъ и въ него вошли почти всѣ крестьяне, кромѣ шести или семи реакціонныхъ и тоже шести или семи, оставшихся вѣрными кадетамъ. Организаторы блока предложили крестьянамъ не выбирать ни одного кадета и взять себѣ всѣ восемь мѣстъ, а для этого забаллотировывать всѣхъ въ первые два дня выборовъ и дождаться третьяго дня, т.-е. выборовъ по относительному большинству. Это, однако, имъ не удалось. Группа крестьянъ, человѣкъ въ 25, категорично заявила, что если не будутъ избраны прежніе члены Думы, то это будетъ сочтено за одобреніе населеніемъ губерніи роспуска, и потому потребовала уступить для нихъ два мѣста— прочіе представители губерніи въ первой Думѣ были устранены отъ

выборовъ. Не въ этомъ, впрочемъ, только крестьяне обнаружили свою самостоятельность. Главенствовать въ блокѣ стремились соціалъ-демократы и заявили требованіе о томъ, чтобы въ распоряженіе ихъ было дано три мѣста, безъ права непринадлежащихъ къ партіи обсуждать кандидатуры. Крестьяне требованіе отвергли.

Въ правой группѣ всего выборщиковъ было 24 человѣка; изъ нихъ 9 отъ городовъ, 11 отъ землевладѣльцевъ и четверо отъ волостей. Болѣе или менѣе партійныхъ октябристовъ изъ всѣхъ правыхъ было человѣкъ 8; остальные были яркіе черносотенцы. Общихъ предвыборныхъ собраній предполагалось устроить два, но состоялось одно—на второе оппозиціонные выборщики не пришли. Прошло предвыборное собраніе вяло: не съ кѣмъ было спорить. Правые сдѣлали было несмѣлую попытку заговорить о необходимости вѣшать и разстрѣливать за политическія убійства, но, получивъ отпоръ, умолкли. Выносить же свои разнорѣчія на общее совмѣстное съ правыми обсужденіе ни кадеты, ни лѣвый блокъ, видимо, не желали. Вечеромъ наканунѣ выборовъ лѣвый блокъ объявилъ кадетамъ имена своихъ кандидатовъ. Кадеты признали пять именъ. Относительно шестого возникъ споръ, едва не повлекшій разрыва. Въ концѣ концовъ побѣдили кадеты, но благодаря исключительной случайности: въ день выборовъ разнесся слухъ, что спорному кандидату, выставленному ими, грозитъ арестъ.

Въ „Руси“ (№ 40) была напечатана любопытная телеграмма изъ Чернигова. „Во время выборовъ депутатовъ губернаторъ вызвалъ изъ собранія выборщика крестьянина Хвоста и потребовалъ отъ него объясненій по поводу увода имъ наканунѣ выборщиковъ крестьянъ изъ чайной, гдѣ велась агитація правыми. Во время объясненій губернаторъ сдѣлалъ Хвосту рѣзкія внушенія. Избирательное собраніе пріостановило занятія и послало уполномоченнаго къ губернатору съ требованіемъ вернуть Хвоста. По возвращеніи его, выборы продолжались. Избраннымъ въ депутаты оказался между прочими и Хвостъ“. Въ губерніи, выборы въ которой мы описываемъ, аналогичнаго случая не было. Но фактъ преслѣдованія лица начальствомъ служилъ, какъ и при избраніи въ уѣздѣ, лучшей для него рекомендаціей. Выборщики изъ волостныхъ уполномоченныхъ между собой не спорили вовсе и 36-ью голосами изъ сорока выбрали того самаго сосланнаго, о которомъ мы писали выше. Характерно прошелъ въ члены Думы еще одинъ крестьянинъ. Въ декабрѣ противъ него возникло обвиненіе въ подстрекательствѣ крестьянъ къ неплатежу повинностей. Отъ ареста ему удалось скрыться и до дня выборовъ онъ проживалъ на нелегальномъ положеніи. Волость его заочно выбрала въ уполномоченные, уполномоченные—въ выборщики. Коммиссія по формальному основанію кассировала выборы. При вторичныхъ выборахъ, его избрали

вновь. Какъ скрывающійся, онъ пріѣхалъ въ губернскій городъ подъ чужой фамиліей и объявился выборщикамъ только наканунѣ 6-го февраля. Ни въ одномъ собраніи онъ не выступалъ и ни разу ничего не говорилъ. Но того, что онъ вынужденъ скрываться, оказалось совершенно достаточно.

„Разъясненія" коснулись въ губерніи шести выборщиковъ—и все оппозиціонныхъ. Одного губернская коммиссія исключила при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Выбранъ онъ былъ отъ волостныхъ уполномоченныхъ. Слѣдовательно, до пріѣзда въ губернскій городъ прошелъ черезъ два избранія и черезъ двѣ повѣрки. Имя его было внесено въ печатные списки. Коммиссія, казалось, уже окончила свою работу. И вдругъ въ назначенный для выборовъ день его въ залу не впустили. Предсѣдатель ему объяснилъ, что, какъ не состоящій домохозяиномъ, онъ коммиссіей часъ назадъ изъ числа выборщиковъ исключенъ. Невольно вспомнилось, что наканунѣ, во время спора лѣваго блока съ кадетами, внезапно выдвинулась было кандидатура этого выборщика. Но она выдвинулась и упала, а участвовать въ выборахъ ему не пришлось.

Мы уѣхали изъ губернскаго города съ тяжелымъ чувствомъ. Мы ждали неизбѣжныхъ результатовъ психологическаго закона обратнаго дѣйствія. Но степень разлитого въ крестьянствѣ духа протеста насъ поразила. И мы не удивились, когда потомъ прочли въ газетахъ телеграмму изъ Полтавы („Биржевыя Вѣдомости", № 9745): „Крестьянская курія имѣла единственнымъ кандидатомъ крестьянина Поддубнаго, бывшаго студента. За полчаса до выборовъ было объявлено, что Поддубный исключенъ изъ списковъ. Крестьяне со зла выбрали крайняго с.-р. Сайко, сидѣвшаго въ тюрьмахъ по политическимъ дѣламъ. Сайко значительно лѣвѣе Поддубнаго".

Нелегкую задачу задали всѣ „разъясненія" и „исключенія" Государственной Думѣ, которой по закону принадлежитъ окончательная повѣрка правильности произведенныхъ выборовъ. Избирательный законъ, нынѣ второй разъ примѣнявшійся, независимо отъ принципіальныхъ его недостатковъ, представляется невѣроятно путаннымъ и несовершеннымъ въ техническомъ отношеніи. Въ сущности у насъ одновременно дѣйствуютъ не одинъ, а два самостоятельныхъ избирательныхъ закона — положеніе 6-го августа и указъ 11-го декабря, — построенные на совершенно различныхъ началахъ. Въ основу положенія 6-го августа положено начало имущественно-цензовое, а въ основу указа 11-го декабря — то неуловимо-неопредѣленное и внутренне-противорѣчивое, которое должно было приблизить выборы къ системѣ

всеобщаго голосованія, но безъ нарушенія системы цензовой. Отсюда не можетъ не возникать безконечнаго множества спорныхъ и юридически-неразрѣшимыхъ вопросовъ. При первыхъ выборахъ коммиссіи, въ общемъ, рѣшали такіе вопросы скорѣе въ смыслѣ распространительнаго толкованія правъ отдѣльныхъ лицъ, нежели ограничительнаго. А при вторыхъ, руководимыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и сенатомъ, онѣ, въ общемъ же, поступали какъ разъ наоборотъ.

Избирательное право — слишкомъ важная функція гражданъ, конечно, для того, чтобы устанавливающій его законъ могъ быть толкуемъ, при практическомъ примѣненіи, произвольно-распространительно. Положеніе это съ теоретической точки зрѣнія безспорно. Но когда законъ завѣдомо противорѣчивъ и несовершененъ, приходится считаться не съ одними теоретическими положеніями, а пожалуй еще болѣе съ цѣлесообразностью и послѣдствіями толкованія. Возьмемъ два случая: въ одномъ лицо было неправильно включено въ списки и, не имѣя права, приняло участіе въ выборахъ; въ другомъ — оно неправильно было исключено изъ списковъ и тѣмъ лишено принадлежащаго ему права избирать и быть избраннымъ. Дабы въ первомъ случаѣ неправильность могла повлечь отмѣну выборовъ, необходимо — или чтобы данное лицо изъ тысячъ избирателей въ городахъ или сотенъ внѣ городовъ прошло въ выборщики, а затѣмъ изъ десятковъ выборщиковъ въ члены Думы, или чтобы избраніе другого лица, въ тотъ или иной моментъ выборовъ, состоялось благодаря перевѣсу одного голоса. При всѣхъ прочихъ условіяхъ учрежденіе, повѣряющее выборное производство, можетъ признать, что неправильность не отразилась на исходѣ выборовъ. Если же лицо было неправильно исключено изъ числа выборщиковъ или избирателей и повѣряющее учрежденіе признаетъ неправильность, то для него создается логическая неизбѣжность отмѣнить выборы. Чѣмъ оно можетъ доказать, что данный избиратель не былъ бы избранъ въ выборщики и затѣмъ въ члены Думы, а данный выборщикъ—непосредственно въ члены Думы?

Едва-ли найдется хоть одна губернія, въ которой не было произведено коммиссіями сомнительно-правильныхъ индивидуальныхъ исключеній избирателей и выборщиковъ. И Государственная Дума будетъ навѣрное завалена жалобами. Еще ей придется разбираться въ жалобахъ по поводу исключеній групповыхъ, основанныхъ на болѣе чѣмъ сомнительно-правильныхъ общихъ разъясненіяхъ сената, и такъ же по поводу злоупотребленій. Съ случаями послѣдняго рода справиться будетъ всего легче. Напримѣръ, разсказываютъ, что въ Кишиневѣ въ одномъ изъ избирательныхъ участковъ было подано триста бюллетеней лицами, давно умершими или отсутствовавшими изъ города въ день выборовъ. Если это подтвердится, то, конечно, Дума не остано-

вится передъ отмѣной выборовъ, какъ ни сложна процедура повторенія избранія выборщиковъ и какъ ни нежелательно вообще снова, черезъ мѣсяцъ или два, будить партійныя страсти и звать населеніе къ урнамъ. Но мы не беремся даже гадать, какъ Дума выйдетъ изъ затрудненій, созданныхъ очевидными неправильностями при формальной законности устраненія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ категорій избирателей.

Тускло, буднично и сухо-оффиціально состоялось 20-го февраля открытіе Государственной Думы—безъ тронной рѣчи, безъ всякаго торжества и безъ признаковъ того подъема духа, которымъ были охвачены представители народа перваго призыва. Въ депутатахъ, вошедшихъ въ залы Таврическаго дворца 27-го апрѣля, ключомъ била вѣра въ свои силы и въ скорую побѣду свѣта надъ мракомъ. Точнѣе сказать, въ нихъ жила вѣра, что свѣтъ уже побѣдилъ, и что ихъ задача—только закрѣпить и оформить побѣду. Роспускъ Думы послѣ семидесяти-двухъ дней работы и все послѣдующее вытравили вѣру въ совершившуюся побѣду въ народѣ, и ее не могли принести съ собой посланные имъ избранники. Они принесли гораздо болѣе сознанія трудности предстоящей упорной и навѣрное долгой борьбы, чѣмъ величія исторической минуты. Тяжелый опытъ показалъ, что бюрократическая крѣпость не взята и что взять ее штурмомъ нельзя. Нельзя взять штурмомъ—надо брать медленной осадой, шагъ за шагомъ и съ постоянной оглядкой, стягивая вокругъ нея кольцо своихъ силъ.

Когда въ первый разъ служили молебенъ въ екатерининской залѣ Таврическаго дворца, мысленно рисовался и неуспѣхъ народныхъ представителей. Но едва-ли былъ тогда тамъ хоть одинъ человѣкъ, кому онъ рисовался такъ, какъ черезъ два съ небольшимъ мѣсяца выразился—въ простомъ роспускѣ, сопровождавшемся привлеченіемъ къ судебной отвѣтственности попытавшихся апеллировать къ народу депутатовъ. Когда служили молебенъ во второй разъ, рисовался роспускъ, болѣе или менѣе скорый, при неуспѣхѣ—и больше ничего... Лучше ли подавленность настроенія представителей народа, приступающихъ къ дѣлу—подавленность, за которой чувствуются упорство и злоба,—или экспансивный подъемъ духа—гадать не будемъ. Исключительный, не повторяющійся подъемъ духа народныхъ избранниковъ, во всякомъ случаѣ, къ ожидавшемуся результату не привелъ...

Къ двѣнадцати часамъ дня члены Думы получили приглашеніе прибыть въ Таврическій дворецъ. Намъ пришлось проѣхать почти черезъ весь городъ, и вплоть до угла Шпалерной и Потемкинской улицъ мы не видѣли ничего, что говорило бы о предстоящемъ событіи. Обычно было

уличное движеніе, обычно шла торговля и тянулись обозы ломовыхъ извозчиковъ. Даже усиленныхъ нарядовъ полиціи не было замѣтно. Только на Шпалерной, начиная отъ Литейной, чаще, чѣмъ обыкновенно, попадались оживленныя лица интеллигентной молодежи, направлявшейся и видимо спѣшившей въ сторону Таврическаго дворца. Да тамъ же изъ воротъ казенныхъ зданій выглядывали любопытные глаза солдатъ въ боевой амуниціи. Отъ Потемкинской всю ширину Шпалерной занимала сплошная толпа. Не беремся сказать, были ли въ толпѣ чиновники, торговцы, рабочіе и вообще кто-либо, кромѣ учащагося юношества. Если были, то, во всякомъ случаѣ, они тонули въ массѣ форменныхъ студенческихъ пальто и тѣхъ молодыхъ женскихъ лицъ, одинъ взглядъ на которыя говоритъ приглядѣвшемуся глазу о жаждѣ къ высшему образованію. Толпа охотно разступалась для извозчичьихъ саней и туго поддавалась требованію полицейскихъ пропустить карету. Ѣхавшихъ въ саняхъ закидывали вопросами: „депутатъ"? „какой партіи"? „лѣвый"? „какой губерніи"? При удовлетворявшихъ толпу отвѣтахъ, а особенно когда депутата узнавали въ лицо, раздавалось: „ура"! „амнистія"! „долой смертную казнь"!.. У дворца депутатовъ ждала двукратная суровая повѣрка билетовъ.

Ровно въ двѣнадцать часовъ начался молебенъ. Для кого его служили? Намъ молебенъ напомнилъ торжественныя службы въ царскіе дни въ соборахъ губернскихъ городовъ. Впереди, около духовенства, власти, за ними полиція, а сзади — народъ, до слуха котораго долетаютъ отдѣльные возгласы и пѣніе, но не молитвы. Такъ служили молебенъ и для членовъ Думы—только полиція отсутствовала. За митрополитомъ стоялъ въ полномъ составѣ совѣтъ министровъ и назначенный для открытія Думы членъ Государственнаго Совѣта Голубевъ. За ними и вокругъ нихъ—чины государственной канцеляріи, ярко выдѣлявшіеся парадными мундирами. А еще сзади большей частью не стояли, а подходили и отходили члены Думы — слѣдить за службой они все равно не могли. Передъ концомъ молебна митрополитъ сказалъ министрамъ и чинамъ канцеляріи проповѣдь. Имъ же онъ затѣмъ далъ приложиться къ кресту. Послѣ окончанія службы, одинъ-два голоса крикнули: „гимнъ"! Пѣвчіе его пропѣли.

Члены Думы собрались въ залѣ засѣданій. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Голубевъ сказалъ привѣтственное слово и предложилъ избрать предсѣдателя. Въ прошломъ году избраніе членовъ Думы въ значительномъ большинствѣ губерній на мѣсяцъ предшествовало ея открытію. Избранные успѣли заблаговременно съѣхаться въ Петербургъ, сорганизоваться въ группы и, между прочимъ, сговориться о предсѣдателѣ. Въ нынѣшнемъ году, едва-ли не намѣренно и именно въ предупрежденіе предварительной организаціи парламентскихъ

группъ, выборы происходили всего за двѣ недѣли до 20-го февраля. А потому, при крайней дробности политическихъ партій и въ виду большого числа неопредѣленныхъ членовъ Думы — „безпартійныхъ", „умѣренныхъ правыхъ", „умѣренныхъ лѣвыхъ", „прогрессистовъ" и т. п., какъ ихъ называли газеты,—можно было опасаться, что избраніе предсѣдателя будетъ сопровождаться всякаго рода неожиданностями и вообще состоится не сразу. Опасенія, однако, не оправдались. Въ одинъ вечеръ, 19-го февраля, депутаты сговорились и насколько прочно—показали записки: Ѳ. А. Головинъ получилъ 331 предложеніе и Н. А. Хомяковъ — 91; разбитыхъ записокъ съ именами случайныхъ кандидатовъ было подано всего шесть. При утомительно долгой баллотировкѣ шарами Ѳ. А. Головинъ получилъ 356 голосовъ противъ 102. Ѳ. А Головинъ, извѣстный московскій земецъ, участникъ и предсѣдатель бюро земскихъ съѣздовъ, произнесъ краткую рѣчь и закрылъ засѣданіе. Такъ окончился первый день занятій второй Государственной Думы. „Нѣтъ никакого подъема", — говорили, расходясь, депутаты. Дай Богъ, чтобы это было залогомъ спокойной работы, а не пассивной апатіи или еще хуже—затаенной стойкости въ злобѣ и мщеніи...

Молодежь на улицѣ опять бурлила, встрѣчая выходящихъ депутатовъ. Толпа не стала больше числомъ, но сдѣлалась болѣе разнообразна. Нѣкоторыхъ депутатовъ поднимали на руки, и они говорили рѣчи—вѣрнѣе, выкрикивали отдѣльныя фразы... Кое-гдѣ размахивали красными платками... Виднѣлись небольшіе красные флаги на палкахъ... Стоялъ гулъ, который чаще другихъ словъ прорѣзывало слово: „амнистія"... Но въ прошломъ году это былъ общій, единодушный крикъ, все заглушавшій и все собою покрывавшій—и на Шпалерной, и на Литейномъ, и на Невскомъ, и на набережной. Въ нынѣшнемъ— „амнистія" только прорѣзывала неопредѣленный гулъ другихъ звуковъ—на Шпалерной, до угла Потемкинской...

Когда мы сѣли въ сани и поѣхали, извозчикъ повернулся съ вопросомъ: „Позвольте спросить, непріятности какой тамъ не было?.." Во всемъ и вездѣ русскій обыватель ждетъ только „непріятности"! Вотъ къ чему его привелъ терроръ справа и терроръ слѣва... Онъ отученъ ждать радостнаго, „пріятнаго". Его заботитъ одно: какъ бы не было „непріятности"... Но можетъ ли человѣкъ долго жить и въ тайникахъ души не ждать и не желать ничего другого?..

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Положеніе о преміи имени почетнаго академика Императорской Академіи Наукъ Анатолія Ѳеодоровича Кони.

§ 1. Въ память исполнившагося 40-лѣтія государственной и общественной дѣятельности почетнаго члена и почетнаго академика Императорской Академіи Наукъ, сенатора, тайнаго совѣтника Анатолія Ѳеодоровича Кони однимъ изъ почитателей и бывшихъ сослуживцевъ его по министерству юстиціи внесенъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1906 года въ Академію Наукъ капиталъ, для выдачи премій за сочиненія о жизни и дѣятельности лицъ, бывшихъ сотрудниками Императора Александра II въ его великихъ реформахъ или способствовавшихъ ихъ охраненію, правильному осуществленію и практическому развитію.

§ 2. Капиталъ этотъ заключается въ свидѣтельствахъ 4%-ной государственной ренты, на номинальную сумму три тысячи (3000) рублей, съ купонами съ іюня 1906 года. Капиталъ этотъ остается навсегда неприкосновеннымъ и возрастаетъ вслѣдствіе могущихъ быть причисленными къ нему части процентовъ, а также невыданныхъ премій.

§ 3. Премія имени Анатолія Ѳеодоровича Кони состоитъ на первое время изъ пятисотъ (500) рублей и присуждается Академіею Наукъ чрезъ каждое пятилѣтіе изъ суммы процентовъ послѣднихъ пяти лѣтъ.

§ 4. Академія Наукъ присуждаетъ преміи за сочиненія, представленныя самими авторами ихъ; независимо отъ сего, она имѣетъ право присуждать преміи и за такія сочиненія, которыя не были представлены самими авторами къ соисканію. За сочиненіе, признанное вполнѣ удовлетворительнымъ, Академія Наукъ присуждаетъ полную премію въ помянутомъ размѣрѣ; если же такого сочиненія не окажется, то за сочиненія, въ значительной степени отличающіяся учеными достоинствами, могутъ быть присуждаемы половинныя преміи, въ двѣстипятьдесятъ (250) рублей каждая.

§ 5. Не присужденныя или почему-либо не выданныя преміи распредѣляются слѣдующимъ образомъ: а) половина ихъ причисляется къ основному капиталу, по мѣрѣ увеличенія котораго отъ причисленія къ нему части процентовъ и половины не присужденныхъ или не выданныхъ премій Академія Наукъ можетъ увеличить размѣръ и число премій, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ она имѣетъ право для соисканія такихъ дополнительныхъ премій объявлять особыя задачи по исторіи реформъ царствованія императора Александра II, и б) вторая половина не присужденныхъ или не выданныхъ премій обращается въ особый, имени А. Ѳ. Кони, неприкосновенный капиталъ, и проценты съ этого капитала, по мѣрѣ увеличенія его, предоставляется расходовать, по постановленію Историко-Филологическаго Отдѣленія, на ученыя предпріятія по изученію эпохи реформъ императора Александра II.

§ 6. Къ соисканію премій допускаются только сочиненія на русскомъ языкѣ, появившіяся въ печатномъ видѣ въ предшествовавшее конкурсу пятилѣтіе; сочиненія, уже премированныя Академіею Наукъ или иными учеными учрежденіями, на конкурсъ не принимаются.

§ 7. Дѣйствительные члены и почетные академики Академіи Наукъ не имѣютъ права участвовать въ соисканіи премій.

§ 8. Право на полученіе премій принадлежитъ только авторамъ или ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ премированныхъ сочиненій.

§ 9. Преміи присуждаетъ Историко-Филологическое Отдѣленіе Академіи Наукъ, которому предоставляется право приглашать къ разсмотрѣнію представленныхъ на конкурсъ сочиненій постороннихъ лицъ.

§ 10. Назначенныя на конкурсъ сочиненія доставляются въ указанное въ § 9 Отдѣленіе не позже, какъ въ теченіе марта мѣсяца конкурснаго года.

§ 11. Конкурсъ на преміи Анатолія Ѳеодоровича Кони будетъ происходить въ 1911, 1916, 1921, 1926 гг. и т. д. За три мѣсяца до наступленія конкурснаго пятилѣтія Историко-Филологическое Отдѣленіе объявляетъ въ газетахъ о предстоящемъ соисканіи премій.

§ 12. Отчетъ о присужденіи премій и объ ученыхъ предпріятіяхъ Академіи Наукъ на проценты съ неприкосновеннаго капитала имени А. Ѳ. Кони (см. § 5) читается въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29 декабря конкурснаго года.

§ 13. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности Академіи, могутъ быть выдаваемы медали, на изготовленіе которыхъ употребляются проценты, оставшіеся отъ суммы, назначенной въ преміи.

§ 14. Право дѣлать измѣненія въ настоящихъ правилахъ предоставляется одной лишь Императорской Академіи Наукъ. Объ измѣненіяхъ въ настоящихъ правилахъ сообщается, лишь для свѣдѣнія, учредителю преміи.

II. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ*

пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо. Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность организаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ“ (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ“ (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями“ (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ“ (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи“ (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ“ (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ“ (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ“ (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ“ (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей“ (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей“ (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ“

(Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей“ (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ“ (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли“ (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей“ (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ“ (Англійскій пр., 45).

III.—Отъ „Попечительства Трудовой Помощи“.

Попечительство о трудовой помощи, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, не успѣло еще закончить всѣхъ предпринятыхъ имъ общественныхъ работъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1905 г., какъ новое бѣдствіе потребовало вновь самой напряженной дѣятельности всѣхъ учрежденій и благотворительныхъ обществъ, призванныхъ къ оказанію помощи при неурожаяхъ.

Нѣкоторые наши сотрудники по оказанію трудовой помощи (въ бузулукскомъ, вольскомъ, хвалынскомъ и камышинскомъ уѣздахъ), оставшись на мѣстахъ, немедленно же съ половины сентября, насколько позволяли средства, имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи, приступили къ организаціи работъ въ наиболѣе пострадавшихъ селеніяхъ. При этомъ, совершенно исключая даровую помощь, имѣется въ виду доставленіе населенію заработка производствомъ разнообразныхъ работъ по водоснабженію, улучшенію сельскихъ дорогъ, укрѣпленію оврагов, облѣсенію песковъ и т. п.; такимъ образомъ оказывается помощь вдвойнѣ, такъ какъ независимо заработка весь трудъ крестьянъ обращается на благоустройство ихъ же родного селенія или на улучшеніе ихъ же угодій.

Широко организованныя послѣ неурожая 1905 г. подобныя работы, а также оказанная помощь различнымъ кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ орловской, рязанской, самарской, саратовской, тамбовской и тульской—встрѣтили повсемѣстно большое сочувствіе со стороны крестьянъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также постановленія и горячія ходатайства мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній о продолженіи работъ. Къ сожалѣнію средства, которыми располагаетъ нынѣ Попечительство, чрезвычайно ограничены. Запасный капиталъ, образованный для организаціи помощи при народныхъ бѣдствіяхъ, исчерпанъ и въ распоряженіи моемъ имѣется всего 700.000 р., предоставленныхъ Попечительству изъ суммъ, ассигнуемыхъ правительствомъ для борьбы съ послѣдствіями неурожая. Поступившія же непосредственно въ Попечительство ходатайства во много разъ превышаютъ эту сумму. Предстоитъ такимъ образомъ ограничить дѣятельность немногими лишь уѣздами, постоянно въ то же время отказывая нуждающимся въ просьбахъ дать заработокъ и возможность поддержать упадающее хозяйство. Понятно, до чего невыразимо трудно отказывать въ подобныхъ случаяхъ при видѣ дѣйствительной нужды...

Отправляясь въ объѣздъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерній, чтобы на мѣстахъ обсудить и выяснить возможность наибо-

лѣе цѣлесообразно использовать тѣ небольшія средства, которыми мы располагаемъ и изъ которыхъ уже часть израсходована на производство осеннихъ работъ, обращаемся ко всѣмъ, кто пожелаетъ внести свою лепту для облегченія крестьянской нужды и кому по̀ сердцу *трудовая помощь*, съ просьбою теперь же поспѣшить съ посильными пожертвованіями, не стѣсняясь ихъ размѣрами, какъ бы скромны они ни были. Всѣ указанія относительно направленія пожертвованій въ тѣ или иныя мѣстности, или на тѣ или иныя работы, будутъ въ точности исполнены.

Пожертвованія можно направлять непосредственно къ Главноуполномоченному Общества (С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 27) и въ Канцелярію Комитета Попечительства о трудовой помощи (Надеждинская, 41).

О пожертвованіяхъ печатается въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" и въ журналѣ „Трудовая Помощь", а также въ тѣхъ изданіяхъ, въ коихъ будетъ открытъ пріемъ пожертвованій.

Главноуполномоченный Попечительства, статсъ-секретарь *Галкинъ-Враской*.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

31